Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

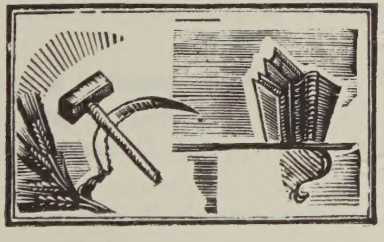
ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ВОСЬМАЯ
НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1922

Редакция
номера закончена
10 декабря

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. Ц. Фридлянд. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ . . 1
2. А. Неусыхин. КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА АНТИЧНОГО МИРА ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР 8
3. П. Преображенский. Э. МЕЙЕР, КАК ИСТОРИК ХРИСТИАНСТВА. 23

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

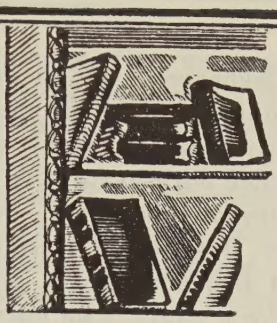
4. Н. Мещеряков. СОВРЕМЕННИКИ В НОВОМ РОМАНЕ . . . . В. ВЕРЕСАЕВА 32
5. Н. Асеев. „ИЗБЯНОЙ ОБОЗ“ 38
6. С. Городецкий. ОБЗОР ОБЛАСТНОЙ ПОЭЗИИ 45
7. А. Сидоров. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ. 50
8. С. Бобров. ЗАИМСТВОВАНИЯ И ВЛИЯНИЯ 72
9. С. Ингулов. О БУРНО ПОЖИВШЕЙ И БЕССЛАВНО ПОГИБШЕЙ ПАРТИИ 93
10. Ф. Капелюш. ЛИТЕРАТУРА ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ 102
11. Г. Поршнев. БИБЛИОГРАФИЯ В СИБИРИ ЗА ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 110

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. З. Гольденберга, Б. Горева, П. Сапожникова, Г. Бройдо 121
II. Экономические науки и народное хозяйство. Ф. Капелюша, А. Двойлайцкого, С. Членова, А. Бессера 128
III. Промышленность и техника. С. Обручева, Б. Тычинина, А. Теснера, П. Риццони. 139
IV. Профессиональное движение. Г. Смолянского, А. Чекина 146
V. Литература о востоке. В. Кряжина 150
VI. История. И. Евдокимова, П. Лукина П. Рогожина, Б. Козьмина. . 157
VII. История революции. М. Рафеса, С. Мицкевича, П. Мещерякова, Вяч. Полонского 168
VIII. Философия. П. Преображенского, Г. Баммеля 176
IX. История культуры. Г. Бройдо, П. Преображенского, П. Попова, С. Кривцова 180
X. Народное просвещение. А. Баркова, М. Тихомирова, П. Тарабукина, А. Ефремина, В. Голубкова, В. Смушкова, М. Слуховского. . . . 183

XI. Библиография и библиотековедение. М. Шелкунова, А. Георгиева. . 190
XII. Науки о природе. Б. Завадовского, М. Завадовского, В. Костицына. 194
XIII. Медицина и народное здравие. Д. Бекарюкова, Л. Прозорова, А. Сысина, И. Гельмана, Б. Гуревича, Е. Марциновского 200
XIV. Теория и история литературы. П. Когана, А. Цинговатова, Д. Благого, Н. Фатов, Д. Горбова, С. Городецкого. 208
XV. Художественная литература. Н. Асеева, Д. Горбов, В. Волькенштейна, Я. Черняка, А. Юрлова, Ю. Соболева, В. Полонского, В. Фриче, С. Боброва, Э. Бика, А. Гурштейна, В. Кряжина . . . 222
XVI. Искусство. В. Волькенштейна, Ю. Соболева, Л. Сабанеева, И. Стефановича, И. Корницкого, Л. Розенталя, Г. Жидкова, А. Греча, В. Адарюкова, А. Сидорова. 242
XVII. Список книг и журналов, полученных редакцией для отзыва. . . 261
XVIII. Указатель статей и обзоров, помещенных в журнале за 1922 г. . 270
XIX. Указатель отзывов на книги, помещенных в журнале за 1922 г. . 272
XX. Указатель иллюстраций на вкладных листах, помещенных в журнале за 1922 год. 295

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ [1]).

Ц. Фридлянд.

I.

Мемуары кронпринца Вильгельма—это не только воспоминания о прошлом, но и обращение к будущему, с изложением программы деятельности тех, кто мечтает о восстановлении династии Гогенцоллернов. Мемуары составлены одним из друзей кронпринца К. Роснером на основании «заметок, документов, дневников и бесед». Тем самым книга—результат сознательной обработки и должна служить просветлению голов «добрых немцев». И хотя кронпринц пишет о себе: «ближе, чем миллионы других, я мог постигать механику исторического процесса, чреватого роковыми последствиями»...—мы, однако, глубокого прогноза событий искать в книге не будем. Она даст нам некоторый бытовой материал и понимание той реставрационной работы, которую проделывают в Германии спокойно пребывающие в «демократической республике» бывшие владыки мира. На острове Виринген (Голландия), куда сослан был кронпринц, он смог обдумать свое положение. «Чего, чего я только не прочитал и не проработал за эти два года,—гораздо больше, чем в остальные 36 лет моей жизни». И он пытается понять: «Как это случилось? В чем вина? И как этого можно было избегнуть?» Пред глазами кронпринца все время стоит образ Николая II: он хочет понять участь монарха и причину, почему он избежал участи своего «брата». Кронпринц пытается, прежде всего, оправдать себя и своего отца пред лицом Германии. Виноваты все: враги и друзья, но только не они. Меня, пишет он, называют «кронпринц, смеющийся палач Вердэна». И он описывает свои дружеские чувства к немецким солдатам, а чтобы тронуть сердца сердобольных немок и немцев, кончает главу: «так смеялся я вчера, когда играл

---

[1]) *Воспоминания кронпринца Вильгельма.* Книгоиздательство «Слово», Берлин 1922 г.—*Воспоминания Гинденбурга.* Сокращ. перев. с нем. Л. Щегло, изд. «Мысль», Птрг., 1922.—*Из воспоминаний Ф. Гельфериха.* Перев. М. К. Гривальд, изд. «Мысль», Птрг., 1922.

в Дековере с детьми рыбаков, и вот сейчас, когда мы с подмастерьем в кузнице делились впечатлениями». Это афиширование демократизма и трудовых симпатий часты в книге. В семье Гогенцоллернов было традицией обучаться ремеслу. Кронпринц был в учении у токаря. «В общем, конечно,—пишет он,—не следует относиться трагически к этому ученичеству. Это прежде всего красивый жест, символ». Изображение умилительной картины тихой, мученической семейной жизни занимает солидное место в книге. Сын преклоняется пред отцом: между ними мир и дружба; сын преклоняется перед матерью; он—отец, который все время страдает в разлуке с детьми; он—любящий муж (это кронпринц-то?!), он—добрый немец: «за кайзера и империю»—таков лозунг его жизни и т. д., и т. д. А эта трогательная картина: седой Вильгельм, в кругу своей семьи, пред высокой темнозеленой елкой, залитой светом, читает: «Слава Богу на небе, и мир на земле, и человекам благоволение!» Поистине, этого достаточно, чтобы, наконец, немцы одумались и вернули Гогенцоллернов!

Но было бы наивно думать, что кронпринц в одиночестве на пустынном острове. Не только чудаковатый англичанин платит 25 долларов за подкову, сделанную им в кузнице на острове Виринген. Между ним и Германией тесная связь. В день своих именин он получает множество поздравлений, он узнает: «что много преданных династии людей в Германии». Регулярно он посылает в Германию своих слуг. «Я чувствую себя в таких случаях,—пишет он,—как настоящий Ной, посылающий голубя, дабы узнать, спала ли вода на земле». Он не отрицает своей связи с капповской затеей и передает достаточно красочно, как с замиранием сердца ожидали они ее исхода. Но путч потерпел поражение, и кронпринц пишет: «для нас, немцев, важнее чем когда-либо считаться с фактами, даже если они не соответствуют нашим желаниям». Этот факт—Германская республика и поражение контр-революции. Но кронпринц верит и действует в направлении победы монархического принципа.

Кронпринц сам о себе пишет, что он не историк и не летописец. Его мемуары дают интересный исторический материал. Что привело империю к гибели? Конечно, не политика Вильгельма, так думает сын. Но он не может отрицать, что участь Германии подготовлялась давно. Ее подготовила, по его мнению, «система третьего», «система посредника». Камарилья уже давно заслоняла Вильгельма от реальной действительности. Вильгельм не обладал способностью оценивать людей и обстоятельства достаточно трезво. «Мир для него утрачивал свою реальность», так характеризует сын своего отца. Но, конечно, кронпринц боролся с этой «системой посредника», с отсутствием воли. И не он виноват, если «глубокий трагизм жизни и жизненной работы Вильгельма заключается именно в том, что все, что он предпринимал ради этой цели, роковым образом давало противоположные результаты»... Чтобы обелить отца, сын, как мы это дальше увидим, идет даже на некоторую фальсификацию или подтасовку документов, но ему, несмотря на все усилия, не удается представить Вильгельма II, как слабого, безвольного человека...

Задолго до войны главный интерес кронпринца был направлен на вопросы иностранной политики. Он был постоянным сторонником союза с Англией и Россией, и лишь слепота приближенных Вильгельма и особенно Бетмана привела к окончательному разрыву. Но даже 3 августа Бетман и другие из камарильи были убеждены в нейтралитете Англии. Когда 3 августа кронпринц в разговоре с канцлером указал, что союз России, Франции и Англии против Германии неизбежен, последний ответил: «Англия наверное останется нейтральной». А на предложение принять меры к привлечению Турции и Болгарии ему ответил канцлер: «я считал бы это величайшим несчастьем для Германии». Кронпринц утверждает, что политика м-ва иностранных дел в эти дни спасовала более чем когда-либо. Однако, ему достаточно ясны действительные причины войны 1914 года. Он неоднократно указывает на конкуренцию между Англией и Германией, как на причину войны. «Англия не может и не хочет допустить, чтобы мы ее прижали к стенке»,—к этому выводу он пришел во время своего путешествия в Индию, когда «я сам заметил во время морского путешествия, что мы встречали столько же немецких судов, сколько английских». Но, конечно, виновники войны—англичане! Доказательство: у Германии накануне войны флот и армия были слабее, чем у противников. При этом раскрывается маленькая подробность. Цитируя одного из английских адмиралов о необходимости напасть на Германию в мирное время, кронпринц отмечает существование такого плана и у Германии, при чем он был сторонником этой идеи морского министерства. Итак, войну начала Англия, Германия пошла на поводу у Австрии. Вместо того, чтобы заявить венскому Балльплацу: «из-за Сербии мы воевать не будем», пошли на буксире у Балльплаца.

«Так мы вляпались в войну благодаря полному ослеплению руководителей нашей иностранной политики», пишет кронпринц. Но эта попытка свалить все на других—весьма неудачна. Это доказали документы, собранные по вопросу о виновниках войны. С умилением кронпринц цитирует телеграмму Вильгельма от 27 июля об ультиматуме Сербии: «Блестящий результат для 48-часового срока! Это превышает всякие ожидания! Для Вены это большой моральный успех; но в таком случае отпадает всякое основание к войне...» Так миролюбиво настроен Вильгельм, пораженный уступчивостью Сербии. Но кронпринц как будто не понимает, что в уступчивости Сербии его трогает только ее униженное положение. В ответ на слова короля черногорского, что он сделает все возможное для избежания войны с Австро-Венгрией, Вильгельм замечает: «Ничего ему не поделать! пусть чорт ему верит!»... Так войну хотели, так ее готовили. Но «миролюбивый» кронпринц с наступлением войны становится на стражу родины: из друга Англии он становится ее смертельным врагом. Его программа: «диктатура, подавление всякой революционной агитации, примерное наказание дезертиров, милитаризация труда и борьба с жадностью рабочих». Он эту программу не только провозглашал, но и проводил в жизни — в армии «группа кронпринца».

Приближалось поражение германской армии. Какие причины ее гибели? «Неравенство сил, большевистское золото и злостная агитация левых», так думает кронпринц. Правда, «мы не были готовы», по вине бюрократического министерства, неправильной экономической политики, мародерства и спекуляции в тылу... Но виноваты социалисты во всем. Не все, конечно, социалисты. Социал-предатель Давид для него «товарищ Давид», с которым он «не совсем согласен».., Его, кронпринца, не слушали, подавляли недостаточно активно революционное движение и нажили себе 9-ое ноября. Описанию революции посвящены последние главы книги. Революцию породило поражение, революция углубила и докончила гибель армии Он и отец стремились бороться с революцией, для этого готовились при армии кронпринца специальные части, но попытка контр-революции была сорвана теми же приближенными Вильгельма. Макс Баденский по своей инициативе опубликовал сообщение об отказе Вильгельма от императорского и прусско-королевского престола. Император остался в одиночестве... Кронпринц, конечно, не видит мощной народной стихии, победившей и низвергнувшей его трон. Он (или за него) пытается создать впечатление у «добрых немцев», что ни он, ни отец не отказались *сами* от престола...

Они верят в свое будущее и к нему готовятся в своем одиночестве. В заключение кронпринц предлагает немецкому народу:

1) единение; 2) прочь партийные лозунги: виноваты «мы все»; 3) «способности и таланты вперед»; 4) не покидайте суровой почвы реальной политики; 5) «не в оружии и не в реванше, а в укреплении немецкого духа,—наша задача».

Программа не лишена смысла. На почве нужды, бессилия революции живет мечта о возрождении монархии. Это понимают сын и отец. Это должен понять и немецкий пролетариат.

II.

Переходим к воспоминаниям Гинденбурга и Гельфериха.

Пред нами лишь отрывки воспоминаний, выборка из книг двух «сильных мира сего». Извлечения из воспоминаний Гинденбурга гораздо удачнее составлены, чем, лишенные системы, отрывки книги Ф. Гельфериха. Но, конечно, значение даже сокращенного перевода этих книг огромно для русского читателя. Кто такой Гинденбург? Это не только вождь германской армии в прошлом, не только 75-летний старик, к которому кронпринц и Вильгельм, как к своему спасителю, обращаются в дни ноября,—это теперь «краса и гордость» монархической Германии. Его кандидатуру предполагает выставить в президенты монархистская клика Германии. А Гельферих? Один из нынешних столпов национал-монархической Германии, фактический убийца Ратенау. Пред нами, таким образом, воспоминания и программа немецкого монархизма, той немецкой реакции, которая окрепла под лучами «революционного и демократического» солнца Республики. Гинденбург, как и Гельферих, смотрят на

революцию, как на «конец» германского государства, оба главу о революции называют: «Конец» или «Навстречу концу»; оба стараются прикрыть туманом свою активную враждебность республике. Гельферих пишет: «взрыв революции, низвержение с престола императора и устранение династии не принесли нам ни тогда, ни после облегчения, на которое надеялись наши примиренцы и прочие мечтатели...» И только... А Гинденбург замечает: «не будем останавливаться на причинах революции»... И затем прибавляет: «...но этот поток (революция) уляжется». Монархисты Германии, в лице своих вождей, стараются печатно умолчать свое отношение к *факту*, к германской республике. Но, как мы увидим в дальнейшем, часто не выдерживают тона. Гинденбург и Гельферих интересуются вопросом: «Как это произошло?»; «Как рухнула германская империя?» И оба пытаются искать причины *вне* господствующей силы старой Германии. Для Гельфериха ясно, что крах Германии начался с того дня, как над российским посольством в Берлине показался красный флаг. Он пишет: «под покровом слепой и непонятно доверчивой терпимости немецкого правительства русское посольство планомерно вливало в германский народный организм яд большевизма, оказавший в конечном счете такое роковое влияние на наше падение». А Гинденбург приписывает крах еще той агитации, которая на золото Антанты велась в Германии, «листками» неприятеля. Они «читались и обсуждались солдатами». Но это объяснение недостаточно для вождей немецкой реакции, они ищут ее глубже. «Родина ослабела раньше, чем армия», пишет Гинденбург. «Новые господа обратили весь свой интерес на «внутренние реформы», вторит ему Гельферих. Итак, виноват народ. Он ударил ножом в спину армии и уничтожил ее могучее тело. Здесь мы можем выяснить сущность интересной концепции монархистов о крахе милитаристической Германии. Дело в том, что революция — причина всех бедствий. Почему? «Я и по сегодняшний день придерживаюсь мнения,—пишет Гельферих,—что тогда еще была возможна политика, которая предохранила бы нас от рокового исхода». И этот взгляд разделяет Гинденбург. Излагая страницу за страницей ход военной кампании с лета 1916 г., он не устает утверждать, что армия была прочна, что победа была возможна, если бы в тылу не готовили революцию. «Мы могли бы привести дело к концу, если бы только родина дала нам физические и нравственные силы, если бы она не потеряла мужества и веры в нашу конечную победу, и если бы наши союзники не бездействовали», читаем мы у Гинденбурга. Для последнего даже после неудачной битвы при Реймсе вопрос не решен: «и все-таки, если бы мы еще раз могли стать господами военного положения, политическое равновесие восстановилось бы», замечает он. И даже после 26 сентября, когда наступление противника распространилось на Шампань, Гинденбург пишет: «наш западный фронт... не был прорван. Он колебался, но не падал». Итак, накануне революции дело было достаточно скверно, но не было условий для катастрофы. Она пришла потом и в этом не виновата военная клика Германии и ее армия.

Крах произошел еще и по вине союзников Германии. Антанта, крепко спаянная, не знала революционных движений внутри своих стран. Но четвертное согласие держалось исключительно Германией. Последняя поддерживала своих союзников и войсками и деньгами, как утверждает Гинденбург. Помощь Германии доходила до Сев. Африки, золото поддерживало боевой пыл у арабских племен, восставших против Англии. Но союзники беспрерывно ссорились. Для Австрии вопрос о будущем Польши был важнее, чем вся «великая» цель войны; для Турции «химеры» объединения мусульман заслоняли все, а Болгария неоднократно, по вопросу о Добрудже, готова была порвать с союзниками. В преддверии катастрофы, Болгария первая покинула союзников, затем Австрия и, наконец, Турция. Германия осталась одинокой. И она погибла... Гинденбург и Гельферих, однако, безуспешно пытаются изобразить крах империалистической Германии, как результат злостной агитации и неверности союзников. Случайно и у них мелькает мысль о связи «внутренней» и «внешней» в истории катастрофы. Что можно сказать по поводу подобной фразы Гинденбурга: «Пред нами стояла высокая цель. Достичь ее мешала стойкость нашего войска. После первой растерянности солдаты бились прекрасно»? Поистине, шила в мешке не утаишь. И Гинденбург вынужден неоднократно указывать на случаи бунтов, неповиновения частей стойкой, славной армии. Неспокойно было и в армии, и особенно в тылу у всех союзников. Болгарский крестьянин считал, что у него дома достаточно земли, поэтому ему не нужна Македония; в Турции усиливалась борьба политических течений, в Австрии бурлит, а в самой Германии, под давлением нужды, народ восстает. И Гинденбург и Гельферих лишь констатируют параллелизм этих двух явлений: крах в тылу при стойкости армии. Они утверждают, что армию развалил тыл, но они не хотят признать, что и фронт и тыл старой Германии пали потому, что, как утверждал манифест Вильгельма на имя Макса Баденского: «Страшные бури четырехлетней войны сломили старые формы жизни не для того, чтобы оставить за собою развалины, а чтобы дать место новым образованиям».

Так воспоминания, и Гинденбурга и Гельфериха, посвящены вопросу о причинах краха, как следствия измены тыла. Но как бы тот или другой ни пытался осветить этот вопрос, подчиняя ему все остальное свое изложение, они беспрерывно наталкиваются на Сов. Россию, как одну из главных причин революции в Германии. Для Гельфериха ясно, что огромной ошибкой было «соглашение» с Россией. Брестский мир Гельферих стремился сорвать. Сорвать его было заветной целью и остальных представителей Германии в Москве. Он не мог понять, как можно поддерживать белогвардейцев и устраивать приемы и обеды Иоффе в Берлине. Для него, как и для Гинденбурга, поддержка белой Финляндии, Украины и Прибалтики была важнее всего. Но задача была ясна. Брестский мир должен помочь Германии бороться на западном фронте, получить сырье для Австрии. Так мечтали немецкие империалисты. А получилось наоборот. Послушайте Гинденбурга: «Поистине, Троцкий не на ветер говорил в Брест-Литовске». А дальше: «По моему мнению,

Ленин и Троцкий вели активную политику не как побежденные, а как победители... Они хотели внести разложение в наш тыл...» Задача была поставлена перед старым германским правительством: обессилить Россию, использовать ее для борьбы с Антантой и в то же время вести переговоры с русскими белогвардейцами (Гельферих), но большевики и их правительство, как пишет Гельферих, «оказывали упорное пассивное сопротивление». Большевики агитировали в Брест-Литовске, а в Берлине произошла революция...

Такова в общем и целом та политическая и историческая концепция монархизма, которую создают в своих воспоминаниях вожди реакции, Гинденбург, Гельферих и другие, за кронпринца Вильгельма. Они все и внешне действуют одинаково. Гинденбург с умилением говорит об императоре, он гордится тем, что он «пруссак». Как и кронпринц, Гинденбург—«демократ и социалист». Он пишет: «я пожимал мозолистые руки ремесленников и рабочих и радовался их откровенным речам»... Гинденбург и Гельферих проливают слезу за бедного немца, все с одной целью, вызвать симпатию к прошлому у сердобольных немецких обывателей.

Следует еще раз отметить, что «Воспоминания» реакционеров—это программа. Гинденбург прощается с читателями, убеждая их, что, когда уляжется поток, «тогда на вечно волнующемся народном море вырастет снова скала, на которую возлагали надежды наши сыны, и на которой нашими силами 50 лет тому назад было воздвигнуто будущее нашего отечества: германская империя». А Гельферих весьма откровенно говорит о реванше. Он отмечает удачу немецкого командования, которое в конце октября 1918 г. собрало армию «на единой линии обороны» и замечает: «... мы и теперь не только не должны терять надежды провести защиту в течение некоторого определенного срока, но и можем надеяться на предотвращение гибели родины...» Германская реакция ясно формулирует свою программу.

В заключение отметим несколько интересных фактов, которые сообщает Гельферих о социалистах большинства. Оказывается, что социалисты большинства не считали отставку императора «желательной и полезной при данных условиях». Об отставке Вильгельма заговорили раньше «социалистов» демократы из «Берлинер Тагеблатт». Вся тактика социал-предателей, как отмечает Гельферих, имела целью «не упустить свою роль в революции». Интересный диалог. Шейдеман говорит Гельфериху: «Если бы император, наконец, решился и отрекся еще сегодня! Иначе я ни за что не отвечаю». А Гельферих спрашивает: «А если император отречется, что же вы тогда можете гарантировать». Шейдеман в ответ лишь пожал плечами... Социалисты большинства, однако, смогли потом революционную стихию задушить... «С упованием и надеждой на немецкую молодежь», кончает свою книгу Гинденбург, — на ту самую молодежь, которая убила Ратенау и заполняет союзы монархистов. Надежды реакционеров—плод презрительного отношения к революционной энергии демократии. Революция в Германии должна разбить и реакцию и «демократию».

КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА АНТИЧНОГО МИРА ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР?

(По поводу книги А. Допша).

А. Неусыхин.

A. Dopsch. «Wirtschaftliche und sociale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung» (Aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen), I Teil, Wien, 1918; стр XI+399; II Teil, Wien, 1920, стр. XI+534.

Хозяйственные и социальные основы культурного развития Европы со времен Цезаря до эпохи Карла Великого—какая большая хронологическая рама, не слишком ли большая, чтобы удовлетворительно заполнить ее конкретным содержанием исторических явлений даже на протяжении двух томов? Ведь как раз в эту эпоху совершались события мирового значения: падение Римской империи, разрушение римской культуры и зарождение новых государственных и культурных организмов! Допш, прекрасно сознавая огромность задачи — проследить конкретно оба эти процесса—ставит своей целью лишь более или менее детальное изучение последнего из них; при этом он не имеет в виду дать исчерпывающую «историю европейской культуры» за данный период времени, а лишь очертить наиболее важные этапы ее развития, и вместе с тем осветить наиболее темные и запутанные его стороны. Допш все время имеет в виду и эту вторую, критическую задачу—пересмотреть ряд спорных в науке вопросов, и в этом критическом характере его книги в значительной мере заключается причина ее особой ценности и актуальности в научном отношении. Это последнее ее качество зависит, конечно, от того, *как* совершает Допш свой пересмотр.

Автор—крупный специалист по истории раннего средневековья в Германии и Австрии, издавший целый ряд документов и источников, а также много занимавшийся палеографией и хорошо знакомый с завоеваниями смежных с историей и до некоторой степени вспомогательных наук—археологии, сравнительного языковедения, нумизматики и даже географии Нечего говорить, что автор прекрасно владеет методом критического исследования источников. Его первый большой труд—двухтомная история хозяйственного развития эпохи Каролингов, в которой были

подвергнуты резкой и подчас действительно уничтожающей критике старые точки зрения на хозяйственный и социальный строй Каролингского общества (книга вышла перед войной, в 1912—13 гг.), вызвал оживленную полемику и привлек серьезное внимание специалистов, и его появление было признано даже противниками концепции Допша событием, делающим эпоху в области изучения хозяйственных и социальных отношений раннего средневековья (ср. рецензию P.Sander'a в журнале «Schmoller's Jahrbuch», B. XXXVII). Итак, Допш не случайно взялся за свою новую, столь широкую тему: его привлекала задача проследить процесс возникновения тех явлений и институтов, с которыми он имел дело при изучении эпохи Каролингов, а вместе с тем подвергнуть проверке и испытанию свои собственные точки зрения. Вторая его работа есть, таким образом, в значительной мере продолжение, расширение и углубление первой; ее значение в исторической науке шире, и она вдвойне заслуживает нашего внимания: как по теме, так и в силу научных заслуг и научной индивидуальности автора, от которого мы в праве ожидать точного, серьезного и вместе с тем оригинального трактования темы.

Книга распадается на две части: в первой дано изображение процесса столкновения двух культур, римской и германской, и таким образом захвачена эпоха последних веков римской власти и переселения народов; вторая пытается нарисовать результаты этого столкновения—другими словами, дать картину возникновения новых германских государств на почве бывшей Римской империи и их хозяйственного, социального, правового и политического устройства. —это Допш и называет развитием европейской *культуры*.

Уже в этом распределении материала можно до некоторой степени угадать основную идею книги,—о смешении и слиянии двух культур, а не о гибели одной, старой, и зарождении другой, новой. Эта идея высказывается автором уже совершенно определенно в I главе, представляющей собой историографический очерк предшествовавших теорий. Допш остроумно сближает эволюцию исторических теорий с крупными движениями в области общественной идеологии.

Так, в эпоху гуманизма вполне понятное увлечение античной культуры привело к известной и долгое время общепринятой концепции «падения Римской империи», как мировой культурной катастрофы, а германцев, как диких варваров, разрушивших старый культурный мир или во всяком случае докончивших и ускоривших процесс его естественного умирания. Эту точку зрения с некоторыми модификациями—и при наличии некоторого расхождения друг с другом —приняли затем и писатели эпохи Просвещения во Франции —Монтескье и Вольтер, для которых, как известно, вся средневековая история являлась лишь собранием человеческих заблуждений. Соответственно этим представлениям германцы изображались, как номады и варвары, хлынувшие полудикими толпами на Рим.

Однако, с середины XIX в. появились и иные точки зрения: немецкая историческая наука стала усиленно разрабатывать и исследовать

вопросы истории своего народа, и в ней укрепилось понемногу представление о германцах, как о равных свободных людях, знавших уже земледелие и кое-какие начатки культуры и ведших сельское хозяйство в общинных формах.

Этот последний пункт об общине оказался чрезвычайно спорным и вызвал даже противоположную теорию, трактовавшую германцев, как мелких помещиков, уже знавших во времена Тацита частную собственность на землю и значительную социальную дифференциацию (Виттих). Эти две струи боролись и до сих пор продолжают бороться в немецкой исторической науке. Несколько особую позицию занял при этом знаменитый французский историк, Фюстель-де-Куланж, отрицавший всякое наличие сельской общины у древних германцев, видевший в их развитии «преемственность фактов и явлений», т.-е. модифицированное продолжение римского развития. Однако, до сих пор еще очень сильно направление, считающее германцев эпохи переселения народов некультурными варварами—дикарями и построяющее отсюда, с этого хронологического пункта, их медленное и постепенное движение наверх, к культуре. Допш сближает и это направление с общественной идеологией, а именно, ставит его в связь с господством эволюционных теорий Ч. Дарвина и Моргана.

«История культуры,—пишет он,—есть верное отражение общих духовных устремлений и идей различных, друг за другом следующих эпох, которые проецировали свои идеалы и в историческое прошлое, думая найти в нем их подтверждение» (Допш, I ч., стр. 48). Автор полагает, что, вскрывая эти, так сказать, вне-научные предпосылки различных исторических теорий, он тем самым лишает их в значительной мере их жизнеспособности. На их место он ставит новую общую точку зрения, которая и является основной идеей его книги (насколько и она несвободна от некоторых вненаучных предпосылок,—мы увидим в дальнейшем): средневековая культура выступает на сцену не впервые, как примитивная культура грубых варваров рядом с отмирающей, самоуничтожающейся культурой или даже на место этой последней; напротив, она есть органически приспособленное звено, включенное в цепь старинной общей линии развития, переходящей от одного народа к другому,—развития, участвовать в положительных приобретениях которого лежало в ближайших интересах каждого его наследника» (Допш, I, стр. 50). Однако, как ни интересна сама по себе эта мысль, она остается лишь общей идеей, до тех пор, пока историк не проследил ее на конкретном историческом материале; к тому же эта идея не абсолютно нова: в иной форме ее высказывали и раньше (Фюстель-де-Куланж, напр.). Что же действительно нового внес Допш? В чем его конкретные научные достижения или заслуги, заставляющие нас характеризовать его труд, как из ряда вон выходящее явление? Ответить на эти вопросы мы сможем лишь проделавши вместе с Допшем его длинный путь,—по крайней мере, проследивши главные этапы этого пути. Допш начинает его с анализа так называемой «первобытной эпохи» («Urzeit»),—эпохи Цезаря и Тацита.

Прежде всего, обнаруживается, что эта эпоха совершенно неправильно до сих пор считалась «первобытной»: «если индо-германские пра-народы (Urvölker) и не жили в средней Европе, а германцы переселились в Германию с Востока, то это во всяком случае произошло за много столетий до прибытия туда римлян» (I, стр. 58). Далее: уже в эту, так сказать, действительно первобытную эпоху германцы должны были знать земледелие, ибо, как показывают археологические и филологические исследования, земледелие в Средней и Северной Европе насчитывает 4—5 тысячелетий своего существования (стр. 58). К тому же те области, которые составляют современную Германию и отчасти Францию и где расселялись, главным образом, германские племена, вовсе не состояли в столь большой мере из лесов и болот, как это думали раньше. Конечно, и лесов и болот было значительно больше, чем сейчас, но уже в очень давние времена было много и обработанной, возделанной земли (ср. Hoops). Наблюдения над современными нам малоразвитыми народцами Африки и Америки показали, что первобытные народы селятся по линиям рек и берегам озер и морей, по опушкам первобытного леса (Urwald), внутрь которого они заходят лишь в исключительных случаях (ср. Ратцель). Первобытный лес скорее враг, чем друг, человека (стр. 54, по Гоопсу).

Итак, древние германцы вовсе не были кочевыми или охотничьими племенами, ютившимися где-то в глубине первобытных лесов и бог знает как там жившими. Напротив: они были уже с давних пор земледельцами. Неправильная интерпретация Цезаря и Тацита, которые к тому же считались главными и чуть ли не единственными свидетелями «первобытной» поры германской жизни, значительно способствовала ложному представлению о германцах.

Цезарь рисует картину не аграрного коммунизма, а лишь, по мнению Допша, естественно обусловленного военным временем государственного социализма (стр. 62). Анализируя знаменитую 26 главу «Германии» Тацита (agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur), Допш, путем ряда филологических наблюдений, приходит к выводу, что здесь идет речь не о поочередной смене земель, занимаемых под обработку, а о первоначальной оккупации, ранее пустовавшей, лишенной владельца земли (стр. 68).

Ни о каком аграрном коммунизме, ни о какой сельской общине равных свободных лиц, владеющих сообща рядом земель, у Тацита нет и речи. Напротив, германское общество уже диференцировалось в социальном отношении, уже в ту эпоху выделились вотчинники (Grundherren); в этом прав Виттих (см. выше). Они, однако, вовсе не обязательно жили за счет оброков и повинностей своих держателей, а весьма нередко и сами принимали участие в полевых работах, являясь и помещиками, и крестьянами одновременно. Во всяком случае вотчины были налицо у германцев уже во времена Тацита, только не в таком большом количестве, как это думали некоторые немецкие ученые (Виттих).

Таким образом, конструированные германские общественные организмы столкнулись с римским обществом. Как это произошло и к чему

привело? «Столкнулись с римским обществом»—сказали мы; но эти столкновения начались ведь очень давно: переселение народов—не внезапная катастрофа, а чрезвычайно длинный эволюционный процесс, началом которого можно, по мнению Допша, считать нашествие кимвров и тевтонов во II в. до Р. Х., а последними этапами—завоевание лангобардами Италии в VI в. по Р. Х., и норманнами Англии в XI в. Это, собственно говоря, не одно великое переселение «народов», а целый ряд переселений,—«малых» и «великих»... Они вызывались отчасти естественными причинами (географическими условиями и ростом населения), и тогда германские племена, конечно, напирали с оружием в руках на границы римской империи. Но не надо слишком преувеличивать значение и силу этих военных столкновений: они приводили к некоторым отдельным разрушениям, но отнюдь не к «полному перерыву старинной римской культурной традиции» (стр. 130—137, ч. I). Допш упрекает своих предшественников в чрезмерном внимании их к военной, внешней истории переселения народов (стр. 186); в противоположность им, его интересует *мирная* сторона этого процесса, хозяйственная, социальная и отчасти идеологическая история столкновения двух культур. Переселения вызывались отчасти и искусственными причинами: недостаток рабочих рук в Римской империи, потребность в воинах, которые охраняли бы ее границы, заставляли использовывать чужой, германский людской материал. Римляне стали селить германцев в виде войсковых групп по своей пограничной линии по так наз. limes [1]); их укрепленные гарнизоны (castra) и подчиненные им округа (civitates) выделяли из себя предместья, форпосты (vici). Кроме того, по limes'у был построен ряд мелких укреплений—kastelle, кастеллы. Римские землевладельцы заселяли свои домэны мелкими арендаторами и колонами из германцев; германцы проникали в число римских граждан, принимали участие в муниципальной жизни в провинциях. Больше того,—занимая места рабочих, чернорабочих, батраков и домашней прислуги, они проникали *в дом* римлянина и сильно влияли на его быт, нравы и искусство—орнаментику, керамику и художественное ремесло. Изделия художественного ремесла носят на себе наиболее яркий отпечаток,—именно, смешения разных элементов, свойственных двум различным культурам. «Это был огромный процесс,—говорит Допш,—который начался со слияния германского крестьянства с римским колонистом и вступления ряда германцев в служебный домашний персонал, затем охватил войска, офицерство и чиновничество и закончился консолидацией настоящих «варварских» государств посреди римского населения» (стр. 100, ч. I).

Но как обстояло дело в *городах*? И здесь мы можем наблюдать полную преемственность развития: бывшие укрепления—кастеллы превращались постепенно в города; с другой стороны, новые города развивались внутри старых римских стен, на перекрестках римских военных и

[1]) Limes—вал и ряд пограничных укреплений, воздвигнутых для отпора германцам.

торговых дорог. Языческие храмы обращались впоследствии в церкви. «Разрушения», о которых говорят некоторые источники, и по отношению к городам не следует преувеличивать, и во всяком случае нельзя их понимать в смысле полного уничтожения.

Допш собирает сведения, подтверждающие эту мысль в следующем виде. Он различает прежде всего хозяйственное развитие города и развитие так называемого «городского строя», т.-е. совокупности правовых институтов, характеризующих средневековый город. Далее необходимо иметь в виду локальные различия. *В областях, представляющих собою сферу сильного римского влияния*, «городской строй» развился из римского муниципального строя, черты которого отчасти сохраняются под властью чиновника—графа (у остготов и вестготов), а частью права муниципий переходят к нему. Затем выдвигается с ростом церковной аристократии епископ, являющийся в то же время сеньором города, и постепенно вся власть переходит к нему. Так совершается аристократическое преобразование римского муниципального строя.

В германских областях со слабым римским влиянием исходным пунктом развития городов явились уже упомянутые предместья—«vici».

В округах—«civitates», которые лежали на перекрестках торговых и военных дорог, были средоточием управления, местом убежища и окружались стенами, издавна были рынки и скоплялись различные слои населения, создававшие тот круг потребителей, который Зомбарт справедливо считал необходимой предпосылкой городского развития.

Именно в этом выводе Допша и заключается то новое и интересное, что внесено им в столь спорный вопрос о происхождении средневекового города. В то время как до сих пор искали его корней лишь в IX—X вв., при чем одни старались вывести его из вотчины (Hur), другие—из сельской общины (Белов), третьи—из рынка (Зом, Ритшель),—Допш показал, что истоки городского развития восходят к эпохе римского муниципального строя, что средневековый город есть, таким образом, прямой наследник римского города, ибо если между ними и имеется ряд переходных звеньев (укрепленные гарнизоны, бурги и т. д.), то во всяком случае нет никакого перерыва в развитии, никакого провала.—Далее Допш изображает чрезвычайно подробно процесс расселения германских племен в V—VI вв. Мы не можем здесь следить за этими специальными изысканиями Допша, в виду недостатка места.

Почему, однако, римские писатели V—VI вв. по Р. Х. рассматривают германцев как «варваров». Допш объясняет это так: прежде всего слово «варвары» вовсе не обязательно обозначает дикарей, а лишь людей чуждой культуры. К тому же германцы вначале в массе принадлежали к низшим слоям населения и были иноверцами (либо язычниками, либо арианцами) для римлян, уже принявших христианство. Отсюда—презрение к ним, тем более понятное, что источники, обнаруживающие это презрение, исходят из церковной среды. К этому у некоторых писателей (напр., у Аполлинария Сидония) присоединяется еще один мотив: они рассматривают свою эпоху как умирание, как старческий упадок римской куль-

туры, а потому чувствуют естественную вражду к германцам, как носителям чуждой культуры. Как бы то ни было, изображение германцев в виде варваров-дикарей не соответствует действительности. Как же хозяйничали германцы на так или иначе занятых ими территориях? И здесь перед нами—теснейшая связь с римскими отношениями. «Новое развитие,—говорит Допш,—связано с крупными вотчинами поздне-римской эпохи» (ч. I, стр. 322). Так, на императорских домэнах стали развиваться и первые зародыши будущего иммунитета: судоговорение стало понемногу происходить в присутствии доманиального чиновника (прокуратора), к которому судья должен был обращаться по многим судебным делам и вопросам.

Неравенство в области землевладения развивалось с двух сторон: и с римской, и с германской. Земельный надел—«гуфа» уже давно не являлась средним нормальным владением отдельного поселенца.

«Гуфа,—говорит Допш,—есть институт, коренящийся в самом существе хозяйственной эксплуатации, а потому везде и приходили к его необходимости» (у кельтов, римлян, германцев) (ч. I, стр. 346). «Гуфа была необходимым следствием развития частной собственности на землю» (стр. 347). Это еще не значит, однако, что она вотчинного происхождения: против этого говорят ее старинные названия, которые образованы с точки зрения владельца надела и выражают скорее совокупность его прав, чем обязанностей. Следующий очень запутанный, спорный и в то же время важный вопрос в истории хозяйства древних германцев, это—вопрос о сельской общине или *марке*. Допш вносит много нового и интересного в эту сложную проблему. «Марка» значит, строго говоря, «граница» и вслед за тем и ограниченная ею территория. Но «марка» могла означать и лес. А германцы имели обыкновение считать границами своих поселений леса и пустоши. Между тем как раз оставшиеся неподеленными леса и пустоши, в случае их пригодности для обработки, использовывались соседями сообща,—нередко в виде общих пастбищ (communia, compascua). Так постепенно марка (граница) отожествлялась с «общей землей», «общей маркой» (gemeine Mark), с упомянутыми выше «communia» и «compascua». Конкретное содержание такой марки зависит от локальных, географических условий, а потому, конечно, различно. Впрочем, одна общая черта остается неизменно при всем различии условий: «марка везде состоит из невозделанных или малоплодородных земель». «Нигде плодородная пахотная земля не составляет содержания марки в смысле «communia», т.-е. в смысле оставшейся неподеленной общей собственности» (ч. I, стр. 350—351). Но на почве этих аграрных отношений и во всяком случае в связи с ними шел процесс социального и политического развития, оказывавший, в свою очередь, обратное влияние на аграрный строй. Изображение этого процесса—одно из интереснейших мест в книге Допша; мы, однако, за недостатком места, остановимся лишь на главных этапах и важнейших явлениях.

У древних германцев эпохи расселения на римской почве территория, занимаемая племенем, распадалась на ряд округов, объединявших

ряд поселков; более крупные округа (civitates) управлялись королем, избранным из среды знати. На ряду с ним существовала и власть военного вождя, которая иногда, впрочем, сливалась с властью короля. Издавна было налицо и жречество, но оно отделилось с давних пор от политической власти и потому не имело вначале большого значения. Зато «знать» имела огромное влияние, чему содействовала как наследственность сословных прав ее членов, так и развитие дружинного быта и огромные свиты зависимых людей не только у королей или вождей, но и у просто знатных, родовитых лиц. Аристократизация германского общества еще более усилилась в связи с особой системой расквартирования германцев, которая создавала земельное неравенство, а также в связи с принятием христианства, ибо большинство епископов было вотчинниками. Поэтому, с возникновением единой и сильной королевской власти, советская аристократия вступила с нею в борьбу.

В результате непрестанных войн германцев с римлянами, которые невозможно отрицать, несмотря на все вышесказанное, а также в результате войн германских племен друг с другом,—эти последние стали сплачиваться в национально-государственные организации; появился ряд германских государств с более или менее сильной монархической властью, которая распространялась уже на гораздо более значительную по объему территорию, чем власть прежних королей над своими округами (civitates). Очень интересна история взаимоотношений этой вновь народившейся королевской власти светской и церковной аристократией.

Если взять, в качестве примера, франкское государство, то его социальный состав характеризуется экономической дифференциацией внутри каждого сословия и выделением промежуточных групп.

Ту же дифференциацию на почве различий экономических находим и в среде *аристократии*. Что до светской знати, то она естественно делилась на родовую и служилую знать. Правда, вторая стала постепенно поглощаться первой в VI—VII вв.: государственные чиновники, напр., графы, стали назначаться из родовой аристократии, а также и земельные пожалования стали делаться представителям родовой знати. Однако, при более внимательном рассмотрении и сами эти явления оказываются результатом своего рода внутриклассовой или внутрисословной борьбы, происходившей между родовой и служилой знатью. Крупным вотчинникам необходимо было обеспечить себе некоторые сеньориальные и государственные права над своими подданными, в частности право суда без участия королевских чиновников-графов (другими словами: закрепить за собою *иммунитет*). Но ведь эти чиновники и принадлежали к числу членов служилой аристократии. Отсюда—борьба этих двух социальных слоев, которая могла закончиться лишь победой первого, ибо он уже в VII в. одержал победу над королевской властью, которая вновь стала приходить в упадок. Эта победа родовой знати над служилой и вылилась в форму постепенного перехода к назначению графов и прочих государственных чиновников из среды родовой аристократии. «Ясно видно,—

говорит Допш,—что интересы землевладельческой родовой знати противостоят здесь интересам знати служилой, и последняя оттесняется на задний план политической мощью первой» (ч. II, стр. 111). Так постепенно выкристаллизовывается иммунитет, связанный, как мы видели выше, с поздне-римскими отношениями. Этот институт, обычно изображавшийся историками с чисто-юридических точек зрения, Допш связал с социальным развитием и истолковал как результат борьбы различных специальных сил. На арене политической и социальной жизни франкского государства с переходом к христианству появляется еще одна сила—церковь. Предшественники Допша считали церковь единственным связующим звеном между погибшей античной культурой и новой, европейской; церковь, по их мнению, сохранила старые традиции духовной культуры и старые культурные ценности и донесла их до нового времени сквозь мрачную тьму средневековья...

Допш, который во всем после-римском развитии видит продолжение все той же цепи, целым рядом звеньев прочно спаянной с развитием римским и притом в области не только духовной, но и материальной культуры; который отвергает всякий перерыв в эволюции, всякую катастрофу и не верит уже в мрачный призрак тьмы средневековья,—не может, конечно, приписывать церкви столь исключительную роль в указанном отношении. Однако, это не значит, что он ее преуменьшает: он только выдвигает иные стороны в роли церкви и прежде всего—роль *церковной аристократии и землевладения*.

Социальное значение церкви и церковной аристократии интересны в двух отношениях. 1) Она взяла на себя в эпоху упадка королевской власти некоторые функции последней из области социальной политики: так, она занималась попечением о бедных, вдовах, сиротах, пленных и подсудимых, которым нередко предоставлялось право убежища на церковной территории; она смягчала рабство, широко развила систему полусвободной и свободной аренды (прекарии), кредит: из ее среды раздавались протесты против ростовщичества. Не надо, однако, представлять себе эту деятельность церкви в виде чистой воды социальной благотворительности. Все эти мероприятия—прекарная аренда, и кредит, и право убежища—были очень выгодны представителям церкви: они создавали отношения покровительства и защиты («мундебурдиум» и «патронат») для широких слоев полусвободного, несвободного и свободного населения и втягивали их в сферу влияния церковных вотчин. Эти вотчины все росли благодаря дарениям благочестивых людей, вступавших под защиту церкви, а вместе с тем росла и экономическая и социальная мощь вотчинников, в особенности крупных вотчинников, из среды которых стали избираться епископы.

Это возникновение церковной аристократии приводит нас ко второй стороне в социальной роли церкви. 2) Церковь становится социально-политической силой, вступающей в разные комбинации отношений с двумя другими главными политическими силами,—королевской властью и светской аристократией.

Прежде всего церковная знать вступила в борьбу со светской и заключила союз с королевской властью (при франкском короле из дома Меровингов, Хлодвиге). Борьба велась на почве права светских магнатов основывать церкви на своих территориях (т. наз. Eigenkirchenrecht), что являлось следствием перехода некоторых клириков в патронат светских вотчинников. Эта противоположность интересов была очень выгодна королевской власти, которая пользовалась ею, опираясь на церковь в своей борьбе со светской аристократией. Обычай утверждения королем выбранного клиром епископа и близкое участие короля в созыве и ведении церковных соборов есть вполне естественный результат такого союза епископата с королем. Однако, Хлодвиг все же держался римского обычая, в силу которого церковные вопросы считались делом самой церкви (стр. 279, ч. II). С начала VII в. положение меняется: королевская власть приходит в упадок, и светская аристократия объединяется с церковной в общем стремлении поживиться за счет падающей монархии. Еще одно объединяющее их обстоятельство примешивается к этому: многие светские магнаты становятся епископами; папа протестует против этого, происходит отпадение франкской церкви от папства, и эта вражда к нему объединяет епископат со светскими магнатами (ч. II, стр. 281—282). Однако, в том же явлении кроется причина нового близящегося расхождения этих двух социальных сил: епископы, вышедшие из рядов светской знати, начинают использовывать церковные земли в светских целях, что вызывает отпор со стороны церкви. В эпоху Каролингов происходит секуляризация церковных земель, которая стоит в связи с этой борьбой и представляет собою в сущности не что иное, как перенесение права светских магнатов иметь на своих территориях собственные церкви из области частных отношений в сферу публично-правовую (Допш, ч. II, стр. 282—290). Эта секуляризация связана, однако, еще и с развитием ленных отношений, т.-е. передачей земли в пользование за службу (потом становящееся наследственным). Такой земельный участок, являющийся как бы вознаграждением за службу, назывался бенефицием. Бенефициальные отношения представляют собою результат хозяйственных и политических предпосылок предыдущего развития и связаны как с римскими, так и с германскими институтами (ч. II, стр. 334—337). Рост вотчин и земельной аристократии, рост числа вассалов и увеличение размеров свит у королей и магнатов, а также развитие военных потребностей ставило на очередь вопрос о способах прокормления и вознаграждения все более возраставшего класса служилых людей. Таким способом естественно явилась уже с VI века раздача земель в пользование на условии службы, т.-е. бенефиций.

Допш утверждает, что развитие бенефициальной системы не есть нечто своеобразное или единичное: он находит его и у восточных греков, и в поздне-римскую эпоху, и у франков, и у средневековых арабов—и делает отсюда совершенно правильный социологический вывод: «Из сходных хозяйственных предпосылок и одинаковых политических потребностей здесь и там возникли и аналогично правовые институты, без всякой

внутренней связи или взаимной зависимости друг от друга» (Допш, ч. II, стр. 337). Мы проследили вместе с Допшем все стороны социально-политического развития германских обществ в связи с аграрными отношениями. Однако, одной из важнейших заслуг Допша является именно опровержение и отрицание той точки зрения, в силу которой аграрными отношениями и ограничивалась почти вся хозяйственная жизнь германских обществ. Согласно этой точке зрения в новых германских государствах господствовало натуральное хозяйство в том его виде, как оно изображено схематически в известной книге К. Бюхера «Возникновение народного хозяйства»: каждая сельско-хозяйственная ячейка—поместье или община—деревня—хозяйствует по принципу самоудовлетворений потребностей; каждое хозяйство производит лишь то, что ему нужно для покрытия надобностей личного потребления своих членов, и производит все это само. Обмен и торговля либо вовсе отсутствует, либо очень слабы. Денежное хозяйство еще не развилось. В противовес этой схеме Допш определенно заявляет: «Неправильно то представление, будто экономические основы германских институтов были чисто-аграрной природы» (стр. 405, ч. II). И вслед за этим заявлением он набрасывает широкую картину развития ремесла, торговли и обмена и денежного хозяйства. Мы бросим на эту картину лишь беглый взгляд. Развитие аристократии с ее роскошью, со свитами вассалов, раннее развитие городской жизни (см. выше) с ее рыночной торговлей,—все это давало пищу и раннему развитию ремесла и притом не только не-свободного: у крупных вотчинников часто ощущался недостаток собственных ремесленников и они прибегали к помощи рыночных свободных ремесленников; свободное ремесло можно констатировать уже в VI—VII вв. по Р. Х. Его развитию способствовала также и широкая строительная деятельность церкви. Кроме того, вотчинники часто имели земли в городах и таким образом поддерживали связь с городской жизнью. Ремесло — очень старинное занятие германцев: раскопки показывают, что уже в II тысячелетии до Р. Х., в бронзовом веке, существовало германское ремесло, работавшее на рынок. Ремесленные изделия эпохи Тацита очень высоки по технике. Никакого возврата к натуральному хозяйству не наблюдалось и в эпоху переселения народов: напротив, оно действовало и положительно, завязывая торговые и культурные связи (ч. II, стр. 446). Торговля у германцев тоже очень давнишнего происхождения: еще в бронзовом веке у них были торговые сношения с областями по р. Дунаю. Построенные в римскую эпоху, торговые дороги сохранились и впоследствии: «переселение народов» и здесь не создало никакого провала. В VI в. по Р. Х. мы видим уже настоящую посредническую торговлю, как внешнюю, так и внутреннюю, у большинства германских племен. Торговали далеко не только одни вотчинники, и торговля приносила столь значительную прибыль, что она давала возможность купцам приобретать земли (стр. 460, ч. II). Цены создавались свободно на рынке, и торговые сделки весьма часто заключались в деньгах. Деньги и денежное хозяйство уже в эпоху Меровингов играли значительную роль: тогда уже развилось ростов-

ничество клириков и кредит. Податная система носила тоже денежный характер, являясь прямым продолжением римской системы (ч. II, стр. 517). О развитии денежного хозяйства свидетельствует и встречающееся в народных правдах разрешение крестьянам платить их оброки и деньгами и натурой,—в зависимости от того, какая форма для них удобней. По мнению Допша, подобные постановления являлись льготными для крестьян и создавали известную экономическую свободу: принимая во внимание экономическую дифференциацию в среде сословия свободных, Допш полагает, что наиболее бедные и экономически слабые из них получали, таким образом, возможность платить оброки не натурой, а деньгами. Эти последние они могли добыть путем продажи на рынке тех продуктов своего производства, которые составляли их оброк. А так как рыночные цены зависели от свободной игры спроса и предложения, то стоимость тех или иных продуктов на рынке могла быть и выше того денежного эквивалента, который требовался с оброчного крестьянина. Этот последний мог, таким образом, не только уплатить свой оброк в форме денег, но и извлечь прибыль из рыночной конъюнктуры (ч. II, стр. 521—525). Во всех этих явлениях Допш видит яркое выражение развития денежного хозяйства уже в эпоху раннего средневековья.—Мы проследили главнейшие этапы длинного пути Допша. Его книга состоит из ряда специальных научных исследований, объединенных общей идеей, и лишь тогда слагающихся в общую картину, когда внимательно рассмотрено каждое из них. В этом огромный плюс его работы: широкая и интересная тема разрабатывается во всех ее деталях и интерпретируется не на основании тех или иных предвзятых идей, а на основе именно этой разработки. Это достоинство создает, однако, трудности в передаче богатого содержания книги: нам пришлось затронуть ряд специальных проблем, ибо без них непонятно целое, и изложить их по необходимости слишком кратко; краткость изложения не соответствует серьезности труда нашего автора... Как бы то ни было, нам остается подвести итоги.

Допш выполнил огромную и плодотворную работу. Прежде всего он дал ряд новых, научно-обоснованных точек зрения чуть ли не по всем основным вопросам, им затронутым: в новом свете предстает перед нами и переселение народов, и быт древних германцев, и вопрос о сельской общине, и проблема происхождения городского строя средних веков, и вопрос о средневековом ремесле и торговле. Уже одно это—громадная научная заслуга, которая способна составить «имя» ученому... Но Допш пошел дальше, сделал больше: на ряде конкретных фактов он показал и проследил связь античной культуры с новой культурой. Он показал, что античная культура лишь перестроилась в органическом процессе творческого преобразования, но не погибла. Отсюда он склонен выводить особый социологический закон о неуничтожаемости культуры, о непрерывности культурной традиции, как бы ни менялось содержание и форма культуры, о постоянной связи между различными друг друга сменяющими культурами. Это не значит, конечно, что Допш отрицает самый факт смены одних культур другими: он утверждает только, что

некоторые—и весьма многие—элементы в работе старой культуры остаются и переходят в новую, в качестве ценного культурного наследия, что новые пахари работают на почве, уже вспаханной кем-то до них... (Это утверждение особенно ценно в нашу эпоху: империалистическая война и созданные ею потрясения капиталистического строя в современной Европе создали у многих его идеологов ужас перед грядущей революцией пролетариата и представление о ней, как о мировом катаклизме, как о новом всемирном потопе...)

Сомнительные пророки, в роде столь нашумевшего и поднесь еще шумящего О. Шпенглера, которые изрекают пророчества именно потому, что не умеют и боятся делать научные предсказания, объявили по всему миру о полной гибели европейской культуры, о закате Европы. В противовес тезису Шпенглера о неповторяемости и полной взаимонепроницаемости отдельных культур, Допш выставляет иной тезис, своего рода «закон вечности материи и энергии» в области исторической жизни. Тезис не новый; но важно не то его понимание, которое дает Допш, и та строго-научная аргументация, которой он его подкрепляет. Шпенглер писал о «гибели» европейской культуры, Допш—о гибели римской. И тот и другой трактовали вопрос социологически. Противоположность между ними—это противоположность строго-научного метода и антинаучной мистики. Это тоже старая борьба,—борьба научной мысли с реакцией, вызываемой ее новыми и новыми завоеваниями. При чтении Шпенглера невольно вырывается восклицание А. Блока: «Все это было, было, было!» Разве тот же Допш не рассказал нам о писателях позднеримской эпохи, убежденных в том, что процесс *перерождения их* культуры равняется *полной гибели всякой* культуры?

Сам Допш ясно сознавал свою противоположность к модным современным пророкам. Вот что говорил он в своей ректорской речи, произнесенной им в Вене 26 октября 1920 года:

«Великая разруха (катастрофа—Zusammenbruch) 1918 г., которая особенно затронула среднюю Европу, вызвала к жизни ходовое словечко (Schlagwort) о закате Европы.

Пророки подобной культурной катастрофы охотно указывают на гибель античного мира и выдвигают бросающиеся в глаза аналогии к нашей современности, которые, так как они имели место и там, должны стать вестниками гибели (Unheilkünder) и здесь, ибо ведь в движении истории существует внутренняя закономерность». Допш не отрицает известных элементов сходства между той и нашей эпохой и продолжает: «Тем не менее, я воздержался бы пессимистически говорить о гибели Европы. Как раз историческое рассмотрение вопроса может принести нам, я думаю, гораздо более радостные «вести» (A. Dopsch. «Der Wiederaufbau Europas nach dem Untergange der alten Welt». Wien, 1920, стр. 3 и 18). Но и независимо от этих злободневных вопросов Допш противостоит «шпенглеризму», как представитель научного метода, очень склонный к материалистическому истолкованию исторических явлений: на него можно положиться и быть уверенным, что стоишь на твердой почве, что

никакие блуждающие огоньки среди мистического тумана не заведут нас в болото...

Но и на солнце есть пятна. Остановимся в заключение на этих «пятнах» у Допша. И у Допша имеются предвзятые точки зрения, а также некоторая склонность к парадоксам в области теории при удивительной точности и близости к действительности в конкретных вопросах. И то и другое странным образом уживается в нем, хотя его предвзятые точки зрения и его парадоксы, конечно, ничего общего не имеют с «парадоксами» некоторых блестящих дилетантов (в роде того же О. Шпенглера). Они к тому же мало влияют на его конкретные выводы и потому не портят его работы. Все же отметим их. Прежде всего, Допш усиленно доказывает культурность древних германцев, и, несомненно, здесь есть доля «патриотического» чувства. Чтобы в этом убедиться, достаточно раскрыть сборник статей немецких ученых, вышедший в свет в Берлине в мае 1919 г. под заглавием «От древности к современности» (Vom Alterthum zur Gegenwart). В этом сборнике, где помещена и небольшая заметка Допша, найдем патриотическое введение, гласящее, что в настоящую тяжелую годину мы, германцы, должны вспомнить наше прошлое, должны почувствовать себя наследниками эллинской и римской культуры... И Допш, таким образом, не избег влияния патриотической традиции в немецкой исторической науке... Затем Допш—эволюционист во что бы то ни стало. Его тезис: «historia non facit saltus! («история не делает скачков!» цитируем буквально, ч. I, стр. 321). Поэтому у него и процесс эволюции носит порою статический характер: так, напр., изображая развитие городского строя, передвигая его начало в римскую эпоху, Допш даже не ставит себе вопроса: действительно ли корни того самого средневекового города находим мы в эпоху переселения народов, или город за этот длинный период от III—IV по XIII в. испытал ряд серьезных модификаций, пережил в своем развитии ряд этапов, каждый из которых можно конструировать в то же время как особый тип города. Допш вообще нигде не дает типа средневекового города, а потому не дает и этих сменявших друг друга типов. У него изменения накапливаются столь медленно, в виде различных, разрозненных черт и элементов, что за этой постепенностью пропадает общая линия эволюции, и сама эволюция сводится подчас к тому, что все явления позднейшие были налицо уже давно, давно... То же и в вопросе о торговле и денежном хозяйстве: здесь это стремление Допша найти связь каждого явления с его глубоким прошлым приводит его, при некоторой неясности в области теории, к парадоксальным преувеличениям, в роде теории «натурально-хозяйственного капитализма» в эпоху Каролингов (эту теорию Допш развивает в другой своей работе—Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit», но ее отзвуки находим и в реферируемой книге). Здесь мы подходим к третьей отрицательной особенности Допша—к его слабости в области теории, к недостаточности конструктивного элемента. Этот крупный ученый, который, говоря словами его строгого критика Зандера (в уже цитированной рецензии «Schmoller's Jahrbuch», т. XXXVIII), подчас умеет, отвергнув

всякие произвольные предпосылки, воскресить перед глазами читателя действительную жизнь такой, какая она была, этот историк хозяйства, в конкретных вопросах порою приятно поражающий нас совершенно марксистскими формулировками, в то же время странным образом слаб в области теоретической политической экономии. Так, подметив свободные арендные отношения на почве каролингской вотчины, при помощи которых сеньор-вотчинник к обоюдной выгоде втягивал в сферу своего экономического влияния, как обладатель орудий и средств производства (земли и инвентаря), массы мелкого люда, лишенного их, Допш сразу счел себя в праве говорить о «натурально-хозяйственном капитализме» (contradictio in adjecto!) на аграрной почве. При этом он не спросил себя ни о специфической форме взаимоотношений между производителями и обладателями средств производства, которая характеризует капитализм, ни о наличии прибавочной стоимости, ни даже о связи «аграрного капитализма» с торговым, т.-е. о том, при каких условиях земля может быть названа капиталом...

Таковы слабые стороны Допша. Они относятся, как видим, большей частью к области экономической теории, а потому ни в коем случае не должны заслонять перед нами его огромные заслуги, как историка: труды, подобные книге Допша, появляются редко и создают эпоху в своей области.

ЭД. МЕЙЕР КАК ИСТОРИК ХРИСТИАНСТВА.

Проф. П. Ф. Преображенский.

Ed. Meyer. Ursprung u. Anfänge des Christentums. I Band. Die Evangelien. XII+340 Ss. II Band. Die Entwicklung des Judentums und Jesus von Nazaret. VII+462 Ss. Stuttgart. Cotta (1921—1922).

Одной из самых интересных проблем для будущего историка культуры будет выяснение вопроса о видоизменениях, постигших работу мирного ученого во время того процесса мировой истории, наиболее специфической характеристикой которого является мировая война. Впрочем, мы должны оговориться—далеко не все ученые оказались мирными, и перья некоторых оказались таким же оружием, каким была пресса большинства европейских держав. Но интересны не эти выступления чисто публицистического характера, а те сдвиги, которые произошли в самом направлении научной работы. Этот сдвиг весьма заметен и у самого крупного историка древности в современной Германии, а может-быть, и в мире,—у известного Эд. Мейера. Во время великой войны он бросил работу над своим фундаментальным трудом «Geschichte des Altertums» и в 1918 году выпустил книгу «Cäsars Monarchie u. das Principat des Pompeius», прямо сознаваясь, что он должен теперь заниматься такими вопросами, которые стоят в тесной связи с современностью.

Если бурная эпоха гражданской войны в Риме, действительно, в некотором смысле более актуальна для горящей современности, чем, скажем, эпоха хетитских нападений на страны Передней Азии и Северной Африки, то менее понятны те мотивы, которые столкнули Мейера лицом к лицу с одной из самых острых и запутанных исторических проблем—с проблемой возникновения христианства. Но и новая работа Мейера по истории раннего христианства создалась «в упорной, хотя и напрасной борьбе против лишенного мужества, бесцельно шатающегося туда и сюда и совершенно не понимающего своих великих национальных задач правительства». Так мало национализм Мейера был удовлетворен правительством Вильгельма II. Только «в великолепные весенние дни 1918 года» на минуту мог счесть себя удовлетворенным патриотизм немецкого историка—ему было суждено «вступить на освобожденную из-

под чужеземного ига землю Прибалтийских стран». Но затем «пришла ужасная осенняя катастрофа», которая заставила Мейера «бежать в чистую атмосферу научной работы», и его книга по истории раннего христианства должна служить доказательством, «что духовная и научная жизнь нашего отечества содержит в себе здоровое и способное к жизни зерно».

Действительно, мы стоим перед явлением чрезвычайно большого интереса—самый крупный историк древности берется за задачу, которая еще до сих пор, по большей части, представляла собой Privatsache богословствующей науки. Мейеру весьма не нравится то обстоятельство, что для светского историка употребим этот несколько старомодный термин, христианство было «готовой величиной», которую он, как нечто данное, и вставлял в свое изложение. Вот этот недостаток и хочет заполнить Мейер. Такова прелюдия. Как же выполнена основная тема? Перед нами пока еще только два тома труда Эд. Мейера: первый об Евангелиях, второй об иудействе новозаветной эпохи. Можно было бы предпочесть обратный порядок, и трудно сказать, почему критика Евангелий предпослана характеристике юдаизма. Разбор Евангелий Эд. Мейером представляет собой несравненно больший интерес, и можно будет придерживаться данного автором порядка. Так как нет возможности воспроизвести и критически оценить весь очень часто кропотливый филологический анализ Евангелий, произведенный немецким историком, то придется отметить только его существенные и типические для него черты.

Логическим центром работы Мейера является Евангелие Марка. Это легко объясняется тем, что он принимает разработанную Гольцманом Zweiquellentheorie, так что Марк является у него остовом для остальных евангелистов. Марково Евангелие для Мейера—определенный литературный памятник, автор которого ни в коем случае не представляет собой простого компилятора. В изложении Марка заметно определенное историческое развитие, которое проводится им вполне сознательно и с большим уменьем. Марк желает дать полное развитие «благой вести», которую Иисус принес миру и общине верующих своим учением, делами и, наконец, своей судьбой. Для Мейера совершенно ясно, что предварительным условием для такого рода литературной концепции должна быть уже установившаяся вера в мессианство и богосыновство Иисуса. И, тем не менее, датировка основного синоптика падает у Мейера на 50-е годы нашей эры, самое позднее на 62 г.,—год смерти Иакова, брата Христова.

Таким образом, все столпы протестантской ортодоксии спасены, и исторический Иисус—Мейер ни на минуту не допускает даже иной постановки вопроса—и раннее установление основных догм ортодоксального протестантизма. Если оставить в стороне филологический анализ Мейера, крайне неубедительный, а главное, постоянно оперирующий с неопределенными и мнимыми величинами, то все же невольно обращает на себя внимание толкование Мейером центрального, по его мнению, пункта второго Евангелия, а именно, исповедания Петра—Мк. 8, 27—30, 32—33 и

преображения—9, 2—13. Живость первой сцены и то, что Петр является единственным говорящим лицом во второй, служит для Мейера достаточным доказательством и их автентичности, и их исторической достоверности. Конечно, все это стоит в несомненной связи с тем фактом, что Мейер вполне принимает известное свидетельство Папия, говорящее о том, что Марк был толмачем Петра, но все же этот способ, при помощи которого Мейер выделяет известия, восходящие к самому апостолу Петру и, следовательно, имеющие максимальную достоверность, представляют собой своего рода testimonium paupertatis для историка.

Если Евангелие Марка—логический центр исследования Мейера, то Евангелие Луки—его литературный центр. Евангелие Луки—мы будем называть его этим именем, так как для Мейера авторство Луки, несомненно, настоящее литературное произведение и поэтому имеет, «несмотря на свой меньший объем, тот же характер как произведения Лизия, Полибия и многих других». Оно захватывает не только жизнь и деятельность Иисуса, но и распространение новой религии. Поэтому произведение Луки имеет для истории первоначальной стадии христианства совершенно исключительное значение, и на его долю выпадает «совершенно неоценимое и вряд ли могущее быть найденным в других великих духовных движениях преимущество», а именно, быть написанным деятелем самого движения и в таком виде дойти до нас. Эти положения Мейера в значительной степени объясняются тем, что третье Евангелие и Деяния представляют собой для него единое целое, только искусственно разорванное на две части и сильно интерполированное в начале Деяний целым рядом вставок. Произведение Луки даже внешним образом тесно примыкает к современной ему светской литературе—посвящение Феофилу имеет за собой целый ряд аналогий в произведениях Дионисия Галикарасского, Диоскорида, Полиэна и даже Цицерона. Таким образом, пролог Евангелия показывает, что его автор «обладает обычным литературным образованием эллинистически-римской эпохи».

Литературная манера Луки заключается в его стремлении дать очерк развития личности Иисуса, и ту же определенную программность имеют рассказы Луки о воскресении—весь материал проработан евангелистом, как показывает Мейер, с тем расчетом, чтобы показать, что Иисус воскрес телесно. Мы имеем перед собой совершенно сознательную градацию—сначала пустая гробница и слова ангелов, потом появление на пути в Эммаус, когда Иисус преломляет хлеб и, наконец, его появление среди учеников, когда он и сам голоден и принимает участие в трапезе. Любопытно, что этот резко теологический характер Евангелия, особенно резкий в этой последней градации, если мы вспомним о том месте, какое занимал докетизм [1]) в ранней церкви, почти что не тревожит Эд. Мейера. Он относит его к эпохе Флавиев, но до Домициана, т.-е. к 70-м годам нашей эры, куда им относится и первое Евангелие.

[1]) Докетизм—ересь, отрицавшая реальность тела Христа.

В этом толковании Евангелия Луки особенно четко и выпукло выступила общая позиция Мейера по отношению к Евангелиям, а именно, стремление считать их за самый подлинный исторический источник, сблизить их с историками древности. Мейер как бы молчаливо предполагает существование такой картины—жил вполне реальный иудейский пророк, который был хорошо известен целому кругу своих учеников. Эти ученики составили о нем и его деятельности целый ряд записей, которые уже в очень раннюю эпоху были переработаны в труды исторического характера. В этих трудах, правда, находятся отражения догматических споров и жизни основанной церкви, но все же в своем существе они дают вполне историческую картину. Но верна ли эта характеристика, подлинно ли историзм так интересовал авторов Евангелий и действительно ли их так занимало стремление воспроизвести реальную личность Иисуса? Или, не играла ли церковь со своими интересами и стремлениями в Евангелиях бо́льшую роль, чем сам Иисус?

Евангелия стоят в тесной связи с ареталогическими [1]) повествованиями эллинистического периода. И в особенности надо подчеркнуть влияние восточных и, в частности, египетских образцов на человеческие ареталогии. В египетской литературе особенно трудно провести различие между духовной и светской литературой, а влияние этих особенностей египетско-эллинистической литературы на иудейскую диаспору, к которой как бы лепилось христианство, несомненно. Влияние ареталогической литературы станет еще более ясным для нас, если мы возьмем синоптические Евангелия не in abstracto, не в том виде, как их дает нам церковная традиция, а в их естественном окружении, среди тех многочисленных апокрифов, которые в последнее время отнимаются жадной рукой археолога от мрака египетских некрополей. К этому надо сделать весьма существенное дополнение—необходимо помнить, что синоптический Христос создан не столько деятельностью синоптиков и их мнимым историзмом, сколько церковью, которая канонизированием Евангелий канонизировала и доступный нам образ Иисуса. Стоит только вспомнить непочтительное отношение милленариста Папия к письменной традиции Евангелий, стремление сектанта Маркиона создать свое собственное Евангелие, наконец, борьбу, возгоревшуюся вокруг четвертого Евангелия, чтобы понять и всю шаткость представлений ранней церкви о Христе и тот принцип, который руководил ею в создании канонического образа Иисуса. Руководящую роль здесь играло не стремление к какой-то исторической правде, а интерес к фиксации определенного догмата, и потому евангельский Христос был важен для церкви не как историческая личность, а как феологема. Не исторические мотивы двигают Марка и других евангелистов, а некоторая сознательная догматика, а потому Евангелия прежде всего являются источником по истории догматов, а не по биографии Иисуса. В нашем распоряжении имеется не исторический образ Иисуса, а тот его образ, который зафиксировала церковь ко вре-

[1]) Ареталогия—эллинистическое повествование о деяниях богов или героев.

мени установления новозаветного канона. В этом смысле канонические Евангелия, как исторический источник, характеризуют не столько историю Иисуса, сколько то догматическое представление о ней, которое сложилось в церкви II века. Центр Евангелий не в историческом Иисусе, а в исторической церкви.

Эд. Мейер желает приставить к туловищу христианства, как оно дается светскими историками, голову и потому дает уже указанную нами картину развития, чтобы не начинать историю христианства с «развития церковного учения», но не замечает того, что эта картина, и притом более сочная, не оскопленная его разумным критицизмом, уже дана к концу II века. Получается лишь незаконное удлинение туловища, а не приставление к нему головы. История христианства попрежнему остается обезглавленной. Благодаря же стягиванию событий в один небольшой промежуток времени происхождение христианства, как религии, остается одним из самых разительных чудес во всей евангельской истории. Данный традицией и как бы закостеневший в нашем сознании образ Христа и очерк христианской истории тяготеют над немецким историком.

Но, мало того, что Мейер не видит или не хочет видеть догматического аспекта Евангелий—он сам находится в плену у самой обыкновенной протестантской догматики. Спор католиков и реформаторов в своем конечном результате сводился к разрешению вопроса о сравнительных правах Писания и церкви. Церковь выше Писания или наоборот? Немудрено, что протестантизм, утверждавший права Писания, устремился к критическому исследованию своего столпа, но результаты этой критики оказались губительными для самого протестантизма—он упорно рубил сук, на котором сидел, и ему пришлось, в конце-концов, табуировать некоторые положения Писания, объявить их столь же неприкосновенными, как авторитет папы для католиков. Историчность Иисуса, его мессианство и богосыновство—вот протестантские табу—утверждение истин протестантской церкви. Легко заметить, что именно эти истины и обеспечиваются исследованием Эд. Мейера. Относительно прочего материала, содержащегося в Евангелиях, он церемонится гораздо меньше. История Иоанна Крестителя, по его мнению, насильственно присоединена к истории Иисуса. Здесь Мейер весьма радикален: он полагает, что вряд ли Иоанн что знал об Иисусе, что Иоанн был основателем своей собственной религиозной общины, схожей с общинами ессеев, или же с многочисленными общинами ислама, развивающимися на почве ожидания избавителя—махди. Здесь уже начинается переработка подлинной традиции, которая ведет к ее мифологизированию, к ее материализации, к появлению связи не только между Иоанном и Иисусом, но и к разработке легенд о рождении и детстве Христа. Правда, Мейер не совсем уверен в том, что эти рассказы принадлежат к первоначальной редакции первого Евангелия, но, тем не менее, одновременное появление этих рассказов в независимых друг от друга, по мнению Мейера, первом и третьем Евангелиях, говорит о несомненной потребности в таких мифологических образованиях, которая существовала «в народных воззрениях внутри общины». Мейеру нетрудно по-

дыскать аналогии к этим легендам: сюда относятся эллинистические сказания о чудесном рождении Александра, Платона, особенно последнего, далее легенды об опасности, угрожающей божественному дитяти и о спасении его, какие мы имеем в сказаниях о Кришне, Персее, Кире, Зигфриде. На этой общей почве мифообразования возникли рассказы о рождении Иисуса и его чудесном избавлении от царя Ирода. Этим же потребностям общины соответствуют и генеалогии Иисуса, хотя они и находятся в остром противоречии с легендами об его божественном зачатии. Наконец, сюда же относится и перенесение, согласно с пророчеством Михея, рождения Иисуса в Вифлеем, что происходит, по Матфею, таким образом, что давидид Иосиф живет в Вифлееме и поселяется в Назарете из страха перед Архелаем лишь после возвращения из Египта, по указанию божественного сна. Очень радикальны взгляды Мейера на композицию и замысел четвертого Евангелия—исторический материал в четвертом Евангелии лишь подлежащее обработке сырье, перерабатываемое евангелистом на основании определенной программы. Эта программа предполагает, что богосыновство Мессии-Иисуса должно пониматься совершенно реально, но не физически и материально путем прикрепления Иисуса к дому Давидову, но трансцендентно путем характеристики Иисуса, как божественного творческого слова, которое является светом для людей. Но все же составитель Евангелия—не «ученый философ», и его представления о Логосе базируется не на понятиях греческой философии, но на религиозных представлениях восточных религий: творческом слове египетского Пта, понятии божественного слова в иудейских таргумах. Даже аналогию с мусульманским учением и несотворенности Корана Мейер считает важнее, чем аналогии с учением о Логосе греческой философии. Программа составителя так резко и последовательно производится в Евангелии, что некоторые его места заставляют Мейера распознать под личиной Иисуса христианского проповедника, который произносит проповедь перед общиной верных. Христос четвертого Евангелия не историчен для немецкого историка. Автор Евангелия пытается надеть на себя маску Иоанна, сына Зеведеева, и Мейер только удивляется, как это обстоятельство могло быть подвергнуто сомнению современными критиками.

Но как только Мейер переходит к своим любимым синоптикам и к табуированным минимумом протестантской ортодоксии известиям последних, как у него начинают находиться совершенно своеобразные, хотя и довольно однообразные аргументы в пользу историзма синоптиков. Ограничимся наиболее характерными примерами. Рассказ Мк. 3, 20 о встрече Иисуса с матерью и братьями вполне автентичен, так как подобные вещи происходят всегда, когда какой-нибудь человек из народа бросает свое место работы под влиянием внутреннего напития, а его близкие стремятся вернуть его к добропорядочной жизни. Эта безвкусица и должна служить нам гарантией историчности событий. Далее, Иисус не может творить чудеса в Назарете потому, что он, обладая магнетической силой, подобно другим героям истории религии, не встречает ответной веры среди своих, и для Мейера эта черта в деятельности Иисуса—важное дока-

зательство доброкачественности нашей традиции. Сцена в Кесарии Филипповой Мк. 8, 27 автентична потому, что суровое порицание Петра со стороны Иисуса «не могло быть выдумано после того, как Петр признал Иисуса за Мессию». Но зато ст. 31 представляет собой вставку, так как немыслимо, чтобы Иисус предсказал со всеми подробностями свою судьбу—против таких несообразностей возмущается здравый смысл немецкого историка. Рассказ об отречении Петра в 14 главе Марка восходит к самому апостолу потому, что никто иной не мог передать или выдумать такие порочащие Петра вещи. Это обстоятельство придает, по мнению Мейера, этому рассказу и полную историческую достоверность. В связи с этим стоит и сцена в Гефсиманском саду, где Петр также является главной persona dramatis, сохранившей поэтому четкие воспоминания об этих роковых минутах, которые вследствие этого должны быть признаны вполне историчными. К Петру же восходит рассказ о Преображении, ибо он там опять главная persona dramatis. Мейер считает эту сцену вполне историчной на основании своих изысканий о визионерстве в среде мормонства, выдвигая в качестве особого доказательства видение мормонского пророка Джозефа Смиса в июне 1829 г., когда Смису и трем верующим после долгих молитв явился в лесу ангел в сиянии, показал ему таинственную книгу Мормон и подтвердил достоверность ее перевода. Конечно, и эта сцена должна была запечатлеться в уме у Петра. Повествование Марка о пребывании Христа в Иерусалиме перед смертью и о преследовании его со стороны иудейских властей тоже автентично в своих существенных чертах для Мейера. Ручательством за их историчность служит их «наглядность и живость», а также отсутствие и в чувствах и в действиях Иисуса чего-либо сверхъестественного,—здесь в толкованиях Мейера выступает наружу старинный штраусовский рационализм, смешанный с изрядной долей самого обыкновенного немецкого филистерства. Повествование о самой крестной казни и часах на кресте восходит даже к бывшим у креста женщинам. Одним словом, можно суммировать доказательства историчности евангельских событий, применяемые Эд. Мейером, следующим образом: во-первых, наглядность и живость события—это не особенно доказательно, так как это скорее дело вкуса—при желании можно и сцену в вифлеемских яслях считать вполне наглядной, а с этим упорно не желает соглашаться Мейер; во-вторых, немецкий историк применяет и такой прием—persona dramatis становится у него историческим свидетелем, что происходит с Петром, женщинами у креста, членами синедриона и т. д. Если бы Мейер попробовал применить его хотя бы к Фукидиду—это могло бы привести его к довольно пикантным результатам. Прибавив сюда некоторую долю, правда, довольно гомеопатическую, осторожного критицизма человека XX века, мы получим, пожалуй, весь арсенал Эд. Мейера, при помощи которого он восстановляет историю Иисуса Назорейского, галилейскую идилию и иерусалимскую драму.

Нам остается только упомянуть об общих воззрениях Мейера на христианство и его судьбы во всемирной истории—здесь Мейер снова ста-

новится автором монументальной «Истории древности». Уже со времени появления у Луки легенд о Деве Марии старое христианство перерождается в мощную политеистическую религию или, вернее, эта народная религия становится рядом с официальной. Во главе этой народной религии стоит великое божество—Мария Богородительница, соединяющая в себе идеальные качества женщины—девство и материнство. Остальные божественные силы стоят позади нее—официальный Бог-Отец—бог неба, и становящийся дитятей бог Христос. Вокруг Вечной Девы и Вечной Матери находятся сонмы праведников, в ее лице царит старинная Мать Богов—малоазийская владычица покорила себе весь мир. Лурдская Мадонна носит на себе даже специальные черты великой горной богини. Все значение Реформации сводится для Мейера к тому, что она разделалась с этими народными формами религии. Если отбросить эту последнюю оценку, то трудно не согласиться с Мейером. Можно пойти даже дальше и утверждать, что христианство покорило европейский, переднеазиатский и северо-африканский мир именно своей эластичностью и уступчивостью, а не исключительностью, как утверждают обыкновенно. И тогда официальное монотеистическое христианство становится почти что фикцией, достоянием немногочисленной интеллигенции и сходит с исторической арены, как сила первого порядка.

В христианстве, полагает Мейер, сходит со сцены владычество разума и выступает жизнь чувства и стремление к избавлению и умиротворению. «Философия» Оригена стоит в прямом противоречии с этим духом христианства, и церковь была не так неправа, когда объявила его еретиком, хотя из этой философии и выросла христианская теология. Но победа христианства означает не только переход от разума к жизни чувства—это переход и социального порядка: творческая сила высших слоев общества иссякла, и господствующее положение переходит от образованных к необразованным, от высших—к низшим. Это передвижение идет очень глубоко—все области культурной, духовной и социальной жизни захватываются им, и оно достигает своего полного господства в торжестве неограниченной монархии и правления солдатчины, начиная с третьего века. И здесь кроется глубокая и верная мысль, что христианство есть чистый продукт перерождения античного мира, что оно есть плоть от его плоти, а не что-то привнесенное извне. И не случайна дата, указанная Мейером—именно с III столетия христианская церковь и римская империя противостоят друг другу, как два активных борца, и их кратковременная схватка завершается не победой христианства, а союзом этих двух социальных тел.

История христианства может быть только с большими ограничениями понята из внутренней диалектики религиозной идеи, как думает Трельч,—она есть только отдельный вырез из единого исторического процесса первых трех веков нашей эры. В таком понимании христианской истории сила отдельных замечаний Эд. Мейера. Ими он отдает бессознательную дань воззрениям Бруно Бауэра, от которого он так далек в оценке евангельской традиции. В последнем охранительные и консер-

вативные тенденции целиком подчиняют себе немецкого историка и богословы могут не очень волноваться—светская наука иногда желает сохранить им их достояние. Это, пожалуй, даже выгоднее—падкая до эмпирии и научности публика скорее поверит Эд. Мейеру, чем тому же Гарнаку.

Второй том мейеровского исследования посвящен иудаизму и, если он менее интересен по своей теме, то он гораздо основательнее в своих основных положениях. В нем Мейер продолжает свою работу, начатую еще в «Истории древности»—рассмотрение истории Израиля в связи с историей древнего востока и античной культуры. Нечего говорить о методологической ценности такого приема—благодаря нему история избранного народа принимает свои настоящие пропорции и перестает быть уникумом, созданным для назидания благочестивых людей. Развитие иудаизма излагается Мейером не с ограниченной точки зрения иудейской истории, а в связи с историей культурного мира. Политическая история Иудеи дается с точки зрения монархии Селевкидов, и тогда пропорциональность и значение событий принимают надлежащий вид. Гибель монархии Селевка знаменует собой катастрофу эллинизма в континентальной Азии, а возникновение маленького иудейского царства есть только эпизод из крушения монархии Селевкидов и эллинистической образованности на Востоке.

Духовное развитие иудейства характеризуется Мейером в двух направлениях. Прежде всего, как развитие учености книжников и фарисаизма. Саддукеи для Мейера—старая ортодоксия, в то время как фарисеи представляют собой прогрессивный элемент в развитии благочестия. Затем Мейер отмечает значение того синкретистического процесса, который происходил в лоне иудаизма. Особенно ярко отмечено Мейером влияние парсизма на иудейство, отсюда берет свое начало пессимистический дуализм, представления о диаволе, ангелология и, наконец, учение о воскресении и страшном суде. Гораздо слабее разработано Мейером развитие эллинистического иудейства—очень скудна характеристика хотя бы того же Филона.

В общем Мейер движется в своем изложении по уже проторенным путям, отходя от общепринятых или уже известных представлений лишь в частностях, как-то: в датировке открытого в 1910 г. дамасского памятника, и только исторические рамки его изложения и колоссальная ученость автора придают этой части его работы большой интерес.

Его консерватизму здесь нечего терять и остается только измерить то расстояние, которое отделяет этого Эд. Мейера от иногда наивного, иногда безвкусного, а чаще всего неубедительного Эд. Мейера, пытающегося разрешить запутанную всеми 19-ю веками христианской истории проблему исследования жизни Иисуса Галилейского.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

I. СОВРЕМЕННИКИ В НОВОМ РОМАНЕ ВЕРЕСАЕВА—Н. Л. Мещерякова. II. „ИЗБЯНОЙ ОБОЗ"—Н. Асеева. III. ОБЗОР ОБЛАСТНОЙ ПОЭЗИИ—С. Городецкого.

I. СОВРЕМЕННИКИ В НОВОМ РОМАНЕ ВЕРЕСАЕВА.

Н. Мещеряков.

(«Южный Альманах». В. Вересаев. В тупике. Крымиздат. Симферополь, 1922 г.)

«Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, горе грешнику, ходящу по две стези». *(Исайя).*

Роман Вересаева неокончен. В «Южном Альманахе» напечатана только первая его часть. В двух последних книжках «Красной Нови» помещаются теперь другие отрывки из романа. Некоторые из них относятся ко второй части; другие представляют или переделку некоторых сцен из первой части, или новые сцены, введенные теперь туда автором. Я позволю себе сослаться в этой статье не только на тот текст, который напечатан в «Южном Альманахе», но и на новые отрывки из «Красной Нови».

Действующие лица романа распадаются на три группы. Во-первых, матерая буржуазия и аристократия, убежавшие в Крым и пытающиеся продолжить там свое беспечальное житие за спиной офицеров-добровольцев, защищающих Крым от наступающей Красной армии. Во-вторых, большевики, энергично поддерживаемые рабочими и крестьянами. И, в-третьих, убежавшие в Крым интеллигенты—бывшие революционеры, старые земские врачи, профессора и т. п. Представители этой группы еще помнят о своих старых революционных идеалах, но они испугались живой, доподлинной революции. Они пытаются сохранить какую-то свою нейтральную позицию.

Но жизнь не дает им этого и безжалостно и грубо толкает их то в тот, то в другой борющийся лагерь. Посмотрим, как Вересаев характеризует эти три группы.

«У Агаповых было чисто, уютно и тепло; паркет блестел. На белой скатерти ароматно дымился сверкающий кофейник, стояло сливочное масло, сыр, сардинки, коньяк»...

После завтрака начинается пение и декламация. «Ася села за рояль и стала петь. Все песни ее были какие-то особенные, тайно дразнящие и волнующие. Пела об ягуаровых плодах и упоительно мчащихся авто, о лиловом негре из Сан-Франциско, о какой-то мадам Люлю, о сладких тайнах, скрытых в ласковом угаре шуршащего шелка... Остро вспыхивали бриллианты в серьгах Аси. И была дурманящая, сладострастно ластящаяся красота в ее песнях»...

«Потом как-то странно, нараспев, читал стихи молодой Мириманов. И стихи все были такие же,—говорившие о легком бездумном веселье, праздной и богатой жизни, об утонченно-сладострастном соприкосновении мужчин и женщин.

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезо-фарс.
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!..»

Картина получается такая гнусная, что наблюдающая ее меньшевичка Катя, убежавшая от революции из Советской России, уйдя из этого дома, вздрагивает плечами и повторяет:

— Какая гадость. Какая гадость. Почему гниль может быть такой душистой и красивой... И вот за них-то бороться!.. А тебе не хочется, когда ты смотришь на них, чтобы все это взлетело к чорту, чтобы развалилась эта ароматно-гнилая жизнь?

Но все это жалкие остатки праздной и богатой жизни, безжалостно разбитые рукой революционного народа. И в лагере еще недавно богатых буржуа и знатных аристократов приходится только мечтать об этом ушедшем приволье. Вот, например, красавица княгиня Анджжская, у которой «родовая усадьба была разгромлена, а особняк на Сергиевской был реквизирован под союз домашней прислуги». Княгиня с двумя детьми нанимала комнатку на одной из дач, голодала и понемножку распродавала свои платья, простыни и серебряные ложки. Эта княгиня вспоминает о своей прежней жизни:

«Утром просыпаешься,—горничная несет тебе в постель кофе; потом два часа одеваешься, и две горничные помогают; к телефону какой-нибудь из подруг,—куда сегодня едем кататься? Велишь подавать автомобиль»... «Вспомнилась наша милая деревенская усадьба, липовые аллеи. Желтые листья шуршат под ногами... И все это никогда уж не вернется, никогда»...

Эта княгиня по внешности сохранила еще свои старые аристократические черты: «Вся она была изящная, с отпечатком тонкой, многовековой культуры в манерах, в речи, в выражении лица. Но как будто черный какой-то призрак стоял над нею и медленно опускал на нее зловещую свою руку». И здесь же рассказывается, как эта изящная аристократка пыталась украсть у одной из своих приятельниц золотое кольцо.

Таковы в изображении Вересаева представители старой, отживающей культуры. А вот признания тех офицеров добровольческой армии, которые так упорно боролись за эту буржуазию.

— «Уж этот командный состав!—говорит один офицер.—Все совсем так осталось, как было при царе: бездарность на бездарности, тыловые герои, штабы кипят бездельниками-фронтовиками, которые на фронт и носа не кажут».

Костя рассказывает, как добровольцы отобрали у крестьянина лошадь, а когда он стал противиться—его расстреляли. «Да ведь это же хуже большевиков», говорит он.

— «Мы хуже и есть,—подтвердил высокий офицер.—Недавно перестреляли из пулемета сто двадцать бандитов в каменоломнях. Они сдались, побросали винтовки, выкинули белый флаг, а мы их пулеметами.

— «Сдавшихся? И как на душе?

— «Ничего, привыкли.

— «Вот вы говорите: расстреляли сдавшихся,—вмешивается в разговор другой офицер.—Против большевиков мне моя совесть разрешает все... Расстреливать их буду, жечь, пытать,—все. И с восторгом. Без руки останусь в бою, без ног,—поползу, зубами буду стрелять!

— «У меня к ним такой ненависти нету,—отвечает первый офицер.— Но я человек деятельный, в такое время сложа руки сидеть не мог. А выбор только один: либо большевики, либо добровольцы... И я пошел к тем, кто говорил, что за свободу и учредительное собрание. Но оказалось, что у большинства совсем не так. Просто, хотят вернуть старое. До народа им дела нет. А народ ко всем нам враждебен и чужд, всех нас ненавидит. Только по нескольку человек вооруженными и можно выходить. Буржуазия на нас молится, но ни деньгами, ни кровью своей поддерживать не хочет.

— «Знаете, такой ужас, такой кошмар,—говорит третий офицер.—Я не понимаю, как мы все до сих пор не сошли с ума».

Такова в изображении Вересаева первая группа его персонажей.

Не скрывает Вересаев темных черт и второй группы—большевиков. Есть, например, сцена, изображающая, как пьяный комендант бессмысленно и грубо отправляет рыть окопы совершенно непригодных для этой работы стариков и больных. Но и здесь мы не видим ни убийства, ни даже избиения. А, кроме того, отправленных рыть окопы с фронта немедленно возвращают.

Есть описание ночного ограбления квартиры Агапова тремя пьяными красноармейцами. Но командный состав немедленно начинает следствие, находит виновных и по приговору всех красноармейцев подвергает их суровому наказанию.

Есть еще (в «Красной Нови») описание убийства матросами после жестокого боя одного офицера. Но тут даже меньшевичка Катя заявляет:

— «Те матросы,—они били, но знали, что и их будут бить и расстреливать. У них есть злоба, какая нужна для такой войны. Они убеждены, что вы наемники буржуазии, что сражаетесь за то, чтобы оставались генералы и господа. А ты, Митя (офицер-доброволец), скажи мне по-настоящему: из-за чего ты идешь на все эти ужасы и жестокости?»

И Митя ничего не может ей ответить.

Вот и все, что мы находим говорящего против большевиков в появившихся главах романа.

Совершенно определенно рисуется отношение народа—крестьян, рабочих—к этим двум группам.

Один офицер-доброволец откровенно говорит: «Что у нас?.. Так скверно, так скверно, что хуже и нельзя. Нигде, никаких решительно корней; народ относится к нам враждебно».

«Народ ко всем нам враждебен и чужд, всех нас ненавидит. Только по нескольку человек вооруженными и можно выходить», признается другой офицер-доброволец.

А вот отношение крестьян к наступающей Красной армии и к большевикам.

«В соседней русской деревне уже образовался революционный комитет, туда приезжали большевистские разведчики и говорили, чтобы не было погромов, что все—достояние государства. Крестьяне наносили им вина, хлеба, яиц, сала и отказались взять деньги».

Красная армия овладевает Крымом. «Добровольцы исчезли,—без шума, без грома исчезли, растаяли, как бессильный туман... Молодежь, выкопав из земли запрятанные еще при немцах винтовки, отовсюду шли и ехали записываться в Красную армию... Повсюду горели букеты тюльпанов, в руках, петлицах, на фуражках... Катилась мимо огромная ликующая река, кипящая общим подъемом»...

Даже крупный капиталист—Агапов—признает:

«Нужно сказать правду: это идет народная власть... Рад не рад, а нужно признаться, что только у большевиков настоящая сила».

Перейдем теперь к третьей группе действующих лиц романа—к интеллигентам, мечущимся между этими двумя ярко враждебными лагерями.

Они больше всего интересуют автора. Это они находятся в «тупике». Они—главные герои романа; две остальные группы—это только фон, на котором автор хочет изобразить трагедию интеллигентов. Их имеет в виду и прекрасный эпиграф романа, взятый из Дантовского «Ада»:

И ангелы в толпе презренной этой
Замешаны. В великой той борьбе,
Какую вел Господь со князем скверны,
Они остались сами по себе.
На Бога не восстали, но и верны
Ему не пребывали. Небо их
Отринуло, и ад не принял серный,
Не видя чести для себя в таких...

Таких интеллигентов в романе много. Вот «старый врач-земец» Иван Ильич Сартанов, постоянный участник пироговских съездов, бывший депутат-трудовик первой государственной думы. «Во время войны он стал было на съезде подводить статистику убитых и раненых на фронтах, обронил слово «бойня» и очутился в Бутырках». Таков он был при самодержавии.

А теперь он пышет злобой против большевиков. По его словам, «большевизм именно в том: грабь, хватай, что увидишь, не упускай своего. Брось работать и бездельничай. И только о себе одном думай».

Этот Сартанов, «рыдая», слушает старую студенческую народническую песню:

О, Волга-мать, река моя родная!
Течешь ты в Каспий, горюшка не зная,
А за волной—волной твоей свободной
Катится стон, великий стон народный.
Ты все несешь плоты и пароходы,
Лишь не несешь рабам своим свободы.
Тебе простор, тебе гулять приволье.
А нам нужда, и труд, и подневолье...

А теперь, когда народ разорвал свои путы, когда всерьез задумал осуществить то, о чем говорили когда-то студенты-народники,—этот старый народник пышет неистовой злобой и к народу и к большевикам, которые стоят во главе этого народа.

А вот некий Митя. Он сын профессора и сам ученый. «Человек совершенно аполитический. Ему бы только сидеть за письменным столом со своими греческими книгами; на уме у него только элевсинские мистерии, кабиры какие-то»...

И этот Митя все-таки ушел к добровольцам. Но боец из него вышел совершенно никудышный. Он откровенно заявляет, что ему «ничего не хочется». «Одного только хочется, чтобы был мне какой-нибудь тихий уголок, чтобы никто не тревожил, и чтобы переводить Прокла»... «Какая-то полная атрофия активности,—продолжает он.—Там, где нужно мыслить, изучать, искать, у меня энергия неистощимая. Но где, в жизни, хоть шаг нужно сделать самостоятельный, меня отчаяние охватывает, и сама жизнь становится скучной, грубой и темной».

Даже меньшевичка Катя, сама принадлежащая к той же категории, при виде этой дряблости «впилась в него пристальным, изучающим взглядом, от которого ему стало неловко».

«За что я полюбила тебя», в недоумении спрашивает она. Из дальнейшего видно, что полюбила она его, повидимому, только из жалости.

Сама Катя тоже ушла от революционного народа. Но к добровольцам она примкнуть не может. Она возмущается их зверствами, их явной черносотенностью. Временами она словом (и даже делом) пробует защищать большевиков. «Я не верю тому, что о них рассказывают», говорит она. «А что теперь делается,—говорит она далее о порядках в Крыму,—это хуже всякого самодержавия. Чистейшее неприкрытое черносотенство, презрение к народу, ненависть к демократии. Травля евреев. Об одном только мечтают—воротить старое». Но, точно испугавшись этой своей решимости, она снова беспомощно отходит в сторону.

В Крым входит Красная армия. Народ ликует. «Катилась мимо огромная, ликующая река, кипящая общим подъемом, а она (Катя) одиноко стояла на берегу, чуждая и враждебная этому подъему».

Кругом идет великая борьба, в тяжких муках родится новая жизнь, закладываются основы нового мира. А меньшевичка Катя уходит в домашнее хозяйство, выращивает кур и поросят. «Я всегда хорошо живу,—говорит она.—Может надоест, а сейчас очень все интересно. Вот поросенок этот,—сколько нового, неожиданного... Я и не думала, что свиньи такие умные. Наседка уже сидит на яйцах. И еще очень интересно в кухне готовить... И новые кушанья выдумывать. Не видишь времени».

— «Странно, как у вас тут тихо, мирно, спокойно,—отвечает ей ее родственник, большевик Леонид.—Цыпляточки, поросяточки... А жизнь кругом кипит и клокочет, как в вулкане».

А вот сценка, которую я беру из отрывка романа, помещенного в № 4 «Красной Нови».

Большевик Леонид, его товарищ Горелов и Катя едут по Крыму после захвата его Красной армией. Катя сообщает, что у них в Наробразе недавно выступал один оратор. «Вот была речь. Как будто свежим ветром пахнуло в накуренную комнату.

— «Что же он такое говорил?—спрашивает Леонид.

— «Говорил о диктатуре пролетариата, что они выгоняют жителей из квартир, снимают с них ботинки, и что в этом вся их диктатура. А что прежде всего надо быть диктатором над самим собой, что рабочие должны заставить всех преклоняться перед своей нравственной высотой, перед своим движением к творческому труду.

— «Вот интеллигенщина», отвечает Леонид. Через несколько времени на них нападает пьяный вооруженный махновец. Завязывается драка, во время которой Горелова убивают. Катя храбро вмешивается в драку, и при ее помощи Леониду удается убить нападавшего на махновца.

— «А с тобой можно дела делать. Молодец девка. Жалко, что ты не наша. Нам такие нужны» говорит после этого Леонид.

Но Катя уже снова расслабла. «Если бы вы были другие», вырывается у нее в ответ.

И так вечно идет у Кати качание между двумя непримиримыми в борьбе лагерями. Действительно —тупик. И из помещенных до сих пор в печати отрывков романа не видно, найдет ли, наконец, Катя выход из него.

Но важно не это. Важно то, что автор романа сурово относится к этим слабым, колеблющимся душам, которые «на Бога не восстали но и верны ему не пребывали». А если мы вспомним, как автор изображает белогвардейцев и большевиков, то ясным станет, на какую сторону должна была, по его мнению, стать Катя, если бы она нашла в себе достаточно сил.

II. „ИЗБЯНОЙ ОБОЗ".

(О «пастушеском» течении в поэзии наших дней).

Ник. Асеев.

Двойственность миросозерцания покойного А. Блока, в соответствии с которым он определял Россию то как мессиански-нищую и в этой нищете самодовлеющую, этой нищете предопределенную страну, чьи сырые избы ему были «как слезы первые любви», то как «Америки новой звезду», восторженно провиденную им вопреки «мутным взорам колдуна»,—эта двойственность наложила отпечаток на лирику нашего времени. А Блок не мог, да и не хотел синтетировать этих двух начал нашего быта,—он осязательно противопоставлял их друг другу как враждебные, утверждая в этом противопоставлении романтику своего творчества. Все-таки к концу своей прерванной хаосом быта жизни А. Блок почувствовал необходимость перехода от тютчевской России к новым формам ее волеизъявления, к новому масштабу ее измерений, к новому ощущению себя в новых же, еле намечающихся контурах ее судеб.

Поэты шедшего за Блоком поколения, находившиеся и мелодически (по ритмам) и конструктивно в сфере влияния того певучего разряда, которым через Блока в последний раз выстрелила в будущее романтика прошлого быта, детонировали, быть-может, и бессознательно, именно на эту двойственность идеологического распутья, уклоняясь в стороны и раздробляя свои пути на множество нехоженых троп, являвшихся по существу только путанными извилинами о-бок с намеченной линией блоковской идеологии. Конечно, смешно было бы утверждать, что на этих тропинках не встречалось душистых трав, что с них не открывалось бы множества прелестных «видов» и новых незарисованных пейзажей, но совсем не смешно указать на то, что все эти виды и пейзажи были лишь осколками, лишь дроблением общего движения, к тому же отвлекавшими их любителей так далеко в сторону, что временами они оказывались *идущими по тому же пути, но в обратную сторону*.

И если часть поэтических сил поколения осознала эту двойственность и путаницу волевого разброда и отказалась и внутренне и формально от продолжения романтических скитаний по дебрям мелодизированной символики, то огромное большинство стихотворцев разбило свои, той или иной расцветки, скитальческие шалаши именно «на воле» этих «целиной» бредущих обозов, пытаясь уж и идеологически противопоставить некоторое credo, обостренное в сторону города, щерящееся на него крепким «древним» клыком хаотически-пастушеской интерпретации «возрождения».

«Хрестьянствовать» на страницах, набранных в городе на машине, отпечатанных машиной и читаемых, конечно же, теми же городскими глазами изданий, стало отменным свидетельством здоровой идеологии и

творческого упора. Как же—ведь «мы пахали»! «Мы своей сошкой, закинутой в небо Микулой, пропашем теперь и эту иссохшую душу городского читателя, мы засеяли зерном, всколошенным на необъятных нивах молчаливых народных дум и тайн!

Так думают крестьянствующие поэты, вселившиеся чуть ли не целой волостью в чердаки и мансарды той полумещанской, полурабочей богемы, из которой вырастала поэтическая поросль сегодняшней России. И не плохо бы было, если бы они думали только это. Но враждебность ко всякой иной попытке овеществления миросозерцаний, упорное тяготение к быту отцов и дедов, нежелание расстаться с мистическим пафосом, со стилизованностью и исторической хаотичностью языковых приемов, и в конце-концов—подчиненность их символике и аллегоричности прошлого поколения литературы—делают работу их глубоко консервативной и никоим образом не «возрождающей» певучее начало человеческого сегодня.

Правда, они не все на одно лицо. Некоторые из них формально сближают город и деревню, пытаются сплести эти два мотива в одну мелодию, но попытки эти—чисто механические, и ни город, ни деревня ближе друг другу от них не становятся.

Гораздо выразительнее, контурнее лирика таких поэтов, которые с городом не заигрывают, существование его в творчестве своем не подозревают и свое происхождение и свое творчество предупредительно оговаривают перед читателем как чисто пастушеское, орнаментное, идиллически-углубленное. Из числа их выделяются имена Есенина, Клюева, Клычкова, Ерошина и др.

Останавливаться на характеристике творчества каждого из них мы не будем. Этим мы слишком бы упестрили нашу статью, цель которой выявить нездоровую тенденцию целой части певучих голосов, канонизировать патриархально-лирическую основу поэтического стиля, как единственно возможную и правильную для поэзии.

Мы выбираем из всех поэтов «сельской ориентации» наиболее даровитого, дееспособного и не окристаллизовавшегося еще в формах группового «стиля». Мы говорим о С. Есенине, чьи строфы и строки часто свидетельствуют о подлинно-свежем поэтическом даровании, но еще чаще—о насильственном отклонении от пути современного поэта в дрему и глушь стародавнего, замшенного и заплесневелого быта вчерашнего дня, который С. Есенин атавистическими инстинктами поэта-собственника хочет всеми правдами и неправдами теоретических рассуждений охранить от вторжений новых форм людских взаимоотношений.

Творчество Есенина достаточно популярно в кругах читающих стихи, чтобы характеризовать его детально. Скажем только, что в одной из последних его, известной нам, вещи—«Пугачеве» его облик затеняется еще облачней тяготением к этому формальному преобладанию «духа» над «материей», к этой идиотично-хитроватой ухмылке юродивого, бормочущего упрямо и самовлюбленно истины, вычитанные во всевозможных «Триодях» и «Цветниках», и слегка модернизованные под совре-

менье. Эта черта работы Есенина сквозит в большинстве сделанного им. Символика природы, быта и чувств по образу загадок и пословиц, злоупотребления книжным «орнаментом», не переплавленным творческой изобретательностью, и подпадение под аллегорию и условность своеобразного «народного» символизма тяжелят и одеревяняют пластичность и гибкость самостоятельных смысловых и мелодийных построений С. Есенина. Но воздержимся от общих укоров и подойдем к поэту вплотную.

Перед нами—выпущенные из-вом «Скифы» в Берлине поэмы С. Есенина «Триптих». Может-быть, это и не самое характерное из того, что написал Есенин, но характерно, что эти стихи изданы берлинскими «Скифами». Ведь ни Маяковского, ни Гастева, ни Казина «Скифы» не издадут; не издадут не потому, что считают их менее талантливыми, или менее популярными, а именно в силу идеологической враждебности к ним. Что же нашли «Скифы» в есенинских поэмах близкого, что они считают необходимым распространять и популяризовать через свое издательство.

Раскрываем книжку и с первого слова натыкаемся на «Господи, я верую!»

К этому первому «крестьянскому» восклицанию подобран весь словарь трех объединенных в «Триптих» поэм.

Церковно-славянский, великопостный, с поджатыми губами словарь этот весьма отдает священным саном колупаевского дьячка и, очевидно, и приводит в умилительно-издательское настроение «Скифов». «Попрать», «чрево», воззреть», «воитель», «ризы», «ветхое деньми», «октоих», «преполовение», «узрел», «прозри», «вижди», «вострубит», «плат», «среброзлачный», «ладья», «лоно», и т. п. «ветхая деньми» псалтырь фольгой золотит усердную иконопись скифского величавого храма, подмалевать стершиеся ризы которого, очевидно, доверено С. Есенину. Но, может-быть, словарь этот подходит к общей структуре поэм? Без него, быть-может, не обойтись Есенину, как Лескову без его «словечек»? Ничуть. Думаем, даже при условии посвящения поэм А. Белому, С. Есенин мог бы сделать более тщательную «подмалевку» всех введенных в «Триптих»—«приснодев», «христов», «Симонов-Петров» и др. не менее византийских опор своего лирического пафоса, особенно принимая во внимание автобиографические подробности московской жизни Есенина с колкой икон на растопку самовара. Мы не разгадыватели чужих мыслей и намерений, и если Есенину нужно было для чего-то связаться со «Скифами», въехав к ним с собственным иконостасом, то мы в праве поставить это в прямую связь с идеологическим credo поэта, как бы он ни уверял заграничных рецензентов, что он «гораздо левее большевиков».

Стихи «Триптиха» ниже среднего уровня. Достаточно привести такие строфы:

...Вот гор воитель
Ощупал мглу,
Христа рачитель,
Сидит в углу

или:

...И вывалится чрево,
Непочесав бразды,
Но тот, кто мыслил девой(?),
Взойдет в корабль звезды(!?)

или:

...Шумит небесный кедр
Через туман и ров
И на долину бед
Спадают шишки слов.

прочитав которые остается пожелать никому под эти шишки не подвертываться.

Единственное хорошее стихотворение «Не потому ль в березовых кустах поет сверчок»... испорчено вялыми строками: «он про глагол судьбы» и «озлатонивить мрак». В общем поэмы «Тринтиха» представляют собою ряд ничем не связанных, кроме «священного акцента», стихов—далеко не из лучших достижений Есенина. Мы бы и не останавливались над книжкой так внимательно, если бы она не была подтверждением некоторых теоретических положений того же поэта, собранных в другой его книжке, носящей столь же мистическое название: «Ключи Марии».

Очень важно, когда поэт защищает свой путь не только песнями, но и рассуждениями об его правильности.

В первом случае он нащупывает его подсознательно, руководствуясь, так сказать, лишь лирическими результатами, во втором он лишь декларирует эти результаты, определяя и формулируя их в приемы своей работы, как выбранные из всех других и, стало-быть, наиболее целесообразные. С. Есениным еще в 1920 году издана именно такая декларация поэтического пути, в которой он остро и выпукло характеризует себя как поэта, попутно подвергая критике, весьма, впрочем, своеобразной, иные пути и возможности стихотворного ремесла. Насколько нам известно, «Ключи Марии» не заслужили внимания тт. критиков, а между тем они заслуживают его не в меньшей степени, чем пастушеское происхождение нашего поэта, на которое, главным образом, устремлено внимание критики, больше всего, кажется, жаждущей «чуда» и «явления» внезапно открывшегося дарования.

При этом последовательность работы, самое развитие этого дарования, его идеологические шатания тт. критики всегда как-то упорно промаргивают и, признавая или отвергая поэта, предпочитают руководствоваться общими местами, в крайнем случае прибегая к определениям все того же Плеханова.

А между тем в «Ключах Марии» талантливый поэт стоит на распутьи, и в зависимости от правильной критики может двинуться или в глушь формального метода, внешней мистики индивидуалистического крохоборства, либо выйти на подлинный путь современья.

В декларации своей С. Есенин исходит от орнамента. Он истолковывает его, как данное и закрепленное свидетельство творческого начала быта народного, объединяющего страны и эпохи, и просквожающего от далеких времен пастушеского быта до наших дней. Так, образ дерева «древа» и в начертательном и в словесном образе хранит традицию патриархата (а в современном понимании, очевидно, «патриотизма»), отзываясь и в легенде о дубе Маврикийском, и в скандинавской Иггдразили—поклонении Ясеню и т. д.

Отсюда С. Есенин видит в орнаменте единственный живучий стимул преемственности творчества и для современья. А так как орнамент этот, через который народ осознавал и конкретизировал себя в мире, сохранился—в виде ли коньков на крышах, петухов на ставнях, цветов на постельном белье, или в образах народной словесности,—живет только в том пастушеском быту деревни, который сохранился в России, то из этого делается вывод, что только «пастушеское» миросозерцание, возвращение к истокам народной фантазии—даст силу и крепость искусству будущего. Для закрепления этого вывода Есенин не скупится на доводы самые неожиданные, делая ссылки самые рискованные, разлагая, напр.. самое слово «пастух» на «пас-дух», утверждая, что «т» часто переходит в «д», и заключая, что слово «пастух» «говорит о каком-то мистически-помазанном значении над ним». Конечно, в случае нужды такой же философской уверенностью можно усмотреть «духа» и в петухе и во многих других словах, забывая о глагольных формах пасти, петь и т. д., где это же «т» не обнаруживает тенденции к мистическому значению, а скромно остается глагольной подставкой, но дело не в этом.

Дело в том, что Есениным в понятии «орнамента» (к слову сказать. весьма осторожно поставленном на место «символа») усматривается не творческий прием только, и, следовательно, не путь только, а некоторая закрепленная и самоценная традиция, которую «безграмотная критика и третичный период идиотического состояния городской массы подменили... безмозглым лязгом железа Америки и рисовой пудры на выпитых щеках столичных проституток» (стр. 26).

Отсюда та тенденциозная позиция, в которую становится С. Есенин, провидя все бе́ды и несчастья от «лязга железа» и возвещая спасение искусства в том, что «пахарь» пробьет теперь (после революции) окно не только *глазком* к богу, а целым огромным, как шар земной, *глазом* (стр. 27).

Кроме достаточно туманных провозвестий и символико-мистических позывов, конкретных способов к этому Есениным не приводится. «Ключи Марии» остаются теми же «ключами тайн» символизма потебне-беловского уклона. И, исходя из правильного положения о необходимости внимательного изучения *приемов* народного творчества, С. Есенин, в стремлении своем покончить со всяким иным *организующим* началом работы, приходит к торжественно-обличительному тону «жреца», мистагога и хранителя ключей храма.

Нельзя сказать, чтобы тон этот удалось ему выдержать. Чаще всего он впадает в фальшиво-пифийскую безапелляционность Мар-

тына Задеки и тогда комически-торжественно звучат такие, напр., фанфары:

«Сие заставление воздушного мира земною предметностью существовало еще несколько тысяч лет (а сколько, все-таки, примерно? *Н. А.*) до нас в Египте» (стр. 20) или «это есть знак того, что опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба»... (стр. 29). Что звучит особенно убедительно, если принять во внимание, что здесь Есениным расшифровывается «орнамент» изгнанной из алфавита Θ (фиты). Положение обязывает Есенина выступать на защиту столь же несправедливо, по его мнению, обиженной ижицы, которая «есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду».

Смесь «пастушеской» наивности с натягиваемой на лицо миной мистической торжественности проглядывает на каждой странице книги. Вычитанное в старинных «лествицах», заполнившееся из трудов Потебни, Буслаева, Стасова,—все это, отлакированное в поэтической мастерской бело-блоковского символизма, заварилось кашей в горячей голове талантливого пастушонка, давно уже, впрочем, оставившего стада и предпочтившего для собственного употребления хороший аэроплан системы хотя бы Фоккера. Но по «Ключам Марии» разве можно предположить, чтобы Есенин передвигался иначе как на собственных утомленных ноженьках по тем лугам, где «растут цветы целителя Пантелеймона»?

Ну, конечно же, нет. Ведь «рост ввысь происходит по-иному, в нее растет только то, что сбрасывает с себя кору или, подобно андреевскому «Котику Летаеву», вытягивается из тела руками души, как из мешка» (стр. 36). Тогда,—о только тогда, читатель,—«нам является лик человека, завершаемый с обоих концов ногами» (стр. 36), и далее: «здесь в мудрый узел завязан ответ значению тяготения человека к пространству, здесь вскрываются знаки нашего послания, прочитав грамоту которых мы разгадаем, что в нас пока колесо нашего мозга движет луна, что мы мыслим в ее пространстве и что в пространство солнца мы начинаем только просовываться» (там же) и «радость эта вознесения была предначертана целыми тысячелетиями мистам».

Предначертано-то была мистам, скажем мы, а на Фоккер сел и вознесся С. Есенин, который ненавидит и проклинает «безмозглый лязг железа Америки».

И мистика начинает походить на мистификацию, когда из-за простоватых черт пастуха начинает проглядывать смышленый и хитроватый взгляд прикидывающегося юродивым парня.

Мы бы не заметили этого взгляда, если бы он не сквозил в «скифском» издании, если бы в тех же «Ключах Марии» не противоречил она собственным положениям, собственной хитроватой усмешке, говоря:

«Этот образ построен на заставках стертого революцией быта» (стр. 39),—или:

«Средства запечатления образа грамотой (приемами? *Н. А.*) старого обихода (орнамента? *Н. А.*) должны умереть вообще».

Но тогда зачем же все «Ключи», если ларчик отпирается так просто? Или Есенин говорит о стимулирующем значении «орнамента». Тогда не может быть у него связи и со «Скифами», где в таком почете «средства стертого революцией быта», тогда нечего ему подновлять беловской идеологии, нечего с биением в перси отстаивать фиту и ижицу, или... или С. Есенин, зная правильный путь поэта современья, считает его для себя по каким-то причинам неудобным, предпочитая плестись «избяным обозом», а не итти в регулярных колоннах передовых отрядов человечества.

Все дело в том, что С. Есенин хочет отпихнуться, во что бы то ни стало, от классового самоопределения. Как хитрый деревенский парень, он чует, что борьба еще не кончена. И, не желая терять в своей поэтической дороге ни пяди, он пытается пройти прямиком мимо тягот и черной работы поэтов нашего поколения. Вот потому-то ему:

...«так и противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусства, она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове (40).

Положим, что крестьянин памятнику предпочтет просто живую корову, но даже если бы и впрямь он захотел поставить памятник корове, то что из этого следует? Поклонение быку Апису создали ведь не крестьяне, и возвращение к этому «орнаменту», думаем, было бы не таким уж расцветом «идеологии искусств».

И вот утверждение Есенина о «вере человека не от классового сознания, а от осознания объемлющего его храма вечности» превращается в чистейший символизм с его потяготой к язычеству, к традициям, канонам и мистике искусства—давно стертыми заставками, т.-е. тем, что, по словам того же Есенина, «было выжато и изъедено вплоть до корок рядом предыдущих поколений и теперь собирается по кусочкам, как открытие».

Мы приветствуем конкретный смысл последней цитаты и верим, что Есенину, наравне с нами, он представляется самыми удачными строками из его декларации.

И не беда, что, как пишет он в своей биографии, в молодости у него капал пот, когда он видел Блока; пора перестать потеть ему при виде и других «фетишей» «мировой», «всечеловеческой» культуры и критически пересмотреть свой дальнейший поэтический путь.

И вовсе не надо чувствовать себя «гораздо левее российской коммунистической партии», чтобы оставить себе свободу развития своего поэтического лица. Тем более, что такая «свобода», которая опирается то на «скифов», то на мистику и фальшиво-оппозиционную браваду тяжелому росту трудового освобождения человечества от всевозможных личин предшествующих ему эпох, весьма походит на сказку о дурне, бормотавшем работающим: «носить вам—не переносить, таскать—не перетаскать».

Мы, конечно, далеки как от дружеского захваливания Есенина, так и от огульного осуждения всей работы С. Есенина, но мы должны констатировать огромную опасность для этого талантливого поэта в его

пристальном всматривании в «орнамент» древности—испортить свои живые глаза, до потери ими способности улавливать движение жизни.

На примере Есенина, нам думается, отразились все наиболее острые и характерные черты современного тяготения к «пастушеской», крестьянской психологии той группы поэтов, которая склонна противопоставлять себя иному течению современной поэзии, пытающемуся оформить и очистить все виды трудовых процессов до ощущения в них себя человечеством, освобожденным и пронизанным радостью *вольного труда*.

III. ОБЗОР ОБЛАСТНОЙ ПОЭЗИИ.

Сергей Городецкий.

1) **Третье рождество великого мирового поэта социальной поэзии Константина Олимпова, родителя мироздания.** Изд. «Руны неба». Окно Европы. Цена 50 руб. 8 стр. 2) Сейф сердец. Собственность **Нины Грацианской.** Москва (?) 922. 52 стр. 3) **Юрий Деген.** Волшебный улов. Изд. Дегур. Город Ветров. 922. 40 стр. 4) **Владимир Келлер.** Игра. Изд. «Буревестник». Краснодар. 1922. Обл. А. Юнгера. 48 стр. 5) **Михаил Смирнов и Виктор Ростопчин.** Алатырь. Орел. Госиздат. 921. 52 стр. 6) **Александр Китаев.** Оранжевый Колорит. Смоленск. 921. 20 стр. 7) **Д. Олерон.** Олимпийские сонеты. Иркутск. 922. 32 стр. 8) **Владимир Буйницкий.** Осеннее. Изд. Шарнина. Екатеринбург. 922. 58 стр. 9) **Арсений Несмелов.** Тихвин. Владивосток. 922. Обл. Любарского. 10) **Алексей Луганский.** Жасминовый Сад. Изд. Рыбина. Иваново-Вознесенск. 922. 48 стр. 11) **Он же.** Терем царевны. Изд. Киселева. Иваново-Вознесенск. 922. 104 стр. 12) **Евгений Приходченко.** Земля. Изд. Арена. Город не указан. 922. 48 стр.

1) **Павел Радимов.** Деревня. Казань. 922. 2) **Кремлев.** Хижина. Батум. 922. 3) **Ив. Жижин.** Мое. Изд. Губсоюза потр. общ. Иваново-Вознесенск. 922. 160 стр. 4) **Ив. Синяков.** Золотое Кольцо. Тверь. 922. 32 стр.

1) **Михаил Голодный.** Сваи. Изд. Ц. К. К. С. М. У. Харьков. 922. 34 стр. 2) **Михаил Данилов.** Каменный фонарь. Баку. 922. Обл. Чичкапова. 104 стр. 3) **Наталия Кузьмина.** Стрелы звенящие. Ростов. Госизд. 922. 64 стр. 4) Зори-зарянницы. **И. Доронин. М. Смирнов. С. Дмитриев. Н. Добротвор.** Изд. Тульского губ. отд. печ. Тула. 5-й год Новой Эры (922). 88 стр.

Рецидив мещанского эстетизма—одно из последствий нэпа, замечаемое не только в столицах, но уже и в областях. Первая группа перечисленных выше книг стихов значительно преобладает и над второй (среднячество) и над третьей (пролетпоэзия). При чем тут же надо отметить, что вторая и третья группы испытывают немалое влияние первой. Наиболее махровое выявление мещанский эстетизм получил в творениях «великого мирового поэта» Константина Олимпова, последыша северянинского эго-футуризма. Тяжелое впечатление производит перекраска под стиль «трудящихся народов» идеек измельчавшего индивидуализма и самодовольных выкриков автора: «Олимпов—красота». «Олимпов—теоман, родитель мирозданья». «Мы молимся тебе». Наглость и безграмотность—этого слишком мало, чтобы стать поэтом интернационала. Смешней и

скромнее попытка ростовской поэтессы Нины Грацианской воспеть революцию, пользуясь этикетками парижских духов, и лирику наших дней подогнать под образы Людвига Баварского и Цезаря Борджия. Все это, конечно, останется «собственностью», как помечено на обложке, одной лишь Нины Грацианской. А между тем, если проветрить эту юную голову от «путеводных Штайнеров», вряд ли даже прочитанных, может-быть, и вышел бы толк. Во всяком случае даже эта сумбурная книжка не позволяет говорить о поэтической бездарности. То же самое относится и к бакинскому поэту Юрию Дегену, выпустившему книжечку в стиле петербургских. Правда, его политическая грамотность не превышает таковую же его ростовской соперницы по эстетству, ибо свержение старого мира подводится им под афоризм: «сегодня ты, а завтра я». Но хорошая школа (ученик М. Кузмина), наторенность в форме и несомненный слух к блоковской теме ветра, далеко не чуждой современности, могли бы его вывести на дорогу настоящей работы. Но тина мещанского эстетства пока затягивает его с головой.

Под волшебной палочкой нэпа воскресают все прелести этого мещанского эстетства. В Краснодаре вдруг выхлестывается поэма на забытые темы Кузмина. Разница только в том, что роль баньщика исполняет теперь человек «в кожаной куртке полинялой». На кожаные куртки вообще теперь поветрие, кожаная куртка — это главное, что заметила литература в революции. Но в таком аспекте мы еще не видали «кожаной куртки». Коммунистическое издательство «Буревестник», издающее книгу Вл. Келлера, просвещает на этот счет. Дело, видите ли, в том, что «судорога краткого объятья (женского) мучительна, угрюма и темна». Совсем другое дело («от радости не в силах я вздохнуть»)—человек в кожаной куртке. «Твой безраздельно». «Все смотрел бы на дальнюю дорогу, по которой ты скрылся от меня». «Твержу я: останься, помедли, но ты проходишь, не слушая, мимо». Как видно, человек в кожаной куртке не так податлив, как баньщик. И напрасно поэт хочет «ребенком истомившимся приникнуть к твоим рукам, к твоей груди широкой». Но иногда все-таки «ты осторожными губами коснешься моего виска». Веселенькая книжка. Только в этом ли плане должна протекать просветительная работа коммунистического издательства?

Детской забавой после этого кажутся эстетические упражнения дэнди из Орла. Ребята нюхнули где-то духов, прочитали Евгения Сю и зашныряли по Болховской доморощенными игорями. Школа политграмоты легко бы их вылечила от чар пошленького Эроса и научила бы, глядя на виселицу с качающимся трупом, отдавать отчет, кто и за что повешен, а не отделываться от картин гражданской войны преступно-глупой строчкой: «Кто он? За что? Неизвестно. Туманно. Неясно». Школа политграмоты научила бы и смоленского «оранжевого колориста», что жизнь не в том только, чтобы «с девчонкой, с простой девчонкой в соломку глубже вдвоем войти». Бездарность этой молодежи не в форме— по форме они чуть ли не мастера—а в тупой слепоте взгляда на современную жизнь, недалекой от огарочничества. Слеп и екатеринбургский

поэт Буйницкий, хотя он и не отравлен уличным фланерством. Но все его печали, скорби, слезы души и сердца гроша не стоят, поскольку они опираются на тот же эстетский лозунг: «Вольный дух—ты один». Весь гнев и все смятенья такого вольного духа бесплодны и не могут создать лирику современности. Никчемна и «несступленная кончина» повесившегося в Тихвине от любви к гимназистке Клаше монашка и воспетого владивостокским поэтом Несмеловым и по той же причине. Даже, когда поэт берет современные темы, как паровоз, отправляющийся в починку, или больной рабочий, или сторожевое охранение в борьбе с бандитами, как это делает Приходченко, оставляя их в цепях личного наблюдения, переживания, заметы, не вкладывая в них разума массы, огня борьбы,— и эта работа остается такой же никчемной и бесплодной, как упражнения эстетов в кузминском или северянинском флирте. В этой же области ничего не значащего личного переживания остаются и обе книги Алексея Луганского, хотя в общем река его поэзии почти ложится в русло среднячества. Ничего решительно не следует для современного читателя из того, что «эти цветы не фиалки», придет или не придет зоренька в сад на свидание, один поэт или вдвоем с миньоной «в кругу теней», блондинку он предпочитает или брюнетку. Наполнять десять печатных листов такими темами не имеет никакого смысла. «Терема царевны» и «жасминовые сады» умерли, и воскрешать их да еще в центре текстильной промышленности смешно. Странно читать в наши дни и серьезную книгу иркутского Вячеслава Иванова—Д. И. Глушкова (Д. Олерона).

Но эта книга оправдана тем, что покойный поэт был филолог, переводчик и знаток античности. Под его сонетами есть научный базис, и для небольшого круга любителей античности в ее тонкостях и оттенках «Олимпийские сонеты»—книга нужная и близкая. Но эта книга стоит одиноко среди разливанного моря провинциального эстетизма, понятного в условиях нэпа, но вовсе для него не необходимого и потому подлежащего искоренению.

В противовес чрезмерно распухшей группе провинциальных эстетов нарастает чрезвычайно сильная группа среднячества. Несмотря на свою распыленность и раскиданность, несмотря на то, что организована только незначительная часть ее (союз крестьянских писателей), эта группа растет и развивается. Если принять временно, как приняли в политике, ее собственнические инстинкты, ее надо признать положительным фактором в развитии нашей литературы. Достоинств много: великолепный, растущий прямо с земли язык (имажинизм есть только городское искривление этой мощной языковой стихии), хозяйственная деловитость, которая у отдельных поэтов, как Радимов, достигает гомеровской чистоты и отчетливости, общий подъемный тон, обозначающий рост производственных сил деревни и широкий песенный ритм, легко вбирающий в себя этнографические и исторические элементы народной песни. В прозе на этой почве уже выросли серапионы. В поэзии растут их братья. На первом месте среди них надо поставить Павла Радимова, казанского поэта. Его «Поповада» войдет в классическую русскую литературу. Это

прекрасный эпос, насыщенный бытом и пронизанный острым юмором. Его «Деревня» представляет собой фрагменты такого же эпоса. Ценным и новым у Радимова является материалистический подход к природе и работе. Клюев, Есенин, Клычков, Ширяевец не чужды деревенской мистики, иногда даже сквозь призму интеллигентской нестеровщины. Радимов прозрачен и материалистичен. Его детализация картин всегда строится по принципу иронического обнажения истинной подоплеки всех человеческих (да и самой природы) дел. Даже пафос рождения у него проходит в общем плане трезвого мирового труда. Над одним он не умеет еще посмеяться,—это над инстинктом собственничества, и зоркий глаз кулака-хозяйственника часто чувствуется в его книгах. На другом конце Волги—в Ленкорани, на море, появился его собрат по песне, Кремлев. Начав неуверенной книгой «Корабли», он вскоре дал свою «Хижину», с обгорелыми тушами только что убитых диких кабанов, с радостью дикаря, строящего впервые свой дом, с любовью к запаху свеже выструганного дерева и мощным призывом как бы впервые почуявшего прелесть оседлой жизни охотника к творческому труду, к работе над материалом и победе над природой. Кремлев новее, свежее и моложе Радимова, но в общем их творчество протекает в одном русле. Он менее заражен собственничеством. Участник Октября, он написал поэму «Октябрь», правда, фрагментарную и слегка подслеповатую, но все же живую, как показание очевидца. В лице Кремлева и Вадимова среднячество имеет серьезных своих эпических поэтов.

Крепким гнездом средняческой лирики был Иваново-Вознесенск. В настоящее время оно обеднело, отдав Москве Баркову и Артамонова. Но все же там остаются Семеновский, Жижин и др. поэты, собирающиеся сейчас вокруг журнала «Новый Быт». Книга Жижина «Мое», изданная со столичной изысканностью, за исключением неудачной каталогообразной обложки, включает стихи почти за десять лет. И хотя она посвящается «взлелеевшему дух поэта Красному Манчестеру», тем не менее, она является песнопением природе и деревенской Руси. Для поэта «нет мучительнее плена—замкнуться в каменных гробах». Душа его «набухает ржаною радостью», и березы все еще кажутся ему монашенками. Мельница—инок, молния—лучина, солнце—колоб, часы—ходики,—такова его «немудрая, но ядреная явь». В революции поэт слышит прежде всего стихию бунта. Умом он знает, что «лишь рабочий, жаждущий творить, земле нечаянную радость явит», но сердцем чувствует в верстатке наборщика пчел, светлянок, ос, в спящей фабрике—чертенят. Лучшие стихи о природе—его собственные. Лучшие стихи о фабрике—перевод с немецкого и чешского. Все же показателен рост поэта от неприятия города к лозунгу содружества крестьянина и рабочего. Книга Жижина приятна своей искренностью и теплотой и останется в ряду хороших книг истекающего года.

Беднее книга тверского поэта Ив. Синякова «Золотое Кольцо». Этот поэт еще не определился. Лучше всего ему удается пейзаж. Но при попытках оторваться от простой песенки появляется рассудочность и наставительный тон мелкой житейской мудрости.

В общем средняческая поэзия настолько окрепла, что выдвигается вопрос об организационном объединении ее работников.

Нарастает молодняк и в пролетарской поэзии, еще полгода тому назад переживавшей тяжелый кризис. Новые силы идут на подкрепление старым. Украинский комсомол выпустил книгу Михаила Голодного с предисловием Валентина Рожицина. «На мои широкие плечи тяжело опирается мир». «Я грядущего ставни раздвинул, я качаю веков колыбель». «Синеблузый вечер». «И с криком раскатистый выстрел за пазуху спрятала ночь». «И поет и свищет птахою звон рабочего стиха». Книга задорная и свежая, и хотя эмоциональность ее не всегда находит полное техническое разрешение, тем не менее, поэт стоит на правильном пути выявления формы под напором идеи и чувства, и при таком подходе некоторая тренировка быстро даст ему мастерство. Такой же свежестью проникнута и тульская книга—«Зори-заряницы», в которой самым сильным поэтом является Доронин. Он еще не преодолел некоторой болтливости, к которой предрасполагает излюбленный им короткий ритм. Но в поэме и «Тульский оружейный завод» и «В деревне» есть уже признаки мастерства. Смирнов и Добротвор еще робеют перед словом, и в их стихах много рассказыванья, слабее натиск образов. Что касается рассказов и очерков Дмитриева (проза), то хотя они не уступают серапионовским в деталях и гримасах быта, но сделаны они фотографично, без разрешения в каждом основной темы.

Стихи ростовской поэтессы Наталии Кузминой, в общем примыкающие к пролетарской поэзии, страдают лозунговой крикливостью, доходящей иногда до бальмонтизмов. Повидимому, у автора недостаток материала и наблюдений. Нельзя этого сказать про бакинского поэта Михаила Данилова, выпустившего вторую книгу стихов «Каменный Фонарь» (библиографически — четвертую: 1-ая «Алый Карнавал», вторая—«Полымя» и 3-я—«Серый Слоник»). Но круг наблюдений Данилова уклонился с яркой дороги поэзии труда, так явственно обозначившейся в его «Полымени». «Фонарь» демонстрирует явную ушибленность нэпом. Темы суживаются до чисто индивидуалистических переживаний, иногда до мещанского одиночества и меланхолии и эго-центричной эротики, доводящей пролетарского поэта чуть ли не до мистики. Но несомненно, что этот уклон является отражением общего кризиса пролетарской поэзии, и что Данилов преодолеет его, и голос «Полымени» потушит мерцанье «Каменного Фонаря».

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что, несмотря на численное преобладание в областной поэзии книг нэповски-эстетских, качественный перевес резко обозначается на стороне крестьянской и рабочей поэзии. Организационная связь провинциальных поэтов с центром ускорила бы развитие областной поэзии именно на этом неизбежном пути.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Проф. А. А. Сидоров.

Статья четвертая [1]).

Девяностые и девятисотые годы.

I.

Изучение искусства вообще становится все труднее и больнее, чем ближе мы приближаемся к современности. Так, нельзя быть врачом близкого человека. Одною из самых острых задач общественной науки вообще останется всегда,—как можно ввести современность в историю? Наша тема, малая на первый взгляд и узкая, ныне ширится и углубляется. В милом нашему сердцу скромном зеркале «украшенной» книги увидели мы глубинные отражения лика современного художественного творчества. Не устанем повторять: из того, как, кто, когда относился к книге, можно выявить с острейшею четкостью, как бьется или чем болен не только художественный пульс данного времени. Исследуя русскую иллюстрацию последних времен, мы не только подводим итоги интересной и мало изученной главе истории нашего изобразительного искусства, но и начинаем нечто новое: знание о том, что есть и что будет. Заключительная глава очерков наших предваряет обследование русской революционной эпохи, которая вся ведь отразилась в малой капле русской графики, как в неком микрокосме.

Эпоха, подлежащая изучению, на первый взгляд, не есть единая эпоха. Совсем не так давно казалось, что конец девятнадцатого и начало двадцатого века—чудесный исторический и художественный водораздел; что реакция и упадок девяностых годов сменены (говорилось это в области, конечно, прежде всего, художественной) расцветом девятисотых годов. «Водоразделом» представлялась та эффектнейшая и длительная битва, которую выдержало с старым искусством молодое поколение. Стяг «Мира Искусства» был же тогда боевым знаменем. На стороне старого был долгий «стаж», опытность, пресса, покупательные способности. На стороне молодежи оказалась просто культурность. Ибо, конечно, московские и петербургские символисты и эстеты, те, коих называли «де-

[1]) См. «Печать и Революция», книги 1 (4), 2 (5) и 6 за 1922 год.

И. Е. Репин. — Рисунок к «Пророку» Лермонтова (1890 г.).— «Импрессионистическая» иллюстрация.

кадентами», были культурнее, образованнее и умнее своих противников. Наше новое искусство этих времен чудеснейшее порождение самой радикальной интеллигенции. Не даром среди них—социалисты, революционеры и анархисты. Правда, художники оказываются определенно более «правыми», чем поэты, скажем, или писатели. Будущая особая «социальная психология» подведет итог многим интереснейшим, пока нами ставимым со всею осторожностью, спорным вопросам о том, что работающий обычно на определенного заказчика художник неизбежно оказывается более консервативен, чем писатель, не знающий в последнем счете, кто прочтет его книгу. Но и русское хваленое «демократическое» изобразительное искусство хотя бы последних десятилетий девятнадцатого века—разве оно не поддерживалось просвещенным меценатством одного какого-либо богатого человека—Третьякова, Мамонтова? Невольно и бессознательно покоряется искусство «бытию». *Современная* наука, боимся мы, вряд ли склонна будет столь видное место отводить ранее превозносимому «сознанию».

И, однако, нам определенно надо темы социально-экономических предпосылок русского книжного искусства последнего времени пока оставить в стороне. Ибо без знания самого *факта* все его самые ценные изъяснения оказываются просто интересными лишь профессионально. Нам представляется, что обязанность искусствоведа, будь или не будь он марксистом, остается одна: учесть, увидеть и показать *памятник*, конкретную данность. Мы считаем себя обязанными подчеркнуть эту превалирующую роль информации именно в начале того отреза истории нашего искусства, который объемлет собою четверть столетия до революции. Это

время, в котором все-таки накипали соки будущих неожиданных ростков. Это все-таки вчерашний день нашего сегодня. Мы все-таки его позорно не знаем. Наблюдения над книгою и иллюстрацией ее есть «психоанализ», которому подвержен должен быть не случайно выздоравливающий (или нет?) больной носитель русского новейшего, столь культурно-интеллигентного искусства.

Отметим, что русская «художественная» и «иллюстрированная» книга означенного времени была уже, конечно, предметом изучения. Есть ряд весьма ценных работ (упомянем здесь имена Маковского, Радлова, Эрнста, Грабаря, Врангеля, Адарюкова, Воинова, скольких еще других), которые посвящены тому, что именуется «графикой»; в частности, петербургские «мир-искусснки» все уже, кажется, получили и оценку свою и рекламу. Важно, однако, отметить, что, оценивая и возвеличивая отдельных мастеров, «критика» наша очень старательно обходила все вопросы принципиального порядка; ставя тем и иным хвалебные отметки, она не любила (столь целомудренная) объяснять свои «великолепно» и прочие высокие слова. И, между прочим, строго на этот раз партийная, превознеся Петербург и девятисотые годы, определенно и бесповоротно поставила крест над годами девяностыми и над Москвою.

Девяностые же годы девятнадцатого века мы считаем совсем неправильным отожествлять с «упадком русской книги», которому мы посвятили предыдущую главу наших очерков. Девяностые годы нечто совсем особое, переходное, вовсе, может-быть, не особо приятное, но во всяком случае заслуживающее специального рассмотрения.

II.

Одна «стилистическая вариация» (назовем ее так) книги от последующей будет отличаться, как это мы видели, хотя бы на примере перехода от 20—30-х к 40-м годам XIX века, двояко: мастерством и идеологией. То-есть: изменится техника выполнения книги. В известное иное станут взаимоотношение текст и иллюстрация, страница и шрифт,—все то, что мы отнесем в область книжной композиции. А с другой стороны, неизбежно изменится самое задание книги, та цель, которую себе поставит делатель ее, изменится ее назначение в порядке воли к тому или иному разряду потребителя. Изменится также и то, что мы должны считать основным в узком сечении темы нашей: идеология иллюстрации, как таковой, то-есть отношение художника к тексту.

Все эти изменения чрезвычайно явственны, чуть только мы сопоставим книгу начала двадцатого века с книгою, сделанною лет за двадцать до того. В девятнадцатом веке все-таки во всех этапах, нами прослеженных, книга была подчинена гравюре: металлической в начале века, контрастной ксилографии в сороковых годах, литографии в пятидесятых, тоновой деревянной гравюре в семидесятых-восьмидесятых годах. В двадцатом же веке торжествует фотомеханика. *Цинкография* (мы будем так обозначать и в дальнейшем *штриховые клише*, Strichätzung, вытравленный

М. А. Врубель.—Рисунок к «Демону».—Совпадение стиля и символики литературного и зрительного образов.

на цинке сфотографированный рисунок, однотонный, выполненный техникою черного на белом) и *автотипия* (так условимся именовать *сетчатое клише*, то-есть снимок не с контрастного, а многотонового рисунка, выполняемый на цинке через «растер», мелкую сетку, разлагающую рисунок на комбинацию точек) нераздельно, казалось, воцарились в русском полиграфическом производстве до самой революции. Нечего и говорить

о том, как изменилось отношение художника к тексту, сквозь него—к миру. Искусство XIX века все-таки стояло под знаком реализма. Кем угодно, стилизаторами или импрессионистами, только не реалистами стали художники XX молодого века. В области иллюстрации перемена тем разительнее.

Но если природа не делает скачков, то разве мы теперь искусство оставим во власти теории катастроф? То, что именуется «революцией», в искусстве подготовлено столь же длительной обычно работой, как и та, которая подпольно предвещает грозу социального переворота. В крепкие звенья скованы одно с другим события художественной практики. Каждое из звеньев этих для историка обладает своим интересом. И всем, превозносящим «возрожденную», «изящную» книгу до революционного XX века, надо было бы помнить, что ей предпослано неразрывно с ней скованное звено книги девяностых годов. Ибо последнее десятилетие девятнадцатого века тоже имеет свое мастерство и свою своеобразную идеологию в области книги. Когда мы будем искать самого возникновения «стиля» и «импрессионизма» в русской иллюстрации, нам неизбежно будет надо обратиться к эпохе именно девяностых годов.

Все это подъемлет целый ряд чудеснейших методологически интересных вопросов. «Импрессионизм» в иллюстрационном искусстве означает не только расплывчатую манеру рисовать те или иные формы. Мы вообще теперь уже далеки от чисто технического понимания стилистических вариантов истории искусства. Импрессионизм есть некий принцип отношения к миру, заключающийся в торжестве личного, моего, субъективного восприятия, едино существующего, над наивно предположенной «вещью в себе». *Впечатление* от предмета ставится на место самого *предмета*. Перенесем это в область иллюстрации в тесном смысле слова. Художники девятнадцатого века все, и И. Иванов, и Агин, и Башилов, и Зичи, были *реалистами* в самой своей вере в конкретность данного текстом образа. Иные из них—более поверхностно и наивно (Боклевский), другие более углубленно (Ковригин, П. Соколов в «Горе от ума», Агин) входили в даваемое им книгою содержание. Но всюду для всех них это вне их данное содержание было для них главным. О себе, как о *читателе*, они не думали. Великое изменение, происшедшее в девяностых как раз годах, произошло в психологии чтения. Читатель почувствовал себя важнее писателя. *Свою* волю поставил выше авторской: «Хочу—читаю все под ряд, хочу—возьму только кое-что». Так рождается импрессионизм. «Впечатление» и «настроение» от книги оказывается важнее тех конкретных фактов и образов, которые черпала из литературного произведения иллюстрация предыдущих веков.

Устанавливается это, конечно, со всяческими оговорками. Каждое время, особо переходное, принадлежит к прошлому и будущему в равной мере. Одна эпоха всегда неизбежно заходит за другую. В девяностых годах, например, вышли книги с гравюрами П. П. Соколова (о них упоминали мы в третьей статье очерков наших) «Капитанская дочка» и «Князь Серебряный», которые определенно принадлежат принципиально бо-

П. П. Феофилактов.—Рисунок обложки к Пшибышевскому (1903).— Стиль «декаданс» в иллюстрации.

лее раннему времени. Но зато именно в девяностых годах мы можем отметить психологический сдвиг, который и эти издания сделает очень неслучайными для десятилетия. В восьмидесятых годах порыв был к книге простой, «полезной» (наследие тяжкой писаревщины тяготело же над всеми поколением тем) или, с другой стороны, к книге «роскошной». «Роскошная» книга выигрывала на золотых обрезах, пышных переплетах, толстой бумаге. Художник был для нее необязателен. Впервые после долгого промежутка именно к нему обратились девяностые годы: не к иллюстратору профессионалу, какими были Микешины и Каразины, а именно, к *художнику*, к именитому самому автору каких-либо прославленных картин. Бессознательная потребность в *художественной книге* делает для нас все то время гораздо более симпатичным, чем предыдущее. Соколовские издания, быть-может, неудачны: самый факт их появления симптоматичен и отраден.

В качестве издания, в котором наилучше документована эта воля девяностых годов к художественной книге (то-есть, как это понималось тогда, к книге, украшенной художниками более или менее известными),

М. А. Дурнов.—Иллюстрация к «Портрету Дориана Грея» О. Уайльда (1906).—Модернистический синтез, главное—совпадение «настроения».

и в то же время первого памятника новой «импрессионистической» иллюстрации надо назвать бесспорное событие русского издательства: «Сочинения Лермонтова», выпущенные товариществом Кушнерева в 1891 году.

Эта книга характерна и технически. Гравюру на дереве здесь вытесняет авто- и фототипия. Москва тогда вообще увлекалась фотографиями. «Сочинения Лермонтова»— вот книга, которую надо было бы иметь каждому, интересующемуся судьбой русской печати, собранию! Ибо ко всем интересам перелома, о котором мы уже достаточно говорили здесь, к ней присоединяется еще и то обстоятельство, что книга иллюстрирована целым рядом действительно лучших русских художников того времени. Здесь Суриков, Айвазовский, Репин и Врубель.

«Сочинения Лермонтова», выпущенные к 50-летнему юбилею смерти поэта, задуманы были, очевидно, как общая дань русской интеллигенции одному из величайших русских художников слова. Не все удачно. Разнообразие, действительно, слишком большое. Многие из привлеченных «именитых» оказались, конечно, совсем недостойными того (Айвазовский), зато на примере двух, пожалуй, крупнейших живописно мастеров издания можно явственно проследить зарождение нового стиля.

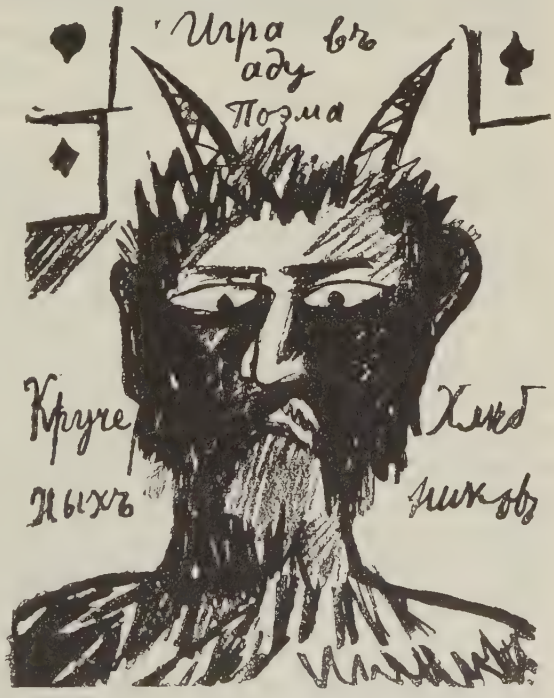
И. Е. Репин, как иллюстратор, удостоился, между прочим, специальной небольшой книжки от неутомимого нашего предшественника по изучению русской иллюстрации, К. С. Кузьминского [1]). В статье этой отметим подмеченное автором «умение» художника откликаться на характер иллюстрируемого текста. В семидесятых годах, иллюстрируя Гоголя, молодой Репин (род. в 1844 г.), конечно, «реалист». В 1890 году в рисунках к «Пророку» Лермонтова он—романтик. Эти иллюстрации, действительно, примечательны. Они, конечно, совсем «импрессионистичны». Художник не хочет придать *лирическому* стихотворению никакого конкретно-жанрового характера. Правда, некий общий «палестинский» couleur locale соблюден. Но нам важно иное. Репин дал в книгу чудесный

[1]) Кузьминский, К. С. «Репин-иллюстратор». М. 1909.

по беглой сочности (импрессионистический) *эскиз*. Рисунок сознательно (или нет?) недокончен. Линии нечетки и расплывчаты. Получается «впечатление» чего-то неопределенного, чуть туманного—и резко темным пятном выделенная фигура пророка останавливает на себе внимание чисто формальными средствами. В общем чудесный и тактичный рисунок, подобного которому от Репина как-то и не ждешь, который оказывается в порядке иллюстрации гораздо интереснее листов Сурикова и Васнецова, и который—увы!—не был превзойден Репиным в дальнейших его достаточно частых и порою удивительно никчемных иллюстрациях.

Основной и любопытнейший вывод из этого хотя бы варианта иллюстрации, который, подчеркнем это лишний раз, был совершенно нов, оказался бы, что «импрессионизм» в отношении к тексту находится в какой-то связи с импрессионизмом самой рисуночной формы. Что от чего зависело? Художник, вчитываясь в поэта, не сумел ли ничего извлечь из него, кроме нарочно расплывчатых форм, или, наоборот, мудро понял, что недоконченная форма рисунка неизбежно больше заинтригует будущего читателя? Во всяком случае, однако, нами отмеченное новое в иллюстрации не должно нам помешать отметить и вопросительные, не скажем отрицательные, стороны репинского варианта. Он мало прибавляет к тексту. Он, конечно, *ниже* Лермонтова. Он—не необходим, и вряд ли дает *образ*. Другой репинский рисунок к «Пророку» в этом отношении лучше, но по форме еще более растрепан.

Зато к *Врубелю* мало приложимы все наблюдения эти. Ужившись под одним переплетом с Репиным, его рисунки, хорошо известные, к «Демону» и «Герою нашего времени» не могут быть названы «импрессионистическими», как вообще была этому, все-таки, формальному направлению чужда изумительная и трагическая жизнь художника (1856 — 1910 гг.). Врубель именно и начинает «стилизм» в исследуемом периоде русской иллюстрации. Образам поэта он противопоставляет свой, заботясь лишь о конгениальности обоих созданий. «Стилизм», может-быть, только отчасти совпадает с «стилизацией», т.-е. с формальным подчинением художника внешним особенностям того временного культурного момента, в



Н. С. Гончарова.—Литография к футуристической книжке (1912). Триумф живописного пятна.

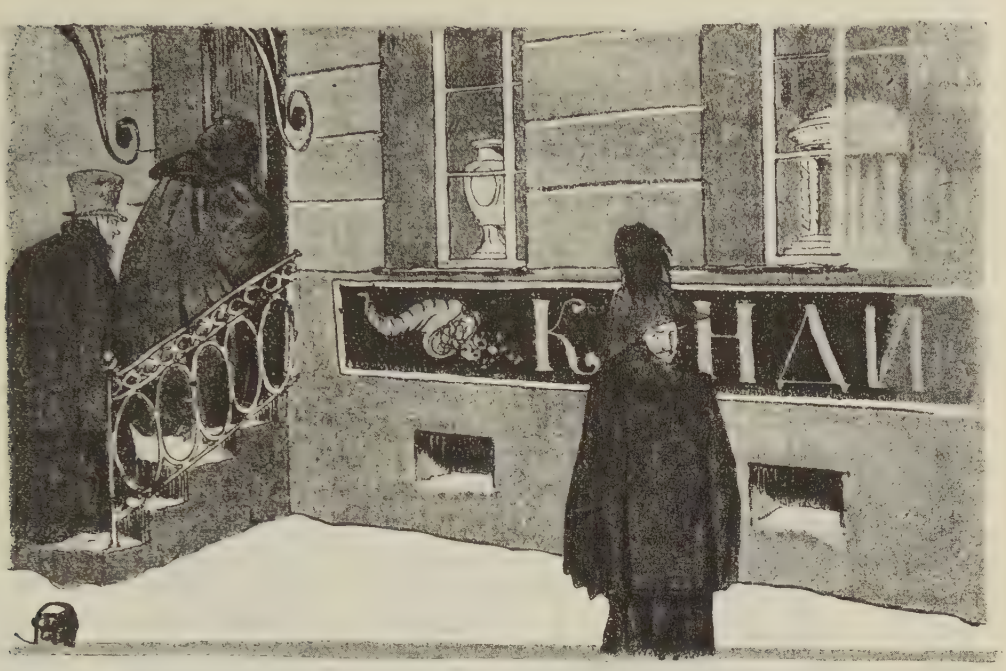
К. А. Сомов. — «Маскарад». — Из «книги Маркизы» (1908 и 1918).—Иллюстрация стилистического порядка.

рамы которого поставлено действие. Хотя врубелевский «Демон», хорошо ведомое, ужасающее в дальнейшем его вековечное привидение, удовлетворит и с этой стороны. Он безупречно лермонтовский, потому что кавказский: в узоре ковра, в уборах плачущей жутко Тамары лермонтовский восток зыблет перед нами все то же свое чудное покрывало. И *нечеловеческое* в облике Демона—в его профиле, плече и по-ассирийски взметнувшихся волосах, которые, как крыло — действительно впервые *адэкватно* Лермонтову. Вместе с тем никаких могущих наскучить подробностей. Врубель здесь еще более сдержан, чем Репин.

Иллюстрационный стиль крупнейшего из русских художников исследуемого времени — тема для особого исследования. Недавно, сравнительно, на выставке Третьяковской галлереи 1921 года, ставшие известными его ранние рисунки (80-х годов) к «Анне Карениной» показали его нам совсем поразительным иллюстратором-психологом, мастером «портретной» иллюстрации, несравнимым, конечно, с каким-нибудь Боклевским. А иллюстрации к Лермонтову, которыми Врубель был очень увлечен, действительно поражают. Чисто формальная их сторона—странная, на первый взгляд, манера отрывных малых черточек, брошенных в поле рисунка («зачем черви вокруг?» пронизировал Врубель, представляя своих критиков) [1]), запечатлена насыщенным и острым, мерцающим динамизмом, в общности которого у художника и поэта, может-быть, и лежит разгадка почти колдовского действия врубелевских рисунков рядом с лермонтовским текстом. Последующие рисунки Врубеля (к Пушкину), быть-может, не так совершенны.

Художники кушнеревского Лермонтова странно тяготеют то к Репину, то к Врубелю. На стороне последнего, конечно, *К. Коровин* и

[1]) См. Яремич, С. «М. А. Врубель», изд. Кнебель, стр. 118.



А. Н. Бенуа.— Иллюстрация к «Пиковой Даме» (1911).—Учтен как литературный образ, так и дух эпохи.—Красочность пропадает в репродукции.

В. Серов, оба давшие чудесные рисунки, не отличающиеся, однако, врубелевской остротою. И, однако, как это ни странно, во всем издании не у них, а у *Л. О. Пастернака* приходится искать достодолжного решения связи рисунка с текстом. Врубель, Коровин и Серов дают рисунки на отдельных таблицах, органически с книгой несвязанные ни формально, по исполнению, ни даже по чисто зрительному впечатлению; слишком, может-быть, «жанровые» [1]) рисунки Пастернака одни предназначены для помещения в *тексте*. В последнем счете, что предпочесть—более или менее красивую все же отдельно фототипию, или безнадежное сетчатое пятно автотипии, но включенное в организм книги? Здесь и находится риф, о который разбиваются добрые намерения издания.

Мы можем быть в дальнейшем уже более кратки, говоря о девяностых годах. Центр сохранен в Москве. Аналогично Лермонтову, задуман в 1899 году Пушкин. Но здесь уже падает даже широкий размах привлечения художников. Фототипии сменены выполненными в Париже гелиогравюрами. В тексте разбросаны немногочисленные, вполне испорченные репродукцией автотипии. Авторами их является молодежь: Сомов, Лансере, Бенуа. Это уже указывает на Петербург.

---

[1]) См. Врангель, Н. Н. «Иллюстрированные издания Лермонтова». Полное собр. соч. Лермонтова, изд. Акад. Наук, СПБ. 1913 г. Т. V. Стр. 229.

Н. К. Рерих.—Иллюстрация Метерлинку (1906).—Плоскостная стилизация.

III.

Девяностые годы, конечно, только увертюра, и настоящий интерес книжная иллюстрация приобретает только в XX веке. Он распадается на два определенных периода даже в те краткие годы, которые отделяют начало столетия от войны. Первый, до 1909 года, означен главенством Москвы. Второй, с 1907 года—не надо удивляться, что начало захватывает конец московского периода—гегемония Петербурга. Производственно оба периода—торжество фотомеханики, а с нею вместе цинкографии. На рубеже века Россия, вся в распре художественных споров, встречается с Западом. Там, в Англии и Германии, цинкография только что победила. Одно имя озаряет кончающийся век, и книжное искусство вообще подобно самой яркой звезде: Обри Бердслей, примечательнейший из иллюстраторов Европы, изобретатель не только особой графической техники, где торжествует линия и точка, но и особого совсем иллюстрационного жанра, в котором он встречается с автором уже совсем на равных правах, и читает между строк, и вместо даже «впечатления» или «настроения» дает небывалую игру гримас и арабесок в связи или без связи с образами текста. Такого рода иллюстрация уже уводит бог знает в какую область. Бердслей ее оправдал своею небывалою изощренностью.

Его последователи, конечно, весьма скоро ее низвели на-нет. Но Россия у Бердслея научилась очень правомерно, в первую очередь, только технике.

Двадцатый дореволюционный век, подчинив книгу фотомеханике, создал, однако, три совершенно разных типа иллюстрированной книги, и прежде, чем перейти к конкретному обследованию темы нашей в ее московском и петербургском вариантах, мы полагаем нужным указать на эту «типологию». Потребность в иллюстрированной книге исключительна. Никогда не выбрасывались на рынок в таком числе «книги с картинками». Но между тремя разновидностями их все-таки пропасть.

Первый тип—это *дешевая* «книга с картинками». Преимущественно классиков усердно так уродовали издатели, получившие возможность после прошествия установленного срока их печатать, как им заблагорассудится. Издателем оказывался обычно книгопродавец. Клюкин, Панафидин, Пантелеев, еще кто-то. Погоня шла за *количеством*. Втиснутый в один том Пушкин, Гоголь и Лермонтов получали в придачу листы, на которых обычно по 4 на странице размещались иллюстрации, исполняемые и автотипией, и тоновой старой гравюрой. О них лучше не говорить. Порою мороз пробегает по коже, когда вспоминаешь иных персонажей Лермонтова в изображении гг. Брожа и Малышева и скольких еще. Мы искренне не знаем цели этих иллюстраций. Они вряд ли дают что-либо новое кому бы то ни было. И они, очень бесспорно, безнадежно портят вкус тем, кто на них смотрит. Это, действительно, полное падение. За два-три рубля приобретенные «Полные собрания сочинений», распространенные в десятках тысяч экземплярах по России, может-быть, наиболее губительно отозвались на последующем отсутствии уважения к книге, с которым приходится бороться уже нашей современности. А ведь тенденция дать *побольше* хотя бы

Л. С. Бакст.—Фронтиспис к «Снежной Маске» А. Блока (1908).—Характеристика содержания всей книги.

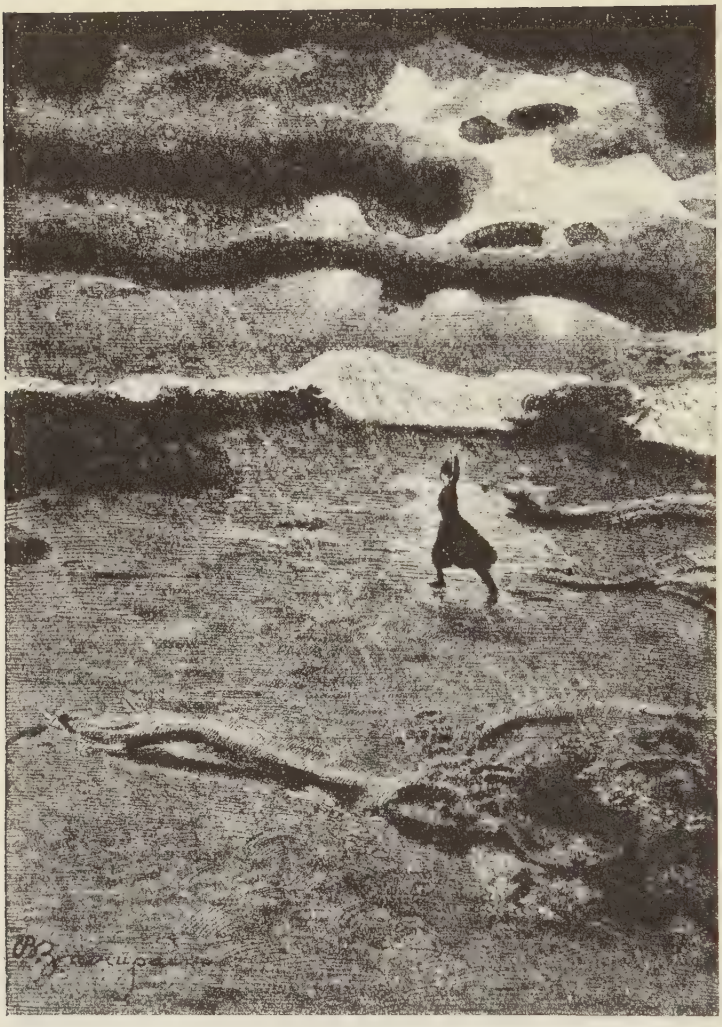
плохих иллюстраций—все-таки диковинно характерная тенденция. Как контраст этому типу дешевой книги, те же «Собрания сочинений» (форма, полюбившаяся довоенной России) в издании дорогом. Выпуски Брокгауз-Ефрона, московского «Печатника» и других фирм, выходившие по подписке, многотомные, в каких-нибудь особенных переплетах, в сущности, не больше удовлетворяют художественные требования. Чего-чего нет в этих объемистых и неуклюжих томах, которые, однако, вовсе не по типу прежних «роскошных» изданий хотят выиграть именно на «искусстве», не дают ни золотых обрезов, ни удивительной какой-нибудь бумаги. Беда в том, что, рассматривая себя по идеалу энциклопедического словаря, они одинаково радушно впускали в свои страницы и портреты современников писателя, и иллюстрации, и чисто научные приложения, в роде снимков с рукописей... И автотипии, и гелиогравюры, и хромолитографии... И отдельные таблицы, и напечатанные в тексте концовки. В сущности все это столь же мало радует. Книга не оказывается при такой трактовке единственно жизненным организмом. Хуже: обычно читать такую книгу бывает неудобно и мало приятно. Текст и изобразительный материал стоят друг с другом несогласованные и почти друг другу враждебные. А между тем решить загадку было бы не трудно. Если главное в книжном искусстве все же «композиция», то наличие единой воли «художественного редактора» сразу оказывается подъемлющим книгу на известную высоту даже при наличии конгломерата из научного и иллюстрационного материала, характерного для всего этого типа издания. Примером может послужить неоконченное из-за войны издание «Жизни Микель Анджело» Гримма, где художественным редактором был М. В. Добужинский, сразу сделавший издание интересным. А пока что, именно отсутствие единой направляющей «художественной воли», т.-е. настоящего лица, делает понятным, почему, например, Врангель в цитированной статье об иллюстрациях к Лермонтову высказывает предпочтение второсортному замыслу какого-нибудь одного художника (Эберлинга к «Демону») перед такого рода «беспринципными» собраниями разных иллюстраторов, в книге, которая есть полуальбом, и уже — полукнига.

М. В. Добужинский.—Иллюстрация к «Ночному пряпду» (1909).—Рисунок без связи с текстом не понятен.

Именно это и рождает появление третьего рода характерной для данного пе-

Е. Лансере.—Украшение к стихам Г. де-Габрпак (1910).—Торжество декоративности.

риода книги, такой, в которой бы этой, тирански даже проводимой, единой воле художника подчинено все остальное. В первую очередь — автор. Изучаемое время подарило нас рядом самых очаровательных рисовальщиков-графиков. «Иллюстраторов» среди них не так много, как кажется. И что всего интереснее: когда художник берется за иллюстрацию, он обычно выбирает все тех же классиков. Нет почти примеров совместного жизненного творчества писателя и художника, соподчиненных одному стилю, дышащих воздухом одной эпохи. Все видные русские писатели начала XX века иллюстраторов себе не нашли. Художники сознательно обращались в прошлое. С особым увлечением старались себя представить современникам давно минувших дней. Были археологами и ретроспективными мечтателями. В современности жутко мерещился им дьявол (конкурс «Золотого Руна» 1907 г.) Связь с общей реакцией эпохи после 1905 года вполне ясна. Но искусству иллюстрации оттого не легче. Мы с облегчением приветствовали уже в эпоху революции первое событие—совместной работы поэта и художника над современной темой—«Двенадцать» Блока—Анненкова.

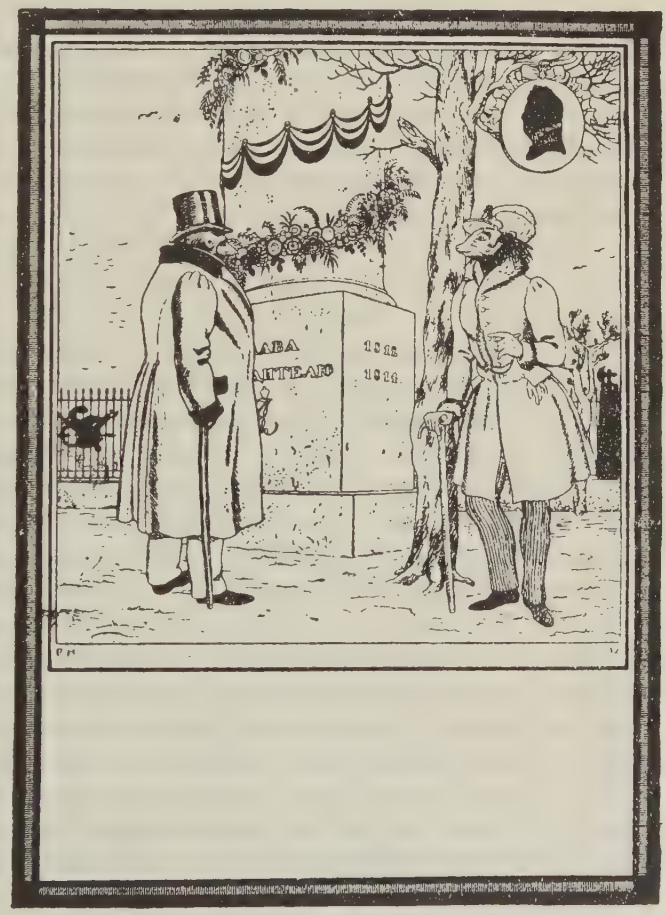


В. Д. Замирайло.— Иллюстрация к «Мцыри» Лермонтова (1913).— Чисто литературная иллюстрация.

IV.

Основная разница между Москвой и Петербургом в области изобразительного искусства явлена в неизбежном пристрастии Москвы к живописи вообще и Петербурга—к графике вообще. В нашем исследовании мы могли бы, например, указать на чисто и курьезно живописные иллюстрации москвича *С. В. Малютина* к «Руслану и Людмиле», появившиеся в несуразно большом альбоме, выпущенном типографией Мамонтова в 1900 году. В 90-х еще годах акварели талантливого любителя *Соллогуба* в журнале «Артист» своим стилизованным и весьма красочным пересозданием пушкинского «Золотого петушка» начали целый ряд стилистических экспериментов в древне-русском жанре, которые в будущем должны были принести славу Билибину и Стеллецкому. Но все-таки характерно, что в порядке нашего изучения нам несравненно важнее уже более позднее время, начало 1900 годов, когда мы, действительно, присутствуем при рождении истинно-художественной русской книги. Любопытны здесь, конечно, не только завоевания, но и промахи. Эпоха российского декаданса выявляется чрезвычайно ярыми цветами в деятельности знаменитых московских издательств—«Скорпиона», «Грифа», «Золотого Руна», позднее «Альционы». История издательств представляется нам здесь несколько сторонней нашей основной теме. Но мы должны просто из добросовестности исторической отметить, что именно «Скорпион» при-

учил русскую публику к хорошей бумаге, к впервые понятой, как художественная задача, обложке. «Скорпион» был бесспорно «западником». Бердслей и иные немцы (Т. Т. Гейне, Фидус, позднее К. Видьзер) в значительной мере задавали тон внешности московских изданий этих. Особо отметим журнал «Весы», пятилетие 1904—9, бывший передовым органом русской художественной мысли. В связи с ним выдвинулись такие графики, как *Н. П. Феофилактов*, *А. А. Арапов*, *С. Судейкин*, *А. Силин*. Николай Петрович Феофилактов, может-быть, не столь типичный иллюстратор, как диковинный фантаст рисунка, бывший бы в другое время Гойей. Его кошмарная жуть выявлялась—увы!—лишь сквозь посредство фотомеханики. Его порою удивительно тонкая игра линий часто давала самые примечательно-радостные результаты (иллюстрации к «Пану» Ван-Лерберга). И, однако, для него в последнем счете, по-московски, характерно все-таки живописное начало: светотень, игра на пятнах, яростные сочетания порою черного и красного—подобно неосуществленной обложке к Пшибышевскому, в которой донельзя остро выявилась вся—достаточно, сказать ли, *противная*—душа декаданса. Мастером чисто линейным, по узорчатой легкости не имевшим, может-быть, себе подобных, выявился Анатолий Афанасьевич Арапов, но его лучшие работы падают на более поздние годы, на эпоху «Золотого Руна», и все в сущности имеют касательство больше к виньетке, чаще вполне «беспредметной», чем к иллюстрации. Зато Сергей Судейкин в своем первенце уже—метерлинковой «Смерти Тинтажиля» 1903 года—с самого начала оказался именно иллюстратором—может-быть, вполне импрессионистического склада, но все-таки с определенным интересом к действию и к ге-



Г. И. Нарбут.—Иллюстрация к басне Крылова «Чиж и Еж» (1912).—Совпадение литературности и декоративности.

роям его. Мы, конечно, образцовым толмачем текста его бы не сочли. «Фигурины» его слишком по-своему бескостно и извивно загибаются в самые неожиданные завитки. В его более позднем и самом удачном создании—в «Венецианских безумцах» Кузмина (1913 года, изд. А. М. Кожебаткина, который, может-быть, больше чем кто-либо другой потрудился над созданием художественной книги в Москве после «Скорпиона») не даром иллюстрация превращена в некое подобие фарфоровой статуэтки. Из художников другого издательства, «Грифа», необходимо вспомнить здесь *Модеста Дурнова*. Его иллюстрации к «Портрету Дориана Грея» (1906)—некая вершина всего стиля. Они совсем бездейственны, вполне импрессионистичны, игрой на нарочито расплывчатых пятнах, по-московски живописны и, согласно требованиям времени, тематически пряны. Как это ни странно, именно отсюда оказывается для нас понятен последний этап дореволюционной московской иллюстрации—неряшливый и дикий «неопримитивизм» литографированных изданий с рисунками *Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой*, которыми богаты 1912—13 года. Это деловое самопроизводство российского футуризма просто переносит в иной стиль приемы Феофилактова, Судейкина и Дурнова. Важно, что и здесь импрессионистически не четкое, живописное, продолжает господствовать над страницей пятно. В области книжной графики Петербург по сравнению с Москвою—как элегантный кавалер, вооруженный тончайшею шпагой против грубоватой дубины. Вспомним знаменитое уже литературное сопоставление московского Маяковского и петербургской Анны Ахматовой.

V.

Это противоположение, однако, выявляется не сразу. *Константин Андреевич Сомов* (род. 1869 г.), конечно, самый типичный мастер *западного*, европейского Петербурга, был с самого начала участником изданий «Скорпиона», как ни странно, поддавшись живописным соблазнам Москвы в таких его работах, как фронтиспис к «Cor Ardens» Вяч. Иванова. Но Сомов, бесспорно, выявляет свое настоящее лицо в том безукоризненном линейном узоре, которым он покрывает лист бумаги в рисунках из так называемой «Книги Маркизы», первый вариант которой вышел на немецком языке в 1908 году. Что «Маскарад»—иллюстрация или нет? В немецком варианте он помещен при известном легкомысленном рассказе Виван Денона «Одна ночь—и больше ничего». В французском варианте, изданном самим художником в 1918 году, рисунок раскрашен и отнесен гораздо более правомерно к мемуарам Казановы. Он во всяком случае (как рисунки хотя бы Менцеля) не является литературной иллюстрацией. Как ни странно, ни разу острый и легкий гений Сомова не был посвящен «иллюминации» чужого поэтического произведения. «Нового» не давал он толкования—и в то же время, кто из всех его и наших современников действовал так озаряюще для понимания эпохи и стиля давно минувшего времени? Связь сомовских рисунков с книгою всегда случайна.

Сказать ли? Они представляются зачастую *слишком хорошими* для книги. Во всяком случае там, где художник, книгу иллюстрирующий, только тогда оправдан, когда он жертвует многим из своей чистой профессиональности, идет автору навстречу, так что кажется, что автор тоже не договорил чего-то,—Сомов своенравно и, конечно, в последнем счете правомерно, ничем книге и автору не жертвует. Полученный результат—«Победителей не судят».

С Сомовым всегда сравнивали его друга *Александра Бенуа*. Вождь новой петербургской школы, идеолог, историк, деятель, художник, который не нуждается, конечно, в лишних эпитетах с нашей стороны, А. Н. Бенуа (род. 1870), действительно, чудесно дополняет тонкое графическое мастерство Сомова. Ибо Сомов по сравнению с Бенуа миниатюрист, там где последний декоратор. Роль книги для Бенуа сыграл, быть-может, впоследствии театр. В области, нас непосредственно интересующей, Бенуа войдет в историю искусств прежде всего, как автор иллюстраций к Пушкину. Ретроспективное мечтательство и здесь. Когда в 1903 году в Петербурге был основан «Кружок любителей изящных изданий», его основатель, знаменитый исследователь русской иллюстрированной книги, В. А. Верещагин, как он сам это рассказывает, предложил кружку издать «Медного всадника» с рисунками Бенуа. Проект был отвергнут. Почтенные и сановитые любители «Кружка» Бенуа сочли «декадентом». Особенно ему вменялись в вину недостаточно пышные бакенбарды Пушкина. Все это звучит теперь комично. Разошедшиеся по собраниям иллюстрации Бенуа к «Медному всаднику» должны были быть изданы т-вом Вольф, ныне, очевидно, будут выпущены Комитетом Популяризации художественных изданий. С внутренней стороны их иллюстрационность—выше похвалы. Они, конечно, лучше «Пиковой дамы», за которую художник брался дважды («Сочинения Пушкина» 1899 г. и отдельное издание 1911 года). Но Бенуа здесь все же—колорист. Цветная литография, конечно, условна. Она дает всю плоскостность старых цветных гравюр на дереве. Текст сопровожден зрительными образами, которые, действительно, дополняют словесное повествование. Скачущий за Евгением медный всадник—видение незабываемое. И, однако, в интересах нашей темы было бы отметить у Бенуа еще один, третий пример, иллюстраций к Ренье 1910 года. Эти последние иллюстрации связаны с «Аполлоном»; не будем, пока что, спешить.

Петербургская гегемония начинается, как мы указали, приблизительно с 1907 года. До того художественное издательство северной столицы вряд ли стоит на большой высоте: ибо раз навсегда надо же отвести от себя недоразумение, путающее книгу иллюстрированную с тою, снабженною, созданными в целях научных, репродукциями, или даже оригинальными картинами, в производстве которой Питер был всегда великим мастером. «Царское село» Бенуа, например, относящееся к более позднему, правда, времени (1910), не входит в круг интересов исследователя иллюстрации, как мы ее понимаем. Литературная иллюстрация до 1907 года в Петербурге—увы!—представлена, к сожалению, боль-

шею частью только изданиями пресловутого Маркса, «Нива» которого радушно отводила страницы свои под «литературный альбом», внекнижным иллюстрациям всяческих Ижакевичей, Соломок, Самокиш-Судковских. Последняя художница особо была популярна. Мы не будем отрицать известной элегантности в ее рисунках. Как определяется «второй сорт» в произведениях искусства—это вопрос сложный. В конце-концов, чувство *качества*, конечно, интуитивно. Но именно в исследовании иллюстрации мы имеем мерило весьма ценное по своей постоянности: *текст*, в понимании или непонимании которого должен сознаться иллюстратор. Когда художник определенно свидетельствует рисунками своими, что его занимает в литературном произведении не смысл последнего, и не возможность, от него отправляясь, построить некую собственную коллизию, и не случай сказать что-то свое о стиле среды, родившей литературный памятник, и даже не повод украсить страницу книги,—мы определенно и априорно сочтем художника такого плохим иллюстратором. «Нивские художники» ко всему этому прибавляли еще рисунок, достаточно растрепанный, и, в литературном произведении видя прежде всего и исключительно анекдот, облекали его в формы обще-приемлемой для буржуазного вкуса *красивости*, которая, конечно, есть враг всяческой *красоты*. Предадим их благополучному забвению. Одно только издание Маркса, «Отрок-мученик» с рисунками Васнецова и Нестерова как будто тому противится. Но нет: и здесь рисунок, подписанный, пусть именами больших мастеров, свидетельствует о тех же дефектах небрежного творчества. «Как-нибудь, сойдет и так»—эстетика мещанства—самая роковая печать времен художественно-некультурных.

Петербург, однако, не мог не быть идеологическим центром «Мира Искусств», городом Вячеслава Иванова, Блока, Сологуба и Кузмина, если бы он не создал, действительно, изданий, запечатленных подлинным, строгим и обдуманным мастерством. После всего нами об искусстве книги написанного, удивляться, что именно в *условности* иллюстрации увидели ее спасение новые художники, нельзя. Эта тяга к условности, для Петербурга характерная, вполне подчинила себе и такие отрасли изобразительного искусства, как графику сатирических журналов. В противоречие очень симпатичному автору недавнего исследования о журналах 1905—1906 гг. [1]), мы не считаем участие художников «Мира Искусства» в сатирической прессе первой русской революции удачным. Сатира и карикатура должна быть *ударной* и обще-понятной, не субтильной и изящной. Это, конечно, тема для особого рассмотрения. «Сатирикон» (с 1907 года) куда богаче подлинными графическими шедеврами, чем «Зритель» и «Жупел». Но, ограничившись темой специально литературной иллюстрации, мы хотели бы здесь подчеркнуть, что видим начало петербургской гегемонии в основании таких издательств, как «Пантеон» и «Оры», в начале «Старых годов» (1907), где любительство старины, окра-

[1]) П. М. Дульский. «Графика сатирических журналов 1905-6 гг.», Казань, 1922.

шенное романтически бросившими свои усадьбы после 1905 года культурнейшими российскими гражданами, принесло такой серьезный вклад в общую сокровищницу русской науки. Как на издание предваряющего характера, можно указать на «Сочинения Метерлинка», выпущенные Пирожковым (1906). Здесь в первом томе рядом с французом Дуделе выступил, как иллюстратор, *Н. К. Рерих*, один из столпов «Мира Искусства» и, всеконечно, первоклассный художник. Это типично «стилизованная», нарочито условная плоскостная иллюстрация, в которой линии по поверхности страницы расположены в строго двухмерный орнамент. Мы склонны придавать этому варианту большое значение. Петербург на архитектуру книжной страницы обратил внимание вполне достодолжное, может-быть, даже слишком превалирующее, придав значение роли книжной декорации. В «Пантеоне» рядом с очень удачно орнаментованными «Зовами древности» Бальмонта (1908) в издании «Саломеи» Уайльда с рисунками О. Бердслея, один из виднейших петербургских критиков, С. Маковский, определил же иллюстрацию *только*, как искусство украсить книгу. Что эт оне совсем так, показывает хотя бы пример другого издательства, «Ор». Здесь маленькие книжечки Блока, Ремизова и Зиновьевой украшениями не снабжены и в них не нуждаются. А фронтиспис к «Снежной Маске», рисованный одним из знаменитейших мастеров нашего времени, *Л. С. Бакстом* (род. 1866), конечно, вполне входит в круг той иллюстрации, которую мы определили, как «синтетическую», относящуюся не к определенному месту текста, а к общему пафосу устремления, образу всей книги. Пусть, правда, фронтиспис, как таковой, с организмом печатного целого окажется без связи...

Задаче—связать иллюстрацию с книгой, как с организмом, с текстом и с плоскостью страницы—должны были бы быть посвящены следующие заботы Петербурга. Мы указывали уже на основанный в 1903 году «Кружок Любителей Изящных Изданий». Как ни странно, деятельность этого очень изысканного и симпатичного общества выразилась практически более в научной, чем в художественной области. Мы исполнены почтения перед сборниками «Материалов по изучению русских иллюстрированных изданий», но, конечно, ни эти большие зеленые тетради, ни безукоризненно технически изданные каталоги выставок, или действительно роскошную «Гравюру и литографию» Лемана не сможем включить в круг своей темы. Два только издания «Кружка» относились к области иллюстрации, как таковой. «Рассвет» Голенищева-Кутузова, с офортами художника, имя которого лучше не вспоминать здесь (больше, что сказать об этом издании?) и «Казначейша» Лермонтова с раскрашенными картинками Добужинского, которые, к сожалению, в их лубочно-эскизном стиле не слишком радуют.

В области нашей темы нам важнее отметить ту роль, которую придал иллюстрации петербургский журнал «Аполлон». Здесь, с первых же номеров в «Литературном Альманахе» есть ряд чудесных работ всех по очереди петербургских графиков. Конечно, чуть досадно, что тема иллюстрации оказывается перенесенной из области книги на страницы

журнального номера, который ведь не есть органическое целое. Но характеристику петербургских мастеров можно дать наиболее правильную именно на основании этого материала.

Тот же *М. В. Добужинский*, один из лучших *читателей* среди художников Петербурга (род. в 1875 г.), в рисунках к «Ночному Принцу» Ауслендера дал совсем безукоризненный пример строго литературной иллюстрации. Рисунок *непонятен* без связи с текстом. А к тексту он дает нескончаемое и ценное добавление фиксацией литературного образа. Правда, дефектом (если можно о нем говорить) остается отсутствие связи с печатной страницей—иллюстрация здесь забывает свою декоративную роль по отношению к набору. Как будто бы *А. Н. Бенуа* в упомянутых уже иллюстрациях к «Маркизу д'Амеркер» Анри де-Ренье лучше сумел решить эту связь литературного рисунка с виньеткой. Но и эти рисунки небезукоризненны. Бенуа все-таки украшению придал перевес.

Как сочетать вообще иллюстрацию текста с украшением книжной страницы? Художник, которого мы считаем наиболее настоящим *декоратором* среди всех петербуржцев, *Е. Е. Лансере* (род. 1875 г.), в своих орнаментальных украшениях к стихам «Черубины де-Габриак» в том же «Аполлоне» дает столь изысканные и значительные украшения текста, что он уже сам, в свою очередь, оказывается убитым обрамлением своим, проваливается в пустоту, оказывается недостойным художника, как по смыслу во всяком случае не гениальных стихов, так и по внешнему виду не исключительной красоты набора и шрифта. Книжную графику тех годов одного из симпатичнейших художников всей этой группы, *Д. И. Митрохина*, мы тоже бы не отнесли к идеальным разрешениям проблемы. Расцвет деятельности *С. В. Чехонина* как будто бы падает на более поздние годы. Довоенный Петербург своего обострения достиг, представляется нам, в искусстве двух иллюстраторов, которые не похожи друг на друга, как вода и огонь. *В. Д. Замирайло* (род. в 1868 г.) в настоящее время должен давно уже занять подобающее ему место, как примечательнейший русский фантаст, истинный наследник Врубеля. Его рисунок к «Мцыри» Лермонтова—почти идеальный пример той ожившей и напряженной дрожи, которую испытывает читатель нервных строк величайшего нашего романтика. Динамизм впечатления достигнут строго формальными средствами,—мы приветствовали бы полное разрешение проблемы, но и рисунок Замирайло не *книжен*. Он воспроизведен фототипией, рассчитан на «отдельную таблицу» и оказывается вне организма книги.

Идеальным решением мы считаем книжную графику безвременно ушедшего ныне от нас Георгия Ивановича *Нарбута* (1886 — 1920). Он, конечно, не единственен, его подготовил и Запад в лице мюнхенского мастера Э. Преториуса (напр., в рисунках Нарбута к «Соловью» Андерсена), и тщательное изучение молодым художником таких отраслей прикладной графики, как геральдика. Из рисовальщиков русских, пожалуй, *И. Я. Билибин* стоял бы к Нарбуту вначале всего ближе. Но

строго стилизованное мастерство Билибина, нам представляется, не вносит в русскую иллюстрацию нового варианта. Что он дан Нарбутом—это несомненно. В его лучших работах—рисунках к басням Крылова—дано, наконец, исчерпывающее сочетание вдумчивой и острой характеристики текстового смысла с виньетно-декоративной ролью рисунка, имеющего в книге сыграть роль украшения. Художник достиг этого, как нам кажется, внимательным (может-быть, конечно, и бессознательным) отзывом на самый *рисунок литеры*. О Нарбуте, как о мастере книги, надо, конечно, писать подробно. Где и когда было так остроумно найдено «объяснение» чисто-графического смысла, в басне скрытое под двойною аллегорией?—«Чиж, который не смеет петь о Фебе», и Крылов, который не смеет воспевать Александра: в тучной фигуре, увенчанной птичьей головкой, кто не узнает доброго дедушку баснописца? А в рисунке, с его уверенной и красивой линией, кто не будет приветствовать радости для глаза? Нарбут прибегал часто и к краске. Он умел от нее добиваться диковинных плоскостных впечатлений, чему он научился, конечно, у старых гербов и лубков.

VI.

Наши очерки пришли к своему концу, ибо с эпохи революции русская книга и русская иллюстрация вступают в новую фазу, определенную не только идеологическим сдвигом, но и материальными условиями, какими, например, был (временный) крах фотомеханики. Это—особая тема.

Мы особыми темами считали и такие, в которых те же художники дали немало ценного и важного. *Обложка* нам представляется одною из таких тем, *шрифт*—другою, *эмблема*—третьей. Не касались мы также сознательно и детской книги. Нам хотелось бы подчеркнуть напоследок, что наше изучение русской книги вообще убедило нас в огромной важности этой области для настоящего знания истории нашего искусства. Мы видели русскую книгу в ее подъемах и уклонах: будем надеяться, что те, от которых зависит возведение русской современной книги на небывалую еще художественную высоту, сумеют сделать на основании нами подобранного материала желательный вывод.

Ибо мы любим старую русскую книгу—давнюю и недавнюю—все же во имя сегодня и завтра.

ЗАИМСТВОВАНИЯ И ВЛИЯНИЯ.

(Попытка методологизации вопроса).

Сергей Бобров.

I.

Пафосом наших «историко-литературных» исследований в большой мере является так называемое *установление влияний* одного поэта на другого, целой группы предшественников на последующего синтетика. Нет необходимости говорить, что этот метод исследования у «историков литературы» поддерживается вовсе не какими-либо принципиального свойства посылками, а просто унылым консерватизмом исследователей.

Вероятно, очень полезны исследования мотивов творчества [1]), но эти исследования не в такой моде, гораздо же бо́льшим успехом пользуются текстуальные сличения. Понятно, что метод таких текстуальных сличений должен пользоваться большим количеством симпатий по той причине, что ему его адепты могут подобрать достаточное количество обоснований,—он якобы вводит нас в зону живого творчества, он, далее, чуть ли не экспериментален, так как толкование, к примеру, мотивов творчества допускает всякого рода разногласия,—здесь же как будто это невозможно. Нужды нет, что этот метод привел Ф. Е. Корша к признанию пушкинским творением негодной подделки Зуева!

В будущем все исследования влияний будут опираться на исследования метрико-ритмического характера, чему положено начало А. Белым, который имел возможность не только указать после разбора русского четырехстопного ямба, что Пушкин, «будучи глубоко оригинальным... более всего склоняется к Жуковскому» («Символизм», стр. 345), но и доказать это положение. Когда в наших руках будут иметься статистические данные о стихе различных поэтов, мы без труда укажем предшественников любого поэта. Тогда будут совершенно не нужны кропотные и докучные сличения текстов. Но пока мы не обладаем этим материалом, нам необходимо серьезно заняться вопросом об установлении влияний

[1]) Напр., скажем: «Три главы из исторической поэтики» А. Веселовского.

по текстуальным совпадениям, очистив этот метод от присущей ему ныне механичности и покончив с его вредным схематизмом. Святая простота наших историков литературы не позволяет им отнестись критически к собственным своим трудам, к собственному методу; «традиция» же заглушает и мысль о каком-либо критицизме в этой области.

II.

Ранее всего нам здесь необходимо установить, в чем, собственно, в каких формах может выражаться влияние одного поэта на другого; проследить, так сказать, механизм внедрения каких бы то ни было идей (образов, слов и т. д.) из творчества одного поэта в творчестве другого.

Обычно нас привлекает в любимом поэте «его лица необщее выраженье», приходится предположить, что именно это качество поэта дорого нам в ущерб его героизму, его архитектоническим жестам (даже не всякому заметным), его простосердечности, гуманизму, чистоте и проч... Конечно, «лица выражения» разных поэтических эпох склоняются к разным человеческим качествам. Так, пушкинское время характеризуется особенно патетическими жестами, несколько повышенной транскрипцией жизненных явлений, стремлением уравновесить в поэмах максимум воплощенного переживания с высокопарным, изящным, широким, а отчасти, и кокетливым жестом. Пушкинскому времени сродни широкая задумчивость, медленность глубокого и прямо в сердце направленного жеста и описания; поэты этого времени чуждаются мелочных украшений,—они оживают уже у Фета, придавая всей поэзии фетовской эпохи несколько пустоватый и якобы легкомысленный характер. Символисты привнесли сюда развитие живописного образа, импрессионистическое полуописание, упоение «напевом» (звоном слов и метра). Теперь, например, утрачена эта способность сочетать описание и жест, — всего более поражает в Пушкине эта *незаметность* техники: даже в таких тирадах,

как:

. . . шла очи
Разболелись, глядючи
С белой зори до почи—

или:

От пятидесяти на сто...

(где фокус в том, что пропущенное метрическое ударение падает на второстепенное ударение самого слова: таким образом, метрическое ударение и исчезло и не исчезло. То же и в слове «глядючи», — это напоминает первые римские ударные стихи, напр., у Светония)
или:

Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

или.

Любви нас не природа учит
А Сталь или Шатобриан—

или:

Между жарким и бламанже
Цымлянское несут уже [1]).

Даже в таких тирадах мы не видим никакого особого техницизма, щеголяния техникой или чего-нибудь в этом роде.

И ученик, естественно, стремится поглотить и превратить в свою плоть и кровь самое сокровенное и отмечающее его учителя—это лица необщее выражение. Несомненно, что всякий поэт это выраженье волей-неволей муссирует, отделывает; на нем зиждется его характерность, ему одному присущие черты. Если счесть самым характерным для поэта не отдельные образы, их обработку, а определенные, друг в друга проникающие, друг к другу стремящиеся цепи образов, где базуются, говоря самым вульгарным языком, какие-то, пожалуй, «заветные мысли», то нужно думать, что это, выражаясь фигурально, пространство («лирический простор») и есть то, что нам представляется, как самая желанная улыбка музы поэта, и тогда-то, именно:

Поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем.

Трудно было бы указать, каковы схемы, на которых вырастает это выраженье, но это и не входит в наши задачи... Ученик, честный последователь, нечаянно прозревает сей мир, хотя опыт и указывает, что эти прозрения всегда несколько односторонни в том смысле, что постигается лишь одно какое-нибудь специальное качество учителя. Соприкасаясь неожиданно с чистым миром чужой поэзии, вдруг увидав, что вот каким простым и замечательно специфицированным путем приходит она к своим определениям,—ученик и входит в ту лабораторию, где творится поэзия. Все сказанное касается трудно уловимых влияний.

III.

Но нам необходимо отметить явления *заимствования*, протекающие в порядке, может-быть, даже слуховой памяти. Вот здесь-то, конечно,

[1]) Своеобразие этого примера заключается в том, что слово «уже» в данном случае должно было быть энклитикой, т.-е. словом, не имеющим собственного ударения и «прилеивающимся» к предшествующему, как, напр., слово «за» в выражении «за̀ море» или «на» в «на̀ небе», и никак не могло нести главного, рифменного ударения. Разумеется, Пушкин это знал и сделал это курьеза ради (сравн. знаменитое: «Читатель ждет уж рифмы р о з ы»). Несомненно, что этот ход, весьма своеобразный, может быть употреблен и всерьез, например, так: «Темен и бездонен херес—Капля в сердце пролита—Налиты бокалы через—Пейте, томные уста».—В данном случае острота этого хода смягчается существованием независимого выражения «налить через». Но у Маяковского такой пушкинский ход проведен в чистоте в следующих строках: «И эту секунду—Бенгальскую—Громкую—Я ни на что б не выменял—Я ни на...—Из сигарного дыма—Ликерною рюмкой—Вытягивалось пропитое лицо Северянина». Рифма: «я ни на Северянина». Фокус в том, что выражение «я ни на» ни в одном метре собственного ударения иметь не может, и здесь оно ему навязано рифмой.

базуются всякого рода буквальные и дословные заимствования. Всевозможные поэтические во время самой работы счастливые trouvailles, именно они-то по большей части суть места локализации такого рода заимствований. Необходимо всячески оттенить их непроизвольность. И вот теперь приходится отметить, что слова, выражения, образы, т.-е. *все относящееся к тропам*, с трудом запоминается читателем, как бы ни был утончен его слуховой и восгринимающий аппарат. Легче и действеннее и на более долгое время запоминаются фигуры риторические, еще легче фигуры грамматические, и, наконец, совершенно порабощают ученика фигуры метрико-ритмические, особенно же *все касающееся цезур и краезвучий стиха*. Здесь необходимо указать, что *отдельные слова* могут иметь (и гораздо чаще, чем это полагают) решающее в этом смысле значение,— но, конечно, понятно, что это не имеет никакого решительно отношения к употреблению двумя поэтами одного и того же слова; это касается внутренней природы слова и фактически это становится приверженностью к тщательному и весьма частому разъяснению и повторению одного слова, но это—частично (Ин. Анненский в свое время указывал на слово «l'or» у Анри де-Ренье).

Каким образом воплощаются такого рода заимствования? О ритмических совпадениях следует изъясниться так. Стихотворцу весьма и весьма запоминается ритм прочтенного стиха; зачастую, припоминая напев стиха, невозможно вспомнить слова, заполняющие в строку. Вспоминаются, скажем, две такие строчки:

Та-та-та-тá—та-тá-та—тá-та
Та-та-та-тá-та—тá—та-тá

и вспоминающий совершенно ясно представляет себе эти строки, но не сразу он вспомнит пушкинские строки:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой,

дающие, именно, этот ритм и именно эти слоры (*словоразделы*, междусловесные разрезы, малые цезуры). Ритм (ускорения—пиррихий и замедления—спондеи метра) запоминается лучше цезур[1]). Также сильно запоминаются начала и концы строк. Сколько раз, например, строку четырехстопного ямба начинали словами «великолепные» или «великолепная», построяя ритм:

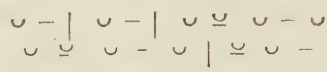
$$\cup \breve{\cup} \cup - \cup \breve{\cup} \mid \cup - \cup$$

то-есть давая пиррихии на первой и третьей стопах и заключая строку женским окончанием; не сразу вспомнится ведь, что это пушкинская строка:

Великолепная могила!

[1]) Ускорением мы называем (терминология А. Белого) стопу с пропущенным метрическим ударением, замедлением—стопу с излишним против метра ударением.

Эти заимствования протекают чистейше в порядке ритма, не будучи никак связаны с сюжетом стихотворения.—Очень легко также запоминаются фигуры грамматические (в связи с ритмом). Вспоминается ритм:



при чем память настойчиво акцентует то обстоятельство, что в ритме этом:

части 2 и 3 являют некий излом, весьма сильный, какой каким-то образом выпрямляет строки в такой ритм:

где цезура (отмеченная двумя черточками) явственно превалирует над слором. Это—строки Языкова о Тригорском:

Бродил реки голубоводной
По величавым берегам.

Так память поэта, перегруженная такими, чисто ритмическими образами (как они запоминаются? возможно, что и так—наш предыдущий пример —

Та-тà-та-тá—та-тá-та—тá-льней
Та-тà-та-тá-та—тá—родной,

рифмы мнемонически дольше помнятся), таит в себе их, как готовые вместилища для слов, как шаблоны (хотя бы) набивок, которые стихотворец разукрашивает одинаким (чужим, но вместе с тем и своим, ибо комбинации строк или двустиший—его собственные) узором (ритм), но разными красками (тропы, инструментовка, отчасти метафорический строй и пр.).—Повторяем: эти заимствования никак с сюжетом стихотворения не связаны. У Дельвига в стихотворении «К Баратынскому», анакреонтическом (заметьте!) послании читаем (1821 г.):

Друзьям пою любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.

И Тютчев в унылом, мрачнейшем стихотворении своем «Бессонница» повторил (и в *начальной* строке) последнюю строку приведенного нами отрывка:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть... и пр.

А стихотворение это Тютчева было уже напечатано в «Галатее» в 1830 году.

У Баратынского в очень радостном стихотворении читаем:

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он (напеч. в 1834).

И у Блока в стихотворении, прямо противоположном по настроению приведенному, читаем:

Весна, весна; как воздух пуст,
Как вечер непомерно скуден... и пр.

и первые строки не совпадают всего лишь в двух буквах.

Брюсов в «Венке» почти дословно повторил известнейшую строку Пушкина («26 мая 1828 г.»)—

Дар напрасный, дар случайный...

написав:

Дар случайный, дар мгновенный...

Опять оба стихотворения, Пушкина и Брюсова, по настроению почти что противоположны. Пушкин элегически описует разочарование, усталость жизни, Брюсов же упивается «сладостным» миром вечерней «целящей» тишины.

У Пушкина заключительная строфа послания его «Н. И. Кривцову» (1819) читается:

1) Смертный миг наш будет светел:
2) И подруги шалунов
3) Соберут их легкий пепел
4) В урны праздные пиров.

Отметим характерные черты этого отрывка: женская рифма заменена ассонансом: «светел/пепел»; ритм таков:

1) – ∪ | – ∪ | – ∪ | – ∪
2) ≅ ∪ – ∪ | ≅ ∪ –
3) ≅ ∪ – | ∪ – ∪ | – ∪
4) – ∪ | – ∪ ≅ | ∪ –

Такую же почти строфу находим у Блока,—это последняя строфа «Снежной маски»:

1) Так гори ж, и яр и светел,
2) Я же легкою рукой
3) Размету твой легкий пепел
4) По равнине снеговой.

Краесозвучия нечетных строк те же: «светел/пепел», а ритм дает схему:

I) ≅ ∪ – | ∪ – | ∪ – ∪
II) – ∪ | – ∪ ≅ | ∪ –
III) ≅ ∪ – | ∪ – ∪ | – ∪
IV) ≅ ∪ – ∪ | ≅ ∪ –

Строки 4 и II совпадают буквально, то же о 2 и IV, то же о 3 и III. Сюжеты же настроения пьес бесконечно далеки друг от друга.

У Языкова («А. Д. Хрипкову») читаем:

И купы низменных холмов,

у Валерия Брюсова:

Доходит в низменный предел,

совпадают разрезы стоп, совпадает положение слова «низменный (-х)». В обоих случаях схема:

$$\cup - \cup | - \cup \cup | \cup -.$$

Краезвучия в обоих случаях мужские.

Пушкин во второй (четной, с мужским окончанием) строке написал: «Благословенные мечты» («Люблю ваш сумрак неизвестный»..), у Языкова («Элегия») читаем:

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты.

Пьесы совершенно разные, слово «мечты» у Пушкина значит одно, у Языкова совершенно другое, но строки совпадают; совпадают и грамматические построения («О, вы.... благословенные мечты» у Пушкина; «Вы... благословенные мечты» у Языкова)

У Веневитинова («Смерть Байрона»)

Валы Архипелага
Кипят под злой ватагой...

У Брюсова («Stephanos»):

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой...

Совпадают: размер (не такой уже обычный), трехстопный ямб с женскими окончаниями; совпадают краезвучия: Архипе*лага*—к*анала*, совпадает ритм вторых строк:

$$\cup - | \cup - | \cup - \cup$$

Вторые строки, кроме ритма и слова «ватагой» [помещенного (что очень важно) у Брюсова так же, как и у Веневитинова на конце строки], совпадают и в звуковом отношении (инструментовкой):

$$\frac{\text{Лет}}{\text{Кип}}\text{ят}\quad\frac{\text{лих}}{\text{под зл}}\text{ой}\quad\text{ватагой.}$$

И тут меж настроением нет решительно ничего общего.

Хомяков писал в 1836 году:

Остров пышный, остров чудный.

Но Пушкин еще в 1828 написал:

Город пышный, город бедный.

У Хомякова много таких заимствований, он весьма несамостоятелен вообще.

У Батюшкова (геминация):

Шуми, шуми волнами, Рона.

У Пушкина (в 1820):

Шуми, шуми, послушное ветрило.

У Баратынского (в 1821,—пушкинская же строка напечатана в 1820 в «Сыне Отечества»):

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой.

Очень любопытно пастичировал Тютчев Баратынского. У Баратынского читаем:

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель.
Ты был ли, о свободный Рим.

Двойственность смысла не дает точности первой строке. Непонятно, что хочет сказать поэт: «существовал ли ты, Рим, земли самовластитель», или «был ли ты, Рим, самовластителем земли». Но и тот и другой смысл выделяет особыми цезурами слово «Рим», это-то и повторяет Тютчев, пишучи:

В ночи лазурной почивает Рим,
Взошла луна и овладела им.

(На эти цезуры Тютчева указал нам В. Я. Брюсов).

У Баратынского:

Моя начальная любовь (1827)

в «Кавказском пленнике»:

Первоначальная любовь.

У Языкова:

В синий сумрак водобега.

У Блока:

Синий сумрак и покой.

У Пушкина:

Тебя, мой друг, одну тебя.

У Языкова:

Одну тебя, одну тебя.

У Пушкина:

Великолепная могила.

У Языкова:

Великолепными рядами.

Еще,—у Баратынского:

Великолепные чертоги.

У Языкова снова:

Великолепный и безмолвный.

У Языкова:

Твоя живая тишина.

У Баратынского:

Ее живая красота.

У Лермонтова:

И прежних дней воспоминанья.

В «Кавказском пленнике» находим оригинал:

И лучших дней воспоминанье.

(Указано С. Н. Дурылиным, см. М. Ю. Лермонтов, «Поэмы», изд. «Универс. библиотеки», № 999—1000, вт. изд., стр. 239).

У Батюшкова:

Москва, отчизны край златой.

У Пушкина («Кольна»):

Цветет отчизны край златой.

(Пушкин эти стихи Батюшкова, конечно, знал; на полях «Опытов» он отметил с похвалой действительно прекрасную анафору из этого стихотворения:

Я видел бедных матерей,
Из милой родины изгнанных,
Я на распутьи видел их...)

В «Онегине»:

Кипящей младости моей.

У Баратынского («Бал»):

Ошибок юности моей.

В «Руслане и Людмиле»:

Его тоскующую душу.

Этот стих,—так часто поступал Пушкин,—с некоторым изменением повторен в «Онегине»:

Его тоскующую лень.

Там же читаем:

В глуши лесов, в глуши полей.

И позднее:

В тиши полей, в тиши лесной.

В «Руслане» же находится строка с двумя четвертыми пэанами, начинающаяся словом «великолепный»:

Великолепные дубравы,

оригинал которой «Великолепной колесницей» у Ломоносова. В «Руслане» же:

Бери свой быстрый карандаш,

позднее:

Зачем твой дивный карандаш.

У Державина («Ласточка»):

Там гнутся с утеса в понт воды.

У А. К. Толстого:

Где гнутся над омутом лозы.

Очень редкая строка в 4-ст. ямбе, с хориямбом паузн. формы «С»[1]) в составном слове имеет свою историю; вот история эта. Державин («На взятие Измаила»):

Взошла чернобагрова буря,

Пушкин («Торжество Вакха»):

В чернокудрявых волосах.

Баратынский («Бал»):

С темнокудрявой головой.

(У символистов хориямбы Пушкина и Баратынского были повторены г-жей Ч. де-Габриак: «Темно-лиловые фиалки»).

У Пушкина («Восп. в Ц. С.»).:

Прекрасный царскосельский сад.

У Тютчева:

Люблю я царскосельский сад.

Рифма «фолиантом/Кантом», которую употреблял часто А. Белый, употреблена Пушкиным в стихотворении «Пирующие студенты» (1814) и заимствована у Державина.

В послании «К бар. А. М. Дельвиг» (1815) у Пушкина есть:

И столько же красноречив,

в первой главе «Онегина» она повторена так:

Как пламенно красноречив,

ритм совершенно одинаков, хотя строка из «Онегина», пожалуй, и трудней читается, может-быть, от нечистой паузн. ф. первой стопы.

У Пушкина в послании В. Л. Пушкину (1817):

Что восхитительней, живей,

эту строку повторил Языков и, что довольно курьезно, в послании к А. Пушкину же:

Что восхитительнее, краше.

В 1817 году писал Пушкин:

Простите, верные дубравы,

и в «Онегине»:

Простите, мирные места.

В том же году написана строка:

Быть-может—сладкое мечтанье,

повторенная во второй главе «Онегина» с тою же пунктуацией:

Быть-может—лестная надежда.

Имеет свою историю и ямбическая строка со словом «екатерининских» (либо «екатерининых»); Пушкин:

Екатерининых орлов

[1]) Схема: ⏑—⏑ ⏑ | ⏑—⏑—⏑. Обычно у хориямбя: «⏑ | ⏑ ⏑ —».

(«Царск. С.», 1829), далее у Пушкина же:

Екатерининская слава...
Екатерининских орлов...

и, наконец, у Тютчева:

Екатерининских дворцов.

В уже цитованной «Кольне»:

В жилище Кольны молодой,

в «Онегине»:

В альбомы Ольги молодой.

Строку Майкова «У ворот монастыря» целиком повторил Городецкий («Весна»).

У Тютчева:

Горе, как божества родные,
Над усыпленною землей...

в «Руслане»:

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленною землей.

(«Песнь третья»).—У Майкова в поэме «Барышне»:

Трали-нервические драмы.

что представляет собой немного измененный стих из «Онегина»:

Трали-нервических явлений.

У Пушкина в «Домике в Коломне»:

Или за молодого воробья,

(очень редкий ход в пятистопном ямбе, когда ускорены и первая и вторая стопы), но забавно, что нечто схожее уже есть у Державина в четырехстопнике, и тоже начато словом «или»:

Или великолепным цугом.

У Державина:

Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая

(«Решемыслу»), а у Языкова:

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая.

(«Ау») совпадение вплоть до рифморасположения.
У Батюшкова:

Он приметно увядает

(«К Н. И. Гнедичу»), а у Пушкина чуть что не то же, но в ямбе:

Она приметно увядает.

Херасков:

Наукой просветил умы.

Пушкин:

Не нравы просветил наукой,

Здесь занимательно, что ритм одинаковый, хоть слова и переставлены. Когда-то Белый говорил, что хороший ритм в той строке, где нельзя переставить слов, утверждение спорное.

История слова «музыка» у Хераскова читаем:

И вдруг музыка загремела,

но у Жуковского:

Игрою музыки небесной,

тогда как Пушкин возвращается к ударению Хераскова и его ритму:

Гремит музыка боевая,

определенно пастичируя его стих. Из этого примера очевидно, что Пушкин знал, что делал, ставя в слове «музыка» ударение на «ы», а вовсе это не было перенесение французского ударения, как очень часто говорили. У И. И. Дмитриева («Ермак»)—

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой,

у Пушкина:

За ланью дикой и пугливой.

Баратынский (лирика):

Попрежнему дышу я вами,

у него же в поэме «Бал»:

Она поныне дышит мною,

повидимому, сознательное видоизмененное пастиччио.

Нам кажется, что приведенные примеры достаточно иллюстрируют высказанное нами вначале положение, что настоящие заимствования (то, что французы называют «pastiche», итальянцы—«pasticcio») идут всегда *по ритму*.

Все наши примеры говорят одно: автор, находящийся «под влиянием», с большей легкостью заимствует у своего учителя ритмические узоры стихов, так как эти узоры представляют собой самое легкое и самое простое из всех средств выразительности, которые есть у стиха. Эти именно обороты и дают физиономию стиху: пушкинский стих характерен специфическими оборотами, пушкинская школа характерна вариациями на эти обороты. Мы назовем сухими и скучными те «подражания» Пушкину, где усвоена его фразеология и забыт лексикон их ритмики, наше ритмическое чувство Пушкина оскорбляется этой несуразицей. Г-н Ходасевич как-то жаловался на невнимание читателя к его позаимствованиям из Пушкина, невнимание это естественно, ибо словечко, выхваченное из Пушкина без своего ритмического окружения—только нелепо, а потому и скучно. Все мелкие авторы пушкинского времени изобилуют пастиччио из Пушкина, то же у мелких символят из Брюсова и особенно очень характерного (Брюсов—слабый ритмист) Блока.

В «Евгении Онегине» читаем:

Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбарей —

в ямбе; у Языкова же («Чужбина») в хорее:

Долго, долго не услышать
Песен волжских рыбарей.

Такое совпадение значительно менее показательно, чем приведенные выше. Оно может быть и вовсе случайным, даже если оно и произвольно. Отдельные выражения, переходящие от одного писателя к другому вне ритма (данный пример от зависимости по ритму все же не совершенно свободен), о влиянии говорят тупо и неясно. В описании «военной столицы» в «Медном Всаднике», как показывают текстуальные сличения, Пушкин воспользовался прозаическим отрывком Батюшкова. Это, конечно, говорит о влиянии Батюшкова на Пушкина, но ровно столько же, сколько совпадение описания *наводнения с Пушкиным* Берхова. Но то обстоятельство, что Пушкин в своем первом 4-ст. ямбе («Кольна») не мог обойтись без пастиччио из Батюшкова, совершенно несомненно *устанавливает* влияние Батюшкова. Приведем несколько примеров таких реминесценций, не подчеркнутых ритмом, либо подчеркнутых им слабо. У Пушкина в «Послании к Юдину» (1815) читаем: «Вот кабинет уединенный» и в «Онегине»: «Уединенный кабинет»—слова переставлены, краезвучия различны, что приводит на первый протос односложное слово, создающее хориямб, также обернут и ритм, в первой строке имеем: «(В)—А—» (скобками отмечаем хориямб, чтобы он не был сбит с чисто пиррихическим ускорением), во второй: «А—В—». [1]) В том же послании: «Калитку, садик, ближний пруд» и в «Онегине»: «калитку, сломанный забор» [2]), сходство лишь в том, что слово «калитка» оба раза стоит в начале ямбической строки, ритм совпадает лишь в первых двух стопах. В «Послании к И. И. Пущину»: «на столик вощаной поставь пивную кружку», в «Онегине»: «на столик ставят вощаной кувшин с брусничною водой», разны и ритм и метр, в первом случае 3-ст., во втором 4-ст. ямб; из этого совпадения можно вывести только то, что такой столик был мил Пушкину, как характерная подробность обстановки, к Пушкину-поэту это мало относится, ведь он мог написать в случае пастиччио «несут на столик вощаной»... или что-нибудь

[1]) Наши обозначения слогов:

А . . . . | ∪ ∪ ∪ –
В . . . . – ∪ | ∪ ∪ –
С . . . . – ∪ ∪ | ∪
Д . . . . – ∪ ∪ ∪ |

Тире означает метрическую стопу.
Хориямб нашан. формы «В» будет:

– ∪ ∪ – . . . .

[2]) Занимательно то обстоятельство, что и во второй картине Пушкин не обошелся без «пруда»—явное доказательство того, как позаимствование ритма ведет за собой и речевое, живописательное позаимствование. Вот как велика сила ритмической ассоциации: в сознании художника запечатлевшийся ритмический ход вызывает волей-неволей, примерно, ту же картину. Поэтому возможно говорить иной раз, что такой-то ритм недостаточно живописен,—хоть это может быть и результатом ритмического консерватизма критика.

в этом роде. В том же послании к Юдину есть: «Везде со мною призрак милый»,—выражение «призрак милый» повторено позднее в стихотворении: «Не пой, красавица», так: «Я призрак милый роковой», схожи настроения отрывков, схожи выражения, то-есть в аналогичных случаях Пушкин иной раз выражался однообразно, но стиха это опять-таки мало касается. В «Элегии» (1816) находим:

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала...

и позднее в послании Козлову:

Не даром темною стезей
Я проходил пустыню мира.

Сходство имеется, выражения «темная стезя» и «темною стезею» ритмически равнозначны, стилистически же здесь сходство не кончается, ибо «печальный мир» и «пустыня мира» друг на друга все ж похожи. Здесь мы касаемся любопытнейшей подробности в вопросе о заимствованиях: может ли заимствование найтись в ином метре? Трудно на это ответить, но любопытно вспомнить, что Пушкин, желая вернуться к «Онегину», после его окончания писал почти одно и то же пяти- и четырехстопным ямбом.

Пятистопный ямб (часто перебитый 6-стопным) говорит:

Ты говоришь, пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен; нет причины
Его кончать; к тому же план счастлив кончины.

Четырехстопный:

Покамест твой Онегин жив,—
Роман не кончен.

Пятистопный:

Вы за Онегина советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.

Четырехстопный:

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.

Пятистопный:

Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать.
А для того советуешь собрату
Брать с публики умеренную плату,—
За каждый стих по 10 рублей
[Составит (стало-быть) за (каждую) строфу сто сорок]
Оброк пустой для нынешних людей.
Неужто жаль кому пяти рублей.
Пустое! Всяк то даст без оговорок:
С книгопродавца можно взять, ей-ей.

Четырехстопный:

Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью,
С почтенной публики меж тем
Бери умеренную плату,—
За книжку по пяти рублей;
Неужто жаль их будет ей.

и:

И с нашей публики, меж тем
Бери умеренную плату:
За книжку по пяти рублей,
Налог не тягостный, ей-ей.

Что дают эти сличения?—конечно, они подтверждают примат непроизвольных заимствований: только такие суть влияния,—признав заимствования произвольные влияниями, мы должны будем признать, что одним из предшественников Пушкина был С. С. Бобров-Бибрус, ибо Пушкин сам о нем писал в письме в Вяземскому в ноябре 1823 из Одессы так: «*Хладного скопца* уничтожаю.... Меня ввел во искушение Бобров; он говорит в своей Тавриде: *Под стражею скопцов Гарема*. Мне хотелось что-нибудь у него украсть...» И Пушкин украл у него отличное сравнение «У ночи много звезд прелестных», см. Академ. изд., III, стр. 288 [1]). В данном случае мы имеем дело с сознательным переложением поэмы пятистопного ямба в четырехстопный; Пушкин делает это, стремясь по линии наименьшего сопротивления,—что входит в четыре стопы, то туда непосредственно и попадает, иногда из пяти стоп просто выбрасывается двухсложное слово и получается четыре стопы, рифмы, кажущиеся удачными, сохраняются в новом метре. И это не может иметь никакого значения для процесса накопления способов выражаться, совокупность которых, их оригинальность, их систематизация, их употребление, предпочтение в каждом данном случае одних другим и творят индивидуальность поэта. Техническая умелость, которая сказывается в подобных переложениях, далека от понятия «вдохновения», а заимствования по ритму являются другой раз в самый разгар настроения такового. Мыслимо ли это... в самом вдохновении быть подражателем? вполне; Элоизий Бертран и все творчество изъяснял подражанием. Еще несколько примеров. У Пушкина в «Торжестве Вакха»: «И бархатный ковер полей», у Языкова: «Травы на бархатный ковер», ритм разный. В стихотворении лицейском «В альбом Илличевскому»: «Сей плод небрежный вдохновенья»; нечто схожее в «Посвящении» «Онегина»: «Небрежный плод моих забав, бессонниц, легких вдохновений», по-нашему это можно счесть сознательным заимствованием. Так же «Старый рыцарь» Жуковского оказал влияние на лермонтовского («Он был в стране святой»), но здесь уже влияет и ритм: а «олива Палестины» из того же стихотворения вместе с пушкинским «цветком засох-

[1]) Семен Бобров был странным и нелепым автором. Нельзя все же сказать, чтобы он вовсе был бездарен. Его «Таврида» нравилась Пушкину не даром, там есть, что «украсть», как, напр., прекрасная строка: «И розовые поцелуи».

шим безуханным» создали лермонтовскую «Ветку Палестины». В «Онегине», «Иных уж нет, а те далече», у Баратынского: «Далече странствуют иные». Возможно, что это вполне сознательное заимствование, не оговоренное Баратынским за общеизвестностью сих строк Пушкина. У Карамзина: «Пленил младую Дездемону», у Пушкина: «Младая любит Дездемона», сходно, хотя ритм и не совпадает в паузных формах. В «Онегине» при описании утра Таниных именин Пушкин пародировал ломоносовскую Оду на восшествие на престол Елисаветы; но в 14 году он без умысла пародировал Ломоносова в «Кольне»: «Денница красная выводит златое утро в небеса». Схож рисунок грамматический, можно обращать внимание, как мы уже говорили, на сходство риторики и грамматики и расстановку слов, которая другой раз может быть независимой от ритма. Сличение ритмических заимствований может чрезвычайно ясно указать на внутренние обычаи гения, конечно, отчасти на это могут указать и совпадения без ритмической связи, но последние скорей говорят о техническом темпераменте и того и другого—и изобретателя и подражателя. Для исследования же методов творчества полезно указывать не на сходство образов, а на разность в их живописании. Вот прекрасный пример: в «Гавриилиаде» читаем:

Пропало все, не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Это написано в 1822, а в 1815 , в «Послании к Юдину»:

Но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре.
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают...

Конечно, весьма любопытно видеть, как Пушкин изменил первоначальные четырехстопные строки: деепричастие изменено в отглагольное прилагательное (как просто, как удивительно просто! прелесть!), слова «на» и «полотне» разъединены эпитетом, «исчезают» и «полотне» введены в одну строку. Здесь, повторим, всего любопытнее *разность*.

Однако, придавая этой разности распространительное толкование, уверяя, что вне разности не может быть заимствование вообще, можно дойти до сравнения совершенно несхожих строк и до доказательств, что такие-то совпадения и есть следы влияний...

---

[1]) Кстати упомянем об одной нашей любопытной находке у Пушкина. Существует известное стихотворение с рефреном «С позволения сказать», которое «приписывается» Пушкину. Лернер полагает, что «бездарность этих виршей сразу бросается в глаза», и свидетельствует о том, что они Пушкину не принадлежат; того же мнения придерживается и Ефремов. Не споря с авторитетами, укажем, что в «Послании к Юдину» есть строка: «Но можно ль резвому поэту», пастиччио которой: «Можно ль честному поэту» находится в указанном стихотворении. Подозрительно в этом стихотворении слово «роги» (мн. ч. от «рог»), но это слово тоже есть в лицейских стихах («Торжество Вакха»).

Так именно и поступает наша официальная наука о поэтах. Рассуждая так приблизительно: «поэт А описывал закат и поэт Б описывал закат; один написал: «Тогда его лучи небесны», другой: «И неба тонкие черты»; небо и небесный, — заимствование налицо — наука эта превращает свои изыскания в глупейшие пародии на схоластические рассуждения. Варвары, не трогайте поэтов!

Вопрос же о сознательных заимствованиях—дело серьезное и интересное. Пушкин не зря размышлял о хиатусе (столкновении двух гласных) и отмечал такие у Батюшкова, говоря «звуки италианские! что за чудотворец этот Батюшков» (на полях «Опытов»), не зря писал он, что ему хочется обокрасть Семена Боброва, не зря брал он кусочки из своих лицейских стихотворений (напр., в стихотв. «Стамбул гяуры нынче славят...»), нет сомнения, что дельный автор пишет вариации, как таковые, как это давно и открыто принято в музыке. Вот курьезный пример: не так давно в «Известиях ВЦИК» печаталась новая поэма Маяковского «Четвертый интернационал», и там была строчка—«Я— радио, я—башня... и т. д.», необычная характерность этого оборота запоминалась, но тут же вспоминалось, что с неделю тому назад в тех же «Известиях» был напечатан фельетон какого-то ревнителя советских нравов, приводившего чудную уличную песенку, где была строка «Я— петька, я—детка... и т. д.». Маяковский воспользовался оборотом, конечно, сознательно, ибо характерность приведенной фельетонистом песенки была замечена, сколько помнится, из разговоров. Пушкин, пишучи «Анджело», перекраивая «Мера за меру» Шекспира, переделывая Мериме в «Песнях западных славян» и беря за основу чужие вещи, во многих случаях подражал сознательно, нет сомнения, что и в стихе он делал это. Мальчиком он любил Богдановича («как Богдановича стихи»), «Руслан» носит некоторые следы влияния этого, позже—и мы когда-нибудь увидим это — он по-своему ассимилировал ритм своих предшественников, и нам придется еще встретиться с тем, как какой-нибудь неуклюжий Сумароков получал кристальную ясность в пушкинской обработке. Когда Державин писал:

... и гром
Поверх главы в ничто вменяя,

могло ли прийти в голову, что тот же оборот будет с удивительным изяществом кокетничать в «Онегине»:

И я в закон себе вменяя
Страстей единый произвол...

и т. д. Не даром ведь Ап. Григорьев, человек довольно чуткий к стиху (сам писал не так уж плохо), говорил, что в «Русалке» в речах дочери мельника традиционный «трагический» пятистопный ямб превращается в «склад народного стиха» (паузный трехдольник). Несомненно, что это впечатление достигнуто очень тонким внедрением в ямб ходов, специфически присущих паузникам. Замечание Григорьева—совершенно правильное, между прочим—стоит обследовать. Можно быть уверенным,

что ритм «Русалки» даст особые показания,- они будут характерны для внедрения паузника в ямб. Замечания Пушкина на стихи Батюшкова— один из драгоценнейших пустячков, оставшихся нам от него. Он ведь стоял перед окном или сидел в креслах и чуть-чуть метил на полях свои мысли, не думая, что они когда-нибудь станут общим достоянием. Как он умел выправить строку, видно из следующего замечания; Батюшков пишет:

Поделюсь, мой друг, с тобой,

а Пушкин предлагает заменить:

Поделился бы с тобой.

У Батюшкова туча согласных, нескладица в хорее, ускоренная первая и неускоренная третья стопа. Пушкин просто предлагает диподический ритм, и весь звук строки сразу меняется в необыкновенную гармонию и легкость. Заметьте, строка выправлена в батюшковской фразеологии, но средства, коими оперировал Батюшков, использованы несравненно. Он чудно знал смысл ритмико-логических коллизий; Батюшков пишет:

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами,

на что Пушкин отвечает: «смысл выходит: холодными словами любви; запятая не поможет». Неуклюжий переступ разрушает смысловое построение. Один свой стих из «Бахчисарайского фонтана»:

Вперял он неподвижный взор,

Пушкин не одобрял,—«а стих все-таки калмыцкий», писал он Вяземскому в 1823 г. из Одессы. Стих тяжел со своим ускорением на второй строке, от которого Пушкин в молодости особенно открещивался на правах революционера (это ускорение характерно для XVIII века). Строки этого типа были довольно употребительны у Ломоносова, но уже у Державина количество их падает. Вот для сравнения % этих строк кое-где:

Ломоносов	6,66%
Державин	5,06%
«Руслан»	4,40%
«Граф Нулин»	3,24%
«Медн. Всадник»	2,19%
Языков	0,43%
Баратынский	0,93%

Декаденты пушкинизма, Языков и Баратынский, не употребляют этих строк почти что вовсе,—у Языкова 4 строки на тысячу. Далее, Пушкин почти их изгнал из лирики (25 г.—1,00%) и употреблял лишь в разговорном словаре «Нулина» (а разговорный язык всегда более богат пиррихическими ходами)... вот как велика была сознательность его ритмических стремлений, вот как тонок слух. Пушкин был энциклопедией по части языка, и его суровый приговор Державину был своевременно поддержан Гротом, который говорил про Державина: «известно, что он в теории языка не имел твердых знаний».

IV.

Читателю будет полезно ознакомиться с этой курьезной «методологией»—как наши академические «эстетики» прослеживают влияния через текстуальные совпадения. В XIX—XX выпуске сборника «Пушкин и его современники» [1]) помещена статья г. Н. М. Элиаша «К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина». Сборник этот выгодно отличается от других изданий Академии нашей—своей простотой и отсутствием в нем «Фирсов ученых», чьи «труды» могут довести до умоисступления самых хладнокровных людей. В силу этого этот сборник—единственное из изданий Академии, проникающее в публику. И вот в нем-то мы нашли статью г. Элиаша, каковую, очевидно, редакция считает существенной, ибо напечатана она на первом месте. И вот автор, примечая, что приводит «все наиболее заметные заимствования» (стр. 7), строит такие параллели (курсив автора) меж Батюшковым (налево) и Пушкиным:

Я черпал их (волны) шлемом, работал *веслом*—Сказал—и *весла* зашумели.

С Горальдом, о други, *вы страха не знали*.	*И страх оставя за собой*
Мы, *други*, летали по бурным морям...	Пора домой, сказал я, *други*.
О, други, как сердце у смелых кипело...	
... в шумные битвы.	
Вас, *други*, с собою умчало на судах...	
Идут, рукье на *перевес*...	Нависли хладные штыки
Горела молния в очах... [2])	... Его *глаза*
. . . . .	Сияют. Лик его ужасен.
В единоборстве хитр, *проворен*	Движенья быстры. Он прекрасен,
	Он весь, как Божия гроза—

и так далее и так далее без конца. Дельных указаний почти вовсе нет; интересно сопоставление строки Державина:

«Дерзай»—уж свыше вдохновенный...

с пушкинской:

Тогда-то, свыше вдохновенный (стр. 12).

Указание на общность у Батюшкова (автор, профессорски рассеянный, пишет «у Пушкина») и Пушкина выражения «заржавый щит» (стр. 27), но совпадающие у тех же поэтов строки:

В лампаду чистую надежды (Бат.)

и

Лампадой чистою любви [3]).

---

[1]) Повременное издание Комиссии для изданий сочинений Пушкина при Отделении русск. яз. и слов р. а. р. Пгр. 1914.

[2]) Державин.

[3]) Разность краезвучий понижает общность.

еще, пожалуй, пара примеров, все же остальные (39 страница) прямо хоть сейчас в «Копилку курьезов». Например, у Батюшкова есть строки:

Уж ночь покрывал Эреба *мрак густой*...

и г. Элиаш подбирает ей «заимствование» у Пушкина:

В минуты *мрачные* болезни роковой.

Неужели г. Элиаш никогда не слыхал о «словарной метафоре»? Это уже не исследования, а, как выражался пытаемый г. Элиашем А. С. Пушкин: «des calembours de cordegarde». Или еще «реминисценция»: Батюшков:

Земную ризу брошу в прах,

Пушкин:

Быть-может, с *ризой* гробовой
Все чувства брошу я земные.

Как можно не заметить, что «ризы» здесь разные! Или опять каламбуры! Но тогда бы не достаточно было ли бы очаровательного сближения строк:

Горела *молния* в очах

и

Он весь, как *Божия* гроза,

лучше чего, вероятно, ничего не придумаешь. Что это за метод? И г Элиаш еще говорит: «Вся совокупность данных, приведенных здесь, позволяет с большею уверенностью говорить... о влиянии Батюшкова на Пушкина...» Таким способом мы беремся доказать неопровержимое влияние Египетской Книги Мертвых на Уголовный Кодекс; Элейских мудрецов на творения т. Орешина и вообще кого и чего угодно на кого и что угодно. Заимствование сюжета—дело иное и особое. Очень возможно, что «Русалка» Лермонтова нацело выросла из этих строк «Руслана»:

И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла.

Нерасположенный к смеху, Лермонтов использовал вторую и третью строки, но что от них осталось у него?

В заключение еще один курьез: в мае 1918 г. небезызвестный «пушкинист» Н. О. Лернер напечатал в газете «Наш век» (бывш. «Речь», № 9, 4. 5. 1918) статью «Новооткрытые стихи Пушкина», где излагал довольно фантастическую историю с отысканием новой пушкинской рукописи. Приведены были и стихи, по рассмотрении коих явствовало, что автор стихов, скрывшийся под псевдонимом «Зуров», мистифицировал Лернера, опираясь именно на магическую силу пастиччио. Судите сами, это ли не пушкинские стихи:

и за женою
Идет послушливый Евнух...

или:

При таинстве красот...
Теряет он язык и ум,

или еще:

Он забывает битвы гром,

или:

Угрюм и мрачен он лежал,

или так:

Счастливы дебри Иудеи.

Конечно, пушкинские! Никто в этом до сих пор не сомневался и сомневаться в этом нельзя... но (вот есть махонькое, разумеется, «пушкинисту» незаметное *но*) это исковерканные пушкинские стихи. Образцом для первой из наших строк послужила строка из стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...»: «И спит подкупленный Евнух», слово же «послушливый», заменившее «подкупленный», заимствовано из наверно пушкинского «Анчара». «Теряет он язык и ум» вывернуто из экспромпта, сказанного в костюме циклопа: «Язык и ум теряя разом». «Он забывает битвы гром» взято из стихотворения «К принцу Оранскому»: «Довольно битвы мчался гром». «Угрюм и мрачен он лежал»—образцы этой строки находим в «Родословной моего героя»—«угрюм и страшен»—и в описании смерти Ленского, а также в «Пророке». «Счастливы дебри Иудеи»—«Спокойны дебри Каломоны» из «Кольны». Но откуда знать историку литературы о пастиччио, откуда ему также знать, что именно в таких строках объективируется влияние одного поэта на другого, и что именно пастиччио из определенного автора производят впечатление, что это строки именно автора пастигированных строк. Н. О. Лернер во многих отношениях не «безукоризненный» ученый, и «уверенности» в том, что он пишет, небезопасно доверяться, но все же этот пример ясно показывает, как пастиччированный Пушкин принимается за подлинник специалистом, и говорит с очевидностью о крупной роли пастиччио в деле влияний и заимствований.

О БУРНО ПОЖИВШЕЙ И БЕССЛАВНО ПОГИБШЕЙ ПАРТИИ.

(Обзор литературы об эс-эрах.)

С. Ингулов.

А. Луначарский. Бывшие люди. Очерки истории партии эс-эров. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. 84 стр. — **Вл. Мещеряков.** Партия с.-р. Изд. Главполитпросвета. Москва. 1922 г. Часть первая — 132 стр., часть вторая — 84 стр. — **Ю. Стеклов.** Партия социалистов-революционеров. Главполитпросвет. Москва. 1922 г. 64 стр.—**Ил. Вардин.** Эс-эровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы.) Главполитпросвет. Москва. 1922 г. 40 стр.—**Ив. Алексеев-Небутов.** Из воспоминаний левого эс-эра. (Подпольная работа на Украине.) Главполитпросвет. Москва. 1922 г. 52 стр.—**Б. Шмераль.** Чехо-словаки и эс-эры. Главполитпросвет. Москва. 1922 г. 28 стр. — **Г. Семенов (Васильев.)** Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Госуд. Издательство. 1922. 40 стр.— **Обвинительные речи** на процессе эс-эров. Изд. «Красная Новь». Москва. 1922 г. 248 стр. — **Работа эс-эров за границей**. По материалам парижского архива эс-эров. Москва. Госуд. Издат-во. 1922 г. 86 стр. — **Партия с.-р. в тамбовском восстании.** 1920 — 21 гг. Главполитпросвет. Москва. 1922 г. 16 стр.—**Обвинительное заключение** по делу эс-эров. Изд. ВЦИК. Москва. 1922 г. 128 стр.—**Игнатьев.** Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917 — 1921 гг.). Государств. Из-во. Москва. 1922 г. 48 стр.

Партии эс-эров, находящейся на покое, сейчас легко будет писать свои мемуары. И ей пора этим дѣлом заняться: пишут свои записки все «бывшие»—Дан и генерал Лукомский, проф. Соколов и Деникин, Краснов и все прочие вышедшие в тираж герои контр-революции. Почему же и партии эс-эров, претендовавшей на монопольное руководство противореволюционным движением на протяжении всех пяти лет Российской революции, не взяться за дневник по-настоящему, не за легкомысленные «Современные записки», а за такие же солидные, как, скажем, многотомные воспоминания С. Ю. Витте, с той же серьезностью и с тем же сознанием, с какими приступают к запискам «конченные» великие люди, вынужденные пить из источника тихой радости в минувшем Вчера, чтобы не раствориться в мрачных днях безрадостного Сегодня.

Партии эс-эров нет надобности создавать свой Истпарт. В этом отношении эс-эровский процесс сослужил им такую службу, что тов. Оль-

минский, право, может им позавидовать. Кто только не участвовал в воспроизведении истории эс-эровской партии? Вся Россия. Достаточно Зензинову подобрать только советские газеты за летние месяцы этого года, чтобы получить материал, который даст возможность эс-эрам свою историю изложить в гораздо большем количестве томов, чем Мартову историю общественного движения в России.

В самом деле, писали, все писали отовсюду—из самых отдаленных углов нашей республики: всякому есть что сказать, ибо нет той дыры в Советской России, где бы эс-эровский волк не задавил барана. Каждый рабочий может рассказать об эс-эрах, каждый—свое, ибо каждый видел, знал, испытал на своей спине «свое» особое предательство деятелей этой партии. Полны материалов о роли партии эс-эров в Великой Российской... контр-революции «Правда», «Известия», «Труд» и даже «Экономическая Жизнь», полна провинциальная печать, полны наши журналы. Полтора десятка статей дала «Коммунистическая Революция» в №№ 4—10 (раньше журнал назывался «Вестник Агитации и Пропаганды»), две статьи дала «Красная Новь», ряд статей поместила «Молодая Гвардия», некоторый фактический материал напечатала истпартовская «Пролетарская Революция». Кроме того, по всем «тонким» журналам разбросано огромное количество статей, заметок, документов, фактов, иллюстраций. Мы уж не говорим о материале, потонувшем в ворохе газетных листов и журнальных тетрадей провинции. Эс-эровский процесс, право же, обратил всю нашу печать в добросовестно действующий истпарт эс-эров. И, надо отдать нашей периодической печати справедливость, несмотря на целый ряд ошибок в проведении кампании об эс-эрах, история авантюр, злодеяний и вероломства этой партии была выявлена с достаточной полнотой.

Но ход развития этой мнимо-революционной партии, ее парализующее значение в поступательном революционном движении рабочего класса в России до октября и ее реакционную роль после переворота особенно ярко осветила та литература, которая в большом количестве была выпущена в связи с эс-эровским процессом. Мы не имеем возможности охватить всех изданий, вышедших по этому вопросу в провинции, несомненно, их очень много, но и той, которая вышла в Москве, вполне достаточно, чтобы не исчерпать —это почти невозможно,—дать вполне ясную все же картину о преступлениях партии эс-эров против революции и рабочего класса.

Все вышедшие к моменту процесса книги и брошюры об эс-эрах можно разделить на три группы: 1) посвященных истории и анализу социальной и политической сущности этой партии (Вл. Мещеряков—«Партия с.-р.», А. Луначарский—«Бывшие люди», Ю. Стеклов—«Партия социалистов-революционеров»), 2) посвященных свидетельским показаниям об эс-эровских деяниях (Г. Семенов-Васильев—«Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.», Ив. Алексеев-Небутов «Из воспоминаний левого эс-эра», Б. Шмераль—«Чехо-словаки и эс-эры», В. Игнатьев—«Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны») и 3) посвященных фактам, материалам, докумен-

там и речам (Ил. Вардин—«Эс-эровские убийцы и социал-демократические адвокаты», «Обвинительное заключение по делу центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р.», «Обвинительные речи на процессе эс-эров», «Работа эс-эров за границей по материалам парижского архива эс-эров», «Партия с.-р. в тамбовском восстании 1920 - 21 гг.»).

Все книги и материалы писались и редактировались специально к процессу эс-эров, и потому самое содержание их насквозь пропитано элементами злободневности и относится больше к послеоктябрьскому периоду деятельности эс-эровской партии. Исключение составляет книга Вл. Мещерякова, хотя и выпущенная в связи с делом эс-эров, но задуманная давно и писанная им независимо от предстоявшего процесса, задолго до него. Автор о своей книге сам пишет следующее: «Материалы собирались в годы эмиграции за границей, и чтобы обработать их лучше, чем это сделано, нужно немало времени; а автору совсем не хватало времени для литературной работы с момента возвращения в Россию».

Действительно, обе книжки Вл. Мещерякова (пока вышли лишь первых две части, охватывающие период существования партии от ее возникновения до 1907 года, третья часть должна дать картину развала партии эс-эров в период войны и революции), состоящие почти целиком из комментированных цитат, скорее следовало бы назвать материалами для истории партии эс-эров. Самая форма изложения носит характер схематического наброска задуманного большого труда, который еще только будет написан автором. Сосредоточенное изучение предмета исследования, внимательное накапливание материалов на протяжении очень длительного периода, добросовестная систематизация этих материалов и коротенькие небрежные—только для того, чтобы связать цитаты—замечания автора,—вот характерная форма изложения Вл. Мещерякова.

Эта форма особенно ясно видна хотя бы по главе «Программа и тактика эс-эров», из общего числа 415 цитаты составляют 212 строк, при чем цитируются следующие источники: «Вестник Русской Революции», парижская «Жизнь», «Революционная Россия», брошюра «Свобода», «Летучий Листок», программа 1896 г., брошюра «Наши задачи», «Своб. Россия», Григорович «Искра», «Социалист-Революционер», статьи Нечетного, «Очередной Вопрос», «Аграрная Лига», «Наша программа», «Русское Богатство», «Заключение судебно-следствен. комиссии», «Народоволец», сборник «Памяти Слетова», «Социализм и борьба», «Знамя Труда». Насыщенность книги материалами, которыми автор оперирует столь щедро, сколь скупо снабжает их своими выводами, еще больше видна из того, что почти каждая страница книги имеет дополнительные примечания, главным образом, библиографического характера. Так, краткая в 9 строках характеристика восьми, существовавших в эс-эровской партии в период ее зарождения, взглядов на общину и аграрную программу сопровождается таким перечнем литературы по этому вопросу:

1) «Соц. и борьба за своб.», 1898, стр. 116; 2) Там же, стр. 29, 116 и «С род, на род.». № 4, стр. 262; 3) Народники состави-

тели земского «Очерка Пермск. края», стр. 68 и др.; 4) «Р. Б.», 1895 г., № 1, стр. 182; 5) Николай—он, «Очерки», стр. 59, 72; 6) Южаков «Добровол. петерб.», стр. 249, 272—3, 304—5; 7) «Наша прогр.», стр. 8, 8) «Социализм и борьба», стр. 33.

С этой стороны книга Вл. Мещерякова является весьма ценным конспектом для подробного изучения развития партии социалистов-революционеров. На основании документов самой эс-эровской партии и статей и рассуждений ее вождей автор приходит к тому положению, из которого исходит А. Луначарский в своей брошюре «Бывшие люди», что эс-эры—партия деревенской мелкой буржуазии. Ю. Стеклов характеризует эс-эров, как партию не только сельской, но и городской мелкой буржуазии. «Партия эс-эров всегда была партией мелко-буржуазной интеллигенции». Эту мысль, выявить которую составляло главную цель процесса, более четко формулировал тов. Луначарский в своей обвинительной речи на самом процессе, когда он говорил о путанности и эклектичности эс-эровских, по существу, радикально-буржуазных теорий.

«Безыдейность и беспринципность ведут их (эс-эров) на практике к революционному авантюризму, выражающемуся в их стремлении поставить на одну доску шаткие социальные слои и классы, как—интеллигенцию, пролетариат и крестьянство, и в их шумной проповеди систематического террора, и в их замечательной программе-минимум, и в их отношении к либералам, и во многом другом» («Обвин. речи», стр. 9).

Сами эс-эры, однако, продолжают и поныне считать себя партией «трудового крестьянства». Разумеется, сельская беднота ценить эс-эров может не потому, за кого они себя выдают, а по делам их. Еще в августе 1917 г. тов. Ленин писал в «Рабочем» о том, что агитацию против эс-эров надо строить на их измене крестьянству: «Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т.-е. к подчинению им». Это с неумолимой убедительностью показал опыт керенщины и всей гражданской войны в России в послеоктябрьский период. Ведь даже П. Струве в эмиграции признал: «с.-р. означает старый режим».

Стоя у власти, эс-эры ничего не в силах были сделать для облегчения положения безземельного крестьянства, ибо это значило бы поссорить партию с помещиками, с которыми они стремились жить в дружбе, якобы во имя победы над германским империализмом. «Крестьянская» партия оказалась не в силах поднять деревню, когда большевистская столица разогнала учредительное собрание. «Крестьянская» партия не была в состоянии создать ни одного полка для борьбы с большевиками, в то время как партия пролетариата сумела создать железную Красную армию и двинуть ее против эс-эровско-учредиловского фронта, и против немецкого, и против антантовского империализма, и против генеральской, и против атамано-махновско-петлюровской контр-революции.

Вот эта последняя была той реальной силой, которая и составляла наиболее яркие проявления эс-эровского влияния в кулацкой части де-

ревни. Особенно показательной в этом смысле является антоновщина. Тамбовская губ. имела сохранившуюся крепкую организацию эс-эров, давшую Чернова, Спиридонову, Вольского, Архангельского и др. видных деятелей этой партии. Организация эта имела широкие связи в деревне с ее наиболее зажиточной, обиженной нашей комбедовской политикой, частью. На эти слои сельского кулачья и опирался Антонов, организуя восстание против Советской власти. Вся тактика эс-эров здесь была построена на жесточайшей провокации.

«Губкомпарт отметил факт массового вхождения членов партии с.-р. в коммунистическую партию; были случаи, когда почти целиком с.-р. ячейка переходила в ряды РКП. Впоследствии выяснилось, что многие вошли с исключительной целью дискредитирования партии в глазах населения, занимая ответственные советские посты, с целью внесения маразма в ряды партии, использования советских рессурсов в интересах партии с.-р. и готовящегося восстания, хозяйственного саботажа и нанесения вреда республике. Во всех советских органах, не исключая и Губчека, эс-эровские организации имели своих агентов. Особое внимание было направлено на дискредитирование продработы в деревне. Незаконные действия по отношению к крестьянам при сборе продразверстки, умышленная порча на глазах населения заготовок продовольствия и сырья имели провокационную цель вызвать возмущение крестьянства» («Партия с.-р. в тамбовском восстании», стр. 5).

Провокация, ложь, надувательство крестьян и рабочих—основная черта в деятельности партии эс-эров. Ее породила практика террора. И Вл. Мещеряков (2-я часть, стр. 48), и А. Луначарский (стр. 16 и 19), и Ю. Стеклов (стр. 9) террор непосредственно связывают с азефовщиной и с систематическим околпачиванием Ц. К. эс-эровской партии рядовых боевиков. «Всякий террорист неизбежно проходил огромную школу лжи вплоть до возможной провокации», пишет А. Луначарский на основании различных заключений о технике террора Бориса Савинкова. Отпирательство эс-эровского Ц. К. от ряда террористических актов (убийство Гапона, Татарова и др.) свидетельствует, что школой лжи и предательства успешно руководил высший орган партии. Тов. Крыленко, говоря о подготовлявшейся эс-эрами демонстрации ко дню открытия учредительного собрания, констатировал: «Ложь и лицемерие, лицемерие и обман, обман народных масс и своих товарищей—вот черта, которую наиболее наглядно проявила ПСР в течение этого дня» («Обв. речи», стр. 157). И затем он больше обобщает эту мысль: «Вот черта, которую мы впоследствии будем встречать всюду: спрятаться за чужую спину, прикрыться чужой организацией, от ее имени действовать, а после, когда потянут к ответу, сказать: «мы тут не при чем» («Обв. речи», стр. 158). О двуручничестве, о «тактике ловкости рук» (которая, впрочем, не всегда оказывалась достаточно ловкой) рассказывает и Г. Семенов-Васильев, когда говорит об убийстве Володарского и о покушении на Ленина (стр. 29, 34 и 35). Со слов Семенова указывает на лицемерие эс-эровского Ц. К.,

пытавшегося сформулировать свое отношение к террору в отношении вождей революции, и Ил. Вардин (стр. 3 и 7).

Гильфердинг, ныне активный деятель $2^1/_2$ интернационала, когда-то писал о мелко-буржуазных партиях, что при империализме исчезает противоположность интересов между мелкой и крупной буржуазией, и мелкая буржуазия становится сторожевым постом для крупного капитала. Очевидно, это происходит с мелкой буржуазией не только при империализме, но и в период пролетарской революции. Чем же, как не охранной боевой линией всей отечественной контр-революции была на протяжении всего периода гражданской войны эс-эровская партия. Генеральско-помещичья реакция не могла бы найти более удобного прикрытия для себя никогда, если бы этой роли добровольно не взяла бы на себя партия эс-эров. Луначарский эту роль характеризует так:

«Она сыграла роль косметики. Реакционная морда не смела выставиться перед народом и поэтому подкрашивалась теми румянами, которые она заимствовала с ультра-красной палитры сидящих пред нами революционеров» («Обв. речи», стр. 33).

М. Н. Покровский еще четче определил значение эс-эров для буржуазии:

«Перед нами партия буржуазной реакции, отличающаяся от других партий буржуазной реакции только тем, что это не есть подлинный отпрыск капиталистического класса, а своеобразный кондотьер, своеобразная наемная шпага буржуазии, которая предлагается буржуазии каждый раз, когда ей нужно бросить эту шпагу в какое-нибудь грязное и нарочито опасное дело. Как только дело становится чистым, с буржуазной точки зрения, как только опасность прошла, так этого кондотьера рассчитывают: вот, милый человек, тебе подачка, или вовсе без подачки, ты нам не нужен, ступай, прогуляйся до следующего случая; когда ты нам понадобишься,—мы тебя позовем» («Обв. речи», стр. 116).

С такой же решительностью в одном из тезисов своего предисловия высказывается о роли эс-эров в антисоветской борьбе Вл. Мещеряков: «Эс-эры перестали быть социалистами и революционерами (А. Луначарский подчеркивает, что они никогда ими не были, называя их социализм—буржуазным демократизмом и их революционность—оппортунизмом. *С. И.*), и республиканцами, просто честными людьми. Это—бесчестные контр-революционеры, решительно ничем по существу не отличающиеся в своем поведении от других белогвардейцев» (стр. 4).

В одном из последних номеров «Русского Дела»—органа группы нововременцев и черносотенцев, издающегося в Софии, дана характеристика эс-эров, ничем не отличающаяся от большевистской: «Глубокореакционная партия и этикетку «левой» она сохраняет просто по недоразумению».

Как бы в доказательство того, что эс-эры, действительно, «ничем не отличаются от белогвардейцев», Ю. Стеклов заимствует из брошюры бывшего эс-эра Солодовникова о «Сибирской авантюре» потрясающий рассказ, который дает особенно яркую иллюстрацию деятельности эс-

эров в союзе с белым офицерством; его следует привести здесь без сокращений.

«Ставленник Директории, генерал Люпов, захлебываясь от удовольствия, рассказывал на собрании командиров частей 22 октября 1918 г. *о расстреле 900 новобранцев*, расстрелянных в день сдачи Самары красными за отказ следовать за отступающей Самарской армией. Тогда же Генштаба полковник Виноградов на станции Чишма, Самаро-Златоустовской ж. д., расстрелял 121 *пленных красноармейцев*, следовавших на работы в Тоцкий лагерь и подвернувшихся под вечно пьяную руку этого полковника. Учредиловский генерал Ханжин, командовавший войсками Западной армии, расстрелял и спалил целый Кустанайский уезд. «Война, так война,—говорили его штабные.—И что там особенного? Рубят лес, значит, летят щепки! Столыпин расстрелял 20.000, зато спас Россию от анархии. Расстрелять 13.000, конечно, легче, чем 20.000, но зато труднее запороть 4.000 человек. *Спалить деревень пятнадцать—пара пустяков*».

«Развесив на воротах Кустаная несколько *сот человек*, постреляв немного, мы перекинулись в деревню,—повествовал драгунского эскадрона корпуса Каппеля («краса и гордость» эс-эровской армии, а впоследствии колчаковской) штаб-ротмистр Фролов.—Деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за *сочувствие* (!!) *большевизму пришлось расстрелять всех мужиков* от 18 до 55-летнего возраста, после чего «пустить петуха». Убедившись, что от Каргалинска осталось пепелище, мы пошли в церковь. Был страстной четверг».

«На второй день Пасхи эскадрон ротмистра Касимова вступил в богатое село Боровое. На улицах чувствовалось праздничное настроение. Мужики вывесили белые флаги и вышли с хлебом-солью. Запоров несколько баб, расстреляв по доносу два - три десятка мужиков, Касимов собирался покинуть Боровое, но его «излишняя мягкость» была исправлена адъютантами начальника отряда, поручиками Умовым и Зыбиным. По их приказу была открыта *по селу ружейная стрельба, и часть села предана огню*.

«Эти два поручика прославились исключительной жестокостью, и их имена не скоро забудет Кустанайский уезд. Немногим отстал от них подпрапорщик того же драгунского эскадрона, студент Николаев. Он прославился как специалист по части порок. Запарывая мужчин шомполами по традиционным помещичьим местам, он предпочитал *бить женщин нагайками по животу*. «Жаль, что всю страстную и святую недели проболтались в деревне,—говорил Николаев,—зато *хорошо заработали и не плохо проучили население*. Пусть не сочувствуют большевикам!»

Конечно, для того, чтобы пара поручиков и усердствующий подпрапорщик «хорошо заработали», чтобы «спалить» один уезд, расстрелять 13.000 человек и запороть 4.000, не требовалось особенных симпатий запарываемых баб и мужиков. Но когда эти симпатии среди населения все-таки есть, эту задачу выполнить от имени «демократии» значительно легче и много приятнее.

Вот Б. Шмераль рассказывает, как обманули эс-эры чехо-словацкие части. «Вооруженная сила чехо-словаков состояла на 90% из рабочих и беднейших крестьян. Большая часть их уж на родине была социалистами». Эс-эры, сманивая их на борьбу с большевиками, спекулировали на своем знамени «социалистов» и «революционеров». Сознание, что они борятся вместе с такой почтенной партией, «усыпляло совесть многих рабочих чехо-словацкой армии, которых иначе пролетарское классовое сознание толкнуло бы на путь критического мышления» (стр. 11).

Эс-эры торговали своим знаменем очень бойко. Они совращали, сбивали с толку не только чехо-словацких пролетариев, но и русских крестьян и рабочих. Это составляло большое удобство для русского и иностранного союзнического капитала, и он платил эс-эрам за их контрреволюционные дела, пышно завуалированные фразеологией.

Как продавалась эс-эровская девка то французскому банкиру, то английскому фабриканту, то деникинскому бравому генералу,—рассказывают все рассматриваемые нами книги. И, пожалуй, не столь интересны показания Г. Семенова-Васильева и даже не книга сфотографированных документов о заграничной работе эс-эров по материалам их парижского архива, сколько записки бывшего правого эс-эра Ив. Алексеева-Небутова. Он рассказывает, как эс-эры на Украине, с целью заслужить доверие у начальника деникинского штаба генерала Романовского, готовились «выкрасть» Раковского, как подрывная работа, ведшаяся на деньги французов, внимательно союзниками учитывалась (любопытная подробность, сообщаемая автором «воспоминаний»). «Он (видный с.-р. Герман) потребовал подробный отчет о работе. И предложил на будущее время вести запись №№ испорченных вагонов и паровозов. Это уже было верх цинизма, когда он обосновал свое требование тем, что союзники без подробных отчетов не дадут денег» (стр. 19), как диктаторская «пятерка», стоявшая во главе эс-эровской организации на Украине, готовила встречу антантовским интервентам и высылала для этого в Одессу делегацию во главе с Германом и полковником Михайловым, как фактически организацией руководили союзники, а не Ц. К. (впрочем, Небутов не отдает предпочтения ни тому, ни другому руководящему органу; он деловито повествует: «послали для связи с Ц. К. и союзнической миссией», стр. 22), как постепенно перерождалась и вся организация.

«Организация окончательно преобразилась. Кто только сюда не приходил. Полная коллекция всех оттенков антисоциалистической мысли. От либеральной демократии до самой матерой реакции. Все здесь находило себе место. Для полного ансамбля не хватало напрактиковавшихся погромщиков. Но скоро появились и они. Раз возмущенная Аня Кныш рассказывает, что к ней на явку пришли два офицера. Спросили Германа. А потом вдруг заявили, что, судя по рассказам Германа, они были лучшего мнения об организации, а теперь, при личном ознакомлении с нею, к своему ужасу нашли, что здесь 50% жидов.

От союза Возрождения вошли к нам капитан Павлов и какой-то генерал, фамилии которого я не помню» (стр. 20).

В другом месте автор раздраженно отмечает, что «организация приняла резко выраженный тип белогвардейской банды. Она, как проститутка, могла продать себя кому угодно, только лишь не большевикам» (стр. 23).

Сейчас партия эс-эров фактически не существует. Даже «Голос России» умер. Кучка бездельников, которая на похищенное русское и выклянченное иностранное золото сейчас за границей в «Революционной России» пытается еще кого-то представлять и кого-то морочить, конечно, уже ни у кого—даже у белых генералов—не вызывает интереса. Процесс эс-эров вбил последний крепкий гвоздь в крышку гроба этой партии, и ни рабочие, ни крестьяне больше покойницу не вспоминают.

Но история не может забыть партии, которая обладала способностью бросать в ряды классовых врагов пролетариата чистокровных пролетариев Усовых и Зубковых, которая сумела на радость контрреволюционной буржуазии вождя и трибуна рабочей революции расстрелять рукою рабочего Сергеева. Летопись всех чудовищных преступлений, всех потрясающих предательств, которые оказалась в силах совершить партия эс-эров, должна быть сохранена для истории, не столько как памятник, сколько как урок для международного революционного движения.

С этой стороны ценность процесса, опубликованных документов и уже вышедших и еще долженствующих выйти изданий является неоспоримой и исключительной.

ЛИТЕРАТУРА ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ.

Ф. Капелюш.

Der Imperialismus als Begriff. Von Professor Justus Hashagen, Berlin. Weltwirtschaftliches Archiv. 15. Band. Iena. 1920.

В 1905 году В. Воргиус пытался путем опроса «15 выдающихся представителей различных стран» установить понятие империализма, но возникшая в результате этой анкеты его брошюра «Der Imperialismus» не дала никакого положительного результата. В. Лютц даже прямо высказывает в анкете сомнение, можно ли ответить на этот вопрос и дать определение империализма. Такого же мнения придерживаются A. von Mörl, Imperialismus und Nationalitätenprinzip («Oesterreichische Rundschau», 1913); M. J. Bonn, Der moderne Imperialismus, Veröffentlichungen der Handelshochschule. München, 1913; E. Schultze, Der britische Imperialismus (Blätter für vergleichende Rechtswirtschaft und Volkswirtschaftslehre, 1913); O. Hintze, Imperialismus und deutsche Weltpolitik («Europ. Staats-und Wirtschaftszeitung», 1917, S. 554).

Сделаны были попытки «лингвистического» объяснения империализма из латинского империума; это последнее—не только географическое понятие, но целая система римского государств. права (Моммзен!) Об этом писали, главным образом, английские авторы: Sir Charles Lukas, Greater Rome and Greater Britain, 1912; T. Frank, Roman Imperialism, 1914; J. A. Cramb, The Origins and Destiny of Imperial Britain, 1915; W. F. Monypenny, The Imperial Ideal, The Empire and the Century, 1905; J. H. Morgan в «Nineteenth Century» 1915, p. 690.

Впрочем, один английский автор в анкете Боргиуса резонно замечает, что «слово империализм происходит вовсе не от аггрессивного латинского imperium, а от английского empire, как противоположности kingdom».

Не достигнуто также соглашения относительно древности империализма. Правда, ходячее мнение полагает, что «новейший» империализм возник в Англии за минувшее поколение. См. об этом: H. Schumacher, Weltpolitik und Imperialismus («Das neue Deutschland», 1918); H. Friedjung, Das Zeitalter des Imperialismus, Berlin, 1918; W. Gerloff,

Der wirtschaftliche Imperialismus («Der deutsche Krieg», 1915, S. 6), а также шт. Borgius, Hintze.

Но теперь все больше ищут корни империализма в более отдаленных эпохах, находят предтечей Makers and Builders of the Empire в англосаксах раннего средневековья, в пуританизме, в конквистадорах XVI, меркантилистах XVII столетия. См. J. Hashagen, Zur Ideengeschichte des englischen Imperialismus (Weltwirtsch. Archiv, 1917); A. Dix, Die Urväter des britischen Imperialismus («Das neue Deutschland» 1917); Else Kemper, Carlyle als Imperialist, Zeitschrift für Politik, 1918; V. Berard, L Angleterre et l'Impérialisme, 1900; J. Gazeau, L'Impérialisme Anglais 1903; G. von Schultze-Gaevernitz, Britischer Imperialismus und englischer Freihandel, 1906; A. Schlesinger, Gustav Adolf als Vorläufer des Imperialismus, «Neue Zeit», 1913; F. Rothe, Gustav Adolfs wirtschaftliche Absichten in Deutschland, 1910; M. Nachimson, Imperialismus und Handelskriege, 1917; хотя J. Schumpeter (Zur Soziologie der Imperialismen, Archiv für Sozialwissenschaften, 1918) не видит английского империализма еще в XVIII столетии, в общем теперь—по крайней мере, в немарксистской литературе,—установилось мнение, что «империализм» не ограничивается последним поколением. Его находят даже в древней Греции. См. Earl of Cromer, Greek Imperialism, 1913;. W. F. Ferguson, Greek Imperialism, 1913; J. R. Seeley, Greater Greece and Greater Britain, 1887—даже чуть ли не у древних ацтеков и инков: Steffen, Weltkrieg und Imperialismus, 1915).

Однако новейший империализм не ограничивается Англией. Во время войны проводили разницу между «настоящим» и «ненастоящим», «положительным» и «отрицательным» капитализмом, т.-е. английским и германским и обратно, или между романским, с одной стороны, и русским, японским и американским—с другой. Теперь пишут также об «империализме русских большевиков». См. след. литературу: C. v. Schilling, Der Imperialismus der Bolschewiki. Revol. Streitfragen, 1919; A. Schmidt, Maximalistischer Imperialismus («Deutsche Politik», 1918); E. Stadtler, Friedensverhandlungen und Bolschewismus, 1919. Затем: Roumans, L'Impérialisme français, 1913; Comte de Felsan, L'Impérialisme français, 1916; Probus, La plus Grande France, 1916; Ph. Hiltebrandt, Der französische Imperialismus, 1918, L. Madelin, L'expansion française, 1918; M. Uebelhör, Frankreichs finanzielle Oligarchie («Der deutsche Krieg»), 1915; R. Michels, Elemente zur Entstehungsgeschichte des Imperialismus in Italien, Archiv A. Sozialwissenschaft, 1912; L'Imperialisme Italiano, 1915; A. Danzat, L'expansion italienne, 1914; W. K. Wallace, Greater Italy, 1917; Democracy and Imperialism in Italy (New Statesman, 1917); A. Rühl, Die Grundlagen des italienischen Imperialismus («Meeresrunde»), 1918; Ph. Hiletbrandt, Der italienische Imperialismus («Deutsche Rundschau»), 1918; V. Gay, El. Imperialismo y la guerra europea. Los principios nationalistas y el Iberismo; A. Grabowsky, Deutscher Imperialismus («Das neue Deutschland») 1916; A. Bencke, Englischer Handelsimperialismus und deutsche Wirtschaftsidee («Handel und

Industrie»), 1916; P. Joachimsen, Grundlagen englischer und Probleme deutscher Weltpolitik («Europ. St. und Wirtschaftl. Zeitung»), 1916;. R. Hoffmann, Das Ende des kolonialpolitischen Zeitalters, 1917; P. Ostwald, Volkswirtschaftliche Zeitfragen, 1917; P. H. Kerr, издатель влиятельного империалистского журнала «The Round Table», в сборнике «The Empire and the Future», 1916; M. Adler, Zur Ideologie des Weltkrieges (Kampf) 1915; Ellenbogen, «Krieg» und Volkswirtschaft (там же), Hilferding, Historische Notwendigkeit oder notwendige Politik (там же).

Проф. Шупетер дает следующее определение: «Империализм есть не имеющее определенного объекта (objektlos) стремление государства к насильственному расширению без указания границ».

Возражений против «насильственного» характера империализма не встречаешь в теории; разве что у сторонников так называемого культурного империализма (см. F. Eulenburg, Von den Weltreichen der Zukunft und der Zukunft der Weltreiche, Weltw. Arch., 1917). Но возникла контраверза такого рода: Грабовский и др. не соглашаются считать империализмом «беспредметную (gedankenlos) завоевательную политику», видят в нем скорее «органическое стремление к мировому господству, к пробуждению дремлющих в народе сил»; с другой стороны, Гинтце подчеркивает, что это «стремление к господству не знает других границ, кроме ставимых ему извне», в этом же смысле высказывается Каутский (Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund, 1915), Шультце отмечает в империализме расширение за лингвистические и природные границы, Фридъюнг подчеркивает стремление овладеть заморскими территориями, а Дирксен (Die Grundlagen des jmperialismus «Grenzboten», 1913) категорически заявляет, что для империализма характерно полное отсутствие какого-либо соотношения между его тенденцией к расширению и условиями в собственной стране. Любопытно, что и здесь проводится тенденциозная, произвольная грань: одни авторы считают «лишенными внутреннего основания и необходимости» империализмы французский, итальянский, американский, русский, японский, но признают эту внутреннюю необходимость за английским империализмом, другие—за немецким. Безбрежность империалистских планов рассматривается даже со стороны эстетической, см. K. Vossler, Imperialismus und Aesthetentum in Italien («Europ. St. und Wirt. Zeitung», 1917). Итак, «беспредметность» империализма является чуть ли не в виде психоза, которым одержимы целые государства.

Понятие «мирового господства» тоже представляет трудности для представителей буржуазной науки: с одной стороны, оно расплывчато, а между тем преследует,—увы!—самые что ни есть реальные цели. См. R. Kobatsch, Internationale Wirtschaftspolitik. Ein Versuch ihrer wissenschaftlichen Erklärung auf entwickelungsgeschichtlicher Grundlage, 1907).

Указывают также на выставленное Лампрехтом (Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit und Gegenwart, 1919) понятие Tentakel-

staat», государства со щупальцами. См. также H. Dietzel, «Die Theorie von den drei Weltreichen», 1900; Hashagen, Ueber historische Imperialismusforschung и главы о новейших мировых империях у Блунчли и Шеффле.

На-ряду с тенденцией к расширению империализм характеризует также противоположная тенденция к концентрации и укреплению своих сил. Яркий пример—Дизраэли, консолидация британской империи, идея Imperial Federation. На этот счет у англичан тоже имеется богатая литература. См. ряд статей в «Nineteenth Century» 1891—1895; R. Thirlmere, The Clash of the Empires, 1907; G. T. Denison, The struggle for Imperial Unity, 1909; J. W. Raymond, Imperial Unity («National Review», 1914); специальный номер Таймса, посвященный империализму, апрель 1916 г. H. E. Egerton, Federations and Unions within the British Empire, 1911; F. F. G. Hearnshaw, Democracy at the crossways, 1918; P. A. Silburn, The Governance of Empire, 1910.

Указывается в литературе также на то, что параллельно с «плеонексией» завоевательской тенденцией, идет стремление к «автаркии», т.-е. к тому, чтобы удовлетворяться своим. Это определение дают «стремлению замкнуть свою территорию от других» (Брандт в анкете Боргиуса). Попросту говоря, здесь речь идет о протекционизме. «Стремление к автаркии есть глубочайшая причина образования современных империй», говорит G. Jäger, Das Wesen des englischen Staates und seine Machtorganisation («Schmollers Jahrbuch», 1915). Приводим литературу: цит. выше Gerloff, Eulenburg, Nachimson, Michels, Grabowsky, затем Direksen, Imperialismus und Sozialismus («Grenzboten», 1913), K. Emil, Handelspolitische Fragen, «Neue Zeit» 1917, H. Poetzsch, Das Imperium und die Arbeiter, «Sozialist. Monatshefte», 1916; Max Schippel, Der Imperialismus auf dem Chemnitzer Parteitage, там же.

В вышеприведенное определение проф. Шумпетера вносят также след. поправку: вместо стремления *государства* к расширению говорят о стремлении *социальной группы*.

Как мы видим, империалистическая война создала весьма обширную научную литературу по вопросу об империализме. Немецкие ученые Шумпетер и Хасхаген подходят к ней с несколько гелертерской точки зрения; доискиваясь, во что бы то ни стало, «научной дефиниции» империализма, господа профессора умышленно лишают его, одна за другой, его живых, конкретных черт, жертвуют его содержанием в пользу формальной, логической классификации, и в результате получается пустоцвет, ничего не говорящий ярлычок и номер, который и кладут на полку. Делается это по известному рецепту ученика из Фауста: was man Weiss auf Schwarz besitzt, kann man getrost nach Hause tragen.

Однако, эта литература, несомненно, содержит богатый фактический и исторический материал. Не только это. Господа профессора вовсе не так наивны, как может показаться с первого взгляда. Отдав дань ге-

лертерству, благополучно установив, что империализм, с одной стороны, есть беспредметное и безголовое стремление к расширению, так сказать, из любви к искусству, а с другой стороны, вытекает с внутренней необходимостью из условий страны, Хасхаген и Шумпетер признаются, что «самое серьезное решение проблемы дает новомарксистская школа, которая видит в современном империализме игру интересов высших слоев капитализма на известной ступени развития этого последнего» (Шумпетер, loc. cit., стр. 3); Шумпетер согласен с «объяснением империалистских тенденций экономической структурой и условиями производства, сообразно теории экономического материализма» (там же). Гобсон (Imperialism.—Democracy after the War) тоже объясняет империализм перепроизводством и борьбой за рынки. И приходит к тому заключению, что если с точки зрения всего народа империализм может быть назван только нерациональной величиной, то с точки зрения финансового капиталиста он нечто в высшей степени рациональное. Шумпетер вносит следующую «поправку» в теорию экономического материализма. Он выставляет любопытную теорию эксцентрицитета, атавизма в истории: «Империализм есть атавизм. Он принадлежит к великой группе пережитков прежних эпох. Это атавизм социальной структуры и индивидуальной психики». «Политический склад мышления и чувствования в каждую эпоху—как длительный тип—определяется производственными отношениями предыдущих эпох». «Географические условия сделали иранцев воинами, это предрасположение передается потомству и действует потом уже *беспредметно*». Арабы тоже являются «длительным типом воина», их завоевательные стремления «родились из жизненных необходимостей давно прошедшего времени». Как видим, своеобразное смешение психологического атавизма с экономическим базисом. Впрочем, по Марксу, идеологическая надстройка тоже запаздывает сравнительно с базисом; но Маркс имел здесь в виду, главным образом, моменты революции, когда рост производственных отношений заставляет лопаться рамки старой идеологии.

Мало того, Шумпетер на протяжении всей своей книги, на исторических примерах, чрезвычайно рельефно доказывает классовый характер империализма, и Хасхаген вполне резонно удивляется, почему в определении Шумпетера нет этого признака. Шумпетер находит классовой империализм уже в поздней римской республике, а именно, в классическом виде, затем в феодальном империализме немецких каролингов, далее в «империализме государей», в особенности Людовика XIV. Впрочем, для полноты говорится также об «индивидуальном империализме» Александра Великого, Цезаря и Наполеона. F. L. Stahl (цит. у Dirksen, Grundlagen des Imperialismus) вообще отожествляет империализм с «наполеонизмом». Конечно, и последний должен иметь известные экономические и социальные предпосылки.

В то время как Каутский имеет в виду исключительно промышленный империализм, Франц Оппенгеймер (в анкете Боргиуса) подчеркивает также аграрный тип империализма: «В аграрной стране, как Ро-

сия, господствующее поместное дворянство стремится расширить территорию страны, чтобы создать новые места для сатрапов, чиновников, офицеров, сынков и бывших людей своего сословия».

Согласно некоторым авторам, классовой характер современного империализма терпит у англосаксов и итальянцев известные серьезные ограничения в пользу своего рода «народного империализма» (?). Об этом см. H. v. Dirksen, цит. соч., а также Imperialismus und Sozialismus. Затем A. E. Duchesne, Democracy and Empire, 1917; K. Leuthner, Volksinteresse und Staatsschicksal, Sozialist-Monatschr.», 1912; Demokratie und Selbstbehauptung der Nation, там же, 1908; специально об Италии см. R. Michels, цит. соч.

Горячая полемика разгорелась также вокруг вопроса, представляет ли империализм только определенную классовую политику, практикуемую на известной стадии развития катализма, или же является самой этой стадией развития. Об этом см. G. Mayer, der deutsche Marxismus und der Krieg («Archiv für Sozialwissenschaft»), 1917; H. Gorter, Het Imperialisme, de wereldoorlog en de social-democratie, 1914; K. Radek, Der deutsche Imperialismus und die Arbeiterklasse, 1912; его же, Zu unserem Kampfe gegen den Imperialismus («Neue Zeit»), 1912; его же, Die Triebkräfte des Imperialismus («Neues Leben»), 1915· его же, Der Zusammenbruch des Imperialismus und die Aufgaben der internationalen Arbeiterklasse, 1918; A. Paunekock, Deckungsfrage und Imperialismus («Neue Zeit»), 1913.

Сдвиг германских социал-демократов-ревизионистов в пользу империализма вызвал такую сенсацию, что еще до войны во Франции объявляют Гильдебранда (см. его Die Erschütterung der Industrieherrschaft und der Industriesozialismus, 1910, и «Sozialistische Auslandspolitik», 1911), Квесселя, Шиппеля, а в особенности Лейтнера заядлыми империалистами. А во время войны их позиция пропагандируется М. Когеном, Куновым, Давидом, Гейне, Носке, Радловым, а в особенности Лентчем (в «Sozialistische Monatshefte» и в основанном в 1915 г. еженедельнике «Glocke»). См. об этом Ch. Andler, Le socialisme imperialiste dans l'Allemagne contemporaire; dossier d'une polémique avec J. Jaurès 1912—1913, Paris. 1918; E. Laskine, Les socialistes du Kaiser, 1915; Dirksen, loc. cit.; S. Grumbach, Der imperialistische Sozialismus «Neue Zeit», 1913; Kautsky, Imperialistische Tendenzen in der Sozialdemokratie, там же 1916; Cunow, Parteizusammenbruch, 1915; L. Quessel, Sozialimperialismus, «Sozialist. Monatschr.», 1916.

В своей заключительной главе Хасхаген говорит об «империализме и идеализме». Один автор указывает даже на «империализм монашеских орденов», см. O. Hamann, Romanische und gothische Kunst in Frankreich und Deutschland («Internat. Monatsschrift»), 1918. Средне-вековая церковь развила «чисто-религиозный империализм». Мировая война заставила обратить особое внимание на связь между империализмом и религией, в особенности в России и Англии, и Хасхаген ставит даже во-

прос, «облекается ли империализм в эту идеологическую одежду только из тактических соображений или она принадлежит также к самой сущности его?». Хотя для марксиста этот вопрос отпадает, приводим буржуазную литературу: H. Spiess in D. Schäfer's «Der Krieg», 1916; Lucas, The British Empire, 1915; Graf Voltelini, Religion im Dienste der britischen Politik («Nord und Süd»), 1915; M. Quin, Catholicism and Imperialism, 1916; J. Cohn, Die Lehren vom auserwählten Volk und vom Altern der Nationen («Europ. Staats und Wirtsch. Ztg.», 1916; L. Quessel, Katheder und Kanzleiimperialismus in England («Sozialist. Monatsschr.»), 1917; W. Wolff, Die englische Staatskirche und die englische Weltwirtschaft «Deutsche Politik», 1917; A. C. Hill, Christian Imperialism, 1917; Rohrbach-Kühn, Die Brandstifter der Entente, 1918; Earl of Cromer, The Government of subject races, 1908; его же, Political and Literary Essays, 1913.

Хасхаген, исходя из примера английских империалистов, «начиная от пуритан и от Берка и Карлейля и кончая нынешними пророками созидательного империализма (Constructive Imperialisme)», отчасти также из примера «теоретиков панславизма, как Достоевский», считает возможным и желательным «более глубокое, философское определение империализма». Начало уже сделано, это небольшая, но «необычайно содержательная» книга S. Marck, Imperialismus und Pazifismus als Weltanschauungen, 1918, продолжающая традиции трехтомной книги Ernest Seillière, Philosophie de l'Impérialisme (о ней см. L. Estève, Une nouvelle psychologie de l'Imperialisme, 1913; срв. также F. Carli, Gli imperialismi in conflitto e la loro psicologia economica, 1915). Марк черпает у Гегеля, подвергает критике «антиидеалистические основы империализма, как-то биологизм, натурализм, коллективизм, детерминизм, фатализм, объективный революционаризм, историзм (империалистическая пропаганда любит ссылаться на исторические права), реализм, монизм, метафизиологический спинозизм (!), но в общем выдает империализму аттестат философской зрелости, как далеко не лишенному идейного содержания. Как видим, Хасхаген снова впадает здесь в гелертерство. Он находит, что «вообще никакое мировоззрение не может служить политической программой». В основу империализма кладется здесь биологический момент самосохранения, указанная еще Гегелем необходимость перехода всякой оборонительной войны в наступательную (срв. Michels, Zur historischem Analyse des Patriotismus). В этом стремлении к беспредельному расширению усматривают не только эстетический, но даже мистический момент...

Итак, начав с определения империализма как «беспредметного» стремления, в конце-концов его идеализируют чуть ли не в религию и мистику. Любопытно, что «идеалистический империализм» Шумпетера находит себе несколько более практического товарища в «теории предпринимателя», выставленной тем же автором (Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung, 1912), они дополняют друг друга.

Для марксиста работа проф. Хасхагена может иметь только информационное значение. К сожалению, Хасхаген совершенно не цитирует русских авторов. Без знакомства с трудами М. Павловича и других наших авторов всякая картина империализма будет кривым зеркалом. Хасхаген уделил в этом своем обзоре вообще мало места экономике, ограничивается ссылкой на Гильфердинга, «которого называют вторым Марксом».

БИБЛИОГРАФИЯ В СИБИРИ ЗА ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Г. И. Поршнев.

Библиография невидимо следует за жизнью. Она — вечный спутник творящей и организующей деятельности человека.

Правда, свет ее не всегда одинаков, — то она мерцает «на ущербе», прячась в кабинетах уединенных монахов науки, то блещет «полнолунием», проникая до последних глубин культурного влияния книги, «образуя вкус читателей к хорошим сочинениям»,—но все же она всегда «с землей», всегда около жизни.

Вот мощным огненным потоком озарила русскую землю революция. Все, кто ждал ее и кто боялся ее прихода, кто благословлял и кто проклинал ее, даже те, кто равнодушен был к ней,—все почувствовали, что произошло нечто чрезвычайно значительное и необычное. Привычный быт общественной и личной жизни рухнул, как весенний лед. Давно сдерживаемые «демоны революции» вырвались на волю и раскаленной лавой потекли по хилым полям русской культуры. Но только этот всесожигающий поток успеет остановиться, как он начинает остывать, темнеть, «земленеть», как говорит Андрей Белый, и по нему уже бежит «зеленая поросль культуры».

И этот поток и обвивающая его поросль новой культуры,—все это для консервативной психики человека как удар грома в ясную погоду. Нужно понять, осмыслить бурный калейдоскоп событий и приспособиться к ним.

Все бросились к печати, к литературе, но газеты слишком «мелко брали», а другой, более серьезной литературы не было под руками. Остатки 1905 года сожжены или гнили в качестве «вещественных доказательств» по архивам военной и гражданской юстиции, или, в лучшем случае, распылились по библиотекам и мирно почивали, покрытые пылью забвения.

Эти-то искры первой революции да журнальные статьи и должна была извлечь на свет божий библиография.

Значит, первая обязанность библиографии перед читателем, охваченным революционным переполохом,- это вскрыть те остатки литературы, которые покоились в сравнительно доступных всем библиоте-

ках, расположить их по вопросам злобы дня и тем удовлетворить новые насущные потребности жизни.

В Сибири этот первый этап служения библиографии революции выразился в ряде списков литературы, опубликованных в местных газетах. Пионером была иркутская газета «Сибирь», где в марте месяце в ряде номеров был опубликован мой библиографический путеводитель по журналам, под общим названием: «Где достать литературу по общественным вопросам?»

Обследованы были: 1) рабочий вопрос и профессиональное движение, 2) формы правления и избирательные системы, 3) политические партии, их программы и деятельность, 4) крестьянство и аграрный вопрос.

Круг журналов был сознательно ограничен самыми распространенными, которые имелись не только в каждой публичной библиотеке Иркутска, но и во многих интеллигентных домах.

Библиотекарям рекомендовалось печатаемые списки вырезать, снабжать каждое название библиотечным шифром, наклеивать на картон и вывешивать на видном месте. Многими это делалось, и результат вполне оправдал задания: читатели широко пользовались «путеводителем».

Отсутствие книг призвало библиографию к практической деятельности по розыску необходимой для данного времени литературы, а освобожденная печать, забившая «белым ключом» бесчисленных газет, листовок, брошюр и книг по всем городам и селам необъятной России, выдвинула перед ней другую, еще более сложную обязанность сбора, хранения и научного описания всех печатных произведений.

В самодержавной России это дело было одной из функций Главного Управления по делам печати, но исполнялось оно недостаточно серьезно. Особенно скудно и случайно регистрировалась провинциальная литература.

Главное Управление по делам печати было заменено научно-библиографическим институтом—Российской Книжной Палатой, на которую возложено: регистрация всех произведений печати и учреждений, ее производящих и распространяющих, систематическая научная обработка всего печатного материала, организация книжного фонда и распределение по книгохранилищам обязательных экземпляров.

В Сибири это постановление Временного Правительства на первых порах внесло огромную путаницу. Некоторые типографии попрежнему продолжали слать обязательные экземпляры и сведения о тираже в Томск упраздненному инспектору печати, другие, поняв свободу печати, как свободу от всяких обязанностей, совсем никуда не высылали, третьи отправляли в Петроград, в Книжную Палату, четвертые—губернскому комиссару, как ближайшему представителю центральной власти. В результате сибирская печать попрежнему шла мимо центрального статистического аппарата и на страницы «Книжной Летописи» не попадала.

Воззвание директора Книжной Палаты, проф. С. А. Венгерова, побудило многих местных библиографов проявить частную инициативу и под-

чинить этот поток распыления печатных произведений библиографическому учету. Так создались в некоторых городах корреспонденты Книжной Палаты.

В Иркутске мною было опубликовано воззвание, излагающее историю создания Книжной Палаты, выясняющее значение сбора печатных произведений и создан корреспондентский пункт, из которого впоследствии выросло отделение Книжной Палаты, собравшее значительное количество местных произведений печати и выпустившее «Книжную Летопись Иркутска за годы революции».

«Летопись» обнимает период с 1917 по 1919 год. В 1920 году отделение Книжной Палаты ликвидировалось, функции ее перешли к Госиздату, но сбор и высылка в центр печатных произведений не прекращались. И за этот год на месте имеется почти в готовом виде (за первую половину на карточках, за вторую—в списках) весь материал об изданных в губернии газетах, листовках и книгах, но опубликовать его до сих пор не удалось.

Разрыв Сибири с Европейской Россией и создание в Омске автономной государственной власти почти никаких изменений в дело регистрации произведений печати не внесли. Сибирское правительство постановлением от 25 июня 1918 года обязало всех лиц и учреждения исполнять закон о печати 27/IV 1917 года. Вслед за этим возникла в Омске и Сибирская Книжная Палата, которая за свое кратковременное существование несколько раз меняла название (то Сибирское Отделение Книжной Палаты, то Временное бюро с отделениями в Томске, Иркутске и Владивостоке) и почти не имела никакого библиографического значения. Первое время это была обычная, на скорую руку сколоченная канцелярия, куда поступали случайные номера периодической прессы. С 1919 года приток печатных произведений значительно увеличился, но попрежнему он не подвергался никакой библиографической обработке.

После установления в Сибири советской власти, в Омске при Сибархиве, согласно постановления Сибревкома от 7 февраля 1920 года, начала функционировать «Секция печатных изданий», которая впоследствии (с 14/XI 1920 г.) была переименована в Сибирскую Книжную Палату.

Сибирь—самая неведомая нам и своеобразная часть России, литература ее весьма скудна и не систематизирована (кроме попытки Межова, доведенной до 1891 года), поэтому учреждение особой Книжной Палаты для нее имеет огромное значение. Но, к сожалению, Сибкнигопалата этому значению даже отдаленно не удовлетворяет. Это не живой научно-административный орган, а одна лишь видимость. В деле сбора печатных произведений Сибири ею никаких активных мер не предпринимается, связь с губернскими городами случайная и запутанная, прием стихийно приходящей литературы (преимущественно периодической) лишен всякого признака точной регистрации, никакого библиографического описания не ведется. Прием и рассылка приходящих газет—вот

в сущности к чему сведены все сложные и важные для Сибири функции Сибкнигопалаты.

Замкнувшись в сферу бюрократизма, она не привлекла к себе ни общественного интереса, ни участия библиографических сил [1]).

Между тем как раз библиографические интересы в последние годы стояли почти на первом плане у сибирских ученых. При Институте исследования Сибири была организована самостоятельная библиографическая секция, которая на всесибирском съезде деятелей Института в 1919 году выступала с рядом специальных докладов. В печати за это время появились: «Бельгия в литературе», библиографический справочник, составленный библиотечной комиссией при библиотеке Иркутского Об-ва торговых служащих, Поршнева—«Революция и культура народа» и «Книжное дело в кооперации», Адрианова—«Периодическая печать в Сибири», Азадовского—«Обзор библиографии Сибири» и небольшая, но любопытная работа Г. Виноградова—«К вопросу о краеведении»; это—систематический указатель литературы о Нижнеудинском уезде (Ирк. губ.), напечатанный в нескольких номерах «Земского журнала» за 1919 год (изд. в Нижнеудинске), к которому предпослано задушевно написанное введение о любви к своему краю и необходимости изучения его.

Эти работы знаменуют поворот сибирской библиографии к постановке и исполнению третьей и наиболее важной, я сказал бы: необъятной и вечной задачи—к изучению литературы сибиреведения.

Все три задачи, стоящие перед библиографией в Сибири (отклик на злобу дня, регистрация печатных произведений и научная разработка литературы по Сибири), раздельны, конечно, не во времени, а по точкам приложения. И если первые месяцы революции вызвали горячую потребность в практических указателях по литературе «текущего момента», то это не значит, что в дальнейшем этой потребности и удовлетворения ее не было. С другой стороны, и научная разработка литературы вовсе не завершение библиографического здания.

Эти три задачи не что иное, как три линии библиографического процесса, разно проявляющиеся в сибирской действительности.

В 1920 году интерес библиографии среди сибирских ученых вылился в организацию трех библиографических очагов: в Иркутске, Красноярске и Томске.

В Иркутске, взамен отделения закрытого Института исследования Сибири, осенью 1920 года возник Восточно-Сибирский научный комитет исследования Сибири, или—сокращенно—«Науком».

Первой задачей «Наукома» была организация и снаряжение экспедиций в природу и быт Сибири. Но так как без систематизированного опыта прошлой исследовательской работы встретились неисчислимые препятствия и неудобства, то взоры вновь обратились к больному месту сибиреведения — к сибирской библиографии и решено было на ряду с экспедициями организовать и библиографическую секцию.

[1]). Подробнее об этом см. «Книжную Летопись Иркутска за годы революции» введение.

Секция составилась из работников, уже давно интересующихся библиографическими проблемами. В 1919 году ими пристально обсуждался план создания объединенного каталога всех иркутских библиотек; в начале 1920 года оживленно дебатировался на заседаниях «Сибирского библиотечного Об-ва» вопрос о системах классификации книг, вылившийся в издание «Инструкции по библиотечной технике» (с таблицами), а затем на курсах по библиотечному делу читались лекции по библиографии, каталогизации и др. сопредельным дисциплинам [1]).

Библиографическая секция «Наукома» выдвинула два существенно важных вопроса: указатель географических названий Иркутской губернии и био-библиографический словарь ученых, писателей, художников и общественных деятелей Сибири.

Первый проект сравнительно несложный и может быть осуществлен местными силами, зато второй требует участия ученых и писателей всей Сибири, а может быть, и России.

Приступая к разработке одного из непочатых углов сибирской библиографии, секция в своем воззвании, обращенном к сибирскому обществу и ученым, форму био-библиографического словаря признает одной из важнейших и твердо установившихся в русской науке. В ней «удачно—по мнению секции—соединено несколько начал рационально поставленного изучения: 1) индивидуализация предмета изучения—творящей личности, 2) историческая характеристика среды и обстоятельств, обусловливавших ее бытие и творчество, и 3) библиографический обзор всей деятельности этой личности. Эти преимущества сделали то, что русская библиография знает био-библиографический словарь издавна устойчиво принятой формой своих работ. Достаточно назвать труды Новикова, митр. Евгения (Болховитинова), Геннади, Языкова, Венгерова, Академии Наук («Источники словаря русских писателей»), Русского Исторического Общества («Русский биографич. словарь»). Кроме преимуществ научно-методологических, необходимо учесть и следующие обстоятельства: писатели и ученые—наши современники могут легко и полно обследоваться лично или через близких им людей.

Сибирь имеет малые и большие библиографические работы по обозрению своей литературы, но совершенно не имеет словаря, увековечивающего своих деятелей в области науки, общественной мысли, литературы и искусства. Это—зияющий, досадный и нетерпимый пробел в культурной жизни нашей области, и он должен быть заполнен».

Задачи и план словаря секции мыслятся в таком виде: «он должен дать:

1) По возможности исчерпывающую библиографическую характеристику лиц, труды которых в области научных дисциплин, научно-практических исследований, истории общественной мысли, литературы и искусства отмечены плодотворностью для Сибири, и биографические данные, выясняющие индивидуальность деятеля в условиях его эпохи.

[1]) Знаменательно, что библиотекаря почти индиферентны к вопросам библиографии.

2) Словарь обнимает деятелей различных эпох, стран и национальностей. Рождение или жизнь в Сибири, без связи с интересами области путем работ, не дают основания на включение в словарь данного лица. Сибирь понимается, как вся Азиатская Россия с примыкающими к ней областями (Приуралье, Монголия, Урянхай).

3) В первую очередь обследуются деятели, имеющие общепризнанное имя и близкие к нам по времени своего существования, дабы была возможность собрать и использовать личные, изустные и семейные материалы о них.

4) Общим формальным признаком для включения в словарь лиц, не пользующихся литературной или научной известностью, должна служить значительность их заслуг в области сибирской науки, общественной мысли, литературы или искусства, независимо от того, напечатанного, написанного, изданного и пр.

5) Длительная подготовительная стадия работ заключается в собирании, разработке и опубликовании материалов для словаря в неалфавитном порядке и по мере поступления. Распубликовываются в печати лишь законченные описания; для готовящихся описаний ведутся учетные карты, которые, вместе со всеми рукописями и архивом словаря, хранятся, как невозобновимые документы.

6) Архив словаря и все вообще материалы для него хранятся в Иркутской Публичной Библиотеке (Ирк. губернском книгохранилище) в отделе рукописей».

Собирание материалов для словаря производится путем анкеты, обращенной к авторам и вообще деятелям Сибири, родственникам, знакомым (умерших) и путем литературных изысканий.

Анкетауже рассылается. В биографической части ее намечены пункты:

«1. Имя и отчество, 2) время и место рождения, 3) краткие сведения о семье, где родились и выросли: если возможно, сообщите краткую историю вашего рода с указанием,были ли в вашем роде выдающиеся в каком-либо отношении люди (в том числе и общественные деятели Сибири), 4) принадлежали ли ваши родители к сибирскому старожилому населению или были выходцами из других мест (напр., Европейской России), 5) где вы росли и воспитывались, каков был ход воспитания и образования, под каким умственным, общественным и личным влиянием оно происходило, 6) начало и развитие деятельности, 7) что навело вас на изучение края (или на участие в местной краевой общественности, или на литературные и художественные сюжеты из сибирской жизни), 8) членом каких научных обществ вы состояли, и состоите.

В библиографической:

«1) Перечень всего написанного (или переведенного) вами с точным обозначением: А) если речь идет о книге—года издания, места издания, формата книги, количества страниц, количества отпечатанных экземпляров, места склада издания или кому на комиссию было сдано; Б) если речь идет о журнальной или газетной статье—год, номер и название периодического издания, места издания.

2) Перечень известных вам рецензий, отзывов о ваших произведениях, различных критических заметок и т. д., по возможности с указанием названия периодического издания, года и номера, где эти отзывы были напечатаны.

3) Известные вам ссылки на ваши работы в научных работах других авторов.

4) Не были ли переведены ваши работы на иностранные языки, частично или в целом (где, когда, на какой именно язык и кем был сделан перевод).

5) Какие работы закончены вами и приготовлены к печати, но почему-либо не напечатаны.

6) К исполнению каких фундаментальных работ вы приступили и каков общий план их исполнения.

7) Не появлялись ли в печати биографические сведения о вас и биографические указания ваших работ и где именно».

Удастся ли Библиографической Секции осуществить и довести до благополучного конца так широко задуманное предприятие—это зависит не столько от ее скромных сил и средств, сколько от сочувствия делу всех сибирских библиографов и деятелей науки, общественности, литературы и искусства. Помимо работ по собиранию материала для словаря, секция наметила для библиографирования и ряд частных тем, например: «Библиография декабрьских событий» (в Иркутске было два кровавых декабря: в 1917 и в 1919 годах. В том и в другом случае город был 10 дней полем вооруженной схватки. В 1917 году—между юнкерами и большевиками, в 1919 году—между колчаковцами и повстанцами), «Иркутская пресса за годы революции», «Библиографическое описание протоколов Центросибири» (высшая советская власть Сибири в 1918 г.), «Библиографическое описание «Центросибири» и «Власти Труда» (газеты первого периода советской власти).

В сентябре 1921 года секция устроила публичное заседание, на котором были прочитаны докладыП. К. Казариновым—«Очередные задачи организованных библиографических исследований» и А. Н. Туруновым «Библиографические организации Сибири».

Красноярск, как книжно-библиографический пункт, заслуживает особого внимания. Он, по своим интересам,—прямая противоположность Иркутску. И по темам, и по характеру библиографических работ Иркутск—весь современность, живая ткань сегодняшнего дня. Красноярск, наоборот: здесь—все история, прошлое, тихий затон ученых изысканий.

В Красноярске жил и собрал значительную (до 100 тыс. томов) библиотеку Г. Н. Юдин. Часть этой библиотеки, как известно, продана в Соединенные Штаты, но много ценных книг и историко-литературных материалов (рукописи, письма писателей и ученых, документы и пр.) осталось и в Красноярске. Кроме того, после продажи книг в Америку Г. Н. Юдин не переставал пополнять свою библиотеку.

Библиотека и архив, после смерти владельца, остались у его дочери. В 1920 году они национализированы и переданы в Красноярское

губернское книгохранилище [1]). Никакой обработке здесь они еще не подверглись, и уверенности за сохранность этого ценного собрания книг и рукописей нет. Достаточно указать, что в библиотеке Юдина имеется целых два шкапа книг и рукописей эротического характера, которые, по словам заведующего книгохранилищем М. И. Пальмина, подверглись широкому обывательскому любопытству, и многие редкие экземпляры уже исчезли.

Библиографическая работа в Красноярске носит узко исследовательский местный характер и сосредоточена в Библиографическом бюро Приенисейского края.

Бюро это, согласно положения, «учреждено с целью собирания, систематизации и изучения печатных и рукописных материалов, касающихся Приенисейского края и сопредельных с ним областей.

Для достижения указанной цели, Библиографическое бюро:

а) Собирает и систематизирует все печатные материалы на русском и иностранных языках, касающихся Приенисейского края и сопредельных с ним областей, вышедшие в пределах и за пределами Енисейской губернии, а также и все отдельные издания, напечатанные в пределах названной губернии, хотя бы они по содержанию и не касались ее (местное издательство).

б) Регистрирует и принимает меры к изъятию для хранения в Центральном книгохранилище, по возможности, все неизданные рукописные материалы, касающиеся изучения Приенисейского края.

в) Дает библиографические справки по всем вопросам, касающимся Приенисейского края.

г) Разрабатывает теоретические вопросы, касающиеся сибирской библиографии.

д) Дает заключения и производит экспертизы по вопросам библиографии.

е) Составляет и издает библиографические указатели, каталоги, обзоры, библиографические заметки и рецензии на все выдающиеся труды, посвященные Приенисейскому краю и вообще Сибири.

ж) Делает переводы, хотя бы в кратких извлечениях, из выдающихся трудов на иностранных языках, относящихся к описанию Приенисейского края.

з) Способствует подготовке кадра опытных работников по местной библиографии».

Систематизация библиографического материала производится по международной десятичной библиографической классификации.

Распределение библиографического материала совершается по двум основным карточным каталогам: 1) алфавитному, составленному по начальным буквам фамилий авторов, и 2) систематическому—по главным делениям международной десятичной библиографической классификации (тоже в алфавитном порядке авторов). В дополнение к основному

---

[1]) По сообщению Тугаринова, архив остался в распоряжении дочери.

алфавитному каталогу, составляются три дополнительных алфавитных каталога: 1) особых примечаний к редким и любопытным книгам, 2) содержания к выдающимся и редким книгам и 3) рецензий. В порядке особых библиографических работ составляются алфавитные каталоги: 1) сочинений, касающихся Урянхайского края и Северо-Западной Монголии, 2) местного издательства, 3) неизданных рукописей (не архивного характера), касающихся изучения Приенисейского края, и 4) неизданных рукописных актов, относящихся к истории края.

На должность заведующего бюро назначается лицо, известное научными трудами по библиографии, а помощниками—лица, хотя бы теоретически знакомые с библиографией и знающие иностранные языки.

Руководителям бюро предоставляется право свободного доступа во все библиотеки края.

Сейчас заведующим бюро состоит В. П. Косованов, историк и библиограф местного края. Им с небольшой группой сотрудников написано уже свыше 20 тысяч карточек по литературе Приенисейского края и переведено несколько капитальных иностранных сочинений о Сибири. (Ганстена, Радлова (письма) и Гмелина). Описанию подлежит пока только литература до 1917 года. Библиографирование произведений печати за революционные годы бюро полагало вести совместно с отделением Государственного Издательства, в котором концентрируются обязательные экземпляры всей губернии, но успело ли что в этом направлении сделать—мне неизвестно.

Хотя текущей литературе бюро уделяет значительно меньше внимания, чем произведениям прошлых лет, но все же оно тщательно собирает ее (только изданную в Енисейской губернии и об Енис. губ.), систематизирует и подготовляет для описания во вторую очередь.

Сотрудником Библиографического бюро Тихоновым подготовлен к печати большой труд (до 260 стр.)—«Таблицы десятичной библиотечной классификации», но издать его до сих пор не удается.

Внешкольная работа Енисейского союза кооперативов, хотя прямого отношения к вопросам библиографии не имеет, но она так интересна и значительна для края, что обойти ее молчанием никак нельзя.

До 1921 года союз издавал двухнедельный журнал «Народное Дело», где вопросам, связанным с рациональным распространением и пользованием книгой, уделено значительное место. Кроме того, им изданы сборник статей «Вопросы внешкольного образования», в. 1-й, и «Руководство-справочник по внешкольному образованию».

В «Руководстве», кроме пяти библиографических указателей (список учебников, книг для преподавателей, наглядных пособий для школ взрослых, произведений русских писателей и книг и статей по внешкольному образованию), в ряде статей дается новое определение понятию «внешкольное образование».

Во 2-м выпуске «Вопросов внешкольного образования» предполагалось, между прочим, напечатать интересную и в библиографическом отношении работу Балика «Проект музея по библиотековедению»

(с обширной библиографией предмета), но издание это так и осталось неосуществленным.

Благодаря работникам союза, Красноярскому Институту Народного Образования удалось организовать внешкольное отделение, на котором мною читался обширный курс библиотековедения (160 часов). К сожалению, удалось прочесть только часть его: 1) Библиология, как наука, 2) История книги и 3) Книгоиздательство и книгораспространение.

Томск за годы революции проделал значительную работу в области библиологии. Здесь были устроены чуть ли не первые в Сибири курсы по библиотечному делу, прочитан в Об-ве этнографии, истории и археологии М. К. Азадовским доклад: «Задачи Сибирской библиографии» (напечатан в «Сибирских Записках»), издан сборничек статей «Детская книга» (Гессен, Петрова и др.), положено начало периодическому изданию «Свободная трудовая школа» (под редак. Бочкарева), где значительное внимание уделялось вопросам библиотековедения, основан музей библиотековедения и выпущен ряд работ по библиографии.

Две книжки по библиографии, вышедшие в Томске (Адрианова и Азадовского), нами уже упоминались. Кроме того, музей библиотековедения в 1921 году начал печатать серию сборников под названием «Известия». Первый номер, посвященный общим вопросам внешкольного образования, уже вышел в свет. Второй подготовляется к печати. В него входят статьи: П. Островской—«Психологический каталог книг по истории», Балика—«Психологический каталог книг по естествознанию» и «Профили читателей», Куликовой и Шаромовой—«Роль книг в поэзии наших писателей, ученых и художников» и др.

В 1919 году в Томске существовала библиографическая секция Института исследования Сибири, которая под руководством М. К. Азадовского наметила и частью осуществила обширный план библиографических работ о Сибири. С закрытием Института секция перешла к университету и летом 1921 года возродилась в виде Библиографического бюро автономного университетского учреждения.

Главнейшею задачей бюро, согласно разосланного им извещения, является составление сибирской библиографии за послемёжовский период, т.-е. с 1891 года по настоящее время, и, кроме того, обслуживание факультетов университета в библиографическом отношении.

Под сибирской библиографией понимается описание относящихся по содержанию к Сибири и сопредельных с нею областям произведений печати на русском и иностранных языках и био-библиография сибирских писателей, ученых и деятелей, а равно и уроженцев Сибири, потрудившихся на пользу государства, науки, литературы, искусства и т. п., или чем-либо иным отмеченных в русской или всеобщей истории.

Исполнение сибирской библиографии разделено на три очереди: в первую очередь описываются сибирские журналы и произведения, помещенные во всех русских и некоторых иностранных журналах, во вторую—сибирские газеты и произведения, помещенные в главнейших

русских (столичных) и иностранных газетах, и в третью—книги, брошюры, сборники и отдельно изданные карты, планы, рисунки и т. п.

В каждую из этих очередей включается лишь материал, изданный за время с 1891 по 1917 год, при чем в пределах каждой очереди первоначально описывается материал, изданный за последние 17 лет (с 1901 по 1917 гг.) и затем уже за первое десятилетие (с 1891 по 1900 гг.).

Описание текущей литературы с 1918 г. пока откладывается на неопределенное время, в виду почти полного отсутствия ее в г. Томске.

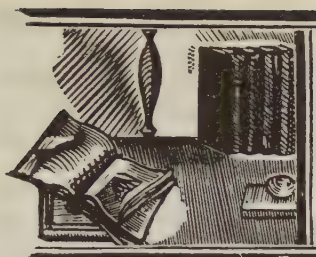
Бюро предполагает начать обследование текущей литературы при первой возможности и вести его параллельно с обследованием старых изданий.

Работы ведут члены бюро, избранные факультетом, каждый по своей специальности, руководствуясь особыми «Правилами составления сибирской библиографии», выработанными заведующим бюро и утвержденными общим собранием членов бюро.

Материал классифицируется по международной десятичной системе, согласно сокращенным таблицам, составленным членами бюро применительно к нуждам сибирской библиографии.

Библиографическое бюро уже имеет в своем распоряжении до 25.000 библиографических карточек, часть которых готовится к печати в виде двух огромных монографий: 1) Сибирь в русских исторических журналах 1901—1917 г., под ред. Слободского и 2) Сибирь в общей русской журналистике 1901—1917 г., под ред. Азадовского. Кроме того, одним из членов бюро заканчивается библиография известного исследователя Г. Н. Потанина.

Как при сибирском правительстве, так и при советской власти Омск был административно-культурным центром Сибири (культурным в смысле сосредоточия здесь объединяющих учреждений по народному образованию), но ничем замечательным в области библиологии себя не проявил. О Книжной Палате, существующей здесь, уже говорилось, кроме того, в конце лета 1921 года был выпущен 1-й номер «Бюллетеня Сибирского областного управления издательским делом»—вот, в сущности говоря, и все, что дал Омск в деле изучения книг, идущий как-то особняком в культурном творчестве сибирских городов.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

А. Ю. ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ. Карл Маркс и новейший социализм. П. 1922 г. Стр. 156.

Содержание книжки чрезвычайно пестрое. На 156 страницах небольшого формата автор хочет определить место Маркса в истории экономической мысли, дать изложение его экономической системы, дать изложение и критику опубликованных отрывков из работы Либкнехта «О законах движения общественного развития», выяснить происхождение номиналистической теории денег, изложить и раскритиковать теорию денег Гильфердинга, изложить и раскритиковать его теорию финансового капитала; далее, все в том же курьерском порядке, ставятся и решаются вопросы о роли насилия в истории, о государственной власти, о различных течениях в современном социализме, о гильдейском социализме и его разновидностях, о некоторых проектах социализации промышленности, о кооперации, о демократии, о перспективах дальнейшего развития мирового хозяйства и т. д.

При этом высказывается очень много верного и неверного, но всегда очень бегло и без достаточного обоснования. К верному следует причислить изложение «Капитала», критику Либкнехта и гильдейского социализма, рассуждения о кооперации; к неверному—все остальное.

Критика Гильфердинга, которой автором уделяется много места, чрезвычайно легковесна. «Государственная теория денег Кнаппа... нашла адептов благодаря отчасти Гильфердингу, который открыл, что закон ценности Маркса, с появлением банков перестал действовать для товара—золото» (60).

Ничего подобного Гильфердинг не открывал. Финн-Енотаевский благоразумно умалчивает, что у Гильфердинга речь идет о системе закрытой чеканки, а это радикально меняет дело.

Положения Гильфердинга, конечно, можно оспаривать (чего, кстати сказать, Ф.-Е. не делает), но сопоставление его с Кнаппом — просто курьезно.

Сильно преувеличивает Ф.-Е. и в критике теории финансового капитализма.

Общепризнано, что Гильфердинг и его школа преувеличивали организационное значение банкового капитала. Но основное его положение — сращивание банкового капитала с промышленным—и все вытекающие отсюда политические, экономические и пр. следствия—до сих пор не опровергнуты. Ни в малейшей степени не опровергает его, конечно, и Финн-Енотаевский. Приводимые им цитаты из Маркса, в которых говорится о паразитическом характере банкового капитала, о том, что кредитная система—это форма промышленного капитала, ничего в данном случае не доказывают по той простой причине, что отнюдь не идут в разрез с утверждениями Гильфердинга. Ф.-Ю. говорит, что «анализ данных за последние 50 лет опровергает открытую Гильфердингом тенденцию превращения банками общественного денежного ссудного капитала в их собственный». Вместо того, однако, чтобы этот анализ дать, Ф.-Е. отсылает к своей статье в «Современном Мире» за 1913 г. Мне эта статья незнакома. Но я, как и всякий, читавший «Финансовый капитал», знаю, что наличность этой тенденции Гильфердинг доказывает не только «спекулятивными» рассуждениями, но

и цифрами и фактами, которые в отношении, по крайней мере, к Германии, наиболее характерной до войны из *европейских* стран финансового капитализма, не оставляют сомнений.

Точно так же необоснованно и голословно утверждение, с которого начинается третья часть книги «Маркс как практик и соц. движение».

«Не подлежит никакому сомнению, — читаем мы там,—что Маркс и Энгельс... времен Zur Kritik, «Капитала» и позже— смотрели на многие вещи уже иначе, считали некоторые свои взгляды, и очень существенные, конца 40-х годов ошибочными (стр. 74). О каких именно взглядах идет речь, в чем проявилось это изменение, из чего это явствует,— всего этого Финн-Енотаевский не говорит и не показывает.

Дальше Ф.-Е. ставит вопрос об условиях, возможностях и непосредственных задачах социалистической революции. Здесь излагается вначале несколько общеизвестных истин (довольно, впрочем, путанно), а затем следуют собственные вариации. Но *что* именно хочет доказать Финн-Енотаевский, какой он делает *вывод*, понять невозможно. Финн-Енотаевский настаивает и очень усиленно настаивает на том, что очень опасно, если революция уничтожает материальный технический аппарат производства, созданный при буржуазном порядке. Но кто же с этим спорит?

Вопрос ведь фактически стоит совершенно иначе: насколько это возможно?

Анализ современного мирового положения приводит его к убеждению, что «перед нами, несомненно, революция, и крупного мирового масштаба, и притом социальная, в широком смысле слова,—революция в условиях буржуазных и мелко-буржуазных и в границах общества, базирующегося на наемном труде,—революция по своему доминирующему характеру мелко-буржуазная, демократическая, но местами с зачатками пролетарской революции».

Это очень туманно. Конечно, революция, конечно, с «зачатками». Но ведь это вещи очевидные и без научного анализа. Задача исследования ведь в том именно и заключается, чтоб выяснить, насколько велики эти «зачатки», каковы их перспективы, насколько велик их вес в современном мировом процессе. Здесь, однако, мы ничего, кроме фраз, не находим.

Интересен в третьей части разбор мелко-буржуазных «социалистических и синдикалистских направлений». Но и он страдает общим для всей книжки недостатком: слишком бегло.

Э. Гольденберг.

Г. В. ПЛЕХАНОВ. Очерки по истории материализма («Библиотека коммуниста», под редакцией Д. Рязанова). Кооперативное Издательство «Московский рабочий». М. 1922. Стр. 176 + 8.

Эта книга—настоящий подарок всем, интересующимся историей материализма вообще и философией марксизма в частности. Впервые русский читатель получает полный перевод известной немецкой работы Плеханова «Beitrage zur Geschichte des materialismus», вышедшей в 1896 г., и лишь одна глава из которой (о Гольбахе), да и то с цензурными пропусками и смягчениями, появилась в журнале «Научное Обозрение» в 1897 г.

Книга состоит из трех глав: Гольбах, Гельвеций и Маркс. Кроме того, к ней приложены чрезвычайно интересные статьи Плеханова: «Бернштейн и материализм» и «Конрад Шмит против Маркса и Энгельса», напечатанные первоначально в немецких марксистских журналах.

Самой интересной в книге для истории материализма является, пожалуй, небольшая глава о Марксе, в которой читатель найдет лишь развитие мыслей и иллюстраций, известных ему по другим работам Плеханова и изложенных в обычной блестящей форме,—а глава о *Гельвеции* (или по необычной, но более правильной транскрипции Виппера в его учебнике новой истории, *Эльвесиусе*).

Здесь Плеханов буквально *открывает* и реабилитирует того из блестящей плеяды философов материалистов XVIII в., которого все новейшие историки философии, с легкой руки Ланге,

пренебрежительно считают «поверхностным» и «вульгарным», по которого они попросту *совершенно не знают*. Плеханов же, на основании основательного и всестороннего изучения всех сочинений Гельвеция, с полным правом причисляет его к глубочайшим и остроумнейшим мыслителям XVIII в., вдобавок он ближе всех подошел и к проблескам *исторического* материализма.

Книга снабжена предисловием и примечаниями Рязанова.

Б. Горев.

ДЖЕМС ГИЛЬОМ. Интернационал. С биографическими заметками о Гильоме П. Кропоткина и Ф. Брупбахера. Том I—II. Перевод с франц. Н. А. Критской, под ред. и с дополн. Н. К. Лебедева. Книгоизд. «Голос труда». Пет. 1922. Стр. 322.

Рецензируемая нами книга представляет собою сокращенное изложение (с введением и дополнениями Лебедева) первых двух томов известной 4-томной работы Гильома об Интернационале и обнимает период от первых шагов Интернационала (главным образом, в Швейцарии) до Гаагского конгресса 1872 г. Гильом—искренний и преданный сторонник идей анархического коммунизма, друг и верный поклонник Бакунина, которого он боготворит, бесхитростно рассказывает те события и факты из деятельности Интернационала, которых он сам был свидетель, т.-е. кроме некоторых конгрессов, почти исключительно в швейцарских секциях. Кроме личных наблюдений, он пользуется имеющимися в его распоряжении документами: письмами, мемуарами, дневниками, главным образом, своих анархических друзей, в том числе Бакунина, а также документами из противного, т.-е. марксовского лагеря. Таким образом, это не история Интернационала, а лишь в значительной мере сырой материал для такой истории, притом, конечно, крайне односторонней, освещающей все события с точки зрения бакунистской и вдобавок провинциально-швейцарской, приходской точки зрения. Правда, сам Гильом безусловно честно относится к материалам и пытается быть спокойным и объективным. Но это ему удается лишь в меру его понимания, его разума. А что мера эта обратно пропорциональна его честности и революционной искренности и преданности делу, видно хотя бы из следующего характерного места. На стр. 204 в примечании мы читаем: «Энгельс имел большое влияние на Маркса, и это происходило не столько по причине властного характера Энгельса, *сколько по причинам чисто материальным. Энгельс давал Марксу определенную ежегодную* пенсию из дохода, получаемого им с фабрики в Манчестере».

Итак, Маркс, оказывается, из-за денег был в моральном подчинении у Энгельса. Редакция «Голоса Труда» говорит в предисловии, что Гильом всякое свое обвинение против Маркса подкрепляет документальными данными. Нельзя сказать, чтобы приведенная нами цитата соответствовала этому утверждению.

Впрочем, нельзя отрицать и того, что в книге Гильома имеется много, несомненно, достоверных данных, указывающих, что в борьбе с бакунистами Маркс нередко бывал несправедлив. Это только лишний раз подтверждает ту истину, что в политической борьбе, а особенно в борьбе фракций, даже самые великие и благородные вожди пролетариата нередко придерживаются принципа—«цель оправдывает средства». Целью же Маркса было предохранить начинающееся рабочее движение от вредной анархистской путаницы и раскольнических стремлений Бакунина. Как известно, в этой борьбе сам Бакунин, этот незапятнанный кумир Гильома, опустился до самого низкопробного и дикого антисемитизма. При этом он проявил бездну лицемерия. На стр. 92 своей книги Гильом приводит письмо Бакунина к Марксу от декабря 1868 г., т.-е. в то время, когда он уже затевал свою раскольническую интригу в Интернационале. И в этом письме Бакунин пишет: «Ты спрашиваешь, продолжаю ли я оставаться твоим другом. Да, и *более чем когда-либо, дорогой Марк*с». (Курсив наш. *Б. Г.*). Точно так же Гильом подтверждает беспринципность Бакунина (стр. 116), который, «вопреки своим федеративным принципам», одно время

сам стоял за «расширение прав и полномочий Главного Совета», а именно, когда ему это было выгодно в борьбе с некоторыми швейцарскими секциями...

Конечно, и Гильом повторял клеветническое утверждение Герцена (отчасти, как показал Д. Рязанов, основанное на недоразумении), будто Маркс травил Бакунина старым обвинением в шпионстве даже тогда, когда он томился в Шлиссельбурге.

Но при всех этих оговорках нужно признать, что книга Гильома читается все же с большим интересом и служит ценным источником как для будущей полной истории Интернационала, так и для биографии Бакунина - анархиста. Особенно важны, конечно, при этом не рассуждения самого Гильома, а приводимые им документы. Так, в книге перепечатано полностью: обширное «секретное сообщение», которое Маркс послал весной 1870 г. центральному комитету Эйзенахцев в Брауншвейге и в котором, кроме обвинительного материала против Бакунина, имеется много огромной важности политических замечаний Маркса, особенно касающихся Англии и ее отношения к Ирландии.

Далее мы находим полный текст (со всеми подписями) прокламации, выпущенной бакунистами во время попытки захвата власти в Лионе в сентябре 1870 г., любопытные отрывки из записной книжки Бакунина, показывающие, в какой нужде он жил и как изворачивался из денежных затруднений. Большой исторический интерес имеют и письма врагов Маркса (швейцарца и испанца), дающих картину, хотя, может-быть, и пристрастную, внутренней, будничной работы Генерального Совета в обстановке острой и беспощадной фракционной борьбы.

Б. Горев.

САРАБЬЯНОВ. Исторический материализм. Популярные очерки. Кооп. Издат-во «Московский рабочий». М. 1922. Изд. 1-е. Стр. 94. Изд. 2-е, дополненное. Стр. 133.

В течение нескольких месяцев вышло два издания книжки т. Сарабьянова. Это свидетельствует об огромном интересе к предмету среди учащейся коммунистической молодежи, а также о большой потребности в популярных книгах по историческому материализму для всех тех учащихся, которым, по декрету об ученом минимуме, приходится изучать этот «предмет». Книга Бухарина оказалась, при всех своих достоинствах, слишком громоздкой для среднего учащегося и, пожалуй, недостаточно популярной. И вот, на книжку Сарабьянова, по его собственному признанию, набросились, как на «учебник» в то время, как она представляет лишь «очерки», притом крайне неполные, бессистемные, а местами и весьма спорные по существу, чтоб не сказать больше.

В самом деле, «Популярные очерки» Сарабьянова представляют собой ряд не связанных почти между собою глав, далеко не одинаковой ценности. Некоторые из них, как глава 8 («расы—нации»), излагающая Каутского, безусловно очень полезны, как затрагивающие сложный вопрос, обычно игнорируемый в наших курсах по историческому материализму. Но там, где автор хочет сделать свой собственный вклад в понимание исторического материализма, эти вылазки чаще всего бывают весьма неудачны. Так, в первой же главе («Общественные науки изучают массовые явления») неверно утверждение, будто марксизм совершенно не интересуется индивидуальной личностью, не объясняет ее, а изучает лишь массовые и типические явления. Когда личность становится почему-либо *исторической* (писатель, политический деятель и т. п.), исторический материализм старается ее изучить именно в ее *конкретности* и объясняет ее путем взаимодействия среды и ее личных свойств. Классическим примером служит «18-е Брюмера».

Далее, глава 3 (2-го изд.) «Мир, как единство», крайне запутанно доказывает единство мира, не указывая, что разумеется под «миром»: так называемая вселенная или же субстанция.

Вообще чисто - философские экскурсии автора оставляют желать многого. В главе 4-й («Почему наш метод называется материалистическим») автор курьезно определяет «материю» общества и его «идеологию». Как известно, искусство

марксизм относит к идеологиям, в которых и отражается материальная жизнь человека и его общественные отношения. Между тем Сарабьянов рассуждает так: «*Танец—это материальное, а наука о танце—это духовное*, это отражение танца в наших головах» (стр. 37). Но в таком случае живопись, скульптура, да и литература и сама наука (в том числе и «наука о танцах»), несомненно «материальное», ибо они воплощаются в материальных предметах (напр., книгах), как, впрочем, и музыка, ибо с *физической* точки зрения звук есть явление весьма материальное.

В главах о роли потребностей и географической среде автор идет слишком далеко в умалении значения этих факторов. В главе об общественных отношениях мы встречаем такое, напр., более, чем рискованное, утверждение (стр. 89): «Буржуазия Франции в 1789 г. шла войной против королевской власти под знаменем атеизма». Это, конечно, неверно, и притом в двух отношениях: буржуазия выступила первоначально не против королевской власти, а против привилегии дворянства; и атеистичной была во время революции лишь весьма небольшая часть мелкобуржуазной интеллигенции. Наконец, главы о диалектике местами не столько выясняют, сколько запутывают вопрос. Язык автора иногда неряшливый и вульгарный. Между прочим, он почему-то очень любит выражение «первым долгом» (вместо «прежде всего»), и иногда оно звучит комично.

Но, несмотря на все эти недостатки, книжка Сарабьянова будет прочтена с интересом и с пользой, так как она будит мысль и затрогивает ряд важных вопросов.

Б. Горев.

Проф. С. Ю. СЕМКОВСКИЙ. «Марксизм, как предмет преподавания». Библиотека журнала «Путь Просвещения». Харьков, 1922 г. Стр. 30.

Эта небольшая книжечка проф. Семковского представляет не что иное, как его доклад, читанный на всеукраинской педагогической конференции, к которому приложены «стенограммы дебатов и заключительного слова».

Книжка имеет большой интерес и со стороны поставленной автором задачи, и со стороны вопросов, которые проф. Семковский затрогивает при решении ее и, наконец, с внешней стороны—со стороны формы изложения.

Отмечая огромную «воспитательную, организующую роль метода и мировоззрения», автор подчеркивает, что это должно отчетливо сознаваться и стоять в центре системы образования, особенно педагогического. Буржуазия знала значение мировоззрения и старалась провести свое идеалистическое мировоззрение в системе образования так, чтобы оно могло массами «фабриковать» людей, послушных господствующим классам, приученных к «вере в незыблемые авторитеты», покорных и неспособных к борьбе «за простор жизни».

Пролетариат, ставший у власти, должен выдвинуть свой метод, свое мировоззрение против буржуазных идеологий и проводить его в своей системе образования и воспитания с неменьшей энергией, чем это проводили прежние «хозяева жизни».

Это мировоззрение—марксизм—нужно сделать опорным пунктом в построении новых программ преподавания и ввести его, как один из основных предметов преподавания, в наши школы, особенно в те, которые готовят работников в области народного образования.

Чем скорее это будет сделано, тем лучше, ибо «надвигается опасность оживания исторических мертвецов в области программных построений», и все противники пролетариата и его мировоззрения ведут против него широкий идеологический поход, стремясь «оживить мистику, метафизику, идеализм», т.-е. «вернуть мысль к средневековью» и всячески «поколебать реальность внешнего мира» и научное реалистическое мировоззрение, чтобы затем овладеть не только теоретическими позициями, но и практическими.

Борьба за научное мировоззрение и всемерное распространение материалистических взглядов в области естественных и общественных наук, особенно через аппарат школы, становится по-

этому прежде всего вопросом практики, актуальным вопросом дня.

Но удовлетворяет ли наше марксистское мировоззрение требованиям науки, невольно задают нам вопрос?—Конечно, да, отвечает автор и доказывает ярко и остроумно, что наука, которая есть познание причинной зависимости и закономерности явлений как естественных, так и общественных, больше и полнее всего удовлетворяет именно марксизм как метод и как мировоззрение.

Проф. Семковский прослеживает цепь развития научной мысли, очищения ее от средневековья и путаницы и устанавливает, что все течение научной мысли привело в области естествознания к открытиям Дарвина, а в области познания общественных явлений—к теории Маркса-Энгельса, которая, опираясь на законы Дарвина—на законы природы, вместе с тем показывает особую материалистическую основу общественного развития и отличие ряда общественной закономерности от закономерности развития животного мира.

Марксизм освобождает мышление от идеализма, делает познание окружающего мира материалистическим. Но материалистическое познание мира возможно только практически—в процессе практического воздействия на внешний мир. Познавая мир практикой, человек изменяет его и в то же время и себя и таким образом расширяет область своей свободы, которая есть познанная необходимость и действие согласно этой необходимости. Марксизм есть, следовательно, не только единственно - научное познание мира, в частности мира общественных явлений, но и действенное изменение его—он есть *философия действия, философия практики.*

Изучение марксизма и обучение пользования им все новых и новых кадров трудящихся в наших школах—вот задача, которая стоит перед нами и которую мы должны развернуть, давая отпор надвигающемуся идеалистическому «мракобесию».

Таково содержание книжки проф. Семковского, выполненное, по форме изложения, просто, умело и отчетливо.

Чтобы закончить характеристику содержания книжки, мы укажем на некоторые недостатки ее. К таковым, по нашему мнению, следует отнести, во-первых, то, что автор не указал на классовые и технические условия, при которых и на которых вырос марксизм, как мировоззрение и как теория социализма. Во-вторых, нельзя не отметить, что автор, говоря о марксизме, очень перегибает палку в сторону «безостановочного развития» и совсем почти не затрогивает такую важную для нашего мировоззрения материалистическую диалектику с ее теорией «скачков» и «революций». Но это уже от автора не зависит, ибо то, что он недостаточно оттеняет эту важную сторону марксистской теории, объясняется свойством и содержанием его мышления, в свою очередь, определяющимися его политическим бытием.

П. Сапожников.

«КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ». Сборн. по вопросам антирелигиозной пропаганды. Изд. М. К. Р. К. П. Выпуск I. Стр. 256.

Сборник является отражением состояния нашей антирелигиозной пропаганды. Партия не уделяла много места этому вопросу, в частности наши теоретики и на Западе и у нас дали очень мало в области истории религии и методов борьбы с ней коммунистов.

По мере роста рабочего движения, соответственно успехам коммунизма и в теории и в политике, буржуазия совершенствует теологические системы, и мы слабо поспеваем за довольно быстрым приспособлением богословия и церкви к новым изменяющимся историческим условиям.

Еще вчера, можно сказать, господствовал у нас православный поп с мощами, чудесами, мироточивыми главами, сегодня он уже приспособился к нашей антипоповской пропаганде. «Живая церковь», «очищение религии от суеверий», рационализм в религии и т. д.,—все это уже аннулирует нашу антипоповскую, антиязыческую пропаганду.

В сборнике этот переходный момент отразился. В нем еще фигурируют статьи: тов. Семеновского. «О мумифи-

кации трупов»; Семашко. «О чудесах», с научной точки зрения разрушающие веру в чудеса, святые мощи и т. д.

Сегодня, может-быть, и приходится еще добивать эту религию уходящую, но мы должны выковывать оружие борьбы с явно идущей на нас «прогрессивной» религией. Эта очередная задача требует усиленной пропаганды естествознания и марксистского изучения религиозных движений, учений, писаний и т. п.

На этот путь сборник уже становится.

Две статьи: Андреева и Понятского, дают хороший материал к ясному пониманию вопроса о происхождении человека, одного из наибольших китов всякой религиозной системы.

В статье Логинова «Как следует вести борьбу с религиозными предрассудками» отмечаются весьма полно все те дефекты, которыми страдала наша антипоповская агитация и диспутная кампания.

Той же теме посвящены 2 статьи т. Окунева—«К вопросу о диспутах» и «Наша полемика», в которых автор отмечает несколько интересных случаев «изничтожения» поповского противника на диспуте.

Но все эти статьи не выходят еще за пределы первой и прошедшей уже стадии антирелигиозной борьбы.

Статьями, характеризующими подступ к более серьезным основам религии, являются работы Красикова, Степанова, Логинова. Статья Красикова,—«Сверхестественная сила» представляет собой прекрасный марксистский анализ происхождения религиозных верований и выясняет их историческую необходимость, как единственно возможную на определенной стадии развития «рабочую теорию», дикаря, как «массовый житейский обобщенный опыт его».

Статья Степанова «Религия и общественный строй» содержит краткий (слишком краткий) очерк зависимости религиозных учений и движений от социальной структуры. Он отмечает антирелигиозность буржуазии в ее молодости и расцвете религиозности в ее рядах накануне краха капитализма, выясняя социальные причины этих изменений. Статья, к сожалению, настолько коротка при сложности темы, что не является достаточно убедительной.

Две статьи Логинова «Вера и знание» и «Религия и нравственность» написаны с подъемом агитатора-антирелигиозника. Вторая статья выгодно отличается от первой обилием материала, солидностью обоснования выводов.

В этой же статье мастерски скомбинирован материал из священных писаний, рисующий всю аморальность их даже с точки зрения современного буржуа.

Статья Луначарского «Ветхозаветные пророки» дает интересный этюд революционных элементов в проповеди библейских пророков. Странным является подход к ним как категории людей одинакового социального содержания. «Пророки,—пишет Л.,—защитники исключительно социально - обездоленных классов».

И, конечно, не всегда и не все пророки были защитниками обездоленных классов; весьма часто это были передовые люди, наиболее полно и глубоко выражавшие интересы господствующих классов. Не вдаваясь в классовый анализ того или иного пророка, тов. Луначарский всех их возвел в сан «вождей угнетенной демократии» (?). Пример антирелигиозной пропаганды, с которой необходимо нам бороться, представляет собой статья Сарабьянова «О библейских пророчествах».

Он доказывает их неправильность на основании цитат из Евангелия. Это метод сектантских начетчиков, а не коммунистов. Доказать, что Тихон врет, ибо в святом писании сказано иначе, это значит вести религиозную пропаганду, поднимать авторитет «священного писания», неправильно понимаемого и кощунственно извращаемого Тихоном.

Сборник М. К. является одной из первых работ, серьезно подходящей к вопросам, связанным с антирелигиозной пропагандой, чем и объясняется отсутствие в нем единого плана единообразия в подходе, в методе и т. п. Надо надеяться, что на этом сборнике дело не остановится и что следующие окончательно разделаются с антипоповской пропагандой и всецело перейдут к мар-

ксистской разработке вопросов антирелигиозной пропаганды, могущей сразить не только какого-нибудь попа или даже (!) Тихона, но разрушающей самые основы развития всякого религиозного мышления, даже «очищенного» от попов, мощей, чудес и т. п.

Г. Бройдо.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Л. КАМЕНЕВ. Экономическая система империализма и задачи социализма. Сборники статей. Издание третье. Моск. отделение Госиздата. 1922 г. 147 страниц.

В сборнике четыре статьи: 1) Экономическая система империализма, 2) Империализм и социализм, 3) Империализм и крушение Интернационала, 4) Империализм и Восточная Европа.

Первая статья написана еще в 1915 г., в Петроградских Крестах, Л. Каменев дает в ней крайне содержательную, исчерпывающую экономическую характеристику империализма. Она написана сжато, сгущенно, но вместе с тем вполне доступно, она рельефно подчеркивает главные линии. Очерк тов. Каменева с успехом может заменить несколько громоздкую книгу Гильфердинга для читателя, не имеющего возможности посвятить себя ее штудированию.

Статью «Экономическая система империализма» автор начинает с рассмотрения вопроса о так наз. мобилизации капитала, другими словами, об акционерной форме предприятий и бирже. «Исторически впереди идет процесс *мобилизации* капитала, за ним следует *ассоциирование и концентрация* капитала и производства». Только создание акционерной формы и наличие биржи «делают возможной и необходимой» (последнее нуждалось бы в мотивировке. *Ф. К.*) мобилизацию капитала, которая определяется экономически, как «способность всякого данного капитала, вложенного в производство, быть извлеченным из последнего и вернуться к собственнику в денежной форме». Очень важно, что «юридические конструкции (акции) часто нарушаются экономическим развитием; так, из 75.000 владельцев акций одной из с.-американских жел. дорог едва ли даже $^1/_{100}$ оказывает и может оказать какое-либо реальное влияние на управление делами». Важно также, что по мере развития акционер сводится к денежному капиталисту, а доход с акции (дивиденд)—к проценту. Этим самым цена акций отрывается от стоимости функционирующего в данном предприятии капитала. Кажется, будто существуют два капитала: один, воплощенный в зданиях, машинах, наличности, товарах и т. д., а другой—в цене акций. На деле существует только первый, фикция второго капитала вытекает из цены акций.

С этим связано явление так наз. учредительской прибыли. Еще Родбертус видит в ней простое шарлатанство. Разъяснение ее природы принадлежит Гильфердингу. Учредительская прибыль представляет не что иное, как ту самую предпринимательскую прибыль, которая выскользнула из рук массового акционера с момента сведения дивиденда к размерам среднего процента. Проявляется это конкретно на цене акций, а именно, в том, что акции, номинально стоящие, примерно, 1 миллион, покупаются ссудным капиталом за 2 милл.

Переходя к рассмотрению концентрации капитала, автор отчасти связывает ее с вопросом мобилизации капитала. Тенденция к концентрации получает мощный стимул в тяжелой индустрии, где «вложены огромные капиталы, *отлив которых почти не возможен на деле*» (курсив наш).

Эта затрудненность отлива капитала является препятствием к уравнению прибыли, и «во имя уничтожения конкуренции, ведущей к понижению прибыли, ...происходит объединение, кон-

центрация производства и предприятий». (Заметим в скобках, что теоретически конкуренция, выравнивающая прибыль, построена на законе спроса и предложения и поэтому предполагает именно возможность отлива капитала из малодоходных областей.) Для отраслей добывающей промышленности расширение производства труднее, чем для обрабатывающей. Поэтому *уравнение прибыли достигается здесь на известной стадии объединением этих предприятий.* В силу этой зависимости одной отрасли от другой, раз начавшееся объединение не может не прогрессировать. Объединение, картелирование предприятий происходит таким образом прежде всего в плоскости цен, т.-е. с целью воспрепятствовать падению прибыли, поднимать ее. (Но, конечно, в основе этого процесса лежат также причины технического и производственного характера.)

Как подчеркивает автор, ныне исследователи сходятся на том, что, благодаря гигантскому расширению производства и росту прибылей, сопровождающим картелирование, оно скорее обостряет, чем смягчает кризисы. «Это происходит оттого, что в своем современном виде картели, регулируя отдельные отрасли, не способны, однако, устранить диспропорциональность во всем производстве в целом». Трестирование означает громадное накопление прибылей, но вместе с тем ограничение возможности применять в картелированных областях вновь накопленные капиталы. Картелирование, устраняя сторонних торговцев — посредников, освобождает также значительную часть торгового капитала. *Обе эти причины создают интенсивное движение к экспорту капитала.* Автор останавливается затем над тем констатированным Гильфердингом явлением, что концентрация экономической власти происходит также независимо от концентрации собственности; для подчинения себе мощной системы железных дорог в С. Америке оказалось достаточным для «учредителей» всего 15 милл. долл. «С развитием акционерного дела развивается особая финансовая техника, ставящая себе задачей обеспечить, по возможности малому собственному капиталу, господство над огромным чужим капиталом». Автор указывает на перекапитализацию (разводнение акционерного капитала), разделение акций на привилегированные и обыкновенные и т. д. (С тех пор, как была написана эта статья, «разводнение» капитала приобрело в странах с падающей валютой, в особенности в Германии, доминирующее значение; здесь же введены впервые так. наз. многоголосые акции).

Экономическая власть концентрируется в банках. Связь банков с промышленностью зависит не только от размеров предприятий, она получает громадное развитие лишь благодаря акционерной форме капитала. «Отдать свою наличность отдельному капиталисту на постройку печи для банка невозможно: это значило бы связать капитал банка и ждать его возвращения до того момента, когда производство печи окупит ее постройку; это значило бы, что банк перестал быть банком. Но вложить свои деньги в акции общества доменных печей вполне возможно, ибо акции эти всегда могут быть превращены в деньги». Приведем здесь один характерный конкретный штрих, отмеченный в книге тов. Каменева и иллюстрирующий власть банков. Речь идет о биржевой операции репорта. В репортной сделке биржевой деятель передает на время право собственности на акции владельцу денежного капитала, т.-е. на деле тому же банку; в современной бирже эта сделка поглощает наибольшую долю текущего капитала. Посредством репорта банк обеспечивает себе большое количество акций к тому месяцу, когда должно состояться общее собрание, и огорошивает «солидных акционеров». Говоря о зависимости промышленности от банков и о стремлении банков к монополии, автор подчеркивает далее, что для банков конкуренция может оказаться невыгодной уже тогда, когда отдельные предприятия могут еще возлагать на нее свои надежды. По мере того, как доход акционеров сводится для массы их все больше к простому проценту, банки, распоряжающиеся всем денежным капиталом общества, получают в виде учредительской, которую мы можем теперь назвать эмис-

сионной, капитализированную предпринимательскую прибыль. К индивидуальному капиталисту предпринимательская прибыль притекает медленно, постепенно и, во всяком случае, сообразно с ходом производства. Но к банкам она в виде учредительской прибыли притекает сразу, крупными концентрированными массами. Приложение этих крупных капиталов в картелированных областях означало бы в общем понижение цен и прибылей, а в некартелированных областях затруднено. *Исходом является экспорт капитала. Таким образом, здесь проблема экспорта капитала еще больше обостряется.* Автор приводит характерные цифры о всемогуществе банков и констатирует параллель между тенденцией к «центральному банку», идущей из сферы обращения капитала, и тенденцией к «всеобщему тресту», идущей из сферы производства.

Говоря о протекционизме, как о политике финансового капитала, упрочивающей монополию на рынке и служащей базой для трестов и картелей, автор отмечает, что, «как это ни странно на первый взгляд, охранительные пошлины эмансипируют объединенную промышленность от национального рынка как в смысле расширения ее производства, так и в смысле сравнительной независимости последнего от периодов кризисов, депрессии». Таким образом, *современный протекционизм тоже ведет к экспорту капитала.* Три крупнейшие силы современности: финансовый капитал, крупное землевладение (которому угрожает конкуренция земледелия отсталых стран) и фиск мощно проводят тенденцию протекционизма, который из «временного», «воспитательного» превращается в постоянный и растущий «картельный протекционизм».

Итак, автор трижды и с трех разных сторон приходит к факту обострения проблемы экспорта капитала: 1) со стороны картелирования, 2) прилива учредительского барыша в банки и 3) картельного протекционизма. Автор останавливается на кардинальной разнице между экспортом товаров и капитала. В одном из цитированных проф. Янжулом старых английских памфлетов говорится: «Как только английский мануфактурист заслышит о каком-нибудь голом дикаре на другом конце света, он спешит послать ему кусок коленкора и сделать его своим покупателем». Теперь же уже не «коленкор», а рельсы и машины выступают на первый план. Когда германский капитал обращается к Турции или зап. Африке, английский—к области Оранжевой реки и Трансвааля или итальянский—к Триполитании, он интересуется отнюдь не потребительной способностью кафров, гереро, арабов и турецких крестьян Месопотамии, а только потребностями финансового капитала и руководимой им промышленности в экспорте. В книгах Павловича приводятся еще более характерные факты о том, что излишек производства европейской тяжелой индустрии готов пойти даже на постройку железных дорог в пустыне в Сахаре. Фактически при экспорте капитала, а не товаров, границы для его расширения не существует. Впрочем, экспорт ссудного капитала с самого начала связывается с условием концессий, преимуществ для промышленности, связанной с данной группой банков. За последние годы на мировом рынке ценных бумаг бумаги внеевропейских капиталистически-отсталых стран Востока и Южной Америки преобладают над бумагами стран европейских; здесь конкуренция экспортеров неизбежно принимает форму борьбы за политическое господство над данной территорией. Экспортный капитал требует введения в отсталых странах, куда он направляется, определенных юридических норм, это—вложения длительные. *Таким образом, экспортный капитал становится империалистическим.* «Выражения: колонии, колониальная политика, становятся уже неточными; гораздо лучше пользоваться выражениями: мировая держава, мировые колониальные империи». Речь идет о прямом политическом подчинении. В 1906 г. заграничный капитал Англии исчислялся в 27 миллиардов руб., а Германии не более 12 миллиардов. «При таких условиях в области конкуренции ссудных капиталов обращение слабейшей стороны и вне экономическим факторам представляется империалистическому капиталу неизбежным». (Заметим в скобках: экономи-

ческими средствами, дешевизной брала конкуренция при экспорте товаров; дешевизна ссудного капитала в гораздо меньшей степени решает дело).

Однако, «в общем ссудный и торговый капиталы менее заинтересованы в ходе хозяйственной и политической жизни, чем капитал производительный; поэтому только последний служит истинной базой стремлений к полному подчинению страны». (Это лишь кажущееся противоречие с вышесказанным; здесь противопоставляется не экспорт товаров и капитала, а экспорт двух видов капитала. *Ф.К.*). «Если Турция разорвала свою вековую связь с Англией и вошла в орбиту германской политики, то предпосылкой этого служит, между прочим, тот факт, что германский капитал направил свои усилия на захват разработки ее производительных сил в то время, как капитал английский оставался для Турции, главным образом, капиталом ссудным». Автор приводит статистику выплавки чугуна за последнее десятилетие в Англии, Германии и Соединенных Штатах и показывает, как, в результате сокращения вывоза, Бирмингам стал империалистом и протекционистом, как за последнюю треть XIX столетия произошло абсолютное уменьшение английского экспорта товаров в Европу и Соединенные Штаты и увеличение вывоза в колониальные рынки. С другой стороны, крупнейшие колонии Англии сами стали протекционистскими и отдают предпочтение английским товарам только в обмен на льготы для своих товаров на английском рынке. *Все растущий пассивный торговый баланс Англии*, излишек ввоза пищевых продуктов, *как неизбежный спутник индустриализации всякой страны, является четвертым фактором, толкающим к экспорту капитала.*

Статья «Империализм и социализм» написана в 1916 г., в ссылке, и помечена Енисейская губ». Она носит на себе уже печать событий, последовавших за мировой войной.

«В эпоху господствования финансового капитала,—говорит автор,—империализм является неизбежным методом решения существующих противоречий мирового хозяйства,—методом жестоким, сопряженным с грандиозной растратой человеческих жизней, сил и накопленного труда, к *непосредственной* (курсив автора) выгоде лишь отдельных групп олигархов-монополистов капитала. Но этот метод не может быть просто *отвергнут*. Попытки смягчить его проповедью разоружения и арбитража призрачны. Те идейные течения, которые числят себя в рядах принципиальных противников современного сверх-капитализма, можно разделить на две обширные группы. Коренная теоретическая ошибка первой—в непонимании поступательного значения империализма. Ошибка второй—в смешении интересов империалистических групп с интересами всего мирового развития. «Отмежевавшись от чисто империалистских мотивов Шейдемана, Давида, Легина, национально-пацифистская группа Гаазе-Каутского противопоставляет империализму идею национально-разграниченных хозяйственных территорий—это значит делать реакционную работу. Это значит противопоставлять тресту апологию индивидуального предпринимательства». Второе течение представлено Леншем, Куновым и Sozialistische Monatshefte. «Капитализм,—пишет Ленш,—хочет он того или не хочет, в последнем счете вынужден работать для нас... Даже во всемирной войне». Тов. Каменев очень кстати вспоминает здесь, что Бернштейн и оппортунисты усмотрели в Марксе, не идущем этой дорогой,—бланкиста! Характерно также сопоставление с «пойдем на выучку к капитализму» Петра Струве, «строить кабаки». «Это не ошибка логики,—говорит автор,—а подмен точки зрения одного класса точкой зрения солидарности классов». Он цитирует «поразительную на первый взгляд» фразу Энгельса о том, что «Бисмарк делает наше дело». Маркс ополчался против политики Швейцера, как передоверия задач 1848 г. в руки бисмарковской «революции сверху». Гергард Гильдебранд, автор брошюры «Sozialistische Auslandspolitik», делает тот вывод, что германский пролетариат должен отказаться от «голого протеста против воинствующего шовинизма» и заменить его активной колониальной политикой под знаменем «равноправия

колониальных притязаний всех стран». Против теории «исторических стадий» Потресова и др. автор приводит очень кстати также тот факт, что одни страны обречены проходить «приготовительный класс» в тот момент, когда ее соседи проходят последний класс. Надо признать, говорит автор, что из всех аргументов в защиту позиции официального партийного большинства самым серьезным является следующий: интересы рабочих требуют расширения области приложения капитала. В ответ на это автор подчеркивает значение классовой борьбы: «поскольку само развитие производительных сил общества есть результат обострения социальной борьбы внутри его, постольку реализация политики социал-империализма означала бы приостановку, а затем и деградирование производительных сил». В этом именно разница между социал-империализмом и империализмом.

Проблема соотношения между «неизбежностью» той или другой формы общественности и ролью рабочего класса в ее историческом переживании определенно освещена автором на конкретном примере империализма и социализма вполне определенно, хотя условия царской цензуры заставили автора лишь эзоповым языком намекать о задачах пролетариата по отношению к империализму.

В статье «Империализм и крушение Интернационала», тоже написанной в 1916 г. в ссылке, автор ближе подходит к злободневным вопросам. Прежде всего, он констатирует, что мировая война, по выражению Ллойд-Джорджа, «война машин», «война рабочих», казалось бы, могла дать пролетариату широкий базис для воздействия на ход событий, но «самое желание воздействовать куда-то улетучилось». Кроме того, война как-никак внесла хотя бы в искаженном, извращенном виде хотя бы «военный» социализм. Где же те условия, спрашивает автор, благодаря которым Каутские и Ленши, и не только они, оказались столь податливыми заразе, шедшей из кругов Рорбахов, Гельферихов? Ленш доказывал, что от перспективы безработицы в результате военного поражения Англии может спасти английских рабочих только музыка германских пушек! Это—чудовищный абсурд, но мысль Плеханова вращается в том же кругу. «Если Германия победит,—пишет он,—она создаст на счет побежденных народов исключительное положение для своей промышленности». Из всего этого автор не делает, однако, пессимистических выводов о перспективах рабочего движения. В последней четверти прошлого столетия, когда «в свои права вступила империалистическая эпоха... в этой атмосфере не оставалось места для решительной постановки какой бы то ни было политической проблемы. Борьба за власть была снята с очереди дня и в течение почти полустолетия не играла никакой реальной роли в политической жизни Европы. Эта общая атмосфера органической эпохи должна была наложить свой отпечаток и на рабочее движение. Тогда именно появились навязанные Энгельсу верхами германской социал-демократии соображения о красных щеках, нагуливаемых движением в рамках законности». *Это была эпоха, когда миллионы не выходили за пределы работы в рамках данной нации—государства.* Германская социал-демократия «вростала в государство», но не в государство будущего, а в современное государство, она превратила свою доктрину в теорию «пассивного радикализма», по прекрасному выражению Паннекука. «В эпоху 1871—1905 гг. этот пассивный радикализм выполнил великую работу: в своей борьбе с оппортунизмом спас марксизм от окончательного опошления». Новая эпоха открывается русско-японской войной. 1905 год был прелюдией демократического пробуждения всего Востока. Только после 1905 г. германская социал-демократия впервые за все время своего существования смогла поставить на очередь дня вопрос о новых методах борьбы, о массовой стачке (конгресс 1906 г., работы Р. Люксембург, Роланд-Гольст и т. д.). Русско-японская война и ее последствия (1904—1906), затем революции в Турции, в Персии, в Китае, агадирский инцидент, аннексия Боснии и Герцеговины, итальяно-турецкая война, балканские войны наполнили собой десятилетие 1904—1914 гг., разожгли и обо-

стрили все вопросы, мирно тлевшие под пеплом в течение предшествовавших десятилетий. Для Европы все эти процессы протекали на фоне столь же резко обострившейся внутренней, социальной борьбы. *Современная война*, несмотря на всю свою грандиозность, с точки зрения тенденций империалистического капитала *является только эпизодом среди бывших и будущих столкновений*, создаваемых ходом развития последнего. «*Она* (поэтому) *призвана отнюдь не остановить процесс развертывания империализма*, со всеми присущими ему противоречиями, *наоборот*». Интернационал (второй) погиб потому, что по своей психологии, по методу работы он оказался ниже уровня событий, жил в кругу практики, созданной предшествовавшей эпохой.

Заключительная статья в сборнике т. Каменева озаглавлена: «Империализм и Восточная Европа». За недостатком места мы не можем остановиться на ней.

Ф. Капелюш.

А. И. ТЮМЕНЕВ. История труда. Краткое руководство политической экономии. Птр. Гос. Изд. 1922 г. Стр. VIII+233. Цена не указана.

Книжка тов. Тюменева представляет собой популярный учебник истории хозяйства, предназначенный для трудовых школ II ступени. Автор дает общий очерк развития хозяйственных форм, начиная с первобытного коммунизма и родовой общины и кончая социалистической организацией общества. От большинства других руководств, преследующих ту же цель, рецензируемая книжка отличается меньшим схематизмом и большей близостью к действительному процессу хозяйственного развития. Хотя Тюменев дает не конкретную историю хозяйства, а сжатый типологический очерк, тем не менее, его никак нельзя упрекнуть в сухости изложения: книжка написана понятным языком, короткими предложениями и снабжена массой весьма ярких иллюстраций. Правда, автор изредка ссылается на эпохи, которые могут быть неизвестны начинающему читателю. Он говорит, например, без всяких пояснений, о «каролингской эпохе» (стр. 37), о «времени Солоновой реформы» (стр. 39) и т. д., но все эти мелкие погрешности, против популяризации, общего тона книжки не нарушают.

Будучи марксистом по своему мировоззрению, тов. Тюменев по специальности своей—историк. Это чувствуется во всей его книжке. Там, где он пишет по истории хозяйства, в тесном смысле этого слова, он у себя дома, но там, где он останавливается на вопросах теоретической экономии, он делает часто ошибки и не может отрешиться от грубых обмолвок. Так, на стр. 115 он совершенно резонно доказывает, что «сам труд ценности не имеет», а на страницах 108 и 118 он говорит о «ценности затрачиваемого труда» и о «ценности необходимого труда». Давая правильное определение финансового капитала (по Гильфердингу), он затем отождествляет его с банковым капиталом. На стр. 141 т. Тюменев пишет, что обладание акциями «дает право на участие в доле прибыли и (!) на получение дивиденда», и что «биржевая цена акций каждого данного предприятия зависит от размеров приносимой им прибыли и (!) от высоты выдаваемого им дивиденда». Если он имеет при этом в виду отчисление части прибыли в резервный фонд предприятия, на тантьемы и т. п., то это и следовало бы сказать ибо иначе читатель будет думать, что доля прибыли и получаемый дивиденд—две различные вещи. В главе VIII мы читаем: «Прибыль, выручаемая на торговый капитал, не является еще в это время результатом присвоения капиталистом части прибавочного труда. Величина ее определяется, с одной стороны, степенью потребности покупателя в предлагаемых ему товарах, а следовательно, и той цены, какую он согласен за них дать, с другой же стороны, исключительным монопольным положением купца на рынке» (стр. 66). То же самое положение (которое, само собой разумеется, не находится ни в каком соответствии с учением Маркса) повторяется т. Тюменевым и на стр. 79. Особенно неблагоприятное впечатление производят замечания, посвященные проблеме распределения в капитали-

стическом обществе. Автор хочет показать, что прибавочная ценность является источником как предпринимательской и торговой прибыли, так и ренты. Вместо этого он делает источником так называемых нетрудовых выводов не прибавочную ценность, а предпринимательскую прибыль, при чем его рассуждения на этот счет заканчиваются следующими словами: «Но как бы то ни было, во всяком случае, в первую голову вся прибыль, *или, точнее, вся прибавочная ценность* (курсив мой. *Ш. Д.*), поступает в распоряжение капиталиста-предпринимателя» (стр. 118). Утверждение это тем более странно, что тов. Тюменев 15 страницами дальше совершенно правильно говорит, что «рента есть часть прибавочной ценности»[1]). В параграфе о крупном и мелком хозяйстве в земледелии т. Тюменев делает ряд правильных замечаний насчет факторов, задерживающих процесс концентрации в сельском хозяйстве, но он на ряду с этим впадает слегка в ревизионистский тон: он совершенно не учитывает, что «крупность» хозяйства определяется не только и даже не столько его земельной площадью, сколько размером вложенного капитала (машины, скот, мелиорация, наемный труд и т. д.). Утверждение автора, что «банковые билеты вполне тождественны с настоящими бумажными деньгами» (стр. 143), следует, повидимому, отнести к числу обмолвок.

Несмотря на все указанные дефекты, которые, кстати сказать, легко могли бы быть устранены из следующего издания, если бы автор просмотрел III том «Капитала» или, по крайней мере, «Курс политической экономии» Богданова и Степанова, рецензируемая книжка все же заслуживает рекомендации и в качестве руководства для школ II ступени, и в качестве пособия для совпартшкол, и для самообразования. Она, с научной точки зрения, стоит неизмеримо выше книжек Лилиной и Лозинского, посвященных тому же приблизительно кругу вопросов и выпущенных тем же издательством.

К книге приложен «Указатель литературы по истории труда и политической экономии», охватывающий, по приблизительному подсчету, 1500 (!!) названий. Автор думает, что этот указатель «облегчит учащимся пользование литературой при составлении рефератов на специальные темы». На самом же деле указатель тов. Тюменева, представляющий каталог книг целой библиотеки, никому, кроме специалистов, осведомленных в экономической литературе, никакого «облегчения» дать не может. Тов. Тюменев, на ряду с самыми солидными трудами, помещает в своем списке некоторые книжки, которые свободно могли бы быть сданы в Главбум на предмет переработки. Аннотаций рекомендуемых книг т. Тюменев почти не дает, между тем подавляющее большинство указанных в списке работ явным образом *недоступно* для того круга читателей, на который рассчитана рецензируемая книжка. Мне думается поэтому, что следующее исправленное издание «Истории труда» только выиграет, если автор выбросит из нее *три печатных* листа, посвященных библиографии. (Цена ее сократится процентов на 20—25.) Если уж давать библиографические указания читателю, то нужно делать это более обдуманно.

Ш. Дволайцкий.

З. С. КАЦЕНЕЛЕНБАУМ. Учение о деньгах и кредите. Ч. 1-я. Деньги и денежное обращение. Издание Ярославского С.-Х. и Куст.-промыслового союза Кооператив. Ярославль. 1922 г. Стр. 249+III.

Новая книга проф. Каценеленбаума представляет собой переработку лекций, читанных автором в период 1916—1919 годов в московских высших учебных заведениях. Некоторые главы автор, по его словам, добавил, взяв из подготовленной им к печати работы «Опыт исследования законов обесценения бумажных денег».

Работа З. С. Каценеленбаума, несомненно, заполняет большой пробел в русской экономической литературе. У нас до сих пор не было систематически изложенного курса, посвященного уче-

[1]) Правда, в другом месте он пишет, что «рентой называется всякий нетрудовой доход» (стр. 52).

нию о деньгах (курс А. А. Мануилова «Учение о деньгах» в теоретическом отношении не удовлетворяет самым скромным требованиям), а потребность в таковом очень настоятельна. Автор совершенно прав, утверждая, что «без ясного понимания явления денег нельзя понять сущности хозяйства и его законов».

Первые 10 лекций курса посвящены общему учению о деньгах. Вся эта общая часть книги, включающая и интересную лекцию об индексах, занимает около 60 страниц. Едва ли не в этом одна из причин недостаточно обстоятельной, а местами прямо поверхностной трактовки важнейших теоретических вопросов, разбираемых в этих лекциях.

Нельзя, например, удовлетвориться тем, что сказано в лекции 3-й о «деньгах, как орудии обращения». И не только потому, что этому вопросу, включая проблему о количестве денег, необходимом для обращения, посвящено ровно 4 страницы, но и потому, что основной тезис этой лекции сводится к следующему: «то количество денежных знаков, которое в качестве орудия обмена необходимо для всей страны в целом, оказывается также величиной вполне определенной. Это количество суммируется из всей массы денег, которое необходимо по всем отдельным хозяйствам и для всех отдельных хозяйствующих субъектов».

Это, конечно, не решение проблемы, а подмен ее. Количество денег, необходимое каждому из отдельных хозяйств,— величина не только неопределимая, но самое понятие кассовой наличности отдельного хозяйства, которым усиленно оперирует проф. Каценеленбаум и в учении о причинах колебания ценности денег, лежит за пределами политической экономии. Подходить к анализу явлений общественного хозяйства и,—в частности, к его наиболее универсальному феномену—деньгам, исходя, как от данной и определяющей величины, от кассовой наличности отдельного хозяйства, значит, переходить грань, отделяющую теорию социального хозяйства от учения о частном хозяйстве.

Нам вообще представляется, что основной дефект в общем превосходной книги проф. Каценеленбаума—в ее методологической невыдержанности, в недостаточно отчетливой формулировке основных теоретических предпосылок. Что такое деньги? Товар или только расчетный знак? Автор нам сообщает, что он сторонник функциональной теории, «которая видит сущность денег в их функциях».

Но разве это ответ? Ведь и для непримиримых металлистов деньги — товар, выполняющий определенные функции, и именно э и функции выделяют его из ряда других товаров и делают деньгами. И, наоборот, чистейший номиналист охотно согласится с тем, что деньги—знак, выполняющий известные функции, и именно в этих функциях— его смысл и сущность.

Но на вопрос о том, имеют ли деньги ценность, мы так и не получаем от проф. Каценеленбаума удовлетворительного ответа.

Автор, видимо, склоняется к положительному решению. Но, в конце-концов, он дает ему следующую формулировку: «под ценностью денег или под ценой, что, по нашему мнению, одно и то же, нужно понимать как покупательную силу по отношению к товарам, и эта покупательная сила меняется под влиянием двух родов причин: причин, лежащих на стороне товаров, и причин, лежащих на стороне денег».

Но если перевести это на точный язык экономической теории, то выйдет, что покупательная сила денег зависит, во-первых, от ценности товаров, а во-вторых, от ценности самих денег. Вот в этой ценности денег, которую Карл Менгер назвал «внутренней ценностью», как раз все дело. Или проф. Каценеленбаум думает, что деньги имеют ценность (именно, в этом смысле), или он думает, что, хотя деньги и товар, но имеют подобно другим товарам только цену, а «внутренней» ценности ни у денег, ни у товаров вообще нет (точка зрения, напр., Касселя) или он считает, что деньги не товар и тем самым не могут иметь ценности.

Вот три возможных решения проблемы, имеющей не только чисто теоретическое, но и громадное практическое значение при анализе колебания цен. Мы должны сознаться, что предлагаемое З. С. Каценеленбаумом учение о влиянии количества денег на их ценность

нас не удовлетворяет. Это один из наименее удачных вариантов количественной теории денег, и дело здесь не столько в противоположности психологической и механической теории, сколько в противоположности общественно-хозяйственной точки зрения, на которой в теории денег стоит и Рикард, и Маркс, и Фишер, и Кассель, и частно-хозяйственной, на которую становится к большому ущербу для своих выводов проф. Каценеленбаум.

Остальны лекции курса трактуют об отдельных видах денег. Особенно подробно освещена теория и история бумажных денег. Последняя для России доведена до 1922 г. Для Запада большая часть данных доходит до начала войны. В конце курса помещены главы о денежных системах и о деньгах в международном обороте.

Все эти лекции очень интересны. Материал хорошо подобран и разработан; жаль, что автор мало остановился на денежных системах с закрытой чеканкой. Не вполне можем согласиться с тем, что автор говорит о курсах бумажных валют и о связи между курсами и индексами цен.

Не можем также не пожалеть об изобилии опечаток.

Заканчивая рецензию, считаем приятным долгом отметить, что, не разделяя отдельных выводов проф. Каценеленбаума, мы считаем его курс в общем очень удачным.

С. Членов.

Н. М. КУЛАГИН. Главнейшие вредные для полеводства насекомые. Издательство НКЗ «Новая Деревня». 1922 г. Стр. 18.

Русская литература по прикладной энтомологии в годы войны и революции бедна новыми книгами по вопросу о важнейших вредителях сельского хозяйства и о мерах борьбы с ними. Можно указать труд В. Г. Аверина, изданный союзом Харьковского Кредитного Союза Кооперативов в 1919 г. и небольшую брошюру Н. Н. Богданова-Катькова с краткими сведениями о вредителях сельско-хозяйственных растений, изд. Петрогр. Гос. Изд.

В работе проф. Петровской сельскохозяйственной академии Н. М. Кулагина изложен обзор жизни главнейших вредителей полеводства: хлебного жука, хлебного щелкуна, озимой совки, стеблевой совки, пилильщиков, гессенской мухи и шведской мухи.

В отличие от многочисленных трудов по этому вопросу Н. М. Кулагин оттеняет меры борьбы культурного характера, способствующие, с одной стороны, улучшению сельского хозяйства, с другой—содействующие уничтожению вредителей.

Определенные сроки посевов, глубина вспахивания стерни, время вспашки пара, правильная обработка его, возделывание здоровых растений,—все это ставит в неблагоприятные условия яички, личинки и куколки целого ряда вредителей.

Требования агронома в деле улучшения полеводства совпадают с требованиями энтомолога для уничтожения вредителей.

Отсутствие точной регистрации появления вредителей в разные годы побудило автора составить, пользуясь данными энтомологической литературы, диаграмму появления главнейших вредных насекомых и таблицы появления и лет их в разных губерниях, что дает возможность во-время принять соответствующие меры и прийти на помощь угрожаемой местности от вредителей в самом начале их развития. Ссылки на целый ряд экспериментаторов и наблюдателей о культурных мерах борьбы и о применении инсектисидов дополняют этот ценный вклад в энтомологическую литературу.

А. А. Бессер.

---

1) Известия ётровской Сельско-хозяйственной Академии. Год. 1920. Выпуски 1—4. Москва. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 345. 2) Труды Московской сел.-хоз. опытной станции. Вып. I. Изд. Моск. Отдел. Ред.-Изд. К-та НКЗ. Москва, 1922 г.] Стр. 127.) Записки Сельско-хозяйственного института в Воронеже. Том IV. Гос. Изд Москва, 1922. Стр. 112.

I.

Известия академии составляют продолжение серии «Известий Московского сельско-хозяйственного института», прерванных изданием в 1917 году и впервые начатых в 1894 году.

Настоящий выпуск чрезвычайно богат данными и исследованиями в области фосфорнокислых удобрений.

Работа А. В. Казакова и В. Г. Рота трактует о преципитатном производстве. В общей части помещена литературная сводка, резюмирующая работы по изучению процесса преципитирования и дающая литературные указания по вопросу об утилизации бисульфата для целей удобрения и по химизму действия $NaHSO_4$ на природные фосфаты, и работа Рота по получению преципитата из бисульфатных вытяжек.

Работа А. В. Казакова и В. Н. Шульца «Извлечение фосфорной кислоты из фосфоритов» предпринята с целью выяснения условий более полного извлечения фосфорной кислоты из фосфоритов помощью серной кислоты, при чем материалом служил фосфорит Московской и Саратовской губернии. В зависимости от изменения условий опыта по времени вливания кислоты, концентрации ее и по температуре удалось достигнуть почти полного переведения в раствор всей кислоты взятого для опыта материала.

Статья А. В. Казакова «К вопросу о значении Al и Fe фосфоритов при фабрикации суперфосфата» имеет целью осветить с количественной стороны влияние увеличения процентного содержания Al и Fe фосфоритов с падающим процентным содержанием воднорастворимой фосфорной кислоты в полученном суперфосфате, при чем сравнивается порознь влияние Al и Fe и произведены опыты приготовления суперфосфата из глауконитовых фосфоритов Рязанской губернии, где имеется значительное количество Al и Fe.

Работа Е. В. Бойко «Приготовление суперфосфата из саратовского фосфорита с примесью костяной муки» дает ценные указания по выяснению возможности повышения содержания фосфорной кислоты в суперфосфатах, приготовленных из бедных фосфоритов. Прибавка 15% костяной муки в саратовский фосфорит, содержащий $9{,}_{02}\%$ водорастворимой P_2O_5 при $12{,}_{93}\%$ общей P_2O_5 повышает % водорастворимой P_2O_5 с $9{,}_{28}$ до $11{,}_{14}\%$, а прибавка 20% муки с $9{,}_{28}$ до $11{,}_{81}\%$, т.-е. приблизительно на 2—$2^1/_2\%$.

Далее помещены две статьи Е. В. Бобко и О. П. Соколова «Растворимость полуторных окислов фосфорита и суперфосфата в разведенной соляной кислоте» и «О приготовлении полусуперфосфатов из кости и фосфорита с помощью серной кислоты».

В первой из них автор экспериментальным путем доказывает, что соляная кислота в концентрации от 2—8% извлекает из разных фосфатов от $23{,}_{25}\%$ до 45% полуторных окислов и в 2—3 раза больше из соответствующих суперфосфатов до $89{,}_{04}\%$. Вторая работа посвящена изучению отношения кости и фосфорита к изменяющимся качествам серной кислоты разной консистенции.

Статья Е. В. Бобко и Б. П. Ароштама «Приготовление двойного суперфосфата из вятского и других фосфоритов» имеет существенное значение как попытка добиться технических улучшений удешевления производства двойного суперфосфата, который до сего времени не был в фаворе у производителей искусственных туков вследствие дороговизны и сложности его химического производства. Работа Е. В. Бобко и Н. В. Вильямса «Химическая переработка саратовского фосфорита» имеет целью проследить процесс получения двойного суперфосфата из саратовского фосфорита.

Из других статей, помещенных в Известиях, следует отметить работу Н. Р. Купреенок «Влияние торфа и торфяной подстилки на накопление в почве азотнокислых солей», где указывается, что по абсолютному количеству накопленных нитратов торфяной навоз и в некоторой мере и самый торф, далеко превосходит соломенный навоз.

Ценной работой является статья К. А. Калинина «Материалы по изучению свойств золы, как удобрения». Зола, обыкновенно выбрасываемая у нас в мусорные ямы, является не менее ценным удобрением, чем ввозимые раньше в большом количестве заграничные соли, заключает в своем составе два рода нужных растениям пищи—калийной и фосфорнокислой, заменяя, таким образом, калийные удобрения (каинит, калийную соль) и одновременно фосфорнокислые (суперфосфат и томасшлак).

II.

Московская областная сел.-хоз. станция, начавшая свою работу в 1914 г. и проявлявшая слабые признаки своего существования в первые годы революции, начинает постепенно оживать, группирует вокруг себя научных работников-специалистов по различным отраслям знания, сопричастного с сел.-хоз. опытным делом, и издает с апреля 22 г. ежемесячный популярный земледельческий журнал «Хозяин», а в целях объединения всей опытной работы в Московском районе решила печатать в форме «Материалов по опытному делу Московской области» две параллельных серии выпусков: «Труды Московск. обл. с.-х. станции» и «Труды районных опытных учреждений Московск. области». Выпуск 1-ой серии и представляет собою настоящий труд.

Заведующий станцией А. П. Левицкий знакомит читателя с историей возникновения ее и территориально разобщенных отделений и хозяйств.

Из работ метеорологического отдела станции помещена статья сотрудника ее С. П. Небольсина «Затухание ветра среди полевой растительности», дающая представление о степени затухания ветра с приведенными данными, позволяющими определить высоту полного затухания ветра данной скорости при данной высоте растительности.

Из других статей, помещенных в Трудах, следует отметить: К. М. Зубрилина «Минимум грубого корма в рационе молочных коров»; С. П. Жегалова «Цветение и скрещивание у главнейших культурных форм семейства крестоцветных»; В. В. Геммерлинга «О водном режиме подзолистых почв на основании данных лизиметрических исследований» (исследование Отдела почвоведения станции); С. П. Небольсина «К вопросу об образовании вторичных клубней у картофеля» и Н. А. Качинского «К вопросу о влажности почв». Последняя работа является первым этапом в смысле выработки вопроса о влажности почв в центральных местностях России. Вопрос этот до сего времени оставался неисследованным и для севера, между тем полученные данные во многом напоминают картины распределения влажности на юге и лишний раз указывают, что при неумелом пользовании и неосторожном сохранении ее возможны засухи и у нас в центральных районах.

В приложении помещена схема построения программы отдела полеводства станции С. С. Геркена и инструкция, анкета для весенних наблюдений над озимыми хлебами, с целью изучения их вы ревания и сопутствующих ему явлений, составленная заведующим Фитопатологическим отделом станции П. Еленевым.

III.

Четвертый том Записок целиком посвящен материалам проф. Н. П. Кобранова по исследованию биологии плодоношения искусственно разведенных в степных лесничествах древесных пород.

Сложные и запутанные вопросы плодоношения древесных пород и накопления материалов требуют серьезных наблюдений; в этой области наука крайне бедна экспериментальными исследованиями, и многие детали проблемы до сего времени остаются не выясненными.

Первые три очерка посвящены американскому ясеню (Fraxinus americana L): об урожае крылаток, о влиянии урожая их на прирост и о влиянии плодоношения и местонахождения дерева в насаждении на наступление преждевременного пожелтения листвы у ясеня; в четвертом очерке автор говорит о влиянии весенних заморозков на плодоношение у белой ели (Picea alba Lk) и в последнем исследует вопрос о качествах бобов в различных частях кроны у белой акации (Robinia Pseudoacacia L), выявляя связь между качеством и количеством получаемых семян и их местонахождением в кроне.

Совершенно лишним является первый очерк — наблюдение над плодоношением американского ясеня, ибо давно известно, что затраты, которые производятся растением над формированием органов воспроизведения, совершаются за счет уменьшения органов питания—листвы, уменьшая тем ассимилирующую поверхность листа и ослабляя

приток пластических веществ, необходимых для роста дерева.

В статье «Влияние урожая крылаток на прирост американского ясеня» помещен интересный материал, имеющий целью доказать, что падение прироста под влиянием плодоношения обусловливается затратами на производство семян и сокращением листовой поверхности вследствие метаморфоза листостебельных побегов в цветочные и плодовые и что ранняя возмужалость искусственно разведенных в степях древесных и кустарных пород создает благоприятные условия ассимиляции и плохие условия роста.

В работе «О качестве бобов и семян в различных частях кроны у белой акации в молодом возрасте» Н. П. Кобранов дает указания на заметное преобладание лучших семян в верхней части кроны, чем необходимо руководствоваться при организации сбора семян.

А. Бессер.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

KURT FLEGEL. Die wirtschaftliche Bedeutung der Montanindustrie Russlands und Polens und ihre Wechesbeziehungen zu Deutschland. 1920, X+101 Ss.

H. CLOOS UND E. MEISTER. Bau und Bodenschätze Osteuropas. 1921, 158 Ss. mit Karte. FRITZ BEHREND. Die K pfer-und Schvefelerze von Osteuropa. 1921, VIII+88 Ss.

L. von zur Mühlen. Die Ölschiefer des Europäischen Russlands. 1921, II+31 Ss.

G. BEHACHEL. Die Eisen und Manganerze Osteuropas. 1922. X+361 Ss.

Osteuropa-Institut in Breslau. Quellen und Studien. III Abteilung. Bergbau und Hüttenkunde. Leipzig und Berlin.

В 1918 г. в Бреславле А. Вебером и Р. Шоттом был основан Osteuropa-Inst'tut,—институт для изучения Восточной Европы — при университете и Высшей технической школе.

Основатели института полагали, что хозяйственные связи Германии с севером, югом и западом Европы в результате войны надолго прерваны, и естественным рынком и источником сырья является для нее прежде всего Восточная Европа. Государства Восточной Европы скоро поймут, что и для их восстановления им необходимо войти в тесную связь с Средней Европой, так как Запад даст им гораздо меньше. Что касается Германии, то в ее теперешнем состоянии—с низкой валютой, без флота и колоний, при постоянном давлении Антанты на ее хозяйственный аппарат—для нее овладение рынком Запада и заокеанских стран, а особенно их запасами сырья, является надолго недоступным. С целью дать научную базу этому новому—и на этот раз гораздо более сильному—«Drang nach Osten» и основан Osteuropa-Institut; в объем его ведения входит техническое и экономическое изучение всех стран, лежащих к востоку от Австрии и Германии (или восточнее линии Триест—Тильзит до Урала, а также малой Азии, и примыкающих к Уралу с востока стран—как выясняется из изданий института, даже всей Сибири). Институт собирает материалы, ведет непосредственные исследования, открывает специальные курсы в высших учебных заведениях, занимается выдачей справок заинтересованным лицам и учреждениям, и издает труды, посвященные Восточной Европе. Для нас наиболее интересной и дающей пока единственные сведения о работе института является его издательская деятельность. План его изданий таков:

I. «Quellen und Studien»—серия отдельных, более или менее крупных научных работ по отделам: 1. Право и экономика. 2. Сельское и лесное хозяйство. 3. Горное дело и металлургия. 4. География и землеведение. 5. Наука о ре-

лигии. 6. Языкознание. 7. Промышленность и торговля.

II. «Vorträge und Aufsatze»—серия подобных же отдельных трудов, но более мелких.

III. Восточно-европейская библиография, появляющаяся раз в год.

Предполагалось, кроме того, издание журнала «Osteurora», выходящего раз в три месяца, но пока еще, повидимому, не осуществилось. Дошедшие до нас книжки перечисленных трех серий в большинстве случаев очень интересны—одни по материалу, другие по его обработке и освещению. В настоящей рецензии мы коснемся только 3-го отдела первой серии, т.-е. изданий по горному делу и металлургии, оставляя отзывы об остальных соответствующим специалистам. Все издания напечатаны Б. Теубнером (Лейпциг и Берлин), с присущей этому издательству отчетливостью и компактностью, и представляют изящные книжки в формате малого октаво в полукартонной обложке.

Издания по горному делу и металлургии составляются так же, как и другие отделы, под руководством соответствующего отделения института. Работы Горного Отделения ведутся при непосредственном участии Бреславльского Горного Управления и начались с учреждения в 1919 г. «Бюро учета полезных ископаемых и горного дела Восточной Европы». В Горном Отделе участвуют крупные немецкие геологи и горные инженеры, в том числе многие члены Германского Геологического Комитета.

Первая из выпущенных работ К. Флегеля «Экономическое значение горной промышленности России и Польши и ее обменная связь с промышленностью Германии»—является своего рода введением ко всей работе Отдела. В краткой форме автор излагает значение отдельных отраслей русской и польской горной промышленности и приходит к выводу, что в будущем Германия сможет давать для восстановления России—преимущественно сельско-хозяйственной страны—все необходимые удобрения (калийные и другие) и сельскохозяйственные машины; точно так же Германия даст капитал, инженеров и машины для восстановления промышленности. В обмен от России ожидаются сырые материалы горной промышленности, и, в первую очередь, железная и марганцевая руда и нефть, которые Германия, благодаря современной конъюнктуре, вряд ли получит в других странах. Наконец, Германия могла бы давать уголь для северной и средней России. Все это, по мнению автора, создает идеальные условия симбиотического хозяйства и сулит счастливое экономическое будущее. Книжка Флегеля является полезной, как сжатое изложение чрезвычайно важного для нас в настоящее время вопроса, но остается пожалеть, что автор использовал только довоенные данные. Достаточно указать, что для запасов угля России он берет цифры международного геологического конгресса 1913 г., по которым Россия стояла на пятом месте (после Соед. Штатов, Канады, Китая и Германии), в то время как последние исследования Российского Геологического Комитета *удвоили* эти запасы и поставили Россию на четвертое место.

Вторая книжка—«Строение и полезные ископаемые Восточной Европы»—представляет краткую сводку геологии и горных рессурсов, главным образом Европ. России, и в значительно меньшей степени—Финляндии, Галиции, Румынии и Венгрии. Книжка предназначена для лиц, нуждающихся при практической работе в общей ориентации по затронутому вопросу; она скомпанована очень удачно, в краткой форме содержит очень много сведений, и дает действительно возможность не геологу познакомиться довольно быстро с горными богатствами России. Но ее коренной недостаток—тот же, что и в предыдущей книжке—использование русских данных только до 1914 г., и иностранных сводок, хотя и более поздних, но составленных по старым русским данным. Если для оценки экономического значения горной промышленности России новые данные не были так важны, то при описании геологии и полезных ископаемых это составляет такой недостаток, с которым трудно мириться. За 8 лет русскими геологами сделано так много по изучению геологического

строения и по выяснению генезиса рудных месторождений и учету полезных ископаемых вообще, что без использования этих данных при серьезных работах обойтись нельзя. К этому присоединяется, повидимому, слабое знание авторами русского языка, вследствие чего они пользовались, главным образом, литературой на западно-европейских языках—рефератами и сводками, которые, конечно, не могут дать всего русского материала.

Этот основной недостаток изданий института, использование старых данных, еще резче выступает в третьей книжке—Беренда «Медные и серные руды Восточной Европы». Три четверти книжки посвящены России (Европейской и Азиатской), остальное—Финляндии, Польше, Сербии, Болгарии, Румынии, Греции и Евр. Турции. В общем книжка не только устарела, но и черезчур неполна.

В четвертом выпуске рецензируемой серии Мюлен пытался по старым данным дать описание месторождений горючих сланцев Европ. России, и надо признать, что это удалось ему в весьма малой степени, так как наиболее интенсивное изучение русских сланцев велось как раз в последние годы. Некоторую ценность представляет часть книги Мюлена, касающаяся прибалтийских сланцев и излагающая личные наблюдения автора. Мюлен приходит к заключению о большом экономическом значении прибалтийских (кукерских) сланцев, особенно как исходного материала для перегонных заводов. Как топливо, сланец используется сейчас в довольно широких размерах эстонским правительством. Незнание Мюленом русской новейшей литературы вызвало ряд ошибок и в описании прибалтийских сланцев, что же касается остальных русских сланцевых районов, а особенно поволжских, то в этом отношении работа Мюлена не имеет решительно никакого значения. Он использовал литературу 60-х—90-х годов, а вся широкая разведка и исследования последних лет Геологического Комитета и Главного Сланцевого Комитета остались ему неизвестными.

Научная русская литература не доходила до Германии, к сведениям же общей прессы Мюлен относится чрезвычайно подозрительно и даже большей частью совсем им не верит. Например, он пишет (стр. 29): «Также и намеченная большевиками добыча сланца из сланцевого месторождения, занимающего, по их сведениям, 180 кв. километров, между Свиягой и Волгой, относится, *конечно* (sicher), к этому району», т.-е. совсем к другому, к водоразделу Свияги, Суры и Цивиля!.. И далее (стр. 29): «К этим горизонтам (т.-е. к Общему Сырту) относятся организованные большевиками исследования сланцев в Новоузенском уезде, Самарской губ.». В подобном же роде Мюлен пишет и о Костромском районе. Таким образом, не имея доверия к новым сланцевым районам, открытым «большевиками», Мюлен с великолепным презрением европейца к туземным сказкам Полинезии или Средней Африки относит все новые сведения к известным ему по «солидной» литературе 80-тых годов районам и горизонтам.

Особенную пикантность вышеприведенные фразы приобретают в связи с тем, что сланцевые исследования велись, главным образом, Российским Геологическим Комитетом,—учреждением с мировой известностью, работающим уже 40 лет и признанным всеми буржуазными авторитетами.

Пятая книжка серии, недавно появившаяся,—наиболее удачная. Она касается железных и марганцовых руд Восточной Европы. Как мы видим из книги Флегеля, эти руды являются наиболее важным сырьем для Германии, и естественно, что внимание института обратилось на них. Автор дал довольно обширный очерк, состоящий из двух частей—описания месторождений руд и использования их. Первая часть опять-таки составлена почти исключительно по довоенным данным, и для русского читателя, имеющего уже превосходные сводки К. Богдановича, мало интересна; особенно коротко и частью неверно описаны месторождения Сибири. Более интересны описания внероссийских областей Восточной Европы, для некоторых из этих областей вообще нет таких систематических сводок. Вторая часть содержит главы экономические—положение Вост. Европы по от-

ношению к европейской железной промышленности, значение Вост. Европы для железной промышленности Германии, и большую главу хозяйственного характера—основные положения для будущего использования железных и марганцевых руд в странах Вост. Европы. Здесь дается статистика добычи, выплавки, вывоза и ввоза, кончая 1915 г., а иногда и до 1919 г., списки рудников и заводов с указанием числа домен ных и пр. печей, запасы и качество руды, топливо и рабочая сила и пр.,—сведения очень полезные и у нас так полно еще не суммированные. Использована и кое-какая новая русская литература, но, главным образом, общая: газеты—«Экономич. Жизнь», «Народное Хозяйство». Специальные издания, повидимому, и ко времени составления этой книги не могли дойти до Германии. Автор приходит к заключению, что для германских металлургических заводов, которые всегда требовали ввоза железной руды, а после Версальского мира становятся в еще большую зависимость от иностранного сырья (из-за отнятия Лотарингии и Верхней Силезии), вряд ли будут доступны руды Швеции и Испании, и главное внимание нужно обратить на Россию, отчасти на Юго-Славию. Что касается марганцевой руды, то для Европы Россия всегда была и останется монополистом, давая до 90% всего европейского потребления марганца.

Резюмируя все сказанное выше, нужно признать, что издания Osteuropa-Institut в двух отношениях являются для нас поучительными: первое—это громадный интерес к России среди немецких ученых, технических и промышленных кругов, трезвая оценка ее значения для Германии и признание необходимости тесного единения обеих стран для хозяйственного симбиоза, полезного и России и Германии. Второе—самый характер изданий: мы видим в них правильный подход к вопросам, сжатые очерки, достаточно охватывающие предмет и вполне пригодные для практиков, но что касается самого исполнения, то в нем заслуживает подражания, быть-может, только экономическое освещение вопросов. Очерки, как отмечено выше, составлены все по старым данным, часто неполно и неправильно, иногда даже без знания русского языка или с презрением к русским данным. Мы с гордостью можем сказать, что Россия имеет уже давно «собственных Платонов», составлявших с начала войны целый ряд подобных же очерков,—например, разнообразные издания Комиссии по изучению естественных производительных сил при Академии Наук (К. Е. П. С.). Четвертый том «Естественных Производительных Сил», составленный Российским Геологическим Комитетом и посвященный полезным ископаемым, по темам в значительной степени аналогичен реферируемой серии, но по исполнению (за исключением, может-быть, экономической части) стоит несравненно выше. Авторы очерков являются всегда специалистами в данной области, используют всю новую литературу и гораздо лучше ориентированы в русской горной промышленности. Ряд других ценных очерков был составлен в России за эти годы различными лицами и учреждениями, но до сих пор не издан.

По поводу изданий Osteurora-Institut приходится иногда слышать восхищение немецкой организацией и порицание русскому неумению. Восхищение всем, начиная с типографской внешности и кончая эрудицией авторов, и соответственный же размах порицаний. Но это неправильно с начала до конца. До внешности изданий Теубнера в нашей книжной культуре—в потенции по крайней мере—мы уже дошли (если не перешли за нее), и если что нам мешает фактически издавать четкие и компактные книги—это, главным образом, отсутствие свежих и не сбитых шрифтов и хорошей бумаги. Что же касается самих «быстрых разумом Невтонов»—то российская земля их рождает, притом образца не хуже заграничного, как мы видели выше, и только наша материальная бедность не позволяет быстро творить нужные работы и своевременно издавать их.

Сергей Обручев.

А. ГИБСОН. Природные источники энергии. Пер. с английского, под ред. А. И. Рабиновича, с дополнениями редактора и картой электрификации России. Общедоступная библиотека Всеукр. Госуд. Издат. № 5. Одесса. 1922 г. 94+VI стр. (Цена не обозначена).

Использование естественных источников энергии, т.-е. механизация человеческого труда, является одним из основных вопросов двух важнейших сфер общественной жизни человечества.

С одной стороны, это задача чисто техническая, поскольку дело идет о целесообразном применении того или иного вида энергии или о планомерной организации пользования энергией вообще. С другой стороны, вопрос этот социально-политический, когда он касается обладания запасами энергии, ее распределения и общественной стороны ее расходования. Недавняя борьба на топливном фронте дала нам весьма яркое доказательство верности последнего положения. А ближайшее будущее, несомненно, принесет еще более убедительные для масс аргументы, хотя бы при решении мирового и русского нефтяного вопроса. Поэтому для реального понимания соотношения сил в ближайшем будущем, для ясного прогноза в отношении хода исторического развития в отдаленном грядущем весьма важен возможно точный учет наличных и предполагаемых возможностей использования разнообразных, неравноценных и неравномерно разбросанных по земному шару природных накоплений энергии.

Книжка Гибсона—не первый и не последний труд, посвященный этим вопросам. Уже представляется возможность сказать «не последний»: после выхода английского издания (1913 г.) многие высказывали свои мысли на эту же тему; в числе их совсем недавно— в конце 1921 г.— известный ученый С. Аррениус.

Отмеченное двоякое значение вопроса ярко, хотя, может-быть, и не совсем произвольно сказывается в характере изложения книжки Гибсона. Как ученый техник, он старается оставаться целиком в пределах темы, поставленной в заголовке, и говорит, главным образом, о размерах запасов того или другого вида энергии в природе, о различных технических возможностях ее целесообразного использования. И в то же время он не может остаться совершенно в стороне от общественного содержания вопроса и в заключительной части книги, в связи с местонахождениями скоплений технически наиболее важных видов энергии, делает попытку прогноза будущего географического распределения промышленной и культурной жизни на земном шаре. Для него это—вопрос современного национального государства, и, как англичанин, он думает, главным образом, о своей родине. При этом для него самого остается далеко не решенным вопрос: «сумеет ли Англия в будущем поддержать нынешнее свое промышленное первенство» (стр. 85). Из этого видно, что в далеком будущем обстоятельства могут сложиться не вполне благоприятно для Англии,—страны с плотным населением и природными запасами энергии, в виде одного только каменного угля.

Из выводов общественного характера особенно еще интересен своеобразный проект национализации топлива. «В тех государствах, где интересы целого являются главенствующими, логически последовательным будет учреждение Государственного департамента сохранения (топлива)... есть основание думать, что такое учреждение будет одним из наиболее важных органов государства в будущем» (стр. 21). Не надо забывать, что это написано профессором инженерного искусства в 1913 г. в консервативной, но практичной Англии.

Книга распадается на 10 глав. Помимо общих положений, специальные главы посвящены частным вопросам об использовании: ископаемого топлива, солнечного тепла, растительности, внутреннего тепла земли, энергии воды, приливов и отливов, наконец, ветра. Изложение достаточно популярное для среднего круга читателей, но не всегда систематично и равномерно: иные вопросы затронуты лишь вскользь (слан-

цы и торф), некоторые же разработаны более детально, порой не в меру их возможного технического применения (внутреннее тепло земли), даже с краткими техническими расчетами и калькуляцией. Приняты во внимание и, хотя бегло, но упомянуты все самые последние (ко времени написания книги) выдвигавшиеся проекты использования энергии, включая опыты, носящие пока чисто теоретический характер. При критическом обсуждении их автор обнаружил здравое чутье опытного ученого инженера.

Цифры касательно предполагаемой мощности запасов и скоплений различных видов энергии взяты автором по преимуществу из материалов официальных комиссий. Они уже значительно ныне устарели, так как за истекшие почти 10 лет сильно возрос, особенно под влиянием войны, интерес к топливу, особенно местному; значительно подвинулось вперед и его изучение. Поэтому общая картина, рисующаяся на основании данных упомянутой речи Аррениуса (реферат в Gas und Wasserfach, Bd. 65, 1922 г., стр. 201—2), значительно отличается от намечающейся при чтении книги Гибсона. Именно, «намечающейся», так как расположение материала, особенно цифрового, недостаточно ярко и выпукло, данные по отдельным вопросам не приведены в состояние, облегчающее их сравнение, наконец, чувствуется отсутствие сводной таблицы. Последняя была бы полезнее 14 рисунков машин и 3 схематических карт, оставляющих лишь определенное впечатление об их недостаточности, непоказательности и потому неуместности.

При все этих недостатках книгу можно рекомендовать широким слоям читателей, как интересную сводку данных по вопросу кардинальной общественной и технической важности.

Русское издание заслуживает одобрения. Перевод хорош, читается легко. Особенно надо отметить столь редкую теперь заботу об удобстве читателей, выразившуюся в полной замене непривычных нам английских мер (в том числе даже и денежных) общепринятыми русскими. Дополнения редактора знакомят с современными данными о состоянии природных источников энергии в России и с проектом ее электрификации, что частично восполняет устарелые материалы английского подлинника.

Б. Тычинин.

Проф. Я. Я. НИКИТИНСКИЙ. Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения. Изд. Государственной Общеплановой Комиссии. (Составлено по поручению Сельско-Хозяйственной Секции.) Москва. 1921 г. 135 стр.

Настоящая книга появилась в связи с голодом и общим недостатком пищевых средств, принуждающими людей отступать от привычных средств питания и обращаться к более или менее необыденным для них пищевым источникам растительной и животной природы. Автор подробно останавливается не только на суррогатах, т.-е. таких материалах, которые служат для замены обычных пищевых средств и которые он рассматривает с точки зрения их большей или меньшей полезности или вредности, с указанием способов их наилучшего использования, но и на таких пищевых средствах, которые, хотя и известны, но малоупотребляемы, недостаточно используются или, в силу непривычки, потребляются лишь местами в России, хотя и заслуживают более широкого потребления. Кроме того, в книге отмечены и такие природные источники пищи, иногда очень обширные, которые необходимо начать широко эксплуатировать.

Книга разделена на 2 части: первая—посвящена суррогатам и необычным в России источникам пищевых средств растительного происхождения, а вторая—продуктам животного происхождения.

Материал расположен в книге в алфавитном порядке, при чем в первой части рассматривается более 150, а во второй части—более 50 различных пищевых средств.

Отдельные вопросы разбираются автором очень обстоятельно, в большин-

стве случаев приведены литературные сведения с указанием состава данного пищевого средства, степени усвояемости отдельных составных его частей организмом, способов приготовления, распространения и т. д.

Много материала почерпнуто автором из опыта Германии за время мировой войны в области приготовления всяких суррогатов и использования до того мало или совсем неизвестных и не употреблявшихся источников питания.

Книга проф. Я. Я. Никитинского особенно ценна тем, что она при строго научной трактовке вопроса с многочисленными цифровыми данными о составе отдельных пищевых средств и таблицами о сравнительной усвояемости разных продуктов, содержит много фактических справок о потреблении в пищу разных необычных для нас продуктов в других странах и много ценных практических указаний о наилучшем использовании и применении разных пищевых средств, за последние годы ставших для больших слоев населения основным источником питания.

В виду того, что за последние годы всем почти без исключения практически пришлось столкнуться с вопросом о суррогатах и необычных средствах питания, настоящая книга представляет безусловно большой интерес для самого широкого круга читателей, а для лиц, которым приходится иметь дело с питанием больших масс населения, знакомство с ней настоятельно необходимо.

Так как голод в нескольких районах Республики все еще нельзя считать вполне ликвидированным, а общий недостаток некоторых пищевых средств в стране и связанное с ним отклонение качества пищи от привычных до войны норм питания, особенно для широких слоев городского населения, продолжается, то самое широкое распространение настоящей книги может принести большую пользу делу питания населения.

А. А. Теснер.

„ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ПО РЕМОНТУ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА". Ежемесячное приложение к журналу „Транспорт". Издание Высш. Технического Ком-та Н. К. П С. Год издания первый. 1922 г. № 1-й. Стр. 35 in 4° + 16 отд. листов диаграмм и чертежей.

В появлении подобного журнала уже давно ощущалась самая настоятельная потребность. Еще в 1915—1916 году, когда при Главных Екатеринославских мастерских были организованы периодические, через каждые два месяца, инструкционно-показательные съезды для технического персонала ж.-д. мастерских, вызвавшие чрезвычайный подъем и успехи в производительности мастерских и тотчас же выделившие целый ряд даровитых техников, мастеров и начальников мастерских,—тогда же выяснилась безусловная необходимость создать особый журнал, при посредстве которого каждый мастер и бригадир мог бы расширить свои знания в области своей специальности и ремесла.

В виду невозможности создать тогда требуемый журнал, VIII Отдел Русского Технического Общества предоставил неограниченное место в журнале «Железнодорожное Дело» для всякого рода статей, имеющих целью улучшить ж.-д. ремонтное производство. Несмотря на большие препятствия, кои встретились для достижения проникновения журнала в нижние слои технического персонала мастерских и участков, успех был все-таки большой; за два года было помещено до 200 статей. При этом выяснилось, что и помимо Америки, на которую указывает вступительная редакционная статья нового журнала, у нас дома, в различных углах отечественных ж.-д. мастерских попадаются часто здоровые технические мысли среди непосредственных работников по ремонту и технические усовершенствования, кои, не будучи еще вынесены на свет, уже быстро отцветают и гибнут вследствие отсутствия своевременной поддержки их.

Цель, преследовавшаяся тогда журналом «Железнодорожное Дело», заключалась в развитии и укреплении отечественного творчества в области ре-

месла и техники ремонтного производства. Последующие события прекратили все вышеуказанные начинания. Теперь же остается лишь порадоваться восстановлению столь необходимого дела.

Наш инженерный и высший технический, руководящий ремонтом личный состав никогда не был чужд современному развитию механического производства в Европе и Америке, но зато весь подчиненный им состав мастеров, их помощников, бригадиров и проч., кои никогда, кроме окружающего их отсталого производства, ничего не могли видеть, всегда служил препятствием для внедрения новых производственных распорядков и новых приемов работ. Поэтому цель журнала будет вполне достигнута, когда он попадет именно в руки ж.-д. мастеров, их помощников, бригадиров и мастеровых, когда они начнут читать журнал, заинтересуются им, расширят свой кругозор и начнут реагировать на вопросы своего ремесла.

Первый номер нового журнала указывает, что связь с непосредственными работниками ремонтного производства, т.-е. с мастерами, их помощниками, прочими низшими и высшими непосредственными деятелями ремонтного производства, видимо, еще не завязалась. В первом номере помещены интересные и полезные статьи, принадлежащие исключительно инженерам из высоких учреждений Н. К. П. С. с известными в тяговом мире именами, при чем, например, статья инженера Крестешникова, напечатанная уже в журнале «Железнодорожное Дело» в 1915 году, хорошо известна ж.-д. техникам. Статьи же представителей непосредственного производства совершенно отсутствуют.

Первый номер журнала поэтому пока не носит еще, к сожалению, характера производственного журнала с производственно-инструкционным оттенком, каковой, например, имеет известный немецкий журнал «Die Werkstattstechnik», а соответствует пока типу прочих технических журналов, более приспособленных для высшего технического руководительского персонала, в которых разные формулы и латинский шрифт чувствуют себя на своем месте.

Инж. П. П. Риццони.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

AUERBACH: Marx und die Gewerkschaften.

Н. АУЭРБАХ: Маркс и профессиональные союзы.

SIEGFRIED NESTRIEPKA: Geschichte der Gewerrkschaftsbewegung.

Берлин. Книгоиздательство «Kika». 1922 г.

ЗИГФРИД НЕСТЕРИПК. История профессионального движения (в трех томах). Т. II.

KARL ZWING. Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften.

КАРЛ ЦВИНГ: История немецких свободных профсоюзов. Народное книгоиздательство. 1922 г.

В современном профессиональном движении, так же, как и во всех других областях рабочего движения, существует три, вернее, два с половиной различных идеологических течения. Все они находятся в резком антагонизме между собою и каждое из них стремится доказать, что только оно одно является подлинной марксистской теорией профдвижения. Но если теоретики реформистского профессионального движения из 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов успели уже создать себе после войны богатую теоретическую литературу, то в этом отношении до самого последнего времени сильно ощущался пробел в профессиональной коммунистической литературе и чувствовалась крайняя необходимость в такой работе, в которой ясно и просто были бы изложены принципы революционного марксизма и его оценка роли и значения профессионального движения, не зату-

маненная предвзятой реформистской «социологией».

С этой точки зрения третья из вышеуказанных книжек, принадлежащая перу немецкой коммунистки т. *Н. Ауэрбах*, представляет особую ценность.

В то время как книга *Карла Цвинга*—типичный образец меньшевистского творчества—рисует перед нами «символ веры» нынешних реформистских руководителей германского профдвижения с его теорией «врастания» и «количественного накопления реформ», с его преклонением перед интересами «всей» нации в целом и проповедью» «Arbeitsgemeinschaft»—сотрудничества с капиталом (по *Цвингу* это является «творческой работой» социализма), а книга бывшего умеренного независимого *Нестрипке* излагает какую-то необычайно сложную и довольно туманную «двухсполовинную теорию», т. *Ауэрбах* не безуспешно разоблачает двуличие реформистов, спекулирующих, в роде *Германа Мюллера*, на якобы существующем в теории Маркса «противоречии» между его требованием революционного свержения капиталистического строя и признанием в то же время полезности профессионального движения, действующего в рамках существующего буржуазного государства. Книга т. *Ауэрбах* является прямым ответом—не в бровь, а в глаз, по адресу нынешним руководителей Всеобщего Германского Объединения Профсоюзов, которые превратили профсоюзы в простой придаток к аппарату отечественной промышленности и являются верными лейтенантами магнатов крупного капитала в лице *Стиннеса* и др.

Замечательно характерной и показательной в этом отношении является работа *Цвинга*, выпущенная им недавно и громко озаглавленная «Проблемы профессионального движения» (современного. *Г. С.*). «Немецкий рабочий класс,—с пафосом возвещает в этой книжке *Цвинг*,—стоит у поворотного пункта своего общественного строя. Если он действительно хочет осуществить идеалы социализма, он должен от простого отрицания капиталистического строя перейти к творческому социализму... В наше время производственная проблема стала самой важной, превалирующей над всеми другими»... Как же понимает *Цвинг* эту «самую важную, превалирующую над всем», производственную проблему? Тут, после громкого и многообещающего вступления, автор сразу спускается на грешную меньшевистскую землю и начинает говорить весьма скучной прозой. Исцеление всех зол он видит в «дружной» работе всех классов. Паритетные предпринимательско-рабочие организации («Arbeitsgemeinschaften») должны спасти немецкий пролетариат от всех его бедствий, а куцое издание русских фабрично-заводских комитетов возводится *Цвингом* в зародыш, в «ячейку» социалистического строя.

Таково то новое слово, которое являют после войны и революции германские меньшевики рабочему классу. Старая бернштейнианская погудка на новый лад! А для того, чтобы сохранить внешнее «социалистическое» приличие, *Цвинг*, *Мюллер* и К⁰ ищут «противоречий» у Маркса и подводят псевдо-марксистский базис под свое предательство классовых интересов пролетариата. Заслуга т. *Ауэрбах* заключается именно в том, что он» вытаскивает «за ушко на солнышко фарисействующих реформистов и на практике 25-летнего периода «органического» развития немецкого профдвижения (1890 — 1914 гг.) показывает, как постепенно, шаг за шагом, благодаря их деятельности, разрывались единство и целостность революционного процесса немецкого пролетариата.

Сам *Цвинг* в своей «истории германских свободных союзов» дает блестящую иллюстрацию последовательного превращения немецких профсоюзов из орудия классовой борьбы пролетариата в орудие затуманивания реформистами классового сознания рабочих масс. «Медленное, но верное завоевание» и материальное благополучие союзов превратились в самоцель. *Цвинг* рассказывает о том споре, который был поднят в с.-д. партии по вопросу о всеобщей и массовой политической забастовке в 1904 — 1905 гг. Уже тогда левая, в лице будущих вождей коммунистов—*Розы Люксембург*, *Карла Либкнехта*, *Клары Цеткин*, *Радека* и др., выступала с резкой отповедью реформистам, которые, в лице *Бемельбурга*, категорически высказыва-

лись против «установления заранее определенной тактики путем пропаганды политической массовой забастовки».

Это был первый случай, когда союзы выступили открыто против партии. Профессиональное движение в Германии, по верному замечанию т. *Ауэрбах*, начав в 90-х годах с борьбы за признание, а потом «равноправие», кончило верховенством над социал-демократической партией. Таким образом, восстановление нарушенной целостности революционного движения, которое возможно лишь «через само движение и при помощи предоставленного нам Марксом оружия», является основной задачей коммунистических элементов в германском профдвижении.

К сожалению, т. *Ауэрбах* прерывает историческую часть своей книги, можно сказать, на самом интересном месте, заканчивая изложение на объявлении войны в 1914 году и полагая совершенно неправильно, что еще не настало время для объективной и беспристрастной оценки последующего периода, а также, что война и революция по существу ничего в германском профдвижении не изменили. С другой стороны, *Карл Цвинг* свою историю доводит до гораздо более позднего периода, захватывая 1921 год. Но мы напрасно стали бы искать в ней подлинную живую историю профессионального движения за время войны и революции,—борьбу течений, кризис души рабочего движения Германии, характеристику и анализ роста профсоюзов после войны и т. д. Все щекотливые вопросы тщательно обходятся «дипломатическим» молчанием, все сводится к почти протокольному изложению «практической» работы политиканствующих вождей всеобщего Германского Объединения Профсоюзов (Цвинг, очевидно, хорошо понимает, что с реформистской «практикой» не особенно-то удобно показываться публично). Но даже при всей его «сдержанности» у *Цвинга* прорываются интересные признания. Так, он рассказывает о том, что накануне войны взаимоотношения между властью и союзами были настолько обостренные, что можно было серьезно считаться с возможностью роспуска профессиональных организаций при объявлении войны. «Однако, — самодовольно прибавляет *Цвинг*,—Генеральная Комиссия приняла нужные меры для обеспечения безопасности союзов». В чем состояли эти «меры», *Цвинг* скромно умалчивает. Но зато чрезвычайно ярко рисует политику вождей во время войны, а затем революции, третий из указанных выше авторов, *Зигфрид Нестрипке*, во втором томе своей «Истории профессионального движения».

Капитальная работа *Нестрипке* делится на 3 тома, из которых первые два специально посвящены Германии. Наиболее содержательным и живо написанным является второй том, в котором, главным образом, излагается роль немецких союзов во время войны и революции. Как всякая книга, написанная современником, она полна свежих, местами ярких, картин. В изложении чувствуется не только автор-историк, добру и злу внимающий бесстрастно, но также автор-современник и участник переживаемых событий. Одна за другой, перед глазами читателей, проходят картины начала войны,—картины измен классовому долгу и крушения рабочего движения. «Как только война стала фактом,—пишет *Нестрипке*,—вожди профессионального движения ни на минуту не поколебались провозгласить гражданский мир с буржуазией и образовать с нею единый фронт». Смысл своего существования Генеральная Комиссия видела отныне не в борьбе с предпринимателями, а «в усилении мощи и способности к сопротивлению нашего народа против попыток порабощения Германии» (стр. 193).

Трения, которые существовали между правительством и союзом еще накануне войны, были быстро ликвидированы. Когда делегация Генеральной Комиссии явилась в министерство внутренних дел на завтра после объявления войны для ведения переговоров о дальнейших судьбах профессионального движения в Германии, она получила краткий и выразительный ответ: «союзы останутся в неприкосновенности, если они не будут чинить никаких препятствий правительству.» «Альянс» вождей профбюрократии с правительством *Вильгельма II* зашел настолько далеко, что министр внутренних дел *Дельбрюк* нашел возможны

даже публично, с трибуны Рейхстага, с похвалой отозваться о поведении вождей профсоюзов: «Профсоюзы,—сказал он,—в настоящее время не являются более орудием агитации, но выполняют задачи, без которых немыслим был бы нормальный ход нашей хозяйственной жизни» (стр. 9). В общем, немецкие профессиональные союзы во время войны, как и после нее, проводили гораздо более соглашательскую и предательскую политику, чем даже шейдемановская социал-демократия.

Нестрипке рассказывает далее о том, как были разорваны интернациональные связи профессионального движения. Хотя он и старается смягчить вину *Легина* и К°, но даже в его собственном изложении это ему не удается. Замечательно интересна переписка *Легина* с *Самуэлем Гомперсом*, относящаяся к февралю 1918 года. *Гомперс* обратился с письмом к *Легину*, в котором убеждал его повлиять на германское правительство в интересах предотвращения новой войны между Америкой и Германией.

Легин, отвечая на это письмо, лицемерно заявляет, что организованный немецкий пролетариат «все время боролся и борется против военного азарта» (стр. 85). Мир, по его мнению, возможен будет лишь тогда, когда прекратится «голодная блокада защищающейся Германии».

Но если интернационалист *Нестрипке* мог открыто разоблачать деятельность социал-предателей во время войны, то в описании дальнейшей истории немецкого профессионального движения после ноябрьской революции 1918 года уже сильно чувствуется виляющий представитель «двухсполовинного» Интернационала. Эта часть книги *Нестрипке* представляет собой шаблонное соглашательское резонерство и попытку оправдать тактику Всеобщего Объединения. По мнению *Нестрипке*, «массы переоценили возможности, ибо при существующем реальном соотношении сил компромисс с буржуазией был неизбежен» (стр. 91). Далее *Нестрипке* со скорбью отмечает, что «террористический пример большевистских властителей вызвал жажду подражания в немецком пролетариате». Все это заканчивается дифирамбом в честь возрождения профессионального Интернационала—в Амстердаме, конечно.

Во II томе работы *Нестрипке* имеется еще ряд других интересных моментов: очерки христианских союзов, либеральных гирш-дункеровских, синдикалистских унионов и союзов служащих. В этих очерках *Нестрипке* дает правильную марксистскую оценку всех вышеуказанных явлений рабочего движения. В частности, очень интересна глава о синдикализме, в которой дается вполне соответствующая действительности картина бессилия синдикалистских унионов на немецкой почве. В такой стране, как Германия, с ее мощной концентрированной промышленностью, городами-гигантами и сильным своей численностью и организованностью рабочим классом, нет, конечно, места для процветания синдикалистских идей, вот почему даже революция, создавшая благоприятные условия для развития в Германии синдикализма, в виду распыления старого рабочего движения, дала все же минимальные результаты синдикалистской пропаганды.

Таковы в общих чертах все три книги, отражающие три различных идеологических течения в современном профессиональном движении Германии. Как бы то ни было, все они, особенно рассмотренные в связи друг с другом, представляют большой интерес и дают ясную и полную картину роста и развития профессионального движения в Германии. Если книга т. *Ауэрбах* страдает слишком сокращенным, почти конспективным изложением, а *Цвинг* и подчас *Нестрипке* сознательно затушевывают целый ряд фактов, то все же все три книги, написанные с глубоким знанием дела и хорошим литературным языком, несомненно, являются большим и ценным вкладом в мировую профессиональную литературу.

Г. Смолянский.

Л. КАПЛАН. «История профессионального движения рабочих печатного дела гор. Харькова». Часть I. 1882—1917 г. Издание Ред.-Изд. Отдела Южбюро ВЦСПС. Стр. 108. Харьков 1922 г.

В области исторического изучения профдвижения мы не имеем еще сводной работы, обобщающей историю на-

шего профдвижения в целом. Мы имеем покуда опыты изучения истории отдельных союзов. Литература, несомненно, обогащается теперь отдельными монографиями, трактующими историю отдельных союзов—и даже в отдельных городах. Тщательно подобранный фактический материал в таких монографиях, возрождающих прежний тип исторических исследований, представляет собою богатейший источник фактов для будущего историка.

Одну из таких монографий представляет собой рецензируемая книга; выполнена она по поручению Истпрофа Украины, проявившего в этом отношении гораздо больше инициативы и работоспособности, чем общереспубликанский Истпроф. Охватывает она только одну профессию в одном городе—печатников в Харькове. Несмотря, однако, на такую сравнительно узкую тему, данная монография представляет собою немалую ценность для историка.

Дело в том, что союз работников печатного дела—один из старейших союзов вообще. В Харькове он ведет свое начало с 1882 года и просуществовал до наступления того времени, когда, наконец, развитие движения стало свободным. Таким образом, эта профессиональная организация доставляет редкий материал *по непрерывной истории* на протяжении тех десятилетий, когда особенно менялись условия союзной работы, когда на путях исторического развития движения предстояло проделать еще ряд весьма важных этапов, покуда не выработались навыки строительства, не выковались твердые формы движения. Уже одно это делает крайне ценной попытку изучения движения печатников в Харькове.

Но это не все. Как справедливо говорит в своем предисловии Истпроф Украины, «в своем дальнейшем развитии организация печатников воспроизводит в малом масштабе и сокращенном виде историю развития рабочего движения в целом». Другими словами, этапы развития данной маленькой организации—те же, что и этапы всего движения. В харьковской организации печатников мир профессиональных союзов России отразился так же, как в капле воды отражается природа океана воды...

Как же справился с такой задачей автор? В общем и целом весьма удовлетворительно. Им обрисованы подробно, с обилием цитат и фактического материала условия труда той прослойки харьковского пролетариата, о которой писал Некрасов:

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца,
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица...

И заработная плата их, и первые попытки организации, и организационные формы в период легального существования союза,—словом, отражение нашла вся работа союза во всех отраслях союзной активности... И в каждой главе у Л. Каплана такое обилие материала, что создается полное впечатление о том, что трактует автор.

Д. Чекин.

ЛИТЕРАТУРА О ВОСТОКЕ.

Г. САФАРОВ. Проблемы Востока. П. Госуд. Изд. 1922. Стр. 184.

Послеоктябрьская политическая литература, посвященная Востоку, несмотря на кратковременность своего существования, уже успела пережить два периода... Сначала, когда чисто практически наметилась для Советской России связь между колониальным Востоком и наступающим на нее империализмом, явилась потребность уяснить, хотя бы в общих чертах, роль империализма на Востоке, их взаимную обусловленность и политико-экономическую зависимость. На это наталкивало и зачинавшееся

революционное движение в Индии, Персии и Турции, направление и перспективы которого представлялись тогда чрезвычайно неопределенными и во многом загадочными. Целый ряд статей, а также отдельные брошюры и книги в роде К. Трояновского: «Восток в свете революции», М. Павловича: «Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал», В. Кряжина: «Сумерки Востока», и др. пытались дать хотя бы предварительную суммарную разработку указанных выше проблем.

Этот первый период изучения современного Востока надо считать ныне уже законченным. Активная политика Советской России на Востоке, а также вполне оформившиеся процессы национально-освободительной борьбы, происходящей почти во всех странах Азии, ставят теперь совершенно иные задачи. Возникает необходимость в углубленном, детальном изучении экономики, социальных отношений и политической жизни отдельных стран Востока, как известно, почти необследованных с этой стороны.

Экстенсивная разработка должна смениться интенсивной исследовательской работой.

Экстенсивность разработки составляет Ахиллесову пяту и интересной книги Г. Сафарова «Проблемы Востока». Правда, чувствуя всю неопределенность самого термина «Восток», автор пытается подставить под него некий социально-экономический фундамент. Восток для него является определенным «типом хозяйства», определяемым сочетанием ряда физико-географических условий. Важнейшими из последних является «разделение всей хозяйственной территории на две полосы: полосу оседлого земледелия, ограниченного «орошенными оазисами у подошвы гор или по берегам рек», и полосу кочевого скотоводства, занимающего все необъятное некультурное пространство» (стр. 128). Основываясь на этом определении, автор и указывает в вступлении, что его работа охватывает только Средний и Ближний Восток. Однако легко увидеть, насколько недостаточным и вместе чрезмерно широким является это определение: ведь ни в Персидском Азербейджане, ни в западном Закавказье, ни в Анатолии, ни в Индии, ни в Сирии мы не находим тех физико-географических условий, на которые опирается автор. И, вместе с тем, с известными оговорками, автор включает в свое изложение и эти страны, оперируя здесь другими признаками (главным образом, культурно-историческими), которые «объединяют и роднят» эти страны (напр., Индию).

Одним из этих объединяющих признаков является Ислам, который возник, с одной стороны, из экономических потребностей поливного хозяйства, и с другой — из необходимости борьбы с кочевниками для расширения и сохранения хозяйственной земледельческой территории. Потребности поливного оазисного хозяйства, требующие производства общественных ирригационных работ, породили взгляд на землю «как на собственность общины верующих», отдаваемую лишь в пользование, но не во владение. Борьба с кочевниками, сформулированная Исламом как «борьба с неверными», ставила своей целью оборону и расширение оазисной территории.

Этими же причинами автор объясняет повсеместное распространение Ислама и его неисчерпаемую ассимилирующую силу. Однако ни в Анатолии, ни в Индии, ни, тем менее, на Балканах мы не встречаем этих физико-географических и, пожалуй, этнических предпосылок. И вместе с тем Ислам совершил по всем этим странам свое победоносное шествие. Я не берусь, конечно, исходя из какого-нибудь «общевосточного» базиса, разрешать эту необычайно сложную, культурно-историческую проблему. Укажу лишь на два главных обстоятельства. Прежде всего, принадлежность всей земли лишь общине верующих, в лице ее идеального представителя, халифа, часто в значительной степени является простой юридической фикцией. И в Турции, и в Индии, да, пожалуй, и в Персии, оно нисколько не помешало утверждению частного землевладения, формы которого переживали такие же изменения, как и на Западе. Далее, Ислам не только обладал крупной ассимилирующей силой, но одновременно, не в меньшей степени, чем христианство, сам пропитывался разнообразнейшими религиозными, юридическими и культурными

элементами, совершенно чуждыми ему на арабской почве. Ислам в Персии, воспринявший форму шиитства, пожалуй, в меньшей степени, близок к турецкому суннитству, нежели католицизм к православию или даже к лютеранству. История возникновения хадисов и сунны ярко показывает нам, как Ислам насквозь пропитывался нормами римского права, элементами сассанидской культуры и т. п., которые, несомненно, являлись лишь формулировками социально-экономических явлений и отношений, издавна существовавших и в Персии и в покоренных турко-арабами областях Византии.

Чрезвычайно спорной является также находимая у автора конструкция «Восточного феодализма». Прежде всего, она вызывает серьезные методологические возражения. Автор сначала дает краткий очерк (главным, образом по классической книге В. Бартольда «Туркестан») общественного строя Средней Азии до арабского завоевания (кстати целиком основанного на дробной земельной собственности, несмотря на поливной тип хозяйства), затем характеризует первичную мусульманскую общину, после чего описывает... административное устройство Бухарского ханства в середине прошлого века. Конечно, ни с социологической, ни с обще-исторической точки зрения подобные скачки и перелеты через 11 веков не являются допустимыми. Представьте, например, историка западного средневековья, который стал бы рисовать картину европейского феодализма, механически соединяя в одной картине: феодальные отношения, находимые в «Илиаде», политико-социальный строй эпохи Меровингов и английскую феодальную систему после Вильгельма Завоевателя.

Но, быть может, при медленном темпе социально-политического развития Средней Азии—феодализм действительно за этот период не претерпел сколько-нибудь значительных изменений? Ничуть не бывало. Развитие арабского феодализма представляет чрезвычайно сложный процесс, где в течение веков одни формы заменялись другими и образовывали совершенно новые сочетания. Если Мухамед раздавал земли почти в неограниченное владение, то впоследствии уже первые халифы предоставляли землю в денежную аренду, в награду за службу; затем выработался любопытный вид условного земельного владения—«икта», чрезвычайно похожего на западные бенефиции и т. п. и т. п. К сожалению, в книге Г. Сафарова совершенно отсутствуют указания на это развитие арабского феодализма. В Турции, как известно, мы также встречаем сложную систему феодализма. Усвоение норм сельджукского феодализма, образование тимариотской ленной системы, крушение последней, ликвидация феодализма Махмудом II, все это и составляет те этапы, изучение которых абсолютно необходимо для понимания социальных отношений и аграрного вопроса современной Турции.

Большие сомнения вызывают также и самое определение феодализма, находимое нами у автора. В самом деле, говоря о «государственном феодализме», наблюдаемом нами в Средней Азии (напр., в Бухаре), автор указывает, что от обычного западно-европейского феодализма он отличается: отсутствием раздела власти между главой государства и родовой земледельческой аристократией, совмещением в лице главы государства всей духовной и светской власти и отсутствием резкого сословного разделения: феодальную аристократию Бухарского ханства образует духовная и военная бюрократия и, наконец, что касается до крестьян, то они никогда не были превращены в крепостных.

Но если, как мы видим, здесь отсутствуют все признаки, которые для нас неотделимы от понятия феодализма, то зачем же называть этот административный строй средне-азиатских ханств «мусульманским государственным феодализмом»? Не проще ли и не вернее ли назвать его абсолютной монархией, которая пришла на смену феодализму, со своим бюрократическим аппаратом и с прочими атрибутами? По крайней мере, в Турции мы определенно видим, как аналогичный строй явился в результате ликвидации феодализма и, несомненно, сопровождается нарождением помещичьего, вообще, частного землевладения. Аналогичный процесс мы наблю-

даем и в Персии (конечно, с значительными отклонениями, непонятными с точки зрения «общевосточного» типа развития), приводящий не к возрождению феодализма, как совершенно ошибочно думает Г. Сафаров, а к замене его дворянским, вообще, помещичьим землевладением.

Как и следует ожидать, наиболее интересными и ценными главами книги являются те, что посвящены Туркестану. Характеристика районного оазисного хозяйства последнего, развитие мелкой торговли и ремесла, анализ тех. причин, которые вызывают общий застой народного хозяйства, наконец, характеристики кочевого быта и присущих ему социальных отношений,—все это представляет прекрасный материал.

Дальнейшие главы книги посвящены: «Колониальному режиму на Востоке», «Движущим силам и формам национальной революции на Востоке» и «Востоку и коммунизму».

Чрезвычайно интересный материал заключает также глава о «Движущих силах в национальной революции на Востоке». Она содержит в сущности ряд отдельных очерков по истории: национально-культурнического движения среди турок (так наз. джадидизм), национально-освободительного движения в Анатолии, культурно-политического движения в Индии и т. д. Написанные практическим работником-революционером на Востоке, в значительной степени, по неопубликованным материалам, они представляют значительный интерес.

Взгляды автора на «пролетарскую революцию и на национальный вопрос» представляют обоснование и развитие тех тезисов, которые были приняты Коминтерном и постепенно просачиваются в сознание революционных масс Востока.

Национальная революция, Советская полупролетарская-крестьянская революция, федеративный союз крестьянских советских республик Востока с пролетарскими республиками Запада—таковы те этапы, которые вполне убедительно устанавливает автор для революционного движения на Востоке.

В. Кряжин.

Х. ЭЙДУС. Очерки рабочего движения в странах Востока. М. Госиздат. 1922. Стр. 96.

Небольшая, но чрезвычайно содержательная книжка Х. Эйдуса является совершенно необходимым пособием для всех изучающих современный Восток или просто интересующихся теми революционными процессами, которые там происходят. Книга распадается на ряд очерков, посвященных рабочему и социалистическому движению в Японии, Китае, Корее, Британской и Голландской Индии, Турции, Палестине, Египте и Персии. Каждый очерк включает небольшой обзор экономической жизни той или иной страны.

Останавливаться сколько-нибудь подробно на отдельных очерках, конечно, не приходится, так как они содержат исключительно фактический материал. Однако, невольно напрашиваются некоторые общие выводы. Прежде всего, рабочее движение во всех странах Востока пока еще чрезвычайно слабо, за исключением, пожалуй, Египта и Японии, что, конечно, объясняется более высоким уровнем капиталистического развития этих двух стран. Далее, развивающемуся рабочему движению почти во всех странах Востока приходится преодолевать узко-националистические, часто шовинистические настроения, усердно выращиваемые туземной буржуазией (сионистами в Палестине, арабской буржуазией и интеллигенцией в Египте и т. д.).

Большим тормозом для растущего профессионального движения является в некоторых странах (напр., в Голландской Индии, в той же Палестине) искусственное расслоение пролетариата на белых, привилегированных рабочих и на цветную, бесправную массу. Это расслоение, всячески поддерживаемое колониальной администрацией, сильно мешает развитию рабочей солидарности и способствует образованию разного рода желтых профессиональных объединений (в роде сионистской организации Ахдут-Авола, — «Объединение Труда» и др.). Сильнейшим тормозом является также почти поголовное невежество туземного пролетариата, препятствующее выработке классового сознания.

Однако, несмотря на все эти огромные препятствия, мы видим во всех странах на Востоке стремительный рост профессиональных союзов и неуклонное развитие социалистических идей. Огромную роль в этом процессе сыграла, разумеется, мировая война, резко обострившая все классовые противоречия и вызвавшая повсюду национально-освободительное движение на почве интенсивного колониального нажима. Еще недавно восточный пролетарий смотрел на своего хозяина не как на эксплуататора, а почти как на отца и благодетеля. Теперь он видит в нем своего классового врага, с которым борется путем забастовок и профессиональной борьбы.

Благодаря специфическим условиям колониального режима чисто пролетарская профессиональная борьба неизбежно принимает характер борьбы политической, направленной против английских, японских, голландских и других колониальных властей.

Во всяком случае, развивающееся рабочее движение на Востоке, несмотря на слабость его, является уже мощным фактором в борьбе против империализма как туземного, так и европейского. Не даром и в Египте и в Палестине и в других странах логика профессиональной и политической борьбы неизбежно приводит к ориентации на *Красный Профинтерн, Третий Интернационал и Советскую Россию.* Вполне понятно, что и туземная буржуазия и колониальные власти борятся путем жесточайших репрессий, часто запрещая даже образование профсоюзов, устройство забастовок с политическими требованиями (Голландская Индия) и т. д.

Таковы общие выводы, на которые наталкивает книжка Эйдуса.

Особую свежесть придает ей то, что она написана исключительно по сырым материалам, полученным с мест и относящимся почти исключительно к последнему времени. Разумеется, как оговаривается и сам автор, книжка его не может претендовать на исчерпывающую полноту, но во всяком случае она удачно восполняет тот пробел в наших сведениях о современном Востоке, который имелся вплоть до последнего времени. Некоторым недостатком является лишь то, что автор не использовал уже существующий литературный материал, который имеется по рабочему движению некоторых стран Востока, напр., Индии и Японии. Благодаря этому, очерки рабочего движения, даваемые им, обнимают в сущности лишь пять-десять последних лет.

В. Кряжин.

ВОСТОК. Журнал литературы, науки и искуства. Книга 1. „Всемирная литература". Государственное Издательство. Петербург. 1922. Стр. 128.

Основная задача журнала *«Восток»*, как это явствует из редакционной статьи С. Ольденбурга, заключается в ознакомлении русской широкой читающей публики с литературой, искусством и вообще духовной культурой Востока. Принимая во внимание наше необычайно малое знакомство с последним, нельзя не признать издание подобного журнала полезным и своевременным. Журнал состоит из целого ряда переводов с вавилонского, китайского, арабского и др. языков и из нескольких научных статей.

Крупный интерес вызывает вавилонская поэма «Сошествие Иштар в обитель мертвых», мастерски переведенная В. Шилейко. Очень любопытны переводы китайских лириков VI—IX столетий; миниатюрные поэмки, состоящие всего из 8 строк, проникнуты ярким импрессионизмом и заставляют вспомнить, как это ни курьезно, о... Верлэне.

Вот, например, стихотворение Ли-По жившего в IV в. нашей эры:

Я стою... у яшмовых ступеней
Иней появляется осенний.
Ночь длинна, длинна... Уже росой
Мой чулок охвачен кружевной.
Я к себе вернулась и, печальна,
Опустила занавес хрустальный;
Но за ним я вижу: так ясна
Дальняя осенняя луна.

Очень примечательны также стихотворения в прозе («Революция» и «Ветка розы») современного арабского поэта Амин Рейхани, превосходно переведенные И. Крачковским. Чисто революционные настроения и порывы, при-

чудливо переплетаются в них с образами старо-арабской поэзии, благодаря чему произведения А. Рейхани получают совершенно своеобразный отпечаток.

Из статей центральное место занимает изумительный по богатству мыслей набросок Н. Марра «Яфетиды». Наш гениальный ученый дает в этой статье сводку своих работ по созданию яфетической теории,—работ, которые он непрерывно ведет в течение четверти века. Кто же такие яфетиды? По теории Н. Марра, это первоначальные насельники Средиземного моря и всего Древнего Востока. Мало того, раз яфетиды хронологически предшествуют всем другим племенам древнего мира, то с ними начинает связываться проблема происхождения человечества, поскольку последние определяются, как собрание существ, «одаренных не только разумом, но и речью». По словам самого творца яфетической теории, она успела уже пережить пять стадий: возникнув на почве изучения языков Закавказья (гл. обр., др.-грузинского), теория начинает постепенно охватывать языки Армении, Месопотамии, наконец, Средиземно-морского бассейна (баски в Пиринеях и этруски на Аппенинском полуострове).

Яфетическая теория в своей пятой стадии влечет за собой изыскания уже в области процесса созидания речи и ее типологических перерождений, в виду того, что, по взгляду Н. Марра,—яфетические языки сохранили наиболее осязаемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, и в них наглядно прослеживается процесс отложения, как элементов, так и целых слоев языка на начальный и примыкающих к ней древнейших ступенях его развития. Погружаясь в эту туманную область, Н. Марр указывает, что здесь недостаточно одних данных лингвистики; показания этнологии, истории религии—все это должно быть принято во внимание, так как, как правильно замечает Н. Марр, язык является «результатом затраты громадных естественных (неосознанно) и культурных сил на пути создания общественности».

Конечно, в теории Н. Марра много произвольного, быть-может, даже фантастического. Сам автор заявляет, что требуется громадная предварительная работа, как в области лингвистики, так и этнологии, для подкрепления того или иного положения. Во всяком случае прозрения Марра имеют колоссальное методологическое значение. Прежде всего они раздвигают рамки языкознания за пределы индо-арийской группы языков, которые в течение столетия были исключительным объектом изучения лингвистов. Далее, исследуя процессы возникновения речи, эта теория помогает разрушить и отрешиться от гипотезы пра-языка, которая до сих пор исповедуется в сравнительном языкознании. Наконец, необычайная широта размаха, свойственная яфетической теории, позволяет, как мы видели, научно-доказательно приблизиться к процессам образования речи, пусть даже первыми создателями ее были не яфетиды, а какие-либо иные этнические группы.

Чрезвычайно интересный материал сообщает статья С. Ольденбурга «Пещеры тысячи будд», представляющая результат исследования знаменитых пещерных храмов около Дун-Хуана в провинции западного Китая Ган-Си. Роспись и скульптуры пещер позволяют нам наблюдать непрерывное развитие китайского искусства с V—VI веков и до XIV столетия. Статья С. Ольденбурга, изобилующая интересным наблюдениями и историческими замечаниями, снабжена недурными воспроизведениями буддийских фресок.

Конспективная статья И. Крачковского о возникновении и развитии новоарабской литературы и недурно (хотя и слишком случайно) составленный отдел хроники востоковедения,—вот что еще можно занести в актив новому журналу.

Резкий контраст с вышеупомянутыми серьезными статьями составляет статейка В. Шилейко, носящая заглавие «Родная старина». Безвкуснейшее научное декадентство, комическим образом сочетающееся с глубокомысленной ученостью, пропитывает обе странички заметки В. Шилейко.

Автор, при помощи клинописных текстов и аппарата тяжеловесных «научных» примечаний, устанавливает, что пра-

вославный обычай выпускать птиц на Благовещение представляет не что иное, как наследие Вавилона. Далее, не совсем, правда, ясно, но указывается, что русалки гоголевской «Майской ночи» суть не что иное, как подражательницы вавилонской богини Иштар, также некогда утопившейся в Эвфрате. Если мы примем во внимание, что такие представления, как отожествление души с птицей или как существование в реках русалок, нимф, дриад и т. п., свойственны на известной ступени решительно всем народам земного шара, мы поймем, насколько искусственны и научно бесцельны хитроумные сопоставления В. Шилейко. Связывание пушкинского стихотворения «В чужбине свято соблюдая родной обычай-старины» с именем Туманского вносит лишний штрих в это картину научно-декадентского творчества. Невольно вспоминаются слова Салтыкова-Щедрина: «ни познаний, ни тем менее так наз. идей не требуется. Но ежели бы кто, видя, как извозчик истязуя лошадь, почел бы за нужное рядом фактов, взятых из древности, или из истории развития современных государств, осудить сие, то сие не только не возбраняется, но именно и составляет тот высший вид пенкоснимательства, который в современной литературе известен под именем «науки».

Такой же совершенно никчемный характер носит статейка В. Алексеева «Русские писатели в китайских переводах». На протяжении семи страницах ученый автор, что называется «под ope» разделывает некоего Гэн Хуана, неудачно переведшего рассказ Л. Толстого «Три смерти». Можно лишь подивиться терпению автора, очевидно, обладающего вдобавок огромным досугом, за ту детальную работу, которую он проделал над работой бедного китайца-переводчика. Однако, читая другие заметки «зоила» В. Алексеева в том же номере журнала «Восток», невольно вспоминаешь поговорку: «врачу, исцелися сам». Действительно, мы находим здесь такие стилистические перлы: обыватель «жадно пьет обаяние лисы», «отвечая на данное ей фатумом предопределение» (проф. В. Алексееву нелишне знать, что фатум и есть предопределение) и т. д. Еще более неприятное впечатление производят многочисленные социальные характеристики, которые были бы более к лицу какому-нибудь манерничающему снобу, а не ученому китаисту. Так, напр., по мнению В. Алексеева, жизнь китайского студента «сложнее простой жизни полуживотных масс», в Россию наезжает лишь «китайское интеллектуальное отребье или просто голодные массы варваров» и т. д.

Наконец, совершенно ненужными и идущими вразрез с основной программой журнала представляются случайные заметки вроде «Китайская республика», «Печать в Китае» и «Данные о китайской торговле». Под заметками стоит подпись В. Алексеева, между тем как они представляют почти дословный (лишь сокращенный) перевод отдельных глав известного ежегодника «China Jear Book». Заметки эти являются даже вредными, так как переводчик, очевидно, совершенно неосведомленный в вопросах политики и экономики, не отметил даже той специфической английской империалистической тенденции, которая присуща сборнику Вудгэда. Благодаря этому, читатель узнает, напр., что типичнейший авантюрист и взяточник Юан-Ши-Кай был «твердым политиком», что многострадальный первый китайский парламент был распущен Юан-Ши-Каем «за детскую болтливость, злоупотребления, продажность и прочие пороки».

Если редакция журнала «Восток» выкинет за борт статьи, проникнутые научным декадентством, снобизмом или просто политическим невежеством, хотя бы они и принадлежали перу дипломированных ученых, то несомненно, что мы будем иметь весьма полезный журнал, знакомящий русскую публику с искусством и культурой Востока, до сих пор, повторяю, весьма мало изученными.

В. Кряжин.

ИСТОРИЯ.

Л. И. АНДРЕЕВСКИЙ. Очерк крупного крепостного хозяйства на севере XIX века. По данным архива с. Никольского, Вологодской губернии. Издание Вологодского областного отделения Государствен. Издательства. Вологда. 1922 г. Тираж 2.000.

Хозяйственная жизнь России XIX столетия мало изучена. Из поколения в поколение русские ученые, за отдельными исключениями, сосредоточивали внимание на изучении внешних форм административного аппарата Российской империи, скользили по верхушкам, не отваживаясь по разным причинам заглянуть глубже, в сердцевину жизни—хозяйство страны.

Один видный русский историк так выразился об этой «внешне-формальной» истории России XIX века—«освещена крыша здания, но стены и фундамент остаются еще в глубокой тени и лишь в виде отдаленно слабого, маловнятного шороха доносятся до уха исследователя отголоски той жизни, которая таилась в этих стенах и под этой кровлей».

Тем с большим интересом раскрываешь книгу, которая как раз имеет целью проследить чисто хозяйственную деятельность, правда, одного имения, но с неизбежными обобщениями, хотя бы на всю северную область.

И книга не разочарует читателя, а заставит его самым внимательным образом прочитать страницу за страницей, откроет перед ним опущенный занавес над угаснувшей навсегда эпохой.

Любопытна история самой книги.

После отъезда из усадьбы «Никольское» в 1918 году владельцев, архивные документы имения частично перекочевали в мелочную лавку. Кому-то из покупателей, на счастье, культурному человеку, завернули в них провизию, а от него уже узнал об архиве Губисполком. Своевременно и быстро архив был вывезен в Вологду и передан на хранение в Вологодскую публичную советскую библиотеку.

Таким образом, убереглись драгоценные документы почти за столетие. Молодой ученый Л. И. Андреевский произвел разборку и рассортировку разрозненных документов в течение двух лет напряженной работы, литературно обработал их и опубликовал свой труд.

Картина крупного крепостного хозяйства получилась жутко убедительной.

Село Никольское упоминается в «дозорной книге» 1615 года. В 1622 году владельцем Никольского является Филат Межаков, атаман казацкой службы, командовавший отрядом конницы в период Смутного времени. За «воинские доблести» ему были пожалованы земли в с. Никольском.

В дальнейшем, в порядке наследования, Никольское переходит от одного Межакова к другому. Но, повидимому, помещики оседло начинают жить в Никольском только с конца XVIII столетия.

Основоположником хозяйства был Михаил Межаков, который в 1761 году, имея «застарелую цынготную болезнь, слепой почечуй и эпохондрию, великую одышку, в скорбутике весьма болен, и часто золотая жила и из ушей худая материя течет», как говорится в указе, получил отставку от военной службы. Через два десятка лет (по купчим и закладным архива) у него было уже во владении 1121 душа крепостных и недвижимое имение в количестве 41 селения в 11 волостях. Покупая и продавая недвижимости, ссужая деньгами под залог недвижимостей и крепостных, и за %% вообще ведя свои дела, Михаил Межаков входил в соприкосновение с разными крупными людьми его времени, заметными в Москве и Петербурге по их состоянию и влиянию. Среди его контрагентов по переходу недвижимостей мы находим: флиг.-адъютанта С. С. фон-Миниха, кн. И. Вадбольского, вдову ген.-аншефа Волкову, Нероновых, гр. Строганова и других—

из столичной знати, а из местных именитых людей: кн. Бобринских, Олешевых, Левашевых, Ендоуровых. Сына своего Александра от женил на дочери Михаила Борисовича Неронова, Варваре, за которой в приданое пошло разного имущества тысяч на восемь да кроме того, недвижимое имение в Спасском уезде, Рязанской губ., село Деревенское, с 464 душами и полотняной фабрикой, приносившей в год около 8 тысяч рублей дохода. Правда, отец Варвары Михайловны к 1784 году уже разорился, но все же был человек не без влияния и связей. Разорился же он оттого, что, как он сам пишет Екатерине II, имел несчастье быть отцом пяти беспутных сыновей, слух о беспутстве которых прошел во все пределы Российской империи и от которых он просил Екатерину оградить его имущество и жизнь, представляя при этом акт раздела его имущества между дочерьми.

Акт этот был Екатериной утвержден, и именно—по этому акту к Варваре Межаковой отошло указанное выше имение в Рязанской губернии.

Сын его, Александр Межаков, унаследовал «хозяйственные» наклонности отца и с 1785 года повел хозяйство на широкую ногу. Через десять лет у него утроилось количество рогатого скота и в два раза увеличился засев хлеба. Кроме сельского хозяйства, он проявил большую хозяйственную деятельность в различных областях. Соляной и винный откупа, полотняная фабрика, конный завод, откуп на содержание лошадей по почтовым станциям Вологодской губернии, черепичный завод и др. предприятия развертывались одно за другим. Александр Межаков имел для того времени значительные денежные обороты. К началу XIX века он владел $1^1/_2$ тысячами душ, высевал до 800 четвертей ржи, овса, ячменя, имел два собственных винокуренных завода, кроме того заводы конский и черепичный, являлся откупщиком в винном, соляном и ямском деле Волог. губ., его следует признать крупнейшим помещиком губернии в то время. Он и сам сознавал свою хозяйственную силу, дал новое, громкое название селу, сделал его из Никольского Александрополем, не боялся вступать в борьбу со всемогущими тогда губернаторами и вел жизнь магната.

Сильное имущественное положение определило размах его строительной деятельности по усадьбе. Строится громадный дом в 41 комнату, церковь, везут из Москвы «Венеру Медицею», мебель от знаменитого Гамбса в Петербурге, «фортупияны», появляются оранжерея и ананасная теплица с садовником Иоганном Ренненсбергом, дворовые люди едут за деревьями, семенами и цветами в Ярославль, Москву, Астрахань, мамзель «Лисавета Карловна» и гувернер Штурм обучают детей, свой оркестр, театр, картины...

Обширное поместное хозяйство требовало правильного ведения дел: учреждена была особая домовая контора с правителем и тремя писцами.

В конторе имелись три отделения: коронных дел, тяжебных дел и, наконец, домовых дел. Первое ведало рекрутские отдачи, платежи подушных, поставки вина, уплату % % или капитала по займам в казне и проч., второе—вело судебные дела, а третье—всю переписку по хозяйству именья.

«Помещик зорко следил за работой конторы и ничто не ускользало от его внимания.

«О делах контора обязана была делать словесные или письменные доклады, подавать «мемории», вести окладную книгу всем сборам, приходную и расходную, шнуровые книги денежных оборотов. «Доходы» же контора не должна была ни часа не держать у себя, «а тотчас что откудова привезутся, то докладывать и вносить мне, а я, принимая в книгах, сам отмечать буду», устанавливал помещик. И верно, будучи хлопотливым хозяином, он всюду делал свои пометки в записях; пометки его есть и в приходно-расходных книгах хлеба, в ежедневных «журналах», в книгах полевых работ».

Сообразно с духом времени обычно книги и журналы сопровождались вступительными и заключительными записями хозяина в роде: «Господи, благослови начало лета». «Конец лета и благодарение Создателю». «С Божьей

помощью начали жать рожь». Регулятор помещичьей казны — контора содержалась на счет специальных добавочных «конторских» сборов со всех его оброчных вотчин, в размере 1% с общей суммы оброка и по рублю с каждого отпускаемого конторой паспорта.

Громадное хозяйство, вследствие раздора с женой, обнаружившей «легкомысленную распущенность», женщиной развратной и сластолюбивой, видимо, по роду Нероновых, пережило большое потрясение. Тяжба между супругами из-за имений (приданого Варвары Нероновой) доходила неоднократно до императора Павла I. Смерть Варвары Михайловны прекратила сутяжничество.

Тяжелый беспросветный гнет царил в усадьбе Александра Межакова. Побои, издевательства, кандалы, цепи на ногах провинившихся крестьян. Была выработана специальная «побойная» инструкция с такими красноречивыми пунктами, «когда усмотрит (приказчик) на работе огуряющегося, имеет позволение и должен ударить тонкою палкою по плечам или по спине раз до десяти, смотря по вине, только чтоб не изувечить и не изуродовать». (Хозяйственные соображения! *И. Е.*) «Бить» должны были все—приказчик, староста, выборный, десятник и т. д.

Л. И. Андреевский приводит по документам архива грустнейшие повести о побегах крестьян, об их бесконечных страданиях, о том заколдованном круге крепостного порядка, в котором метался беглец, как затравленный зверь в облаве. Все бежавшие крестьяне через месяцы, часто годы, возвращались обратно с повинной головой к помещику.

Не мудрено, что против помещика, наконец, образовался заговор всей вотчины. Решено было убить его. По судебному делу, хранящемуся в архиве, совершенно ясно выступает это дело, как коллективное. 24 мая 1809 года Александр Межаков рано утром выехал осматривать работы по очистке близлежащей рощи. Едва он вошел в лес, как двумя выстрелами из ружья его убили наповал поджидавшие крестьяне Денис Яковлев и Данил Ефимов.

В результате суда три человека были приговорены к 200 ударам кнутом, с вырезанием ноздрей, со штемпельными знаками, к вечной каторжной работе; пять человек—к 150 ударам плетью, без вырывания ноздрей и без знаков и к ссылке в Нерчинск; шесть человек получили по 40 ударов батогом и отпущены из тюрьмы, а пять человек должны были пойти в Сибирь, так как наследник, сын убитого, отказался взять их обратно в поместье, подозревая их участие в убийстве, судом был недоволен и боялся за свою жизнь. Конечно, экзекуция «для устрашения» была проведена на площади перед дворцом помещика.

Новый владелец—Павел Межаков продолжал хозяйственное дело отца до 1865 года, был, видимо, первое время в отца—крут настолько, что среди населения имела даже распространение крылатая фраза: «что было отцу, то будет и Павлу молодцу». Павел Межаков обратил главное внимание на развитие сельского хозяйства, неуклонно округляя земельные владения. В 1812 году за ним числится 1.230 душ мужского пола с дворовых людей, а в 1860 году—1939 душ мужск. пола или 188 наделов при 21.262 дес. 16.72½ кв. саж. земли и лесные дачи в 1736 дес. Кроме сельского хозяйства, П. Межаков обратил внимание на развитие животноводства—коневодства и скотоводства.

Из всего вышесказанного мы видим, что к концу XVIII века проявился даже в глухом углу севера тот хозяйственный подъем, который одновременно переживало все русское дворянство. Помещик закубенского края, удаленный на десятки верст от ближайших административных пунктов и на сотни верст от крупных центров общей культурной жизни страны, в лесистой, малоплодородной и малолюдной губернии, перестал быть просто служилым человеком и обратился к широкому предпринимательству. К этому его побуждал переживаемый расцвет социальной силы русского дворянства, хозяйственные привилегии, присвоенные этому классу государственной властью, и общее направление крепостнической политики Екатерины II. И вот, к началу XIX века с. Никольское из прежней служилой вотчины превращает-

ся в дворянскую усадьбу, с комфортабельным домом и парком, со статуями и аттическими вазами, с изящными беседками на уединенных островках среди прудов, с павлинами и лебедями. Редкие для севера растения и деревья выращиваются в садах, ананасы и виноград культивируются в теплицах привозным садоводом, а кабинет хозяина украшали уже не духовно-церковные книги, а сочинения Гельвеция, Мабли, Кондильяка, Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя. Чтобы создалась такая усадьба, необходимо было помещику прикрепиться к провинции, жить в ней, заняться хозяйством. А это последнее, в свою очередь, определяло перелом внимания в сторону именно сельскохозяйственного производства, которое постепенно стало делаться главным предметом. Эпоха барского предпринимательства в широких размерах, как известно, не была слишком продолжительной. Еще в конце XVIII века явственно обрисовалась перед помещиком, даже на севере, необходимость заняться землей и хозяйством на ней. Наступала и для с. Никольского пора крупной барской запашки, крепостной агрономии и разных с.-х. опытов. Между 20 и 30 годами XIX века—кульминационный пункт барской запашки, распахивается каждый кусок, клин земли, сеется хлеб «на подсеках», на новоделыи, арендуется земля даже у церковного причта. Высевались преимущественно рожь, овес, ячмень, пшеница, лен, конопля, с 1836 года появляется картофель, горох и бобы конские, чечевица, морковь. Пробуются при посевах разные сорта хлеба, и, наконец, с 50 годов окончательно устанавливаются рожь кустовая, ячмень английский и виктория, пшеница обыкновенная. Средние урожаи за 60 лет должны быть признаны крайне низкими. Малоплодородная местность, истощение земли даже при введении в них удобрений не давали урожайности выше «сам-шест». Отсюда ясно, что зерновое хозяйство было малодоходным.

Только даровой крепостной труд позволял помещику вести большое зерновое хозяйство, но как только появился вольнонаемный труд, так хозяйство должно было падать, сокращать свои размеры наполовину, едва окупая затраты на заработную плату и расплачиваясь за дилетантское ведение хозяйства. При даровом труде крепостного, усиливал его эксплуатацию, можно было быть и диллетантом в сельском хозяйстве.

Обработка земли и вся техника сельского хозяйства в с. Никольском была примитивной: вспашка сохой, только в 1859 году появляется молотилка.

Суровый климат, нередко с неожиданными морозами в июне месяце, долгое созревание хлебов от 147 до 92 дней, тесная зависимость урожая от скорейшего (в днях) созревания хлебов—урожайность делали неустойчивой и низкой.

Для поднятия производительности земли, удобряя ее, помещик начал разводить скот, но, рассматривая скот только как «навозный», он не дошел до понимания выгодности завести чисто молочное хозяйство. В 20 годах XIX века в имении было 140 лошадей и 449 коров. Недоставало сена на корм скоту, и оно смешивалось с рубленой овсяной, ячной и ржаной соломой. По книге нарядов можно видеть ежедневное назначение «корм трести». Мелкое животноводство выражалось в разведении небольшого количества свиней, овец и нескольких коз.

Характерно для крепостного труда требование-предписание — коровницам «давать в год с каждой коровы по пуду масла и от двух коров по теленку». Несчастные коровницы-крепостные не могли поставлять заказанного количества масла и принуждались недостачу оплачивать деньгами.

Расход рабочей силы для всего имения определялся, приблизительно, в 22 — 29 тысяч рабочих дней. В летние месяцы напряженность труда, конечно, возрастала. Тоже было в ноябре, когда крепостные обязаны были перевозить по санному пути сено, хлеб, дрова и лесные материалы.

И на какую только работу не назначались крепостные, кроме сельского хозяйства — перевозку бревен, кирпичей с завода, распилку теса, расчистку и починку скотных дворов и разных служб, на плотничьи, на штукатурные работы, заготовку льда, набивку погребов, «гору делать» для господ, лес

охранять, кусты чистить, жерди заготовлять, огороды городить, горшки, кадушки и разную утварь делать и т. д.

Ремесло поощрялось помещиком, даже вводилось в крестьянский зимний обиход, как обязательное. Ремесленники-крестьяне не только обслуживали барина, но барин сбывал еще продукты ремесла на рынок. Ремесло при натуральном крепостном хозяйстве, еще в XVIII веке, начало терять свой первоначальный характер и обращаться в источник денежного дохода для помещика.

Интенсивность крепостного труда была небольшой (например, жнея нажинала 6—7 суслонов), между тем как при свободном крестьянском труде нажинают 10 суслонов совершенно нормально. Для поднятия интенсивности считался самым главным средством усиленный надзор при работах и палка надзирателя, денежный штраф «за нерадение», отработка в свободные дни от барщины и назначение работы «на урок».

Конечно, в Никольском для поднятия интенсивности не употреблялись способы перевода крестьян на аренду, обработку «исполу», устройство артелей и проч.

Заботы помещиков о правильности выполнения крестьянами государственных повинностей, стремление исчерпывающе использовать их труд для себя вызвал появление крепостной статистики. Разными способами проводился учет рабочей силы и велся даже реестр невестам и женихам с отметкой об уплате «окупных» за девок, с разъяснением, по какой причине не вышла замуж.

При всех этих условиях, однако, на рынок поступало очень незначительное количество продуктов крепостного хозяйства с. Никольского. Но увеличение потребностей помещика, уже не удовлетворявшегося овсяной крупой, хлебом и яйцами, заставляли его сбывать на рынок все больше и больше продуктов. Крепостное натуральное хозяйство тем самым переходило к денежному.

Помещик стремился развить ремесла, строил заводы, придумывал «всяческое» обложение и натурой, и деньгами, и рабочей силой, чтобы купить на рынке нужные ему предметы.

Каковы же были результаты этого хозяйства, и что оно, собственно, давало помещику?

Цифры прихода и расхода по имению рисуют неблагоприятную картину помещичьего хозяйства. Была в распоряжении огромная земельная площадь с разными угодьями и естественными богатствами, с хорошими водными путями сообщения, давалась даровая рабочая сила, взимались повинности с крестьян, создавались заводы и разные предприятия, сами владельцы были людьми весьма образованными и—все же с. Никольское все время оказывалось в залоге и не раз находилось под угрозой продажи с аукциона. Внутренняя неизбежность разложения крепостного хозяйства, фатальность дворянского разорения не миновали и этого «дворянского гнезда». Крепостное хозяйство, вся его система не оправдывали сами себя. Это ясно обнаруживается, если проследить рост задолженности по усадьбе: в 1798 году имение заложено банку за 28 тысяч рублей, в 1807 году долг на нем 83.650 руб., в 1837 году—98.970 руб., в 1866 году—128.940 руб., да частным лицам долгу 28.500 руб., а всего долга на имении—157.500 рублей. По тогдашним временам это огромная сумма.

Из года в год вносились проценты, но фактически основной долг не погашался. Несколько раз банк и Петербургский опекунский совет предлагали незамедлительно продать с торгов имение, Межаковы хлопотали, выворачивались, оттягивали крах...

Весь блеск, все богатство имения было внешним, непрочным; изнутри оно из года в год подрывалось и, не имея в себе задатков к органическому развитию, огромное хозяйство обречено было на разложение. Уродливая система хозяйства, основанная на праве пользования «крещеной собственностью», должна была пасть, уступая место новым формам жизни».

Положение крестьян было отчаянное: земли недоставало, кое-как они прокармливали себя при невыносимом и нестерпимом крепостном труде, постоянно должны помещику семена на посев, да еще должны были платить подушные,

конторские, ямские, станционные, мостовые, рекрутские, случайные «подборы» (взятки) и проч. Не было впереди никакого просвета: голод, вымирание,— хозяйственные возможности крестьянской семьи были использованы до предела.

В заключение, крепостной человек в с. Никольском не мог вступить без разрешения помещика в брак, не уплатив ему пяти рублей брачных. Брачные записи Л. И. Андреевский проследил за 50 лет.

«При выдаче девушки замуж в чужую вотчину или за государственного крестьянина обычно требовалась уплата выводных денег. Размер этой платы колебался от 100 до 300 рублей. Ежегодно составлялся старостами, или бурмистрами при мирских сходах список невест и женихов по вотчине. Девушки 16 лет и мужчины с 17 должны были составлять новое тягло; если девицы по тем или другим причинам с наступлением брачного возраста замуж не выходили, то должны были «окупаться», т.-е. за них должна была вноситься барину известная сумма денег, пока они не были замужем. Конечно, эти «регистры девкам» не были поголовной переписью всех девиц, так как некоторые из девушек должны были по разным причинам жить дома. О таких причинах имел суждение мир, который и решал, кто из девиц должен был пойти замуж. Можно себе представить, сколько горьких слез пролито при результатах барского «рассмотрения регистра девкам».

Нами далеко не исчерпана эта замечательная книга Л. И. Андреевского, насыщенная и перенасыщенная материалом. Мы глубоко уверены, что не один раз она будет цитироваться нашими последующими историками, как перворазрядный, вполне научно проработанный материал.

Но как в каждой человеческой работе неизбежны недостатки, есть недостатки и в этой книге.

Автор напрасно ограничил пределы своей темы только усадебным архивом с. Никольского, находившимся у него под руками, под гостеприимным кровом Вологодской публичной советской библиотеки. Да, пожалуй, и не ограничил, а не выдержал в некоторых главах, цитируя документы из других источников, в других же оговариваясь, что не хочет расширять свои задачи привлечением материала помимо находящегося в архиве. Получилась как бы композиционная невязка. Автор, должно-быть, лично не посетил имения Никольского. И это жаль.

В помещичьей церкви с. Никольского находятся «исповедные книги» с 1780 года, существует клировая запись, летопись. Использовав их, он мог бы найти для себя богатый статистический материал о количестве дворовых, нашел бы там наименования многих деревень, ныне несуществующих, отыскал бы факты взимоотношений крепостных и господ, установил бы некоторые даты Межаковых по кладбищенским плитам точно. Например, Михаил Межаков умер в 1782 году (у автора сказано: сведений не имеется), Александр Межаков вступил во владение имением в 1783 году, но до 1795 года не жил в Никольском, в этом году был наездом, окончательно поселился на житье в 1799 году. Этот год надо считать годом окончательной отстройки дома, а не датировать 80 годами XVIII столетия, как у автора, взявшего дату из книги Г. К. Лукомского «Вологда в ее старине». Названная книжка полна не́точностей, ссылки на нее опасны. Эта книжка еще раз дальше ввела автора в заблуждение, когда он сообщил по ней, что к дому была пристроена «картинная галлерея». Никакой пристройки — для несуществовавшей никогда картинной галлереи—не было.

Дальше—Павел Межаков родился 11 августа 1788 г., умер 18 апреля 1865 года (у автора гадательно в 1865 или в 1866 году?). Умер он не в Никольском (как у автора), а в городском своем доме на бывшей Дворянской улице (дом купца Колесникова позднее), откуда привезен в Никольское и похоронен на родовом кладбище. Кстати, его портрет кисти не Доу (как у автора), а Дау,—это правильнее. Не оговорилавтор—кому же принадлежит «наставление управляющему в местечке Александрополе», Александру или Павлу Межаковым, между тем он его цитирует, рассказывая о хозяйственной деятельности того и другого. Читатель,

конечно, может догадаться, но в книгах не принято заставлять читателя отгадывать ребусы.

Обратили мы внимание на следующую фразу автора: «До последнего времени имение находилось во владении Межаковых и лишь, кажется, в 1917 году было продано какому-то частному лицу» (стр. 18). И ничего «не кажется»—было продано В. А. Рудницкому, но не Межаковым, а Каютовым. Имение с 1897 года перешло в род Каютовых. Но почему Межакова автор не считает частным лицом? За всеми этими все же, по существу, мало важными недочетами, приводимыми нами только для точности, книга Л. Н. Андреевского является прекрасным научным трудом.

Не можем пройти равнодушно, чтобы не отметить некоторую неряшливость издания книги. Это вина уже Вологодского областного отделения Государственного издательства. При том требовании к современной книге, когда все уже согласны, что существует «искусство книги», нельзя же давать в приложении куцую по формату «диаграмму жатвы ржи», нельзя на обложке книги ставить «отделения госиздательства», а на следующей странице «отдела Государственного издательства.» То или другое. Противно безвкусное чередование разных шрифтов на титуле. Совсем конфузно, хотя бы и провинциальному отделению Государственного издательства, не знать правописания по новой орфографии.

Иван Евдокимов.

АННАЛЫ. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией Наук, под редакцией академика Ф. И. Успенского и члена-корреспондента Академии Наук Е. В. Тарле (Петербург. 1922 г. 255 стр.).

В редакционной статье необходимость настоящего журнала мотивируется «полным отсутствием в России в настоящее время изданий, посвященных всеобщей истории». В программу «Аннал» входит разработка ряда технических и методологических проблем, назревших в исторической науке, «статьи историографического характера, критические обзоры, систематические анализы литературы», которые должны дать читателям ориентировку в современной постановке «кардинальных вопросов древней, средней, новой и новейшей истории».

Предполагается, между прочим, ввести «возможно более полную регистрацию появляющейся на Западе научной исторической литературы». Наконец, за отсутствием специального журнала по экономической истории, особое место проектируется уделить «этой важной отрасли исторического знания».

В заключение редакция спешит заявить, что «широкая терпимость по всем взглядам и точкам зрения, представленным в науке, обязательны».

Посмотрим, в какой мере обещанная программа осуществлена в первой книжке журнала. Начнем с подбора сотрудников. Благодаря «широкой терпимости» редакции, в числе авторов статей и обзоров, действительно, видим представителей самых различных направлений в исторической науке за исключением... марксистского. Случайно, или не случайно, но остается фактом, что петербургские молодые ученые-марксисты (Тюменев, Захер и др.), повидимому, не имеют к «Анналам» никакого отношения.

Книжка распадается на две части. В первой, открывающейся интересной статьей Е. В. Тарле об очередных задачах исторической науки, помещен ряд обзоров и историографических очерков, а также некрологи (Тураев—В. В. Струве, Герье и Лучицкий—Н. И. Кареев, Дж. Брайс—Е. В. Тарле).

Вторая—посвящена «критике и библиографии». В своей статье «Очередная задача» Е. В. Тарле констатирует, что за последние годы перед войной историческая наука развивалась преимущественно по линии «накопления огромного фактического материала, с одной стороны, и критики и разрушения уже существовавших старых схем и теорий, в рамки которых не укладывалась масса новых фактов,—с другой. Но так как взамен разрушенных схем и теорий новые не конструировались, то создавалась «опасность превращения исторической дисциплины в громадный хаотический склад

разнообразнейших ценностей, без отчетливой цели сносимых в одно место и не имеющих между собою ничего общего. Очередная задача исторической науки — создание новых схем и теорий, что, конечно, не исключает необходимости кропотливого собирания и систематизации фактов. Не только критиковать и «разрушать чужие чертежи и планы, но не бояться строить свои собственные!»

Однако, на пути к созданию синтезирующих построений лежит серьезная опасность, созданная «колоссальными, катастрофическими по своему характеру и еще совершенно неуследимыми по своим результатам переворотами, постигшими человечество в последние восемь лет». Возможно, что эти перевороты «ослабят анализирующую силу интеллекта у многих» и породят диллетантские, псевдоисторические произведения, каких не мало вышло за время войны из-под пера даже крупных европейских ученых. Но есть и положительная сторона нашей бурной эпохи: она «обостряет способность к пониманию многого, что в другое время осталось бы не совсем ясным». Революционный опыт позволяет «самому маленькому историческому писателю» уразуметь то, что ускользало от внимания крупных историков «мирной» эпохи, не умевших за пестрой шумихой современной политической жизни подметить истинные движущие силы исторического процесса».

Видное место отведено в журнале историографическим обзорам: статья П. Цемша («Аграрная проблема средневековья») посвящена новой работе А. «Dopsch'a Wirtschaftsgeschichte der Karolingerzeit», намечающей целую революцию в наших представлениях о хозяйственном и социальном строе раннего средневековья. В статье («Лик и душа средневековья») П. М. Гревс знакомит читателей с новыми попытками отстоять в науке термин «средние века», как самостоятельную, цельную и неповторяемую историческую эпоху,—попытками, недавно сделанными русскими медиевистами — Добиаш-Рождественской [1]), Карсавиным [2]) и Бицилли [1]). Несмотря на свое, в общем весьма благожелательное, отношение к названным историкам, автор статьи вынужден признать, что ни один из признаков, которые должны, по их мнению, составлять отличительные черты средневековья, не является чем-то специфическим и неповторяемым, резко отделяющим «средние века» от древнего мира, с одной стороны, и нового времени—с другой. Исключение делается П. М. Гревсом, как будто лишь для «феодализирующих процессов», т.-е. признаки специально-экономического характера. Но в таком случае, скажем уже от себя, менее всего можно говорить о «средневековье» как определенном хронологическом периоде: «средневековье» греческое, японское или феодальные общества некоторых современных африканских племен никогда не уложатся в схему Добиаш и К°.

Статья С. М. Глаголевой-Даниил знакомит нас с современной постановкой вопроса о крестьянстве и аграрном строе Франции в эпоху Великой революции, при чем автор примыкает к взглядам Лучицкого. Отметим еще статьи Ф. И. Успенского («Из истории византиноведения в России») и Петрова («Общественные идеи Руссо в новейшем научном освещении»).

Две статьи М. А. Лихарева и О. А. Добиаш-Рождественской навеяны современностью. Первая [2]) посвящена роли Вильгельма в подготовке мировой войны и написана на основании сборника документов, изданных еще в 1919 году К. Каутским [3]).

По мнению автора, вся политика Австрии после сараевского убийства диктовалась из Берлина. Вильгельм II «хотел войны» и сознательно провоцировал ее, дав, после сербского ответа на австро-венгерский ультиматум, новую директиву Вене: настаивать на военной оккупации Белграда, как гарантии выполнения Сербией принятых на себя ею обязательств. Такой вывод облегчается автору тем, что он игнорирует телеграфную переписку Вильгельма II с Нико-

[1]) «Западная Европа в средние века» (1920).
[2]) «Культура средних веков» (1918).

[1]) «Элементы средневековой культуры» (1919).
[2]) «Вильгельм II, начало мировой войны».
[3]) Deutsche documente zum Krigsausbruch. Berlin. B. I—IV.

шем II, вплоть до знаменитой телеграммы с просьбой приостановить мобилизацию, полученной в Петербурге уже после объявления войны. Между тем эта переписка, как и ремарки Вильгельма по поводу позиции, занятой Англией, заставляют сомневаться, хотел ли Вильгельм в июле 1914 г. войны в мировом масштабе. Известно, что сам Каутский, считавший Вильгельма главным ее виновником, вынужден был, после опубликования им же изданных документов, несколько изменить свою точку зрения, о чем свидетельствует полемика, происходившая по этому вопросу между ним и Дельбрюком. Вообще всестороннее освещение периода, непосредственно предшествовавшего началу войны, будет возможно лишь после того, как пролетарская революция откроет доступ к тайникам французской и английской дипломатии.

«Впечатления академического Парижа Лобиан-Рождественской, побывавшей в прекрасной Франции в самое последнее, время интересны с двух точек зрения. Во-первых, автор отмечает ряд любопытных явлений, характерных для быта и настроений французских ученых в послевоенный период: ухудшение материального положения ученых в стране-победительнице, обусловленное несоответствием профессорских окладов с все возрастающей дороговизной жизни, переполнение университетов «ускорениками», стремящимися осилить академическую премудрость с наименьшей затратой времени и сил, усердное посещение аудиторий «молодыми людьми в сутанах», стоящее в связи с тягой материально необеспеченной академической молодежи в духовные конгрегации, гарантирующие своим членам «приличный» уровень существования; парижский «международный» исторический конгресс (без участия России, Австрии и Германии), на котором читались, между прочим, доклады, доказывавшие «влияние самых различных французских церквей на зодчество Палестины» (?), или «влияние *христианского*, *каменного* каролингского ваяния на *языческую деревянную* (курсив автора. *И. Л.*) скульптуру Норвегии в IX веке...» (!) и т. д.

Во-вторых, говоря о Франции и французских ученых, автор, незаметно для самого себя, знакомит читателя с настроениями, характерными уже для *русской* академической среды, правда, в известной ее части. Несмотря на все оговорки Д.-Р-ой на счет своей «некомпетентности» в современных социально-политических проблемах, в статье определенно чувствуется «французская» ориентация. Оказывается, что все свои представления о современной Франции мы, русские, получаем «через германскую призму»! Если научные работники Франции настроены резко шовинистически, если вся атмосфера французской жизни пропитана ненавистью к Германии и недовольством слишком «мягкими» для побежденных условиями мира, то на это есть весьма серьезные основания: северные департаменты и поныне лежат в развалинах, многие памятники старины безнадежно погибли, громадные жертвы, принесенные страной, не соответствуют «реальным результатам» победы, «германская опасность не устранена». Поэтому говорить о «драконовских» условиях мира, об «удушении» Францией своей несчастливой соперницы, о «самодовольстве» торжествующей насильницы можно лишь в кавычках. «Союзнические симпатии, специалисты по средневековью и латинской палеографии, как рекомендует себя автор, сквозят и в умилительном описании торжественного открытия исторического конгресса, на котором были произнесены благодарственные речи от имени «освобожденных» Антантой малых народностей: бельгийцев, чехов, поляков и сербов.

Характерна и еще одна черта: это чувство удовлетворения, испытанное автором при наблюдении над послевоенным бытом *средних* слоев французского общества. Оказывается, несмотря на все пережитые потрясения (впрочем, ни революции, ни военных бунтов во Франции, к счастью, не было), этот быт сохранился во всей своей неприкосновенности: все также лавки открываются с 5½ часов утра, портные, верят в долг своим заказчикам, «молодые люди не завладевают словом в присутствии старших», и «молодые девушки в положенные дни неукоснительно навещают своих tantes и grand'mères» и попрежнему давление семьи властно чувствуется во всех мне-

ниях, решениях и действиях ее членов» и т. д. Остается лишь «преклониться» перед этим цельным бытом и отдохнуть на нем душой «от того чувства» качки, которая ныне владеет миром. Из обзора материала, помещенного в первой части журнала, видим, что оригинальных работ научно-исследовательского типа, если не считать статьи Е. Тарле, в нем нет. Что касается отдела «критики и библиографии», то здесь имеется ряд пробелов. Систематический обзор новой иностранной литературы дан только по древней истории. Совершенно отсутствует, как это ни странно, русская библиография, по всеобщей истории. Отдел «хроники» содержит ряд случайных указаний на новые книги, преимущественно мемуарного характера, имеющие злободневный характер.

Вообще рецензии на работы по истории войны и германской революции занимают в журнале весьма значительное место. (См. рецензии на «Воспоминания фон-дер-Гольца», «Мемуары» Гельфериха, «Германскую революцию» Бернштейна, «Воспоминания русского посла в Лондоне Набокова, относящиеся к периоду с 1912 по 1919 год», «Воспоминания английского капитана Патера Райта». Это, конечно, нельзя не поставить в большой плюс редакции.

Подводя итоги содержанию первой книжки «Аннал», приходится констатировать, что настоящего исторического журнала, стоящего на высоте современных научных требований, у нас все еще нет.

Н. Лукин.

Е. А. МИРОЖИНА. «Хождение за три моря тверитина Афанасия Никитина (1466—1472 гг.)». Библиотека Общества изучения Тверского края, вып. I., Тверь, 1922 г., 20 страниц, с картой пути следования Афанасия Никитина. Тираж 1000 экз.

О том, что Васко-де-Гама, Бартема и Ди-Конти были славными путешественниками и побывали в Индии еще во второй половине XV в., знает любой русский человек, учившийся хотя бы в начальной школе. На русском языке имеется большое количество книг, в которых описываются эти путешествия; в учебниках географии и в справочных изданиях мы буквально читаем: «Васко-де-Гама—знаменитый португальский путешественник, живший от 1469 до 1524 г., первый из европейцев открыл путь в Индию, обогнув мыс Доброй Надежды».

К сожалению, о нашем соотечественнике—тверском купце Афанасии Никитине, который раньше всех из европейцев пробрался в Индию, прошел большую часть ее и составил интересное описание своего путешествия,—у нас, в России, знают только специалисты-исследователи. Самые записки Афанасия Никитина помещены в VI томе Софийской второй летописи; Срезневским помещена посвященная путешествию Никитина работа в Ученых Записках Академии Наук в 1856 г. (книга 2-ая); упоминают о том же путешествии—географ Минаев в «Журнале министерства народного просвещения» за июнь и июль 1886 г., Петухов в «Истории русской литературы Петроград, 1916 г., и Келтуяла в «Курс русской литературы», часть II, Петроград, 1911 г.

Пробел в отмеченном отношении заполняет Общество изучения Тверского края, издавшее небольшую брошюру члена своего—Е. А. Мирожиной, излагающую историю путешествия Афанасия Никитина.

Обращаясь к содержанию брошюры, необходимо отметить живость изложения истории и строгость соответствия ее как с самыми записками Афанасия, так и с работами ученых географов, анализировавших записки. Подлинные тексты из записок Никитина в брошюре приводятся довольно часто, но они не портят работу, а, наоборот, придают ей большую яркость и позволяют читателю знакомиться с наиболее интересными моментами путешествия по описаниям самого Афанасия.

Поражает смелость и предприимчивость тверского купца, который на собственные средства, один, без знания иноземных языков, совершил путешествие по Волге и по Каспийскому морю, через Персию и Аравийское море в глубину Индии и обратно через Кавказ и Черное море в Россию. Как купец, Афанасий Никитин записывал все, что видел на своем труд-

ном, но заманчиво-интересном пути, и в особенности имеющее торговое значение. Так, о побережьи Камбаята он говорит: «Да родится в нем лек, да ахык, да лон»... т.-е. кокс, сердолик, соль. Описывал Афанасий быт и нравы туземцев: «А люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы... Хан ездит на людех, а слонов у него много и коней добрых много»...

Природа исхоженного края, занятия жителей и их хозяйственное положение также нашли живое отображение в записках Никитина. К сожалению, результатами путешествия соотечественника, заключающимися в записках, мы своевременно воспользоваться не сумели, незаслуженно предав забвению и имя их автора.

Н. Рогожин.

АВТОБИОГРАФИЯ Н. И. КОСТОМАРОВА. Под ред. В. Котельникова. Изд. „Задруга". М. 1922 г., стр. VIII×441, тираж 300 экз., цена 2.000 руб.

Свою автобиографию Н. И. Костомаров составлял урывками, между делом, в свободные от научных занятий часы, в дни бездействия, обусловленного перенесенной им тяжелой болезнью. В основной части она была продиктована им своей жене, А. Л. Костомаровой, в 1875 г. Позднее, Костомаров неоднократно возвращался к автобиографии, дополняя и продолжая ее. Так составился текст автобиографии, воспроизведенный впервые в печати после смерти Костомарова в изданном вдовою его «Литературном наследии». Но в этом издании рукопись автобиографии была воспроизведена не полностью. По цензурным и иным условиям вдова сочла нужным выпустить целиком три главы (одну, посвященную аресту Костомарова в 1847 г. и последовавшим за ним заточению и ссылке, и две—событиям в петербургском университете в начале 60-х годов) и ряд мест из других глав. Позднее три пропущенные главы были напечатаны в журналах. Таким образом, новое издание автобиографии Костомарова не содержит в себе ничего нового, кроме тех мест, которые были выпущены из напечатанных в «Литературном наследии» глав и которые впервые воспроизводятся в рецензируемом издании. Надо, однако, сказать, что в числе таких мест есть весьма интересные. Таково, напр., описание казни Каракозова, очевидцем которой был Костомаров, решившийся «пойти на это потрясающее зрелище для того, чтобы быть однажды в жизни очевидным свидетелем события, подобные которому мне беспрестанно встречались в описаниях при занятии историей». Очевидно, для того, чтобы лучше познакомиться с таким «событием», историк по часам следил за тем, сколько минут будет извиваться в воздухе повешенный, прежде чем успокоиться навеки. За свою любознательность Костомаров понес, однако, возмездие. «Я достиг своей цели,—продолжает рассказывать он,—видел одну из тех отвратительных сцен, о которых так часто приходится читать в истории, но заплатил за это не дешево: в продолжение почти месяца мое воображение беспокоил страшный образ висевшего человека в белом мешке».

Историческая и литературная ценность автобиографии Костомарова давно уже установлена. Несмотря на ее чрезвычайную субъективность и односторонность, это—богатый интересным содержанием источник для ознакомления и с жизнью и личностью ее автора, и с русским обществом его времени. Автобиография Костомарова не только дает возможность познакомиться с тем, как складывались исторические взгляды автора и как развивалась его научная работа, она является в то же время свидетельским показанием, относящимся к весьма интересному времени и ко многим интересным людям, с которыми судьба сталкивала автора на его жизненном пути. Эти обстоятельства вполне оправдывают переиздание автобиографии Костомарова.

Можно, однако, весьма пожалеть о том, что редактор нового издания не счел нужным снабдить автобиографию примечаниями, в которых она очень нуждается, как в виду того, что ее автор оказался во многих отношениях пристрастным и неточным, так и в виду того, что автобиография им составлялась в расчете на русские цензурные условия 70-х годов.

Известно, наприм., насколько неправильно и не точно излагает он историю того дела, которое послужило поводом к его аресту в 1847 г. Повторяя свои показания в III Отделении, он готов отрицать самое существование Кирилло-Мефодиевского общества, между тем как позднее он сам должен был признаться что это общество действительно существовало и что он, Костомаров, ввел в него Шевченко (см. другую его автобиографию, записанную с его слов Н. А. Белозерской («Рус. Мысль», 1885 г., №№ 5 и 6). Равным образом нуждается в целом ряде фактических поправок рассказ Костомарова об университетских событиях 1861 г. и о разрыве его с Чернышевским. Опубликованные в настоящее время материалы давали возможность во многом исправить и уточнить изложение Костомарова, и можно очень пожалеть, что редактор не нашел возможным в интересах широкого круга читателей, далеко не всегда имеющих возможность самостоятельно сопоставить свидетельства автобиографии с другими источниками, снабдить редактируемую им книгу необходимыми пояснениями и поправками.

К автобиографии Костомарова в настоящем издании присоединены напечатанные впервые в «Вестнике Европы» за 1910 г. воспоминания о нем его жены. Эти воспоминания, рисующие полную глубокого драматизма историю любви Костомарова, во многом дополняют его автобиографию.

Б. Козьмин.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

СТАРЫЙ ТОВАРИЩ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ СКЛЯРЕНКО (1870—1916 гг.). — Сборник статей. Издание Истпарта. Госиздат. Москва, 1922 г. Стр. 136.

Коллективный сборник, составленный друзьями умершего в 1916 г. тов. Скляренко, одного из старейших русских марксистов. Сборник правильнее было бы назвать «Памяти друга». Много любви вложено авторами в описание многострадальной жизни партийца, много раз побывавшего в тюрьмах и далекой ссылке. Приведены и два беллетристических произведения покойного, посвященные его семейной и тюремной жизни,—здесь выявлена вся глубина личности.

Тов. А. П. Скляренко в конце 80-х годов придерживается еще народовольческой программы. В начале 90-х годов он попадает в Самару в общий с тов. Лениным кружок. Здесь подпадает под влияние тов. Ленина и становится горячим пропагандистом. Он литератор, участник группы легальной марксистской «Самарской Газеты», затем «Северного Курьера», позже «Правды». В 1907 году—участник Лондонского съезда.

Из ветеранов — его жизнь и деятельность представила бы очень много поучительного для молодых членов партии, если бы авторы обладали бо́льшим материалом, чем одни лишь воспоминания. Книга выиграла бы много, если бы водной статье дана была характеристика идейной борьбы начала 90-х годов между марксистами и народниками.

Но мы согласны с автором предисловия, тов. М. Ольминским: «Биографические очерки и материалы о старых членах нашей партии ценны не только тем, что они дают данные для истории партийной политической работы, ее принципов и лозунгов». Не менее ценны они и тем, что выводят перед молодежью яркие фигуры «стариков», своей работой проложивших дорогу будущему. Книгу горячо рекомендуем.

М. Рафес.

А. ФИШЕР. В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 гг.)—Гос. Издат. Москва, 1922 г. 104 стр.

Комиссией по истории партии выпущена интересная брошюра тов. Фишера. В безыскусственной форме рассказывает т. Фишер о своей долгой революционной работе в России и в Англии. Окончив городское училище в Рыбинске на 15-ом году, т. Фишер поступает учеником на петербургский завод; здесь он вскоре встречается с товарищем, который любит читать; начинается совместное чтение, и вскоре (это было в 1887 году) образовывается кружок из 6 рабочих, к которым ходит интеллигент, доставляющий нелегальную литературу народовольческого направления — «Хитрую механику» «Процесс 193-х» и т. д., но литература эта уже не удовлетворяет, идут поиски чего-то более основательного: читается Прудон, «Ассоциации» Михайлова; затем образуется другой кружок, ходит другой интеллигент, читает Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Много читают и беседуют по вопросам европейского рабочего движения. Заводятся связи с рядом других таких же рабочих кружков. Участвуют в демонстрациях на похоронах литератора Шелгунова. В 1891 году уже считают себя соц.-демократами, «хотя учение с.-д. для нас было еще в тумане»,— добавляет тов. Фишер. Идет дальнейшая работа в кружках, читают Шелгунова, Добролюбова, Писарева, Лассаля, затем штудируют «Манифест ком. партии», изучают 9 глав 1-го тома «Капитала», спорят о судьбах русской общины; «по отношению к этому вопросу,—опять добросовестно добавляет т. Фишер,—мы сидели еще между двух стульев». В 1893 году читают «Эрфуртскую программу» Каутского, которая производит особенно сильное впечатление, знакомятся с интеллигенцией—с бр. Красиными, Кржижановским и др.; идут споры с «группой народовольцев». В конце 1893 года т. Фишер знакомится с В. И. Ульяновым, который производит на него «впечатление человека с вполне установившимися взглядами». Организация растет. Выпускается нелегальная брошюра «Братцы товарищи»; организуются маевки 1891. 1892 и 93 гг., после которых идет ряд арестов. В апреле 1894 г. арестовывается и т. Фишер. После 7 лет работы в рабочих кружках следует после продолжительного предварительного заключения ссылка в Архангельск на 3 года. Там идет жизнь ссыльного, продолжается кружковая работа, в которую втягиваются и местные рабочие. После окончания ссылки в 1899 году тов. Фишер попадает в гор. Саратов, где уже высланных рабочих «целая куча из разных городов». Налаживается организация, выпускаются прокламации, устраиваются маевки 1900 и 1901 гг., происходят первые демонстрации в театрах, выпускается гектографированная «Рабочая Газета».

В конце 1901 года т. Фишер, как иностранный подданный, высылается за границу и едет в Англию, где живет и работает на английских заводах до весны 1921 года—20 лет.

Наблюдениями над рабочей Англией и заполнена 2-ая часть брошюры. Эта часть особенно интересна. Ознакомившись со всеми сторонами,—вплоть до самых интимных—изниж английских рабочих, тов. Фишер рельефно и красочно рисует их быт и жизнь. Он описывает, в каких условиях работает, как живет, чем питается, чем интересуется и как борется английский рабочий, и как опутана вся жизнь его умелой и тонкой буржуазной организацией и буржуазными влияниями. Английский рабочий может себе покупать, что нужно, в кредит, он заводится квартирой в отдельном домике, который он может и купить в кредит, обзаводится мебелью, трюмо, пианино. К его услугам дешевая буржуазная газета, бьющая на сенсацию, раздувающая интересы к спорту, к азарту, интерес к которым очень велик среди рабочих от мала до велика и который с успехом отвлекает его от политики. Школа, церковь, в виде массы сект, умело опутывают рабочего с раннего детства, а кабак с его уютом, пивом и водкой дополняет и усиливает все эти влияния. Далее описывает т. Фишер борьбу английского рабочего за улучшение своего положения и его «вековое

упорство в борьбе с классом капиталистов, но борьбе мелочной» «за пятачок прибавки или за сокращение рабочего времени».

В этой борьбе помехой—крайняя распыленность союзов, их борьба между собой, умение буржуазии разъединить рабочих и подкупить или приручить рабочих вождей. Только в последние годы под влиянием войны, русской революции и наступления капитала замечается стремление объединиться в более широком масштабе, замечается слияние профсоюзов смежных профессий и переход их к более решительной тактике, разбивающейся часто опять-таки изменами вождей и ловкой тактикой буржуазии. Отмечается и глубокая симпатия среди масс к русской революции. Тов. Фишер и в Англии продолжает работать среди английских рабочих, а также среди русских моряков во время войны; отправляет оружие в Россию в 1905 г., во время войны—литературу, принимает и устраивает русских революционеров, собирает средства в помощь русской революционной работе.

Так проходит 20 лет, а в 1921 году Фишер возвращается в качестве члена Р. К. П. в Россию и продолжает работу по строительству социализма...

Глубокое впечатление производит это описание 35-летней революционной работы в гуще рабочих масс ..

С. Мицкевич.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНКОРДИИ НИКОЛАЕВНЫ САМОЙЛОВОЙ. Сборник воспоминаний. Гос. Изд. 64 стр. 1922 г.

Сборник, посвященный памяти К. Н. Самойловой выпущен комиссией «Истпарта» и состоит из 15 статей, собранных женотделом Ц. К. Р. К. П. Во всех статьях перед нами проходит образ беззаветно преданной идее освобождения рабочего класса, активной, самоотверженной работницы.

Дочь священника, она в юные годы порывает совершенно с семьей и идет в рабочий класс, чтобы окончательно с ним слиться, сродниться и стойко бороться за его интересы, за революцию. В 1903 году она приезжает из-заграницы в Тверь и сейчас же берется за работу среди рабочих: становится членом Тверского Комитета, летом ведет два кружка, которые собираются за отсутствием квартир по лесам и оврагам. Осенью, выданная провокатором, она бежит из Твери и продолжает работу в Екатеринославе, здесь организовывает типографию, налаживает аппарат по распределению литературы, слывет «твердокаменной» большевичкой. Недолго пришлось ей поработать и здесь. вскоре арестовывается, сидит в тюрьмэ,

В 1904 году она работает уже в Одессе, в 1907—в Баку.

«Здесь,—пишет т. Сосновский,—с величайшим усердием и аккуратностью она приходила на громадные расстояния по нефтяным промыслам и заводам, чтобы просветить пяток-десяток рабочих огненным словом революционной пролетарской правды»... потом опять тюрьма.

В 1909—10 году после выхода из тюрьмы она работает в Петербурге в эту самую глухую пору реакции, когда на подпольной работе остались буквально единицы.

В 1912—14 гг. она продолжает работу в Петербурге в редакции «Правды», пишет массу статей под различными псевдонимами и без подписей. Еще гораздо важнее ее секретарская работа; она «занимала одно из первых мест в самом сердце газеты». Бывали нередко дни, когда через секретариат редакции проходило 300—400 писателей-сотрудников. Особенно интересовалась она женским рабочим движением, и по ее инициативе возник журнал «Работница».

«Надо сказать, что именно в это время, концентрируя работу вокруг женского движения, К. Н. Самойлова нашла самое себя. Тут зародился и вырос тот агитатор среди женщин, который во весь рост выявился в К. Н. уже после революции».

В начале 1914 года—опять арест и тюрьма. После выхода из тюрьмы жи

вет во время войны К. Н. на ст. Любань и нелегально наезжает в Питер. В 1917 году после революции еще много шире развернулась деятельность К. Н. Самойловой, особенно в области работы среди женщин. По ее инициативе возобновляется газета «Работница», она работает в «Правде», выступает на митингах, пишет статьи, популярные брошюры, которые особенно ей удаются. В ноябре 1917 года она участвует в руководящей группе первой конференции русских работниц. Эта конференция совпадает с моментом взятия власти пролетариатом. В коммунист. партии намечаются разногласия: некоторые думают, что партия идет слишком далеко. И вот, первая конференция работниц выносит резкое осуждение колеблющимся, чему в значительной степени способствовала «та решительность, с которой выступала на конференции по этому вопросу тов. Самойлова». До начала 19-го года проработала Самойлова в Петербурге; главной ее работой в это время «было любовно возрастить и закрепить специальный метод вовлечения женщины в партию при помощи секций», которые потом замещены были делегатскими собраниями и отделом работниц.

В 1919 году умирает ее муж Арк. Ал. Самойлов, горячо ею любимый, деливший с ней все тяготы партийной, полной невзгоды и труда, жизни. Он посылается в Астрахань, там заболевает сыпняком и умирает. Эта смерть выбивает ее из колеи, она заболевает. После выздоровления она уезжает на Украину, где работает во время наступления Деникина в самой напряженной обстановке.

1920 год она работает в Москве в женотделе Ц. К., по ее почину принята была на 9 съезде партии резолюция, подтверждавшая необходимость работы среди женщин через «женотделы»; летом ездит К. Н. на «Красной Звезде» по Поволжью, в городах которого она ставит работу женотделов, выступает на многих митингах; кстати сказать, она обладала крупным ораторским талантом, умея необыкновенно просто подходить к вопросу и вместе с тем находить доступ к самому сердцу женщин-работниц и крестьянок: «глазом не моргнув, смотрят работницы на оратора, ловят каждое слово».

В 1921 году она опять едет по Волге на «Красной Звезде» и здесь, в Астрахани, погибает 2 июня 1921 года от холеры.

«Крупнейшей ее заслугой было,—пишет тов. Коллонтай,—это ее уменье находить из гущи рабочих масс молодые таланты, вдохнуть в работниц и крестьянок веру в свои силы, научить их работать, воспитать из них борцов и строителей нового общества».

Тов. Я. Буров пишет о ней: «Величайшая скромность во всем, что касается личной жизни. и одно страстное, ненасытное желание: как можно больше проделать работы,—были ее отличительными чертами».

Такова была К. Н. Самойлова—этот «благороднейший член нашей коммунистической партии», погибший на посту после напряженной, самоотверженной 20-летней работы.

С. Мицкевич.

ОТ ГРУППЫ БЛАГОЕВА К „СОЮЗУ БОРЬБЫ" (1886—1894 г. г.). Гос. Изд. Донское отделение, 1921 г. 127 стр.

Эта книга заполняет тот пробел, который был в истории партии за этот период.—Раньше обычно представлялось, что в деле подготовки соц.-демократического рабочего движения в России эти годы, последовавшие за провалом первой соц.-демократической группы Благоева в 1886 г. до 1894—95 гг., были пустым местом.

В действительности дело обстояло не совсем так, как видно из этой книги, а также и из ряда статей и брошюр, появившихся вскоре после выхода рецензируемого сборника.

В этом сборнике помещен ряд воспоминаний петербургских работников: Н. Ольминского, рабочих—Норинского, Н. Д. Богданова и Шелгунова, материалы по московскому делу 1892 года М. И. Брусочева, по харьковскому делу Ювеналия Мельникова в 1887—89 гг. и речи рабочих на первомайском собрании в 1891 году в Петербурге.

Из воспоминаний петербуржцев, охватывающих период с 1886 по 1895 год включительно, видно, что с провалом Благоевского кружка кружковая пропаганда среди петербургских рабочих не прекращалась.

На заводах Балтийском, Колпинском в гавани, в адмиралтействе, на Васильевском острове, среди учеников ремесленных и технических школ,—везде ведется пропаганда, распространяются легальные и нелегальные книги по преимуществу самими рабочими; заводские рабочие жадно рвутся к самообразованию, покупают книги, заводят библиотеки, доходящие порою до тысячи экземпляров. Образуются кружки, в которых приходят заниматься студенты-интеллигенты (с 1888—89 гг. Переверзин, Родзевич, марксисты бр. Красины, Бруснев, Цивинский, С. П. Радченко, В. С. Голубев, Тахтарев и др.: народовольцы—Федулов, Зотов, М. С. Александров-Ольминский, Ергины и др.). С 1888—89 гг. кружки находятся между собой в организационной связи, город делится на районы, организаторы кружков образуют комитет. Число кружков в 1891 г. доходит до 50 (по другим воспоминаниям, несколько меньше); рабочие принимают участие в нескольких демонстрациях: в 1887 на могиле Некрасова и в 1890 году на похоронах публициста Шелгунова; устраиваются маевки—в 1891 году (собирается на одном собр. до 200 чел., на другом—до 70), на маевке говорятся речи. в 1892 году делается также попытка организовать маевку, но вмешательство полиции расстраивает ее; полиция арестовывает работников, высылает их в другие города; они там начинают вести работу среди местных рабочих; таким образом, в 1891 и в след. годах устанавливаются связи с Москвой, Тулой, Костромой, Рыбинском, Воронежом, Екатеринославом. Вся организаторская работа ведется по преимуществу самими рабочими, интеллигенты приглашаются для руководства кружками. В кружках ведется в течение ряда лет углубленная пропагандистская работа, к концу периода вырабатывается несколько рабочих-интеллигентов, которые могут уже самостоятельно вести кружки (Кайзер, Егоров).

Можно ли это движение в смысле идеологии и тактики назвать соц.-демократическим, в том смысле, как это понималось впоследствии. На этот вопрос можно ответить, по нашему мнению, только так: это движение было движением *переходным*, *подготовительным* к эпохе оформленного соц.-демократического рабочего движения. И действительно, самые передовые рабочие еще не выяснили вполне определенно свои взгляды: они в периоде исканий. Так, т. Шелгунов в другом месте (журн. «Творчество» 1920 № 7—10, стр. 7) пишет по поводу диспута, устроенного между соц.-демократами и народовольцами в декабре 1893 г.: «разницу мы усмотрели только в том, что народовольцы хотят вести агитацию, как нам показалось, за немедленный переворот, а соц.-демократы говорили, что нужно вести более глубокую пропаганду». А тов. Фишер, рабочий, работавший в Петербургских кружках с 1887 г. пишет в своих воспоминаниях: «в 1891 г. мы уже считали себя соц.-демократами, хотя учение с.-демократическое было еще для нас в тумане» [1]), и «вопрос о преимуществах русской общины для нас еще не был решен, и по отношению к нему мы сидели между двух стульев». Анализируя речи, произнесенные 1 мая 1891 г., мы видим во всех них культурно-просвещенческий подход к вопросу. Напр., из речи 2-ой (стр. 123): «несмотря на все препятствия нашего подлого правительства мы стараемся по мере сил и способностей развивать окружающих нас рабочих». Пропаганда, самообразование считаются главным методом работы и борьбы, и эта мысль выявляется и во всех остальных речах. Как еще неясны были формы борьбы, видно хотя бы из того факта, что речи, произнесенные в узком кругу рабочих, занимающихся в кружках, не распространялись, и только, когда они попали в руки «группы народовольцев», были ею изданы на гектографе (см. ст. Ольминского в сборн., стр. 71). Колебания и неопределенность тактики видны и из того, что, когда в 1892 году Бруснев был откомандирован в Москву от Петерб.

[1]) См. Фишер—«В России и в Англии». Гос. Изд. 1922 г. стр. 11.

организации для ведения там работы, он примкнул к группе лиц, которые называли себя социалистами-революционерами, и хотя считали себя последователями «научного коллективизма», но признавали наступательный террор главным средством борьбы с самодержавием (стр. 87 и 88). Правда, Бруснев в своих воспоминаниях (еще не опубликованных) говорит, что он вместе с рабочим Федором Афанасьевым (также из Петерб. кружков) возражали против этой программы, но во всяком случае совместная работа соц.-демократов в одной группе с лицами, выдвигающими такую программу, уже через $1\frac{1}{2}$—2 года была бы невозможной в Москве и Петербурге.

Такой же промежуточный характер имеет и «группа народовольцев» [1]), работавшая в это время в Петербурге среди рабочих, руководимая т. Александровым-Ольминским, Н. Л. Мещеряковым, Федуловым и Ергиным, что видно, как из «Рабочего Сборника», изд. этой группой (перепечатан в «Красной Летописи», № 4), так и из «Летучих Листков», выпущенных этой группой. Такой же переходный характер имела группа Мельникова в конце 80-х годов в Харькове (см. ст. «Харьковское дело» в сб.). Таким образом, этот период в русском рабочем движении может быть назван переходным от народничества соц.-демократии. И только в следующем периоде, в некоторых городах раньше, в некоторых позже, образовались вполне определенные строго-марксистские соц.-демократические группы. Для Петербурга временем образования такой оформленной группы следует признать осень 1894 года, когда сложилась группа Ленина, Мартова, Кржижановского и др., в следующем году принявшая назв. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (об этом см. ст. Шелгунова в сб., стр. 57—59, статьи в «Творчестве», 1920, № 7—10, в «Сборнике матер. и статей», выпущ. редакцией журнала «Исторический Архив». Гос. Изд., 1921 г., в книге Лепешинского «На повороте»).

Следует отметить одну особенность этого периода исканий. Передовая группа петербургских рабочих стремится оформить и выкристаллизовать свое классовое самосознание, она учится, читает, думает, зовет в свои кружки интеллигентов разных направлений, сравнивает и обсуждает эти направления и в результате работы 7—8 лет вырабатывает прочное, боевое, пролетарское мировоззрение, которому она остается верной во всю последующую свою жизнь. Рабочие этого периода в отличие от последующих, не получили своих взглядов готовыми из листков и прокламаций или из речей пропагандиста или агитатора, они сами путем упорной работы, самообразования выработали мировоззрение и в то время, как рабочие последующих переходов часто уходили от революционной работы, уставали, разочаровывались иногда после первых ударов, эти все время стояли в рядах партии, никогда не бросали работы и до сих пор в рядах нашей партии стоят на боевых постах. Таковы т.т. Шелгунов, Фишер, Поринский, Шаповалов, Кайзер (убит в 1919 г.), Полетаев.

После выхода сборника «от группы Благоева» появился еще ряд статей и брошюр об этом же периоде, дополняющих этот сборник, как-то: 2 статьи проф. Святловского в «Былом», №№ 16 и 19, ст. Карелиной в «Красной Летописи», № 4, ст. «Рабочий сборник», там же; брошюра А. Фишера «В России и в Англии» Гос., Изд., 1922 г., А. И. Шаповалов «По дороге к марксизму», В. Невский «Николаевский Южно-русский рабочий союз» и ряд статей в провинциальных изданиях бюро Истпарта.

С. Мицкевич.

---

[1]) Об этой группе см. ст. т. Ольминского «Давние связи» в рецензируемом сборнике, а также ст. Александрова-Ольминского в журн. «Былое» 1906 г. ноябрь.

Л. МАНУЙЛОВА «Печали и радости моей жизни». Записки. Государственное Издательство. Москва. 1922 год. 160 стр.

Л. Мануйлова не была крупной революционеркой. До 1904 года она имела к революционной работе очень малое отношение. Только с лета 1904 г. она начала работать в этой области несколько

энергичнее. Еще энергичнее сделалась ее работа после октября 1905 г. Но и эта работа продолжалась недолго. Записки Л. Мануйловой кончаются по осень 1906 года, когда, по ее словам, ее симпатии явно начали склоняться в сторону плехановцев. Таким образом, воспоминания Л. Мануйловой нельзя в строгом смысле слова назвать воспоминаниями революционерки, и вполне понятно, что Истпарт не включил их в свою серию.

Тем не менее, книжка Л. Мануйловой интересна и заслуживает внимания.

Не будучи сама крупной революционеркой, профессионалкой, подходившая к революционной работе только по временам, Л. Мануйлова, однако, на протяжении всей своей жизни, поскольку она рассказала ее в «Записках», вращалась в кругу довольно крупных провинциальных революционеров. Она была женой известного народовольца Мануйлова («Дед»). В ее книжке встречаются имена В. Кранихфельда, Богучарского, Ларина, эс-эров: Слетова, Бонльского и многих других.

Правда, больших и интересных подробностей обо всех этих лицах Мануйлова не сообщает, за исключением одного только «Деда», который зарисован ею очень внимательно и любовно. Л. Мануйлова занимается в своей книжке не ими, а собою. Недаром ее книга называется «Печали и радости *моей* жизни».

Но в этом-то и состоит интерес книги.

Революционная работа велась не одними крупными революционерами-профессионалами. К ним примыкало много второстепенных, третьестепенных работников, которые то принимались за работу, то уходили от нее, то снова возвращались к ней. Такова была революционная «масса» того времени, поскольку можно здесь употребить слово «масса».

Л. Мануйлова и была такой массовой революционеркой-интеллигенткой.

Чтобы понять психологию и историю революционного движения, нужно знать психологию массы. А так как в описываемое Л. Мануйловой время роль «массы» в значительной степени играла интеллигентская молодежь, то книжка Л. Мануйловой становится интересной.

Правда, в лице Л. Мануйловой мы видим не столько революционерку, сколько женщину и притом женщину очень кокетливую. Но ведь революционеры всегда были не только революционерами, а и просто людьми; они никогда не жили одной своей идеей, одним своим делом; другие человеческие чувства никогда не были им чужды. И они любили друг друга, кокетничали, ревновали. И у них были все человеческие слабости. Л. Мануйлова, повидимому, очень искренно рассказывает об этой интимной, будничной жизни рядовых революционеров своего времени и этим воссоздает такую страницу истории, которую нельзя встретить в других, более серьезных воспоминаниях.

Книжка Л. Мануйловой — это, конечно, не история, а человеческий документ, необходимый для истории. Вместе с тем книжка интересна и для того, кто не хочет специально заниматься историей революционного движения. Жизнь Л. Мануйловой прошла занимательно и подчас красиво. К тому же книжка написана очень живо и интересно.

Н. Мещеряков.

Н. КАРАБЧЕВСКИЙ. «Что глаза мои видели». Часть первая — В детстве. Часть вторая — «Революционная Россия». Изд. Ольги Дьяковой и К° в Берлине. 1921 г. Стр. 167+168.

Мы не без интереса принялись за чтение мемуаров знаменитого адвоката. Незаурядная фигура среди русских либералов, блестящий по старым временам юрист—он должен был многое перевидать на веку своем. К сожалению, наш интерес оказался совершенно неудовлетворенным. Н. П. Карабчевский являет собой яркое подтверждение эмпирического наблюдения, что лишь в редких случаях ораторский талант сопровождается литературным дарованием. Таким исключением Н. П. Карабчевский не является. Мастер говорить, он далеко не мастер писать. Это—во-первых. А, во-вторых, читатель, который по-

знакомится с его книгой, должен будет заключить, что глаза Н. П. Карабчевского видели очень мало.

Мы не станем говорить о первой части мемуаров нашего автора, посвященной «русским детям». В этой области у Н. П. Карабчевского имеются опасные соперники. Никаких новых красок, тонких наблюдений, удачных штрихов в обрисовке заурядного детства в состоятельной буржуазно-дворянской семье. Картина весьма банальная, достаточно приевшаяся, обильно покрытая, сверх всего прочего, густым слоем сентиментализма с рыдающими нотками. Достаточно привести заключительные строки «детства», чтобы определить удельный вес этого произведения.

«О, счастливое детство мое, — восклицает Н. П. Карабчевский.—Как я благословляю тебя в эти скорбные для моей родины дни, переживаемые мною вдали от нее, против воли отрезанным от нее.»

Какая жгучая скорбь в бессилии дать ей хоть частицу того счастья, покоя, любви и ласки, которыми она вскормила мое детство.

«Неужели суждено мне навсегда закрыть глаза при кровавом зареве, неудержимо пожирающей ее вражды и злобы и не увидеть ее никогда счастливой!

О, если так, заранее шлю свое загробное проклятие всем, нагло обманувшим, истерзавшим, опозорившим ее.

Пусть тяготеет это проклятие над ними до тех пор, пока Россия не станет такой же детски-незлобиво-счастливой, как было мое детство».

Надо ли характеризовать эту живопись?

Вторую часть Н. П. Карабчевский посвящает «революции и России». Участник многих политических процессов, свой человек среди либералов, один из передовых людей своего времени—во что превратился он в своих злобных, шамкающих, сюсюкающих воспоминаниях! Революция поскребла этого либерального витию — и полюбуйтесь, какой восхитительный пейзаж: из-под маски свободолюбивого адвоката выглядывает черносотенный лик заядлого монархиста. Когда-то еврейский друг— правда—друг состоятельного еврейства, преимущественно банковской буржуазии—нынче он свирепый антисемит и с упорством дятла долбит: евреи «погубили Россию». Он утверждает затем, что русская революция совершалась на деньги из темного источника,—это для него «несомненно». Но почему бы не рассказать, почему именно «несомненно». Как, откуда, когда? Из-под его пера, пораженного, очевидно, старческой дряблостью перемешиваясь и путаясь, в полном беспорядке, отрывок за отрывком, мелькают фразы, слова, встречи, случаи, разговоры, несвязанные между собой, ненужные никому:

«Когда, так сказать, официальная сторона приветствий и речей была исчерпана, все присутствующие были приглашены моей женой в обширную столовую к завтраку.

Здесь по одному краю, во всю ширь комнаты, был накрыт длинный стол, а затем круглые, небольшие столы, каждый на десять кувертов, заполняли остальную часть столовой.

Всех нас собралось около двухсот человек.

За длинным столом, лицом к другим столам, села моя жена, а по бокам ее и против нее»... и так далее никому ненужная канитель об обеде, который он закатил товарищам по сословию по случаю двадцатилетнего пребывания его в сословии присяжных поверенных. Сорок с лишним лет общественной работы человек втиснул в 168 страниц—и взгляните,— какой трухой эти страницы набиты.

Карабчевский рассказывает кое-что и про революцию 1917 года. Но историку не удастся ничем поживиться из его рассказов. Все, что пишет—пишет он по наслышке. Кроме двух-трех встреч с адвокатами, да запоздалых шпилек по адресу «левой» адвокатуры,—в воспоминаниях нет ничего. Н. П. Карабчевский имеет, очевидно; «зуб» против А. Ф. Керенского. Головокружительная карьера молодого провинциального адвоката, вероятно, оставила некий нездоровый след в памяти автора мемуаров, и здесь с Н. П. Карабчевским приключился конфуз, весьма забавный.

В описании того юбилейного обеда, который я привел выше, на той же стра-

нице И. И. Карабчевский перечисляет присутствовавших.

Тут был на первом месте Н. Д. Соколов, А. А. Демьянов, И. Н. Переверзев, Гинсбург, мои бывшие помощники Волькенштейн, Барт и другие.

А. Ф. Керенский отсутствовал.

Мой отказ от партийного характера чествования, очевидно, побудил его подчеркнуть свой абсентеизм.

Я знал вообще, что не пользуюсь его симпатиями и что в этом направлении не малую роль играло жало неудовлетворенного честолюбия, так как на поприще чисто адвокатском он был только едва заметен».

Итак, Керенскому, «едва заметному адвокату», «отсутствовавшему» на чествовании очень заметного адвоката, досталось по заслугам. И. И. Карабчевский удовлетворен. Но вот в чем дело. Чествование это происходило в 1904 г., когда Керенский кончал университет, и не только не был адвокатом «незаметным», но еще не был адвокатом вообще. В голове бедного нашего автора все перепуталось.

Эта «ошибка»—не случайный штрих для характеристики произведения И. И. Карабчевского. Оно вообще производит впечатление воспоминаний, написанных лицом, в памяти которого всякие воспоминания исчезли бесследно. Тут, как ни старайся, ничего путного не вспомнишь.

Вяч. Полонский.

ФИЛОСОФИЯ.

М. ГЕРШЕНЗОН. Гольфстрем. М. 1922, Стр. 154. Из-ство «Шиповник».

За «Ключом веры»—«Гольфстрем». За исследованием истоков религии—книга «о твердом, жидком и газообразном состоянии духа».

Книга, как сознается автор,—на тему столь же темную, как история мидий. Может-быть, именно потому автор и начинает свое произведение с философии Гераклита, который, как известно, носил прозвище «Темного» еще у древних. Правда, после темного Гераклита автор переходит к Пушкину, с именем которого у нас неразрывно связаны представления противоположного характера, но только для того, чтобы снова погрузиться в темы, если и не темные, то во всяком случае более чем сложные, как фольклор, сравнительная история религий, языкознание, кончая современной термодинамикой и принципом относительности. Все это для того, чтобы показать, что человечеству, начиная с таитянина и кончая Эйнштейном, свойственно представление о душе, как огне, расцветающем «образами трех ее вещественных состояний—газообразного, жидкого и твердого» (стр. 149).

Признаться, именно обширность того фундамента, который подводится М. О. Гершензоном под свою экзотическую тезу, и кажется нам весьма подозрительной. Нет возможности критически перебирать весь материал, с самым серьезным, мы бы даже сказали, видом ученого педанта, преподносимый М. О. Гершензоном, хотя, если говорить о главном, мы бы очень усомнились, что у Пушкина существовало хотя бы подобие «физики» (стр. 95), а не просто своеобразный канон эпитетов, метафор и сравнений, а если касаться мелочей, то мы бы очень посоветовали автору удержаться от таких утверждений, как: «Современные историки единогласно признают, что древнейшей формой религии было представление об единой безличной деятельной силе, производящей явления» (стр. 134), так как особой силы этот аргумент положениям М. О. Гершензона не придает, а об его недостаточном знакомстве с современными историками религии, очевидно, свидетельствует. Дело не в разборе частностей, хотя бы и существенных, а в том—да будет и в современной науке, оканчивающееся догадкой о том, «что бытие не имеет никакого материального субстрата, что сущность бытия—движение, которое в виде теплоты созидает все формы познаваемого нами мира» (стр. 154), и нам позволено

сослаться на эфесского мудреца, что «все течет...» и нет никакой возможности взять под одну общую скобку и представления древнего магизма, и представления высших религий, и попытки греческой натурфилософии объяснить картину мира, и язык пушкинских образов. Все эти данные настолько разнозначимы, настолько конкретно различны и имеют настолько разное происхождение, что на их основании может получиться не реальная картина, а своего рода соната quasi una fantasia, могущая выявить поэтические дарования автора, его эстетические вкусы и наклонности, его социальные устремления. Вся беда в том, что книга М. О. Гершензона повествует не о «Гольфстремах духа», а об уставшей и от культуры и от науки душе смятенного русского интеллигента, которая пытается уверить себя в том, что «первобытная мудрость содержала в себе все религии и всю науку» и что с глубины веков «к тем познаниям ничего не прибавилось» (стр. 5). Когда то Осип русской поэзии, значительно усовершенствовавшийся по сравнению со своим прадедом по части галантерейного обхождения, — Игорь Северянин с соответствующими ужимками взывал: «душа влечется в примитив»— теперь, к сожалению, этот призыв нашел себе новых сторонников, да еще таких, как М. О. Гершензон. Да простит нас почтенный автор «Гольфстрема»— не за «орудийную хитрость ума» будет почтен его труд, а за своего рода «записки из подполья», в которое все глубже и глубже забредает мысль многих представителей русской интеллигенции. Особенно теперь, когда мы сами находимся в самом настоящем Гольфстреме мировых событий, странно и больно выискивать Гольфстремы там, где самое их существование темнее, чем и сам Гераклит, и история мидян. Уйти из Гольфстрема современности нельзя и только из него лежит путь к постижению других Гольфстремов человеческого бытия. Иначе не Гольфстрем, даже не заводь, а просто тупик и подполье.

Проф. П. Преображенский.

ПРОФ. И. И. ЛАПШИН. Философия изобретения и изобретение философии. Введение в историю философии. Т. I. II. Изд. „Наука и Школа". Птрг. Стр. 194+228.

Рецензируемая книга к характеристике почтенного проф. *И. И. Лапшина* ничего нового не прибавляет. Как и все, что вышло из-под его пера, «Философия изобретения», двухтомная и многообещающая, есть яркий образчик того, как не нужно писать философские сочинения. Это о себе сказано нашим автором на стр. 217 2-го тома: «у нас в России даже у талантливых людей замечается поразительное отсутствие элементарного знакомства с техникой писания философских сочинений». Но если бы дело ограничивалось только «техникой», было бы, конечно, полбеды. Но дело не в технике», плох не «научный аппарат» профессора. Хуже то обстоятельство, что у Л. нет никакой способности к самостоятельному анализу и к самостоятельному построению на основаниях анализа новых обобщающих выводов. Вот почему у него нет вообще никакого метода, вот почему читатель тщетно силится схватить мысль автора в логической связности всей книги, в общем контексте всего хода изложения,—у автора нет никакой самостоятельной мысли. Отсутствие методологии знаменует собою отсутствие вообще какой-бы то ни было школы, и тем более критической. Автор что-то говорит о критицизме своего мировоззрения, которое он исповедует «уже более четверти века (!) в сочинениях, перечисленных в конце этой книги» (I т., с. 5), о «критическом методе своей философии» (II, 221), но или автор плохо понимает, что такое критический метод, или он имеет о нем такое своеобразное представление, что оно может быть интересно для кого угодно, кто интересуется изобретательностью его ума, только не для философа. Тут уж ничего не поделаешь. К какой бы проблеме ни подошел наш автор, будет ли это «трусость в мышлении», или «мистическое познание», или «законы мышления и формы познания», или «чужое я»—все проблемы в его руках тускнеют, распадаются, рассыпаются, как песок, ворохом ненужных «догадок», «наблюде-

ний», воспоминаний», а затем «заживо погребаются в цитатах, цитатах и цитатах.

Попробуйте выдернуть цитаты из этой двухтомной работы, и вы увидите, что от «книги» ничего не останется. Вы скажете: «эрудиция». Но если упорное и настойчивое засорение головы *сырым материалом* и называется эрудицией, то избавь нас, боже, от такой эрудиции. Таким «сырым материалом» заполнена вся книга Л., и дальше него она не идет. Это—один недостаток, за который, помнится, университетскими дипломами не жаловали. Другой недостаток автора в номинализме Здесь нужно объясниться. Признаюсь, материал у автора разграничен не без таланта. Стоит просмотреть оглавление, чтобы убедиться в этом. Это очень добросовестно разработанный конспект к работе: «Психология творческого процесса изобретения»—своего рода «психотехника творчества» (см. 2 т., с. 220). Следовало бы только посвятить одну главу также и «творческой вере», на ряду с «творческой волей и мыслью». Но дело не в этом, а в том, что намеченный оттенок, что зафиксированный аспект общей проблемы «изобретения» так и остается «темой», какою была в оглавлении», и, тем более, резче обнаруживается то поразительное различие между тем, что хотел дать автор, и тем, что он смог дать. Отсюда и номинализм автора.

Нет никакой надобности останавливаться подробнее на книге. Конечно, трудно удержаться от искушения привести, в заключение, несколько образчиков того, как пишутся книги, претендующие быть «настоящими» введениями в философию.

Но пришлось бы тогда выписывать целые страницы, и, не злоупотребляя вниманием читателя, не нахожу иного выхода, как отослать его прямо к этому забавному детищу нашей университетской философии.

Григорий Баммель.

ПРОФ. И. БОРИЧЕВСКИЙ. Введение в философию науки. (Наука и метафизика). Петербург. Госуд. Издательство. 1922. Стр. 115.

Новая эпоха предъявляет новые требования к научной деятельности.

Пресловутое, хорошо известное всем, кому только пришлось пройти засушливую учебу академизма, понятие «научности», «научной ценности» и т. д. в корне меняется. Способ оценки, весь подход к научно-философскому исследованию всецело определяется теми идеями, которые носятся в воздухе широчайших исторических горизонтов: степенью жизненности, степенью доступности образованным массам. Не только постановки и решения вопросов коснулось веяние эпохи; указывать на это—значило бы ломиться в открытую дверь, но вырабатывается особый способ изложения, совершенно новая форма исследования; ни тонкостями «эрудиции» ни всею махиной так называемого «научного аппарата» теперь никого не поразить,—нужна живая мысль, а не гнилые нитки академизма.

Проф. И. Боричевский прекрасно сознает требования современности в области идейного фронта. И это хорошо, это большое достоинство, что кирпичи, из которых Б. возводит свое здание, обжигала наша жесткая современность. Но к чему этот недоступный русскому читателю «научный аппарат» цитат и ссылок исключительно на иностранные сочинения, подавляющее большинство которых давно переведено на русский язык? Первое впечатление от книги может быть поэтому только отпугивающим. Между тем, написанная живо и убедительно, книга Б. заслуживает всяческого интереса. Тут же, в связи с этим, отмечу некоторые несообразности в языке, неуклюжие для русского слуха: «кажимость» (с. 13), «основомысль» (с. 16), «предусловие» (с. 43), «волевые побуды» (с. 55), «отфилософствоваться» (с. 25), «предосновы» (с. 67), и т. д. Книга посвящена вопросу о взаимоотношени науки и метафизики в постановке современной философии. Автор ставит своею целью критически осветить следующие вопросы: «Во-первых, в чем сущность того безначалия, которое царит в

шумном и воинственном, но разбросанном и бессильном лагере так называемой философии? Где искать причин, превративших «царицу наук» в шопенгауерову блудницу, извергнутую из чистой науки? Во-вторых, в чем заключается отличие школьной философии от живой научной мысли? Каковы те главнейшие требования положительного знания, которые позволяют ему с таким презрением отвергать все плоды философского древа? (с. 12—13). В дальнейшем автор на примере «двух наиболее выразительных и наиболее противоположных «течений» современной философии»—марбургской школы и эмпириокритицизма—доказывает ту мысль, что современная идеалистическая метафизика совершенно потеряла всякую связь с реальной действительностью, с живой научной мыслью. Попутно автор уделяет большое критическое внимание раскрытию в эмпириокритицизме и марбургской школе элементов агностицизма (с. 63—88) и религиозно-мистического характера (с. 17, 21, 66, 68—71).

Прежде, чем перейти к критическому обоснованию своей основной мысли, автор дает сжатое изложение двух указанных направлений, при чем его понимание может быть сведено к следующей формуле: «марбургская школа отождествляет бытие с чистою «мыслью», а эмпириокритицизм обращается для этой цели к чистому ощущению. Марбургская школа провозглашает единодержавие чистой логики; эмпириокритицизм делает то же с психологией» (с. 22). Критические же замечания нашего автора направлены к тому, чтобы показать внутреннюю противоречивость марбуржцев, этих «запоздалых пережитков средневековой схоластики» (с. 36), рядом со всепоглощающей чистой мыслью математики признающих молча психологию (с. 26, 50, 71), и такую же противоречивость эмпириокритицизма, допускающего «произвольность и условность» математического мышления рядом с признанием всеобъемлющего господства чувственного ощущения (с. 30, 41, 64). С другой стороны, Б. с цитатами в руках (Грассман, Рисель, Кутюра) опровергает ту концепцию математики и математического естествознания, которая лежит в основе как марбургской, так и эмпириокритической школ (с. 24, 29, 32, 41, 64). В этом смысле главная заслуга автора в том, что, заостряя свою мысль, он справедливо указывает, что «борьба критической философии против провозглашаемой ею метафизики есть прежде всего борьба против положительной науки» (с. 65). «Само марбургское изначало и все его отдельные «полагания» превращаются из чистых понятий в потусторонние сущности, независимые от всякого живого мышления. Безусловное мышление, провозгласившее себя творцом живой мысли, само сказывается по ту сторону всякой мысли» (с. 67).

«Было бы совершенно праздным занятием ссылаться на то, что речь идет не о какой-нибудь «сущности», а о чистой идее. Неужели *понятие* бога становится чище и «научнее» от того, что оно провозглашается чистым и научным»? (с. 72). Критикуя «четыре предрассудка современной философии» в лице марбургской и эмпириокритической школ—логизма, психологизма, мистицизма и агностицизма, автор останавливается и на положительной стороне своих рассуждений, т.-е. на обосновании методологии живой научной мысли. Автор разделяет взгляд К. Тимирязева, что наука «не пойдет в Каноссу». Она не признает над собой главенства какой-то сверхнаучной, вненаучной, а попросту—ненаучной философии. Она не превратится в служанку этой философии, как та, когда мирилась с прозвищем служанки богословия.» Книга в целом выдержана и бьет в цель, сконцентрированная на одной задаче, на одной теме. Но именно в этих случаях мы должны тем строже относиться к недочетам. А недочеты есть. Во-первых, благодаря отсутствию безусловно выявленного или, по крайней мере, теоретически недвусмысленно договоренного метода, сосредоточение центра тяжести всей критики исключительно лишь на эмпириокритицизме и марбургской школе кажется случайным и неубедительным. Эмпириокритицизм и марбургская школа вовсе не являются характерными для современной философии. К тому же оба направления давно уже сыграли свою роль в истории философии и в настоящее время представляют,

так сказать, лишь исторический интерес. Можно решительно утверждать, что главнейшая цитадель современной идеалистической метафизики лежит в *гуссерлеянстве*, взявшем на себя в наше время ту же миссию, что и эмпириокритицизм в девятисотых годах этого столетия. Вот куда должен был направить свои критические стрелы автор, сосредоточивший свое внимание лишь на современной философии.

Во-вторых, историческая атмосфера, создавшая в преемственной связи с прошлым философское умонаклонение эмпириокритиков и марбуржцев, осталась совершенно неосвещенной. Автор начинает свое исследование констатированием теснейшей связи философии с научной мыслью в семнадцатом столетии и затем сразу обращается к тому же вопросу в современной постановке. На месте одного из интереснейших периодов истории философии—XVIII столетия у автора зияет пустая дыра непростительного методологического промаха.

В-третьих, наконец, критические рассуждения Б. не вполне последовательны и не во всех конечных выводах досказаны. Автор, строго говоря, склоняется к тому, чтобы показать *односторонность* рассматриваемых течений идеалистической философии. «Мы заранее в праве ожидать, что он перегнет палку в другую сторону», говорит автор, переходя к критике эмпириокритицизма. Но, как совершенно ясно, дело не в том, что эмпириокритицизм и марбургская школа слишком «перегибают палку» в одну сторону или, как еще выражается автор, «своей *однобокостью* урезывают права положительного знания» (с. 66, 86 сл.сл.); отрицание обоих нельзя обосновывать соображениями об их однобокости, односторонности, крайности их выводов. Напротив, необходимо выяснить их *принципиальную* неприемлемость, ибо, в противном случае, из психологизма одного и логизма другого, по Б., как будто можно создать нечто третье и как будто именно то, что Б. приемлет. Между тем совершенно очевидно, что и эмпириокритицизм, и марбургская философия неприемлемы именно принципиально, а не в силу их односторонности или крайности выводов.

Отмеченные недостатки, думается, определяются не слабыми сторонами мировоззрения автора, но, скорее, методологической неопытностью его. Крупного значения его книги для русской современности они поэтому не умаляют.

Григорий Баммель.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

А. Г. ВУЛЬФИУС. Религия, церковь и реформация. „Academia“. Петерб. 1922. Стр. 39 (I).

Он же. Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформация, католическая реформа. „Наука и школа“. Петербург. Стр. 168 (II).

Обе книги проф. Вульфиуса находятся между собой в несомненной внутренней связи. Если вторая пытается дать более или менее конкретную характеристику определенных исторических явлений, то первая хочет дать «раскрытие постоянных элементов в историческом развитии того родового явления, к которому изучаемое явление относится как видовое» (I, 4). Иначе говоря, в первой из названных книг проф. Вульфиус хочет выяснить социологическую структуру таких понятий, как реформация, церковь, клир, община, и произвести анализ их взаимозависимостей. Мысль не новая в современной науке—как метод, употребляемый проф. Вульфиусом, так и большинство его выводов можно найти в трудах Зиммеля, Трельча и Макса Вебера. Можно даже сказать, что проф. Вульфиус довольно тщательно, насколько позволяют ему ограниченные размеры его брошюры, эти выводы

пересказывает, сохраняя при этом все недостатки названных исследователей, как-то—стремление к чрезмерному абстрагированию социологических категорий и терминов, которое должно прикрыть практически уступки монистическому пониманию исторического процесса и затушевать это практическое грехопадение игрой теоретических абстракций.

В «Проблемах духовного развития» эта двойственность дает место самой простой академической беспринципности в смысле метода исторического изучения. Проф. Вульфиус упорно говорит о внесословной интеллигенции (II, 13, 23), о внутренней эволюции самой христианской идеи (II, 60), но не чужд и социально-экономического анализа реформации (II, 94 сл.), хотя и сопровождаемого следующей характерной оговоркой: «невозможно рассматривать учения реформации исключительно под углом зрения классовых интересов, хотя иногда связь между ними и наблюдается» (II, 99). С тем, что учения реформации нельзя рассматривать *исключительно* под углом зрения классовых интересов—с этим то мы согласны—иначе, по плехановской терминологии, получится суздальщина, а вот «иногда» второй части нашей цитаты кажется нам весьма сомнительным тем более что практически это «иногда» у проф. Вульфиуса обращается в «никогда». Проф. Вульфиус весьма тщательно и подробно анализирует богословские споры реформаторов и католиков, противоречия, кроющиеся в теологии Лютера или Кальвина, зорко присматривается к значению религиозных проблем у гуманистов, но становится крайне скуп, когда ему приходится говорить о деятельности цвикауских пророков, крестьянской революции или мюнстерском движении, основные черты которого для проф. Вульфиуса «воплотились в такие уродливые формы изуверской жестокости и религиозной эротики (многоженство), что вызвали всеобщее отвращение и надолго скомпрометировали все остальные, совершенно мирные течения перекрещенства» (II, 89). Даже интереснейшие попытки Макса Вебера показать близость кальвинизма с духом развивающегося капитализма кажутся проблематичными проф. Вульфиусу и вызывают недоверие с его стороны. Впрочем, проф. Вульфиус высказывается и еще решительнее на этот счет—«реформация никоим образом не может быть рассматриваема исключительно как продукт политических, социальных и экономических причин, а, несомненно, вырастает из особых условий религиозного развития Западной Европы» (II, 100), хотя семью строками выше, говоря о содержании реформации как результате классовой борьбы и действия экономических причин, автор не отрицает «влияния и этих мотивов». Было бы очень трудно отгадать, что важнее—«исключительно» или «несомненно» разобраться в казуистике этих уступительных и условных течений и частичек, если бы содержание книги не говорило бы за себя и не свидетельствовало о том, что весь метод проф. Вульфиуса состоит в разрывании единого исторического процесса на клочья и в их склеивании в зависимости от личных вкусов автора, которые влекут его в область систематического богословия. Этим же вкусам соответствует и библиография, приложенная к каждому отделу книги. Книга принадлежит к издаваемому «Наукой и школой». «Ведению в науку». От души желаем, чтобы каждый, входящий в храм науки, нашел бы себе входы в оный храм, еще не состоящими в ведении проф. Вульфиуса.

П. Преображенский.

ПРОФ. Д. Н. АНУЧИН. Открытие огня и способы его добывания. (Гос. Издат. Научно-Популярная. библиотека. Москва. 1922 г. 24 стр.

Небольшая брошюра проф. Д. Н. Анучина распадается на две части. В первой автор знакомит читателя с современным состоянием вопроса об открытии огня. Основное положение, что человек стал применять огонь ранее, чем он открыл способы его добывания, обосновывается рядом данных из области этнографии, истории и мифологии. Во второй части рассказывается о главнейших способах добывания огня, начиная с примитивных (сверление, выпахивание, выпили-

вание и высекание) и кончая новейшими (спички).

Эрудиция автора, ясное и стройное изложение, простой и хороший язык обеспечивают брошюре почетное место в нашей более чем бедной научно-популярной литературе по истории культуры. Особую ценность придает ей то обстоятельство, что автор широко привлекает русский материал.

В одном только пункте едва ли можно согласиться с автором. На стр. 15 проф. Анучин, вполне основательно критикуя гипотезу Гейгера о том, что открытие способа добывания огня путем сверления явилось побочным результатом вращательного движения, имевшего первоначально чисто религиозный характер, высказывает предположение, что религиозный смысл стал придаваться вращению уже после открытия огня путем сверления, и сводит к последнему все многочисленные, связанные с вращением, обрядности (молитвенные мельницы буддистов, крестные ходы, народные хороводы и т. д.). Мы полагаем, что такое обобщение едва ли является обоснованным.

Книга издана хорошо и иллюстрирована восемью вполне удовлетворительно сделанными рисунками.

Н. М. Попов.

АНДРЕЕВ, НИК. Век пара и электричества. (Из истории труда и капитала.) Культурно-просветительная библиотека. Вторая ступень знания. Серия естественно-научная. 2-е изд. „Книга". СПБ. 1922 г. 104 стр.+ 18 рис. на таблицах.

Можно ли просто, механически переиздавать теперь старые брошюры, написанные в свое время с расчетом на царскую цензуру? Вот первый вопрос, который является при просмотре названной выше книги Ник. Андреева, очень известного популяризатора. Достаточно указать два-три места, чтобы ответить отрицательно. А жаль, так как книга написана для самого первоначального ознакомления с возникновением капиталистического общества очень недурно. На стр. 71 при цитате из «Положения рабочего класса в Англии» читатель узнает о «знаменитом немецком ученом Энгельсе»—только и всего, а самое название его книги даже не приведено. Думается, что читателям важно знать не только то, что Энгельс был знаменитым ученым, а кое-что и из его практики. И место для этого само просится на стр. 98, где автор говорит буквально следующее: «чтобы прояснить сознание рабочих, изменить избирательные законы и добиться политической власти, сознательные рабочие и сочувствующие им люди из других классов составляют политические рабочие партии. Эти партии защищают интересы рабочего класса как в его борьбе с хозяевами, так и в его борьбе за права и политическую власть». И только.

Из последнего примера ясно видно, что дело не только в старых цензурных условиях, а и в тех изменениях, которые принесла с собою война и наша революция.

При переиздании старых брошюр (разбираемая вышла у Павленкова в 1908 г. как раз в разгар реакции после первой революции) нужно называть вещи своими именами и учесть опыт войны и революции. К примеру укажем на нелепое описание телефона — теперь большинству лиц, побывавших на войне, знакомого. Приходится пожалеть, что автор не переработал своей книжки, так как книжка, повторяем, написана умело. На 100 небольших страничках автор дает достаточное представление о тех экономических и общественных отношениях, которые были до капитализма, как развился торговый, а затем и промышленный капитализм и что он принес крестьянам и появившимся наемным рабочим, и как рабочие стали бороться с капитализмом. Очевидно, из-за цензурных условий примеры все не касаются России, а описание кризиса 1866 г. в Англии, взятое из «Капитала», не сопровождено даже именем Маркса. К примеру еще укажем, что книга, говорящая о веке пара и *электричества*, ничего не говорит о планах электрификации в различных странах, уже частично проведенных в жизнь.

Укажем еще несколько промахов. Неудачное выражение на 27 стр.—«толпы акул». Свою первую паровую маши-

ну Уат изобрел не для машин, а для шахтных водоотливных насосов и не в 1790, а в 1775 г. (стр. 41). Гудзон не озеро, а река (стр. 45).

Настоящая книжка сейчас приемлема только для ознакомления с возникновением и ростом капитализма. Наконец непонятно, почему эта книжка чисто экономического и исторического содержания включена в серию естественно-научную.

Ст. Кривцов.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

О. ПОЛЕТАЕВА. Занятия по географии. Гос. Издат. 1922 г.

Небольшая брошюра (65 стр.) составляет по своему содержанию продолжение книги того же автора «Три года преподавания естествознания и географии». В последней книге описывается работа с детьми более старшего возраста, где уже возможно отделить географию от природоведения. Читатель имеет возможность проследить шаг за шагом весь процесс годовой работы учителя, уяснить себе не только содержание и объем географических сведений, сообщенных детям, но и—что наиболее важно и интересно для педагога—самый метод работы с детьми. Мы, читая эту книгу, входим на уроки и присутствуем с детьми. Это не только подробный отчет педагога о пройденном, а методический доклад, дающий яркую картину того, что делалось на каждом уроке, как реагировали дети, как строила и проводила свои беседы руководительница. В настоящее время, когда выковываются новые методы школьной работы, когда переходят, правда, еще немногие, от слов к делу, особенно важно делиться своим опытом, выносить этот опыт на обсуждение своих товарищей по работе. Педагоги, несмотря на конференции, съезды и другие собрания, на которых обсуждаются общие вопросы, разобщены в своей обычной практической деятельности и часто не находят ответов на свои вопросы: как на деле вести обучение. Такими педагогами книжка Полетаевой прочтется, несомненно, с интересом и пользой.

План, который автор поставил себе выполнить в течение года, был таков: Понятие о плане и профилях, вид и движение земли, широта и долгота места. Материки и океаны. Годичное движение земли, времена года. Луна и солнце. В заключение приводится описание трех подмосковных экскурсий: в село Коломенское, Кунцево и Кузьминки. Активное восприятие детей выразилось в целом ряде работ во время проработки каждой темы: зарисовка, лепка, аппликация, сочинения и т. д. Анализ уроков дает нам право сделать один важный вывод: дети усвоивали не книжные сведения, а черпали познания из живой беседы с преподавателем, наблюдали, строили, лепили, рисовали. В этом положительная сторона разбираемой книжки. Педагог найдет здесь много ценных указаний. Есть, однако, один существенный недостаток в плане работы; это архаичность его структуры: географические сведения даются не всегда в конкретной действительности, а по обычной для учебников схеме; мало чувствуется связь географического изучения с родиноведением, построение курса в общем не основано на изучении окружающего. Есть много, несомненно, очень трудных отделов, относительно которых можно сомневаться в сознательности усвоения их детьми младшего возраста, напр., практическое определение широты и долготы, объяснение времен года и т. д. Письменные работы детей, приводимые в конце каждого отдела, указывают на то, что дети ярко воспроизводят усвоенное, но в них, на ряду с этим, много и неверных пред-

ставлений: так «соль очень сильно растворена в воде» (морской) «когда на море буря, то волны большие, напр., в Черном море с двухъэтажный дом величиной» (стр. 23); «дюны часто меняют свое направление» (стр. 25); земля—шар. Это доказали ученые люди, которые делают кругосветное путешествие. «Они выехали из одного места и поехали по прямому пути» (стр. 18); «вулканы—горы, внутри которых находится огненная лава и раскаленные камни» (стр. 33); Помпея «была сначала засыпана пеплом, а потом залита лавой»; прилив и отлив происходит оттого, что «и вся вода собирается в середину и луна притягивает ее». Таких примеров можно бы привести очень много. Есть выражения, своей наивностью способные вызвать улыбку, как «киты—самые величавые животные». Такие неверные представления обычны в детских работах; остается лишь неизвестным, разъяснено ли было детьми, что ими допущены ошибки; в изложении автора не видно этого, никаких оговорок на этот счет мы в книге не находим, а это заставляет нас думать, что автор мог оставить невыправленными и неразъясненными искаженные восприятия.

Но все эти недостатки и упущения не умаляют основных положительных качеств книги. Подкупает добросовестность автора и желание делиться своим опытом с другими, и с этой стороны даже ошибки могут быть поучительны и принести свою долю пользы. Книга остается ценной и интересной сводкой результатов работы по преподаванию географии.

А. Барков.

К. П. ЯГОДОВСКИЙ. Уроки по естествознанию. Опыт методического руководства для учителя. Часть I, II. Гос. Издат. 1921 г.

К. П. Ягодовский—один из лучших методистов нашего времени, поставивший своею целью борьбу с догматизмом в школьном преподавании. Догматизм—зло, кое следует всячески искоренять. Значение школьного естествознания—в его исследовательском методе, а не в сообщении полезных знаний. Знакомство человека с методами естеств.-историч. исследования (даже школьного) коренным образом изменяет мышление, вырабатывая его самостоятельность, развивая здоровый критицизм и уничтожая слепое преклонение перед словом авторитета. Только правильно поставленное естествознание научает мыслить от факта и наблюдать его. Поэтому автор включает в свой курс, проводившийся им до написания книги в течение 3 лет, только те вопросы (за исключением некоторых), которые могли бы быть активно проработаны учениками, затем дает методическую разработку этих исследовательских уроков или, в случае отсутствия в школе достаточного оборудования, заменяет их демонстрационными уроками. Иногда приводит примеры, как не следует преподавать и как, к сожалению, чаще преподают.

Естествознание должно преподаваться в качестве отдельного предмета со 2-го года обучения. Следует, начав с неживой природы, развить навыки по обращению с лабораторным материалом, научить отвешивать и отмеривать (очень важно); в книге имеется много практических указаний относительно обработки стеклянных трубок, пробок, сборки приборов и проч. Затем изучаются свойства воды, воздуха и земли. Очень многие вопросы, затрагиваемые обычно в учебниках, Ягодовским выпускаются, как недоступные исследованию детей. Особенностью курса является прохождение в тот же год животных и растений.

Автор считает нужным затронуть сведующие вопросы: как животное не погибает от голода, спасается от врагов и обеспечивает от гибели свою молодежь. Материал—животные легко наблюдаемые и (лучше) в естественной обстановке; из ботаники — семя и его прорастание, части растения, цветок, опыление. Есть отдельная небольшая глава об экскурсиях, и в ней о детях говорится как о маленьких исследователях. «Общие положения» автора «(Влияние конкретного факта на развитие ребенка» и др. главы) прочтутся с большим интересом народными учителями. Очень ценно указание на необходимость

постоянного контроля преподавателя над наблюдением учеников: восприятия детей крайне неполны и неточны, и класть их в основу уроков, как это делается в некоторых школах, нельзя. Вполне соглашаясь с предисловием издательства в том, что «настоящая трудовая школа 1 ступени должна быть более глубоко проникнута началом активности и более тесно связана с производительным трудом», чем это делает Ягодовский, я должен все же сказать, что подавляющее число наших школ слишком далеко от того, о чем пишет автор.

По заявлению В. А. Герда, на недавно бывшей в Москве конференции естественников, преподавателей I ступени, естествознание в массе народных школ не ночевало. Между прочим, при неуклонном проведении принципов так горячо отстаиваемых Ягодовским и другими, исчезает совершенно нужда в учебниках, которые ни в какой степени не могут заменить лабораторных занятий и научить методу. Приложен очень небольшой список хороших методических руководств и книг для подготовки к урокам. «Уроки» необходимы для учителей I ступени, но они окажутся небесполезными по своему духу и для многих преподавателей 2 ступени. Хотелось бы поскорее увидеть переизданными III и IV части «Уроков».

М. Н. Тихомиров.

П. БЛОНСКИЙ. Азбука труда. (Введение в трудоведение). Изд. «Работник Просвещения». Москва. 1922 г. 48 стр.

Как и сам автор признает это—его работа является лишь компиляцией трудов Тейлора, Амара, Чарновского, Маркса и др. Тема книги чрезвычайно интересна и крайне своевременна. Трудоведение—это не только социальная проблема первостепенной важности,—это и новая научная дисциплина, ждущая себе кафедр от высших учебных заведений и университетов до начальных школ. Но не говоря уже о том, как разработал ее Блонский,—он ее даже не поставил в должном виде. Вся книжка носит отрывочный характер и в ней нет объединяющей идеи; выпукло, ясно, четко не провозглашены те принципы, которые должны лечь в основу этой новой науки. Книжка до крайности популярна и элементарна. Это обстоятельство также скорей можно отнести в пассив, нежели в актив книжки. Ведь если автор задумал действительно вве ение в трудоведение и ставил в нем такие вопросы, как определение трудоспособности, психологические основы труда, проблема педагогики труда, что подлежит изучению в работе и пр.,—то, следовательно, он обращался не к трудящемуся в элементарном (мускульно-фабричном) смысле труда, а к тем, кто или организует или изучает его. В таком случае для этого состава читателей совершенно лишни элементарные компиляции взглядов Маркса на труд и вся упрощенная манера изложения и определений. Если, напротив, читательскую аудиторию автор мыслил как аудиторию рабочую, то для нее лишни педагогические проблемы, затронутые в книге. Отсутствие в книге четко поставленной задачи создало какую-то неравномерность как в затронутых проблемах, так и в разработке материала, а неотдача автором ясного отчета в составе читательской аудитории—отразилась на способах изложения. Между тем от Блонского как раз можно было ожидать и даже требовать более продуманной работы и более интересного ее разрешения. Так, напр., в книжке остался совершенно незатронутым (как будто автор и не подозревает о нем) вопрос о соотношениях между трудом и мастерством, трудом и искусством. Проблема искусного труда—проблема и социальная и производственная.

В книжке, претендующей служить «введением в трудоведение», отсутствие глав по этим вопросам—существенный пробел, тем более, что в ней же, несмотря на ее 48 страниц, есть такие главы, как «постройка завода», «рациональная организация промышленного предприятия»—главы, не представляющие существа трудоведения, как особой научной дисциплины. Так же односторонне взят труд, как труд только физический.

Очень досадно, что книжка не удовлетворяет тех ожиданий, которые возникают у читателя, заинтересованного исключительностью и своевременностью темы, представляющей чрезвычайно большое значение.

Николай Тарабукин.

П. БЛОНСКИЙ. Педагогика. Книгоиздательство «Работник Просвещения». Государственное Издательство. Москва. 1922 г. стр. 164.

На обратной стороне титульного листа помещено объяснение тому обстоятельству, что на книге фигурирует наименование двух издательств. Оказывается—книга издана по заказу Госиздата книгоиздательством «Работник Просвещения».

В предисловии автор выявляет задачи книги: первая—ориентировать читателя в современных педагогических взглядах и вторая—«сообщение ему (читателю) цельного и последовательного научного педагогического мировоззрения».

Автор отвергает философскую педагогику, ставящую себе целью отвлеченные идеалы. «Педагогический идеал вовсе не является продуктом отвлеченных философских умозрений, он создается в результате изучения реальных условий развития воспитываемого организма». С другой стороны, П. Блонский указывает и на основной недостаток экспериментальной психологии. Эта последняя изучает воспитанника «как такового, вне связи его с окружающей средой» [1]). Между тем, «научная психология не может быть иной, как только социальной, поскольку человек — общественное животное, да и самый процесс воспитания есть общественный процесс. Понятно поэтому, почему обычная педагогическая психология, ярко индивидуалистическая, не может дать удовлетворительных ответов педагогу: она изучает, вместо конкретного процесса воспитания и конкретного воспитанника, какую-то абстракцию, фикцию». Автор рассматривает педагогику, как науку социальную, и отдает дань социальной психологии. «Научная педагогика,—говорит он,—должна мыслиться как научная, т.-е. биосоциальная педагогическая психология, иначе говоря, педагогика есть педагогическая биосоциология.

Оригинальною является мысль автора в области модной в наше время евгеники. Исходя из данных биологии, наследственности, он выявляет себя сторонником евгеники, рационально поставленной и научно обоснованной. Надо стремиться к устранению «ходячего предубеждения против евгеники, что де с нею связана идея грубо-насильственного спаривания человечества. На самом деле искусственный половой подбор, рационально поставленный, есть не что иное, как пользование, в целях евгеники, законами *естественного* полового подбора. Грубо насильственный,—говорит Блонский,—искусственный половой подбор не в будущем, но в прошлом и настоящем кастового и классового общества».

Отдел моторного воспитания (глава V) развит слабо. Но зато здесь есть интересные отрывки статистического характера, рисующего состояние детей разных общественных классов и неизбежность вымирания детей бедняков, детей фабричных рабочих. Эти же сведения классового содержания, рассеянные по всей книге, придают ей жизненный, а не схоластический характер.

Психология юности и педагогика ее отмечены в книге недостаточно полно. Литература этого вопроса вообще небогата; тем более необходимо полнее осветить этот вопрос. Да и вообще, пора отказаться от взгляда, будто педагогика должна ограничиваться пределами детского возраста. Юношество—наиболее благодарный объект для социального воспитания. Игнорировать этого не приходится (Один Комсомол чего стоит!). Автор упоминает из трудов по юношеведению только С. Холла (Adolescence) и Мандусса (L'Ame de l'adolescent) [1]). Между тем эта отрасль так нужна русскому педагогу, что сле-

---

[1]) Русские представители этой отрасли во главе с А. П. Нечаевым страдают тем же основным недугом.

[1]) Обе эти книги выходят сейчас в русском переводе. Первая—по заказу ЦКРКСМ, а вторая издается ГУВУЗ. Обе, к сожалению, не полностью.

довало назвать и Марго, и Вяземского, и Компейре, и Никольского и др.

Глава VII—«Трудовое воспитание» в конспективном виде охватывает почти все стороны этой проблемы. Следовало бы, однако, более подробно остановиться на критике профессиональной ремесленной школы Кершенштейнера. Она и до сего времени имеет поклонников. Параграф пятый этого отдела является наиболее оригинальным. Он озаглавлен так: «Политехническое образование и рабочий класс». Автор ставит здесь себе целью марксистски обосновать необходимость и целесообразность трудового воспитания.

Особенный интерес представляет глава VIII Умственное воспитание. Религиозное и научное мышление. «Та вера,—говорит Блонский,—которая внушается господствующими классами массам, обычно в форме религии, служит как бы опиумом, позволяющим массам доверчиво переносить свои страдания, не восставая против угнетателей... Для укрепления этой веры, с одной стороны, пускаются в ход всевозможные средства внушения и гипнотизации масс, воздействующие, главным образом, на чувство и фантазию, так наз. «культ» (собрания верующих в храмах, молитвы, проповеди, религиозные процессии и т. п.), а с другой стороны—подавляется всякая критика (борьба с еретиками)... «Современное человечество резким образом распадается на две неравные части: необразованную массу, занятую физическим трудом, и образованное общество, владеющее всеми благами современной материальной и интеллектуальной культуры. То, что обычно подразумевается под образованием масс, есть на самом деле усвоение ими вовсе не всех благ современной культуры, но лишь усвоение тех навыков и верований, которые делают их полезными слугами господствующих классов... Поскольку знание является огромною социальною силой в процессе классовой борьбы, постольку ясно, что образованный класс добровольно свою привилегию исключительного обладания современным знанием не уступит: массы сами берут ее себе. Отсюда ясно, что завоевание ровного образования для всех есть процесс, предполагающий напряженную и ожесточенную революционную борьбу. И одной из самых главным предпосылок успешности этой борьбы для масс является предварительное завоевание ими экономических благ современного общества, так как экономическая слабая масса может только грезить о доступности для нее высших приобретений современной культуры».

Автор книги, таким образом, стоит на точке зрения революционного марксизма. Эта мысль для педагога особенно ценна, так как она является в его руках инструментом воспитании.

А. Ефремин.

И. УСТИНОВ. «Развитие речи». К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах. Гос. Издательство. Москва, 1922 г.

Пособие И. Устинова представляет собой попытку разрешить один из больных вопросов современной школы для взрослых—вопрос о системе занятий по Развитию устной и письменной речи.

Дореволюционная школа оставила нам ряд руководств по развитию речи, но большинство из них мало применимо к школе взрослых, так как и по своим задачам и по материалу упражнений они рассчитаны на учащегося—ребенка и подростка.

Развитие речи взрослых, помимо общих задач (развитие языка—мысли), должно ставить себе задачи практические—научить учащегося приемам устной и письменной речи, необходимой ему теперь же, в обиходе его профессиональной и обще-гражданской жизни. Материал упражнений, естественно, должен определяться живыми интересами современного взрослого человека.

Эти требования, несомненно, учитываются пособием И. Устинова.

Кроме работ, практикуемых и раньше в средней школе—составления писем, самостоятельных рассказов, дневников, работ по картинам, сочинений на темы из круга личных впечатлений, докладов, рефератов на общие и литературные темы, в пособии И. Устинова указан ряд

работ, связанных с школьно-клубной, профессиональной и обще-гражданской жизнью учащихся-взрослых, как составление анкет, служебных записок, доверенностей, прошений, актов, протоколов, отчетов, работ с журналом, газетой, газетных корреспонденций и т. д.

Все указанные типы упражнений сопровождаются краткими методическими указаниями и иллюстрируются работами учащихся.

Правда, большинство работ учащихся взято И. Устиновым из практики командных курсов, почему они носят несколько специфический военный характер, но как примерные образцы, они достаточно показательны для всякой школы взрослых.

Разнообразие материала в книге И. Устинова, содержательные методические указания и, главное, практическая жизненность подхода к вопросу,—все это заставляет признать его книгу ценным пособием для преподавателей и учащихся не только командных курсов, но и рабочих факультетов и других видов обще-образовательных школ взрослых.

В. Голубков.

В. А. НЕВСКИЙ. Внешкольное образование во всеобщей истории. Культурно-исторические наброски. Изд. автора. Кострома, 1922 г. 127 стр. Ц. 300 р.

По заглавию очень трудно определить, о чем автор пишет в своей книге. Но, уже прочитав несколько страниц, убеждаетесь в том, что заглавие не совсем соответствует содержанию—правильнее было бы назвать книжку: «что можно полезного извлечь для коммунистического общества, изучая культурную жизнь прошлых веков». В предисловии автор говорит: «Прослеживая все периоды развития человеческой культуры, а не по «Медынскому» должны готовиться внешкольники к той колоссальной работе, которую поставила перед ними история». Против этого спорить нельзя—корни нового в старом, культурная жизнь преемственна, законы исторического развития известны нам и до книжки В. А. Невского. Никаких открытий автор не делает и не может сделать. Вся работа его заключается в том, что он по порядку рассматривает быт и культуру первобытного общества, античного общества (Греции, опуская Рим, проходя мимо культуры Востока, почему—неизвестно!), средневекового и т. д., до наших дней.

Попутно он, изложив отдельный вопрос, говорит: «вот это было бы хорошо и у нас ввести». Так, утверждая, что «из суровой» «Спарты выросли жизнерадостные Афины» (?!), автор замечает: «*Так* [1]) из пролетарского спартанства—на почве полной победы коммунизма—вырастет скоро и пышно пролетарский эллинизм» (стр. 11). Почему эта параллель, где ее корни, на каком основании построено это «так»? И так вся книга: были в Греции игры—*так* надо устроить и у нас; был Дельфийский оракул, надо его устроить и у нас (!!) в виде справочного бюро (!) (стр. 17). Зачем притягивать за уши Дельфийского оракула? И таких примеров масса.

Но есть и верные мысли, разбросанные крупицами по книге, как это всегда бывает в книгах В. А. Невского.

Трудно дать заключение—почему нужна эта книга? Во второй своей части она живее, сочнее, может быть полезна в качестве материала для ознакомления с постановкой просвещения на Западе. Но в целом она производит отрицательное впечатление.

Вад. Смушков.

Л. Д. СИНИЦКИЙ. Трудовая школа. Моск. Отд. Госуд. Издательства. М. 1922 г 187 стр.

Большая часть книг по вопросам единой трудовой школы, вышедших до сих пор, рассматривает вопрос теоретически, подводя основания для создания школы, *намечая* ее формирование. За последнее время вопрос перешел в другую плоскость—в обсуждение практических планов построения школы, в критику нашего опыта, намечение коррективов. И часто казалось, что мы слишком мелочно взвешиваем отдельные моменты,

---

[1]) Курсив мой. *В. С.*

отдельные практические шаги—эти голоса слышались, примерно, когда шел довольно напряженный спор о том, быть ли школе семилетней или девятилетней. Теперь мы видим, что спор был не пустой—опыт показал, что т. Крупская была права, отстаивая девятилетнюю школу,—приходится вносить коррективы, пристраивать к высшей школе подготовительные классы, а это удорожает школу, разбивает единую стройную систему.

Книга Л. Д. Синицкого снова возвращает нас к вопросу о сущности трудовой школы, о развитии *идеи* ее в педагогике, начиная с древней Греции и кончая работами П. П. Блонского. С другой стороны, автор устанавливает общие принципиальные и социальные основания школы, довольно широко и глубоко используя литературу. В исторической своей части книга несколько приближается по содержанию к книге т. Н. К. Крупской «Народное просвещение и демократия», но проигрывает от сравнения, так как у т. Крупской изложение необычайно живое,популярное, тогда как этого нельзя сказать о Л. Д. Синицком.

Удачнее,—вернее, интереснее, первая часть книги («Современные педагогические течения, приводящие к идее трудовой школы» главы I—V). Здесь автору удалось собрать и расположить удачно имеющийся у него материал по вопросу об идеологических предпосылках трудовой школы. Интереснее других пятая глава, в которой устанавливаются методы трудовой школы, разбирается вопрос о роли природоведения и обществоведения как организующего начала, базиса в построении всего учебного плана школы. Спорно, пожалуй, утверждение автора, что в младших классах таким базисом должно быть естествознание, а в старших обществоведение—некоторые практические опыты как будто опрокидывают это утверждение, так разделяющее основание школы (хотя бы опыт колонии школы второй ступени при биостанции юных натуралистов в Сокольниках).

В общем и целом книгу следует рекомендовать нашим педагогам. Но в настоящее время она все же является некоторой роскошью, первая часть ее с успехом заменяется трудами хотя бы т. П. П. Блонского, вторая—книгой т. Крупской.

Вад. Смушков.

ПОРШНЕВ, Г. И. Революция и культура народа. Сборник статей по внешкольному образованию. С 2 диаграммами. Иркутск, 1917 г. Стр. 113.

Сборник целиком зиждется на вопросах значения и влияния книги. Весь он проникнут ультра-розовым, демократическим духом, слишком отдающим перманентной сладостью и добродетельностью. Причину этому можно видеть лишь в эпохе, когда он издавался: 1917 г., намеченный на обложке, вполне определяет характер книжки. Типично-интеллигентское настроение, спрыснутое либеральной росой первых революционных восторгов, не могло найти более подходящей формы. Как культурническое· прекраснодушие приводит к самозабвенной апологии книги—так можно бы формулировать впечатление от сборника.

Нельзя, конечно, осудить это, сказать, что это плохо, но нельзя скрывать, что в книжке, кроме восторженной легковесности, ничего не найти. Не чувствуется созидательного элемента, ничем эта книжка не связана с нашими днями: она уже умерла в том же 17 году. Библиотечная проблема, к которой логически приводит постоянно автора его порыв (искренний, спору нет), далеко уже и достигнута, и снова изжита, *и возвращаемся мы к ней, обогащенные опытом, совсем в иных формах*, в иных построениях. Все статьи были напечатаны ранее и, не стану спорить, может, и имели тогда свой собственный, отдельный мелкий смысл,—но воскрешать-то их зачем? Они либо написаны на случайные, очень узкие темы (возьмите «Судьбу библиотеки О-ва приказчиков» или «Библиографический путеводитель В. Г. Короленко», написанный к 60-летнему юбилею писателя), либо, если дело касается какого-либо идеологического содержания, безбожно скучны и устарели. Опять-таки: без всякого желания

заподозрить автора в неискренности (применительно к его приподнятому тону такой вопрос уместен и не является оскорблением) или в самохвальстве (в нем бьется честная струна убежденного культурника), надо признать, что в сборник-то их вовсе не следовало соединять. Они приближаются к характерному типу мелкой журнальной работы «к случаю». Оригинального, яркого—ничего. Наиболее существенная статья, играющая роль «гвоздя» сборника и помещенная первой, посвящена величию, важности, душеполезности и прочим добродетелям книги, но сколько в ней надергано «изречений мудрых людей», сколько притянуто возвышеннейшей сентенции, нравоучительно-народнической маниловщины и как мало спаяно это подлинно действенной энергией! Что-нибудь острого, творческого, подлинно революционного, тем паче — специфически-пролетарского в книге т. Поршнева не ищите. Для узкого специалиста, пожалуй, могли бы представить некоторый интерес статьи: «Несколько мыслей о демократизации библиотек» и «Книга читателей», но, право, теперь для него это настолько знакомо, настолько приелось, что, кажется, словно ватой кормит наш автор. Поставить в архив надо эту книгу, на академическую полку для коллекции; время ее минуло—да, в сущности, как для сборника, и было ли? При всем бескорыстном доброжелательстве к тов. Поршневу, как просветительному работнику, распространять ее ныне не следует. «Новое время—новые песни». Эта книга т. Поршнева поет совсем не в лад с эпохой.

М. И. Слуховский.

БИБЛИОГРАФИЯ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

СПИСОК ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ ЗА 1918 ГОД. Составил по материалам Российской Книжной Палаты Л. К. Ильинский. Петрогр. Гос. Изд. 1922 г. Стр. XXIII+287.

В 1920 году было много споров между петербургскими и московскими библиографами и книжниками по поводу перенесения Российской Книжной Палаты из Петербурга в Москву; и главный аргумент, который тогда официально Петербургом не выдвигался, но зато в настоящее время высказывается весьма откровенно,—это большой удельный вес петроградских библиографов, объединившихся вокруг Российской Книжной Палаты, и сомнительная научность москвичей, организовывавших «Центральную Книжную Палату». Последние же базировали свои настояния на плохой постановке дела в Петрограде, во-первых, на нежелании Петрограда использовать необходимые в деле регистрации органы на местах, во-вторых, и на происходящих отсюда бесконечных упущениях в деле библиографирования произведений печати—в-третьих.

Лежащий перед нами, вышедший только в этом году, труд и является как раз результатом работ Петроградской Книжной Палаты в то время междоусобий (1919—1920 гг.). Уже самое его опоздание на четыре года характерно: вместо живого справочника книга дает исторический материал. Но годится ли она по содержанию на роль серьезного исторического труда по библиографии?

Прежде всего, обозначен. как автор, — Л. К. Ильинский. Но почему Л. К. Ильинский? В свое время правительство отпускало средства на составление этой работы не почтенному профессору, а Российской Книжной Палате, и естественно, что труд должен был выйти коллективный (да так оно и есть, судя по предисловию). Не пора ли оставить эту профессорскую манеру—выдавать за свои—работы студентов, по купеческому принципу: «Лошадь везет, а извозчик на чай получает». Но пусть будет так: критика облегчается, ибо программа издания, судя по предисловию, составлена указанным редактором издания.

А программа своеобразная. Читатель, который не захочет терять времени на чтение длинного предисловия, может попасть впросак. Программа необыкновенная, даже для русских, не весьма требовательных библиографов: список периодических изданий здесь составлен не на основании полученных Кн. Палатой газет и журналов, а самыми разнообразными способами, главным образом, на основании *косвенных указаний*,—не только списков, присылаемых собирателями с мест, но и объявлений в газетах и журналах о предстоящем выходе тех или иных периодических изданий, а также и заявлений в комиссариаты по делам печати для получения разрешения на то или иное издание.

Одно это обстоятельство совершенно подрывает доверие к работе: каждому журналисту известно, что очень часто появляются объявления об изданиях, которые выходить не будут; что в такую революционную пору, как 1918 г., каждая редакция запасалась разрешениями на свое издание, под разными наименованиями, для выпуска газеты или журнала на другой день после запрещения, лишь переменив название. Но Л. К. Ильинский как будто этого не знает, а мы из-за этого, в свою очередь, не знаем, какие же из приводимых им изданий действительно появлялись, а какие так и не вышли на свет божий. Один из многочисленных курьезов: о прекращении *в Петрограде* органа коммунистической партии «Коммунист», *Петроградская* Книжная Палата узнает из газеты «*Алтайский Луч*», издаваемый в *Барнауле* соц.-демократами объединенцами (см. стр. 126).

Конечно, делу можно было помочь без особого труда, проверив в Центропечати, в Петроградском Совете, в библиотеке В. Ц. И. К., получавших почти все издания из провинции, что именно выходило в свет; но этот путь самый легкий, поэтому Л. К. Ильинский предпочел итти закоулочками. У читателя является, конечно, вопрос: отмечены ли, ну, звездочкой хотя, издания, выход которых сомнителен. Увы, нет. Читатель должен безрезультатно догадываться, во многих случаях,—что же, выходило данное издание или нет.

И редактор издания откровенно сознается, что по таким косвенным данным составлена большая часть книги, но его признание, конечно, нисколько не улучшает дела.

Одного вышеизложенного достаточно, чтобы отнестись к программе издания отрицательно; большинство из 2.400 изданий включено в список «по наслышке». О какой-нибудь полноте сведений и речи быть не может, и когда, напр., для Ставрополя губернского включены в перечень 18 изданий, для Петрозаводска—11, Владикавказ имеет только одно издание, а Псков—два,—явная нелепость.

Но, к сожалению, этим дело не ограничивается. И библиографические данные, которые имеются для каждого издания, нас удовлетворить не могут, так как совершенно отсутствуют как общая норма—сведения о том, сколько номеров издания вышло, когда оно началось, когда прекратилось, *вместо какого издания* выходит (вопрос очень важный для 1918 г. и очень легко, в большинстве случаев, решаемый, если иметь в руках эти издания).

Конечно, по вышеуказанной причине о большинстве изданий таких сведений в Петроградской Книжной Палате не было, но ведь невероятно, чтобы там не знали, например, когда началось издание журнала «Народное Просвещение», центрального органа Наркомпроса, в Петрограде, когда прекратилась, вернее—перенесено в Москву, сколько за год вышло; если мы найдем в списке газету «Правда», центральный орган большевиков, то не узнаем даже, когда она начала выходить в Москве. О более мелких изданиях и говорить не приходится: везде случайность сведений, плохо вяжущаяся с мнимой высокой осведомленностью Петр. Книжной Палаты.

До чего эта случайность материала доходит, показывает следующее: в сборнике приведены также названия заграничных газет, в числе—из сотен издававшихся в то время—всего *трех*, в том числе две на *украинском* языке—попали в список из украинского «Кни-

гаря». По этому факту можно судить, насколько серьезно отнеслись составители к своей задаче.

В отличие от предыдущего подобного издания той же Палаты за 1917 год («Список повременных изданий» за 1917 г. Петроград. 1919 г. Стр. 21—186), составленного по той же системе под редакцией Л. К. Ильинского, и очень небрежно, напр., автор настоящей рецензии там превратился в «Щелкунчика», см. стр. 124, в 1918 году мы имеем нововведение, в виде включения *содержания* периодических изданий. Это выглядит немного странно, если принять во внимание, что даже при партийных изданиях, в виде общего правила, не указывается, какого они направления. Но странность нововведения только подчеркивается тем, что г. Ильинский дает «содержание» не для всех изданий, а не более как для десятой части; при этих условиях, конечно, выступает на сцену субъективизм составителя. Чтобы избежать упрека в последнем,—ведь мы имеем дело с «служением чистой науке»,—Л. К. Ильинский приводит точные выдержки из объявлений об изданиях, передовых статей и т. д.

Но при этом условии, казалось бы, интерес составителя должен быть обращен к наиболее крупным по значению изданиям; однако, здесь дело обстоит иначе: центральные органы партий—«Правда», «Коммунар», «Вперед», «Дело Народа», «Земля и Труд», «Народное Слово», «Новая Жизнь», не удостоились приведения их программ, зато из изданий религиозного характера перепечатаны чуть ли не передовицы. Наше удивление возрастает, когда мы видим, что из сотни провинциальных изданий «Известий Советов» автор приводит «программы» только двух—Сенгилеевского и Старорусского Советов. Не задавайте вопроса: почему. Просмотрите эти «программы», и вам будет ясно, в чем дело: провинциальные товарищи допустили некоторые неудачные выражения; «служитель чистой науки», очевидно, не случайно выбрал только эти две программы: он, видите ли, изволит издеваться над корявыми фразами представителей народа, за счет которого он научился грамоте и на счет которого издана эта книжка.

Так же неудачна, по некоторым выражениям, «программа» Еженедельника В. Ч. К., и приведена она в обширных размерах, «с сохранением орфографии».

Мы не имели бы никакого нравственного права говорить это, если бы составитель приводил подобные неудачные фразы из других изданий; но, кроме двух случаев—с «Огоньком» («Изящная словесность являет самодовлеющий отдел») и с одним кинематографическим журналом, мы не встретили подобных «курьезов» из не-советских изданий.

Зато, как своеобразно понимает свое задание наш составитель, когда дело доходит до содержания белогвардейских изданий. Здесь он забывает, что его программа—дать только «программы изданий»,—и перепечатки статей превращаются, если их собрать, в маленькую энциклопедию антисоветской агитации, содержание которой теперь, конечно, только курьез, но в которой *программы* изданий мы никак не найдем.

Так, мы узнаем, что «в первом своем слове мы должны поднять свой голос против гонений на печать, против закрытия органов печати без судебного разбирательства и приговора» («Волжская Трибуна»). Почему же характерна эта филиппика—мы привели только начало—для программы провинциальной газеты?—спросим мы г. Ильинского. Ведь то же печаталось в *сотнях* газет того времени.

Впрочем, он дает образцы этой «свободы печати», из которых видно, кому нужна свободная печать. Напр., в оренбургской газетке «Вольная Степь» помещена агитационная, не программная, статья. Л. Ильинский приводит ее полностью, с такими прелестями: «Чуть ли не вся Европейская Россия попала за дни большевистского господства во вражьи немецкие руки. В огромном числе губерний и городов люди гибнут от голода и от не знающего пощады изуверства». Что это, программа?

Или еще («Трудовое Хозяйство» в Бежецке): «Среди необузданного разгула личных интересов, пробужденных в малосознательных частях населения стихией революции... Глубоко расстро-

енное политикой царского самодержавия и трехлетней мировой, бойней государственное хозяйство получило смертельный удар от того предательского мира, который подписан в Бресте. Социалистические опыты центральной и местных советских властей во имя задушения буржуазии углубили разруху страны и привели население к равенству в голоде». И т. д., почти на целую страницу. Неужели г. Ильинский не понимает, что это—выпады агитационного характера, а не *программа* издания? Ведь, всякая программа газеты выражается прежде всего в тех положительных заданиях. которые намечают ее исполнители, т.-е. редакция.

Но если мы перейдем к предисловию, то увидим, что г. Ильинский все это прекрасно понимает, только весьма пообывательски, и раздражается; его очень сердит,—несмотря на весь плохо выдержанный «объективизм»,—и закрытие Советской властью органов печати, с этой властью боровшихся (стр. V—VIII), и «новая орфографическая *манера* письма», (стр. XXI), и то, что «новая пресса не соблюдает *обязательных элементов традиции*» (?) (стр. XIV). Мы не приводим других «корявых выражений» автора, которых целый ряд, напр., на стр. XV, ибо меньше всего хотим итти его дорогой в этом, как, впрочем, и в других направлениях.

Кстати об орфографии: почему список, составленный в 1919 году и изданный в 1922, напечатан по старой орфографии? Есть основное правило библиографии: названия изданий можно приводить в орфографии подлинника, остальное в орфографии той страны, для которой книга издается. А так как книга эта издается в 1922 г., для Советской России, на ее счет, то следовало бы считаться с ее декретами, хотя бы и раздражающими.

Не пора ли уделить один-два часа, чтобы научиться писать грамотно, как требует Академия Наук и как пишут в Советской России?

И горячо порекомендуем составителю позаимствовать у «Книжной Летописи», к которой он столь пренебрежительно относится (см. его брошюру «Книжная Летопись». Петроград. 1921 г.) и серьезности отношения к делу, и точности, и объективности, а главное тактичности, которой так нехватает г. Ильинскому в разбираемом нами труде.

Ведь он хорошо знает, что мы далеко не исчерпали всех тех минусов, которыми наполнена его, неизвестно кому нужная при таком методе составления, книга, на которую даром истрачены немалые народные деньги.

М. Щелкунов.

П. А. ДИЛАКТОРСКИЙ. Опыт указателя по северному краю с 1766 до 1904 года. Издание Вологодского общества изучения северного края. Вологда. 1921. Стр. 312. Тираж 2.000.

Беднейшая из русских научных дисциплин—библиография. Два-три крупных труда—все наше богатство. Ни для кого не секрет, что при отсутствии полного учета русской книги, вышедшей за два века «западного» направления русской истории (XVIII—XIX вв.), нередко в провинциальной библиотеке отыскивается экземпляр, какого нет в главнейших наших книгохранилищах столиц. Тем более с радостным чувством держишь в руках массивную книгу библиографического содержания, тем с большим вниманием относишься к ней, видя разработку в ней чисто местной библиографии.

Скромный труженик-краевед просидел несколько лет над своим трудом перерыл сотни тысяч страниц старых газет (а газета за сто лет всегда уникум), тысячи книг, надорвался над этой неблагодарной материально и для тщеславия работой, умер в 1910 году, оставив потомкам свою рукопись.

Только революция оценила этот громадный труд, и через десять лет после смерти составителя стало возможно появление книги в свет.

До революции существовало только платоническое желание издать книгу, но все не находилось необходимых средств. Лишь разоренная Россия нашла эти средства.

Ни один будущий исследователь грандиозной по площади и неисчерпаемым богатствам ее недр и поверхности—северной области—не обойдется без указателя П. А. Дилакторского. И сколько времени, сколько труда он съэкономит, беря готовый материал, а не разыскивая его по крупицам.

Всякий научно работавший человек знает, как дороги эти указатели, какие они незаменимые помощники в работе.

При таких условиях не хочется даже говорить о недостатках книги. А они есть. Погодное расположение материала, разбросанность одного и того же автора по всей книге, все дисциплины смешаны, неточны названия некоторых книг (переданы своими словами), перепутаны порою даты и т. п.

Но все это мелочи, хотя и немаловажные, основное же—самый труд—является подкупающим.

Указатель насчитывает 5073 названия книг и статей, снабжен алфавитным указателем авторов, переводчиков, издателей, географическим и предметным указателем.

Книгу открывает биографическая статья и обзор литературной деятельности П. А. Дилакторского, затем идет страничка личных о нем воспоминаний, красочно рассказывающая о реакционных временах 90-х годов, в которых начинал работу Дилакторский и, наконец, библиографическая заметка о литературном наследстве библиографа.

На отдельном вкладном листе помещен маленький портрет П. А. Дилакторского. Издана книга очень опрятно и приятно.

В заключение следует ожидать, что местные краеведы продолжат так хорошо начатое дело библиографии северного края.

Александр Георгиев.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

ЭМИЛЬ АБДЕРГАЛЬДЕН. Основы учения о питании и об обмене веществ. Перевод с 3-го немецкого издания 1919 г. под редакцией академика П. П. Лазарева. Изд. «Книжная Помощь». Москва. 1922 г. Стр. 137.

Имя проф. Абдергальдена, крупнейшего авторитета Германии в области физиологических наук, достаточно хорошо известно и у нас, в России. Естественно поэтому было ожидать, что настоящая книжка, посвященная вопросу, в котором автор ее много с пользой поработал сам, явится ценным вкладом в нашу бедную литературу на эту животрепещущую тему.

Должно сознаться, что читатель испытает жестокое разочарование: эта книжка не сможет удовлетворить его ни с какой стороны.

Начнем со стороны ее фактического содержания. Оно оставляет чувство глубокой неудовлетворенности.

Большая часть книги посвящена ультра-популярному и к тому же весьма мало удачному изложению элементарнейших сведений о строении человеческого тела (до 19 страницы), идее круговорота веществ и энергии между растительным и животным царством и тому подобным моментом, достаточно хорошо известным тому читателю, на которого рассчитана книга в ее целом. Наоборот, в той части, в которой Абдергальден мог бы, безусловно, сообщить очень много в части новейших достижений в области науки о питании, он оказался более чем скромен и дал значительно меньше того, что уже известно в нашей популярной литературе.

Так, вопросу о солевом питании посвящено всего лишь 3 страницы. Здесь, правда, читатель найдет такое новшество, как *одну* фразу, указывающую на радиоактивное значение калия, но эта ссылка так туманна и неразвита, что не оставит в уме читателя никакого реального следа. К тому же нужно иметь в виду, что работа Цваардемакера, легшая в основу этой ссылки, была затем

подвергнута обстоятельной критике со стороны Зондека, так что самый вопрос еще далеко не выяснен.

В остальном же эта глава о солевом питании, можно сказать, совершенно ничего не дает.

Столь же бессодержательна глава, посвященная витаминам. Здесь автор даже не счел нужным упомянуть о тех трех категориях добавочных факторов А. В и С, которые установлены в современной науке, и не отмечает тех продуктов, в которых заключен тот или другой фактор. Таким образом, вся эта глава, содержащая вместе с рисунками всего лишь 3½ страницы, дает лишь описание работ Функа над питанием голубей общелушенным рисом и ничего не дает фактического из дальнейших достижений в деле изучения добавочных факторов питания.

Кстати сказать, Абдергальден в этой главе употребляет термин «нутрамины» вводимый им самим, и не считает нужным привести другие, более старые и уже укрепившиеся в литературе термины для тех же понятий: «витамины», «добавочные факторы питания» (американские авторы) и др. Между тем это может повести с собою известное смешение понятий и фактов со стороны нашей читающей публики, которая уже знает именно эти термины, но не знакома со словом «нутрамины». К сожалению, переводчик и редактор перевода не сочли нужным исправить соответствующим примечанием эту оплошность автора.

Впечатление такой же поверхностности остается и по всем остальным отделам книги. Совершенно ничего не сказано о полноценных и неполноценных белках; вопросу об аминокислотном питании, разрабатываемому, главным образом, лабораторией самого Абдергальдена, посвящены опять-таки лишь две фразы, не подкрепленные фактическими и цифровыми данными; фистульный метод исследования, разработанный И. П. Павловым, занял настолько несоответствующее ему место, что о нем лучше было бы не упоминать, особенно, если к этому прибавить, что Абдергальден почему-то счел нужным упомянуть в самом извращенном виде о методе условных рефлексов, что заставило вмешаться даже редактора перевода.

Совершенно непонятно, зачем понадобилось вводить в книгу главу о внутренней секреции в том виде, как она дана: она весьма мало связана с основной темой книги и ничего не пояснит читателю из области этих явлений.

Но не будем удлинять этого списка наших недоумений: вся книга в целом носит печать настолько большой упрощенности и поверхностности, что мы никак не можем согласиться с редактором перевода, чтобы она могла «широко распространить правильные идеи о законах питания... для лиц близко стоящих по своему служебному положению к питанию населения»...

Мне смогут возразить, что я приписываю Абдергальдену задачи, которые он себе не ставил, и что он и хотел именно дать общедоступное изложение элементарных и первоначальных сведений по данному вопросу. Но в таком случае, мы должны будем без обиняков сказать, что он взялся не за свое дело.

Популяризация предъявляет свои требования, которых часто не знают или о которых забывают специалисты-ученые. Здесь требуется исключительная ясность и отчетливость изложения, стройная архитектура в плане и построении книги и умение вложить содержание в немногие слова.

Эти требования, общие, конечно, для всех печатных произведений, особенно нужно помнить популяризатору, если он не боится, что его читатель потонет в море слов и из-за деревьев не увидит леса. Книга же Абдергальдена стоит в полном противоречии с изложенными требованиями.

Абдергальден вообще не умеет кратко и лаконично излагать свои мысли. Это ясно уже из его капитального учебника «Физиологической химии»: признаюсь, что я не могу освободиться от чувства досады и раздражения, когда приходится обращаться к этой книге,—а обращаться приходится, ибо ничего заменяющего ее мы пока, к сожалению, не имеем; источником досады является именно эта расплывчатость и многоречивость, которые не позволили автору ценный материал своей книги уложить в стройную форму и в вдвое меньшем объеме.

Все эти недостатки стиля особенно «режут слух» в обсуждаемой популярной

книге. В ней нет ясного, стройного и цельного плана; многое совершенно не нужно для изложения темы и лишь разбивает внимание читателя. Это касается, например, всего первого отдела или «введения», излагающего строение человеческого тела. Помимо того, что это отнюдь не требуется по существу темы, эта глава изложена таким образом, что по своей краткости и беглости она ничего не даст совершенно неподготовленному читателю, и, наоборот, абсолютно не нужна для мало-мальски научно-грамотного человека.

Вот пример тех сложных словосплетений, которые переполняют книгу вместо того, чтобы в немногих словах изложить свою мысль (стр. 27—28):

«*Мы не хотели бы оставить без упоминания*, что в природе и особенно часто в растительном мире встречаются разнообразные соединения, которые заключают в своей молекуле на ряду с различными соединениями неуглеводного характера и различные сорта сахара; эти вещества получили название глюкозидов».

Вчитайтесь в эти строки, и вы поймете, что первые семь слов, взятые нами курсивом, абсолютно ненужны; что же касается остального, то мысль очень проста и сводится без дальних слов к тому, что в *природе, кроме углеводов существуют тела сложного состава, заключающие в своей молекуле, на ряду с частицами сахара, соединения иного характера; эти вещества названы глюкозидами.* В общем, эта книга могла бы стать удачной легкой популяризацией, если бы ее содержание вместо 137 страниц было изложено в 50—60 страницах текста... Впрочем, боюсь, что и этого недостаточно. Дело в том, что автор, с одной стороны, упрощая изложение до крайней степени примитивности, с другой—употребляет целый ряд терминов, которые могут быть понятны без дальнейших разъяснений только для лиц с высшим образованием. Что вы скажете, напр., о такой фразе: «Мы получаем при этом (при расщеплении жиров) две отдельные части молекулы жиров, именно, молекулу алкоголя (спирта) и жирные кислоты. В качестве алкоголя мы встречаем по большей части глицерин». Согласитесь, что такая фраза, где ни одним словом ни раньше, ни позже не объяснено, что такое алкоголь, в научном смысле этого слова, и ничем не мотивировано право причислять глицерин к группе алкоголей, совершенно непонятна и способна лишь «ошарашить» популярного читателя.

Если же учесть, что такими аберрациями ученого-специалиста, не учитывающего уровень подготовки своего читателя, полна вся книга, то приходится признать, что она мало доступна для популярного чтения и слишком легковесна и водяниста для читателя более подготовленного.

И прямо курьезно сопоставить, с одной стороны, эти цитаты, где употребляются понятия, предполагающие знакомство с органической химией, а с другой—подстрочные примечания редактора перевода, в которых разъясняется значение основных химических символов для элементов кислорода (0), водорода (H) и т. д.

Очевидно, и редактор чувствовал неопределенность назначения этой книги. Но одно из двух: или эта книга должна была дать новейшие достижения в науке о питании—но для этого она слишком водяниста, популярна и поверхностна—или это есть элементарная популяризация—но тогда это образец того, как не надо популяризировать, если хочешь быть понятным и доступным для своего читателя.

Б. Завадовский.

К. А. ТИМИРЯЗЕВ. Значение науки (Луи Пастер). 54 стр. Изд. Гос. Издат. 1922 г.

Статья К. Тимирязева «Луи Пастер» принадлежит к числу тех, которые поражают своей красотой и содержательностью. Таких книг немного. Они будят не только мысль, но и чувство. В них звучит полнотой музыкальная жизнь идей и стиль.

То же чувство может возбудить «Полет Валькирий» Вагнера или уходящие к верху стройные линии Миланского собора. Подобные формы позволяют угадать в ученом творце душу художника.

Климент Аркадьевич Тимирязев имел чутье художника в науке. В этом тайна его власти над умами.

«Луи Пастер» принадлежит к числу лучших его памятников. В нем кристаллизовано тонкое понимание научного творчества и энтузиазм любви к научному методу работы, который воплощал Луи Пастер.

Есть два типа ученых. Одни, даже обладая гением, создают поразительные лишь в своих частях формы, но целое труда жизни прихотливо и сумбурно. Целое лишено идеи. У них нет выдержки и силы концентрации внимания на существенном. Направление их усилий часто диктуется линией наименьшего сопротивления или определяется случайностью. Их путь знает игру петель и скачков. Слабый из их числа оставляет после себя лишь названия.

Другие строят, двигаясь неутомимой поступью от одной проблемы к другой, с железной логикой развивая в последующей работе то, что вытекает из предыдущих. Сооружение их жизни поражает цельностью. Стройные формы уходят далеко в высь. Человек с художественным чутьем не может не преклоняться перед гением, творящим подобные формы,—перед гением превращающим труд своей жизни в художественное произведение, прекрасное в частях и в целом.

Таков гений Пастера. Он вел его от проблемы к проблеме. Он пренебрегал гранями наук, дерзко ставил вопросы, где их ранее не было, и давал на них глубокие ответы. Химик-кристаллограф шел от привычной ему смолоду науки в область биологии и затем и медицины. Пробивая новые пути, он оставлял за собою яркий след новых проблем и методов, которые ныне крещены как самостоятельная наука,—микробиология. От него зачаты целые главы медицины, техники, земледелия.

Начал Пастер с изучения кристаллов, а кончил гениальными методами борьбы с болезнями человека.

Его начало и конец так мало похожи, но как просто и необходимо конец вытекал из начала и в долгих трудах далеко позади оставил начало, и это так естественно: лишь у бездарного конец нельзя отличить от начала.

Пастер нашел, что кристаллы изучаемой им кислоты разрушаются каким-то микроскопическим грибком. Позднее он убедился, что подобные же грибки поселяются в масле, молоке, вине, тесте, после чего масло горкнет, молоко створаживается, вино скисается и превращается в уксус, тесто растет. Эти хорошо известные, но загадочные до того, бродильные процессы протекают, как мог убедиться Пастер и доказать другим, под воздействием жизнедеятельности микроскопических грибков.

Одни из этих бродильных процессов полезны человеку (напр., образование из виноградного сусла вина или рост теста), другие вредны (напр., прогоркло сть масла, скисание или иная форма порчи,—как говорят, «болезни» вина). Счастливая мысль, что, быть-может, «болезни животных» подобны «болезни» вина и вызываются микроскопическими грибками определяет дальнейший ход работ Пастера. Девиз жизни Пастера—«мало высказать красивую мысль, главное, ее доказать».

Пастер показывает сначала на шелковичном черве, затем на курице и баране, что болезни действительно возбуждаются микробами, и этим открытием разрушает тьму заблуждений, господствовавших в медицине.

Его дерзость—дерзость химика-кристаллографа, осмелившегося высказывать суждения по вопросу чуждой ему специальности, была удивительна. Но он не только высказывал предположение, но прежде всего путем опыта доказывал. Тайна гения — в аргументированной смелости.

Последующее неизбежно вытекает из предыдущего: если мы знаем врага—возбудителя болезни, то можно найти средство борьбы с ним и тем предупреждать болезни, и Пастер дает гениальные методы борьбы путем прививок, осуществляя их на куриной холере, сибирской язве.

Наконец, если мы знаем врага, то мы должны научиться с ним бороться и после того, как он проникнет в организм. Пастер научил нас и этому. Он дал удивительный способ борьбы с бешенством.

Но откуда же берутся в природе те микроорганизмы, которые то там, то здесь столь существенно влияют на жизнь природы, участвуя в ее созидании и разру-

шении. До Пастера думали, что микроорганизмы могут зарождаться самопроизвольно из воздуха, воды и гниющих веществ. Пастер разрушил эту сказку. Он показал, что микробы берут свое начало только от себе подобных, как человек рождается от человека. Микроскопически малые, они легко разносятся с воздухом и водою, но если их убить в замкнутом пространстве, то они там уже не появятся, пока зародыши не попадут туда снаружи. Отсюда способы хранения консервов, отсюда стерилизация в хирургии. Отсюда современные успехи многих глав техники хранения портящихся продуктов, транспортируемых через жары экватора из Австралии и Америки в Европу. Отсюда успехи многих глав медицины, отсюда разрушение веры в возможность самозарождения.

Вот и все. Как прост план научного труда жизни. Но как удивительно богат он идейным и материальным наследием. Как красив он в своей простоте и монолитности.

Подобную логику в действии вы найдете у немногих. У Пастера, Лавуазье, Клод-Бернара, Гельмгольца. Мерный бег гения слышен в трудах Томсона, Эмиля Фишера, И. П. Павлова, И. И. Мечникова и немногих подобных, которые именуются классиками. Они не ждут проблемы, а ее создают и разрешают.

К. А. Тимирязев с поразительным талантом, с глубоким проникновением рисует картину развития идей на фоне методов научного творчества и способов аргументации Пастера. Лишь человек, близкий по духу, мог сделать последнее с такой яркостью, отчетливостью.

«Самой выдающейся его (Пастера) способностью была не какая-либо исключительная прозорливость, какая-нибудь творческая сила мысли, угадывающая то, что скрыто от других, а, без сомнения, изумительная его способность, если позволено будет так выразиться, «материализировать» свою мысль, выливать ее в осязательную форму опыта,— опыта, от которого природа, словно стиснутая в тисках, не может ускользнуть, не выдав своей тайны,—рисует» образно Тимирязев.

Небольшая книжечка заключает большое количество ценнейших материалов по вопросу о психологии научного творчества, над которым так любил задумываться К. А. Тимирязев.

«Луи Пастера» К. А. Тимирязев дает в понятной для широких кругов и схематизированной форме, но его образ живет. Он не только понятен, но еще способен пробудить строгий пафос преклонения перед великим, который звучит и в строках биографа.

Книга Тимирязева имеет еще одну сторону, которая глубоко интересна и для текущего момента русской жизни. Не напрасно она носит подзаголовок «Значение науки», который в этом издании поставлен даже на первом плане. Я имею в виду, что Тимирязев на фоне жизни и трудов Пастера и с редкой силой и убедительностью обрушивается на близоруких строителей государственной и общественной жизни и обывателя, которые, не зная путей науки, твердят, что государству и обществу нужны лишь прикладные науки и мало нужны или совсем не нужны так называемые теоретические науки. Лозунг, с которым послушные, но наивные люди могут наделать и наделали не мало бед. Прикладной науки нет без теоретической основы. Есть единая наука и ее применение к жизни, — говорит Тимирязев. Разделение же труда в значительной степени диктуется практическими трудностями совмещения в едином лице теоретика и практика. Жизнь Пастера служит блестящей иллюстрацией теории и вытекающей из нее практики.

Чтение книжки облагораживает, воодушевляет тем энтузиазмом, который составляет несомненную положительную черту русского интеллигента, воспитанного на К. Тимирязеве и ему подобных

Проф. Мих. Завадовский.

ЖУРНАЛ ЧИСТОГО и ПРИКЛАДНОГО ЗНАНИЯ. Отдел физико-математических и технических наук, под редакцией В. Ф. Кагана, Б. Н. Кандиба, Ч. Дж. Кларка и А. Р. Орбинского. Том I, вып. I и II, стр. 1 126, in 4° Всеукраинского Гос. Изд. Одесса, 1921—1922 гг.

Трагедией для научных деятелей за последние годы являлась невозможность выполнять социальную функцию ученого-

го—печатать свои труды. Социальный момент в деятельности ученого настолько перевешивал личный, что у многих пропадало желание продолжать свою работу. Закрытие научных журналов было тяжелым ударом по русской науке. В настоящее время мы присутствуем при их возрождении. В Москве и Петрограде вышли в свет или печатаются первые выпуски научных журналов, и есть надежда на их продолжение. Лежащий перед нами «Журнал чистого и прикладного знания» показывает, что этот процесс коснулся и далекой Одессы. Выпуски 1 и 2 содержат в себе много ценного материала, начиная от письма К. Ф. Гаусса к Г. В. Ольберсу и кончая заметкой проф. А. Я. Орлова о работах механика М. А. Тимченко по применению часов к гравиметрическим измерениям. Помимо чисто научного интереса, эти измерения, как показали работы Особой Комиссии для исследования Курской магнитной аномалии, могут иметь и огромное практическое значение.

Внешность издания вполне удовлетворительная: хороший формат, прекрасный шрифт, прекрасная бумага, тщательная корректура. К сожалению, повидимому, на журнал отпускается недостаточное количество бумаги, ибо за два года (1921—1922) на все физико-математические и технические науки Всеукр. Гос. Изд. дало только 8 печатных листов. Чрезвычайно приятно стремление редакции превратить журнал в европейский—путем печатания статей на иностранных языках.

Проф. В. А. Костицын.

В. Ф. КАГАН.—Основания теории определителей. VIII+522 стр. in 8° Гос. Изд. Украины. Одесса, 1922 г.

В университетском математическом преподавании теория определителей (детерминантов) играет подчиненную, но по многочисленности своих применений чрезвычайно важную роль и по справедливости является основным курсом. Поэтому в русской научно-учебной литературе теория определителей довольно хорошо представлена (мы имеем курсы Нетто, Бюшгенса, Виноградова, Ващенко-Захарченко, главы об определителях в курсе Чезаро и т. д.), и написание новой книги по теории детерминантов должно оправдываться какими-либо особыми обстоятельствами. Ведь не всем авторам свойственна мудрая осторожность Пуанкаре, который в предисловии к своему курсу небесной механики заявил, что он вовсе не ставил своей задачей переделывать снова то, что было прекрасно выполнено Тиссераном. И действительно, учебник проф. *Кагана* отличается от других несколькими особенностями, на которых интересно остановиться. Первая из этих особенностей — объем. В то время, как в учебнике Нетто 153 стр., а в учебнике Бюшгенса 89 стр., учебник Кагана содержит 522 стр. По содержанию существенным отличием является глава об определителях бесконечного порядка, занимающая у Кагана 64 стр. и отсутствующая в других учебниках. Таким образом, на обычные главы курса у Кагана отводится места раза в 3—4 больше, чем у других авторов. Все дело в том, что у В. Ф. Кагана теория определителей преподается в три концентра: сначала на определителях 2-го и 3-го порядка доказываются основные свойства определителей, и только потом, со 114 страницы, излагаются начала общей теории определителей. На мой взгляд такая пространность изложения для высшей школы является недостатком: неспособный студент испугается пятисот двадцати двух страниц и не разберется в бесчисленных деталях и частностях, а способный студент... тоже испугается пятисот двадцати двух страниц и, пожалуй, будет прав: равный по объему немецкий курс Ковалевского, будучи не труднее по изложению, содержит гораздо больше ценного и интересного материала. Тем не менее, книга В. Ф. Кагана является для русского читателя весьма ценной тем, что многие главы и параграфы ее содержат материал, которого нигде в другом месте в русской литературе не найдешь, как, например, указанная выше теория определителей бесконечного порядка. Для студентов и для профессора книга Кагана интересна также большим количеством задач с решениями. Подобный сборник задач (не-

сколько сот) является единственным в учебной литературе. В виду этого учебнику В. Ф. Кагана можно пожелать самого широкого распространения.

Проф. В. А. Костицын.

Э. К. ЭПИК. Солнце по новейшим исследованиям. 120 стр. со многими иллюстрациями. Гос. Изд. Москва, 1922.

Книжка Э. К. Эпика, посвященная изложению наших знаний о солнце, является чрезвычайно удачным типом популярной астрономической монографии. На небольшом количестве страниц автор сумел дать весьма полное представление о предмете. В первой главе даются общие сведения о солнце—расстояние, размеры, масса, состояние и температура солнца; пятна, вращение, грануляция; корона, хромосфера, протуберанцы, т.-е. все, что было известно о солнце до применения спектроскопа. Во второй главе рассказывается о составе и строении солнечной атмосферы по спектральным наблюдениям. Таким образом, эти главы дают приблизительно тот материал, который заключается в известной книге Юнга. Третья глава знакомит с анатомией солнечной атмосферы по спектрогелиографическим данным. Четвертая глава вводит в физиологию солнечной деятельности, описывая по Hale'ю и Evershed'у кругооборот вещества в разных слоях солнечной атмосферы. В пятой главе дается представление о солнце как источнике энергии жизни и подсчитываются возможные запасы энергии на солнце. В шестой главе говорится о происхождении солнечной энергии и о колебаниях солнечной деятельности. В седьмой главе рассматривается вопрос о судьбе солнца и вместе с этим о судьбе человечества. Книга заканчивается выражением бодрой веры во всепобеждающую мощь человеческого разума. Это особенно ценно сейчас, когда слишком многие торопятся укрыться от социальной непогоды под сень мистицизма.

Книга написана прекрасным русским языком, живым и ясным, почти без иностранных слов, но без намеренного опрощения. Все термины, как и все нужные сведения из физики и химии, поясняются в тексте по мере необходимости, не загружая изложения. Наконец, нужно сказать несколько слов и о внешности книжки. Книжка иллюстрирована обильными, удачно подобранными и довольно удачно выполненными воспроизведениями солнечных фотографий, но этой роскоши совершенно не соответствует серая бумага и плохой шрифт. Не совсем удачно выбран формат, что особенно бросается в глаза при сопоставлении с иллюстрациями, а также и с другими изданиями, входящими в популярную научную библиотеку Госиздата. Следовало выбрать меньший формат и придать книжке более эстетическую внешность. Будем надеяться, что это будет сделано при ее переиздании.

Проф. В. А. Костицын.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

Д-р П. Н. БУЛАТОВ и д-р ФРЕЙБЕРГ. Гигиена. Краткий учебник. 5-ое дополненное издание. Государственное Издательство. 1922 г. Стр. 203.

Назвав свою книгу кратким учебником, авторы не указывают, для каких именно учебных заведений или групп учащихся этот учебник предназначен—для школ 2-й ступени общеобразовательного типа или для специальных школ, подготовляющих средний медицинский персонал или санитарных техников.

Задача учебников общеобразовательного типа состоит не в том, чтобы дать учащемуся большее количество

фактов, сведений технического характера и т. п., а в том, чтобы способствовать образованию научного миросозерцания, правильного понимания окружающих явлений природы и человеческих отношений. Так, например, учебник природоведения должен дать понятие об общих основных законах природы, о связи и взаимоотношении физических, химических и других явлений; учебники обществоведения должны дать понятие о государственной, экономической, социальной организации общественных объединений и т. д. С этой точки зрения учебник гигиены должен прежде всего выяснить, как человеческие общества организуют свое здравоохранение, на каких главных биологических законах оно должно базироваться и какими техническими средствами оно достигается. Главное внимание в учебнике общеобразовательного типа должно быть, конечно, обращено на основные задачи организации общественного здравоохранения, на меры и учреждения, при помощи которых эти задачи осуществляются; гораздо более ограниченное место должно быть отведено, особенно в «кратком» учебнике, техническим подробностям: описаниям санитарных приборов и приспособлений, практическим приемам, санитарным нормам, приемам анализа и т. п. Такому требованию разбираемой учебник совершенно не удовлетворяет: в нем мы находим как раз обратное: обилие фактических подробностей, и лишь вскользь, между прочим, приводятся сведения о том, как гигиенические и технические данные применяются для общих и широких целей общественного здравоохранения. Для того, чтобы пояснить это утверждение, можно привести примеры. Возьмем, например, отдел о жилище. Этот отдел имеет 3 главы, в которых трактуются следующие темы: глава 1-я: как должно быть устроено жилище (выбор места, строительные материалы, кубатура); глава 2-я: сырость в жилищах, порча воздуха, вентиляция, отопление, освещение; глава 3-я: общественные жилища (школы, больницы, тюрьмы, а также военные жилища и военные суда). В общем—сухое и для учащихся, вероятно, весьма скучное перечисление фактов и технических подробностей, не дающее освещения самых важных сторон жилищного вопроса и способов его разрешения. Для того, чтобы яснее оттенить неудовлетворительность содержания отдела о жилище в разбираемой книге (с точки зрения учебника общеобразовательного типа), приведем параллельно план серии лекций на ту же тему д-ра Молькова. 1. Назначение жилища, его роль и значение в жизни человека. 2. Значение жилища для здоровья. 3. Как удовлетворяется жилищная потребность трудящихся в капиталистическом строе и что действительно необходимо для ее удовлетворения. 4. Что сделала и делает советская власть в целях улучшения жилищ. 5. Что такое здоровое жилище и как оно устраивается. 6. Здоровое жилище может быть только в благоустроенном поселке. 7. Как нужно содержать жилище.—Кажется, нет необходимости доказывать, что в учебнике, ставящем себе общеобразовательные цели (для общеобразовательных школ), тема о жилище должна быть рассмотрена в той полноте, которую мы видим во втором плане, и что содержание соответствующего отдела в разбираемой книге, отвечающее почти только на один (5-й) п. этого плана, должно быть признано безусловно недостаточным. Возьмем другой пример, из отдела VI (о пище) главы 6-й (о напитках). Вопрос крайне важный—о спиртных напитках и борьбе с алкоголизмом. Здесь мы имеем такое расположение материала: 3½ стр.—перечисление разных напитков с указанием способов их приготовления и состава, 1 стр. (мелким шрифтом) о влиянии алкоголя на организм и о явлениях хронического алкоголизма (о влиянии алкоголизации на потомство 2 строчки) и 20 стр., в которых перечислены—без всякого объяснения—все меры общественной борьбы с алкоголизмом.

Приведенные примеры не представляют исключения—они типичны для книги, и потому можно с достаточным основанием сказать, что для учебных заведений общеобразовательного типа «краткий учебник» д-ров Булатова и Фрейберга непригоден.

Некоторое отступление от этого типа представляют собой последние главы и отделы книги (о заразных болезнях, о

туберкулезе, в особенности же отдел X, о детской смертности и охране материнства) в которых обращено достаточное внимание на организацию учреждений и мер общественной борьбы, но, к сожалению, и эти наиболее удовлетворительные главы не свободны от другого рода недостатков, о которых будет сказано ниже. Остается рассмотреть, насколько пригоден «краткий учебник» для специальных учебных заведений или курсов, подготовляющих средний медицинский персонал санитарных техников и т. п. Краткий учебник—если можно так выразиться—густо набит фактическим материалом: описанием (или перечислением) санитарных мер, санитарно-технических приспособлений, химическими сведениями и т. п., но весь этот материал приводится без достаточной сортировки: в перемежку идет важное с второстепенным, основные факты не выделяются из деталей. Так, например, в абзацах о брюшном тифе и холере капитальный факт существования здоровых бациллоносителей совершенно теряется среди других сведений; предохранительным прививкам уделено 2—3 строки; факты, могущие заинтересовать учащихся, представляющие собой характерные и важные формы осуществления общественной санитарии, каковыми, например, являются учреждения для борьбы с детским туберкулезом (земледельческие колонии, лесные школы), изложены в такой сокращенной форме, что представляют собой только перечень названий (стр. 185), а в то же время способы и приемы дезинфекции изложены с подробностью, уместной в специальном справочнике, а не в учебнике. Такого рода отсутствие надлежащей сортировки материала, с точки зрения пригодности его для учебника, простое перечисление там, где нужны объяснения, представляют собой заметные недостатки в педагогическом отношении, а ведь учебник должен считаться с педагогическими требованиями. Большим, с той же педагогической точки зрения, недостатком является отсутствие рисунков или хотя бы чертежей, без которых для лиц несведущих совершенно непонятны многие приводимые в книге описания, например, различных деталей жилища, вентиляционных и отопительных приборов, водопроводных фильтров, приспособлений биологической очистки и т. п.

На заглавном листе книги обозначено, что она издана в 1922 г., но по содержанию книги это совсем не заметно: скорее можно предположить, что она издана в 1913 или 1914 гг. Так, например, на стр. 171 сказано, что в России принудительного (обязательного) оспопрививания не существует и что «новый», *вышедший в 1913 г.*, закон, делает оспопрививание обязательным только для некоторых категорий лиц; далее, на стр. 113 и 115, творог и сыр названы дешевыми пищевыми продуктами; для кваса (на стр. 130) указана даже цена: от 4 коп. до 2 р. 50 к. за ведро. Эти курьезы можно, конечно, объяснить просто недосмотром, но вот что уже никак нельзя приписать недосмотру: в книге почти совершенно не отмечено все то, что внесено в область общественного здравоохранения после революции. Нет сведений о санитарном законодательстве и реальных достижениях в области жилищной санитарии, охраны труда, противоэпидемической борьбы, санитарного благоустройства в частности в противоэпидемической борьбе. Только в отделе охраны материнства и младенчества есть ссылка на законы и распоряжения органов советской власти 1918 и 1919 гг. (стр. 200 и 201), да в отделе о заразных заболеваниях упоминается о распоряжении нар. ком. здравоохранения об обязательном извещении о заразных заболеваниях. Обширная, развившаяся после революции, область охраны здоровья детей представлена на 3-х стр. в виде главы о «школьных занятиях» с таким бедным содержанием, которое школьная гигиена переросла задолго до революции. О широких стремлениях, а отчасти и достижениях в области физической культуры среди трудящихся масс, в особенности среди молодежи, нет помину (нельзя же отнести сюда 2 странички, посвященные физическим упражнениям и гимнастике, в которых почти половина занята перечислением различным форм гимнастики и классификации их по совершенно произвольному плану). Можно полагать, что книга, страдающая почти полным отсутствием сведений о всем, что сделано в области

общественного здравоохранения в революционную эпоху и по настоящее время, едва ли может служить учебным пособием в каком бы то ни было учебном учреждении. Преподавателю, который пожелал бы или был вынужден пользоваться учебником д-ров Булатова и Фрейберг, придется, несомненно, производить большие самостоятельные работы, дополняющие существенно учебник, если он пожелает познакомить своих слушателей с перспективами в области общественной санитарии в современной России и с действительной постановкой этого дела.

Д. Бекарюков.

ПСИХИАТРИЯ, НЕВРОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. Периодический орган Общества Психиатров и Невропатологов в Петрограде. Выпуск первый. Петербург, Госуд. Изд. 1922 г. VI+154 с. Тираж 1.500 экз.

Сборники, которые предполагается выпускать периодически, посвящаются трудам по психологии, клинической психиатрии, анатомии и физиологии нервной системы, клинике первных болезней, хирургии нервной системы, криминальной психологии, судебной психиатрии, экспериментальной психологии, детской психопатологии, врачебной педагогике и пограничным отраслям знания. Такие широкие задания могут быть осуществлены в виду наличия в Петрограде больших научных сил по всем перечисленным вопросам.

Первая книжка составлена интересно и дает богатый фактический материал. Помимо статей клинического, психологического, антропологического характера имеются работы на современные темы, доступные для широкого круга читателей. Отметим работы проф. Сорокина «Голодание и психические переживания», Горовой-Шалтан «Душевная заболеваемость в Петрограде за 1918—1920 г.г.», Доброгаева «Социально-психологическое исследование личности человека, впадающего в преступное состояние, как основа борьбы с преступностью», Аранович «Детская преступность и дефективность в Петрограде за 1919 и 1920 гг.»

Доброгаев дает программу maximum практического построения на новых началах борьбы с преступностью, основанную на индивидуальном изучении преступных (совершивших преступление?) людей для выяснения генеза преступного характера, выработки мер перевоспитания, а также профилактических мер по оздоровлению государственной жизни. Правда, предлагаемые схемы очень сложны, и прохождение изучаемого индивида по шести инстанциям, связанным только бумажным производством, вряд ли рационально. Статья Арановича рисует широкий размах деятельности Петроградских культурных комиссариатов по борьбе с детской дефективностью, преступностью и беспризорностью. В Петрограде для дефективных детей имеется сеть из 50 разного характера учреждений, распадающаяся на отделы: а) умственно- и нервно-дефективные, б) морально-дефективные и в) физически дефективные. На 1 янв. 1921 года в них числилось 2.779 детей, 3,85% населения.

Л. Прозоров.

«САНИТАРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ». Сборник популярных статей и рассказов. Изд. Отдела Санитарного Просвещения Моксздравотдел. Москва, 1922 г. Стр. 160.

В этом сборнике мы имеем интересную попытку дать одновременно и ряд популярных статей о сущности и значении санитарного просвещения, и как своего рода иллюстрацию,—некоторые литературные беллетристические очерки и выдержки из произведений наших писателей. Создается в роде небольшой хрестоматии. В качестве агитационных статей, призывающих широкого читателя-массовика задуматься над вопросами своего здоровья и его охраны, в сборнике помещены небольшие заметки Серафимовича и Гусева-Оренбургского; как вводные—идут такие же небольшие статьи: Семашко — «Здоровье — высшее благо» и Кудрина—«Санитарное просвещение». Далее идет ряд статей, осве-

ющих различные вопросы из области постановки санитарного просвещения в настоящее время,—таковы статьи Н. Швайцар, В. Горбова, Шоломович, Шестаковой, где разъясняется значение таких методов по санпросвету—как «Дома Санитарного Просвещения», музей и выставки, газеты и проч. Статьи Я. Кац, С. Гуревич, Демидович, Грибоедова, Кузьмина и др. устанавливают связь и значение просветительной деятельности при борьбе с эпидемиями, при борьбе за охрану жилищ, роль профсоюзов, женсоюзов и комсомолов.

Для характеристики народного невежества в тех областях охраны здоровья, в статье Н. Швайцар: «Средствия и заговоры», приведены любопытные выдержки из Даля, Ровинского и др. авторов. Этим же автором составлен и целый отдел различных цитат и лозунгов, которые могли бы быть использованы для плакатов, знамен, эпиграфов и пр. Здесь полезна была бы известная систематизация—по отдельным вопросам.

В качестве беллетристики в сборнике перепечатан рассказ А. Чехова «Скорая помощь», а затем полубеллетристический очерк Г. Успенского «Лечебник от всех болезней». Напечатанное стихотворение Ив. Здравосмыслова «Откуда болезнь» — лучше было бы не помещать. Это не поэзия, а следовательно, и не нужно, эти, может-быть, и здравые мысли излагать в стихотворной неудачной форме. Можно было бы в образцах русской поэзии, у того же Некрасова, найти истинно художественные произведения, которые подошли бы к духу всего сборника. Очень полезен приложенный к книжке библиографический указатель популярной литературы по медицине и гигиене.

В общем, как первый опыт, книжку «Санитарное просвещение» следует рекомендовать. При переиздании ее или при дальнейших выпусках необходимо, помимо статей чисто агитационного характера, перейти и к более углубленному изложению тех же тем.

А. Сысин.

Д-р. В. Н. ЗОЛОТНИЦКИЙ. 1) Азиатская холера. 2) О заразных болезнях. 3) Туберкулез — чахотка. 4) Тиф брюшной, сыпной и возвратный. 5) Кровавый понос. 6) Малярия. 7) Вода и ее значение для здоровья человека. Изд. книгоиздательства «На помощь деревне и школе» Г. Ф. Мириманова. Москва, 1922 г.

Перечисленные брошюры, написанные известным врачом-популяризатором В. Н. Золотницким, заслуживают самого широкого распространения. Небольшие по размеру — от 1 до 2—3 листов, они написаны живо и интересно и посвящены злободневным темам. В противоположность многим из переиздаваемых ныне подобных изданий, автор переработал те свои книжки, кои выходили в свет еще и ранее (некоторые в издании Пироговского О-ва), и добросовестно и вполне правильно изложил все те новые материалы, кои в практической борьбе с этими народными бедствиями предпринимает Советская власть... Такова брошюра «Туберкулез—чахотка», где автор напрасно лишь характеризует западно-европейские методы борьбы с чахоткой, как давшие «прекрасные» результаты (стр. 39); которые затем сам же аннулирует результатами войны. К брошюрам приложены лозунги, удачно подобранные. Некоторые брошюры снабжены хорошо выполненными снимками и рисунками. Вообще внешность издания очень прилична, брошюра напечатана четко, на хорошей бумаге, сшита и т. д.

А. Сысин.

Основы клинической диагностики для врачей и студентов под редакцией проф. Бакинского университета А. М. Левина и проф. Московского университета Д. Д. Плетнева. Изд. 3-е, переработанное и значительно дополненное. 328 рисунков и 6 таблиц. Государственное Издательство. Москва, 1922 г. 662 стр.

Отрадно наблюдать за процессом быстрого восстановления нашей научной литературы: от маленьких листовок, небольших брошюр, тощих журналов — к серьезным изданиям сегодняшнего дня,—

вот тут путь, который проделала наша печать за последние два года. И сейчас мы с чувством облегчения можем констатировать, что серьезная научная литература уже пришла и заняла на книжном рынке принадлежащее ей почетное место. Лежащая перед нами книга «Основы клинической диагностики» замещает пробел в такой важной для клинического изучения области, как диагностика. И до войны «Основы клинической диагностики» были лучшим русским руководством в этой области, с успехом конкурировавшим с такими классическими немецкими руководствами, как Фирорд, Везенер и т. д. На них воспиталось уже не одно поколение русских врачей. Успех этой книге был обеспечен сотрудничеством виднейших специалистов русской медицинской науки (В. К. Высокович, Ф. Г. Яновского, А. М. Левина, В. Е. Предтеченской, В. А. Муратова, Б. И. Словцова и т. д.), доступным и в то же время строго научным изложением. Новое издание не является простым повторением двух прежних. Новый соредактор этого издания проф. Д. Д. Плетнев сумел сделать книгу еще более богатой по содержанию и ввести в нее все новейшие методы диагностики, которые были известны к концу 1918 года, когда книга была сдана в печать. Введены целые новые главы. Такова глава II: «Исследование при помощи рентгеновских лучей» проф. Д. Д. Плетнева. Весьма краткая, она все же дает наиболее важное в области рентгенодиагностики внутренних болезней (особенно болезней сердца и легких). При том значении, которое имеет рентгенодиагностика в настоящее время, это крайне необходимое и ценное дополнение. Было бы только желательно видеть эту главу в следующем издании более разработанной. Интересна, несмотря на краткость, далее статья проф. Д. Д. Плетнева о функциональном исследовании автономной симпатической и парасимпатической нервной системы. Последняя статья имеет интерес не только диагностический, но и общий. Исчерпывающей является статья проф. Г. Ф. Ланга об исследовании органов кровообращения, дающая, кроме изложения обычных методов исследования, еще изложение трудных методов электро-кардиографии. Проф. А. М. Левину принадлежит подробное изложение диагностики болезней органов пищеварения. Проф. Яновскому—болезней почек, в том числе исследование функциональной способности почек.

Обширная глава о диагностике нервных болезней проф. Муратова отличается исчерпывающей полнотой. Статьи проф. Высоковича—о микропаразитологии и иммунодиагностике интересно дополнены проф. Тарасевичем и Любарским.

Общее впечатление от книги—самое лучшее. Она дает не только студенту, но и врачу основные данные, которые должны стать в дальнейшем исходным пунктом специального научного изучения. Отсутствие некоторых новейших завоеваний в области диагностики, особенно химиодиагностики обусловливается тем, что книга находилась в печати уже с 1918 года. Надо надеяться, что следующее издание будет соответствующим образом восполнено. Было бы крайне желательно, чтобы глава «о расстройствах обмена» проф. Словцова была более полна. Проф. Словцов чересчур много может дать в этой области, чтобы удовлетвориться тем малым, что он дал в настоящем издании. Но все эти небольшие недочеты не могут уменьшить значения и исключительной ценности этой русской диагностики, которая должна стать настольным руководством для целого поколения русских врачей. Вся книга издана не совсем хорошо. Плохая бумага, не всегда удовлетворительные рисунки, множество опечаток оставляют досадное чувство. Хорошая и ценная книга стоит лучшей внешности.

И. Гельман.

Народный Комиссариат Здравоохранения. Санитарно - Эпидемиологический отдел. СЫПНОЙ ТИФ. Труды IV Всероссийского Съезда бактериологов и эпидемиологов 25—31 авг. 1920 г. и Комиссии по изучению сыпного тифа при Санитарно-Эпидемиологическом Отделе Н. К. З. Государственное Издательство. 1921 г. Стр. 313.

Сыпной тиф.—Это слово отмечает целую полосу жизни и истории русского народа. В страшные годы 1918—1920 г.г.

сыпной тиф стоял в центре всеобщего внимания, стал крупным политическим вопросом и темой для многих писателей в области изящной литературы. Сыпной тиф был, «бытовым явлением» в русской жизни. По размерам и распространению сыпной тиф вырос в грозную пандемию. Естественно, что в области медицины сыпной тиф вызвал к себе громадный научный и практический интерес. Настоящий сборник подытоживает результаты большой работы, проделанной наукой и практикой на различных участках фронта борьбы с сыпным тифом. Сборник является, таким образом, как бы научным памятником незабываемой эпохи.

Сборник содержит доклады, заслушанные в 1920 г. в Комиссии по изучению сыпного тифа при Санитарно-Эпидемиологическом Отделе Наркомздрава и в сыпно-тифозной секции IV Всероссийского съезда бактериологов и эпидемиологов в конце августа 1920 г. Книга открывается статьей А. И. Сысина «Пандемия сыпного и возвратного тифов в России в 1918—20 г.г.», в которой на основании анализа цифрового материала, хотя далеко не полной регистрации, дается характеристика этой пандемии и ее отличия от предшествовавших ей. Всего за период 1918—1920 г.г. для всей России общее количество заболеваний сыпным тифом исчисляется в цифре свыше *шести миллионов*.

Для того, чтобы дать представление о размерах пандемии, приводим коэффициент заболеваемости на 10.000 жителей по ряду лет по следующей таблице:

1905	5,3
1906	3,6
1907	3,5
1908	6,8
1909	11,6
1910	8,8
1911	7,5
1912	6,2
1913	7,3
1914	5,9
1915	6,7
1916	8,8
1917	9,0
1918	15,7
1919	330,0

Автор далее разбирает заболеваемость по областям и губерниям, в Красной армии, среди железно-дорожного персонала и считает источником пандемии мешечничество в первый период, военную инфекцию — во второй. В отличие от прошлых эпидемий, сыпной тиф 1918—1920 г.г. нельзя назвать голодным, ибо не голод является его основной причиной. Этот тиф обязан своим распространением загрязнению городов, жилищ, их уплотнению, отсутствию топлива, бань, прачечных, мыла и проч.,—одним словом, всему тому, что так способствовало распространению *вшей*.

Кроме статьи д-ра Сысина имеются статьи, характеризующие эпидемию сыпного тифа по отдельным областям республики (Украина, Сибирь).

Далее следует ряд статей Марциновского, Кричевского, Эпштейн, Барыкина и др., посвященных вопросу об этиологии сыпного тифа, трактующих о различных «возбудителях» сыпного тифа. Статьи интересны с точки зрения исторического развития вопроса об этиологии сыпного тифа. Проф. Барыкин говорит о найденном им микробионе, как о возбудителе сыпного тифа. О нем же он докладывал и на VI съезде бактериологов и эпидемиологов.

Из статей относительно патолого-анатомических изменений при сыпном тифе отметим статью П. В. Давыдовского, являющуюся кратким резюме его подробной монографии по патологической анатомии сыпного тифа.

Целым рядом очерков Марциновского, Плетнева, Гиляровского, Гиршберга и др. освещается вопрос о различных сторонах клиники сыпного тифа, о психических изменениях при сыпном тифе, о течении болезни у детей и проч. Отдельные статьи Флерова, Гуревича трактуют о методах лечения сыпного тифа.

Наконец, в части статей подводится итог изучения вопроса о прививках предохранительных и терапевтических при сыпном тифе.

К концу книги приложены четыре анкеты по изучению сыпного тифа.

Книга представляет большой научный интерес и является хорошим пособием для всякого, кому приходится так или иначе сталкиваться с сыпным тифом.

С. Гуревич.

И. В. ДАВЫДОВСКИЙ. «Патологическая анатомия и патология сыпного тифа». Часть II. 166 стр. Москва. 1922 года.

Книга состоит из 7 глав, при чем в I. главе дается литературный обзор экспериментации с сыпным тифом на животных и критическая оценка полученных результатов. Далее следуют собственные наблюдения автора с подробными патолого-гистологическими исследованиями животных, зараженных сыпным тифом. Последняя глава касается сравнительной патологии сыпного тифа у человека и животных, при чем в общем автор отмечает отсутствие у животных поражений продолговатого мозга, слабое участие симпатической системы и сравнительно редкие поражения сердечной мышцы. Автор обращает внимание на своеобразную картину сыпного тифа у кроликов, что требует еще дальнейшего изучения. Книга является ценным вкладом в науку. В книге имеется 16 микрофотограмм и 5 цветных рисунков.

Е. Марциновский.

Народный Комиссариат Здравоохранения. Жилищно-Санитарный Отдел ВАДЕМЕКУМ ЖИЛИЩНО-САНИТАРНЫХ ИНСПЕКТОРОВ. Сборник статей по санитарии и гигиене жилищ и благоустройству населенных мест под редакцией И. Г. Гельмана, А. П. Изаницкого и А. Н. Сысина. Часть 3-я. Санитарная техника жилища.

Несмотря на остро переживаемый везде жилищный голод, целый ряд признаков указывает на приближающийся период лихорадочного интенсивного строительства. И подобно тому, как голодный не разбирает, что кушать, лишь бы насытиться, так и удовлетворение жилищного голода может происходить не всегда путем правильного с санитарно-технической стороны, т.-е. «здорового» строительства. Остающийся до начала строительства свободный интервал необходимо поэтому использовать, чтобы всячески парализовать эти ожидаемые тенденции не регулируемого стихийного строительства.

Выпущенная книжка в значительной мере удовлетворяет этой задаче. Нельзя поэтому не приветствовать своевременный выход в свет третьей части «Вадемекума». Книжка содержит очень интересную статью проф. Н. К. Лахтина о суррогатах строительных материалов. В кратком и сжатом изложении этим крупным специалистом дается характеристика всех строительных суррогатов. В наше время увлечения суррогатами очень важно дать жилищно-санитарному инспектору хотя бы краткое представление об их свойствах.

Вся остальная часть краткого сборника заполнена статьями инженера Г. Б. Чайковского. В них трактуется о строительных материалах: естественных и искусственных; об устройстве фундаментов; стен и перегородок; междуэтажных перекрытий, полов и подполья; потолка; окон и дверей; лестниц. Отдельная статейка посвящена техническим причинам сырости зданий. Во всех очерках жилищно-санитарный инспектор почерпнет очень много ценных, необходимых ему сведений, больше, правда, технического, нежели санитарного характера. Эти сведения носят, однако, конспективный характер, и приходится сожалеть, что книжка совершенно лишена литературных ссылок, которые бы дали возможность читателю углубить изучение того или иного вопроса.

Несмотря на то, что книжка предназначена для узкого специального круга, читателю необходимо указать на несколько сухое изложение.

С внешней стороны книжка издана весьма прилично. Рассеянные тут и там опечатки обязаны, главным образом, небрежности набора.

Д. С. Гуревич.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. Сирин ученого варварства. (По поводу книги Вяч. Иванова Родное и вселенское»). Из-во «Скифы». Берлин, 1922 г. Стр. 24.

Я с большим трудом читаю Андрея Белого. Не легко дается мне Вячеслав Иванов. Но когда А. Белый полемизирует с В. Ивановым,—тогда уже необходимо сугубое напряжение, чтобы докопаться до каких-нибудь мыслей среди этих уродливо сочетающихся стилей, кабалистики, славянщины и средневековой схоластики.

В самом деле, сколько часов нужно просидеть нормально мыслящему и говорящему человеку, чтобы вылущить зерно мысли из такой реторической скорлупы:

«Дородная муза его «Кормчих звезд» восседает в «бармах», как в веригах».

«Мы присутствуем при выступлении глаголов «Прозрачности» из своих узких русл для потопления сухих плоскогорий из существительных; пейзажи словес овлажняются действием».

Почему «словес», а не слов, и почему вообще нужна эта кудревато-напыщенная реторика,—все это тайна А. Белого и тех, кто еще умеет его читать. Не помню, года два или три прошло с тех пор, как возникла эта полемика,—но кажется, будто целые столетия отделяют нас от *такой* постановки вопросов, от *такого* подхода к философским и историческим проблемам—словно скелеты вышли из своих могил, силятся натянуть на себя давно истлевшую кожу, наполнить ее испарившейся кровью.

В чем же не сошлись или враждебно столкнулись два поэта и мыслителя?

А. Белый обвиняет В. Иванова в ряде противоречий. Автор «Эллинской религии страдающего бога» в своих теоретических размышлениях учит, что «драма отражает глубинную драму борений народной души в ее прорастании... к свету; хор рождается в зрителях; зрители—это народ, высылающий представителей в «Советы», творящие народную жизнь; эти «Советы»—оркестры, разбросанные здесь и там; драма собственно есть народная литургия». Вследствие таких теоретических размышлений, русская революция, по мнению А. Белого, должна бы вызвать в душе В. Иванова ноты радости, и он, «как новый богоприимец, при виде младенческой, в муках рождаемой новой России, должен был бы сказать: «Видели очи мои спасение всех людей».

Вместо такого розового взгляда на совершающиеся события, Вяч. Иванов, оказывается, «глядит на революцию оком отъявленного скептика и материалиста». Революция не была «народным действом». Во-вторых, «революция протекает вне-религиозно». В-третьих, она «не выражает целостности народного самоопределения». И много других преступлений приписывает революции В. Иванов, который не любит народных движений, не считающихся с его драматическими и эстетическими теориями. Напротив того, участие России в империалистической войне кажется ему «вселенским делом». Он предлагает «со страхом и верою причаститься предложенной нам страстной чаше». Причащением он называет пролитие братоубийственной крови, и «в то время как он призывает других проливать кровь, не идя проливать своей крови,—с вершины Синая его озаряют духовные молнии» и ему чудится «водворение вожделенного строя в славянской громаде»—примирение России и Польши в Царьграде «через» миллионы загубленных жизней.

А. Белый справедливо отмечает, что это «не крест Христов, а топор каннибала», и заканчивает свою полемику с В. Ивановым словами: «Пожалеем его».

Что же противопоставляет В. Иванову его критик Белый—панегирист революции: «ныне плавятся в нас все застывшие истины, догматы, вещи», «Россия простерла над миром огни великолепнейших мифов», «русская современность, бунтуя против мертвой окостенелости

позитивно исчисленных политических форм, черпает свои силы из прорастающих зерен народной стихии» и т. д.

Все бы хорошо, но и А. Белый недоволен. Не нравится ему, что к революции, которая, по его мнению, в противоположность В. Иванову, «протекает религиозно» (о чем свидетельствуют стихи Клюева и Есенина!!), примешались материалисты.

«Материалистический взгляд революцию собственно превращает в эволюционную марксову схему», «материалистический взгляд на историю есть взгляд рассудочной ограниченной мысли», а А. Белый верит в осуществимость «нераскрытого царства свободы» только, «если нет границ человеческому дерзновению, если самые формы строительства жизни—непрерывная эманация духовных возможностей» и т. п.

Итак, одной безответственной фантазии противопоставлена другая столь же безответственная. Ивановское отрицание революции нисколько не лучше и не хуже «беловского» приятия ее. Белый только витиевато выразил то модное теперь течение в нашей художественной литературе, которое принимает какую-то особую национальную религиозно-анархическую «мужицкую» (как выразился один из героев Пильняка) революцию, но отвергает ее разум, ее интернациональный характер, ее великий план, совершенно игнорирует роль пролетариата в качестве ее авангарда. Это—революция от Махно, а не от Маркса. Этот сумбур понятий, эту младенческую стадию в развитии общественного сознания Андрей Белый облек в туманные мистические образы, сотканные из нашего славянофильского мессианизма и эстетического гурманства революции, в ее твердом, неуклонном, поступательном движении по пути, предуказанном гениальным основателем рабочего движения, этой революции одинаково чужды и далеки и «отвергающий» В. Иванов и «принимающий» Андрей Белый. Оба они идут где-то в стороне от прямого исторического пути, и о втором можно с успехом повторить его же фразу, сказанную о первом:

«Пожалеем его».

П. С. Коган.

М. А. БЕКЕТОВА. Александр Блок. Биографический очерк. изд. «Алконост». ПБ. 1922 г. Отпечатано в Берлине. Тираж не обозначен. Стр. 306.

Родная тетка поэта, известная переводчица М. А. Бекетова, подарила нас первой более или менее обстоятельной биографией Блока. Автор предупреждает, что это не более как «краткий очерк жизни поэта, дополняющий воспоминания его современников... Мне, как тетке его, связанной близкой дружбой с его матерью, известны многие факты его жизни. Поэтому я и взяла на себя смелость писать о нем именно теперь, когда его полная биография не может быть написана по вполне понятным причинам». А в конце книги есть такое важное пояснение: «Эту книгу я писала не в одиночестве, я не могла бы довести ее до конца, если бы мать и жена поэта не помогли мне своими советами и воспоминаниями о том, что мне было неизвестно или неясно. Эта летопись его жизни написана нашей любовью».

Необходимо иметь в виду, что «летопись» эта носит следы значительной литературной обработки.

Избыток «литературности»—основной дефект биографии: она читается, как увлекательный роман. Мы предпочли бы именно «летопись»: поменьше литературы и побольше «сырых кусков» жизни.

Но и с этой оговоркой биографический очерк М. А. Бекетовой представляет исключительный интерес. Охватывая всю жизнь поэта и уделяя равное внимание всем ее периодам, она дает богатый фактический материал для изучения личности, жизни и творчества Блока. Особенную ценность представляют извлечения из писем Блока, впервые появляющиеся в печати. Некоторые страницы жизни поэта,—например, раннее детство, годы учения, сердечные увлечения, поездки за границу, военная служба, участие в допросах деятелей старого режима—до сих пор оставались почти не освещенными. Другие страницы его жизни, известные до сих пор *извне*, по воспоминаниям современников, получают отныне новое освещение *изнутри*, благодаря исключительной

близости биографа к семье поэта на протяжении всей его жизни.

Биограф более или менее удачно борется с опасностью родственного пристрастия и, при всей интимности и сердечности тона,—всюду старается сохранить посильную объективность. Личность биографа вообще нигде не выступает на авансцену. По всей книге рассеяна масса драгоценных наблюдений, интересных замечаний, обобщений—любопытных даже и тогда, когда с ними никак нельзя согласиться: когда слишком силен в них аромат «доброго старого времени» (см., напр., страницы, посвященные описанию свадьбы Блока).

Есть очень интересные детали из последних лет жизни поэта. Описывая эти трудные, суровые годы, М. А. Бекетова замечает: «И, однако, как ни трудно жилось Ал. Ал. в эти годы, он никогда ни минуты не думал о том, чтобы эмигрировать. Он считал это изменой... Уехать Ал. Ал. ничего бы не стоило, но он не хотел этого».

Между прочим, авторитетный биограф окончательно разрушает легенду, одно время популярную среди обывателей,—о том, что Блок «умер с голоду». Гомеровски подробно описав тот достаточно питательный стол, которым пользовался поэт в последние месяцы жизни, М. А. Бекетова поясняет: «Я нарочно привожу все эти подробности, чтобы разрушить ту басню, которую сложили о голодающем Блоке, кормимом из милости какими-то иностранцами, досужие русские эмигранты. Все, что можно было сделать для него в Петербурге, делалось» (стр. 297).

Книга отпечатана в Берлине. Издана посредственно. В нумерации глав допущена ошибка.

А. Цинговатов.

В. Н. КНЯЖНИН. АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК. Изд. „Колос". Биографическая библиотека. ПБ. 1922. Стр. 136. Тираж 3.000.

Задачу свою В. Н. Княжнин формулирует так: «написать незначительный по объему, беглый очерк» (стр. 69). В предисловии биограф признается, что ему, как современнику, близко знавшему Блока, трудно писать о поэте. Далее следует предупреждение: «я не стану распространяться о том, что было бы для него неприятно». Этим биограф определенно ограничивает себя.

В отношении метода работа Княжнина дает сочетание трех элементов: 1) объективно-научных изысканий, 2) воспоминаний современника, 3) субъективных соображений и домыслов. В начале работы преобладает первый элемент, в середине, второй, в конце—третий. Отсюда—далеко неодинаковая ценность отдельных частей работы.

Наиболее обстоятельно, по первоисточникам, разработана I глава—о предках поэта по отцу и по матери. Между прочим, опровергается легенда, закрепленная С. Городецким, будто один из предков был врачом царя Алексея Михайловича. Настойчиво проводится мысль о сильно выраженной стихии германства во внешнем облике поэта (прекрасно зарисованном биографом) и отчасти в его поэзии. Естественным и ценным приложением к этой главе является помещенное в конце книги «идеологическое дерево» А. А. Блока.

Главы II, III, IV, обследуют—правда, больше с внешней стороны—детство, отрочество и юность поэта, с приведением некоторых документов (гимназический аттестат, обозрение университетского преподавания, церковная запись о венчании), первые литературные шаги, влияние Вл. Соловьева, сближение с московскими символистами. Дойдя до 1904 г., т.-е. до начала литературной деятельности Блока, биограф несколько неожиданно заявляет: «здесь в сущности следовало бы поставить точку и тем самым закончить биографическую часть работы. Дальнейшее... слишком живо и слишком мучительно заниматься раскопками... Но буду последователен, так же, как и вы, Александр Александрович, доводящий всякое дело, раз оно начато, до конца!» (стр. 68).

Заявление—не предвещающее ничего хорошего.

И действительно, начиная с 1904 года, биографический материал становится все более расплывчатым и бедным в его

фактической части и все более растворяется в характеристике эпохи. «Эта характеристика (за период 1904—1908 г.г.) сделана, главным образом: 1) по Андрею Белому (его мемуары в «Северных днях», в «Записках мечтателей», поэма «Первое свидание»), использованному весьма интенсивно, и 2) по личным воспоминаниям Княжнина, написанным как бы в pendant к Белому и дающим ряд интересных дополнительных штрихов и черточек (впечатления от Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, биография М. И. Пантюхова, воспоминания о моментах возникновения школы символизма и ее распада). На фоне эпохи изображается сложный кризис символизма у Блока, нашедший свое выражение в «иронии» «Балаганчика» и «рыдающем отчаянии» лирических драм.

За период от 1909 по 1921 г. дан уже совсем беглый и слишком скудный биографический конспект, почти ничего не прибавляющий в фактическом отношении к тому, что было известно в печати до сих пор. Особенно скомканы годы революции (1917—1921). Голословно звучит утверждение: «с лево-эсэровской группой Блока связывали чисто литературные отношения, а вовсе не их идеология».

Глава VI (ошибочно помеченная VII) представляет попытку философски-мистически осмыслить—по стопам А. Белого—внутренний путь Блока. Попытка не из удачных: туманные рассуждения на тему, почему Блок не удержался «на позициях Вл. Соловьева», разрастаются в явную истерику. Вот заключительная тирада: «Тот, кто так много страдал, тот, кто отверг мир, представший ему апокалипсическим видением хаоса, тому все должно проститься. Простим, по крайней мере, мы, не сумевшие во-время прийти на помощь, слабые и ничтожные, растерянные и теряющиеся. Он—Александр Блок—лучше нас!»

Какая «нервическая чепуха!»

По существу ненужной является и глава VII (ошибочно помеченная VIII) лирическое «стихотворение в прозе» со случайными цитатами, с искажением блоковского текста («я пью давно») и банальным заключительным «светлым аккордом».

Субъективные домысли автора рассеяны по всей книге, и как велика ценность этих «туманных пятен», можно понять из следующих примеров: по поводу гимназического аттестата Блока—весьма посредственного—у Княжнина вырывается такое замечание: «гимназия была окончена не так, как хотелось бы видеть». Биограф серьезно полагает, что первоклассные поэты должны быть непременно и «первыми учениками». На стр. 26 дается глубокомысленное сопоставление Блока с... Верхарном: Блок любил «бродить в одиночку»; Верхарн тоже любил «бродить в одиночку». (Удивительное сходство!) Как далеко заходит биограф в своем «субъективизме», показывают следующие два примера.—В случайной гибели художника Сапунова (утонул в 1912 г.) давался, по мнению Княжнина, «словно какой-то намек и Александру Александровичу» (стр. 113). Почему—намек? В чем—намек? Суеверный биограф не поясняет этого. На стр. 122 автор вспоминает, что Блок каждые шесть лет отправлялся в Бад-Наугейм и что в 1921 году (год смерти) поэту предстояло отправиться туда. А на стр. 123 биограф уже сам поверил своему домыслу и торжественно заявляет: «приступая к анатомированию его духовного и творческого облика, я постараюсь сократить собственное «я», обращусь к свидетельствованию оставшихся памятников, не забывая, что в Бад-Наугейм может попасть эта книжка в руки удалившегося от нас поэта, и А. А. захочет там прочесть ее».

Каково?!

Остается утешаться тем, что «сие надо понимать духовно».

Но факт остается фактом: сократить собственное «я» биографу, при всем его старании, не удалось: оно бесчинствует изрядно. И биография Блока от этого только проигрывает.

Д. Цинговатов.

ПАМЯТИ БЛОКА. Изд. „Полярная звезда". ПБ. 1922. Стр. 119, Тираж 1.000.

Из предисловия: «изучение поэзии Блока должно начаться с собирания материалов, без которых невозможна плодотворная работа над выяснением

творчества художника. Послужить этому делу—задача настоящего сборника». Какие же материалы предлагает нам сборник? 1) Два неизданных стихотворения Блока конца 1920 года (по 16 строк каждое). Оба являются надписями на экземплярах «Седого утра» и обращены к двум лицам, игравшим роль в жизни поэта. Биографическую ценность этих стихотворений устанавливать пока еще рано, художественная же значимость обоих—не первостепенная. 2) Автограф Блока: 12 строк чернового наброска из 1-й главы «Возмездия». Известную ценность представляет, конечно, и сам автограф и комментарии к нему П. Медведева.

Таковы те *новые* материалы, которые мы имеем в сборнике. Не густо.

Далее следует материал очень ценный, но *старый:* перепечатка «Александр Блок. Автобиографическая справка» из VI выпуска «Русской Литературы XX в.» под ред. Венгерова,—справка «мало известная современным читателям» (мотив перепечатки).

Этим, строго говоря, и исчерпываются «материалы» сборника. Затем следуют три исследовательских работы П. Медведева. Центральная из них — «Творческий путь Ал. Блока». Что сказать о ней? В эпоху реакции 1907—1908 г.г., как известно, процветали вечера «нового искусства»: декаденты, символисты, мистики вышли из своих келий и затопили столичные и провинциальные салоны или, точнее, гостиные («век не салонов, а гостиных» — по слову Блока). «Зараза мистического шарлатанства» (выражение Блока) проникала всюду: ею были захвачены и крупные таланты (А. Белый, напр.) и особенно второстепенные, dii minores, которых тот же Белый не совсем вежливо обозвал в свое время «обозной сволочью». Дешевый символизм-модерн стал модным в мещанском обществе. «Нашлась толпа легкой мистической наживы».

Первым не выдержал Блок. Осенью 1908 г. он через газету обратился к писателям, художникам и устроителям вечеров «с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество»: вечера «нового искусства», по его мнению, порождают «атмосферу не только пошлости и вульгарности»—хуже того, они «становятся как бы ячейками общественной реакции». Конечно, Блок был абсолютно прав в своей оценке. Продолжаем. На этих вечерах обычно читались доклады о новейшем искусстве и его представителях, — доклады, разумеется, гармонировавшие с общим стилем «вечеров»,—и вот об этих-то докладах мы и вспомнили, когда читали статью Медведева «Творческий путь Ал. Блока».

Трудно поверить, что статья эта написана в 1921 году, а не в 1907, где-нибудь в «Перевале».

Заигранно-модернистский психологизм, щеголевато-трафаретный эстетизм, провинциально-развязное эпигонство — по стопам В. Иванова, М. Гершензона, А. Белого—таков стиль статьи Медведева. Метод исследования — «имманентный», т.-е. оторванный от среды, безнадежно отвлеченный: Блок—«под стеклянным колпаком».

Разумеется, в начале статьи автор признает, что «Блок был самым живым, самым чутким поэтом нашего времени... нет другого поэта, в котором бы современность бросила такие глубокие якоря». В известном смысле это совершенно верно. Но Медведев высказывает это положение только для того, чтобы тут же забыть о нем и игнорировать его на протяжении почти всей статьи. Можно ли, например, говоря о крушении мистического романтизма у Блока эпохи «Балаганчика», ни одним словом не обмолвиться о революции — реакции 1904—1906 года? Это тем более непростительно, что сам Блок в автобиографической справке в числе событий, «особенно сильно повлиявших» на него, отмечает: «события 1904—1905 года». Можно ли на протяжении пяти страниц говорить о болезни «иронии» у Блока и нигде не заикнуться о социальных причинах этой болезни, хотя опять-таки сам поэт в статье «Ирония» выдвигает на первый план именно социологическое объяснение.

Медведев неоднократно называет Блока «поэтом нашего поколения», Вергилием нашего поколения в мучительных странствиях по аду «пустого мира» и чистилищу «зацветающих снов»... «Вместе с Блоком мы опустили в могилу нашу юность». Что разуметь под таинственным

«нашим поколением»? Поколение—какой социальной группы? Какого класса?— В этом все дело. Иначе получается безответственная игра расплывчатым термином.

Но и в пределах чисто имманентного постижения поэзии Блока—не все обстоит благополучно. Творческий путь поэта явно упрощен, местами просто смазан. Отсутствуют, напр., такие важные длительные моменты, как мировая скорбь «Седого утра» или гражданское негодование «Ямбов»; забыта империалистская война и ее отражение в творчестве поэта. Тенденция к упрощению приводит к суждениям явно ошибочным: 1) «Стихи о Прекрасной Даме»—«песнь торжествующей любви»; 2) Блок—не демон и даже не Лермонтов; он—светлый дух, «дитя света»; 3) Блок принял октябрьскую революцию «всей душой, безотговорочно, не колеблясь».

Нового, оригинального к тому, что было написано о Блоке, статья Медведева не прибавляет. Отдельные удачные и интересные замечания не спасают положения и не оправдывают ненужности появления статьи в целом.

Медведеву же принадлежат и две сводки: биографическая—«Дни и дела у Блока» и библиографическая—«Литература о Блоке». Первая носит характер спешный, диллетантский и фактами не изобилует. Нужно было подождать выхода биографических работ Бекетовой и Княжнина. Годы 1905, 1910, 1914 отсутствуют вовсе; в других годах—скудно; не упомянута, напр., поездка в Москву весной 1921 г.

Вторая—представляет бесспорную ценность: это первый опыт исчерпывающей библиографии по Блоку за известный период (1904 — 1922). Но исчерпать список даже старых работ Медведеву все-таки не удалось: не указаны Ф. Фидлер, И. Анненский, Б. Садовской, А. Бухов. Статья С. Городецкого в «Образовании» за 1908 г. ошибочно отнесена к 1918 г. Иконографическая часть сборника дает: 1) снимок с могилы поэта, появляющийся в печати впервые, 2) снимок с известного сомовского портрета (1906—907 г.г.), о котором у Бекетовой читаем: К. Сомов тщательно оберегал портрет от посторонних взглядов и прежде всего пожелал узнать мнение матери поэта. «Она подошла, и сердце у нее упало: такое тяжелое впечатление произвел на нее портрет: сходство почти не передано, и ужасный этот рот, и дурные глаза. И откуда явились вместо золотистых шелковых кудрей эти тусклые шерстяные волосы?

«Мне не нравится», сказала мать.

«Вы совершенно правы, мне тоже не нравится», грустно вымолвил художник» (стр. 107).

В цитатах допущены искажения блоковского текста: меча вм. *щита* (стр. 46), гостей вм. *гатей* (стр. 53).

А. Цинговатов.

ДОСТОЕВСКИЙ. Статьи и материалы под редакцией А. С. Долинина. Петербург. «Мысль», 1922, IV—516 стр.

Что такое художественное произведение, в чем искать его сущность и как ее находить—эти вопросы за последнее время обрели особенную остроту. Среди разных попыток их разрешения на первое место выдвинулся так называемый формальный метод, достигший немалой убедительности под руками петербургских исследователей «Опояза». Однако, и до того существовавшие методы этим отнюдь не уничтожены. Период методологического сомнения все еще переживается историей литературы и даже не предвидится ему слишком скорого конца. Поэтому для всякого современного историка литературы, к какому бы исследованию он ни приступал, первым долгом является определение своей методологической позиции, выбор метода. Полная методологическая неопределенность составляет первородный грех рассматриваемого сборника. Вместо выбора, предпочтения того или иного подхода к творчеству Достоевского редактор с «мудрой» предусмотрительностью допускает их все. В результате, этимологию составленного им сборника едва ли не правильно возвести к известной пословице—с бору да с сосенки. Находим в нем статьи по истории религиозных и общественных идей Достоевского, психологии его творчества, биографические

разыскания, лингвистические исследования и пр. и пр., как если бы в книге, посвященной человеку, на ряду с мистическими размышлениями о назначении и судьбе его, мы встретили анатомические таблицы и главы по физиологии обмена веществ, трактованные в духе самой строгой научности. И материал сборника зачастую не только разнороден и разноречив, но и противоречив. Узнав, например, на стр. 162 о бессознательности, «одержимости» Достоевского своим творчеством (статья Радлова: «Соловьев и Достоевский»), читатель пятьюдесятью страницами далее, вместе с Виноградовым (стиль петербургской поэмы «Двойник»), прослеживает упорную бисерную работу того же Достоевского, сознательно выполняющего определенное задание: на основе «стилистических приемов Гоголевской школы» выработать форму «повествовательного сказа» и создать «одну из разновидностей стилизованной речи бедного человека». Равным образом статья самого редактора («Достоевский и Герцен») не согласована со всеми почти статьями первой части и т. п. Пример более мелкого противоречия, обязанного недостаточной редакторской проработанности материала, имеем в начале страниц 1 и 96.

В предисловии к сборнику редактор делает героическую попытку соединить весь этот расползающийся материал в стройное органическое целое. Но даже при беглом листовании сборника все его хитрое сооружение распадается самым безнадежным образом. Прежде всего из состава сборника явственно выпадает как бы некая самостоятельная книга, образуемая статьями «философов» (Аскольдов—«Религиозно-этическое значение Достоевского»; Карсавин—«Достоевский и католичество»; Лосский—«О природе сатанинской» и Радлов—«Соловьев и Достоевский»). Все это—размышления «по Достоевскому», вернее по поводу. Достоевского, выкладки, относительно которых сами авторы «не решаются утверждать», признал ли бы их Достоевский «выражением своих мыслей». Рассмотрение творчества Достоевского является для них только предлогом для того, чтобы сослаться на свои книги (стр. 45, 69, 71, 98, 99, 130 и др.), обратить внимание на свою «систему», которая «не может быть развита и обоснована здесь в краткой статье». При этом творчестве Достоевского рассматривается исключительно со стороны его религиозной значимости, как особая форма «художественного откровения», делающая его, автора, предвестником нового «третьего завета», пророком «последнего конца», в одном ряду с Владимиром Соловьевым и А. Н. Шмидт.

Сам редактор в предисловии подчеркивает, что такая концепция не нова, ею только «подводятся итоги достигнутому». И действительно, все эти статьи—только более или менее удачные вариации на тему «Трех речей в память Достоевского», Вл. Соловьева и последующих к ним комментариев авторов религиозно-философского общества и «Пути». Стоящая по теме своей несколько особняком статья И. Лапшина—«Эстетика Достоевского»—совершенно примыкает к ним способом рассмотрения. Неудачные сопоставления Достоевского с Теофилем Готье и Жорж-Занд (стр. 113 и 119), приписыванье пьесы Фета «Диана» Майкову (стр. 120) не прибавляют достоинств этой статье, самой длиннотной и вялой из всего сборника.

Изучение формы Достоевского, которым редактор «был бы готов посвятить гораздо больше внимания и места, если бы не стесненные размеры второй части» (?), представлены упомянутой статьей Виноградова о языке «Двойника» и статьей В. Комаровича: «Не написанная поэма Достоевского». Статья Виноградова производит подробный и очень интересный лингвистический анализ «Петербургской поэмы». Принцип самодовлеющей формы проводится автором в данной статье с полной последовательностью, что, конечно, не могло не сделать его суждение о месте и значении «Двойника» в творчестве Достоевского несколько ущербленным. Приятна в методологическом отношении вторая статья, к сожалению, не оконченная. Художественное произведение, хотя бы и понимаемое как чистая форма, рассматривается здесь, однако, не «из себя» (чем постоянно грешат исследования наших формалистов), а в качестве производного от внутренней жизни автора. Статья рассказывает

о грандиозном эпическом замысле Достоевского, набросанном в его плане «Жития великого грешника». Порывание к широким эпическим зарисовкам являлось для Достоевского - художника выражением его «приятия мира», стремлением распространить «на всю жизнь» то ощущение «оправданной» действительности, которое посещало его в редкие миги экстаза. Однако. это стремление так и осталось в нем только стремлением. Поэтому и собранный им для своей поэмы материал не облекся в эпические «житейные» формы, а разрешился тремя очередными «катастрофическими» романами: «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы».

Остальные статьи («Достоевский и петрашевцы», «Достоевский и Герцен», «Достоевский и Гл. Успенский») посвящены общественным взглядам Достоевского. Е. Покровская, опираясь на чрезвычайно интересный документ, — неизвестное до сих пор письмо Ап. Майкова,— доказывает, что Достоевский играл в деле петрашевцев роль куда более активную, чем это полагали его биографы, состоя членом «внутреннего» кружка «дуровцев», имевшего выраженным «социалистическое направление» и определенную тенденцию «от одних разговоров» перейти к делу: организации тайной типографии. Но если «сильные и страстные» социалистические настроения в Достоевском до каторжного периода устанавливаются означенным документом с полной несомненностью, то парадоксальная попытка автора второй статьи (он же редактор сборника) «показать, что как был Достоевский до каторги... последователем Белинского - социалиста, Жорж-Занд и Фурье, так и остался он им до конца» (стр. 276), едва ли может быть признана удавшейся. Наличие параллельных мест в произведениях Герцена и Достоевского (см. стр. 312—317) может быть объяснено и помимо влияния первого на последнего. Да и потом, если в ненависти к «мещанскому» Западу действительно объединялись оба эти писателя,—слишком различны были у них предметы любви. Последняя статья сборника рассматривает публицистические взгляды Достоевского и Глеба Успенского («почвенничество» и «народничество»), по мнению автора статьи Л. К. Ильинского, восполняющие друг друга.

В высокой степени интересны даваемые сборником новые материалы по-Достоевскому: неизданные произведения и письма, и отрывки из воспоминаний А. Г. Достоевской. Среди них особенно значительны содержанием своим письма к А. Майкову, и надорванным, измученным тоном два письма к Русевой, принадлежащие к последним месяцам жизни Ф. М.

Если сердцевина сборника опорочена методологической бессистемностью,—не может расположить в его пользу и верхний его покров. К такой дурной бумаге, убийственному шрифту, небрежной верстке и непрерывным опечаткам Петербург нас не приучил. Отметим, кстати, что обещанный в предисловии среди неизданных материалов «подробный план жития великого грешника» в сборнике почему-то не помещен.

Д. Благой.

Н. К. ПИКСАНОВ. «Пушкинская студия» Введение в изучение Пушкина. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Издательство «Атеней». Петроград. 1922. Стр. 96+2 ненумер.

Изящно изданная книжка проф. Н. К. Пиксанова выходит уже вторым изданием, но так как 1-е вышло в провинции («Научно-Педагогический Сборник Саратовского Института Народного Образования», Саратов, 1921, и отдельн. оттиски) и не получило большого распространения, то настоящее издание является в полном смысле слова новинкой, тем более, что, по сравнению с 1-м, оно значительно переработано и дополнено. Жаль только, что книжка напечатана в количестве всего 2.000 экз. «Пушкинская студия» Н. К. Пиксанова—одно из тех пособий, которое должно быть настольной книжкой у каждого преподавателя русской литературы как высшей, так и средней школы, у каждого студента-словесника, у каждого, кто интересуется Пушкиным и русской литературой.

Надо сказать, что пособие Н. К. Пиксанова появилось как нельзя более кстати. Интерес к Пушкину все более и более возрастает. Накопилась огромная, необъятная пушкинская литература, более или менее наметились методы и пути изучения, и, тем не менее, наука о Пушкине находится еще, так сказать, «в приготовительном классе». Мы постоянно, уже в течение многих лет, жалуемся, что нет ни точного «канонического» текста для многих пушкинских произведений, ни полного собрания сочинений Пушкина, ни биографии его, ни синтезирующего исследования, охватывающего все его творчество; более того, не исследована творческая история даже главных произведений Пушкина, не сведены воедино критические анализы, не изучено мировоззерцание поэта, не изучено его стихосложение, его язык, нет необходимых словарей, указателей, даже удовлетворительной библиографии и т. д., и т. д. Но последние годы все же дали очень много для пушкинизма: в эти годы были ясно и определенно поставлены задачи, намечены пути; мы теперь знаем, *что сделано* и чего *не сделано*, знаем, *что надо сделать* и *как сделать*—а это уже половина работы (не в количественном, понятно, отношении, а по существу, по значимости). Знаем мы также теперь и то, что двигать вперед науку о Пушкине отдельным лицам, действующим разрозненно, на свой страх, непосильно. Многие работы могут быть выполнены только коллективно, совместными усилиями научных обществ, семинариев, пушкинских кружков и т. п. С другой стороны, изучение Пушкина необычайно важно с методологической стороны, как школа; и естественно, что именно к Пушкину, хотя бы в области уже сравнительно изученных вопросов, обращаются начинающие знакомиться с приемами литературного изучения и исследования. Таким образом, диапазон получается огромный—от ученых исследователей до начинающей молодежи. Этот диапазон и имеет в виду «Пушкинская студия», то намечая темы, разработка которых была бы под силу лишь крупным специалистам-исследователям, то давая указания для совсем неопытных учащихся. Однако, главным образом, автор книжки, соединяющий в себе талант исследователя с искусством преподавателя, руководитель пушкинского семинария при Исследовательском Институте 1-го Моск. Гос. Университета, имеет в виду *учащихся*, к которым и обращается со вступительными словами, давая необычайно ценные советы и разъяснения, как пользоваться предлагаемым пособием и как вести работу вообще.

Книжка распадается на две части: 1) «Введение в изучение Пушкина» и 2) сборник тем. В первой части пособия в очень сжатой форме, но с почти максимальной полнотой, какая только возможна на протяжении всего 24 стр., составитель «вводит» «неопытных и не осведомленных» в науку о Пушкине. Дается прекрасная характеристика убогого состояния пушкинской библиографии и ряд ценных советов, как пользоваться тем, что есть в нашем распоряжении, указываются существующие библиографические работы, с соответствующей характеристикой каждой из них. Затем дается обзор изданий пушкинских текстов, сопровождаемый сжатой, научно-беспристрастной и в общем правильной характеристикой главнейших пушкинских изданий. Впрочем, тут нельзя не сделать нескольких замечаний: отсутствуют указания на значение первопечатных изданий пушкинских текстов (весьма полезен был бы краткий обзор первых изданий, как отдельных произведений Пушкина, так и первых собраний его сочинений, а также обзор журналов и альманахов, в которых Пушкин печатался); опущена характеристика издания Л. Поливанова, которое, хотя и сильно устарело и во многом несовершенно, все же ценно своим особо обстоятельным и оригинально составленным комментарием, так что выделить его было бы необходимо; необходимо, далее, было бы указать, что пушкинский текст в I т. академического издания совершенно неудовлетворителен, и что пользоваться им можно только разве для характеристики неуменья издавать пушкинские тексты; также надо было бы указать на невозможность пользования текстом, особенно по отношению к тем стихотворениям, которые привлекали внимание цензуры—и в I т. изд. «Просвещения» под

ред. П. Морозова, который полон пропусков и искажений—а это не оговорено. Нельзя не отметить также той положительной оценки, которую Н. К. Пиксанов дает последнему изданию сочинений Пушкина под ред. В. Я. Брюсова. В последнее время установился обычай «ругать Брюсова»; его издание (правда, преизобилующее всевозможными ошибками, промахами, опечатками и пр.) вызвало очень строгую, придирчивую критику, при чем некоторые рецензенты готовы были отказать ему по всяком научном значении, считая его прямо вредным. Но издание В. Я. Брюсова, при всех его недостатках, все же представляет результат самостоятельной многолетней работы, и, несомненно, вносит много нового и ценного; во всяком случае,—это одно из тех изданий, с которыми пушкинисты всегда так или иначе будут считаться. Поэтому идущую в разрез с общим голосом характеристику Н. К. Пиксанова (стр. 21) нельзя не приветствовать, при чем, однако, никак нельзя согласиться со вскользь брошенным замечанием, будто Пушкин «тяготел к авторитарным формам мысли и жизни» (там же). Пушкин в своих мечтах, может-быть, был более революционер, чем кто-либо из его современников; он провидел такие дали в области общественного устройства, какие и не снились людям его эпохи и которые и для нашей поры остаются еще далеким, реально недостижимым «анархическим» идеалом, и в этом «анархизме» Пушкин все эволюционировал к концу своей жизни (ср. «Из VI Пиндемонте»); но Пушкин понимал, что «лбом стены не проломишь», «плетью обуха не перешибешь», и потому «безумно не противоречил общепринятому порядку», считая главным своим делом выполнение своего долга,—долга гениального поэта.

В 3 и 4 главах «Введения» дается обзор работ биографического характера и историко-литературных изучений, в 5-ой гл.—обзор критики. Обзор краток и сжат, но все главное дано. Следовало бы только предупредить читателя о крайнем субъективизме и ненаучности утверждений М. О. Гершензона, особенно в тех его работах, где он выступает не как историк литературы и биограф, а как философ-пророк (в кн. «Мудрость Пушкина»); не лишним было бы также выделить в обзоре литературно-критических изучений работы ак. Н. Котляревского и упомянуть критические этюды Ю. Айхенвальда. Нельзя согласиться с категорическим утверждением Н. К. Пиксанова, что работа В. Е. Якушкина «Пушкин и Радищев» «амортизирована новейшей работой П. Н. Сакулина» (стр. 30)—выводы П. Н. Сакулина, при всей ценности его последнего исследования о Пушкине и Радищеве, все же недостаточно убедительны. В P. S. отмечаются только что вышедшие издания («Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина» и «Домик в Коломне» под ред. М. Гофмана); следовало бы отметить и третью замечательную во многих отношениях новинку—издание «Гавриилиады» под ред. Б. Томашевского.

Вторая часть «Пушкинской студии» посвящена темам. После указания главнейших источников и пособий составитель дает ряд (более 60—и) разработанных тем. Для каждой темы указывается библиография и намечаются руководящие вехи исследования—нечто вроде предварительного конспекта, который отсутствует лишь при некоторых темах. Многие из тем поставлены очень оригинально, напр.: «Мечта в поэтических определениях Пушкина», «Стилизация в творчестве Пушкина», «Творческая история «Евгения Онегина», «Бориса Годунова». «Формула — «Пушкин — поэт европейский» и ее наполнение», темы по истории пушкинизма и т. д. Относительно этой части работы Н. К. Пиксанова можно сказать только то, что не раз с благодарностью помянут его все занимающиеся Пушкиным, начиная от ученого исследователя, кончая дельным учеником школы 2-ой ступени.

Что же касается пожеланий и замечаний, по поводу рецензируемой книжки то, разумеется, можно указать, что многие списки пособий и некоторые указания не полны, но к «исчерпывающей полноте» автор и не стремился, да ее и невозможно (а пожалуй и не нужно) достигнуть. Не со всем можно согласиться в указании тех путей, которые составитель предлагает исследователю; но автор смотрит на свои

конспекты, как на примерные, и сам рекомендует относиться к ним самостоятельно и критически; можно было бы указать, далее, напр., что тему «Эволюция стиля Пушкина по переработкам лицейских стихов для издания 1826 г.» (стр. 40) нельзя писать по тем пособиям, которые указаны, так как основным пособием для этой темы могут быть *только подлинные* пушкинские рукописи лицейских стихов, или что в списке пособий к теме «Друзья—враги в жизни и лирике Пушкина» странным образом отсутствует указание на работу М. Н. Сперанского: «Друзья и враги Пушкина в литературе». Нежин, 1899 и т. д.,— но если вдаваться в такого рода замечания, то пришлось бы написать не рецензию, а работу, превышающую по объему рецензируемую книжку. Остается лишь пожелать, чтобы в следующих изданиях этого полезнейшего пособия составитель увеличил число тем. Как бы то ни было, выбор их носит все же характер совершенно случайный, и целый ряд произведений Пушкина и важных вопросов пушкиноведения не затронут в нем вовсе. И напрасно автор избигает «избитых тем» — избитые темы и разрабатываются обычно избитым способом; а если некоторые темы уже достаточно удовлетворительно разработаны, то учащемуся далеко не бесполезно самостоятельно повторить проделанную уже работу.

В конце книжки дана систематическая группировка тем (к сожалению, без ссылок на страницы, что затрудняет пользование указателем) и перечень содержания журнала «Пушкин и его современники». Этот «Перечень» небесполезен, но жаль, что дана лишь простая перепечатка оглавления — ценнее был бы систематический (предметный) указатель.

Сделаем еще несколько мелких замечаний: на стр. 13 назван В. И. Межов «известный биограф»,—очевидно, надо читать «библиограф»; в списке исторических журналов (стр. 16) отсутствует «Голос Минувшего»; странно упорное именование Петербурга — Петроградом (даже в ссылках на книги вместо обычного СПБ. везде «П». — напр., стр. 13, 14, 25, 31 и др.)

Н. Н. Фатов.

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК. Юбилейные речи. Материалы Ярославского Губархива. К столетию со дня рождения поэта. Под редакцией проф. В. Н. Бочкарова. Издательство Ярославского Сельско-Хозяйственного и Кустарно-Промыслового Союза Кооперативов. Типография Губсовнархоза № 2. Ярославль. 1922. Стр. 120. Тираж 3000 экз.

Ярославль — родина Некрасова— праздновал в декабре прошлого года столетие со дня рождения великого поэта «печали и гнева». Так как местных научных сил, несмотря на существование в Ярославле Государственного Университета с факультетом общественных наук, не имеется в достаточном количестве, то были выписаны московские профессора и ученые, с помощью которых Университет «развернул многогранное творчество Н. А. Некрасова», как выражаются составители предисловия к рецензируемой книжке, которая является несколько запоздалым отзвуком прошлогодних некрасовских торжеств в Ярославле. Сборник заключает в себе с одной стороны, доклады и лекции читанные на юбилее, с другой, — ряд неопубликованных материалов по Некрасову, хранящихся в Ярославском Губернском Архиве и, частью в Московском Историческом Музее. В первой половине мы находим доклад редактора сборника проф. В. Н. Бочкарева на тему «Исторические мотивы поэзии Некрасова», лекцию проф. А. Анисимова—«Некрасов — поэт» и речь проф. П. Н. Сакулина под заглавием «Родной поэт» (произнесена на собрании служащих Союза Кооперативов). Во второй части напечатаны «материалы», собранные В. Е. Чешихиным-Ветринским. Тут мы находим: 1) заметку «К изучению «Княгини Волконской» Н. А. Некрасова»—запись содержания записок княгини М. Н. Волконской, сделанная самим поэтом (дана трансскрипция восьми страниц рукописи Некрасова); 2) выпись из дворянской родословной книги Ярославской губ. — «О роде Н. А. Некрасова»; 3) заметку «Из цензурных сношений Некрасова в 1868 г. (два документа). 4) два письма Некрасова к Г. З. Ели-

сееву; 5) варианты стихотворений Некрасова «Мороз красный нос», «Я посетил твое кладбище», «Родина» и «Муза»; 6) заметку «Школа в селе Абакумцеве и отношение к ней Н. А. Некрасова»; 7) три письма А. А. Буткевича (урожд. Некрасовой, сестры поэта); 8) четыре письма А. К. Голубева (биографа Некрасова) и 9) четыре больших письма В. Стоюнина к неизвестной (обозначена инициалами «Л. В.») о поэзии Некрасова.

Казалось бы, что уже одно содержание «Сборника» говорит за себя, и остается только поблагодарить Ярославский Союз Кооперативов за издание столь ценной книги. Но... ярославские издатели, очевидно, забыли, что в процессе печатания книги необходима и работа... корректора, во всяком случае, достаточно грамотного. Такового, к сожалению, в Ярославле не оказалось, а посылать корректуры авторам издатели считали, очевидно, «буржуазным предрассудком» что ли или постеснялись беспокоить московских ученых по столь пустяковому поводу (не постеснившись, однако, выставить на первой странице имя проф. В. Н. Бочкарева в качестве редактора и тем самым взвалив косвенно и на него ответственность за издание).

Мы имели в своих руках экземпляр, в котором один из авторов—П. Н. Сакулин,—исправил ошибки в своей статье. На протяжении *всего 5 с половиной* страниц исправлено 33 (тридцать три) грубейших, *совершенно искажающих смысл* опечаток! Приведем для вящшей убедительности и для характеристики культурности ярославских Губкооператоров некоторые из этих «опечаток»:

Стр-ца:	строка:	напечатано:	дол. быть:
63	8 св.	напевом	нажимом
64	1 »	опознан	осознан
»	16 сн.	пылко	полно
65	5 св.	плотину	полотно
»	19 сн.	творец	творит
»	13 »	гаконченный	законный
»	3 »	гротика	гротеска
66	5 »	муза	лира
»	3 »	помощь	полный
67	6 »	Над Русью отживающей	...оживающей(!)
68	5 »	элементы	эмблемы...

Кажется, большего издевательства над здравым смыслом, над автором, над книгой, над памятью поэта допустить трудно!

Не имея возможности сверить тексты других статей сборника с рукописями, мы не можем сказать, представляет ли статья П. Н. Сакулина такое «счастливое» исключение или же эдиционные приемы, проявленные в ней, типичны для всей книги, хотя уже одно наличие такого количества искажающих смысл ошибок в одной статье заставляет относиться подозрительно и другим, и в особенности — к «Материалам», где требуется исключительная точность передачи, так как., строго говоря, всякое трансскрибирование текста имеет ценность только при абсолютной гарантии от опечаток, присутствие которых даже в незначительном числе лишает всякого смысла самый принцип трансскрибирования рукописей. Впрочем, чтобы у читателей не было никакого сомнения в однообразии корректорских приемов на протяжении всего сборника, даются некоторые, так сказать, «опорные пункты»; так, на стр. 69 при фамилии Чешихина-Ветринского его инициалы вместо В. Е. (Василий Евграфович) напечатаны *В. Б.*, а на стр. 81 дан своего рода корректорский «chef d'oeuvre» — две последние строчки читаются так:

«в рукописи имеются зачеркнутые карандашом:
||||| *разрядкой»*.

На стр. 82—83 идет текст зачеркнутых в рукописи карандашом стихов. Долго ломали мы голову, что бы могло значить это: « ||||| разрядкой», и, наконец, пришли к несомненному, кажется, выводу, что это, очевидно, пометка, сделанная автором *для наборщиков*, с указанием на необходимость печатать *разрядкой* те места, которые сбоку отчеркнуты, но и эта пометка оказалась бережно перенесенной в текст книги!..

При охарактеризованных приемах издания представляется затруднительным сказать что-либо по существу напечатанных статей и особенно материалов,

и остается лишь посоветовать Ярославским Кооператорам возможно скорее изъять из складов и магазинов непроданные еще экземпляры этой срамной книжки и перепечатать ее вновь.

Ограничимся поэтому лишь немногими замечаниями. Так, нельзя не указать, что статья проф. В. Н. Бочкарева не соответствует своему заглавию; дан не обзор «исторических мотивов в поэзии Некрасова», а скорее статья на тему «Некрасов, как бытописатель»; разумеется, современный историк может пользоваться материалами, заключающимися в произведениях Некрасова, как историческими документами, но называть сцены из крепостного быта, современного Некрасову, «историческими мотивами в его творчестве»—несколько странно. Нельзя, далее, не отметить сильной речи проф. П. Н. Сакулина «Родной поэт». Обширная лекция проф. А. Анисимова посвящена трактовке избитой темы, о том, что «гражданин» в Некрасове мешал «поэту», при чем автор не допускает мысли, что поэт может гореть совершенно искренно, совершенно «поэтически» гражданским пафосом, и считает такие произведения как «Размышления у парадного подъезда» или «Железную дорогу»—«фальшивыми»!.. Если бы не несколько интересных замечаний о приемах стихотворной техники Некрасова, статья проф. Анисимова была бы совершенно неинтересным тенденциозно-диллетантским [1]) выступлением.

Что касается материалов, то можно лишь отметить очень интересный зачеркнутый поэтом вариант окончания поэмы «Мороз—Красный Нос»; оказывается, по первоначальной мысли автора, поэма должна было кончаться «благополучно»—Савраска заржал и тем вывел Дарью из забытья; она бросилась догонять соскучившуюся стоять на морозе лошадь и... благополучно вернулась домой. Несомненно, интересны и письма-статьи Стоюнина, только теперь попадающие в печать... Что касается остальных материалов, то о них, повторяю, трудно что-либо сказать, не зная, сколь точно они переданы. Сброшюрована книга скверно—вся распадается по листикам.

Н. Н. Фатов.

[1]) Проф. Анисимов даже цитирует Некрасова, по изданию Суворина 1909 г., которое, как известно, совершенно не годится для употребления благодаря тем пропускам и искажения некрасовского текста, которые в нем имеется.

Н. Л. БРОДСКИЙ. И. С. Тургенев и русские сектанты. Из-тво Литературного Кружка „Никитинские Субботники". М. 1922 г. Стр. 48.

«Образ *сектанта* должен занять в портретной галлерее тургеневских писаний *свое*, заметное место: без него она была бы неполна, ущербна», говорит Н. Л. Бродский.

На трех повестях Тургенева—«Касьян с Красивой Мечи» (печ. 1851), «Странная история» (печ. 1870) и «Степной король Лир» (печ. 1870)—автор доказывает это положение, и доказывает его блестяще, при помощи мастерского анализа художественного изображения и сопоставления его с литературным и бытовым материалом, собранным историей русского сектантства. Обнаруживая прекрасное знакомство с этим материалом, автор имеет возможность делать из него всякий раз соответствующую выборку, окружая тот или иной тургеневский образ тем или иным определенным рядом соответствующих явлений, сообразно с тем, какими приемами изобразительности пользовался в данном случае художник. Так, если в «Касьяне» для уличения героя рассказа в принадлежности к сектантскому миру приходится сличать, главным образом, высказываемые им суждения с соответствующим сектантским материалом, присоединяя параллели из области жизненно-вкусовых навыков и, наконец, внешне-бытового характера, то в «Странной истории», наоборот, в силу чисто внешнего характера тургеневского письма в этой повести, параллели из внешнего быта и, главным образом, из области физиологических проявлений хлыстовского экстаза и явлений ему сопутствующих занимают первое место.

И в том и в другом случае автор брошюры - исследования проявляет большую осведомленность и неоценимую для историка литературы способность к тонкому, далеко идущему и в то же время лишенному насильственности сближению культурных и литературных явлений. Все это делает его очень небольшую по размеру работу очень веской и значительной.

Дело в том, что как в «Касьяне», так и в «Истории» Тургенев нигде определенно не заявляет о том, что речь у него идет о сектантах,—он изображает мир сектантства, не называя его по имени, как бы прикрывая это обстоятельство завлекательным флером. Автором книжки выяснено и то, чем объяснить этот прием у Тургенева,—именно желанием дать обобщенный образ сектанта, пренебрегая деталями в различении тех или иных сект,—деталями, имеющими мало значения для глухого к религиозным переживаниям в собственном смысле Тургенева, заинтересовавшегося сектантами в плоскости «социально-психологической».

Таким образом, в книжке налицо все условия, необходимые для того, чтобы видеть в ней работу, очень ценную как для психологии тургеневского творчества, поскольку мы имеем в ней анализ его художественного метода, так и для истории литературы вообще поскольку книжка вводит в круг исследования этой науки художественно - литературиый факт, который нам кажется, после анализа Бродского, очевидным, но который мы почти что проглядели, несмотря на прозрачные намеки Тургенева.

Однако, как факт обще-литературного, а следовательно, и культурного значения, материал, поднятый в книжке, представляется нам все же недостаточно доследованным, и это не по недостатку места (последний не помешал автору сделать его анализ крайне плодотворным в указанных выше направлениях), а попытка автора понять крестьянское «бегунство» и сектантство вообще как явление чисто национальное. Не выделена столь существенная для понимания этого в первую очередь классового явления мысль, что анархический характер крестьянского сектантства в России является чертой всякого крестьянского движения, вне зависимости от его национальности. Той же классовой обработки настоятельно требует и непротивленство (точнее пассивный характер сопротивления)—это ведь тоже прежде всего явление крестьянское, независимое от так наз. национального характера.

«Указывались (историками народной жизни), — говорит Бродский, — и разнообразные причины к тому (бегунству)—социально - экономические, религиозно-этические... но явление было давнее, исконно русское». Касьян и Аким («Постоялый двор»)—«оба глубоко национальные типы». Разве это объяснение, а не замена одних слов другими, только запутывающими дело? Этой попыткой сведения к национальному в значительной мере обесценивается и та, сама по себе очень тонкая, параллель между настроением крестьян, бегающих от Антихристова государства, и настроением современных им интеллигентов, Тургенева в том числе, эмигрировавших на Запад от черной русской реакции. На этой остроумной мысли основывает Бродский объяснение интереса Тургенева к русским сектантам. Но надо было и тут и там отметить анархический, непротивленский характер исхода из общественного конфликта, что возможно было бы лишь при понимании этого явления как классового, а не национального. Необходимо же было это потому, что только так можно было бы дать полную «социально-психологическую» оценку этого интереса русского писателя, а также и потому, что только непротивленским характером как изображаемого, так и изобразителя объясняется и тот факт, что всего сколько-нибудь революционного в изображении русского сектантства Тургенев постарался избежать. Вопреки Бродскому, ничего «зажигательного», что видело в «Касьяне с Красивой Мечи» правительство, к чему присоединяется и Бродский, на самом деле ни в одном из тургеневских изображений сектантства нет. Этот рассказ заострен в сторону религиозно-эстетических переживаний героя, а «Странная история» в сторону жутко мистических его свойств—сообразно с

тем кризисом, который пережил Тургенев в 60-х годах и который недостаточно отмечен Бродским. Наоборот, мотив протеста против антихристовой печати, столь характерный для русского сектантства (хотя и там протест пассивен в силу указанных причин) вовсе почти не разработан художником. Это обстоятельство нужно было учесть и проанализировать.

Однако, тот факт, что такая маленькая книжка способна поднять такое количество вопросов, став, так сказать, в самом их узле, говорит за то, что выполненная очень удачно, она, кроме того, глубоко задумана. Не только специалисты, но и все, любящие русскую литературу, не пожалеют, потратив время на ее прочтение.

Д. Горбов.

О. Э. ОЗАРОВСКАЯ. Бабушкины Старины. 2-ое изд., измененное и дополненное. С 2-мя цинкогр. портретами М. Д. Кривополеновой по фотографиям А. Черепановой и А. Антоновой. С приложением мелодий, записанных с голоса В. Г. Каратыгиным. Москва. 1922. 120 стр. 6000 экз.

14 старин (былин), 5 духовных стихов, 2 заговора, 4 песни и 5 сказочек, записанных с голоса Кривополеновой, сказительницы Архангельской губ., Пинежского уезда, лежат в основе этой своеобразной книжки. Новым и ценным материалом является былина «Вавило и скоморохи» и сказка «Горшочек лихо мыть». Но целью книги было не столько обнародование лиро-эпического материала, сколько портретирование сказательницы. Весь объяснительный аппарат книги сводится к восторженным описаниям песельницы, встреч с нею, ее повадок и примет. Этот аппарат подан не только в виде биографического предисловия, но и рассыпан по всей книге в виде предисловий к каждому отделу, которые носят недоумительное название—«от автора». При всем том «автор» старается придать научную видимость своей книге. Запись произведена по произношению, и в конце даны ноты напевов сказительницы. Зафиксированы также вставки в текст, принадлежащие самой Кривополеновой. В общем, образ сказительницы встает перед читателем достаточно отчетливо, хотя хлопотливая восторженность автора иногда заслоняет его. Но именно этот интеллигентски-народнический подход обнажает всю научную недостаточность книги. Отсутствие сравнительного анализа вариантов, этнографической характеристики его и литературно-художественной критики не позволяют книге стать научно-учебным пособием и отводят ей ограниченный круг читателей—любителей старины.

Сергей Городецкий.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„МОСКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ". (А. Яковлев, Б. Пильняк. А. Ремизов, В. Лидин, А. Белый). Берлин. Т-во Огонькн 1922. Стр, 215.

...«Встреча авторов под покровом одной, их сплетающей, книги должна не случайна быть. Случайно иль не случайно здесь, в этой книге, встреча нас».

Откуда эти фразы? Из перевода с немецкого, честно одолевающего по самоучителю его трудности. Нет. Это из предисловия А. Белого к «Московскому Альманаху»—«должна не случайна быть». И думается, что не случайна эта отвычка автора от оборотов русской речи, модернизованной им до неуклюжести построчного перевода.

Так же безнадежно замодернизированы и составляющие альманах авторы. В этом смысле из помещенного в нем выгодно выделяется только «голодная хроника» А. Яковлева «Идут», пищущего по старинке, но крепко и кряжисто, с

умной наблюдательностью, цепкостью к мелочам и подлинным знанием среды. Хроника повествует о голодном исходе крестьян с мест, с земли, выжженной наголо, в хлебные земли.

Повесть напоминает чеховскую прозу (хотя бы «В степи»), но просквожающая ее современность изнутри взрывает эпическую повествовательность и приближает ее вплотную к глазам читателя. Неудачно введенный «психологический» мотив Белой Девы несколько ослабляет здоровую правдивость прозы Яковлева, заставляя вспомнить опять-таки же о чеховском «Черном монахе». А введенный «под занавес»—«светлый мальчик в терновом венце», очевидно, долженствующий служить подтверждением «неслучайности» встречи натуралистической прозы с символико-модернистской, уже совершенно напрокат взят из блоковских «Двенадцати».

Так же, как и другие рассказы Б. Пильняка, раздергана, сшита из кусочков повесть его «Рязань-яблоко». Кусок Белого пришит к куску Арцыбашева, дальше отрывок анекдота, дальше эпиграф с «остранением слова», затем воспоминание из летописного свода, — и оригинальная фактура сказания готова. Чтобы не быть голословными, цитируем.

Вот строки, которые можно принять за отрывок «Серебряного голубя»:

> «Скопец же привез откуда-то эти песни на драных лоскутах, и Мериновы зубрили эти песни, чтобы петь их по ночам на чердаке.
>
> *Елену Скурлатову* решили отдать в богоматери Егору Егоровичу.
>
> — Стоп.
>
> — Стоп.
>
> — Стоп.—Все это, конечно, пишу я—автор. Ничего этого не было,—ничего этого не было бы, если бы не было меня»... (стр. 94).

Вот Арцыбашев:

> «Губы были влажны, солеповаты, горячи. Нилыч, должно-быть, тоже закрыл глаза, потому что ему показалось, исчез свет—и посыпались лишь лиловые искры,—что весь он погружается во влажное, солеповатое, горячее. Елена упала на землю. На мгновение Нилыч увидел свет, зной, сосны, Елену.
>
> «Елена прошептала:
>
> — Поцелуй здесь...
>
> «И губы Нилыча ощутили холодок пота между грудей Елены,— пахнуло всегдашним, женским, горьковатым и у Елены почему-то смешанным с запахом свербиги» (стр. 97).

Вот «современность».

> «В реке Трубеже купаться строго воспрещается, так как река Трубеж заражена сифилисом» (стр. 100).

— Да, но ведь это же все факты, действительность,—горячо возразит нам автор. Совершенно верно, ответим мы, но потяготой к тем, а не иным фактам, тщательной регистрацией одних из них и определяется тенденция писателя. И если Пильняк видит и ощущает в России только «богородиц», «холодок пота между грудей» да реку Трубеж, зараженную сифилисом, то нужно думать, что тенденция его—разлагающая, модернистская, вяло наблюдательская, с уклоном в зловещее сологубовско-ремизовское отрицание жизни.

«Рязань-яблоко» еще более укрепляет в нас впечатление от прозы Б. Пильняка, как от символизированной обывательщины, поднявшейся опарой на дрождях внимания критики.

У Алексея Ремизова в «Гори-Цвете» действуют бесенята и ангелы, незабудки и фиалки, а потому об А. Ремизове промолчим благоговейно.

Затем идет Вл. Лидин с зубоврачебной повестью «Апрель». Без иронии говорим, что никогда не ожидали, чтобы о вырванном зубе можно было писать с такой интимной близостью, а о процессе его вырывания со столь точным знанием дела. Зуб в повести оказывается мастерски вырванным искусной рукой зубного врача—Клары Борисовны—героини повести, но с еще большим мастерством автор вырывает испорченный зуб коммунизма, нывший, очевидно, у В. Лидина с неменьшей интенсивностью. Зуб этот—комиссар-матрос—женишек, таскавший для любовницы меха из доверенных ему складов. Но и его настигает карающая рука с козьей ножкой.

На том и помиримся.

Заключающие «Московский Альманах»—«Записки чудака»—вещь весьма интимная, написанная «для немногих». Надеемся, что эти «немногие» воспримут ее с достаточным терпением, мы же поверим на слово автору в том, что:

«Перемещения сознания могут кончиться и не одним сумасшествием, а чем-то бо́льшим»...

Чем бы ни кончились—только бы поскорее.

Н. Асеев.

А. РЕМИЗОВ. 1) „Мара". Книга рассказов. К-во „Эпоха" Берлин. М. С. М. Х. Х. II. Стр. 148; 2) „В поле блакитном". Повесть. К-во „Огоньки". Берлин. 1922. Стр. 134.

Маразное наваждение, морок, «отвод глаз» от реальной жизни, Мара—привидение, что мерещится подозрительным подслеповатым глазкам, пытающимся заглянуть «в корень», со специальной целью разоблачить подвохи реальности, неудовлетворяющей мечтам о прежней жизни, о стародавней были, овеянной романтикой остро ощущавшейся действительности, ставшей теперь для многих «дурным сном». Так названа и в таком уклоне построена новая книжка рассказов Алексея Ремизова. Немного стариковского умиления над деточками, непопавшими в трамвай, над подаренным доброй дамой девочке пальто, и много зловещей старческой *шамотни*, ворчанья и подкалдыкиванья. А главное—великопостные торжественные слова о том,

...«куда нам всем итти за пасхальную вечерню в светлый день».

И как единственный ответ на новый «проклятый» вопрос—неуклончивый ответ:

...«в Невскую лавру... на большую русскую могилу».

При чем этот собственный ближайший маршрут выдается за всероссийский. Да и как же иначе. «Закон Божий отменили», «чайничек украли», «бабушка Ермопия—Россия, в чистоте державшая старую русскую веру, огненная Россия, последняя Русь»—лежит вон тоже в могиле—не откликнется, а... «Андрей Павлович—человек мудреный—говорил он мало и редко, но всегда что-нибудь такое, сразу и не сообразишь».

Но это раньше было—что не соображалось-то. А теперь и соображать нечего. Закон Божий отменили, гимназистки сейчас же воровством занялись (перчатки),—вот и весь небогатый лейтмотив «Мары». И повторяется он на разные лады с прибауточками, отступленьицами, иногда со слезцой, иногда с усмешечкой. А в общем—Алексей, человек Божий, совсем в странницу по святым местам обратился. И если раньше его витиеватая, кудряво-виноградная речь казалась занятой стилизацией апокрифов, то в «Маре» просвечивает в ней жиденький тенорок псаломщицкой жалобы на неуважение ко святым местам.

Вторая книжка того же А. Ремизова—«В поле блакитном», изданная в Берлине «Огоньками»,—та же попытка уйти в «милое далеко». Повесть—о детстве помещичьей дочки, сотни раз рассказанная в русской литературе, с небольшими интимными вариациями.

...«Тихо в Меженинке—благоприятно».

...«Запасов на зиму сделано было не мало».

...«В старину было лучше».

И как припев ко всему:

«Ах, как жаль,
Что камаль
Вышел уж из моды.
Скоро шаль
И вязаль
Спрячутся в комоды».

Напевает А. Ремизов старенький мотивчик—и на душе у него легче становится: «В старину лучше было». Что сказать о самой повести? Кому она нужна? Для чего написана? Очевидно,—кому-то и для чего-то... Для тихих вздохов о прошедшем, для сердце сжимающих воспоминаний, для горько поджатых губ, затаивших мысль о «реванше». Ну, что ж?

«Нам не жаль,
Что камаль
Вывелся из моды»,—

а кому уж очень его жалко, пусть тихонько плачет над мироточивыми гла-

вами книжек рассказчика-стилизатора, отводящего своей марой действительность от ненавидящих ее глаз.

Н. Асеев.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ. Повесть о многих превосходных вещах. Детство Никиты. Издательство «Геликон». Москва—Берлин. 1922 г.

Новая, выпущенная А. Толстым, повесть представляет несомненный шаг вперед в творчестве этого крупного таланта. Четкость и энергия формы, экономная собранность стиля, замечательная пластика образов, целомудренная гармония содержания,—все это выгодно отличает «Детство Никиты» не только от большинства произведений авторов, составивших себе имя в предреволюционную эпоху, но и от прежних созданий самого Толстого. Здесь нет ни чрезмерной красочности стиля и перегруженности его образами, ни обилия растрепанных хаотически-интеллигентских фигур, на раздолье русского бесшабашно путаного быта взрастивших свой азарт или сумбур.

В этой повести речь идет о ребенке, выросшем в привольном степном имении. Детство его протекает на фоне размеренного, прочного помещичье-деревенского быта, в непосредственном общении с буйной степной природой, в плотноспаянной, семейной среде.

Глубокое проникновение в душу изображаемого ребенка, свободное умение глядеть на мир его глазами, полное отсутствие и тени какой-нибудь фальши в этом отношении на протяжении всей повести ставят ее в один ряд с классическими образцами изображения детства, как в русской литературе, так и в иностранной (ср., напр., Киплинга). Это книга для взрослых и детей одинаково, ибо автору удалось, благодаря подлинной любви к изображаемому, найти ту плоскость, на которой взрослый и ребенок—равны и взаимно понимают друг друга. А юмор, которым блещут многие ее страницы, картины природы, оставляющие глубокий след в душе читающего новизной и свежестью изобразительных приемов и захватывающее чувство жизни во всей ее глубине и сложности (хотя повествование ни на минуту не выходит за пределы детской психологии—вся эта стихия, составляющая душу произведения, делает книгу одинаково близкой и понятной самым разнообразным слоям читателей.

Написанная ярким языком, ни на минуту не обрывающая нити энергичного повествования для излюбленных многими авторами неврастенических и лирических отступлений, эта книжка, как и всякое настоящее художественное произведение, имеет одновременно и высокую литературную и педагогическую цену.

Д. Горбов.

ГР. А. Н. ТОЛСТОЙ.—Горький цвет.—Пьесы. Русское универсальное издательство. Берлин. 1922 г.

Бытовой роман или повесть глубоко погружает нас в атмосферу определенной среды и эпохи. Здесь все досказано и показано; бытовая изобразительность является самодовлеющей задачей, но если она выполнена—бытовая беллетристика долговечна, многие поколения будут с увлечением всматриваться в широко разработанную картину, хотя бы далекой, давнишней и чуждой жизни. Удел бытовых пьес—быстрое увядание. Драма—искусство страстей, оно по существу своему относительно схематично, как бы ни пытался драматург наполнить эту схему бытовыми типическими черточками определенного времени. Драма, с точки зрения изобразительности, всегда останется только намеком, только эскизом быта; зато с годами тем рельефнее выступает ее конструктивная природа—стихийные динамические линии драматической борьбы. Лев Толстой, нападая на Шекспира, признавал за его драмами одно достоинство: правдивое и широкое развитие страстей; но это и есть основная задача драматурга. (Высшая форма драмы—трагедия—сочетает это развитие с широко разработанной диалектикой; борьба страстей в трагедии параллельна борьбе идей). И только те драмы, основа которых рельефно-динамична, могут быть

перенесены из одной страны в другую и из одного века в другой, сохраняя неизменное обаяние.

Пьесы А. Н. Толстого—как бы инсценированное продолжение его собственных бытовых рассказов и повестей. Бытописатель неглубокий, легко соскальзывающий в область забавного или трогательного анекдота, и часто сбивчивый, А. Н. Толстой тем менее способен дать цельный процесс последовательно-развивающейся драматической борьбы,—а в связи с ней, и законченную характеристику. Действие в его пьесах развивается под знаком случайности; это именно «пьесы», а не драмы, их сюжет (кроме сюжета «Касатки») трудно пересказать, их персонажи не запоминаются, так как ведут себя непоследовательно, внезапно изменяя свое поведение. Торжество любви, побеждающей и обновляющей—такова тема четырех пьес, помещенных в книге («Горький цвет», «Нечистая сила», «Кукушкины слезы», «Касатка»), но победа эта в «Горьком цвете» совершенно не мотивирована, подготовлена не в драматической борьбе, а в сентиментальных разговорах; старец Акила, изображенный карикатурным пройдохой (и довольно забавно) во 2-м акте, оказывается в дальнейших актах весьма чутким и благодетельным, чему уже не хочется верить. Так же неподготовлено, сентиментально и неправдоподобно перерождение Хомутова в «Кукушкиных слезах». Наиболее отчетливое задание, в «Касатке»; здесь есть попытка изобразить последовательно-развивающееся взаимное любовное притяжение «Касатки» и Ильи, с одной стороны, князя и Раисы—с другой. 1-ый акт этой пьесы—сцена карточной игры—написана живо и сценично; но и в этой пьесе много случайных и сбивчивых разговоров, а 4-й акт совершенно лишен действия.—В «Нечистой силе» забавна выдумка: старый генерал, жуликоватый делец, ради покаяния, вырезывает из бумаги чертей, символизирующих его грехи. Но, помимо этой веселой фантазии, в пьесе мало живого; влюбленная пара,—дочь генерала и его троюродный племянник—написаны аляповато, так же, как и «злодей» пьесы—мошенник Рындин, секретарь генерала. Пьесы А. Н. Толстого пересыпаны бойкими, забавными словечками, иногда удачными, иногда слишком явно рассчитанными на дешевый успех. Есть удачная выдумка и в отдельных сценических положениях. Неотъемлемое достоинство пьес А. Н. Толстого, подкупавшее в свое время театральную публику,—их бодрый, легкий, комедийный тон. Но все эти качества недостаточны для того, чтобы спасти пьесы Толстого для современного репертуара. Наше бурное время далеко от того сонного бытового благополучия, которым пропитаны эти пьесы, а драматургическая их сущность,—то, что в драматическом произведении неизменно увлекательно,—слишком вялая по своей динамической природе и слишком бедная по своему идеологическому содержанию для того, чтобы эти пьесы могли быть интересны для современного театра.

В. Волькенштейн.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... Москва—Берлин. Книгоиздательство «Геликон». 1922. Стр. 348.

В коротенькой автобиографии, напечатанной в четвертом номере «Новой Русской Книги», Эренбург замечает: «... В Бельгии написал Хуренито. Это единственная моя книга «всерьез», кажется *ни критики, ни читатели, ни я сам никто не может точно определить, где же в ней кончается усмешка*»... (курсив мой. Я. Ч.).

О критиках говорить не будем—это место большое; с себя автор ответственность, так сказать, снимает—остаются читатели! И в них-то больше всего ошибся Эренбург. Читателю, раньше знавшему его, легко расшифровать «сложную» путаницу усмешек, гротесков, парадоксов, навороченную в книге, легко воспринять и острую сатиру Эренбурга на вздутое чванством, фальшью и подлостью современное общество Европы. Этому читателю не трудно будет понять и кое-что другое, о чем у нас речь будет впереди. Труднее читателю современному, выросшему, взошедшему на густых дрожжах буйного восьмилетия. Имя

Эренбурга говорит ему мало, ему неведомы ни его стихи, писанные по всем углам Европы, ни «Одуванчик» (издан в Париже), ни переводы баллад Франсуа Вийона, или стихов Ф. Жамма, ни, пожалуй, даже и печальной памяти «Молитва о России» (Москва—переиздано в Киеве под заглавием «В смертный час»). А дальнейшие книги, по случаю скитальческого, в годы революции, образа жизни Ильи Эренбурга и вовсе незнакомы массовому читателю, особенно, начиная со сборников «Огонь» и др. (изд. на Украине) и кончая всей той грудой книг, которая выпущена Эренбургом за границей.

Новому читателю труднее разобраться и оценить по достоинству эту литературную работу. Но и ему под силу, если принять кое-какие даты и обстоятельство во внимание, воочию представить себе подлинное существо всегда двойственных книг Эренбурга.

Прежде всего отметим автобиографический характер книги — в упоминаемой выше заметке в «Нов. Русск. книге» Эренбург говорит «...частично моя жизнь описана в необычайных похождениях Хулио Хуренито...» Затем,—сделана книга залпом, в течение «июня — июля 1921 года» (см. стр. 348 «Хулио Хуренито»), т.-е. в течение двух месяцев, почти тотчас после отъезда из Советской России (см. автобиогр. заметку: «...Весною 1921 года уехал, получив художественную командировку...»). Вот и все. Удержим в памяти сказанное и перейдем к самой книге. Так как литература, издающаяся в Берлине предназначена, очевидно, не для русского читателя, необходим краткий парафраз содержания книги.

Ее сюжет: похождения Хуренито, циника и скептика, по происхождению мексиканца, скитающегося по Европе и отдавшегося делу немаловажному и веселому: взрыванию современного общества, разоблачению его основ, провоцированию всех и всяких бунтов против культуры и лицемерия буржуазных институтов, окостенелостями которых так богата Европа. Все болезни современного общества Хуренито с помощью своих учеников раздувает в гигантский пожар; цинизм и веселье, с которыми он делает свое дело, и какой-то *неопределенный пафос*, лежащий в основе книги делают «Похождения»—самое талантливое произведение Эренбурга—волнующими и увлекательными и приковывают читателя. Между прочим, в неопределенности пафоса и заключено существо художественного приема Эренбурга—в нем и разгадка вопроса «о границах усмешки».

Эта неопределенность сказывается прежде всего в том, что книгу легко воспринять в нескольких планах, взаимно исключающих друг друга. С одной стороны, она как будто автобиографическая демонология. Все эти—сластолюбцы Дэлэ, праздные Бамбучи, примитивные Айши, математические фантазеры Шмидты — не более как психические аспекты самого Эренбурга, особенно если принять во внимание автобиографический характер книги. С другой стороны, monsieur Дэлэ—это только—рантье и буржуа—в плане социальной сатиры—мистер Куль—тип американского предпринимателя и т. д. Наконец, с третьей—это острая зарисовка плакатного характера. Так, почти треть книги отдана описанию Хуренито, его характеристике и характеристике постепенно подбираемых Хуренито помощников-учеников. Всему этому «собиранию действующих лиц» сопутствует орнамент книги—ее «украшения»—беседы учителя Хуренито, его суждения и поучения, преподносимые в форме легкого causerie. В характере мудрости Хуренито преобладает ироническое «внутреннее зрение», апломб внутреннего опыта, уверенность в универсальной своей приспособляемости, сдобренная «разнообразной образованностью» скептицизм и пламенный нигилизм Хуренито обрисован даже тонко, по манере Анатоля Франса. Дан и намек на мефистофельскую природу Хуренито, на всеобщий, так сказать, демонический, смысл этой фигуры. В зарисовке учеников Эренбург использовал другой прием—плакат,—для современных литературных исканий—крайне характерный. Ученики Хуренито: Mansieur Дэлэ, Карл Шмидт, мистер Куль, Алексей Тишин, Эрколе Бамбучи, негр Айша и сам Илья Эренбург... Француз, немец, американец, русский интеллигент, итальянец, негр и... но Эренбурга оставим в покое. Все они—

почти буквально герои «Мистерии-Буфф» В. Маяковского. Разве что самого Эренбурга из «Похождений» в «Мистерии» заменяет... студент! Все фигуры остры, запечатлены в движении, все поставлены в комический план, при чем рассказчик и летописец похождений—Эренбург—сохраняет все время самый серьезный тон повествования, соединенный с шутовством.

Тонкая скептическая наблюдательность Эренбурга позволила ему использовать в его книге с большой легкостью огромный материал, характеризующий Европу. Перед войной—полностью и с большой сгущенностью в живописи трагических несообразностей и нелепостей, предвещавших европейскую катастрофу; во время войны—хуже, а революцию и Советскую Россию и совсем плохо. натянуто и шаржировано до полной утери сходства с действительностью.

Хуренито путешествует, собирает учеников, устраивает войну, попадает в плен к немцам, перебирается в Россию; в России его похождения доходят до своего апогея, вслед за чем, разочаровавшись в своем деле, устав от попыток восстановить «утерянное человеком ощущение (речь идет об ощущении гармонии—Я. Ч.), необходимое для прекрасной жизни в ладе всей вселенной», Хуренито кончает с собой, торжественно и смехотворно, как все, что он делал: он надевает щегольские сапоги и отправляется на заре «по пустынной улице», уверенный, что ради таких сапог—убьют!. (В городе Конотопе усиленные грабежи... и проч.) Так оно, конечно, и случилось, и Эренбург, оплакав учителя и, попутно, обозвав себя в порядке самобичевания «трусом, отступником, мелкой ханжей, пакостником с идейными глазами»,—похоронил Хуренито. На могиле кол, на колу трудовая карточка Эренбурга и на ней написано: «Осторожно! Здесь погребен Учитель Человечества Хулио Хуренито, убитый 12-го марта 1921 года в 8 часов 20 минут пополудни» (стр. 333). Затем, рассказав о дальнейшей судьбе рассеявшихся учеников, благополучно, как и полагается благовоспитанному автору, наконец, кончил книгу. Кончил, а потом в автобиографии недоумевает: не знаю «где в ней кончается усмешка?» Если все дело состояло только в том, что Хуренито мог так насмешливо и остро делать свое дело, а когда ему заблагорассудилось, смог от него отречься, то вся книга—злой и циничный вздор. Но, конечно, дело не так просто, и книга эта замечательна и значительна уже потому, что заключила в себе—правда, в форме шаржа, а иногда и анекдота,—огромное содержание нисходящей Европы.

В заключение же мы напомним читателю «факты и даты». Эренбург в марте 1921 года, после многих скитаний и мытарств в красной и белой России, уезжает за границу—в Париж, Бельгию (он был выслан из Парижа как сочувствующий Советам), где в два месяца пишет замечательную книгу, основной чертой которой, как мы говорили выше, можно считать: неопределенность пафоса—при явном утверждении «общего духа революции и мятежа», во имя... но тут-то, и заключена самая большая трудность.—Ни во чье имя! Напор, с которым Эренбург писал книгу (жар ее чувствуется местами очень сильно) полностью объясняется тем чувством переоценки, которое преобладало и господствовало в Эренбурге к моменту его отъезда за границу и разгорелось еще сильнее от впечатлений давно знакомой, но по-новому воспринятой Европы. Но напора этого хватило, лишь на разрушительную, скептическую и отрицающую фактуру книги. Положительное же Эренбург решается дать в слабых и неубедительных, мало говорящих намеках. Хуренито в предсмертной беседе с учениками говорит: «Я вижу полдень этого встающего дня...» и далее, описав величие будущих исполинских штатов... «Здесь в нищей разоренной России я говорю об этом. Ибо строят не те, у кого избыток камня, а те, кто эти невыносимые каменья решаются скрепить своей вязкой кровью. Я это (будущее величие—Я. Ч.) предвижу, *но не радуюсь*...» (Стр. 330, курсив мой. Я. Ч.)

Положительному Хуренито не радуется. Он просто служит чуждому делу. Его же личное дело выражено в неопределенных идеях метафизического порядка—«гармония», «спираль мира», «лад вселенной» и проч., правда, без

этого не было бы и самой книги, в книге рисуется столкновение с миром *такого Хуренито*, которому: «хочется в последние часы прозреть иное, следующее, туманное». «Позвольте мне преклониться пред кошкой, пред Айшей, перед отсутствием номеров и посмотреть вперед—неужели там не кошки а лишь номера, номера, даже кошки за номерами? Мир замкнут для человека. Что ему не только Марс, но лошадчество? О звездах он думает лишь в дни влюбленности, как о специальной небесной иллюминации. Новые миры—это снаряжение экспедиции на южный полюс...» и т. д., вплоть до дидактического: «Вне гармонии нет свободы, нет любви, нет преодоления смерти...» (Стр. 331).

Вот каков Хуренито *по существу* и это обнаружение неожиданной мечтательной расположенности Хуренито—разрушителя, негаданным образом решает и наши и авторские недоумения. Попросту говоря, по отношению к действительности ничего кроме усмешки цинической, умной, жестокой, а по отношению к «идеям»—легкая даже и не систематизованная метафизика.

Теперь остается только последнее наше, без всякой усмешки, недоумение: ну, а Эренбург, сам он,—«всерьез», или только «усмешек ради?..».

Як. Черняк.

И. ЭРЕН БУРГ. «Опустошающая любовь». Из-во «Огоньки»—1922 г. Стр. 48.

Эренбург—автор замечательной книги: «Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников»...

Этот роман был бы способен заставить нас позабыть даже недавние (1918 и 19 годов) стихи Эренбурга, от которых он и сам на страницах «Русской книги» открещивался, если бы... если бы не новая книга стихов Эренбурга: «Опустошающая любовь», сурово возвращающая нас к разбитому корыту старых, плохо сделанных, и, что гораздо важнее, попрежнему истерических перепевов, ни, чуть не более убедительных, чем пресловутая «Молитва о России».

Потому ли, что Эренбургу более удается проза, потому ли, что проза его была вообще почти всегда, объективнее, спокойнее и умнее и шире охватывала предмет, нежели его лирика, книжка его последних стихов (в конце ее есть дата 12 января 1922 года) производит удручающее впечатление. Главным гражданским мотивом стихов является революционное отступление, отход революции ее уступки требованиям хозяйственной действительности. Думается нам, что никому не нужны такие сторонние, из прекрасного далека, да еще берлински-созерцательного (читай: сменовеховского) характера суждения о напряженнейших днях борьбы революции с захлестывающими ее волнами капиталистической алчбы. Наконец, если у Эренбурга и нашлись бы какие-нибудь существенные соображения по поводу надобности или ненадобности той или иной политики, то во всяком случае нет для этого нужды тревожить и русский стих и многотрудную музу. Между тем, это стихи—и стихи с претензиями. Вот образцы этой лирики:

«О как тоски слабеет молот!
О как ржавеет серп любви!
От Господа заимодавца,
До биржевого крикуна
— И ты—презревшая лукавство
Лукавить вновь обретена!».

Легко осудить родные пенаты, какой только в этом толк. Но патетическая скорбь по поводу «вновь обреченной лукавить России» и «ржавеющих серпов любви»—почти терпима по сравнению с несколькими последующими строчками. «Россия—дочерь блудная Европы».. (Стр. 26)... «Самогона ковш бывалый хлебнув, она несется вскачь (?!) по выжженному буревалу. И распластавшись у порога, плюет на выцветший кумач. И кто поймет, что это плач страны, возревновавшей Бога?..» (Стр. 25).

Можно было бы пройти мимо этих дурных стихов, если б они не характеризовали всю книжку и, если б не было такого большого количества охотников лицемерно сожалеть революцию в ее трудные дни. Во всей книге звучит надуманное и риторически подогреваемое

«сочувствие»... Никого не обманет и пышная фразеология окружающая такие перлы. Непрошенным оптимизмом неожиданно сменяются недавние стенания, и с удивлением читаете в той же книжке:

«Здесь, в глухой Калуге, в Туле,
иль Тамбове,
На пустой обезображенной земле,
Вычерчено торжествующей любовью
Новое земное бытие...

Если б не Эренбург с его почти 15-летним опытом литературной и поэтической работы являлся автором таких стихов о новой жизни, начертанной здесь в глухой Калуге», то мы сочли бы ребяческой наивностью попытку покадить из Берлина церковно-славянскими виршами этому «калужскому земному бытию». Но в 22-м году Эренбургу, да еще в просвещенном издательстве, этакий опыт производить зазорно. А нам, «калужанам», стыдно читать эти воздушные благословения борьбе, «блеску еретической звезды», и «обезображенной земле».

Такова вся книжка. Убогая и вялая реторика: «Молю, о Ненависть, пребудь на-страже!..» «Что, *если жара новый приступ* взнесет кремлевские зубцы?». Или под Блока: «Того ль ты жаждала, мечта, из окровавленного снега лепя сурового Христа?». Лепя—жаждала! Так небрежно, случайно и холодно писались эти стихи!

Я. Черняк.

„СТРЕЛЕЦ". Сборник третий. Под ред. А. Беленсона. СПБ. 1921. 300 экз. Стр. 184.

Как жаль, что ушло время бесполезных и громоздких «роскошных» изданий. В 1914 г. эта книга сделала бы карьеру. Тогда бы нашлись любители и ценители писем Розанова о том, как хороши Катков и Леонтьев записной книжки Кузмина со слабыми скучнотами касательно творений Юркуна и сладостных мыслей о... ну о чем, бы вы думали? ясно, что о фаллосе.—Сверх того творение Карсавина с ерундовскими примечаниями шуто-героического свойства, которое читатель пусть сам читает, если у него достаточно свободного времени, Сологуб еще, Ахматова... а потом—Беленсон, Беленсон, беспросветный Беленсон. Бумага дорогая, картинки на желтой меловой и проч., и проч. Опоздание на 8 лет. Неизвестно, почему книга отпечатана по старой орфографии. Увы!—это ей мало помогает. Лучше бы уж товарищ Беленсон не тревожил старые кости ятя и ера, почтенные ветераны заслуживают лучшей участи: мы ими будем Пушкина печатать. Мы бы предложили за издание таких книжек тянуть издателей к суду, как за расхищение народного достояния.

Д. Юрлов.

ИВАН НОВИКОВ. «Калина в палисаднике». Повести. 2-е изд. «Костры». 1923 г.

Все три повести этого сборника («Калина в палисаднике», «Из повести о коричневом яблоке», «Неувядаемая») относятся к 1912—13 гг. За истекший с тех пор срок мы многое пережили. Произведение должно быть для нас оправдано или «неувядаемым» художественным совершенством, или тем, что, перенесенное в нашу эпоху, отделенную от прежней непереходимой пропастью, оно хотя бы одной стороной своей участвовало в современном.

Ив. Новиков—писатель с законченной, выработанной художественной техникой и законченным миросозерцанием. Но миросозерцание его узко индивидуалистично, а техника всецело находится, как, впрочем, и подобает технике, в рабском подчинении у первого, не останавливаясь там, где это потребуется, перед сентиментальностью и манерностью. Это сказано не в порицание и не в одобрение. Это просто факт. Альфа и омега всех трех повестей—сексуальный момент. Никто не будет отрицать его значения. Мы согласимся с автором, что этот момент играет огромную роль в развитии личности, являясь тем материалом, которым она питается в процессе своего роста. Но этот момент может сделаться центром, вокруг которого группируются все другие вопросы—жизненные и даже философские. Все они решаются тогда под его углом. Вернее все они тогда вытесняются им одним,

становясь его аксессуарами. Это и будет тем индивидуалистическим изломом, который составляет суть повестей Новикова.

Стареющий помещик, брошенный своей женой, влюбляется в молодую девушку, вокруг которой—ореол трагической обреченности. В тот момент, когда жизнь его должна пойти по-новому, возвращается жена, и все опять перевертывается. Настенька уходит и обретает трагический конец от руки своего прежнего возлюбленного («Калина в палисаднике»).

Интеллигент типа потерявших себя и ищущих цельности нанимается садовым сторожем в имение генерала, заводит связь с дочерью дьячка Аграфеной, мечтая в ее лице слиться чуть ли не с самой Матерью-Землей (вспомним студента Дарьялского и рябую бабу из «Серебряного Голубя»). Но его полюбила дочь генерала, очаровательная «трепетная» Татьяна, и ради нее он решается бросить Аграфену. Не будучи в силах сделать это просто, он отваживается на нечто гораздо более сложное: убивает Аграфену, кается, попадает на каторгу и всеми этими ухабистыми проселками приезжает туда, куда не мог доехать по прямой дороге. Татьяна отправляется за ним в ссылку («Из повести о коричневом яблоке»).

Захолустный сельский врач Чаковский рассказывает автору одну из своих любовных историй с калмычкой Самбелик, случившуюся во время его прежней службы в кавказских степях. Калмыцкую княжну зарезал конюх ее отца, влюбленный в нее, за попытку бежать из дома к Чаковскому («Неувядаемая»).

Эта подчеркнутость полового момента, его поставленность в центр повестей—настолько, что другого в них уже ничего и нет, предопределяют и технику исполнения. Корнями своими писательская манера Новикова через Чехова уходит к Тургеневу (что не мешает ему по внутренней композиции повести, в ее основных двигателях, быть, как мы видели, в самом кровном родстве с Достоевским). Но путь от Тургенева до Новикова—это путь разложения повести как таковой и превращения ее в лирику. Автор больше говорит о действующих лицах, чем заставляет их говорить и действовать, и всегда чувствуется, что, говоря о них, он в сущности говорит о себе. Не случайно, наиболее удачная и оригинальная вещь из «Повести о коричневом яблоке» представляет рассказ «Я» о себе. Это само освобождение автора от необходимости создавать лица в действии и позволяет ему отдаться непосредственному выражению переживаемого, т.-е. лирике. Создание лица—не сильная сторона Новикова: его Валентин Петрович (центральное лицо первой повести) во всех отношениях ничего из себя не представляет, он существует как подставное лицо, лишь поскольку автор наделил его своей собственной лирикой. То же и врач в «Неувядаемой». Попытка повествовательного изображения их, так же как и доброго отца семейства Аркадия Андреевича Струкова (в 1-й повести) отдают неприятной сентиментальностью и не достигают цели.

Итак, перед нами небездарная любовная лирика, местами захватывающая, очень чувственная и пряная—и ее обслуживает, ей всецело подчинен, к невыгоде для себя, большой повествовательный аппарат. Чувственность этой лирики повернута от жизни к смерти. Самая любовь к жизни в ней болезненна и очень походит на смерть. За эти годы мы научились жить и любить жизнь по-иному.

Д. Горбов.

А. ВЕТЛУГИН. Третья Россия. Издательство «Франко-русская печать». Париж. 1922 г. Стр. 395.

Сейчас в парижских и берлинских кабаре много русских людей шатается без дела. Выброшенные революцией с родины, они лихом поминают прошлое. Прикидываясь страшно отчаянными, они действительно прошли огонь, воду и медные трубы, верили и изверились, растеряли все и ничего больше не надеются завоевать. Они сражались на всех фронтах, вешали на фонарях русских большевиков, преимущественно из евреев, носили английские френчи, пили фран-

цузское вино, получали жалованье из антантовской контр-разведки и долгое время с пьяным самоотвержением лили русскую кровь во славу англо-французского капитала. Им казалось в это время, что ставка их правильна, что играют они на «верного» фаворита. Но белая лошадь сломала хребет, и нашим игрокам осталось лишь состроить мину, более или менее соответствующую гордому одиночеству. Покинутые своими содержателями, растерявшие друг друга в перманентных эвакуациях, озлобленные и обескураженные, они закружились по увеселительным заведениям всех европейских столиц, пили виски, нюхали кокаин, шикарно бросали на зеленое сукно последний франк, взятый взаймы у расторопной беженки и, между прочим, доказывали как дважды два, что подлинная Россия это—они, а та другая—мираж, призрак, на который они не удосужились крепко дунуть. Некоторое время они верили в свои мечты, затем веру потеряли, махнули рукой и просто стали устраиваться. Старого дома нет, в новый—не пускают, да и «стиль» его не подходящий. Те, что побездарней,—со ступеньки на ступеньку докатились до мелкого жульничества, торговли кокаином, шантажа, личных услуг в ресторанах Константинополя, монмартрских, кабачках и даже на дому у состоятельных граждан. Те, что поталантливей,—ну, как могли они забыть, что русский интеллигент прежде всего должен чтить родную литературу? Эти, разумеется, взялись за перо.

К последним, без сомнения, принадлежит А. Ветлугин.

Автору этих строк, сколько помнится, приходилось встречать аналогичное имя, но то был один из многочисленных псевдонимов В. В. Розанова. Нынешний, зарубежный Ветлугин—другой, без литературной генеалогии, просто «проходящий», «гулящий» человек. Я не хочу лишать его должного: у него есть «перо». Пишет он коротко, по-газетному, в стиле стремительного фельетона французских листков, бойко и живо, и иные его слова, как затрещины. Ему нельзя отказать в таланте,—но ведь не в короткострочии дело, не в пенящемся каскаде слов. А о чем пишет и как пишет Ветлугин?

Дать представление о сумбурном калейдоскопе его книги я не возьмусь. Одно перечисление имен и предметов, которых он касается, займет, пожалуй, не одну страницу. Все это перемешано и перепутано, сшито кое-как, без плана и цели, но все задорно и хлестко, с норовом ударить побольнее. Это настроение не мотивировано. Ветлугину хочется ударить «так просто», «здорово живешь», и он поколачивает все, что под руку попадется—свой, чужой—все едино, «там разберут». У него свежая память, он много знает, но еще больше врет, беззастенчиво, распоясавшись, не боясь, что его накроют с поличным (один портрет Карахана чего стоит!).

В конце-концов, когда дочитаешь книгу до конца, отложишь в сторону и попытаешься подвести итог «Третьей России»,—тщетная попытка! Итога нет, зияющая пустота. И все многословие автора, и скачки его от темы к теме, от эпизода к анекдоту, имена и события, воспоминания, сарказм, насмешки,—вся эта словесная бутафория говорит о страшной душевной опустошенности. Вот где живут и работают подлинные «ничевоки».

«Нас около двух миллионов,—пишет Ветлугин, — говорят, что это очень важно. Среди нас находится так называемое мозговое полушарие России: говорят, что это неоспоримо. Мы—частью в Париже, частью в городах Германии и лимитрофов—строим новую Россию: говорят, что ей суждено заменить ту, которая осталась там. В той около ста пятидесяти миллионов: утверждают, что это не имеет ровно никакого значения... Когда мы собираемся в количестве семи человек, мы располагаем: 1) тактикой старой, 2) тактикой новой, 3) учредиловцем, замаранным коалицией, 4) учредиловцем, коалицией не замаранным, 5) соглашателем из бывших охранников, 6) монархистом,—сторонником Кирилла Владимировича, 7) монархистом—сторонником выборного царя: утешают, что так и Русь начала с веча, а через каких-нибудь восемьсот лет пришел Петр, выдернул бороды, заставил учиться и послал все и всех, напо-

минавших святую Русь, к чертовой матери.

Иногда из той, не имеющей никакого значения, России приходят известия о новой буржуазии, новой интеллигенции и т. д.: угрожаем предать анафеме и считать «клочком бумаги».

Когда становится совсем невтерпеж от скуки и безденежья, затеваем споры о форме правления и некоторые намечают временного блюстителя престола: ставят на вид, что смеяться над этим нельзя, ибо форма правления есть вопрос целесообразности, а человек, бросивший камень в витрину колбасни, попадает в комиссариат».

И так далее, и так далее, словесная вязь, полная самой черной безнадежности. Сейчас Ветлугин еще пытается держаться по ту сторону черты, отделяющей его от «этой» России. Но что он стоит на пороге редакции «Накануне»,— это несомненно. «Своей» России у него уже нет. Все развеяно по ветру, растрачено,—Белая Русь—Мертвая Русь. Ну, а дальше? «Красной Руси» он покуда не приемлет и мечтает о «Третьей России», той самой, что строится сейчас деятелями «Трубной». Он хочет этой «Третьей» России. Эта была бы «своя». Во славу ее он и строчит свои сумбурные фельетоны, из которых выглядывает нищая, голая, истерзанная душа русского беспутного интеллигента.

«В этой книге нет ни сожалений, ни ненависти,—этими строками кончается его предисловие.—Прощание с прошлым, готовность перед будущим. Любить же вообще очень трудно. Любить мы еще научимся. Пока мы проходим класс приготовительный—любовь к року.

Пережив Керенского—Ленина, я больше не верю в реальность чудес, пережив пять белых фронтов, я больше не верю в чудеса реальности. И только любовь к року ни разу не обманула. Она никогда ничего не обещала, она повелевала: ты пойдешь так или тебя вообще не будет.

Amor fati—это, поистине, единственное достояние детей ненависти, отцов бесстрастия. Потерять его слишком легко: в опрометчивом милосердии, в преждевременной любви.

Пусть неудачник плачет»...

Ветлугин не хочет быть неудачником. Он делает циничное лицо.

Делает именно то самое, про что французы говорят:

— «Faire bonne mine au mauvais jeu»

Вяч. Полонский.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР». Составил Иннокентий Крашенинников, под ред. Зинаиды Чалой. Р.-на-Д. Стр. 315. Из-во «Московский Рабочий».

В задачу редакции «Революционного чтеца-декламатора» входило... «разобраться во всех многочисленных продуктах стихотворчества, отбросить старое, ненужное, вредное. Выкопать из общей кучи (?) драгоценные жемчуга революционной поэзии».—Конечно, задача эта оказалась затруднительной уже хотя бы потому, что на ряду с «отбрасыванием старого, слабого» и т. д. редакция «не примыкала ни к одной из вышеуказанных групп, сохраняя полное беспристрастие и независимость». (Из предисловия.) А «драгоценные жемчуга» редакция, в лице З. Чалой, отыскивала, очевидно, не заглядывая далеко, чему доказательством служит хотя бы помещенное на стр. 149 стихотворение самой... З. Чалой «Октябри», начинающееся так:

«Еще один Октябрь... Поблекло
небо радуг,
Застыли ласки дня.
И улиц ряд холоден, грязен,
гадок.
Поблекло небо радуг
Нет солнца, нет огня».

«От нее же все качества»—«чтеца»; и не выставку обещанных «жемчугов» устраивает З. Чалая, а валит в общую кучу и Блока, и Казина, и Л. Василевского, и какого-то Б. Виргинского. В смысле разборчивости редакция не очень утруждала себя, просто сложила все сборники, вышедшие после 17 года, и выбрала из каждого по паре-другой, не очень справляясь о качестве. Попался Л. Вершинин—давай сюда и Л. Вершинина, рядом с Полетаевым уместила

Аду Негри Никитина объединила с П. Рыбацким, Верхарна—с Я. Годиным,—одним словом, выбор богатейший. Только не выбор это, а все та же куча сырого материала, сверстанных терпеливыми руками метранпажа странички разных авторов в один пухлый том, разобраться в котором представляется затруднительным не только тому, на кого рассчитывает настоящее издание, но и поэтическому «спецу».

А напыщенность и фальшивая «демократичность тона самого предисловия говорит о полной беспомощности «редакции».

> ...«Самое динамичное стремление локомотива действительности дает богатейшую пищу художественной лирике, непосредственному выражению той гаммы чувств, какую вызывает в нас тяжелая героическая борьба русского пролетариата на фоне международного хищнического империализма».

Добротное языковое суконце. И таким вот «языковедам» поручается составление революционных сборников. Думается, что этот опыт, как и всякий иной, полезен. В другой раз «Московский Рабочий» не потратит бумагу на поэтические «жемчуга», «доводящие до восторга» легко воспламеняющуюся головку Зинаиды Чалой.

Н. Асеев.

К. ГОЛЬДОНИ. Комедии. Т. I. Пер. И. В. и А. П. Амфитеатровых. С предисловием и примечаниями А. В. Амфитеатрова. «Всемирная литература». Петроград. 1922 г. Стр. 321.

Из предисловия не видно, какие именно комедии Гольдони намерена издать «Всемирная литература». Сказано лишь глухо, что предполагается перевести «большинство пьес медебаковского периода», т.-е. периода, когда Гольдони состоял на службе у антрепренера Медебака. Так как неизвестно в точности, какие комедии Гольдони намечены, то пока приходится отказаться от обсуждения вопроса, насколько удачно сделан подбор для первого тома, куда вошли «Комический театр» (как пьеса программная, разъясняющая принципы театральной реформы Гольдони), «Бабьи сплетни» (из народной жизни) и «Любопытные» (собственно, «Любопытные женщины», «Donne curiose», из быта среднего класса). Перевод сделан в общем весьма точно, хотя и встречаются мелкие недочеты, язык отдельных персонажей порой слишком овульгаризован (напр., в «Любопытных», I, 9, «аж хоть лопнуть со злости» едва ли соответствует манере выражаться дамы из состоятельного мещанства Болоньи). К каждой пьесе приложено небольшое вступление, разъясняющее историю возникновения и значение пьесы, а также примечания разнообразного содержания. Обширное предисловие А. Амфитеатрова написано в тоне скорее хлесткого фельетона, нежели научного исследования, тем стилем, о котором у нас в XVIII в. говорили «мысль прыгающая и речь расстеганная». Характеристика Гольдони, как писателя мещанства, конечно, по существу совершенно правильна, хотя эта основная идея не проведена через все творчество писателя (темы, образы, мораль, стиль), как правильно и объяснение вражды к Гольдони К. Гоцци, аристократической идеологией последнего, чуявшего в творце буржуазной комедии сквозь всю его умеренность и благодушие ненавистного ему «якобинца». В предисловии даны биография Гольдони, литературный фон для его реформы и его комедий, общественное и литературное значение его пьес—и абрис его влияния, между прочим, на русскую комедию.—Следовало бы, конечно, показать так же, как постепенно осуществлялась писателем его реформа и как в его реформированном театре продолжали, тем не менее, блуждать тени Commedia dell'arte,—тема, которая, впрочем, обязывала бы фельетониста превратиться в исследователя. Насколько непродуманно творил А. Амфитеатров свое предисловие, видно из целого ряда странных противоречий, которые легко могут запутать читателя. Так, на стр. 23 делается параллельная характеристика положения итальянской женщины эпохи Гольдони и русской женщины эпохи Островского, которые одинаково находились сначала in manu

patris, а потом in manu mariti, при чем, однако, итальянка была в лучших условиях, ибо ей разрешалось иметь любовника (в Венеции—чичисбея). Однако, как известно, «брак втроем» был признан только в среде аристократии, и все писатели «третьего сословия», в том числе и Гольдони, создавали против него решительный фронт, во имя моногамного брака как устоя буржуазного общества. Только на стр. 73 автор предисловия спохватывается и сообщает, наконец, что институт чичисбеата имел чисто классовый характер и что Гольдони высмеивал этот обычай (не иллюстрируя, однако, это положение примерами из его комедий). Или на стр. 27 сказано, что по бытовым темам Гольдони представлял почти полярную противоположность художнику Лонги, потому что «в своих комедиях очень редко и мало касался аристократии», что, конечно, глубоко неверно (верно было бы только утверждение, что он плохо изображал этот класс, психология и облик которого были для него, мещанина, неведомым миром, куда он своим умом и чутьем мелкого буржуа никак проникнуть не мог), да и сам автор предисловия вдруг на стр. 73, противореча себе, защищая Гольдони против Мольменти, упрекавшего его в том, что он мало изображал аристократию, заявляет: «изображения знати в сочинениях Гольдони сколько угодно» (не иллюстрируя, однако, опять-таки это положение достаточным количеством примеров). Кроме таких противоречий, обусловленных или спешностью, или недостаточной продуманностью материала, в предисловии мелькают рисковашные или неправильные положения; сопоставлять венецианского купца Антонио с купеческими персонажами Гольдони (стр. 28) нельзя потому, что герой Шекспира предок не этих последних, а венецианского купеческого патрициата, превратившегося в XVIII в. в рантьеров; утверждение, что «восстание театра против политических господ и хозяев» (стр. 75) было в XIX в. легче, чем в XVIII ст.,—противоречит тому факту, что количество и качество революционно-политических пьес XVIII в. не уступает, а, вероятно, превосходит количество и качество социально-революционных пьес XIX ст., а объяснять падение commedia dell'arte и торжество буржуазной комедии «требованием века свободы и просвещения» (а не восшествием буржуазии, как это было на самом деле) может только «историк», который в другом месте считает «творцом истории» психологическую подоплеку нации (стр. 107, 112). Встречаются в предисловии и грубые промахи. Автор называет жену Гольдони дважды Марией (стр. 54) тогда как ее настоящее имя Мария-Николина и, след., прежде всего Николина (уменьшит. Николетта), как ее неизменно и называл сам Гольдони, напр., в письме к ее отцу, составляющем посвящение к пьесе Donna Sola (La vostra prediletta e amabile Nicolina) или в предисловии к XV т. своих комедий, в изд. Пасквали 1761 г. (La signora Nicolina sua figlia e mia diletissima consorte) и т. д. Наконец, на стр. 10 сказано, что судьбой погибавшего в Париже Гольдони заинтересовался поэт Андре Шенье, который и хлопотал перед конвентом и т. д. На самом деле А. Шенье не мог хлопотать перед конвентом уже потому, что не был его членом, а хлопотал в действительности его брат Жозеф-Мария Шенье (см. хотя бы Gubernatis: C. Goldoni, 343, Caprin, 238, Rabany, стр. 213 и т. д.; речь Шенье и постановление конвента см. в приложениях к книге Рабани). К первому тому комедий Гольдони приложен список ранее переведенных его пьес, а также библиография о нем на русском языке (пропущен Оветт: «История итальянской литературы»).

В. Фриче.

РОМЭН РОЛЛАН. «Кола Бреньон». Перевод М. А. Елагиной, под редакц. Н. О. Лернера. «Всемирная литература». Госиздат Петербург. 1922 г. Стр. 242. Цена не обозначена.

В «предупреждении читателю» говорит Р. Роллан, что тех, кто знает его как автора «Жана Кристофа», эта книга застанет врасплох.

«Беспечное произведение», определяет он тон и стиль «Кола Бреньон»—и этим законно его противопоставляет серьезности и замкнутости «Жана Кристофа». Далее Роллан поясняет, чем такая беспечность вызвана: она обязана своим происхождением тому галльскому веселию, «вплоть до непристойности», которое явилось естественной реакцией против «гнета доспехов Кристофа», которые были первоначально ему впору, но впоследствии оказались слишком тесными.

Русские читатели высоко ценят «Жана Кристофа», но им, воспитанным на иной литературе, более широкой, не стесняемой доспехами морализующей догмы, признание Роллана не должно показаться неожиданным: то галльское веселье, истоки которого обрел в себе Роллан при возвращении на родину своих предков—на землю Нивернской Бургундии,—это веселье, мудрыми патронами которого являются Раблэ и Вольтер (к их теням обращается не раз сам Роллан), русским читателям понятнее и ближе суховатой, подтянутой, всегда во всеоружии трезвой мысли, манеры Жана Кристофа. Да и тот Роллан, который создал в дни войны драму ««Лилюли», Роллан открытый и смелый сторонник советской России,—он и в «Кола Бреньон» сохраняет этот новый свой облик, столь высоко ценимый его русскими друзьями. И книга его, воссоздающая чудесный облик далеких его бургундских предков,—она в сущности расширяет скромные границы, намеченные ей автором. Он просит, повторяя вольтеровскую «Девственницу», «принять благосклонно» книгу такой, как она есть, «честной, прямой, без претензий преобразовать или объяснить мир, без политики, без метафизики». На самом деле в ней больше содержания, чем скромно полагает Роллан, думающий, что его роман «только смеется над жизнью, потому что находит ее хорошей».

В книге, стилизующей с огромным мастерством дневник некоего бургундца Кола Бреньон, резчика по дереву, жившего в Клаверси в начале XVII столетия (действие романа можно отнести к 1616 году), — в этой книге-дневнике так много мудрого, ясного, широкого и воистину свободного в воззрениях на мир и природу и в отношениях к властям земным и небесным, что весь облик этого умного и лукавого весельчака, гурмана и пьяницы, смелого мастера-честного гражданина, атеиста и язычника,—облик полнокровный, мускулистый, крепкий,—он кажется нам, живущим в 1922 году в Р. С. Ф. С. Р., близким и понятным. Он, этот весельчак, умеющий из упругого дерева создавать такие чудесные вещи и живший в тяжелые годы, отмеченные и опустошительной чумой и гнетом королевской власти,—он находит в нас, людей иного века, иного уклада, иного социального строя, своих сочувственников.

Вот этот остроумный зубоскал, так ловко надувающий своих вельможных заказчиков, стоит в позе простачка перед знатными господами и развивает перед ними своеобразную политическую теорию: по его мнению, и король, и принцы, и придворные партии—это только любители покушать за чужой счет,—за счет народа. «Мне нравятся хорошие едоки, и я сам поступал бы так же. Но, если уж ничего не таить, я люблю больше моих друзей, когда они обедают у других». Дальше спор между резчиком по дереву и знатным парижанином переходит в сферу художеств. Резчика укоряют, что его чудесные создания полезны, а ведь эстетика господ и богачей учит, что «нет прекрасного, кроме бесполезного». С этим готов согласиться и Кола, прикинувшийся, как сказано, простачком: «Это совершенно справедливо,—отвечает он,—нет ничего прекраснее, чем брильянт, вельможа, король, принц или цветок»...

И убедительно звучит в устах этого мудрого бургундца XVII столетия такое утверждение: «Будем свободны, любезные французы, и пошлем подальше наших владык! Я и моя земля любим друг друга. Что мне делать с королем небесным или земным? Ни здесь, внизу, ни там, наверху, мне не надо престола!»

Новая книга Роллана—книга большого художника, стилизующего XVII столетие со всем мастерством, насыщенным подлинной культурой слова. Кола Бреньон—далекий предок Роллана, ко

торого он «носит в своей шкуре»—не только человек, выросший в условиях быта и социальной обстановки своей эпохи, но и чудесный художественный образ, созданный со всей утонченностью современного мастерства.

И, конечно, прав Роллан, полагающий в своем «предисловии, написанном после войны», что этот роман, написанный уже в 1914 г., *но изданный* только в 1918, не утратил своего значения. «Народы Европы, торжествующие и побитые, потирая себе бока, найдут долю здравого смысла в размышлениях «ягненка из наших мест, находящегося меж волком и пастухом».

И в особенности поучительна эта книга для соотечественников Роллана: это на счет их задорного империализма, их кичливого шовинизма, их реакционной идеологии острит и издевается мудрый весельчак Кола Бреньон.

Юрий Соболев.

ЖЮЛЬ РОМЭН. Доногоо-Тонка или Чудеса науки. Перевод О. И. Поддячей, под. ред. и с предисл. Н. О. Лернера. «Всемирная литература». Гос. Издат. Петербург. 1922. Стр. 144. 5.000 экз. Моск. продажн. цена 180 р. 22 г.

«Доногоо-Тонка» была разрекламирована у нас задолго до появления перевода. Рецензенты не могли подобрать слов, чтобы охарактеризовать неизъяснимую прелесть новизны—ее приема. Это-то и осталось единственным достоинством произведения Ж. Ромэна. Секрет очень прост—вместо повести читателю преподнесен кинемо-сценарий, обильно уснащенный ремарками. Ремарки—к действию. Все несчастие кинема в том, что кино-фильма представляет собой голый сюжет и больше ничего. Попытки ввести в кино психологическое содержание оканчиваются обычно неудачей,—условность кино-практики поэтому естественно заменяет «психологию» условными жестами, долженствующими автоматически сообщить зрителю переживания действующего лица. В театре герой, решаясь, скажем, развратить очаровательную героиню, скажет вам монолог, где честно изложит все про и контра; ваше дело, если вас это задевает, переживать все вместе с ним. В кино дело устраивается проще. В том же положении герой садится за стол, закрывает глаза руками, засим встает, идет к экрану и гримасничает в продолжение нескольких секунд. За этим—бац!—и он уже на улице, к нему подкатывает такси, и он поехал делать свое дело. Зрителю сообщено о том, что герой решился на свое грязное дело не с кондачка, остальное заменяется визиткой героя, автомобилем, улицей западного города, лифтом, распущенными волосами героини и проч. Сюжет и аксессуары. Вот и весь кино. Трюк сверх этого. Добрые люди, наглядевшись этого, начали «теоретизировать» и уверять всех, что психологии в кино не должно быть,—сообразительность запоздавши заставляет их ломиться в открытую дверь,—психологией из кино-палки выстрелить невозможно. В этом и заключается крупнейший недостаток кино как искусства. Судите сами,—никакой сюжет не выдержит тысячи метров, вставные эпизоды только портят дело, ибо зрителя интересует центральное происшествие, а не близлежащие благоглупости, трюки имеют ограниченное применение, ибо если их слишком много, они вызывают только усталость. Аксессуар—единственное, чем может похвастаться кино, который покажет вам и заводский кран—волшебное зрелище для людей, не видавших никаких машин, исключая швейной,—и небоскреб, и Корсику, и Нью-Йорк с моря, и все, что хотите. Кино—обжора, ему надо много сценариев. Таковых не было. Стали поэтому ставить инсценировки романов и повестей, что по существу было ошибкой, ибо кино не в состоянии заниматься судьбой отдельного человека. Далее за исчерпанием подходящих романов стали писать сценарии. Их сочиняли писатели не-специалисты, они тащили в эти сценарии весь адский хлам, который у них завалялся в литературе. Кино литературизовался насильно. Теперь этот-то вот сценарий, по существу непригодный для кино, разуверившись в возможности кино-бытия, выступает самостоятельно. Ибо «Доногоо-Тонка» всего лишь

скверный кино-сценарий, сдобренный обильными объяснениями (иначе он бы изложился на пяти страничках) и легонькой вводной фантастикой. Исходя из задания, речь идет в настоящем времени. Чужая речь печатается в рамке, дабы создать некоторое подобие кино-аншлагу. Вот и все.

Литературно это не интересно, ибо здесь упущены все возможности, которые дает рассказ. Литературно это не оригинально, ибо все, вплоть до заглавия, находится в несомненной преемственной связи с прекрасным романом Уэльса «Тоно-Бенге», обрабатывающем ту же тему: благосостояние, возросшее на пустой и наглой рекламе. Обработана тема еле-еле, кое-как, шуточки автора—экспрессионизованный Тартарен. А в общем—пустячок с великими претензиями.

Сергей Бобров.

Э. БЮРРОУЗ. Тарзан.—Перевод с английского Н. Каменьщикова - Македонского. Коо - изд - во «Московский Рабочий». М. 1922. 10.000 экз. Стр. 272.

Английский благочестивый роман с невероятно - благородными героями, написанный довольно слабо и напоминающий Пембертона, хотя последний все же более литературен. Разговоры в книжке происходят следующие: «Долг остается долгом, муж мой, и никакие размышления не могут его заменить. Я была бы женой, недостойной английского лорда, если бы я была виновна в неисполнении им своего прямого долга...» и т. д. в том же духе. Стиль честно выдержан,—не шутка. Старик Жюль-Верн использован комическими фигурами рассеянных профессоров. Книжку спасает ее прекрасный сюжет, и та страсть к природе девственного леса, которая владеет автором. Сюжет не нов—он уже беспримерно использован Р. Киплингом в «Джунглях» (история Маугли). Мальчик попадает на воспитание к гориллам (у Киплинга к волкам). Антропоморфизм человекоподобных в изложении Бюрроуза проведен с огорчительной последовательностью, но все же—книга захватывает вас, заставляя вас на протяжении двух сотен страниц пережить всю историю человека. Для подростков трудно придумать что - нибудь более подходящее. Роман героичен, совершенно свободен от эротики, читается без особого труда. Издательство не сочло нужным сообщить нам что-либо об авторе,—к сожалению, это заменено ужаснейшими, возмутительными по крайней безграмотности картинками.

Э. П. Бик.

ЭПТОН СИНКЛЕР. Сто процентов. (История одного патриота). Перевод П. Гаусман, под редакцией Д. М. Горфинкеля и К. И. Чуковского. „Всемирная литература." Госиздат. Петербург. 1922. Стр. 307. Цена не обозначена.

«Сто процентов»—теснейшим образом связано с «Джимми Хиггинсом».

Социалист и революционер Синклер рассказывает историю жизни некоего Петера Гэджа, ничем не замечательного бедняка и пролетария. Но этот Петер—полная противоположность такому же бедняку и пролетарию—Джимми. Джимми вступает в рабочую партию и делается социалистом. Петер, под влиянием обстоятельств и по вине собственного малодушия, идет на службу в частное бюро сыщиков и становится убежденнейшим гонителем «красных». Карьера этого сыщика показана во всех этапах продвижения по полицейской лестнице. Чрезвычайно занимательно рассказывается и о нравах таких своеобразных учреждений, как агентства и бюро сыска—уголовного и полицейского, —содержимых всеми трестами и крупнейшими капиталистическими фирмами Америки. И теперь каждый рабочий Америки и Европы воочию убедится, с каким намеренным аппаратом сыска и борьбы с «социалистической заразой»—имеет дело рабочая партия Америки. В романе показан ряд моментов в работе бюро сыщиков. В разгар войны—слежка, аресты и провокация направлена на пацифистов, протестующих против вовлечения Америки в бойню; в период окончания войны — сыщикам открыто ши-

рочайшее поле деятельности: им надо бороться с заразой «русского большевизма». Эту заразу привезли вернувшиеся с фронта войска. Но американцы «со стопроцентной американскою кровью» сумеют уберечь свои души от большевистских софизмов»—Петеры Гэджи помогут им в этом!

К числу наиболее ярких страниц романа принадлежит описание тех истязаний, которые проделаны сыщиками и «младшими членами товарищества купцов и промышленников» над захваченными на митинге большевиками.

Сказка о «демократической Америке» разоблачается. Синклером наносится этой легенде сокрушительный удар.

И романам Синклера обеспечена бешеная ненависть капиталистов и горячая любовь пролетариев. В этом и значение «Истории одного патриота», книги, в которой так много правды и все художественные недостатки которой оправданы силой негодования к угнетателям.

Юрий Соболев.

МАРКИШ, Перец. Нахт-ройб (Ночная добыча). Маленькая библиотечка «Лирик». Изд. «Лирик». Москва. 1922. in 16°. Стр. 29. (На еврейском языке).

В прошлой книге журнала [1]), давая в общих чертах характеристику еврейского поэта Маркиша, мы говорили о некотором повороте в его творчестве, обозначающемся в новой книжке его стихотворений: «Нахт - ройб» (Ночная добыча).

«Ночная добыча»—это, конечно, песни, добытые в глубинах ночи. Ночные часы, как известно, издавна располагают к раздумью, и, сознаться, нет ничего дурного в этом ночном раздумьи. И это вовсе не усталость и не реакция, это итоги искренней, тихой беседы с собой. А для Маркиша, всегда стремительного и стихийно - импульсивного, остановиться и задуматься — это совсем знаменательно: это знаменует рост. И когда Маркиш рассказывает в своей новой книжке: «слишком уж долго я сижу на дереве... мне хочется домой» то нам ясно, что не о «тихой пристани» здесь речь, а о настоящем «доме», о «почве». Потому что мы знаем, что «сидение на дереве» может быть положительным фактором только до поры, до времени; для подлинной работы, для творчества надо, в конце-концов, спуститься вниз, на почву».

Ища в поэтическом творчестве Маркиша отражения эпохи, мы находим преимущественно два момента: 1) отрицание, разрушение старой прочности и 2) порывность, импульсивность нашего времени. Прерывая «ночной добычей» своей новой книжки прежнюю стремительность, Маркиш приближается к более значительному осознанию времени. Так, личная судьба Маркиша и поэтические его искания переплетаются с общественными переживаниями эпохи и приобретают общественный смысл.

Душевное обогащение поэта, сказавшееся в бо́льшей внимательности к голосам уходящего дня и к «поющей тишине», отразилось и на стихе Маркиша, приобретающем сейчас бо́льшую оформленность и законченность.

Д. Гурштейн.

ШТРОМ (ПОТОК). Ежемесячные тетради. № 2. Изд. «Штром». Москва. 1922. in 8°. Стр. 80 [1]). (На еврейском языке).

Очередной номер—второй богаче первого: началось общение с оказавшимися по ту сторону кордона, но не потерявшими связи с нашей революцией литературными силами (в этом № участвует Нистер).

Начнем наш обзор с поэзии. Новый цикл стихотворений Гофштейна: «Украина» продолжает «погромную» полосу в его творчестве, навеянную кровавой Украиной последних еврейских погромов. Некоторые чуждые Гофштейну нарочито «имажинистские» образы («я надел — два противоположных окна — ва-

---

[1]) См. «П. и Р.», кн. 7.

[1]) Отзыв о первом номере «Штрома» был дан в шестой книге «Печ. и Рев.», стр. 299.

гона—на мои жаждущие, — уже лихорадящие взоры») не ослабляют чисто гофштейновской, неповторимо своей, силы чеканных строк (переводы всюду дословные): «День, день целый ждать—трех стыдливых звонков!..—Я знаю его уж издавна,—печальное праздношатание твоих пустынных вокзалов, шаги бандитские и песни пьяные— на твоих кишащих базарах.. Я знаю ее уж издавна, грудь твоих толп, что под свиткой красноватой (как старое заржавленное железо)—всегда готова—давиться досадою, всегда готова—дикие руки вздымать, опрокинуть их на голову: бей! бей!.. [1]) Другие строки примыкают к прежним «Tristia» Гофштейна («di lojterkeit di klore»— «ясность светлая»). Нам хочется привести еще начало стихотворения, посвященного Сергею Есенину, в оригинале дрожащечеткое: «Некогда, некогда в тихих долинах овец я пас,—на зеленых высотах там бродили лани («ind'n»—лани, также волны),—окрест, окрест пустыня простирала светлые пеплы—жгучим вихревым ветрам...»

Маркиш в своем цикле «Голод» вновь—я имею в виду недавнюю его поэму «Ди купэ»—во власти «черного пафоса», только пафос голода достигает у него местами—не в пример названной поэме—определенной четкости («в пустых будках твоих покинутых базаров соединяются распухшие собаки—и не могут в совокуплении собачьем разомкнуться» или: «из мешочного платья протертого грязные груди бельмами белеют—как сырые картофелины, синими жилками перерезанные, иссеченные»). Но маркишевскую «безответственность» выдает «труп из Тулы», благополучной по голоду Тулы; эта характерная мелочь говорит все о той же «недисциплинированности» талантливого поэта, о которой говорят его многочисленные книги.

Новые стихи Кушнирова вновь свидетельствуют о том, что этот «подмастерье» на наших глазах вырастает в молодого мастера. Создавший лучшие в еврейской поэзии стихи о России Кушниров дает сейчас два новых стихотворения о России.

«... О, сколько, сколько богобоязненных дорог—крестят ширь твоих пространств.—Все, все дороги тянутся такие долгие,—и тоска не отступает от них ни на шаг: — серые тоскующие дети твои там шли,—и они свой усталый звук рассыпали»... Не дождавшись «топота бурных коней», они улеглись на покой под деревянными крестами, и «только серый ветряк бережет—стережет их с пригорка,—как солдат с ружьем на плече». А другие его два стихотворения, помещенные в этом же номере, отражают общее и для русской поэзии возвращение к мотивам «чистой» лирики: лишнее подтверждение того, что нашей эпохе лирика не чужда.

Мы так подробно остановились на стихотворной части номера потому, что имена Гофштейна, Маркиша и Кушнирова нашими предыдущими заметками в «Печ. и Рев.» [1]) уже введены в «поле зрения» русского читателя. Между тем центральное место в новой книге «Штрома» занимает рассказ одного из самых своеобразных и ярких представителей новой еврейской литературы—Нистера. Отдельная вылазка в рамках этой рецензии ничего не скажет об этом выдающемся писателе, о котором русский читатель ничего не знает; в слишком специфическую атмосферу окунает Нистер, переплетающий в своем творчестве с современной культурой влияния Каббалы и других книг старой еврейской письменности (псевдоним «Нистер» означает: «сокрытый, таинственный» и взят из еврейского мистического обихода). Остальная проза журнала слишком молода и носит, так сказать, «студийный» характер; тем не менее, она останавливает на себе внимание. Сплетенный из разных влияний, главным образом, Нистера, рассказ Д. Волкенштейна «Ветры» подымается местами выше стилизации, напр., когда волы, везущие слепую телегу с взлохмаченными сеном, выходят из лесу на поляну, где «куски солнца тоже как рыжие волы»... Свою тему (о безумной стихии

[1]) Обилие приводимых текстов не кажется автору излишним, вследствие совершенного незнакомства не-еврейского читателя с новейшей еврейской поэзией.

[1]) См. №№ 6 и 7.

войны) имеет молодой беллетрист Годинер,—тему, от которой идет его беспокойство, заставляющее читателя ожидать роста писателя.

Попрежнему большое место занимают критические статьи.

Как всегда,—вдумчив и содержателен Ойслендер, прочно связавший свое имя с новой еврейской критикой, создающей еврейскую эстетику. На этот раз его статья говорит о «конце» Шолома Аша, «художественная эволюция» которого заканчивается сейчас в Америке филистерски-буржуазным морализированием.

Очень интересна статья Добрушина, говорящая о новом, на расстоянии нескольких лет со дня смерти открывающемся нам «лице» одного из классиков еврейской литературы Шолом-Алейхема: шолом-алейхемовский «анекдот» оказывается гротеском, и из-под гротескной маски глядит на нас драматическое лицо. Статья ассоциируется у читателя с полной глубокой значительности интерпретацией Шолом-Алейхема, данной—совместно с художником Шагалом—Госуд. Еврейским Камерным Театром в Москве.

«Библиографические» заметки Ш. Гордона, посвященные изданиям «Лирик», полны кратких значительных формулировок и,—продолжая впечатление напечатанной в предыдущем № «Штрома» его же статьи—свидетельствуют о том большом приобретении, которое имеет в лице Гордона молодая еврейская критика.

Д. Гурштейн.

ЛЯО-ЧЖАЙ. «Лисьи чары», т. I. Перевод и предисловие В. М. Алексеева. „Всемирная литература". 1922 г. Стр. 160.

«Лисьи чары», или более точно «Странные рассказы» Ляо-Чжай-Чжи-И пользуются в Китае такой же популярностью, как в Германии сказки братьев Гримм или во Франции фантастические рассказы Перро. Из предисловия переводчика В. М. Алексеева мы узнаем как о происхождении повестей Ляо-Чжая, так и о самом писателе. Лиса, как известно, почти у всех народов является излюбленным персонажем сказок. Однако, нигде она не играет такой исключительной роли, как в животном эпосе китайцев. Переживая ряд видоизменений, лиса превращается в оборотня, в злого демона или, наоборот, в добрую фею, в вампира и, наконец, прямо-таки в божество.

Всевозможные превращения лисы, внезапные вторжения «лисьей фантастики» в повседневную, будничную жизнь и составляет тему рассказов Ляо-Чжая.

Пу-Сун-Лин, писавший под псевдонимом Ляо-Чжая, родился в 1715 году. По профессии он был ученым, не пошедшим, однако, дальше начальных ступеней. Свое блестящее знание классического китайского языка и старой литературы он применил не на служебной арене, а в сфере литературного творчества. Наиболее знаменитым из его произведений, ставшим самой популярной книгой в Китае, и является сборник «Странных рассказов», включающий до 400 номеров, из которых лишь незначительная часть переведена в рецензируемой книге.

Рассказы эти производят необыкновенно свежее впечатление. Главным героем почти без исключения всех их является студент. Его опутывает своими чарами лиса, принимающая вид красавицы или почтенного старика, или даже облик отталкивающего призрака. Эротическая связь с этими химерическими существами бывает обыкновенно губительной, так как они ведь являются вампирами, незаметно доводящими свою жертву до полного истощения. В этом случае необходимо прибегать к волшебным пилюлям или к спасительной магии.

Рассказы Ляо-Чжая, однако, далеко не исчерпываются одной безудержной фантастикой. Как и большинство сказок, под причудливым покровом, они часто скрывают какое-либо житейское поучение, определенное у автора-китайца конфуцианской, реже буддийской идеологией. Студент, желающий использовать дружбу лисы для получения богатства, внезапно убеждается, что оно превратилось в кучу мусора; другой студент, страдающий от капризов невидимого лиса, зачеркивающего его рукописи, вдруг убеждается, что тот

просто указывает ему на достоинства и недостатки его литературных произведений. Резко бичуется в рассказах также гордость, чиновничья глупость, жадность и другие пороки. Некоторые из повестей снабжены любопытными послесловиями автора, в которых он раскрывает истинный смысл рассказанного: так, напр., маленький рассказик о студенте Лэн, который под влиянием лиса сошел с ума и предался литературному творчеству, Ляо-Чжай заканчивает следующей сентенцией: «запереться и хохотать, чем это отличается по существу от буддийского прозрения? Смеяться вовсю и в то же время сочинить цельную вещь— это ведь одно из живых и радостных явлений. Разве можно дойти до того, чтобы за это уволить студента? Такое начальство, знаете, очень уж далеко заходит». Предисловие В. Алексеева, указывает, что перевод сказок Ляо-Чжая представляет огромные трудности, в сущности говоря, непреодолимые. Основную черту писательской манеры Лао-Чжая составляло приспособление утонченного литературного языка к изображению самых простых обыденных происшествий. Именно это сочетание и придает произведениям Ляо-Чжая несравненную прелесть в глазах каждого китайца. С другой стороны, литературный язык, шлифовавшийся в течение многих столетий, состоит из целого ряда, можно сказать стилистических символов, которые совершенно непонятны без близкого знания всей классической литературы. Какое-нибудь событие часто передается при помощи слова, намека, взятого из какого-нибудь классического произведения. Дешифрировать этот намек можно лишь, зная, откуда он взят, что стоит впереди его или сзади. Неудивительно, что современные издатели рассказов Ляо-Чжая дают объяснения многим цветистым выражениям, попадающимся в последних и совершенно непонятных для широкой публики.

В русском переводе все эти любопытные стилистические приемы, разумеется, исчезают. Переводчик лишь изредка сохраняет тот или иной причудливый термин, давая тут же построчное объяснение его.

Безобидная фантастика, масса архаических переживаний, разбросанные там и сям сочные бытовые подробности, — все это составляет крупные достоинства рассказов Ляо-Чжая, вводящих нас в самую гущу китайской жизни и психологии.

В. Кряжин.

ИСКУССТВА.

А. КИЗЕВЕТТЕР. Театр. «Задруга». 1922.

Большую часть книги занимают характеристики актеров — Савиной, Варламова, Ленского, Ермоловой и Федотовой.—Трудно передать словами актерскую игру, воспроизвести то незаменимое, психо-физиологическое обаяние (говоря театральным термином), которым нас актер увлекает. Здесь нужен талант беллетриста-портретиста, сочетающего с яркой изобразительностью свое личное проникновение в душу актера. Мало того: игра связана с пьесой, с определенным текстом, которым актер пользуется как сценическим материалом: нужно уметь показать, что в сценическом образе от автора и что от актера, в чем именно проявилось актерское творчество. Такого умения книга А. Кизеветтера не обнаруживает. Никакого впечатления не дают такие фразы: «душа (зрителя) подхвачена на крылья титанического вдохновения великой артистки и летит куда-то ввысь»... и т. д. о Ермоловой. Или: «...Федотова вкладывала в свои тщательно разработанные схемы огонь заразительного одушевления, и схема одухотворялась яркою жизнью, которая захватывала зрителя, завладевала его сердцем, заставляла его трепетать от эстетического восторга». Слиш-

ком много таких общих мест в книге А. Кизеветтера: отдельные попытки дать конкретные художественные впечатления (иногда довольно удачные, как, напр., рассказ о Ленском в роли Бенедикта) среди них теряются. Мало прибавляет к актерским характеристикам деление актеров на «реалистов» и «идеалистов» — классификация по признаку весьма неуловимому и неубедительному. В ее основе два догматических утверждения, одно—в духе крайнего натурализма (по автору—«реализма»), отвергающего художественную иллюзорность искусства, полагающего, что жизнь может быть целиком перенесена в искусство «во всей, если можно так выразиться, дымящейся реальной жизненной непосредственности»; другое—в духе не менее догматического, крайне расплывчатого идеализма: «... в изображение будней артистка всегда вносит отблеск высшего, идеального начала»; или «высоко настраивая зрителя, Ермолова возводит его к идеальным источникам человеческой жизни»; или «артистка неудержимо (?) стремится прямо к психологическому центру роли, к ее идеальной сущности». (Итак: «идеальная сущность» роли есть одновременно ее «психологический центр»; как будто в реалистическом изображении нет «психологического центра». Здесь явная путаница—смешение психологии с метафизикой).—Благодаря этому неясному и неглубокому делению, ни в какой мере не затрагивающему основных моментов актерского творчества, Варламов оказывается в одной категории с Ермоловой; что же касается Федотовой, то ее характеристика перемежается с длинными рассуждениями о роли «рассудка» в художественном творчестве: «...рассудочная работа над ролью лишь расчищает свободный и просторный путь для полета вдохновенного чувства, если артист вообще к такому чувству способен». (Спрашивается: что же это за «артист» без вдохновения?)

В начале книги возражение Айхенвальду—отчасти в защиту реалистического театра—и рассуждение о роли зрителя в театре. Театральное творчество есть сотворчество актера и зрителя: «зрители захватываются самым процессом художественного творчества, перед ними тут же происходящим на сцене, и при том они сами в то же время в этом процессе участвуют, ибо актер, исполняя свою роль, чувствует присутствие зрителя, иногда безотчетно, иногда отчетливо сам в момент игры воспринимает настроения зрителя, и это неизбежно кладет ту или иную печать на процесс его творчества». Это бесспорное положение выражено весьма отчетливо, однако, А. Кизеветтер не дает ему широкого развития; между тем на разных актеров зрительный зал действует по-разному; обычно актеры уже во время репетиционной работы создают законченный—хотя бы по рисунку—художественный образ—и, в зависимости от зрительного зала, на спектакле меняют только *краски* роли и т. д. Далее А. Кизеветтер излагает статью И. Игнатова, устанавливающего закономерное историческое чередование реалистического и романтического театров, в зависимости от пресыщения зрителя тем или другим театральным стилем.

Книга А. Кизеветтера мало прибавляет нового к нашей театральной литературе. Эта книга зрителя не столько впечатлительного, сколько размышляющего—при том не всегда самостоятельно—случайного гостя в театре. Однако, она отчетлива по изложению и может быть полезна как напоминание о великих актерах которых автору пришлось видеть на русской сцене, а также о некоторых вопросах, которые за последнее десятилетие волновали театральную критику.

В. Волькенштейн.

О ТЕАТРЕ. И. Аксенов, Б. Арватов, Э. Бескин, В. Блюм, О. Блюм, А. Ган, М. Загорский, В. Раппопорт, Л. Сабанеев, В. Тихонович, Б. Фердинандов. Тверское издательство. Тверь. 1922 г. Стр. 151. Цена не обозначена.

«Выпуская в свет настоящий сборник, издательство руководствовалось необходимостью положить начало подытоженью тех исканий и достижений в области театра, которыми ознаменованы годы после Великого «Октября»—этими вступительными словами намечается цель книги, общая платформа авторов

которой есть «социологический разрыв с прошлым, приобщение театра к единому великому движению по пути пролетарской диктатуры к социализму». И уже с первой статьи, являющейся по отношению ко всему сборнику, как бы передовой статьей, вскрывающей основные моменты идеологического его содержания, ясно и четко устанавливается руководящая мысль, всецело, конечно, разделяемая не только ее автором Вл. И. Блюмом, но и всеми остальными участниками альманаха: мысль подчеркивающая, что так называемый «театральный Октябрь» естественное и логическое завершение того процесса, который в среде передовых работников искусства развивался с первых же дней октябрьской революции. И поскольку продолжается революция—постольку живы и все лозунги, во имя осуществления коих вели свою напряженную борьбу основоположники Октября в театре. Борьба эта, в силу изменившейся экономической обстановки, в настоящий момент не только не должна почитаться законченной,—напротив: именно потому, что протекает она в условиях Нэп'а—приобретает еще более напряженный характер.

«Неугомонный не дремлет враг—революционый держите шаг», заканчивает Вл. Блюм свою темпераментную «передовую», четко рисующую современное положение «левого театрального фронта».

Не следует, однако, предполагать, что все остальные статьи сборника развивают положения, одинаково разделяемые всеми участниками альманаха. Близкие «друг к другу своим отказом от прошлого, своим идеологическим разрывом с буржуазным театром, своим подходом к научному построению нового театра,—теоретики и практики, объединившиеся в сборнике на общей платформе «театрального Октября» (в книге досадно отсутствует его основоположник, его страстный глашатай—Вс. Эм. Мейерхольд),—отличны друг от друга многими принципиальными взглядами на самое существо чаемого ими нового театра. И «левый фланг» театра невольно, но естественно дробится на две группы, в свою очередь, составляющие *правую* и *левую* части единого фронта. Начнем с левой: это та группа авторов, которые, расходясь в оттенках, в общем и целом являются единомышленниками в своем подходе к искусству театра, как к производственному процессу. Если это основное положение не нашло достаточной яркости доказательств в наспех набросанной статье И. А. Аксенова «Театр в дороге»,—если оно в статье А. Гана сводится исключительно к обоснованию «массового действа» и к полнейшему отрицанию профессионализма как такового,—то, напротив, и Б. Арватов, и отчасти Б. Фердинандов идею театра как производства (у Фердинандова производственный процесс сводится к научному «метро-ритмическому» построению спектакля) защищают с отчетливостью логически обоснованных доводов, и, если все-таки сама идея не кажется нам до конца вскрытой, то это лишь потому, что в ее защиту приведено больше теоретических измышлений, чем практических выводов. И наоборот, тот подход к пролетарскому театру, который нашел свое выражение в четко написанной статье В. Тихоновича, воспринимается читателем как подход *практика*, на опыте (в данном случае на опыте работ центрального Пролеткульта) проверившего теоретические искания. В. Тихонович, защищающий такое беспорное положение, как признание пролетарской культуры *синтетичной*, может, если сопоставить его выводы с теми, к каким приходят теоретики-производственники, быть поставлен на *правое* крыло единого левого фронта. Середину занимает Э. Бескин, очень тонко анализирующий психологию буржуазного театра и противопоставляющий ему психологию театра пролетарского—массового.

Вопросам изучения театра посвящены статьи В. Раппопорта, поверхностно говорящего об основах коллективной рефлексологии, и О. Блюма, четко рисующего взаимоотношения режиссера и актера в условиях эпохи.

М. Б. Загорский в статье «Театр и зритель эпохи революции» приводит любопытнейшие данные той анкеты, через которую прошли все зрители «Мистерин-Буфф» в «Первом театре Р. С. Ф. С. Р». Анкета эта, по своим результатам, убедительно свидетельствующим о *до-*

ступности Маяковского зрителю-пролетарию,—документ высокой ценности в том споре, который, и по сей день, ведется вокруг так называемых «футуристических» (!) затей В. Э. Мейерхольда.

Л. Сабанеев, в несколько специальной для такого сборника статье, пытается предсказать появление усовершенствованной кино-механической музыки как элемента синтетического искусства.

Весь сборник представляет выдающийся интерес и его значение, как книги, не только подводящей итоги, но и намечающей пути к новому театру, несомненно.

Издан альманах в скромной провинциальной Твери, но так, что это сделало бы честь и любому московскому издательству.

Юр. Соболев.

ИГ. ГЛЕБОВ. «Скрябин». Издание «Светозар». СПБ. 1922 г.

Мне трудно писать рецензию о книге, посвященной Скрябину, ибо сам я повинен в очень многих литературных писаниях Скрябина. Тем труднее положение, когда дело идет о книге, общее впечатление от коей неудовлетворительное.

Иг. Глебов — отличный музыкант, иногда тонкий «оценщик» самого существа музыки. На его душе—не одна глубокая характеристика (Чайковского, того же Скрябина, Вагнера, Мусоргского). Но у него есть недостаток общий—любовь к оперированию словами, без отдавания себе ясного отчета в их значимости. На 20% — мысли, на 80% — словобалансирование, переходящее в набор мудреных и нелепых слов.

Музыканту о Скрябине можно было сказать больше *по существу*, не витая в неопределенных «парениях». По существу же автор ничего не прибавил к уже сказанному о Скрябине иными лицами, и даже многое убавил и исказил. Напрасны его усилия пересказывать скрябинские мечтания «своими словами». Лучше тут просто цитировать подлинники, потому что иначе получается «срыв стиля». Книжка хорошо издана, но производит определенное впечатление фельетона, написанного не-музыкантом.

Л. Сабанеев.

БРАУДО. Е. М. Всеобщая история музыки, Т. I. СПБ. Гос. Изд. 1922 г.

Среди нашей тощей музыкально-исторической литературы, при полном почти отсутствии у нас на русском языке пособий и руководств, удовлетворяющих хотя бы... требованию грамотности,—книгу Браудо, хотя и неполную, хотя и доведенную всего до XVI века, надо прежде всего приветствовать. Это—труд человека с эрудицией в данной области, труд культурный, добросовестный, находящийся на уровне современной науки о музыке.

Одними приветствиями можно было бы и ограничиться, если бы рассматривать этот труд под углом зрения обычного «руководства для изучения истории музыки» доброго старого времени. Но дело в том, что современность настоятельно требует от всякой «истории» искусства более глубокого, менее «провинциально-музыкального» подхода. Браудо уже отказывается от прежнего метода планирования работы по «вершинам» творчества, по «гениям». Для него не только те гениальные авторы, чьи «имена постоянно украшают собой... концертные программы, являются творцами стиля эпохи, но и те труженики, имена коих скромно ютятся в примечаниях к большим научным работам!»—Это верно, но это еще не все, что должен дать историк музыки. Стиль эпохи в музыкальном разрезе—есть одно из следствий общего художественного стиля эпохи, а этот последний, в свою очередь, есть результат сплетения общих исторических, культурных условий—результат общего социального распорядка вещей. Трудно выделить музыкальный стиль из целого и успокоиться на этом. Во всяком случае это—не научно. Ведь не думает же серьезно Е. Браудо, что музыкаль-

ное искусство все время формируется только музыкальными же причинами, что музыка, так сказать, все время варится в собственном соку. А между тем, книга Е. Браудо производит (как и все «прежде бывшие» исторические трактаты по музыке) такое впечатление, точно все дело происходит на какой-то планете, на Луне или на Марсе, куда живая человеческая история не заглядывает,—на планете, населенной одними музыкантами. Пора бросить совсем такие подходы и постараться вместо того, чтобы устанавливать связь стиля с первостепенными или третьестепенными работниками искусства, попытаться установить основную связь стиля с эпохой, с ее социальной характеристикой. Тогда многие явления станут просты и органически понятны, а то сейчас в музыкальной истории много черт напоминает блаженной памяти «священную историю», в частности же в высокой мере загадочными являются постоянные «переселения» центра музыки то из Греции в Рим, то в Нидерланды, то во Флоренцию, то в Гамбург. Подумаешь, какая игра «исторических случайностей»! И как все становится ясным, если установить «потребителя музыки» в то время и его экономические корни. Тогда упростится и все здание истории, и, пожалуй, не понадобится засорять исторические «курсы» «второстепенными именами», ибо ведь не в именах самая суть дела. Не вредны были бы, на худой конец, хотя бы параллельные указания на то, что в мире в данное время вообще происходило в области искусства и жизни; тогда такие даты, как грань XIV—XV века, были бы более отчетливы и более понятны, как отражения в музыке тех сдвигов, кои вызвали к жизни вообще всю культуру Возрождения.

Эти замечания я считаю возможным сделать *несмотря* на отсутствие целой работы, ибо стиль целого ясен из первого тома. Общая видимость книги изящна; любопытно, что она почему-то напечатана по прежней орфографии.

Л. Сабанеев.

ЛЕОНАРДО да-ВИНЧИ. Редакция А. А. Волынского. Изд. «Парфенон». Санкт-Петербург. 1922 г. Стр. 379. 2.000 экз.

Книжка издана на хорошей бумаге, хорошо набрана четким шрифтом, крепко сброшюрована; обидны многочисленные опечатки.

Содержание ее слагается из предисловия А. А. Волынского, выдержки из его же капитальной работы о Леонардо да-Винчи в части, относящейся к «Иоанну Крестителю», перепечатки написанной им в 1913 г. статьи по поводу обнаружения «Мадонны Бенуа» и, наконец, статьи Бернгарда Бернсона. Работы Волынского приведены им для того, чтобы показать, насколько близок был он уже давно к теперешнему суждению Бернсона о Леонардо,—близость эта, должны мы сказать к чести Волынского, остается достаточно проблематичной.

Леонардо умер 2 мая 1519 г. Четыреста лет непрерывной славы. Мы не знаем ни одного художника, слава которого была бы столь «прочна», испытала бы так мало колебаний.

Но Бернсон «более не согласен причислять» произведения Леонардо «к великим шедеврам мирового искусства» и пишет свою статью. Мы не знаем почти ничего более блестящего и остроумного, более последовательно исчерпывающего вопрос и вместе с тем менее доказательного и убедительного. Знаменитый английский исследователь искусства итальянского Возрождения обрушивается на Леонардо со всей силой своего литературного таланта, со всей своей эрудицией, со всей страстностью прорвавшейся ненависти. *Ненависть*—именно то слово, которое надлежит здесь употребить. И поэтому так захватывает статья при первом чтении; и поэтому же так мало остается от нее, когда вникаешь в вызвавшие ее причины. Из научной статьи она превращается в роман, в «исповедь» автора.

Бернсон *ненавидит* Леонардо да-Винчи с детства. Он был, по его признанию, под гипнозом векового поклонения, под обаянием заклинаний «шарлатанов» и «шаманов», он сам воскурял фимиам Леонардо. Теперь он больше не может и не хочет молчать.

Статья начинается разбором «иллюстративной» стороны живописного наследия Леонардо.

«Тайная Вечеря». Уже в детстве она отталкивала Бернсона. Лица апостолов казались ему неуместно-грубыми, фигуры слишком крупными, их резкая, выразительная жестикуляция и мимика—приемлемой для южанина, но совершенно непереносимой для северного глаза. И это впечатление сохранилось у него до последнего времени. Художник *не смеет*, по мнению Бернсона, противоречить характерному образу, обретенному в течение веков тем или другим крупным историческим событием или лицом и общему для всех образованных людей. Для поколения автора, по его словам, все содержание искусства было удовлетворение этому, созданному ранее зрительному образу, «Теперь правда»,—раздраженно замечает он (Бернсон часто раздражается в этой статье),—искусство стало вопросом замысловатого размазывания грязных красок, но мы требуем раньше всего, чтобы смысл, внушаемый нам находящимся перед нами изображением, не противоречил духу зримого предмета в нашем представлении». Этому характерному (для Бернсона?) образу не соответствует «Тайная Вечеря», не соответствует ему и дошедшая до нас в копиях «Леда», слишком, по его словам, «монументальная и физиологическая», далека от него и Анна в *«Мадонне со св. Анной»* и, конечно, *«Иоанн Креститель»*: «Я не мог понять, почему эта мясистая самка»... «двусмысленно подмигивающая»—мужественный, солнцем иссушенный, изголодавшийся в пустыне Креститель»...

В этом последнем недоумении, кстати, Бернсон не одинок.

Наиболее удачно пытался его разрешить один из самых мощных, по отзыву Бернсона, «шаманов», «колдовскими заклинаниями создавших славу Леонардо»—Уолтер Патер. Он, указывая на целый ряд вариантов между Иоанном и Вакхом, на сходство его лица с целым рядом других лиц Леонардо, приходит к заключению, что Леонардо хотел дать не обычного Иоанна, а какого-то своего, воплотившего некую идею, глубоко связанную с личностью художника. Но ведь художник, по мнению Бернсона, не смеет «противоречить духу зримого предмета в нашем представлении». Или, может-быть, эта «заповедь», как и многое другое в статье, создана как одно из средств борьбы с Леонардо?..

«Джиоконда». Вот самый заклятый враг Бернсона. Он ее не приемлет, «она не похожа ни на одну женщину», он видит в ней чуждый, неясный для него образ, «иноплеменницу, чьего выражения он не мог до конца измерить»... «Вид Монны Лизы приводитк вопросам и смущению и даже к сомнению в собственном разумении». Когда Монна Лиза была украдена, Бернсон поймал себя на мысли: «о, если бы это оказалось правдой». Вот—центральный пункт статьи-романа Бернсона. О! если бы от Леонардо ничего не осталось! если бы не надо было пытаться «до конца ее измерить», если бы не тянуло до конца ее разгадать! Если бы не казалось временами, что в ней «ничего нет», что Леонардо срисовывал «формы», забыв о «лице».

В Монне Лизе сходятся все нити. В ней—разгадка ненависти Бернсона ко всему Леонардо. Ненавидя Джиоконду,—Бернсон неминуемо должен ненавидеть почти все, дошедшее до нас от Леонардо. Ведь еще Патер заметил, что можно проследить, как улыбка Джиоконды, тип ее, вырисовывается в мечтах художника с самых первых его работ, как бы пронизывая все его лица. Волынский подмечает их зарождение даже в «Мадонне Бенуа».

Ведь и современников своих Леонардо, притягивая, отталкивал, и нас всех, к нему приближавшихся и пытавшихся вникнуть в его творения, и Уолтера Патера. «Красота сочетается у Леонардо с ужасом и насмешкой», говорит он. Бернсон ненавидит Леонардо потому, что не может до конца его «измерить», потому, что боится его, как немного боимся его и все мы. В присутствии произведений Леонардо неуютно, жутко. Он подавляет. И Бернсон, думается, своей исповедью исповедывается и за нас. Но... он не ограничивается исповедью. Он хочет *доказать* себе и нам, что он прав, а виноват Леонардо. Что искусство Леонардо—плохое искусство. Здесь он также не первый. Тот же У. Патер го-

ворит: «другим кажется, что он (Леонардо) стремится к невозможному, пытается достигнуть чего-то такого, чего не могут делать искусство, живопись». И Бернсон, в поисках теорий, которым не удовлетворяет Леонардо, которые ему враждебны, вслед за теорией строгого соответствия произведения искусства созданному веками зрительному образу, приходит к запрещению сложных эмоций. Назначение художественного произведения, говорит он, вызвать в зрителе эстетический экстаз. Зритель должен слиться с картиной в процессе восприятия. Для этого она должна быть четкой и ясной в замысле. Отчетливому же воплощению поддаются только простые, ярко выраженные духовные состояния—гнев, слезы, радость и т. д., которые всеми воспринимаются одинаково (Бернсон—постоянный противник индивидуализации восприятий).

Всякое не поддающееся точному определению, легкому узнаванию сложное чувство, переживание или мысль—лежат вне искусства, ибо, будучи воплощенными, вызывают в зрителе недоумение, тоску и страдание. Они беспокоят нас вместо того, чтобы приводить в мистическую нирвану эстетического экстаза.

Конечно, «сверхмерный смысл Джиоконды столь же разнообразен, как состав зрителей или данный зритель в разные моменты его жизни». Конечно, Леонардо не удовлетворяет этому критерию ценности, и, вероятно, лишь как еще одно средство нападения на Леонардо и привел его Бернсон. Закончив критику Леонардо с точки зрения эстетического экстаза, Бернсон, оставаясь все же раньше всего искусствоведом—морелианцем—переходит к критике живописной формы. Он находит недостатки в композиции «Тайной Вечери», указывает на неясность и невозможность позы «Мадонны со св. Анной», на нарочитость поднятого вверх пальца в «Мадонне в скалах» и в «Иоанне Крестителе», он недоволен пирамидальностью композиций Леонардо, он, наконец, пытается доказать, что «слава» Леонардо возникла в профессиональных, академических кругах, что слава его равносильна славе техника-изобретателя какого - нибудь приспособления, облегчающего тот или другой производственный процесс.

Леонардо изобрел chiaroscuro и contraposto (?).

Это, по мнению Бернсона, дало художникам большую легкость достижений. До сих пор, говорит он, мы не нашли механизма передачи качественных ценностей. Изобретение Леонардо стремится к тому, чтобы дать возможность скрыть их отсутствие. «В линии есть испытание ума, от которого светотень свободна»: «ошибки в рисунке поражают тысячи людей, в светотени—одного из них»; «бездарный и честолюбивый живописец находит все более непобедимые затруднения в овладении чудесными поверхностями ясной, правдивой расцветки, пригнанной (sic!) к построительной линии, и он был бы вскоре вынужден признать себя побежденным, если бы светотень не помогала ему замазать, затемнить, припрятать. Если западная цивилизация на целые столетия потеряла чувство краски и могла в наши дни, когда худшее, правда, уже было позади, поверить, что отрицательный и робкий Уистлер или положительный и грубый—Сезанн—большие колористы, то это вызвано было, главным образом, применением светотени».

Вот в каких смертных грехах обвиняет Бернсон Леонардо. Он забывает, он не хочет знать Тициана и Рубенса, ван-Дейка и Рейнольдса, голландцев и Делакруа. Их красочность ничего не говорит Бернсону. Его чарует «раскраска», «расцветка», «пригнанная к линии», о которой он так часто и с таким увлечением говорит. Его «прекрасная дама»—искусство XV века. И разве может он не ненавидеть Леонардо, вызвавшего, по его мнению, «насильственную смерть флорентийского искусства»?

Не даром все творчество Леонардо разделено им на две части: в одной—его рисунки и незаконченное «Поклонение волхвов», в другой—почти все остальное. Леонардо «Поклонения» — велик, хотя и «не выше» Ботичелли, Леонардо всего остального—изобретатель светотени, облегчившей и тем погубившей живопись целых столетий, и ни к чему не нужного, искусственного выворачивания человеческого тела вокруг собственной оси, «приведшего всю Европу

к пустейшей и безвкуснейшей аффектации». Так, Бернсон почти возвращается к спору о том, что выше: живопись или скульптура, музыка или поэзия, заменяя лишь их «расцветкой» и светотенью.

Насколько он при этом далек от беспристрастия, насколько «личное» побороло у него чисто научный интерес, насколько он «сердится и, стало-быть,—неправ» можно судить и по брошенным им мельком замечаниям о «невинных ребячествах какого-нибудь Карпаччо», о «бескрасочном ремесленничестве всяких Тинторетто», об «отвратительной мазне» в некоторых «подлинных вещах Рембрандта» и т. д., и т. д.

Особенно же характерен при этом отзыв его о «Мадонне Бенуа» в Эрмитаже: «Я увидел перед собой молодую женщину с плешивым лбом, надутыми щеками, беззубой улыбкой, тусклыми глазами, морщинистой шеей. Жуткое, дряхлое привидение играет с ребенком, чье лицо похоже на маску, прикрепленную к распухшему тельцу и членам. Руки убоги, складки бессмысленны и суетливы, колорит напоминает сыворотку»...

Интересно сопоставить этот отзыв с отзывом о той же Мадонне А. Волынского, восторгающегося ею и заканчивающего так: «такова прелестная головка Мадонны».

Кто прав? Бернсон или Волынский? Или и здесь «сокровенный смысл» поразному воспринимается двумя изощренными зрителями, потому что он «слишком сложен»? Или такие отзывы вообще ничего не могут дать нам, кроме знакомства с настроениями и симпатиями их авторов?

И. Корницкий.

С. МАКОВСКИЙ. Последние итоги живописи. Русское Универсальное Из-ство. Берлин. 1922 г. „Всеобщая библиотека". № 21—23. Стр. 166.

Странное впечатление производит этот выпуск «Всеобщей библиотеки» среди брошюр, посвященных Ленину и Троцкому, и вместе с тем—психологии сновидений, кооперации, принципу относительности и другим сенсациям. Суждения Сергея Маковского, редактора серьезнейшего и культурнейшего художественного журнала «Аполлон», всегда отличались большой обдуманностью, вескостью и сдержанностью, редко покидавшей критика в полемике, и высказывались с большой четкостью и ясностью. Разбираемая книга ни в коем случае не является популярной; она трудна для чтения, изложена сжато, насыщена сложными определениями и *почти* носит характер серьезного научного исследования. Последнему вредят отдельные отступления лирического характера (рассуждения о демонизме современной живописи, ее безбожии, политические выпады).

В начале ставится вопрос: как отнестись к экстремистам (в самом этом термине есть привкус полемики) в искусстве.—«Уверенно или враждебно... или с сознанием смиренным своей отсталости»?

Забегая вперед, автор отвечает: «Перед нами случай особого порядка. Не столько очередное завоевание, сколько катастрофа... Скачок в будущее, похожий на стремительный упадок» (стр. 5). Затем следует сжатый и насыщенный меткими определениями обзор развития французской живописи от Давида до экспрессионизма, при чем прослеживается, как «прозрение к повествовательному содержанию перешло в отрицание самого изображения как такового» (стр. 19). В этом повинны отчасти и Курбэ, и импрессионисты, но более всего Сезанн. В 1912 году Маковский прославлял его в статье о собрании Морозова, ныне же объявляется, что этот мастер «привел живопись к небывалому еще в летописях кризису» (63). Впрочем, «в Сезанне еще боролись живописец пламенного темперамента, не умевший отрешиться от красочных чар «впечатлений»... и теоретик-схоласт формальных взаимодействий. Кубисты покончили с этой двойственностью» (89). Повлиял и Гогэн, от которого, как и от увлечения лубком и детским рисунком, идет огрубение формы (несомненно, Маковский играет словом «огрубение»). Повлияли также и урбанизация и механизация всей современной культуры, один вид геометрических форм машины.

«Дух пустыни, дух пустынный вселился в живопись» (71).

«В кубизме жизнь» улетучилась. Красок почти нет. Одни аналитически добытые элементы трехмерного бытия» (72). Футуризм же (его признак—ультра-динамизм), это—«современное, сверх-современное цивилизованное варварство» (67). Оба течения сливаются в творчестве третьего периода Пикассо, «отравившегося» пространственностью предметов.

Критик не щадит ничего; чем ближе к нашим дням, тем резче суждения, не теряющие, впрочем, в меткости и глубокомысленности. Наклейки из газетной бумаги на картинах остроумно объясняются местью природы, изгнанной из живописи гипертрофией живописной формы и возвращающейся в живопись как «вещь» (81).

Старое искусство больше не радует, не волнует. «Зато болезненно завлекают эмоции, может-быть, и похожие на чувство красоты, но гораздо более зыбкие и слабые» (82).

Теперь научились извлекать эти переживания изо всего, даже из созерцания пятен сырости. Живопись сводят к гаммам фактурных раздражений, понимая под фактурой характер всякой поверхности. Требуется исключительная «утонченность одичания», чтобы эстетически пережить сопоставление клочка бумаги, жестяного круга и холста, покрытого-масляной краской.

Наконец, «цвет, плотность, структура *вещи*, став элементами живописи, вытесняют живопись». Двухмерность упраздняется, начинаются трехмерные построения (конструктивизм).

«Зараза обошла все страны». Особенно ненавистно Маковскому то, что в искусстве, «сохранившем *одну голую форму*, национальный отпечаток исчез бесследно» (144). Больше всего развращает искусство «художественный интернационал», духовная оторванность художников от родных мест (151). Искусство варваризуется, но, безрелигиозное и бессодержательное, оно не может обратиться к примитивизму.

Выводы крайне неутешительны. Нет ничего невозможного в том, что «человечество перешло в ту фазу бытия... когда потребность в зрительной эстетике ушла из обихода» (161). Критик дошел до предела отчаяния, усомнившись в будущности самой живописи; его устами начинает говорить поэт-провидец: «Над поверженным Аполлоном торжествует готтентотская Венера, обросший шерстью пращур выглянул из мглы столетий, и его хитрый полуобезьяний глаз злорадно усмехнулся» (152).

Вообще Маковский настроен очень мрачно. Он повторяет старые слова о том, что техническому прогрессу, быть-может, должен соответствовать моральный регресс, атавизм и растрата духовного имущества. Вне национальной жизни нет творчества. «Нынешний интернациональный город-гигант—губитель живописи». Впрочем, не в урбанизме и машинизме тут дело, а скорее в «социальном кризисе наших, *пронзенных большевизмом* дней». стр. 161, курсив мой). Для критика, очевидно «коммунистическое устроение жизни» и то, что мы называем искусством, понятия несовместимые. Лучший пример—Пунин, бывший комиссар по делам искусств, ведь он, по словам очевидцев, давно уж требует «пресечения» художеств, как совершенно ненужных для процветания *рабоче-крестьянского рая* (стр. 163, курсив мой). Очевидцам нельзя не верить, а Пунин—выразитель идеологии всего пролетариата, по мнению Маковского. Остается воскликнуть: «Живопись должна погибнуть, если осуществится Третий Интернационал» (165).

Das war des Pudels Kern!

Конечно, единственная надежда эстета-эмигранта на «новые победы национального гения», для чего и призывает бороться, «не скрывая от себя опасности с заразой большевиствующего антиискусства и эстетического дикарства» (165).

Такие призывы в Берлине, очевидно, считаются признаком хорошего тона, но в устах апологета чисто эстетической критики, свободной от общественных тенденций (напомню позицию «Аполлона»), лишь вредят впечатлению от его во многом ценной критики. Вредят и излишне частые цитаты из «Аполлона», как будто никто лучше Тугенхольда, Шервашидзе, Радлова о современном искусстве не писал. Судя по случайным

упоминаниям имен Гаузенштейна и Вальдена, автору, живущему в Берлине, не безызвестна современная обширная литература об экспрессионизме. Используй он эту литературу, не сосредоточь он всего своего внимания на русских «экстремистах», не считай он их порождением большевизма, быть-может, не было бы и столь мрачных выводов.

Ошибка Маковского также в сосредоточении внимания исключительно на состоянии общего уровня живописи и на программах (всегда, конечно, крайних) передовых течений. Чтобы судить о состоянии искусства, надлежало бы обратиться к непосредственному анализу его отдельных достижений. Думаем, таковые найдутся не только в Европе, но и в России.

Л. Розенталь.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. А все-таки она вертится. Кн-ство „Геликон". Москва—Берлин. 1922 г. Стр. 136+22 иллюстрации.

Русский дэнди в одной из последних статей Блока равнодушно рассказывает: «Мы живем только стихами; в последние пять лет я не пропустил ни одного сборника. Мы знаем всех наизусть—Сологуба, Бальмонта, Игоря Северянина, Маяковского, но все это уже пресно, все это кончено; теперь, кажется, будет мода на Эренбурга».

Когда-то Эренбург в своем сборнике под характерным заглавием «Я» признавался, что по ошибке режиссера опоздал явиться на несколько веков. Он переводил французских символистов, Вийона, трубадуров, позднее писал стихи о современности, войне, России, сочинял баллады об Исааке Зильберсоне, о видениях, явленных некоей Наденьке, и многое другое. Он никогда не находил нужных слов и ритмов, но его поэзия подкупала искренностью тона. В первые годы революции поэт мог стать для русских дэнди очередным увлечением.

Ныне же он выступает в качестве беллетриста (роман «Хулио Хуренито» и ряд повестей) и проповедника нового стиля в искусстве, продиктованного конструктивными формами современной техники. Эренбург кается, что в юности «отдал справедливость, разум, организацию... за лживое и мертвое искусство». На его визитной карточке значится уже не «Сотрудник «Биржевых Ведомостей», плакальщик «Молитвы о России», но (обязательно по новой орфографии) «Конструктор (по части вращения)». Последние достижения русского искусства он усиленно рекламирует в своей статье в № 1 «Новой Русской Книги», а также в ряде иностранных журналов («Signaux», «Esprit Nouveau», «Broom»), пропаганде нового стиля посвящены редактируемый им в Берлине вместе с Эд. Лисицким журнал «Вещь» (вышел только № 1—2) и рецензируемая книга.

Еще в те годы, когда в Москве на улицах «советские служащие тащили паечную конину, а мальчишки продавали «рассыпные», поэт был поражен призывами Штеренберга к «искусству в производстве», отделкой кафэ «Питтореск», постановками Камерного театра, татлинским проектом памятника III Интернационалу. «В годы революции в России была создана идеология нового искусства». Но не было нужных средств и материалов, замыслы художников уносили в XXX век, а формы быта возвращали к XV; рядом с проектом Татлина оказывался лапоть».

Весной 1921 г. Эренбург очутился в Европе. Здесь его внимание привлекли не выставки, не новые книги и театральные постановки, а грузоподъемники копенгагенского порта, писсуары Лондона, витрины магазинов и то, что в Париже всего 83 фиакра. Общепризнанное искусство возбудило лишь его негодование своим несоответствием стилю современности и духом шовинизма (в Брюсселе в магазинах нет немецких книг; в почтеннейшем, когда-то боевом, журнале «Mercure de France» вместо «немцев» пишут «боши»). Зато поэт приветствует деятелей нового искусства, образующих поверх барьеров, отделяющих народы друг от друга, свой мощный интернационал. Свыше 50 периодических журналов посвящены пропаганде нового стиля.

В разных концах Европы в разных областях молодые художники приходят к одному и тому же. «Новые люди,

осмыслившие страшный опыт войны, выше всего ставят: «труд, ясность, организацию». На смену романтизму, мистицизму, импрессионизму, индивидуализму и символизму идут оптимизм, машинизм, синтетизм, коллективизм, реализм. Искусство должно быть созиданием вещей. Дух современности в торжестве конструктивного начала. Пусть художник не мнит себя «творцом», он должен делать вещи. Отсюда ясно, что «победа производителей — победа искусства». Правда, в России роковым образом левые художники аполитичны, а левые политические партии реакционны в своих художественных взглядах. Автор справедливо негодует: «В школе живописи обучают политической экономии, член же Совнаркома, даже не прослушав курса, декретирует борьбу с кознями футуристов». В Европе же полное сознание единства идей нового искусства с идеями социализма, коммунизма и синдикализма.

Уместно будет усомниться в последнем; сам Эренбург признается, что тяготение художников к Р. С. Ф. С. Р.—демонстрация не *за* Россию, а *против* гнилой цивилизации. Цитируемые же банально сентиментальные стихи Сальмона («наиболее яркий отклик на русскую революцию»)—«Господи, призрей сынов российской земли, пусть они пролили кровь, но солгать они не смогли»—свидетельствуют скорее о полном непонимании тех, кто творил русскую революцию. Серьезно говорить о близости нового искусства коммунизму на основании приведенных в книге фактов не приходится. Более того, сам апологет нового стиля по существу мало прикосновенен вообще к «идеологии производителей». Излишне страстны его обличения неконструктивности предметов буржуазного быта (стр. 72, 73, 77, 78), к которым можно было бы быть более равнодушным. Наивно-идиллличен образ «современного человека» (мы в праве под ним подразумевать «производителя»), любящего здоровье и веселье, в жизни которого «спорт занимает первое место». Единственная цитата из Маркса положение дела не спасает, так как приведена ради эффектного выпада против излишне частого изображения пресловутой бороды (в ненависти к ней автор сходится с Уэллсом — См. «Россию во мгле»).

Вся книга написана с той горячностью и поспешностью, что свойственны всякому неофиту, только что узревшему свет после долгих исканий и заблуждений. И внешний вид текста (выделение—зачастую случайное и однообразное—фраз, слов и имен крупным и жирным шрифтом в отдельную строку) и самый стиль (короткие фразы, безапелляционность утверждений, переплетение разных тем) свидетельствуют о тяготении к приемам современной рекламы и прейскуранта. Но то, что очаровательно в книгах-манифестах абсолютной театральности у Ефимова, что так убедительно в фельетонах и исследованиях Шкловского, не дается Эренбургу; он слишком нервен, мало развязен, неизобретателен и не очень остроумен. (Ненужен рассказ об учителе географии в первой главе; уже банальным стал прием пожимания рук друзьям и врагам в заключении).

По существу книга мало оригинальна; это всего лишь талантливая популяризация того, что писалось (правда, иногда менее литературным языком) в журналах «Изобразительное искусство», «Искусство коммуны», «Вестник театра» (периода «театрального Октября») и др., а также в брошюрах Пунина, Малевича, «Опояза». Эренбург усматривает проявления нового стиля: 1) в вытеснении старой живописи и скульптуры строительством вещей (конструкций «проунов») и декоративной живописью как составной частью этого строительства; 2) в новых формах романа, исходящего из сюжета уголовных хроник, ритма кино и стиля газеты; 3) в новых стихотворных размерах, в преобладании эпоса над лирикой; 4) в театре абсолютного действия среди трехмерных декораций; 5) в кинематографе. Имажинисты и супрематисты, Родченко, Татлин, «Обмоху», Белый, Ремизов, Пастернак, Замятин, Пильняк, Маяковский, Таиров (глава *Академического* камерного театра, пронзенного столькими стрелами защитников «театрального Октября»!) — мы перечисляем лишь русские имена—вот кто оказываются творцами новых форм. Список несколько пестрый, случайный и... не вполне убедительный. В действительности до-

стижения нового искусства еще незначительны, назначительна и его пропаганда. Пока приходится ставить крест не над двумя, но над всеми пятью русскими журналами, чьи названия выписаны на стр. 42; да и во многих из прочих 50 на других языках можно усомниться! Для вящшей убедительности Эренбург ссылается и на «героических клоунов» Дада и на русских «ничевоков» и на почти мифическое «Международное бюро искусства» супрематистов. Доказательств не хватает. Тогда остается сослаться на восторги многих (почти всей Европы) от одних лишь фотографий с проекта Татлина и с постановок Таирова. Если не убеждают конструкции Родченки или так называемые «проуны» Лисицкого, то остается заворожить читателя словами, что эти вещи хотя еще не утилитарны, но вполне целесообразны, «ибо рожденная вновь форма, осмысленная и безупречная, является творческим актом, рычагом жизни»-

Мало показательны иллюстрации. Рядом с совсем не конструктивным киоском Родченки, «проуном» Лисицкого и т. п. воспроизведены «чудеса современной техники». Многие из них особых восторгов не возбуждают, так как требуют понимания их конструкций. (В этом отношении гораздо интереснее книжки инженера Энгельмейера «Философия техники», где аналогичные снимки сопровождены краткими объяснениями, более уместными, чем выкрики о ненужности сикстинских Мадонн и об эстетических эмоциях, получаемых от созерцания автобусов и от общественных подземных уборных). Интереснее других воспроизведение трубок Дониль; ничего не говорящая и безвкусная фотография кино-артиста Чарли, застывшего в одной позе, лишь неприятна для тех, кто любит кинематограф.

Рядового читателя книга Эренбурга утомит разбросанностью мыслей, крикливостью и намеками на мало известные факты. Для более осведомленного человека она неубедительна и как всякая компиляция ненужна.

Значение книги—в самом факте ее появления. Горячий призыв к художникам делать вещи, крепко сложенные подобно математической формуле, создавать стиль, отвечающий духу современной конструктивности глубоко знаменателен в устах вечно ищущего поэта, который оставался современным даже в своем пассеизме.

Л. Розенталь.

Ю. И. УСПЕНСКИЙ. Старый Воронеж. Художественно - исторический очерк. Воронеж. Государственное Издательство. 1922 г. 8°; стр. 2 нен. 78+2 чертежа на отдельных листах. В тексте 21 репродукция с картин, акварелей и литографий. Тираж 1,000 экз.

Несомненно, задача, поставленная автором очерка,—ознакомление возможно более широкого круга читателей с результатами начавшихся работ местных исследователей и художников по изучению старого Воронежа и по воссозданию (реконструкции) его в картинах, планах и чертежах, а также «перечисление и некоторое описание» памятников архитектуры, оставшихся в Воронеже от прошлого,—им выполнена, и выполненаудачно; вместе с тем книжка остается написанной чрезвычайнон опулярно.

Весьма своевременными представляются указания автора на те или иные разрушения или повреждения отдельных сооружений, грозящие полной гибелью ценным памятникам архитектуры. Лишь самая экстренная и интенсивная поддержка начинаний местного музея и Археологического Общества сможет еще спасти такие памятники, как дом Гарденина (впоследствии б. Мещанской богадельни), дом быв. Мещанской управы, арсенал и т. д.

Думается только,—автор глубоко неправ, говоря, что «ничего не осталось, что говорило бы о художественной культуре и вкусах наших предков» (стр. 6). Соображения, приводящие к столь пессимистическому заключению, несправедливы и противоречат фактам.

И утверждение, что соборный пятиглавый храм заимствован Московской Русью от «простой и трогательной» (так ли это?) архитектуры Новгорода и Пскова (стр. 18), не совсем верно.

К книжке приложен, сделанный Ю. И. Успенским, план Воронежа XVII в. с убедительной мотивировкой изменений

по сравнению с планом Второва, реконструкция фасада и разрез крепостной стены, «Указатель литературы о памятниках зодчества в Воронеже». К сожалению, нельзя признать достаточно удачными репродукции.

Г. Жидков.

НАША КОЛОНИЯ. Альбом гравюр учащихся Звенигородской художественно-ремесленной школы-колонии в Введенском. Звенигород. 1922 г, 500 нумеров. экземпл. 56 стр. in 4°.

Чрезвычайно заманчива задача дать отчет в работах художественной школы. Такова, повидимому, причина выпуска альбома гравюр, составленного из работ учеников - подростков, озаглавленного «Наша колония». Страничка текста знакомит с Введенским, б. имением Гудовичей, с оборудованной в усадьбе художественно-ремесленной школой - колонией. Далее следует 23 гравюры на линолеуме (две на обложке), изображающие дом в Введенском, окрестности, жизнь школы—работы в мастерских, игры и т.д.

Во всех гравюрах поражает совершенное отсутствие индивидуальности; кажется, что весь альбом является работой лишь одного из учеников. Быть-может, это дело лица, руководившего изготовлением гравюр, быть-может, таков сам дух школы, старающейся сгладить все индивидуальности. Как бы то ни было, это—печальное явление в молодом творчестве. И сквозит оно в шаблоне, неизменно повторяющемся во всех гравюрах, в бедности выдумки, в известной грубости, видимой в каждой вещи. Неприятна расцветка анилиновыми красками, кричащая и назойливая. И вместе с тем везде почти налицо некоторое техническое умение, некоторое чувство пятна и даже декоративности. Лучше других листы, озаглавленные: «Шалости», «Перевоз на Москве-реке», «Здание деревообделочной мастерской», «Службы». Быть-может, без красок эти гравюры много бы выиграли. Зато совершенно неудачными кажутся «Здание графической мастерской» (флигель дома сгорел в 1921 году), «Общий вид» и все гравюры, иллюстрирующие жизнь школы. В общем, альбом оставляет безотрадное впечатление: он кажется слишком показным, слишком безличным и мало освещающим творчество молодого поколения. Думается, что преждевременным является выпуск этого сборника линогравюр.

Д. Греч.

Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХ. Фарфор государственного завода. Графика И. Ф. Рерберга и С. В. Чехонина. Под редакцией Ив. Лазаревского. Издательство „Среди Коллекционеров". Москва MCMXXII. 4°. 53 стр. 700 экз.

Среди выходящих в настоящее время книг появление в свет настоящего издания может считаться положительно событием, настолько резко оно выделяется своими высокими художественными достоинствами, вызывая и по своему содержанию глубокий интерес к деятельности фарфорового завода за последние пять лет, в которой произошла полная, можно сказать, «переоценка ценностей».

В своей прошлой двухвековой деятельности фарфоровый завод создал множество изделий высоко-художественного совершенства, но, имея задачей лишь обслуживание нужд б. императорского двора, стоя совершенно обособленно от художественной жизни страны и потребностей народа, завод очень мало в прошлом влиял на развитие керамической промышленности России и не занимался подготовкой специалистов керамического искусства. Для своих нужд завод выписывал из-за границы и сырье и краски. Все производство давало дефицит.

В обновленном строе государства все коренным образом изменилось: завод начал работать в государственном масштабе, наладил производство массового характера и привлек в качестве простых рабочих завода профессиональных художников. В целях повышения продуктивности производства, для надобностей завода приспособил керамическую мастерскую б. училища Штиглица.

обратил внимание на отечественное сырье и краски, организовал при заводе Керамический институт и специальную рецептурно - библиотечную комиссию. Даже самая техника производства изменилась: завод перешел на изготовление вещей за один обжиг. Завод поставил себе задачу восстановить технику старинных мастеров, не подражая, однако, отжившим формам, что принципиально было отвергнуто. «Нечто новое»,—«говорит автор»,—своеобразное внесено в современные изделия фарфорового завода. Есть сдвиг, значит, есть новые искания, ведущие к неиспользованным возможностям». Вот та, можно сказать, титаническая работа в области полной перестройки работ завода, которая легла на плечи, главным образом, заведывающего художественной частью завода, одного из самых талантливых наших художников,—С. В. Чехонина. Автор указывает, что несмотря на многие трудности, фарфоровому заводу удалось развить продуктивную работу. Количество композиций, исполненных художниками за период 1917—1921 гг., достигает нескольких тысяч. Впоследние годы количество технических изделий имело за собою подавляющее преобладание: в 1920 г. завод выпустил 200.000 технических изделий и всего 2.000 художественных предметов, что, по мнению автора, доказывает большую приспособленность завода к повелительным требованиям момента, но ныне предположено довести выпуск художественных предметов до 20.000.

Автор не делает детальной оценки отдельных изделий, выпущенных заводом, но касается принципиальных художественных вопросов. «В живописи по фарфору,—говорит он,—приходится очень считаться с красотой краски самой по себе, точно так же, как в ковре и других предметах, от которых мы требуем самодовлеющей декоративности. От живописца по фарфору мы ожидаем исключительного знания красочных отношений, тонкого понимания ценностей тонов. От красок фарфора мы в праве требовать, чтобы они действовали красочно подобно природе, а не подобно красочному воображению». «С другой стороны,—говорит он,—очень важен вопрос о пространственном соотношении и в погоне за красочной ценностью вещи не следует забывать о связи узора или рисунка с формою данного изделия. Фарфору свойственны известные каноны, пренебрежение которыми ведет к абсурду». Наконец, автор совершенно правильно указывает, что выбор сюжета, особенно выбор орнаментации, должен строго определяться функциональным характером предмета.

В общем весь очерк о деятельности завода написан интересно и с полным знанием дела. В конце автор дает оценку художественной деятельности С. В. Чехонина, отмечая то большое эстетическое чутье и художественный такт, которыми отличаются все работы этого высокоталантливого художника как в графике, так и в фарфоре, и ту бодрость, звонкость его красок и оригинальность композиций, которыми характеризуются последние.

Из числа 57 репродукций (из них 8 в красках) с изделий завода, воспроизведенных в настоящем труде, особенно своей талантливостью отличаются прежде всего работы С. В. Чехонина, очень удачная композиция Адамовича (тарелка «Красная звезда»), работы Е. Данько. ваза П. Кузнецова по рис. Е. Лансере, скульптура Н. Данько (трубка) и ваза работы Тимарева. Что касается внешности издания, то без преувеличения можно сказать, что оно является самым изящным и красивым из числа всех книг, вышедших за последние пять лет. Это полная победа,—здесь все дышит большим вкусом и настоящим художеством!

В. Адарюков.

Печные поливные кафли XVIII—XIX в. в. из собрания Ярославского Древнехранилища. Пятнадцать раскрашенных от руки литографий. Текст Н. Ашукина, литографии художника А. Фокина, рисунок обложки художн А. И. Малыгина. Ярославль. Издание Ярославского Художественного общества. 1918. Стр. 8+4 нен.+6 двусторонних таблиц in fol. Тираж 480 экз.

Ярославское Художественное Общество, уже зарекомендовавшее себя двумя превосходными изданиями, в настоя-

щее время выпустило книгу-альбом воспроизведений с хранящихся в Ярославском Древнехранилище печных изразцов, справедливо заслуживающий быть особо отмеченным как очень крупное художественно-издательское достижение.

Но этот ряд воспроизведений более, чем просто репродукции в научном труде в области искусствознания. Это—цветные литографии художника, значимость которых, как художественных произведений, еще более усилена обогащением литографии обработкой поверхности оттиска кистью. Таким образом, страницы приобретают некую самостоятельную жизнь, и все издание получает тот характер собрания графических листов, объединенных одною общею темой, который столь сейчас популярен.

Однако этим не исчерпывается значение рассматриваемой книги. Нам даже думается—будем, откровенны,—что главная заслуга Ярославского Художественного Общества в том, что теперь искусствовед располагает рядом превосходнейших репродукций-документов, дающих не только общее представление об иконографии и, вообще, стиле изображений на изразцах, но и позволяющих иметь суждение о тончайших подробностях в области жизни краски, о некоторых специально-фактурных явлениях.

И именно, потому, что мы придаем столь серьезное научное значение книге, позволим себе обратить внимание на два обстоятельства. Прежде всего, приходится крайне сожалеть, что таблицы не нумерованы: это очень должно затруднить возможности ссылок. Воспроизведениям предпослан небольшой текст, написанный не специалистом, что дает основания уклониться от критики его по существу. Думается, что вообще была бы гораздо более целесообразна иная конструкция текста. Вместо чрезвычайно мало конкретного очерка о кафельном деле вообще и ярославских кафлях в частности, особенно в первой публикации хотелось бы, пусть кратко, описания каждого отдельного издаваемого изразца, с сообщением данных археологического порядка, как-то: степени сохранности, размера и, что очень важно и будет необходимо будущему исследователю, условий находки. Также и отдельные стилистические наблюдения и основания датировки, прикрепленные к определенному памятнику, сразу много выиграли бы в убедительности.

Все же наши замечания ни в какой мере не умаляют достоинств книги. Подкупающая любовность в выполнении и хороший вкус, очевидный и в обложке, столь созвучной всему изданию и в выходном листе, и в конструкции набора на странице, и столь редкая теперь аккуратность обрезки и наклейки репродукций—все это отличает издание Ярославского Художественного Общества от многих, пытающихся быть художественными, но обнаруживающих лишь нелепость пресловутой «роскошности».

Г. Жидков.

«МИР ИСКУССТВ В ОБРАЗАХ ПОЭЗИИ». Архитектура, скульптура, живопись, танец, музыка. Собрал Е. Боричевский. Кн-во «Работник Просвещения». М. 1922. 8º. Стр. 216. 1.000 экз.

Чрезвычайно интересный сборник, важный для историка русской художественной мысли, может-быть, еще больше, чем для литературоведа. Е. И. Боричевский тщательно и искусно подобрал в ряде произведений русской поэзии отклики ее на произведения иных искусств. Получилась поучительнейшая хрестоматия. Именно в таком соединении можно видеть, как не умели и умели понимать искусство наши поэты. Любопытнейшие выводы напрашиваются сами собою: что иные поколения имеют некую правомерную чуткость к зрительным искусствам, иные ее теряют, что иные поэты просто были чужды пластическим образам, тогда как другие их несравненно тонко чувствовали. (Примеры: Пушкин и Лермонтов. Пушкин—пластик, к чужому искусству, безнадежно равнодушный, ценящий все-таки всего больше скульптуру; Лермонтов, наоборот мастер исключительной *живописной одаренности*. Великолепным изобразителем оказывается Фет.) В наши дни триумф описательного начала у так называемых петербургских акмеистов

приводит к тому, что иные стихи, напр., О. Мандельштама, производят впечатление изложения соответствующих мест учебника.

Составитель предпослал сборнику предисловие, в котором много спорного. Вряд ли было правильным собирать стихи, «изображающие» произведения тех или иных искусств. Многое в книге не подойдет под это определение; и, конечно, жаль, что оно помешало включить в книгу стихи, где «произведение искусства служило поэту лишь поводом»: ибо добрая половина имеющегося в книге материала именно и есть такое высказывание. Думается, что сборнику надо было бы сделать свои рамки эластичнее. Вообще подобного рода сборник нельзя было делать единолично. Много недоумений по поводу размещения материала (оно именно не историческое, как то говорит составитель, а «профессиональное», стихи размещены не по культурам, а по видам искусств, что не так, конечно, важно) и по поводу отбора можно было бы устранить более умелой редакцией. Так, в силу каких соображений забыт исключительно меткий образ Аполлона Бельведерского «Лук звенит, стрела трепещет», данный Пушкиным, из которого составитель удосужился выудить две строчки с именем Орловского. Почему нет стихов Пушкина к Кипренскому, к Доу, Майкова в Федору Толстому, эпиграмм на «Душеньку» последнего? Почему не процитированы строчки Пушкина об Альбани и Лермонтова—о Рафаэле? Почему в более близкое нам время у Бальмонта взято стихотворение о Рибейре, но не о Сассоферато? Почему забыто чудесное описание испанского примитива у Ал. Толстого («В монастыре старинном близь Кордовы картина есть»). Совсем непростительно отсутствие в книге «Медных всадников» Блока и особенно Брюсова. Многое из Блоковских итальянских и иных стихов надо было бы опустить, зато, конечно, включить изумительный «Портрет неизвестного в Лувре» Н. Гумилева. У С. Боброва взято стихотворение о Кранахе и опущено чудесное описание «Шутов» Э. Грассера. Нет великолепных строк о старом Кремле С. Шервинского (сборник «Круговая Чаша», где составитель нашел бы и еще кое-что). Конечно, необходимы примечания, наличие которых придало бы книге отсутствующий у нее теперь, сказали бы мы, педагогический интерес. Сколь любопытно, например, было бы противопоставлением разобрать «Фра Анжелико» Гумилева и С. Городецкого (почему в книге нет этого последнего)?! Отдел «Танца» мог бы быть весьма пополнен (нет, например, ни одной «Камаринской», из которой Андрей Белый и Игорь Северянин сумели создать нечто совсем замечательное), нет «вакхической пляски» Волошина. Что касается отдела «Музыки», то ему, по нашему мнению, можно было бы смело отсутствовать в сборнике: так определенно имеется здесь только «по поводу» чего обещал избежать составитель, такие совсем иные слова и способы выражения появляются у поэтов. Если включить в сборник «Музыку», то почему не «поэзию»? Поэты о поэтах, авгуры между собой: чего чудеснее?

В общем, таким образом, сборник мог бы быть лучше, полнее, серьезнее, интереснее, стройнее. Есть ряд вещей, которые настойчиво хотелось бы сократить («Памяти Орловского» Вяземского) или совсем выкинуть всего Бунина, «Демона» Блока; к последнему составитель пристрастен, а, однако, забыл единственную чисто «историко-художественную» вещь Блока—эпитафию Филиппо Липпи, как забыл он, между прочим, и надписи к «Ночи» Микель-Анджело, существующие в двух русских переводах, из которых, конечно, нельзя было опустить сделанный Владимиром Соловьевым. Все это заставляет очень надеяться на второе издание приятнейшей книги.

Внешне о ней необходимо отозваться с самым искренним сочувствием. Чудесная бумага и печать (правда, есть опечатки). К сожалению, плохая брошюровка. В чем, однако, надо особенно приветствовать издательство — это в выборе художника. Л Е. Фейнберг, мастер начинающий, доказал себя графиком, с очень большим и культурным вкусом. Не все его украшающие книгу фронтисписы отделов одинаково хороши (напр., определенно не удался «Танец»). Но в общем мы рады приветствовать в лице

его бесспорно подающего большие надежды художника книги. А что в сборнике определенно неудачно—это его заглавие. «Мир Искусств» все-таки заставляет каждого думать о петербургской группе стилистов.

Проф. Д. Сидоров.

Н. ПУНИН. «Татлин (против кубизма)». Петербург. Госиздат. 1921 г. 8⁰. Стр. 25+15 вклад. листов иллюстр., 1 ненумер. лист «список работ Татлина с портретом Татлина».

Книгу о Татлине Н. Пунин посвятил «учащимся свободных государственных художественных мастерских»; цель ее, «поход против французского кубизма», искусство Татлина —«отправная точка» этого «неизбежного похода».

В ней много говорится о творчестве Татлина, но монографией о нем, исчерпывающе характеризующей его искусство, эту книгу считать нельзя. Впрочем, сам автор сознается, что «для объективной оценки Татлина время еще не пришло». Творчество Татлина он считает настолько значительным, что в заключительной главе посвящает ему такие строки: «Если к нам приходит новое искусство... мы ведь не станем ни отворачиваться от него, ни защищать его. Мы просто должны будем признать его существование. Именно так и приходит к нам искусство Татлина... Мы и не хотим его защищать; мы просто определяем его место, если при этом оказывается, что это место занимает площадь *большую, чем площадь земного шара* (?sic), то и с этим мы бессильны бороться... Те же, которые попрежнему будут утверждать, что они в нем не нуждаются, тем самым не нуждаются ни в жизни, ни в земле».

Но если творчество Татлина имеет такое, скажем, сверхмировое значение, то, казалось бы, в книге о нем, притом посвященной учащимся, надлежало дать ясный, доступный для понимания большего круга лиц очерк этого искусства; между тем книга Н. Пунина написана таким тяжелым, туманным языком, полна таких абстрактных, с трудом понимаемых положений, что судить по ней о творчестве Татлина, думается, нелегко даже человеку, знакомому с пунинской художественной критикой. Тем более эта книга едва ли пригодна для уяснения основ новейшего искусства учащимся. Автор против дилетантизма в искусстве. Он поборник «мощного и стойкого профессионализма», но он забывает, что искусство охватывает такую широкую область духовной жизни человека, потребность в нем так велика, что заключать его в узкие рамки известной профессии, чуть не какого-то цеха, делать его во всем его объеме понятным и доступным лишь тесному кругу профессионалов, едва ли целесообразно. Напротив того, разве автор отвергнет желательность популяризации искусства, привлечения к нему большего круга лиц, к чему в сущности и ведет «диллетантство», как его понимает Пунин?

В задачи рецензии не входит ни подробный разбор книги Н. Пунина, ни тем более полемика по поводу приводимых им положений. Отметим только, что не совсем удачно, как нам кажется, автор разрешил свою основную задачу— «поход против французского кубизма», т. к. книга его производит впечатление «похода» вообще против искусства «до перелома», а не исключительно против кубизма.

Для характеристики «стиля» изложения книги приведем несколько выдержек, подтверждающих ее туманность и малодоступность. Так, напр: «Что касается футуризма, как государства (?!) времени, то мы едва только у порога эры, которая сократит время прошлого, подобно тому, как сокращено время пространств (?) на время света, тогда возможно, что многие из нас окажутся в складках времени. Перед таким величием мы молчим тем более уверенные, что Татлин будет всегда на хребте волны взятого измерения».

Далее. «Когда хотят узнать художника, обыкновенно изучают его произведения (а то как же?), по отношению к Татлину было бы целесообразнее изучить его глаз, который сложился на его работах».

«Видеть это и значит быть художником» (только ли?). «Искусство следует

своему основному закону,—закону нагружения. Вырастая, оно беспредельно укрепляет и умножает все части своего организма». Как будто решает количество—хочется заметить по поводу пресловутой «формулы нагружения»: как будто не *мастерство* остается единственно существенным для художественной оценки.

Не лишне отметить, что к книге Н. Пунина приложены, очевидно, для лучшего уяснения основ нового «самого возможного» искусства, снимки с произведений Татлина. Казалось бы, этими снимками следовало воспользоваться и в соответственных местах сделать на них ссылки. Между тем в книге Н. Пунина мы находим только мало уясняющую дело ссылку на «букет рыбака» и «натурщицу», о нашумевшем же проекте памятника III Интернационала, коему посвящены три снимка, даже и вовсе не говорится.

Очевидно, даже Пунину неловко повторять измышления своей более ранней рекламной брошюры о памятнике этом. Любопытно, что вовсе нет каких бы то ни было новых вещей Татлина. Занимаясь ныне не искусством, а «производством», он уже тем самым сделал устарелой книгу своего апологета. В перечне произведений Татлин обещает «посвятить свой глаз под контроль осязания». Как это примирить с вышеприведенной цитатой о глазе художника.

По прочтении книги Н. Пунина приходится, к сожалению, сказать, что серьезного вклада в художественную литературу она не составит: хотя бы потому, что не выполняет и первой своей, слежебной по отношению к Татлину, его характеризующей роли.

Н. Стефанович.

А. Е. Ферсман и Н. И. Влодавец. Государственная Петергофская гранильная фабрика в ее прошлом, настоящем и будущем. Издание Комиссии по изучению производительных сил России при Российской Академии Наук. Петроград, 1922 г. 94 стр. 4 нен. (с 40 рисунками в тексте).

После статей А. Фелькерзама в «Старых Годах» выход книги, посвященной технической стороне обработки твердых камней, является особенно нужным и интересным. Как справедливо указывается авторами, каменно-резное дело в России—одна из виднейших задач будущего; поэтому вполне своевременно, при переходе к новым задачам производства в этой области, познакомить широкий круг читателей с камнем, его обработкой, его прикладной и художественной ценностью. Приятно изданная книга, снабженная рядом рисунков-графических украшений, касается петергофской гранильной фабрики, существующей уже почти два столетия и сыгравшей видную роль в деле художественного развития страны. Первые страницы посвящены истории; написанные по архивным данным, они дают ряд любопытных сведений, рисующих по царствованиям последовательные периоды развития и упадка завода. Петергофская фабрика стоит во главе всего производственно-обрабатывающего процесса над камнем; разные породы яшм, нефрита, мраморов, кварцев и др. разноцветных камней добывались для нее на Урале, в горах Алтая, отчасти шли из-за границы. Фабрика работала для Двора, создавая подчас вещи высокого художественного значени, и до сих пор сохраняющиеся в дворцах и музеях.

Временем расцвета являются 30-е, 40-е и 50-ые годы, эпоха управления, гр. Перовского, горячего поклонника и энтузиаста камня, заботившегося как о добывании его в дальних месторождениях, так и вновь переорганизовавшего фабрику, учредившего при ней школу резного и гранильного мастерства, не мало заботившегося также и о развитии художественной стороны дела. История Петергофской фабрики прослежена до самого последнего времени, знаменующего некоторый упадок как в средствах, так и в выполнении. Особая глава посвящена настоящему ее состоянию—описанию местоположения зданий, оборудования, управлению, штатам и связанным с ней учреждениям—музею камня, библиотеке, архиву и специальной школе.

Дальше следует довольно подробное, очень просто и хорошо изложенное описание всего процесса работы над камнем при помощи особых станков со сверлами, дисками и т. п. Эта часть особенно

интересна, так как вводит читателя в самую лабораторию работы, до сих пор нигде не освещенную в сжатом и популярном очерке. Описаны последовательные процессы «абронных», подготовительных работ, сверление, подравнивание, шлифование, полировка. Несколько страниц касаются гравирования и резьбы, огранки драгоценных камней, мозаичных работ. Здесь очень любопытны сведения, касающиеся изготовления гемм и камней, а также составлявших славу фабрики мозаичных изделий. Весь этот отдел обильно иллюстрирован рисунками, показывающими процесс обработки, не мало содействуя наглядности изложения.

Нельзя, однако, вполне согласиться с высказанным дальше мнением, что в изделиях следует заботиться, главным образом, о материале, самом камне. Совершенно не защищая старого взгляда, выразившегося в создании ряда нелогичных вещей, скрывающих красоту материала, нельзя все же считать роль художника второстепенной. Приведенные рисунки—море, лес, получившиеся случайным, природным узором на камнях, не являются все же художественными, так как лишены творчества. Они кажутся скорее курьезной игрой природы, подобно каким-нибудь монолитам, похожим на зверя или человека, или неправильно разросшимся овощам. Конечно, замысел мастера тесно связан с камнем, иногда вдохновлен им, но художник всегда стремится передать определенную идею, известный образ, не подчиняется всецело материалу, но господствует над ним. Впрочем, этот взгляд находим в выдержке из слов Ф. Бирбаума: «... в своих композициях художник имеет всегда в виду определенный кусок камня. Задача его заключается в наилучшем использовании его формы и окраски... нужно только избегать применения обработки, не соответствующей самой природе камня». Дополнением к описанию обработки служит глава «Каменные материалы фабрики». Здесь перечислены и охарактеризованы употребляющиеся на заводе сорта горных пород, главным образом, наиболее распространенные—яшма, нефрит, кварц. Дальше описаны материалы вспомогательные, нужные для технических целей. В конце книги приведены очень важные доводы, заставляющие обратить внимание на камень, который составляет богатство страны, который поэтому является могучей ветвью промышленности как художественной, так и чисто прикладной, подсобной для других производств. В связи с этим вопросом автором рассматривается деятельность екатеринбургской фабрики, намечаются задачи, стоящие перед петергофским, екатеринбургским и колыванским заводами. Лучше всего рисуют значение камня слова А. Е. Ферсмана: «Не надо думать, что камень в приложении к искусству может служить только для выражения задач чистого творчества, что он в декоративном искусстве может служить лишь для безделушек, для тех изделий роскоши, которые мы видим во дворцах и музеях и которые, казалось бы, для жизни не имеют никакого значения. Такой взгляд был бы неправилен. Камень, как своеобразный художественный материал, может быть использован не только для предметов искусства, он может и должен быть практически приложен к самой жизни, должен сделаться одним из элементов нормального обихода, как тот фарфор, который раньше ценился как предмет роскоши, а сейчас сделался обычным предметом жизни.

Заканчивая обзор книги мы можем только приветствовать ее выход и вместе с автором пожелать больше художественного внимания к камню.

С внешней стороны книга исполнена: очень тщательно она набрана приятным шрифтом на хорошей бумаге, снабжена библиографическим указателем и 40 графическими рисунками - украшениями работы А. М. Бонштедт и Ф. П. Бирбаум.

А. Греч.

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

Государственное Издательство. Москва.

1. **Гюи-де-Мопассан.** «Наше сердце».
2. **Гюи-де-Мопассан.** «С левой руки».
3. **Гюи-де-Мопассан.** «Мадемуазель Фифи».
4. **Гюи-де-Мопассан** «Пышка».
5. **Джек Лондон.** «Сын солнца».
6. **Джек Лондон.** «Алая чума».
7. **Джек Лондон.** «Голос крови».
8. **Джек Лондон.** «Морской волк».
9. **Джек Лондон.** «Белый клык».
10. **Джек Лондон.** «Мои скитания».
11. **Джек Лондон.** «Приключения рыбачьего патруля».
12. **Э. Верхарн.** «Зори».
13. **Г. Гауптман.** «Перед восходом солнца».
14. **И. Тэн.** «Лекции об искусстве». Ч. IV.
15. Проф. **Р. Виппер.** «Древняя Европа и Восток».
16. Проф. **Р. Виппер.** «Учебник новой истории».
17. Проф. **Р. Виппер.** «Краткий учебник истории средних веков».
18. **Карл Манциус.** «Мольер».
19. **П. С. Коган.** «Очерки по истории западно-европейской литературы». Т. I, II.
20. **Генрих Гейне.** «Путевые заметки».
21. Российская коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1921).
22. Учебные планы и программы по производствам текстильной промышленности.
23. **С. В. Зенченко.** «Жизнь и знание в числах». Деревня. Вып. II.
24. **Е. Соловьева.** Методическое руководство к букварю «Из деревни». А. Горобца.
25. **В. А. Оппель.** «Диагностика повреждений». Ч. I.
26. **А. Шляпников.** «Канун 1917 года». Ч. II.
27. Проф. **Д. Н. Ушаков.** «Пособие при слушании курса морфологии русского языка».
28. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Собрание сочинений. Т. XV.
29. **В. П. Вахтеров.** «Первый шаг». Букварь для чтения и письма.
30. Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко. 1870—1916 г.г. (Сб. статей.)
31. Проф. **А. Н. Галаган.** «Прикладное счетоведение».
32. **А. И. Шаповалов.** «По дороге к марксизму».
33. Работа эс-эров заграницей. По материалам парижского архива эс-эров.
34. **Л. Мануилова.** «Печали и радости моей жизни».
35. **Д. Дьюи.** «Школа и ребенок».
36. Проф. **Зигмунд Фрейд.** Лекции по ведению психоанализа.
37. **Б. Келлерман.** «9-е ноября».
38. Основы клинической диагностики для врачей и студентов, под ред. проф. **А. Левина** и проф. **Д. Плетнева.**
39. **Г. Нечаев.** «Из песен старого рабочего».
40. **Ф. Самойлов.** «Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—5 г.г.
41. **А. Луначарский.** «Бывшие люди». Очерк истории партии эс-эров.
42. **В. Сергеев.** «Всемирно-исторические кризисы».
43. Доктор **М. Кейнс.** «Пересмотр мирного договора».
44. Проф. **М. Покровский.** «Русская история». Ч. I, II, III.
45. **Карло Гольдони.** «Комедии». Т. I.

46. **Эптон Синклер.** «Сто процентов».

47. **А. Подгорецкий.** Пособие по сбору и культуре лекарственных растений.

48. Учебный немецко-русский словарь.

49. Проф. **К. Корнилов.** «Методика исследования ребенка».

50. **П. Блонский.** «Педагогика».

51. **В. Н. Давыдовский.** «Патологическая анатомия и патология сыпного тифа». Ч. II.

52. **В. и Э. Вахтеровы.** «Мир в рассказах для детей».

53. **А. М. Пешковский.** «Краткие планы уроков по грамматике» (для взрослых).

54. **В. А. Малышев и А. П. Гавриленко.** «Технология дерева». Текст и атлас.

55. Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. (Сборник.)

56. **А. П. Губарев.** «Акушерское исследование».

57. **М. Н. Коваленский.** «Учебник русской истории». Ч. I.

58. **Н. Крупская.** «Вопросы народного образования».

59. **А. Герлях.** «Как преподавать детям арифметику».

60. **Д. Дьюи.** «Школа будущего».

61. **П. Бенуа.** «Атлантида».

62. **П. Орешин.** «Радуга».

63. **П. Антокольский.** Стихи.

64. Проф. **Н. О. Михайловский.** «Гистология». Краткий курс. Т. II.

65. **А. Разумников.** «Товароведение кожи».

66. **Э. Верхарн.** Стихи.

67. **Б. Э. Штейн.** «Гаагская конференция».

68. L. Pomayre et E. Potozky. Lecture expliquée. Французская хрестоматия.

69. **Арк. А—н.** «Шарль Фурье».

70. «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г.г». Вып. I.

71. Проф. **С. Глазенап.** «Тригонометрия (гониометрия)».

72. **П. С. Коган.** «Очерки по истории древних литератур». Т. I. Греческая литература.

73. **А. М. Заблудовский.** «Введение в хирургическую клинику.

74. **А. Воронец.** «Конспект школьного курса математики».

75. Д-р медицины **А. Ф. Эккерт.** «Краткое руководство внутренних болезней». Изд. 4-е.

76. **А. М. Пешковский.** «Наш язык». Учебная книга по грамматике. Вып. I.

77. **Ю. Фаусек.** «Обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессори».

78. **Я. И. Руднев и М. В. Усков.** «Учебник всеобщей географии». Изд. 2-е.

79. **В. Н. Верховский.** «Химическая лаборатория трудовой школы».

80. **К. Функ.** «Витамины». Очерк по физиологии.

81. **Н. В. Кашин.** «Методика физики».

82 **Н. Рожков.** «Учебник истории всеобщей и русской».

83. **В. А. Герд.** «Строение и жизнь человеческого тела».

84. Д-р **В. Д. Маркузон.** «Как сохранить здоровье грудного ребенка».

85. **С. В. Коган-Бернштейн.** «Очерки экономической географии.

86. **Д. Зиновьев.** «Об антисоветских партиях и течениях».

87. **Генриэтта Роланд Гольст.** «Лирические драмы».

88. **Герберт Дж. Уэллс.** «Невидимка

89. **Дж. Лондон.** «Любовь к жизни».

90 **А. И. Свирский.** «Тюрьма».

91. **А. И. Свирский.** «Вечные странники».

92. **М. Б. Вольфсон.** «Очерки обществоведения».

93 **Е. Звягинцев** и **А. Бернашевский.** «Живой счет в труд. школе I ступ.».

94. **В. Беллюстин.** «Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики».

95. Проф. **Б. К. Млодзеевский.** «Основы аналитической геометрии в пространстве».

96. **Н. Ленин (В. Ульянов).** «Собрание сочинений». Том VII. ч. I.

97. **Л. Троцкий и Х. Раковский.** «Очерки политической Румынии».

98. **Л. Троцкий.** «Война и революция». Том. I.

99. **С. В. Зенченко** и **Вл. Эменев.** «Жизнь и знание в числах». Деревня.

100. **Джозеф Ноульс.** «Два месяца в лесах».

101. **Е. З. Волков.** «Аграрно-экономическая статистика в Росси».

102. Проф. **Е. Кромайер.** «Кожные и венерические болезни».

103. Проф. **Рихард Гессе.** «Учение о происхождении видов и Дарвинизм».

104. **Г. Гюнтер.** «Электротехник-строитель». Ч. I.

105. **С. А. Порецкий.** «Как растения защищаются от холода, засухи и чрезмерной сырости».

106. Проф. **И. Кляссен.** «Двенадцать лекций о природе света».

107. **Гуго Миэ.** «Бактерии и их значение в практической жизни».

108. **В. Н. Тонков.** Нормальная анатомия человека. Система органов движения».

109. **С. Т. Конобеевский.** «Строение вещества».

110. Проф. **М. Павлов.** «Ископаемые слоны».

111. **Н. А. Кипарисов.** «Счетоводство и делопроизводство».

112. Проф. **М. Симон.** «Дидактика и методика математики в школе II ступ.».

113. **Вяч. Полонский.** «Русский революционный плакат».

114. Д-р **Рейнольд Грин.** «Начатки ботаники».

115. **Е. Чижов.** «Звездные вечера».

116. **К. А. Лэйзан.** «Новые пути ознакомления детей с математикой».

117. **Нил Филатов.** «Краткий учебник детских болезней для студентов последних семестров».

118. **С. Каплун.** «Женский труд и охрана его».

119. **В. А. Зеленко.** «Практика внешкольного образования в Рос ии».

120. **В. Трофимова.** «Сборник художественных материалов для рассказывания». Вып. I.

121. **В. Лянсберг.** «Английская начальная школа».

122. **Н. Александрова.** «Артем».

123. **А. Киселев.** «Элементарная алгебра».

124. **С. Есенин.** «Избранное».

125. **А. Гельфер.** «Охрана здоровья рабочих подростков».

126. **Б. Дитмар.** «Краткий учебник географии России».

127. **А. И. Свирский.** «Черные люди».

128. **А. Лозовский.** «Рабочая Франция».

129. **В. Сергеев.** «История древнего Рима».

130. **Карл Радек.** «Внешняя политика Советской России».

131. **Г. М. Португалов.** «Революционная совесть и социалистическое правосознание».

132. **Антонио Лабриола.** «Исторический материализм».

133. **А. Тюменев.** «Евреи в древности и в средние века».

134. **Пятилетие Октября.** «Список книг и брошюр».

135. **Мариэтта Шагинян.** «История искусства». Вып. I.

136. Проф. **Ф. Г. Яновский.** «Туберкулез легких».

137. **М.** и **Н. Щепетовы** и **В. А. Флеров.** «Самодиктанты и свободные диктанты».

138. **Е. Коноф.** «Руководство для начального обучения французскому языку»,

149. **Л. Н. Толстой.** «Божеское и человеческое».

140. **Ив. Шмелев.** «Человек из ресторана».

141. **Ромен-Роллан.** «Лилюли» Перевод В. Брюсова».

142. **Владислав Ходасевич.** «Тяжелая лира». 4-ая книга стихов.

143. **Марсель Мартинэ.** «Ночь» (драма).

144. **Доль (Красное Жало).** «История красного Октября». Сатира в стихах.

145. **С. Каплун.** «Библиографический указатель по вопросам охраны труда».

Государственное Издательство. Петроград.

1. **К. Федин.** «Бакунин в Дрездене».
2. **В. Шишков.** «Вихрь».
3. **Э. Голлербах.** «Детскосельские дворцы-музеи и парки».
4. **Л. К. Ильинский.** «Список повременных изданий за 1918 год».
5. **П. Розенкранц.** «Царица ночи».
6. **А. Шилов.** «Что читать по истории революционного движения».
7. **Ромен Ролан.** «Лилюли».
8. **В. Белов.** «Белая печать».
9. **Г. Цыперович.** «Будущее Петрограда».
10. **Н. Я. Чистович.** «Курс частной патологии и терапии внутренних болезней».
11. **С. А. Пресс.** «Охрана труда в полиграфических производствах».
12. **П. Н. Столпенский.** «Старый Петербург».
13. **Г. Сафаров.** «Проблемы Востока».
14. **К. Н. Россиков.** «Ржаной или озимый червь и меры борьбы с ним».
15. **А. Тюменев.** «История труда». Краткое руководство политической экономии.

16. **А. И. Герцен.** «Полное собрание сочинений и писем». Т. XVII.

17. **А. И. Герцен.** «Полное собрание сочинений и писем». Т. XVIII.

18. **А. И. Герцен.** «Полное собрание сочинений и писем». Т. XIX.

19. **Ромен Ролан.** «Жан Кристоф». Т. VIII. «Подруги».

20. **М. В. Новорусский.** «Незримая жизнь почвы».

21. **Карл Либкнехт.** «Письма».

22. **Георгий Кайзер.** «Газ» (драма в 5-ти действиях).

23. Проф. **В. Половцев.** «Основы общей методики естествознания». Под ред. проф. Райкова.

24. **В. Всеволодский-Гернгросс.** «Теория интонации».

25. **Н. Суханов.** «Земельная рента и принципы земельного обложения».

26. **С. А. Семенов.** «Единица в миллионе». Рассказы.

27. **А. Тюменев.** «Очерки экономической и социальной истории древней Греции». Т. III. «Упадок».

28. **Э. М. Браудо.** «Всеобщая история музыки». Т. I. До конца XVI столетия.

29. **А. Д. Далматов.** «Справочная книжка кавалериста, коневода, спортсмена и любителя лошади»

30. **Анри Барбюсс.** «С ножем в зубах».

31. **Ромен Ролан.** Жан-Кристоф. Т. X. «Грядущий день».

32. **Д. Лондон.** «Железная пята».

33. **Д-р А. Г. Капралов.** «Что нужно знать санитару».

34. III Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет.

35. **Н. Писарев.** «Телефонные аппараты и телефонные установки».

36. **Поль Лафарг.** «Происхождение и развитие понятия о душе».

37. **А. Овсянников.** «Великая французская революция в песнях соврем. 1780».

38. **Г. Зиновьев.** «Об антисоветских партиях и течениях».

39. **Sertum Bibliologicum.** В честь президента русского библиологического общества проф. А. И. Малеина.

40. **Л. Троцкий.** «Война и революция». Том I.

41. **К. К. Саковский.** «Сельско-рабочая и ремонтная лошадь».

42. **Алексей Осипов.** «Разведение кур».

43. **Д. Шиковский.** «Люди и нравы французской революции»

44. **А. Чапыгин.** «По звериной тропе».

45. **Герман Александрович Лопатин** (1845—1918 г.г.).

46. Агроном **Н. И. Щетинин.** «Что надо знать земледельцу о почве».

47 Проф. **Л. Д. Плетнев.** «Сыпной тиф».

48. **Камиль Лемонье.** Том II. «Завод».

49. **Герберт Дж. Уэллс.** «Неугасимый огонь».

50. **Г. Р. Хаггард.** «Копи царя Соломона». Вып. 20-й.

51. **Джемс М. Барри.** «Белая птичка».

52. **Э. Т. А. Гофман.** «Музыкальные новеллы».

53. **Конрад Ферд. Мейер.** «Святой».

54. **Иоганес В. Иенсен.** «Ледник».

55. **Роберт Саути.** Баллады.

56. **Анатоль Франс.** Том 8-й. Рассказы.

57. **Чарльз Диккенс.** «Колокола».

58. **Кнут Гамсун.** «Соки земли».

59. **Записки научного общества марксистов.** Под ред. В. Святловского, М. Серебрякова, Б. Фингерта и Е. Энгеля. Вып. I и II.

Государственное Издательство. Казань.

1. Инж. **Н. Н. Соколов.** «Водоносность р. Волги».

2. Уголовный кодекс Р. С. Ф. С. Р. (Проект Наркомюста).

3. **Г. Вызинский.** «Папство и священная римская империя». В XIV—XV стол.

4. **Б. Виппер.** «Проблема и развитие натюрморта».

5. Народный дом. (Библиотека внешкольника).

6. **Д-р М. Хомяков.** «Пища здорового рабочего».

7. Проф. **Н. Фирсов.** «Русские торгово-промышл. компании в 1-й пол. XVIII столетия».

8. **В. А. Богородицкий.** «Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению». Вып. III.

9. Проф. **С. Зимницкий.** «Заболевание легочной паренхимы и плевры».

10. Проф. **В. С. Груздев.** «Гинекология». Руководство для студентов и врачей.

11. Проф. **Н. Н. Парфентьев.** «Аналитическая геометрия на плоскости». Ч. I.

12. **С. А. Щербаков.** «Краткое пособие к практическим занятиям по фармакологии».

13. **О. В. Демина.** «Конспект лекций по библиотековедению».

14. Д-р мед. **М. О. Фридланд.** «Новейшие данные в вопросе о патогенезе и терапии рахита».

Государственное Издательство. Харьков.

1. **Г. В. Плеханов.** «Очерки по истории материализма».

2. **С. Ю. Семковский.** «Марксистская хрестоматия». Пособие для преподавателей и студентов. Ч. I.

3. **С. Ю. Семковский.** «Исторический материализм». Сборник статей.

Государственное Издательство. Оренбург.

1. Настольная книга для работников просвещения трудовой школы. Вып. I.

2. Настольная книга для работников просвещения трудовой школы. Вып. II.

3. Орфографический словарик по Ф. Абраменко.

Государственное Издательство. Воронеж.

1. **В. Келлер, Н. Романенко.** «Первые итоги аграрной реформы».

Государственное Издательство. Одесса.

1. **А. Сухов.** «Взаимопомощь в мире растений».

2. **Б. Комаров.** «Прядильные волокна».

3. **В. Крокос.** «Что дали раскопки на Украине».

4. **Огюст Барбье.** «Ямбы и поэмы.

5. **А. Лилинблюм.** «Взрывчатые вещества».

6. **Б. Комаров.** «Прядение и ткачество».

7. **М. Козак.** «Как животные спасаются от врагов».

8. Проф. **Д. Гринев.** «Краткий курс медицинской микробиологии».

9. **А. Сухов.** «Религия в свете современного знания».

10. **А. Сухов,** «Революция и эволюция в естествознании».

11. Проф. **В. А. Загоровский.** «Очерк истории северного причерноморья». Ч. I.

12. **А. Гипсон.** «Природные источники энергии».

13. **С. А. Шайнис.** «Шапка-невидимка».

14. Оспа и оспопрививание. Руководство для медицинских школ.

Государственное Издательство. Саратов.

1. **С. Антимонов.** «Петровы потехи». Комедия в 4-х действиях.

Государственное Издательство. Иркутск.

1. Проф. **П. П. Маслов.** «Наука о народном хозяйстве». Вып. 2-й.

Государственное Издательство. Киев.

1. **К. Лебединцев.** «Алгебра».

2. **Г. Голоскевич.** «Украинский словарь».

3. **М. Коцюбинский.** «Твори».

4. Проф. **Ю. Вагнер.** «Початковий курс природознавства» Ч. III. Людина и творини.

5. **О. Біложенко.** «Вінок читанка». Ч. I.

6. **П. Глезер и Пецольд.** Учебник немец. языка». Ч. I.

Государственное Издательство. Минск.

1. **С. Я. Вольфсон.** «Великий социалист». (Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова.)

2. **У. Игнатожки.** «Мативы лірыкі» М. Чарота, Белорусского песняра.

Государственное Издательство. Орел.

1. **Мих. Смирнов и Виктор Ростопчин.** «Алатырь». (Стихи).

Кооперативное издательство «Московский Рабочий».

1. **Ф. Энгельс.** «Анти-Дюринг».

2. «Революционный чтец-декламатор».

3. **Ю. Борхардт.** «Капитал Карла Маркса».

4. **А. Богданов.** «Красная звезда».

5. **П. Лафарг.** «На капиталистической каторге». «Против Бога и капитала».

6. **Г. В. Плеханов.** «Историческое подготовление научного социализма».

7. **И. Степанов.** «О живой церкви».
8. Проф. **М. Рейснер.** «Нужна ли вера в Бога?»
9. **Еж.** «На рассвете».
10. **Э. Преображенский.** «От Нэп'а к социализму».
11. **Дикштейн.** «Кто чем живет».
12. **У. Синклер.** «100%».
13. **А. Богданов.** «Инженер Мэнни» (фантастический роман),
14. **Герминия Мюлен.** «Спартаковцы».
15. **К. Каутский.** «Экономическое учение К. Маркса».
16. **М. Туган - Барановский.** «Русская фабрика в прошлом и настоящем».
17. **На пути к восстанию. Что писал Ильич перед Октябрем.**
18. «**Рабочая весна**» (сборник).

Издательство Главполитпросвета «Красная Новь».

1. **Ф. Энгельс.** «Революция и контрреволюция в Германии».
2. **А. А. Иоффе (В. В. Крымский).** «Генуэзская конференция».
3. **Антонов-Овсеенко.** «Закрепим нашу свободу».
4. **М. Ливенский.** «Продналог и голодающие районы».
5. **И. Степанов.** «Мысли о религии».
6. **И. Майский.** «Советская Россия и капиталистический мир».
7. **А. Тимирязев.** «Наука в Советской России за 5 лет».
8. **Процесс эс-эров.** Вып. II. «Речи защитников и обвиняемых».
9. **Октябрь на Красной Пресне.** Воспоминания.
10. **Октябрьские дни в Сокольниках.** По воспоминаниям участников 1917—1922 г..
11. **А. Новиков — Прибой.** «Вековая тижба». Рассказ.
12. **П. Орешин.** «Человек на льдине». Рассказы.
13. **И. Майский.** «Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р. 1917—1922 гг.».
14. **И. Флеровский.** «Октябрьская революция и новая экономическая политика».
15. **Поль Луи.** «История социалистической партии во Франции».
16. **Е. Варга.** «Закат капитализма».
17. **Фридрих Энгельс.** «Политическое завещание» (из неопубликованных писем).
18. **В. Сарабьянов.** «Промышленность». Сборник материалов.

Издательство Наркомзема «Новая Деревня».

1. Проф. **Н. Д. Кондратьев.** «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции».
2. Проф. **М. И. Придорогин.** «Оценка сельско - хозяйственных животных по наружному осмотру».
3. **С. К. Кондрашев.** «Вода в орошаемом хозяйстве».
4. **Азбука земельного работника.**
5. Проф. **К. Д. Глинка.** «Почва, ее свойства и законы распространения».
6. **Б. Кабанов.** «Овес и его культура в среднем и нижнем Поволжьи».
7. Проф. **М. Флейшер.** «Устройство лугов и пастбищ на болоте и уход за ними».
8. **В. А. Харченко.** «Возделывание кормовых корнеплодов».
9. **П. Ярков.** «Как достигнуть высокого урожая ржи».
10. Проф. **В. В. Виппер.** «Овес». Правила возделывания для северных и черноземных губерний по наблюдениям Шатил. опытной станции.
11. **В. В. Пашкевич.** «Разведение огородных овощей в северной половине России».
12. Проф. **З. С. Каценеленбаум.** «Мелиорации. Мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России».
13. **В. В. Виппер.** «Рожь». Правило обработки парового поля и возделывание озимой ржи.
14. **М. Ф. Иванов.** «Содержание сельскохозяйственных животных и правильный уход за ними».
15. **А. Ф. Фортунатов.** «Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства».
16. Проф. **М. Ф. Иванов.** «Основы кормления сельско - хозяйственных животных».
17. **В. Лухменский.** «Практическое огородничество».
18. **П. А. Месяцев.** «Что говорит крестьянину Советская власть о земле».
19. **С. М. Тулайков.** «Кукуруза, ее возделывание и использование».
20. **Г. И. Колесников.** «Кукуруза, ее возделывание и хозяйственное значение».

21. **С. М. Дубровский.** «Очерки русской революции». Вып. I. Сельское хозяйство.

22. **Г. Ф. Морозов.** «Биология наших лесных пород».

23. **Г. В. Богаевский.** «О воспитании и содержании племенных быков».

24. **А. Сюбаров.** «Огород». Руководство к его устройству и разведение овощей на нем.

25. **Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий** (проблемы землеустройства).

26. **П. Костычев.** «Общедоступное руководство по земледелию».

27. **С. А. Клепиков.** «Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу».

28. **П. Я. Гуров.** «Крестьянское хозяйство и новый закон о землепользовании».

29. **П. Я. Гуров.** «Помощь голодающему населению есть помощь самому себе.

30. **П. Я. Гуров.** «9-й Всероссийский Съезд Советов и крестьянства».

31. **А. Митрофанов.** «8-й и 9-й Съезды о сельском хозяйстве».

32. **В. Р. Вильямс.**, проф. Петровск. сельск. хоз. Акад. «Общее земледелие». Ч. II. «Естественно-исторические основы луговодства».

33. **Мировое сельское хозяйство.** Сборник статистико-экономич. сведений за 1903—1920 г.г.

Издательство Министерства Народного Просвещения Дальне-Восточной Республики.

1. Проф. **А. А. Половинкин.** «Весенние экскурсии в природу».

2. Проф. **А. А. Половинкин.** «Природоведение в школе».

3. Проф. **А. А. Половинкин.** «Что было на Чертовом бугре».

4. «Козлятушки». Народная сказка с иллюстрац. худ. Сверкунова и Жуковского.

Издательство «Костры».—Москва.

1. **Илья Эренбург.** «Зарубежные раздумья».

2. **Петр Перцов.** «Ранний Блок».

3. **Георгий Чулков.** «Посрамленные бесы».

4. **Юлий Айхенвальд.** «Похвала праздности».

5. **Леонид Гроссман.** «Плеяда».

6. **Марина Цветаева.** «Верста». Стихи.

7. **«Тютчевиана».** Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева. Предисловие Георгия Чулкова. 1922 г.

8. **Николай Архипов.** «Темные воды» (роман).

9. **«Феникс».** Книга первая.

Изд-во А. А. Ивасенко.—Одесса.

1, **С. Авалиани.** «Элементарный учебник по кооперации».

2. **М. Гофман.** «Современные способы пайки, сварки и приплавки.

3. Инж. **И. Козлов.** «Варка олифы, лаков, политуры и типографских красок».

4. Инж.-техн. **М. Михайлов.** «Переработка бумаги».

5. **Он же.** «Производство чернил».

6. **Он же.** Аппретуры, лаки, мази, ваксы и кремы для кожи и обуви».

7. **Он же.** «Фальсификация важнейших пищевых продуктов».

8. Инж. **И. Козлов.** «Кожевенное производство».

9. **Он же.** «Кустарное мыловарение».

10. **Он же.** «Самоучитель шитья обуви».

11. Д-р **А. Бурштейн.** «Анатомия головы и зубов».

12. **О. Ф. Альмендингер.** «Спутник молодого шоффера».

13. **Плиний об искусстве.** Перевод проф. В. В. Варнеке.

14. **П. Бицилли.** «Падение римской империи».

15. Проф. **Г. Швиттай.** «Социально-экономические очерки».

16. **П. А. Бузук.** «Очерки по психологии языка».

17. **А. М. Кангер.** «Исследование лекарственных веществ».

18. Д-р **А. Бурштейн.** «Методика гигиенических исследований».

19. **В. А. Болотов.** «Практикум клинических анализов крови, молока, желудочного сока, мочи.

20. **А. Рещиков.** «Записки по методике физического развития».

Издательство Главн. Управл. Горной Промышленности.

1. **Б. Ф. Гриндлер.** «Что нужно знать всем работающим в респираторах».

2. Проф. **Л. Шевяков.** «Механизация горных работ»

3. Проф. **Л. Шевяков.** «Крепление горных выработок».

Книгоиздательство «Русский Книжник».

1. Проф. **С. А. Котляревский.** «Развитие международных отношений в новейшее время».
2. Проф. **Д. И. Пичета.** «История народного хозяйства в России XIX и XX в.в.».
3. Проф. **Н. В. Самсонов.** «Психология воли».
4. **А. К. Дживелегов.** «Вольный город в Европе».
5. **П. П. Блонский.** «Современная философия». Ч. II.
6. **С. В. Кравков.** «Самонаблюдение».

Окружной Редакционный Совет 5-й армии и В. С. В. О.

1. Первая книга для чтения после букваря в красноармейских школах 1 ступени.
2. Русская революция и Р. К. П. Сборник. Вып. II. Период пролетарской диктатуры.
3. Борьба за русский Дальний Восток. Сборн. под ред. Шумяцкого.

РАЗНЫЕ.

1. «Русская жизнь». Альманах. Вып. I. Харбин.
2. **С. Антимонов.** «Бова-Королевич». Комедия. Петроград.
3. **В. Клюева.** «Акварели». (Стихи.) Казань.
4. «Санитарное просвещение». (Сборн.) Изд. Сан. Просвета. Москздрава. Москва.
5. Проф. **Г. П. Захаров.** «Рудольф Вирхов и русская медицина». Москва.
6. **Ефим, Ц.** «Пять лет из истории московской организации Р. К. С. М.». Москва.
7. **М. Пасынок.** «Черная кровь». (Стихи). Грозный.
8. **И. Лукашин.** «О тебе, моя скорбница Русь». (Поэма). Петроград.
9. **Лев Гумилевский.** «Эмигранты». (Роман.) Изд. «Курганы». Саратов.
10. **Н. Романов.** «Очерк полезных ископаемых Нижегородской губ.». Нижн.-Новгород.
11. **А. Луганский.** «Жасминовый сад». (Поэма.) Иваново-Вознесенск.
12. **А. Луганский.** «Терем царевны». Иваново-Вознесенск.
13. **Деев-Хомяковский.** «Медная жила». Калуга.
14. **Д. Олерон.** «Олимпийские сонеты». Иркутск.
15. **Н. Я. Жижмор.** «Шляпа». Петроград.
16. **Л. А. и Л. М. Василевские.** «Книга о голоде». Популярный медико-санитарн. очерк. Изд. «Книга». Петроград—Москва.
17. **Материалы для бесед к пятой годовщине Октябрьской революции.** Изд. Воен. Отд. Совета Туркфронта.
18. **Пять лет. 7-го ноября 1917—7 ноября 1922 г.г.** Изд. то же.
19. **Е. Приходченко.** Стихи. Изд. «Арена». Сумы.
20. **«Наша дивизия» 1918—1922.** Изд. «30-й Иркутской имени ВЦИК дивизии».
21. **«Боевая история 30-й стрелковой дивизии».** Изд. то же.
22. **Четыре года 1918—1922.** Изд. то же.
23. **В. Келлер.** «Игра». Стихи. Изд. «Буревестник». Краснодар.
24. **Я. Борин.** «Ласточка». Первая книжка для чтения после букваря.
25. **И. Иванин.** Стихи. Иваново-Вознесенский Губсоюз Потр. Обществ.
26. **И. Степной.** «Пролетарий» Роман. Изд. «Волга». Самара.

ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. «**Знамя рабфаковца**», №№ 2—3, 4—5.
2. «**Пролетарская Революция**», № 7 и 8. Истпарт.
3. «**Книжная Летопись**» №№ 7, 9, 10, 12. Госиздат.
4. «**Каторга и ссылка**», № 4. Изд. общества бывш. политических каторжан и ссыльных поселенцев.
5. «**Труды московской областной сельско-хозяйственной станции**». Вып. I. Наркомзем.
6. «**Бюллетень статистико-экономического управления Г. У. Т.**», №№ 5, 6. Н. В. С. Х.
7. «**Россия**», №№ 1, 2, 3. Издательство Френкеля.
8. «**Медицинский журнал**», №№ 5, 6, 7, 8. 9. Госиздат.
9. «**Красная Новь**», Кн. 4-ая (8-ая), 5-ая (9-ая). Госиздат.
10. «**Бюллетень Главпрофобра**», №№ 15—16.

11. «**Красный Интернационал Профсоюзов**», № 8 (19). Профинтерн.
12. «**Вестник Работников искусств**» № 1 (12). Ц. К. Всерабиса.
13. «**Биокосмист**», №№ 1, 2, 3, 4.
14. «**Гинекология и акушерство**». № 2, 3. Госиздат.
15 «**Народное Просвещение**». № № 108, 109, 110, 111. Госиздат.
16. «**Научные Известия**». Сборник 4-й. Госиздат.
17. «**Бюллетень Госиздата**». № 7.
18. «**Пролетарская революция**». № 10. Госиздат Истпарт.
19. «**Красная Армия**». № 16, 17, Изд. Воен. Научного Общества при Военной Академии.
20. «**Меч и молот**». № 9. Изд. Клуба им. Я. М. Свердлова при ВЦИК.
21. «**Бюллетень Наркомпочтеля**». № 28.
22. «**Экономический бюллетень Конъюнктурного Института при Петр. Сел.-хоз. Академии**». № — 1, 7.
23. «**Сельско-хозяйственная Жизнь**», Газета Наркомзема. № 1, 2.
24. «**Сельское и лесное хозяйство**». №№ 1—8.
25. «**Новая Деревня**». № № 7, 8, 9.

Петроград.

1. «**В мастерской природы**», № 1. Академическое Издательство.
2. «**Коммунистический Интернационал**», № 21. Коминтерн.
3. «**Интернационал молодежи**», № 9 (21). Коминтерн.
4. «**Литературные записки**», № 3.
5. «**Еврейский студент**», № 1.
6. «**Трудовая школа**», № 2. Госиздат.
7. «**Человек и природа**», № 4. Госиздат.
8. «**Красная летопись**», № 4. Госиздат.
9. «**Книга и революция**», № 7. Госиздат.
10. «**Естествознание в школе**». №№ 1, 2.

Казань.

1. «**Красные стрелы**». Листок сатиры и юмора, № 1.
2. «**Сельское хозяйство татарстана**» №№ 4, 5. Наркомзем Татреспублики,
3. «**Вестник областной Казанской сельско-хозяйственной станции**», № 1. Наркомзем Татреспублики,
4. «**Новое Дело**». Научно-педагогический вестник. Рабфак, №№ 1, 2. Госизд.
5. «**Коммунистический путь**», №№ 6, 7. Татобластком Р. К. П. (Б.).
6. «**Сборник института научной организации труда**», № 2. Госиздат.
7. «**Вестник просвещения**», № 1—2. Госиздат.
8. «**Казанский медицинский журнал**». Т. 8-ой, № 2. Издание медицинск. об-ва. гор. Казани.

Харьков.

1. «**Путь просвещения**», №№ 2, 3, 4, 5. Наркомпрос. У. С. С. Р.
2. «**Наука на Украине**», № 3. Укрглавпрофобра.
3. «**Народное хозяйство Украины**», №№ 1—2, 3—4—6. Укрсовнархоз.
4. «**Вестник Профдвижения Украины**». № 3.

Екатеринбург.

1. «**Уральский Коммунист**», № 1. Уралбюро. Ц. К. Р. К. П.
2. «**Экономический путь**», № 1. Издание Губэкономсовещания.

Псков.

1. «**Новая Жизнь**». Ежемесячник. №№ 4 5, 6, 7, 8.

Иваново-Вознесенск.

1. «**Известия Губкома Р. К. П. (б)**». Ежемесячный журнал. № 8—9, 10—11.

Ташкент.

1. «**Военный Работник Туркестана**». № 8, 9. Изд. В. Р. С. Реввоенсовета Туркфронта.
2. «**Военное дело в Средней Азии**», № 1.

Белев.

1. «**Рубежи**». Книга I. Уполитпросвет

Париж.

1. «**Удар**». № 2.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ОБЗОРОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» ЗА 1922 ГОД [1]).

I. Статьи.

1. **Адарюков. В. Я.** Русские граверы. А. П. Остроумова - Лебедева. I (IV)—120.

2. **Адарюков, В. Я.** Русские граверы. М. А. Добров. VI—94.

3. **Адоратский, В.** Марксистская диалектика в произведениях Ленина. II (V)—44.

4. **Арватов, Б.** На путях к пролетарскому творчеству. IV—65.

5. **Арватов, Б.** Изобразительное искусство в годы революции. VII—140.

6. **Асеев, Н.** Три года на Дальнем Востоке. VI—104.

7. **Асеев, Н.** Художественная литература в годы революции. VI—68.

8. **Асеев, Н.** „Избяной обоз". VIII—38.

9. **Баммель, Г.** Сумерки идеалистической философии. VII—22.

10. **Бобров, С.** Заимствования и влияния. VIII—72.

11. **Боднарский, Б.** Российский Библиографический Институт. IV—178.

12. **Брюсов, В.** Пушкин и крепостное право. II (V)—3.

13. **Брюсов, В.** Среди стихов II (V)—143.

14. **Брюсов, В.** По поводу одной критики. II (V)—149.

15. **Брюсов, В.** А. Пушкин и Академия Наук. VI—3.

16. **Брюсов, В.** Вчера, сегодня и завтра русской поэзии (1917—1922). VII—38.

17. **Вересаев, В.** Что нужно для того, чтобы быть писателем. I (IV)—3.

18. **Гильбо, А,** Современное движение французской литературы. I (IV)—88.

19. **Городецкий, Б.** Библиография и краеведение. I (IV)—172.

20. **Городецкий, С.** Воспоминания о Блоке. I (IV)—75.

21. **Гуров, П.** Новая библиотека и запросы ее читателей. VII—189.

22. **Ефимов, Н.** История русской литературы в годы революции. VII—147.

23. **Завадовский, Б. М.** Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию. Статья I-я. I (IV)—128.

24. **Тоже.** Статья II-я. VI—135.

25. **Из переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом.** VI—34.

26. **Из переписки Ф. Энгельса с К. Шмидтом.** VI—44.

27. **Капелюш, Ф.** Марксизм и империализм. VI—27.

28. **Керженцев, П.** Коммунистическая драматургия. VI—18.

29. **Коган, П. С.** Мечтатели. II (V)—157.

30. **Кон, Ф.** Нелегальная печать в Польше (Воспоминания). VI—59.

31. **Кубиков, И.** Владимир Галактионович Короленко. I (IV)—22.

32. **Луначарский, А. В.** Западная интеллигенция. II (V)—13; VI—9.

33. **Луначарский, А. В.** Театр Р.С.Ф.С.Р. VII—80.

34. **Мещеряков, Н. Л.** Волна мистики. II (V)—32.

35. **Мещеряков, Н. Л.** О частных издательствах. VI—128.

36. **Мещеряков, Н. Л.** Современники в новом романе Вересаева. VIII—32.

37. **Неизданные письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову.** II (V)—89.

38. **Неусыхин, А.** Культурная катастрофа античного мира или столкновение двух культур? VIII—8.

39. **Павлович, М.** Белые и красные I (IV)—29.

40. **Павлович, М.** Под пятой Карфагена VII—3.

41. **Покровский, М. Н.** О мемуарах Витте. (т. I.) I (IV)—54.

[1]) В указателях римские цифры обозначают номер книги журнала, арабские—страницы.

42. **Покровский, М. Н.** Граф С. Ю. Витте Воспоминания. (Том II) VII—11.

43. **Покровский, М. Н.** Мемуары царя Андрона. II (V)—19.

44. **Полонский, Вяч.** Русский обыватель в эпоху революции. I (IV)—40.

45. **Полонский, Вяч.** Русский революционный плакат. II (V)—56.

46. **Поршнев, Г. И.** Библиография в Сибири за годы революции. VIII—110.

47. **Преображенский, П. Ф.** Освальд Шпенглер и крушение истины. I (IV)—58.

48. **Преображенский, П. Ф** Александр Герцен и Константин Леонтьев. II (V)—78.

49. **Преображенский, П. Ф.** Философия как служанка богословия. VI—64.

50. **Преображенский, П. Ф.** Эдуард Мейер. как историк христианства. VIII—23.

51. **Рейснер, М.** Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы. I (IV)—93.

52. **Рождественский, Л.** К вопросу об издании библиотечной книги. VI—150.

53. **Сабанеев, Л.** Русская музыка за время войны и революции. VII—91.

54. **Сидоров, А. А.** Очерки по истории русской иллюстрации. Статья 1-я I (IV)—106.

55. **Тоже.** Статья II-ая. II (V)—127.

56. **Тоже.** Статья III-ья. VI—74.

57. **Тоже.** Статья IV-ая. VIII—50.

58. **Сидоров, А. А.** Русская графика в годы революции. VII—100.

59. **Суханов, Н.** Апрельские дни (Воспоминания). II (V)—123.

60. **Фридлянд, Ц.** Из литературы о войне и революции. VIII—1.

61. **Щелкунов, М.** Законодательство о печати за пять лет. VII—172.

62. **Яницкий, Н. Ф.** О Российской Центральной Книжной Палате. I (IV)—168.

63. **Яницкий, Н. Ф.** Некоторые итоги деятельности Книжной Палаты последних лет. VII—162.

II. Обзоры.

1. **Батурин, Н.** Органы Губэкономсовещаний. I (IV)—149.

2. **Виленский, В. Д.** (Сибиряков). Международное советское право. (Материалы к его изучению). I (IV)—136.

3. **Городецкий, С.** Обзор областной поэзии. VIII—45.

4. **Жадовский, А.** Обзор Петроградской журнальной литературы. II (V)—206.

5. **Ингулов, С.** О бурно пожившей и бесславно погибшей партии. (Литература об с.-р.). VIII—93.

6. **Капелюш, Ф.** Литература об империализме. VIII—102.

7. **Костицын, В. А.** Астрономические новости по английским и немецким журналам. (IV)—154.

8. **Костицын, В. А.** Обзор литературы по вопросу о Курской магнитной аномалии. I (IV)—157.

9. **Кривцов, С.** Обзор литературы о синдикализме. VI—153.

10. **Пиксанов, Н. К.** Обзор литературы о В. Г. Короленко. II (V)—181.

11. **Пионтковский, С.** Из исторических журналов II (V)—163.

12. **Пионтковский, С.** Из исторических журналов. VI—116.

13. **Членов, С.** Литература о германской революции. II (V)—193.

14. **Юрьев, А.** Обзор литературы по новой кооперации. I (IV)—140.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОТЗЫВОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» ПО АВТОРАМ КНИГ ЗА 1922 ГОД.

I. Социализм и коммунизм.

1. **Гильом, Д.** Интернационал. Т. I и II «Голос Труда». Петербург-Москва. VIII—123 *Б. Горев.*

2. **Зеваэс, А.** Огюст Бланки. Госизд. П. 1922. Стр. 240. VI—166. *Б. Горев.*

3. **Керженцев, П. М.** К новой культуре. Госизд. П. 1921 г. Стр. 91. I (IV)—183. *Б. Волин.*

4. «Коммунизм и религия», сбор. по вопрос. антирелиг. пропаганды. VIII—126 *Г. Бройдо.*

5. **Маркс, К. и Энгельс, Ф.** Коммунистический манифест. Кооп. изд. «Моск. Рабочий» М. 1922. Стр. 290. VI—163. *И. Степанов.*

6. **Маркс, К. и Энгельс, Ф.** Собрание сочинений. Т. II. Исторические работы. Госизд. М. Стр. 519. I (IV)—181. *В. Адоратский.*

7. **Плеханов, Г. В.** Очерки по истории материализма. Изд. «Моск. Раб.» М. 1922. Стр. 184. VIII—122. *Б. Горев.*

8. **Рапоппорт, Ш.** Жан Жорес. Человек — Мыслитель — Социалист. Госизд. Гомель. 1921. Стр. 106. VI—165. *Б. Горев.*

9. **Сарабьянов, В.** Исторический материализм. Изд. «Моск. Раб.» М. 1922, стр. 135. VIII—124. *Б. Горев.*

10. **Сафаров, Г.** О научных основах коммунизма. Госизд. П. 1921. Стр. 112. I(IV)—184. *В. Ваганян.*

11. **Семковский, С. Ю.** Марксизм, как предмет преподавания. VIII—125. *П. Сапожников.*

12. **Фин-Енотаевский,** Карл Маркс и новейший социализм. П. 1922. VIII—121. *З. Гольденберг.*

II. Анархизм и синдикализм.

13. **Баррет, Дж. (Дж. Баллард).** Анархическая революция «Голос Труда» П.—М. Стр. 48. I(IV)—187. *Ил. Вардин.*

14. **Лебедев, Н. К.** Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель. «Гол. Тр.» П.—М. 1920. Стр. 120. I (IV)—189. *Ил. Вардин.*

15. **Р—ский, М.** Франциско Феррер и его новая школа. «Гол. Тр.» П.—М. 1920. Стр.—144. I (IV)—190. *Ил. Вардин.*

16. **Яковлев, Я.** Русский анархизм в Великой русской революции. Госизд. М. 1921 г. I(IV)—185. *Б. Эльцин.*

III. Империализм и международная политика.

17. **Блох, Оскар.** Могла ли война закончиться ранее? Париж, 1921. Стр. 38. На фр. яз). VI—171. *И. Звавич.*

18. «Вестник Народного Комиссариата Иностр. Дел». 1921, № 3—4 (ст. Ф. Лешенеле. Пропаганда Лорда Нортклифа во время войны). I (IV)—191. *И. Звавич.*

19. «Воспоминания Гинденбурга». Сокр. перевод с немецкого. Изд. «Мысль» П. 1922. VIII—1. *Ц. Фридлянд.*

20. «Воспоминания кронпринца Вильгельма». Книгоизд. «Слово». Берлин. 1922. VIII. *Ц. Фридлянд.*

21. «Голос минувшего» № 4—6. 1918 г. (Ст. Гордона. Немецкая пропаганда на русск. фронте). I (IV) — 191. *И. Звавич.*

22. Из воспоминаний Ф. Гельфериха. Изд. «Мысль» П. 1922. VIII—1 *Ц. Фридлянд.*

23. **Кайо, Жозеф.** Агадир. Моя внешняя политика. Париж. 1919. Стр. 372. VII—208. *И. Звавич.*

24. «Красная книга». Мировое наступление капитала. Профинтерн. М. 1921, стр. 12 VI—174. *М. Павлович.*

25. **Лансинг, Р.** Мирные переговоры. Рассказ участника. Лондон, 1921. Стр. 298 VII—210. *И. Звавич.*

26. Международные проблемы. Статьи о политике и экономике современной Европы.

М. 1922. «Берег», Стр. 132. VI—167. *С. Олегов.*

27. **Михаэлис, П. д-р.** Курляндия и Литва в руках немцев. Берлин, 1917 г., Стр. 198. (На немец. языке). I (IV)—194. *В. Пичета.*

28. **Николаи.** Информационная работа, печать и народное мнение во время войны. Берлин. 1920. Стр. 236. (На немец. языке) I (IV)—191. *И. Звавич.*

29. **Павлович, М.** Р.С.Ф.С.Р. в империалистическом окружении. Кн. I. Советская Россия и капиталистическая Франция. Госизд. М. 1922. Стр. 64. VII—201. *Ф. Капелюш.*

30. **Павлович, М.** Р.С.Ф.С.Р. в империалистическом окружении. Кн. II. Советская Россия и капиталистическая Англия. Госизд. М. 1922. Стр. 85. VII—203. *Ф. Капелюш.*

31. **Палеолог, М.** Французск. послан. Царская Россия во время войны (на фр. яз.). Париж. 1921. Стр. 375. VII—3. *М. Павлович.*

32. **Преображенский, Е.** Итоги генуэзской конференции. Госизд. М. 1922 г. Стр. 51. VII—206. *И. Майский.*

33. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая Республика. Их взаимоотношения. Госизд. М. 1922 г. Стр. 101. VI—176. *Н. Мещеряков.*

34. **Сапронов, Г.** Генуэзская конференция. Изд. «Моск. Рабочий». М. 1922, стр. 48. VII—206. *И. Майский.*

35. **Уэльс, Г., Джир.,** «Вашингтон и надежда на мир». Лондон. 1922. (На анг. яз.) Стр. VIII+27. VI—173. *И. Звавич.*

36. **Штейн, Б.** Генуэзская конференция Госизд. М. 1922. VII—206. *И. Майский.*

IV. Гражданская война.

37. **Алексеев-Небутов, И.** Из воспоминаний левого эсера. Изд. Главполитпросвета. М. 1922. Стр. 52. VIII—93. *С. Ингулов.*

38. **Борисов, Г.** Диктатура пролетариата. II. Госизд. 1919. Стр. 48, II (V)—220. *Ил. Вардин.*

39. **Вардин, И.** Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. Изд. Главполитпросвета. М. 1922. Стр. 40. VIII—93. *С. Ингулов.*

40. **Ветлугин, А.** Авантюристы гражданской войны. «Север». Париж. Стр. 187. I (IV)—199. *Н. Мещеряков.*

41. **Деникин, А. И.** «Очерки русской смуты». Том I, вып. I и 2, Париж. 2 (V)—19. *М. Покровский.*

42. **Дрейер, фон, В.** Крестный путь во имя родины. (Двухлетняя война Красного Севера с белым Югом. 1918—1920). Берлин. 1921. Стр. 154. I (IV)—29. *М. Павлович.*

43. **Жакмон, П.** Письма русского эмигранта. Варшава. «Слово» 1921. Стр. 79. II (V)—213. *Н. Мещеряков.*

44. **Игнатьев.** Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны. Госиздат. М. 1922. Стр. 48. VIII—93. *С. Ингулов.*

45. **Кирдецов, Г.** У ворот Петрограда. Берлин. 1921 г. Стр. 315. I (IV)—198. *А. Гросев.*

46. **Луначарский, А. В.** Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. Госиздат. М. 1922. Стр. 84. VIII—93. *С. Ингулов.*

47. **«Матвей Львович Коган-Бернштейн».** Сборник статей. «Народ». М. 1922. Стр. 112. II (V)—220. *Б. Горев.*

48. **Мещеряков, Вл.** Партия С.-Р. Изд. Главполитпросвета. М. 1922. Стр. 132. VIII—93. *С. Ингулов.*

49. **Мещеряков, Н.** На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. Москва. 1921 г. Стр. 75. II (V)—216. *М. Павлович.*

50. **Набоков, К. Л.** Испытания дипломата. Стокгольм, «Северные огни». Стр. 282. I (IV)—202. *Н. Мещеряков.*

51. «Обвинительное заключение по делу эс-эров». Изд. В.Ц.И.К. М. 1922. Стр. 128. VIII—93. *С. Ингулов.*

52. «Обвинительные речи на процессе эс-эров». Изд. «Красная Новь». М. 1922. Стр. 248. VIII—93. *С. Ингулов.*

53. **Оберучев, К. В.** В дни революции. Воспоминания. Нью-Йорк. 1919 г. Стр. 143. I (IV)—204. *Н. Мещеряков.*

54. Партия с.-р. в тамбовском восстании 1920—21 гг. Изд. Главполитпросвета. М. 1922. VIII—93. *С. Ингулов.*

55. **Половцев, Л. В.** Рыцари тернового венца. Воспоминания о 1-ом Кубанском (ледяном) походе. Прага. 219 стр. I (IV)—197. *С. Пионтковский.*

56. «Работа эс-эров за границей». По матер. парижского архива эс-эров. Госизд. М. 1922. Стр. 86. VIII—93. *С. Ингулов.*

57. «Рабочая революция на Урале». Эпизоды и статьи. Сборник статей. Госизд. Екатеринбург. 1922 г. стр. 183 II (V)—219. *С. Пионтковский.*

58. **Раковский, Г.** Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага. 1921 г. Стр. 276. **I (IV)—201.** *Ц. Фридлянд.*

59. **Раковский, Х.** Борьба за освобождение деревни. Харьков 1920 г. Стр. 59. **II (V)—222.** *Е. Хлебцевич.*

60. **Семенов (Васильев), Г.** Военная и боевая работа эс-эров. Госизд. М. 1922 г. **VIII—93.** *С. Ингулов.*

61. Соколов, К. Н. Правление ген. Деникина. София. 1921 г. Стр. 291. **II (V)—215.** *М. Павлович.*

62. **Стеклов, Ю.** Партия социалистов-революционеров. Изд. Главполитпросвета. М. 1922. Стр. 64. **VIII—93.** *С. Ингулов.*

63. **Суворин, А.** Поход Корнилова (воспоминания участника). Ростов н/Д. 1919. **I (IV)—195.** *С. Пионтковский.*

64. **Шмераль, Б.** Чехо-словаки и эс-эры Изд. Главполитпросвета. М. 1922. Стр. 28. **VIII—93.** *С. Ингулов.*

V. Экономические науки и народное хозяйство.

65. Аппарат Центросоюза и внутренняя организация его работы. Изд. Центросоюза. М. 1921 г. Стр. 36. **I (IV)—140.** *А. Юрьев.*

66. **Арский, Р.** На распутьи. Госизд. П. 1921 г. Стр. 56. **VI—180.** *В. Виленский.*

67. **Арский, Р.** Промышленное положение Советской России и перспективы товарообмена. Госизд. П. 1921 г. Стр. 44. **VI—180.** *В. Виленский.*

68. **Баллод, К.** (Атлантикус). Государство будущего. Госизд. М. 1921 г. Стр. 178. **I (IV)—213.** *Б. Горев.*

69. **Бауэр, А.** Как улучшить крестьянское хозяйство. Изд. Сабашникова. М. 1922. Стр. 54. **VII—216.** *А. Бессер.*

70. **Боголепов, М. И., проф.** Бумажные деньги. Изд. «Кооперат. товарищ». П.—М 1922. Стр. 111. **VII—212.** *С. Членов.*

71. «Борьба течений в новой кооперации» (Сбор. статей). Госизд. М. 1921. Стр. 51. **I (IV)—140.** *А. Юрьев.*

72. **Бризон, П.** История труда и трудящихся. Госизд. П. 1921. Стр. 446. **VII—217.** *И Степанов.*

73. **Варга, Е.** проф. Проблема экономической политики, при пролетарской диктатуре. Госизд. М. Стр. 145. **VI—178.** *И. Степанов.*

74. «Вестник статистики» №№ 1—12 за 1919 год; №№ 1—12 за 1920 г., №№ 14—за 1921 г. Центр. Стат. Упр. **I (IV)—217.** *С. Бобров.*

75. **Вигдорчик, Н. А.,** д-р. Статистика профессионального травматизма. «Книга». П.—М. 1922 г. Стр. 104. **VI—181.** *С. Каплун.*

76. **Вильямс, Р.** Новые проблемы труда. Лондон. 1921 г. Стр. 160 (на англ. языке). **II (V)—236.** *И. Левинсон.*

77. «Всеобщая Конфедерация Труда и налог на заработную плату». Версаль. 1921. Стр. 32 (на фр. яз.) **II (V)—238.** *И. Левинсон.*

78. «Вопросы Труда» (Сборник) Наркомтруд. М. 1921 г. Стр. 208. **II (V)—241.** *С. Каплун.*

79. **Германов, Л.** (М. Фрумкин). Товарообмен, кооперация и торговля. Госизд. М. 1921 г. Стр. 39. **I (IV)—220.** *Н. Мещеряков.*

80. **Голубев, В. В.,** проф. Введение в математическую статистику. Саратов. Губсоюз. 1920 г. Стр. 94. **VI—187.** *С. Бобров.*

81. **Данилевский, В. Я.,** проф. Труд и отдых. Всеукр. Госизд. Харьков. 1921 г. Стр. 116. **II (V)—243.** *С. Каплун.*

82. **Деманжон, А.** Экономический упадок Европы. «Берег», Москва, 1922 г. Стр. 88 **VI—178.** *С. Членов.*

83. Денежное обращение, финансы и внешняя торговля иностр. госуд. Институт экономич. исслед. Н. К. Ф. П.—М. 1922 г. Стр. 122. **VII—213.** *С. Членов.*

84. **Диль, Карл.** Золото и валюта во время и после войны. «Право». П. 1921 г Стр. 180. **II (V)—231.** *И. Трахтенберг.*

85. **Ефимов, Т.** Кооперация. Госизд. Казань. 1921 г. Стр. 115. **VI—187.** *А. Юрьев.*

86. **Жилкин, С.** Проф. Статистика и кооперация. «Союздонбассейна». Бахмут. 1921. Стр. 34. **II (V)—253.** *Г. Эльяшев.*

87. «Записки Сельско-хозяйственного Института в Воронеже». Т. IV. Госизд. М. 1922 г. **VIII—136.** *А. Бессер.*

88. «Известия Петровской Сельско-Хозяйственной Академии». Вып. 1—4. М. 1922 г. **VIII 136.** *А. Бессер.*

89. **Каменев, Л.** Экономическая система империализма и задачи социализма. Мосгубиздат. 1922 г. **VIII—128.** *Ф. Капелюш.*

90. **Каплун, С.** Охрана труда и ее органы. Госизд. М. 1922. Стр. 499. **VI—182.** *М. Рубинштейн.*

91. **Каценеленбаум, Э.** Учение о деньгах и кредите. Ч. I. Деньги и денежное обращение. Ярославль. 1922 г. **VIII—134.** *С. Членов.*

92. **ашкин, К. Н.** Наш юго восток. Н.К.П.С. М. 1920 г. **I (IV)—214.** *В. Сарабьянов.*

93. **Комиссаров, П.** Организация рабочего кооператива. Госизд. М. 1921 г. Стр. 47. I(IV)—140. *А. Юрьев.*

94. **Константинов, М.** Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Госизд. Иркутск. 1921 г. Стр. 96. VI—193. *В. Яроцкий.*

95. **Крестинский, Н. и Преображенский, Е.** Финансовая политика Советского правительства. Госизд. Пенза. 1921 г. Стр. 40. II(V)—236. *А. Чекин.*

96. **Крестинский, Н.** Наша финансовая политика. Госизд. П. 1921 г. Стр. 68. II(V)—236. *А. Чекин.*

97. **Крестинский, Н.** Финансы и бюджет. Госизд. М. 1922. Стр. 48. II (V)—236. *А. Чекин.*

98. **Кулагин, Н. М.** Главнейшие вредные. для полеводства насекомые. Изд. „Новая Деревня". М. 1922 г. VIII—136. *А. Бессер.*

99. **Куликовский, А.** инж. Электричество в помощь крестьянину. «Новая Деревня» М. 1922 г. Стр. 146. VI—190. *И. Степанов.*

100. **Кулишер, И. М.** Проф. Очерки финансовой науки. Вып. I. 1919 г. I (IV)—205. *М. Гудалов.*

101. **Летавет, А.** д—р. Санитарная классификация детальных профессий кожевенной промышленности. Вып. I. Москва. 1921 г. Стр. 110. II (V)—246. *С. Каплун.*

102. **Любимов, Н.** Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. Госизд. М. 1921 г. Стр. 132. I (IV)—207. *М. Павлович.*

103. **Лютовский, Н. А.** Как лес помогает бороться с засухой. Госизд. М. 1921 г. Стр. 31. I (IV)—223. *А. Бессер.*

104. **Маракуев, С. П.** Очередные задачи русской кооперации. Прага. 1921. Стр. 32. II (V)—230. *А. Юрьев.*

105. **Маслов, П.** Мировая социальная проблема. Чита. 1920 г. Стр. 252. I (IV)—209. *Е. Преображенский.*

106. **Мещеряков, Н. Л.** Кооперация в Советской России. Госизд. М. 1921. Стр. 72. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

107. **Мещеряков, Н. Л.** Что такое единое потребительское общество и как оно управляется. Центросоюз. М. 1920. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

108. **Мещеряков, Н. Л.** Продовольственный налог. и кооперация. Госизд. М. 1921 г. Стр. 31. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

109. **Мещеряков, Н. Л.** Кооперация и социализм. Госизд. М. 1920. Стр. 111. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

110. **Миротворцев, К. Н.** проф. Статистика. Госизд. Иркутск. 1921 г. Стр. 112. VI—186. *С. Бобров.*

111. **Михельсон, В.** Краткий сборник научных примет о погоде. Госизд. М. 1921 г. Стр. 24. VI—192. *А. Бессер.*

112. «Новые идеи в кооперации». (Сбор. статей). Изд. Центросоюза. М. 1919 г. Стр. 93. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

113. **Першин, П. Н.** проф. Об экономическом положении России. Госизд. Воронеж. 1921 г. Стр. 40. I (IV)—215. *В. Михайлов.*

114. **Преображенский, Е.** Вопросы финансовой политики. Госизд. М. 1921. Стр. 76. II (V)—236. *А. Чекин.*

115. **Прянишников, Д. Н.** Растения полевой культуры. Вып. III. Лен, конопля и хлопчатник. Госизд. М. Стр. 107. II (V)—249. *А. Бессер.*

116. «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы». В.С.Н.Х. 1921 г. Стр. 486. II (V)—234. *В. Милютин.*

117. **Сарабьянов, В. Н.** Металлопромышленность России. Госизд. 1921. Стр. 88. I (IV)—216. *В. Яроцкий.*

118. «Сборник материалов и статей по кооперации». Изд. Главполитпросвета. М. 1921 г. Стр. 226. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

119. **Серебровский, Л. С.** К изучению техники крестьянского полеводства в понимании ее хозяевами. Госизд. М. Стр. 21. VI—192. *А. Бессер.*

120. **Смирнов, А. М.,** Проф. Кризис денежной системы франц. революции. «Право». П. 1921 г. Стр. 150. II (V)—231. *И. Трахтенберг.*

121. **Степанов, И.** Потребительские общества и рабочий класс. Госизд. М. 1920. Стр. 31. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

122. **Степанов, И.** Кооперация в земледелии и промышленности. Госизд. М. 1920 Стр. 31. I (IV)—140. *А. Юрьев.*

123. «Статистический ежегодник мирового хозяйства». Под ред. проф. С. А. Фалькнера. Изд. Центросоюза. М. 1922. Стр. 290. VII—213. *Г. Эльяшев.*

124. **Танашев, Г. А.** Об установлении полевых севооборотов. Госизд. М. 1921. Стр. 59. II (V)—248. *А. Бессер.*

125. «Труды Московской Сельско-Хозяйственной Опытной Станции». Наркомзем 1922. Стр. 127. VIII—136. *А. Бессер.*

126. **Тубасов, К. А.** Растение и почва. Госизд. П. 1921 г. Стр. 30. I (IV) — 222. *А. Бессер.*

127. **Тюменев, И. А.** История труда. Госиздат. П. 1922. Стр. 233. **VIII—133.** *Ш. Двойлайцкий.*

128. **Фалькнер, С. А.** проф. Послевоенная кон'юнктура мирового хозяйства. Госизд. М. 1922. Стр. 88. **II (V)—227.** *С. Членов.*

129. **Энжелл, Норман.** Версальский мир и экономический хаос в Европе. «Право». П. 1922 г. Стр. 112. **II (V)—229.** *С. Членов.*

VI. Промышленность и техника.

130. **Behrend, K.** Die Kupfer und Schnefelerze von Osteuropa. 1921 г. **VIII—139.** *С. Обручев.*

131. **Behagel, C.** Die Eisen und Manganerze Osteuropas. 1922 г. **VIII—139.** *С. Обручев.*

132. **Блох, М. А.** Развитие и значение химической промышленности, ч. I, Н.Т.О. В.С.Н.Х., стр. 300, 1920. **II. VI—201.** *А. Мозер.*

133. **Богданович, К. И.,** проф. Очерк месторождений нефти и других битумов. Р.И.О. В.С.Н.Х., П. 1921. Стр. 138. **I (IV)—229.** *К. Калицкий.*

134. **Ботлер, М.,** проф. Производство лаков и олифы. Гостехиздат. М. 1922. Стр. 133. **VII—233.** *Б. Тычинин.*

135. **Буррель, Дж., Сейберг, Ф. М., Оберфель, Дж.** Извлечение газолина из естественного газа конденсацией. Р.И.О.В. С.Н.Х. П. 1921 г. Стр. 82. **II (V)—273.** *А. Гиммельфарб.*

136. **Буррель. Дж., Биддисон, Р. М., Оберфелль, Дж.** Извлечение газолина из естественного газа путем поглощения. Р.И.О. В.С.Н.Х. П. 1921. Стр. 62. **II (V)—273.** *А. Гиммельфарб.*

137. **Вознесенский, Н. Н.** О машинах вечного движения. Гостехиздат. М. 1921. Стр. 56. **VI—205.** *А. Теснер.*

138. **Гефер, Г.** Справочная книга по горному делу Н.Т.О. В.С.Н.Х. Берлин. 1921. Стр. 1240 **II (V)—277.** *С. Обручев.*

139. **Гибсон, А.** Природные источники энергии. Всеукр. Госизд. Одесса. 1922 г. **VIII—143.** *Б. Тычинин.*

140. **„Горное Дело".** Журнал Главного Управления Горной Промышленности, В. С. Н.Х. М. 1921. №№ 1—2,3 Стр. 148. **I (IV)—230.** *С. Шаманский.*

141. «Горноразведочное дело Сибири» журн. № 1, за 1921 г. (Стр. 95), № 2 за 1922 г. (Стр. 86). **VII—231.** *С. Обручев.*

142. **Гриндлер, Б.** Что нужно знать работающим в респираторах Гл. Упр. Горной Промышленности. М. 1922. Стр. 34. **VII—236.** *А. Скочинский.*

143. **Гурвич, Л. Г.,** проф. Научные основы переработки нефти. Азерб. С.Н.Х., Баку, 1921. Стр. 366, **II (V)—272.** *Б. Тычинин.*

144. **Добровольский, А. А.,** инж. Эксплоатация железных дорог. Высш. Технич. Ком. Н.К.П.С. Петроград. Стр. 23. **VII—224.** *П. Риццони.*

145. **Дрейер, Л.,** проф. Задачи и развитие электротехники. Госизд. М. 1919. Стр. 23. **VI—208.** *М. Гаухман.*

146. **Ельчанинов,** инж. Обыкновенные дороги. Изд. Голубева. Казань. 1922. Стр. 111 **VII—222.** *Д. Крынин.*

147. „Железнодорожные мастерские по ремонту подвижного состава". НКПС. 1922. **VIII—145.** *П. Риццони.*

148. „Известия Геологического Комитета". №№ 5—6, 7—8, 9—10, за 1918 г. № 1, за 1921 г. П. **VI—202.** *С. Обручев.*

149. „Известия Сибирского Геологического Комитета". Том 1, вып. 1—6. Томск. 1919—1921, **VII—231.** *С. Обручев.*

150. **Иольсон, М. М.,** инж. Очерки по истории промышленности. Госизд. Екатеринбург, 1920 г. Стр. 42. **II (V) — 275.** *В. Яроцкий.*

151. **Ипатьев, В. Н.,** акад. Нефть и ее происхождение. Н.Т.О. В.С.Н.Х. П. 1922 г. Стр. 36. **VI—204.** *Б. Тычинин.*

152. **Калицкий, К. П.** Геология нефти. Р.И.О. В.С.Н.Х. П. 1921 г. Стр. 224. **I (IV)—227.** *А. Архангельский.*

153. **Кауфман, А. К. (А. Клементьев).** Памятка изобретателя. Гостехиздат. М. 1921 г. Стр. 47. **VI—205.** *А. Теснер.*

154. **Киселев, В. С.** Приготовление олифы и синкативов. Гостехиздат. М. 1922 г. Стр. 133. **VII—233.** *Б. Тычинин.*

155. **Cloos, H. und Meister, E.** Bau und Bodenschätze Osteuropas. 1921. **VIII — 139.** *С. Обручев.*

156. **Кобец, Н.** Первые шаги электротехника. „Знание". Берлин. 1921 г. Стр. 90. **II (V)—278.** *С. Шульман.*

157. **Крылов, И.** О специальных сортах стали. Гостехиздат. М. 1922 г. Стр. 196. **VI—205.** *Б. Тычинин.*

158. **Лихарев, Б.** Обзор литературы по верхне-пермским отложениям Европейской России за истекшее десятилетие (1910—1920). П. 1920 г. Стр 48. **VI—202.** *С. Обручев.*

159. Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока. Изд. Геоло-

гич. Комитета Дальнего Востока, Владивосток, 1920—1921 г. №№ 2, 4, 9, 14, 16, 17, 20, 24. **VII—231.** *С. Обручев.*

160. **Митинский. А. Н.** Словарь-справочник по техническим свойствам металлов. Р.И.О. В.С.Н.Х. М. 1920 г. Стр. 260. **I. (IV)—234.** *Г. Зандберг.*

161. **Mühlen, von zur, Z.** Die Ölschiefer des Europäischen Russlands. **VIII — 139.** *С. Обручев.*

162. „Научно-технический Вестник" №№ 1, 2, 3, 4, 5, за 1920 — 21 гг. Н.Т.О. В.С.Н.Х. М. **II (V)—271. А.** *Теснер.*

163. **Неймайер, К. Ф.,** инж. техн. Переплавка чугуна в коксовых вагранках на древесном угле. Р.И.О. В.С.Н.Х. Стр. 28 **I (IV)—232.** *М. Цоллер.*

164. „Нефтяное и сланцевое хозяйство" Журн. №№ 1—12, за 1920 г., №№ 1 — 12, за 1921 г. и №№ 1—4, за 1922 г. **VII—228** *С. Сбручев.*

165. **Нечаев, А.** Верхне-пермские отложения. (Геология России. Т. II, часть V. вып. 3). П. 1921 г. Стр. 126. **VI—202.** *С. Обручев.*

166. **Никитинский, Я. Я.** Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения. Госплан. М. 1922. **VIII—144.** *А. Теснер.*

167. **Озан, Б. и Энслен, Я.,** проф. „Литейщик". Лаборатория чугунно-литейного завода. Гостехиздат. М. 1921 г. Стр. 92. **VI—205.** *А. Теснер.*

168. **Оппенгейм, К. Л.,** проф. Россия в дорожном отношении. Р.И.О. В.С.Н.Х. М. 1921 г. Стр. 157. **II (V)—265.** *Д. Крынин.*

169. **Ризенкампф, Г. К.,** проф. Транскаспийский канал. Р.И.О. В.С.Н.Х. М. 1921 г. Стр. 83. **I (IV)—223.** *И. Дикман.*

170. **Ризенкампф, Г. К.,** проф. Проблемы орошения Туркестана. Вып. I. Хлопковая программа. Р.И.О. В.С.Н.Х. М. 1921 г. Стр. 147. **I (IV)—225.** *И. Дикман.*

171. **Ризенкампф, Г. К.,** проф. Опыт создания теории водооборота в ирригационных системах. Р.И.О. В.С.Н.Х. М. 1921 г. Стр. 36. **I (IV)—226.** *И. Дикман.*

172. **Рязанцев, А. В.** Холодильное дело. Гостехиздат. М. 1922 г. Стр. 95. **VI—205.** *А. Теснер.*

173. „Сообщения о научно-технических работах в Республике". Вып. I—VIII. М. 1920—22 гг. Н.Т.О. В.С.Н.Х. **II (V)—270.** *А. Теснер.*

174. „Спутник Кочегара". Гостехиздат. М. 1921 г. Стр. 95. **VI—205.** *А. Теснер.*

175. „Техника и Экономика Путей Сообщения". №№ 1—11, за 1921 г. Н.К.П.С. Петр. **I (IV)—233.** *Л. Элькинд.*

176. „Технико-Экономический Вестник". № 1 и 2, за 1921 г. № 1, за 1922 г. Н.Т.О. В.С.Н.Х. П.—М. **VI—198.** *А. Мозер.*

177. „Труды Геологического Комитета" Вып. 154. Общая геолог. карта Европ. России II. 1922 г. **VI—202.** *С. Обручев.*

178. **Уэбб.** Экономика железных дорог. Госиздат. М 1921 г. Стр. 270. **VI—195.** *К. Оппенгейм.*

179. **Фарион, Б.** Отверждение жиров. Научное химико-технич. издат. П. 1922 г. Стр. 100. **VII—227.** *Б. Тычинин.*

180. **Flegel, K.** Die wirtschaftliche Bedeutung der Montanindustrie Russlands und Polens und ihre Wechesbeziehungen zu Deutschland. 1920. **VIII—139.** *С. Обручев.*

181. **Фокин, Л. Ф.** Обзор химической промышленности в России. Н.Т.О. В.С.Н.Х. П. 1921 г. Стр. 464+340. **VI—201.** *А. Мозер.*

182. **Чарноцкий, С. И.** Метод подсчета запасов нефтяных месторождений. П. 1922 г. Стр. 69. **II (V)—274.** *А. Гиммельфарб.*

183. **Шевяков. Л.** Механизация горных работ. Гл. Упр. Горной Пром. М. 1922. Стр. 56. **VII—234.** *А. Скочинский.*

184. **Шевяков, Л.** Крепление горных выработок. Гл. Упр. Горн. [Пром. М. 1922 г. Стр. 50. **VII—234.** *А. Скочинский.*

185. **Шейтхауер, В.,** д-р. Буроугольные и сланцевые смолы, их получение и переработка Р.И.О.В.С.Н.Х. П. 1921 г. **I. (IV)—229.** *А. Мозер.*

186. **Эйкен, В.** Мировая азотная промышленность. Шгутгарт—Берлин. 1921, стр. 85. **VII—226.** *А. Мозер.*

VII. Национальный вопрос. Литература о востоке.

187. „Восток". Журнал литературы, науки и искусства. Кн. I. Гос. изд. П. 1922 г. Стр. 128. **VIII—154.** *В. Кряжин.*

188. **Ленин, Н. (В. Ульянов).** Собрание сочинений. Т. XIX. Гос. изд. М. 1921 г. **II (V)—223.** *Ц. Фридлянд.*

189. **„Новый Восток" № 1.** Всерос. Ассоц. Востоковедения. 1922 г. Стр. 404. **VII—239.** *А. Аросев.*

190. **Революция и бурят-монголы.** Сборник. Гос. изд. Иркутск. 1921. **II (V)—226.** *Б. Виленский.*

191. **Сафаров, Г.** Проблемы Востока. Госизд. П. 1922. Стр. 184. VIII—150. *В. Кряжин.*

192. **Султан-Заде.**—Экономика и проблемы национальных революций в странах Ближнего и Дальнего Востока. Госизд. М. 1922. Стр. 184. VII—237. *М. Павлович.*

193. **Турук, Ф.** Белорусское движение. Госизд. М. 1921. Стр. 144. II (V)—225. *Е. Хлебцевич.*

194. **Гвикевич, А.** Краткий очерк возникновения белорусской народной Республики. Киев. 1917. Стр. 16. II (V)—225. *В. Пичета.*

195. **Эйдус, Х.** Очерки рабочего движения в странах Востока. Госиздат. М. 1922. Стр. 96. VIII—153. *В. Кряжин.*

VIII. Рабочее движение.

196. **А-н, Арк.** История рабочего движения в Англии, Франции и Германии. П. 1922 г. Стр. 120. VI—211. *В. Яроцкий.*

197. **Бородин, М.** История великой измены. Госиздат. П. 1922. Стр. 120. VII—220. *А. Чекин.*

198. **Смит, М.** Классовая борьба в современной Англии. „Профинтерн". М. 1922 г. Стр. 120. VI—213. *А. Чекин.*

199. **Стеклов, Ю. М.** История рабочего движения. Ч. I. Госизд. 1921 г. Стр. 168. VI—210. *Н. Лукин-Антонов.*

200. **Фин, Я.** Фабрично-заводские комитеты в России. Р.И.О. В.Ц.С.П.С. Москва. 1922 г. Стр. 80. VII—218. *В. Яроцкий.*

IX. Профессиональное движение.

201. **Ауэрбах, Н.** Маркс и профессиональные союзы. VIII—146. *Г. Смолянский.*

202. **„Год работы высшего органа профдвижения России.** (Отчет В.Ц.С.П.С. Май, 1920 г.—апрель 1921 г.) Р.И.О. В.Ц.С.П.С. М. Стр. 228. II (V)—256. *Б. Файнгольд.*

203. **Цвинг, К.** История немецких свободных профсоюзов. VIII—146. *Г. Смолянский.*

204. **Каплан, Л.** История профессионального движения рабочих печатного дела, гор. Харькова. Р.И.О. Южбюро В.Ц.С.П.С. Харьков 1922. Стр. 108. VIII—149. *А. Чекин.*

205. **Ледер, З.** Профессиональное движение в Германии со времени революции. „Профинтерн". М. 1921 г. Стр. 52. II (V)—260. *А. Чекин.*

206. **Лозовский, А.** Программа действий Красного Интернационала профсоюзов. М. 1921 г. Стр. 103. II (V)—262. *И. Левинсон.*

207. **Нестринке, З.** История профессионального движения. Т. II. VIII—146. *Г. Смолянский.*

208. **Юзефович, И.** Очерки профессионального движения Польши. „Профинтерн". М. 1921 г. Стр. 109. II (V)—261. *А. Чекин.*

X. История революции.

209. **Ангаретис, А.** История революционного и рабочего движения в Литве. Изд. Комм. Парт. Литвы. 1921 г. (на лит. яз.). VI—216. *В. Мицкевич-Капсукас.*

210. **„Архив русской революции".** Т. II. Берлин. 1921 г. VI—224. *З. Маркович.*

211. **„Архив русской революции".** Т. II и IV. Берлин, 1922 г. VI—226. *В. Полонский.*

212. **Ашешов, Н.** Н. И. Рысаков. Материалы для биографии и характеристики. Петр. I (IV)—240. *П. Лепешинский.*

213. **Барт, Э.** Из мастерской Германской революции (на нем. яз.). Берлин. Стр. 158. II (V)—193. *С. Членов.*

214. **Бернштейн, Э.** Германская революция, ее происхождение, ее течение и ее дело. Т. I. История возникновения и первого периода работы Германской Республики. 1921 г. Берлин, (на нем. яз.). Стр. 198. II (V)—193. *С. Членов.*

215. **Биншток, Г.** Очеркигерманской революции. Изд. „Книга". М. 1921. Стр. 99. II (V)—193. *С. Членов.*

216. **Блок, А.** Последние дни императорской власти. „Алконост". П. 1921 г. I (IV)—243. *В. Сторожев.*

217. **Бухнер, Э.** Документы революции, Т. I. Под знаком Красного Знамени. Берлин. 1921 г. (на нем. яз.). Стр. 400. II (V)—193 *С. Членов.*

218. **„Былое"** журнал. Кн. 17 и 18. Петр. V—163; кн. 19. VI—116. *С. Пионтковский.*

219. **Васильченко, С. и Ставский, Ив.** Первый бой. „Моск. Раб.". М. 1922 г. VI—219. *В. Полянский.*

220. **Генкин, И.** По тюрьмам и этапам. Госизд. П. 1922 г. Стр 486. VII—248. *В. Полонский.*

221. **„Голос минувшего".** Сводная книга за 1920 — 1921 г. Стр. 191. II (V) — 163. *С. Пионтковский.*

222. **„Дела и дни".** Кн. II. Госуд. Изд. V—163; кн. III. VI—116. *С. Пионтковский.*

223. **Дейч, Л.** За полвека. „Задруга". М. 1922 г. II (V)—284. *Ф. Кон.*

224. **Дейч, Л.** Дмитрий Александрович Клеменц. П. 40 стр. II (V)—285. *А. Елизарова.*

225. **Зеликсон-Бобровская, Ц.** Записки рядового подпольщика. Госизд. М. 1922 г. Стр. 81. II (V)—283. *Н. Мещеряков.*

226. **Иванов, Б.** Яков Михайлович Свердлов, жизнь его и деятельность. Госизд. П. 1921 г. Стр. 40. I (IV)—241. *К. Злинченко.*

227. **Карабчевский, Н.** „Что глаза мои видели". Ч. I и II. VIII—174. *В. Полонский.*

228. «Каторга и ссылка». Сборник № 1 и 2. Москва. 1921 г. I (IV)—243. *Б. Горев.*

229. **Керенский, А.** Гатчина. Изд. Книгопечатник. М. 1922 г. Стр. 40. VII—246 *С. Пионтковский.*

230. **Коллонтай, А.** Из моей жизни и работы. Всеукр. Госизд. Одесса. 1921 г. Стр. 55. I (IV)—244. *А. Сольц.*

231. «Красная летопись». № 1. Госизд. П. 1922 г. II (V)—163. *С. Пионтковский.*

232. То же. №№ 2—3. VI—116. *С. Пионтковский.*

233. **Ленин, Н. (В. Ульянов).** Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. 1 и 2. Госизд. М. 1921 г. II (V)—44. *В. Адоратский.*

234. **Лепешинский, П.** На повороте. Госизд. М. 1922 г. Стр. 237. VII—240. *А. Дивильковский.*

235. **Ломоносов, Ю. В., проф.** Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм-Берлин. 1921 г. Стр. 86. I (IV)—244. *В. Полонский.*

236. **Лукин, Н. (Н. Антонов).** Парижская коммуна 1871 г. Госизд. М. 1922 г. Стр. 408 VI—215. *Б. Горев.*

237. **Мануйлова, Л.** Печали и радости моей жизни. Госизд. М. 1922 г. Стр. 160. VIII—173. *Н. Мещеряков.*

238. **Материалы для биографии П. Л. Лаврова.** Вып. I. «Колос». П. 1921 г. Стр. 89. I (IV)—241. *Б. Горев.*

239. **Михайлов, М.** Записки (1861—1862). Изд. «Былое». П. 1922 г. Стр. 159. VII—249. *Б. Козьмин.*

240. **Майоров, М.** Из истории революционной борьбы на Украине. Державне Видавництво. Київ. 1922г. Стр. 110. *М. Рафес.*

241. **Мстиславский, С.** Пять дней. Начало и конец февральской революции. Изд. Гржебина. М. 1922 г. Стр. 93. II (V)—290. *С. Пионтковский.*

242. **Наживин, Ив.** Записки о революции. Изд. „Русь". Вена. 1921 г. I (IV)—40. *В. Полонский.*

243. **Невский, В. И.** „Южно-русский рабочий Союз в городе Николаеве в 1897 г." Истпарт. Госизд. М. 1922 г. Стр. 96. II (V)—289. *Ц. Фридлянд.*

244. „Немецкий Альманах революции на 1919 г.". Берлин-Гамбург. (на нем. яз.). Стр. 164. II (V)—193. *С. Членов.*

245. **Носке, Г.** От Киля до Каппа. Берлин. 1920 г. Стр. 211. (На нем. яз.). II (V)—193. *С. Членов.*

246. „Октябрьские дни в Москве и районах". Изд. «Моск. Рабочий». М. 1922 г. VII—244. *И. Волковичер.*

247. „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина". Сборник II. М. 1922 г. Стр. 172. II (V)—296. *Б. Горев.*

248. **Парфенов, П. С.** Уроки прошлого. Гражд. война в Сибири. Харбин. 1921 г. VII—248. *С. Пионтковский.*

249. 1 марта 1887 г. Воспоминания **И. Д. Лукашевича.** Госизд. П. 1920 г. Стр. 47. I (IV)—239. *М. Ольминский.*

250. „Пролетарская революция" №№ 3 и 4. Госизд. М. 1922 г. II (V)—163. *С. Пионтковский.*

251. „Пролетарская революция" журнал № 5. Госизд. М. VI—116. *С. Пионтковский.*

252. „Пути революции". Журнал № 1. Казань. 1922 г. VI—116. *С. Пионтковский.*

253. **Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой.** Госизд. М. 1922 г. Стр. 64. VIII—170. *С. Мицкевич.*

254. Русская революция и Р.К.П. Вып. I. Изд. Окр. Воен. Ред. Совета 5-й армии. 1922 г. VII—242. *П. Лепешинский.*

255. **Рункель, Ф.** Германская революция Лейпциг. 1919 г. Стр. 232. II (V) — 193. *С. Членов.*

256. **Рябинин, А. Н.** Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1910). Госизд. М. 1922 г. Стр. 73. VI—222. *Б. Павлов.*

257. **Сверчков, Л.** „На заре революции". Госизд. М. 1922 г. Стр. 312. VI — 223. *Б. Горев.*

258. Старый товарищ **Алексей Павлович Скляренко.** Госиздат. М. 1922 г. Стр. 136, VIII—168. *М. Рафес.*

259. **Тюшевский, А.** К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Госуд. изд. П. 1921 г. Стр. 56. II (V)—287. *С. Пионтковский.*

260. „Февраль". Сборник воспоминаний с 1917 г. Истпарт. Саратов. Госизд. 1922 г. Стр. 68. VI—220. *С. Пионтковский.*

261. **Фишер, А.** В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921). Госиздат М. 1922 г. Стр. 104. VIII—169. *С. Мицкевич.*

262. **Фигнер, В.** Запечатленный Труд. Изд. „Задруга". М. 1922 г. VI—217. *М. Ольминский.*

263. **Шейдеман, Ф.** Крушение. Берлин. 1921 г. Стр. 251. II (V)—193. *С. Членов.*

264. **Шкловский, В.** Революция и фронт. Петр. 1921 г. VII—250. *И. Аксенов.*

265. **Шпенглер, О.** Пруссачество и социализм. Мюнхен. 1921 г. (На нем. яз.). Стр. 99. II (V)—193. *С. Членов.*

266. **Штребель, Г.** Германская революция, ее несчастие и спасение. Берлин. 1921 г. Стр. 242. II (V)—193. *С. Членов.*

267. **Щепкина, Е.** Женское движение в годы революции. Госизд. П. 1921 г. Стр. 84. II (V)—295. *Е. Херсонская.*

XI. История.

268. **Автобиография Н. И. Костомарова.** „Задруга". М. 1922 г. Стр. 441. VIII—167. *Б. Козьмин.*

269. **Андреевский, Л.** Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере. Госиздат. Вологда. 1922 г. VIII—157. *И. Евдокимов.*

270. **„Анналы", журнал всеобщей истории.** Росс. Академия Наук. П. 1922 г. VIII—163. *Н. Лукин.*

271. **Витте, Ю., граф.** Воспоминания. Том I. Изд. „Слово". Берлин. 1922 г. I (IV)—54. *М. Покровский.*

272. То же. Том II. VII—11. *М. Покровский.*

273. **Кареев, Н. И.** Западная Европа в новое время. „Наука и школа". П. 1922 г. Стр. 121. VI—232. *Н. Лукин-Антонов.*

274. **Мирожина, Е. А.** Хожение за три моря Тверитина Афанасия Никитина. Тверь. 1922 г. VIII—166. *Н. Рогожин.*

275. **Рожков, Н.** Учебник истории всеобщей и русской. Госизд. П. 1921 г. Стр. 149. I (IV)—237. *Н. Лукин-Антонов.*

276. **Ростовцев, М. И., акад.** Эллинство и иранство на Юге России. „Огни". П. Стр. 196. I (IV)—238. *Н. Щербаков.*

277. **Семевский, В. И.** Собрание сочинений. Т. II. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Ч. I. „Задруга". М. 1922 г. Стр. 234. VI—230. *Б. Козьмин.*

278. **Тюменев, А.** Очерки экономической и социальной истории древней Греции Т. I. Революция. Госизд. П. 1920 г. Стр. 179 I (IV)—235. *Н. Лукин-Антонов.*

279. **Фирсов, Н. Н., проф.** Пугачевщина. Госизд. М. 1921 г. Стр. 168. VI—231. *В. Сторожев.*

XII. История культуры.

280. **Андреев, Н. Н.** Разные люди—разная вера. „Книга" П. 1921 г. Стр. 76. VI—234. *И. Степанов.*

281. **Андреев, Н.** Век пара и электричества. Изд. „Книга". П.-М. 1922 г. VIII—182. *Ст. Кривцов.*

282. **Анучин, Д. Н.** Открытие огня и способы его добывания. Госизд. М. 1922 г. Стр. 24. VIII—181. *Н. Попов.*

283. **Вейле, д-р.** От бирки до алфавита. Штутгардт. 1915. Стр. 96. I (IV)—245. *Д. Анучин.*

284. **Вейле, д-р.** Начатки господства над природой. I. Ранние стадии механики. Штутгардт. 1921 г. Стр. 76. I (IV)—246. *Д. Анучин.*

285. **А. Г. Вульфиус.** Религия, церковь и реформация. „Academia" П. 1922 г. VIII—180.

286. **А. Г. Вульфиус.** Проблемы духовного развития. П. 1922 г. VIII—180. *П. Преображенский.*

287. **Допш, А.** Хозяйственные и социальные основы культурного развития Европы со времени Цезаря до эпохи Карла Великого. Ч. I. и II. Вена, 1918—1920 г. Стр. 955. VIII—8. *А. Неусыхин.*

288. **Никольский, Н. М., проф.** Древний Израиль. „Мир". М. 1922 г. Стр. 370. VI—234. *И. Степанов.*

289. **Энгельс, Ф.** К истории первоначального христианства. Госизд. П. 1921 г. Стр. 27. I (IV)—246. *И. Степанов.*

XIII. Науки об обществе.

290. **Бехтерев, В. М., проф.** Коллективная рефлексология. „Колос" П. 1921 г. Стр. 432. II (V)—301. *М. Рейснер.*

291. **Брайс, Джемс.** Современные демократии. Два тома. (На англ. языке). Лондон 1921 г. Стр. 1324. II (V)—297. *И. Рейснер.*

292. **Быстрянский, В.** Преступление в прошлом и будущем. Госизд. П. 1921 г. Стр. 32. II (V)—306. *М. Рейснер.*

293. **Вигдорчик, Н. А., д-р.** Проблема материнства в капиталистическом обществе. „Книга". П. 1922 г. Стр. 171. II (V)—304. *З. Теттенберн.*

294. **Ратенау, Вальтер.** Новое государство. „Берег". М. 1922 г. **VI—240.** *Ц. Фридланд.*

295. **Франк, С. Л.** Очерк методологии общественных наук. „Берег". М. 1922 г. Стр. 121. **VI—238.** *В. Абратский.*

XIV. Философия, психология.

296. **Бердяев, Н. А., Букшпан, Я. М., Ф. А. Степун., С. Л. Франк.** Освальд Шпенглер. Закат Европы. „Берег". М. 1922 г. Стр. 95. **II (V)—307.** *П. Преображенский.*

297. **Блонский, Т.** Очерк научной психологии. Госизд. М. 1921 г. Стр. 94. **VII—252.** *Г. Баммель.*

298. **Боричевский, И.,** проф. Введение в философию науки. Госиздат. П. 1922 г. Стр. 115. **VIII—178.** *Г. Баммель.*

299. **Гершензон, М.** Гольфстрем. „Шиповник", М. 1922 г. Стр. 154. **VIII—176.** *П. Преображенский.*

300. **Гершензон, М.** Ключ веры. „Эпоха" П. 1922 г. Стр. 126. **VII—254.** *П. Преображенский.*

301. **Карсавин, Л.** „Saligia". Петр. 1918 г. **VI—64.** *П. Преображенский.*

302. **Карсавин, Л.** Noctes petropolitanae. Петр. 1922 г. **VI—64.** *П. Преображенский.*

303. **Карсавин, Л.** Введение в историю. Петр. 1920 г. **VI—64.** *П. Преображенский.*

304. **Карсавин, Л.** О свободе. Петр. 1922 г. **VI—64.** *П. Преображенский.*

305. **Лапшин, Н.** Философия изобретения и изобретение в философии. „Наука и Школа", II. Стр. 194—228. **VIII—177.** *Г. Баммель.*

306. **Лапшин, Н.** Философские взгляды Радищева. Изд. „Былое". Петр. 1922 г. Стр. 39. **VII—251.** *И. Никсанов.*

307. **Шлет, Г.** Философское мировоззрение Герцена. „Колос". Петр. 1921 г. Стр. 100. **II (V)—306.** *П. Преображенский.*

XV. Военное дело.

308. „Армия и Революция". № 4 - 5. Штаб командвойск Украины. **II (V)—281.** *Д. Петровский.*

309. **Верховский, А.** Очерк по истории военного искусства в России XVIII—XIX в.в. Отдел Воен. Лит. Р.В.С.Р. М. 1921 г. **II (V)—279.** *М. Покровский.*

310. „Красный Боец". Журнал Политупр. Х.В.О. **II (V)—281.** *Д. Петровский.*

311. „Революция и Фронт". Сбор. 11 - 12. Орган Зап. фронта. **II (V)—281.** *Д. Петровский.*

312. **Степанов, И.** С Красной Армией на панскую Польшу. Госизд. М. 1921 г. **VI—243.** *С. Каменев.*

XVI. Народное просвещение.

313. Арифметический задачник для красноармейских школ. Изд. Политупр. вооруженных сил Украины. Харьков. Стр. 127. **II (V)—325.** *М. Масленников.*

314. **Аркин, Е., д-р.** Дошкольный возраст. Госизд. М. 1921 г. Стр. 409. **II (V)—313.** *И. Гладштейн.*

315. **Блонский, П.** Азбука труда. „Работник Просвещ." М. 1922 г. **VIII—185** *Н. Тарабукин.*

316. **Блонский, П.** Педагогика. Госизд. М. 1922 г. Стр. 164. **VIII—186.** *А. Ефремин.*

317. **Борович.** Как читать народные лекции. „Труд", Харьков. Стр. 38. **VI—245.** *М. Смушкова.*

318. **Борович.** Пути сближения книги с читателем. „Труд". Харьков. Стр. 102. **VI—245.** *М. Смушкова.*

319. „Вестник наглядных пособий". №№ 1 - 4 за 1919 г.; №№ 1 - 4 за 1920 г. **II (V)—206.** *А. Жадовский.*

320. **Воронец, А.** Справочник по математике для учащихся в школах 2-й ступ. Гос. изд. М. 1921 г. Стр. 210. **VI—240.** *М. Масленников.*

321. **Джонсон, Г.** Игры и забавы в воспитании. „Работн. Просвещ". М. 1922 г. Стр. 87. **VI—246.** *Б. Лукин.*

322. **Дьюи, Дж.** Введение в философию воспитания. М. 1921 г. Стр. 62. **I (IV)—247** *А. Елизарова.*

323. „Естествознание в школе". Журнал № 3 - 5 за 1921 г. Стр. 64. **II (V)—321.** *А. Жадовский.*

324. „Естествознание в школе". Журнал №№ 1 - 8 за 1918 год. №№ 1 - 8 за 1919 г. №№ 1 - 8 за 1920 г. №№ 1 - 2 за 1921 г. **II (V)—206.** *А. Жадовский.*

325. **Ежов, И.** Путь культуры. „Вега". М. Стр. 208. **VI—247.** *З. Богомазова.*

326. **Зельцер, С. и. Элькина, Д.** Книга для чтения в школах для взрослых. Госизд. 1921 г. Стр. 160. **I (IV)—251.** *В. Смушков.*

327. **Иовлев, Н. Н.** Математика в школах для взрослых Ч. I. Задачи и правила для группы неграмотных. Госизд. М. 1922 г. **II (V)—324.** *Н. Батурина.*

328. **Калашников, А. Г.** Индустриально-трудовая школа. Госизд. М. 1922 г. Стр. 75. **VI—244.** *А. Ефремин.*

329. **Каменьщиков, Н.** Начальный счет. (Цифирь). Госизд. П. 1921 г. Стр. 75. I (IV)—252. *М. Масленников.*

330. **Коваленко, П.** Книжка политической грамоты. Госизд. М. 1922 г. Стр. 58. II (V)—322. *И. Луппол.*

331. **Корнилов, Н. К.** Очерки психологии раннего детского возраста. Госизд. М. 1921 г. Стр. 142. II (V)—312. *В. Лебедева.*

332. **Корнилов, Н. К.** Методика исследования ребенка раннего возраста. Госизд. М. 1921 г. Стр. 76. II (V)—312. *В. Лебедева.*

333. **Кочетов, А. и Богуславская, Н.** Продзадачник. Госизд. М. 1921 г. Стр. 64. I (IV)—252. *М. Масленников.*

334. **Крупская, Н.** Народное образование и демократия. Госизд. Берлин. 1921 г. I (IV)—250. *В. Смушков.*

335. **Кузнецов, Н. И., проф.** Ботанические экскурсии. Симферополь. 1920 г. Стр. 39. II (V)—319. *Б. Завадовский.*

336. **Масленников, М. Н.** Руководство по математике для взрослых. Ч. I. М. I (IV)—251. *Н. Богуславская.*

337. **Медынский, Г.** Внешкольное образование, его значение, организация и техника. «Наука». М. 1919. Стр. 292. I (IV)—249. *В. Смушков.*

338. **Невский, В.** Внешкольное образование во всеобщей истории. Кострома. 1922 г. Стр. 127. VIII—189. *В. Смушков.*

339. **Невский, В.** Методы клубной работы. Изд. «На помощь деревне и школе». М. 1922 г. Стр. 16. VI—246. *В. Смушков.*

340. **«Педагогическое дело»,** журнал №№ 1—2 за 1921 г. II (V)—206. *А. Жадовский.*

341. **«Педагогическая мысль»,** журнал №№ 10—12 за 1920 г. Стр. 130. II (V)—315. *А. Елизарова.*

842. То-же №№ 1—4 за 1921 г. II (V)—206. *А. Жадовский.*

343. «Педагогическое творчество в Германии». Отчет о германской конференции педагогов 11 — 20/(VI)/1920. «Раб. Просв.» Стр. 127. II (V)—310. *А. Елизарова.*

344. «Политпросветработа в красной армии». Сборник статей. Политупр. Вооруж. сил Украины, Харьков. 1921 г. Стр. 144. II (V)—321. *И. Луппол.*

345. **Полетаева, О.** Занятия по географии. Госизд. 1922 г. VIII—183. *А. Барков.*

346. **Поршнев, Г. И.** Революция и культура народа. Иркутск. 1917 г. Стр. 112. VIII—189. *М. Слуховский.*

347. «Профессиональное образование в Германии и Австрии». Сборник статей из журнала «Technik und Wissenschaft». Госизд. 1921. Стр. 54. II (V)—309. *П. Блонский*

348. **Райков, Б. Е.** Методика и техника ведения экскурсий. Госизд. П. 1921 г. Стр. 79. II (V)—317. *Б. Завадовский.*

349. **Россолимо, Г. И., проф.** План исследования детской души. М. 1922. Стр. 53. II (V)—311. *В. Лебедева.*

350. **Синицкий, Л.** Трудовая школа. Госизд. М. 1922 г. Стр. 187. VIII—188. *В. Смушков.*

351. **Сорокин, В.** Клуб молодежи. Госизд. П. 1921. Стр. 40. VI—250. *В. Смушков.*

352. **Тумим, Г. и О.** Азбука внешкольного образования. «Начатки знания» П. 1922 г. Стр. 104. II (V)—315. *М. Смушкова.*

353. **Устинов, И.** Развитие речи. Госизд. М. 1922 г. VIII—187. *В. Голубков.*

354. **Шапошников, И. Н.** Живые звуки. Госизд. 1922 г. Стр. 128. VI—218. *В. Смушков.*

355. „Экскурсионное дело" Журнал № 1 за 1921 г. Госизд. П. I (IV)—253. *В. Натали.*

356. **Ягодовский, К.** Уроки по естествознанию. Опыт методического руководства для учителя. Госизд. М. 1922 г. VIII — 184. *М. Тихомиров.*

XVII. Библиография и Библиотековедение.

357. „Библиотечный сборник". (Костромск. губ. практикум по внешк. образ). Под ред. Невского. Госизд. Кострома. 1921 г. VI—262. *А. Сигорский.*

358. **Богатырев, В.** Двухзначные таблицы для механической расстановки книг и карточек по алфавиту. Госизд. М. 1921 г. Стр. 24. VI—253. *А. Сигорский.*

359. **Вергун, Д.** Новая карпаторусская библиография. Нью-Йорк. 1920 г. Стр. 16. VII—265. *П. Орлов.*

360. **Вержбицкий, Н.** О книге. Губ. Отд. Центропечати. Пермь. 1920 г. Стр. 106. VI—251. *М. Щелкунов.*

361. „Вологодская публичная советская библиотека". Год работы (9 февраля 1919 г.— 9 февраля 1920 г.). Вологда, 1920 г. Стр. 48. I (IV)—255. *А. Эйхенгольц.*

362. **Вольценбург и Шлосберг.** Как устроить и вести маленькую библиотеку. П. Госизд. 1921 г. Стр. 36. VI—255. *М. Смушкова.*

363. **Дилакторский, П.** Опыт указателя по Северному краю с 1766 до 1904 г. Вологда. 1921. Стр. 313 VIII—193 *А. Георгиев.*

364. **Емельянов, А. П.** Голод в отражении русской литературы и публицистики. Госизд. Казань. 1921 г. Стр. 56. **VI—250.** *А. Сигорский.*

365. „Казанский Библиофил". Журнал № 1. Казань. 1921 г. Стр. 117. **I (IV)—256.** *М. Слуховский.*

366. **Мандельштам, Р. С.** Художественная литература в русской марксистской критике. Библиогр. указ. Госизд. Саратовское отд. 1921 г. Стр. 32. **I (IV)—257.** *Н. Бельчиков.*

367. „Международная десятичная классификация книг." Госизд. Гомель. 1921 г. Стр. 37. **VI—253.** *А. Сигорский.*

368. Митинги, собрания и лекции в 1917-18 г.г. (материалы для библиографии летучих изданий). Госизд. П. 1920 г. Стр. 113. **VI—251.** *А. Эйхенгольц.*

369. **Поршнев, Г. И.** „Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917-1919) Иркутск. 1920 г. Стр. 75. **I (IV)—255.** *А. Эйхенгольц.*

370. **Родионов.** Методы библиотечной работы. Изд. Укрпура. 1921 г. Стр. 58. **I (IV)—245.** *М. Смушкова.*

371. „Руководство для Красноармейских Библиотекарей". Изд. Пуарма 5. Иркутск 1921 г. **VII—264.** *Е. Хлебцевич.*

372. „Список повременных изданий за 1918 г". Составил по материалам книжной палаты Л. К. Ильинский. Госизд. П. 1922. **VIII—190.**

373. **Сторожев, Н.** О расстановке и нумерации книг. Госизд. Татреспублики. Казань. 1922 г. Стр. 30. **VII—263.** *А. Сигорский.*

XVIII. Языкознание.

374. **Богородицкий, А.,** проф. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому языку. Госизд. Казань. 1922 г. Стр. 52. **VII—257.** *С. Бобров.*

375. **Ушаков, Д. Н.** проф. Краткое введение в науку об языке. Госизд. М. 1922 г. Стр. 139. **VII—256.** *М. Петерсон.*

XIX. Книжное и Печатное дело.

376. **Анисимов, В.** Краткий очерк развития письменности и типографского искусства. Госизд. П. 1920 г. Стр. 94. **VI—256.** *М. Щелкунов.*

377. **Анисимов, В.** Основы книжного набора. Госизд. П. 1922 г. Стр. 46. **VII—257.** *М. Щелкунов.*

378. **Анисимов, В.** Стереотипное дело. Госизд. П. 1922 г. Стр. 166. **VII—257.** *М. Щелкунов.*

379. **Галактионов, И.** Беседы наборщика. Госизд. П. 1922 г. Стр. 180. **VII—260.** *М. Щелкунов.*

380. **Семенников, В. П.** Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической комп. Госизд. П. 1921 г. Стр. 151. **VI—257.** *М. Щелкунов.*

381. „Типографский календарь на 1922 год". Под редакцией И. Галактионова. Госизд. П. 1922 г. Стр. 180. **VII—260.** *М. Щелкунов.*

XX. Народы и Страны.

382. **Видунас, В. Ст.** Литва в прошлом и настоящем. Тильзит. 1917 г. Стр. 132. (на нем. яз.) **I (IV)—259.** *В. Пичета.*

383. **Гайгалат, В.** д-р. Литва. Территория Народ и его духовное развитие. Франкфурт. 1917 г. Стр. 179. (на нем. яз.). **I (IV)-260.** *В. Пичета.*

384. **Дильс,** проф. Славяне. Природа и духовный мир. 1920 г. Стр. 141. (на нем. яз.) **I (IV)—261** *Д. Анучин.*

385. **Майский, И.** Современная Монголия. Госизд. Иркутск. 1921 г. Стр. 460. **I (IV)—260.** *В. Виленский.*

386. **Тугут, Ст.** Польша и поляки. Варшава. Стр. 30. (На нем. яз.) **I (IV)—259.** *В. Пичета.*

387. **Цинкш, Э.** Литва и литовцы. Штутгардт. 1917 г. Стр. 56. **I (IV)—260.** *В. Пичета.*

XXI. Науки о природе.

388. **Абдергальден, Э.** Основы учения о питании и об обмене веществ. „Книжная помощь" М. 1922. Стр. 137. **VIII—194.** *Б. Завадовский.*

389. **Алехин, В. В.** Основные черты в распределении растительности Европейской России. М. и С. Сабашниковы. М. 1921 г. Стр. 48. **I (IV)—267.** *А. Жадовский.*

390. **Андреев, Н.** Энергия и законы ее использования. Изд. „Наука и техника" 1922 г. Стр. 89. **VI—268.** *С. Конобеевский.*

391. **Анучин, Д. Н.** Проф. Происхождение человека. Госизд. М. 1922 г. Стр. 110. **VI—259.** *А. Крубер.*

392. **Ауэрбах.** Царица мира и ее тень. „Научное книгоизд." П. 1919. Стр. 76. **II (V)—327.** *В. Костицин.*

393. **Ахматов.** В. Поясное время. П. 1919 г. Стр. 13. **II (V)—332.** *С. Блажко.*

394. **Богданов-Катьков, Н. Н.** Практическая энтомология. Госизд. П. Стр. 139. **VI—271.** *А. Бессер.*

395. **Борн, М.** Строение материи. Научное книгоизд. П. 1922 г. Стр. 92. **VII—272.** *С. Конобеевский.*

396. „В мастерской природы". Журнал. №№ 1-6 за 1919г. **II (V)—206.** *А. Жадовский.*

397. **Вагнер, Ю.** Рассказы о том, как живут и устроены растения. Госизд. Берлин. 1921 г. Стр. 107. **VII—278.** *Б. Завадовский.*

398. **Вебер, Р. и Ганс. Р.** Справочник по физике Лейпциг. Изд. Теубнера. Стр. 650. (На нем. яз.) **II (V)—331.** *В. Костицин.*

399. „Вестник Ломоносовского Физико-Химического Общества". Т. II. Вып. 1, 2, 3, 1921 г. **I (IV)—269.** *Н. Андреев.*

400. **Виттэкер и Ватсон.** Курс современного анализа. 1920 г. Стр. 615. (на англ. яз). **II (V)—332.** *В. Костицин.*

401. **Вознесенский, Н. Н.** О машинах вечного движения. Госизд. М. 1921 г. Стр. 53. **VI—269.** *Н. Андреев.*

402. **Воронков, Н. В.** По пресным водам. Госизд. М. 1922 г. Стр. 91. **VI—262.** *В. Наталя.*

403. **Гербертсон, А. и Ф.** Земля и труд человека. Госизд. М. 1922 г. Стр. 125. **VI—264.** *А. Крубер.*

404. **Гюнтер, Ганс.** Радиотелеграфия. Штутгард. 1921 г. Стр. 106. (На нем. яз). **VI—269.** *П. Беликов.*

405. **Деккер,** д-р. Осязание и слух. Штутгард. 1921 г. Стр. 92. (На нем. яз). **VII—277.** *Е. Аркин.*

406. **Деперэ, Ш.** Превращение животного мира. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1921 г. Стр. 271. **II (V)—328.** *А. Чернов.*

407. **Джинс.** Динамическая теория газов. Кембридж. 1921 г. Стр. 448. (На англ. яз). **(V)—333.** *В. Костицин.*

408. **Догель, А. С.** проф. Старость и смерть „Мысль". П. 1922 г. Стр. 45. **VI—265.** *Б. Завадовский.*

409. **Дрентельн, Н. С.** Воздух, вода, тепло. „Задруга". М. 1922 г. Стр. 32. **VII — 267** *Н. Андреев.*

410. „Журнал чистого и прикладного знания". Том I и II Всеукр. Госизд. Одесса. 1921—1922. **VIII—199.** *В. Костицин.*

411. **Завадовский, М. М.** проф. Пол и развитие его признаков. Госизд. М. 1922 г. Стр. 255. **VII—273** *А. Немилов.*

412. **Иванов, А. А.** проф. Теория ошибок и способ наименьших квадратов. „Научное книгоизд." П. 1921 г. Стр. 56. **I (IV)—268.** *В. Костицин.*

413. „Известия Института Экспериментальной Биологии". Изд. Наркомздрава. 1921 г. Стр. 120. **II (V)—329.** *Е. Успенский.*

414. „Известия Русского Общества Любителей Мироведения". Журнал за 1917 г. **II (V)—206.** *А. Жадовский.*

415. **Камеррер, П.** Омоложение и продление личной жизни. Госизд. 1922 г. Стр. 86. **VI—260.** *Е. Аркин.*

416. **Кимминс.** Химия жизни и здоровья. Изд. М. и С. Сабашниковых. П. 1921 г. Стр. 162. **VI—270.** *Б. Завадовский.*

417. **Каган, В.** Основания теории определителей. Госизд. Укр. Одесса. 1922. **VIII—199.** *В. Костицин.*

418. **Конобеевский, С. Т.** Что такое радий. Госизд. М. 1922 г. Стр. 51. **II (V)—336.** *Э. Шпольский.*

419. **Лазарев, П. П.** акад. Строение вещества. „Мир". 1922 г. **VI—266.** *С. Конобеевский.*

420. **Лазарев, П. П.** акад. Физические основания принципа относительности. Изд. „Северные дни". М. 1922 г. **VII—267.** *А. Тимирязев.*

421. **Лермантов, В. В.**—О том, как машины работают и как рассчитывают их действие. Госиздат. М. 1922 г. Стр. 262. **VI—262.** *С. Конобеевский.*

422. **Мензбир, М. А.** Проф.—Исторический очерк воззрений на природу. Книг. М. и С. Сабашниковых. П. 1920, Стр. 54. **II (V)—326.** *Д. Андрин.*

423. **Мейер, К. И.**—Происхождение наземной растительности. Госизд. М. 1922 г. Стр. 78. **VII—270.** *В. Арнольди.*

424. «Мироведение»—журнал №№ 1—5 за 1918 г., №№ 1—2 за 1919 г., №№ 1—2 за 1920 г., № 1 за 1921 г. П. **II (V)—206.** *А. Жадовский.*

425. **Михайлов, А. А.**—Атлас северного звездного неба. Госизд. М. **II (V)—331.** *С. Блажко.*

426. **Михельсон, В. А.**—Физика. Том. I. Госиздат. М. 1922 г. Стр. 308. **VII—279.** *Н. Андреев.*

427. «Наука и ее работники»—журнал №№ 1—4 за 1921 г. Петербург. **II (V)—206** *А. Жадовский.*

428. **Никифоров, С. И.**—Как самому собирать материал для полных биологических

препаратов лягушек, тритонов и пр. Госизд. П. 1921 г. I (IV)—268. *М. Тихомиров.*

429. **Павлов, А. П.,** проф.—Представление о времени в истории, археологии и геологии. Изд. Сабашникова, 1920. Стр. 24. I (IV)—262. *Д. Анучин.*

430. **Павлов, А. П.**—О громовых стрелах. Изд. Сабашникова. М. 1919 г. Стр. 17. (IV)—268. *А. Чернов.*

431. **Павлов, А. П.,** проф.—Морское дно и создание морем геологических напластаний. Госизд. М. 1922 г. II (V) — 329. *А. Чернов.*

432. **Палладин, В. И.,** академик.—Невидимые живые существа. «Мысль» II. 1922 г. Стр. 87. II (V)—331. *Б. Завадовский.*

433. **Порецкий, С. А.**—Зеленый мир. Госизд. М. 1922 г. VI—261. *В. Арнольди.*

434. «Природа» — журнал № 10—12 за 1919 г. II (V) —206. *Б. Завадовский.*

435. **Райков, Б. Е.,** проф.—Практические занятия по анатомии и физиологии человека для начинающих. «Время». П. 1922. Стр. 88. VII—271. *Б. Завадовский.*

436. **Роско.** — Химия. Госизд. Берлин. 1921 г. VII—278. *Н. Изгарышев.*

437. **Ройтман, Дж.**—Форма и движение земли. Госизд. 1922. Стр. 79, VI—264. *А. Михайлов.*

438. «Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова». Госизд. П. 1921 г. Стр. 279. I (IV)—269. *М. Завадовский.*

439. **Сазонов, С. и Верховский, В.**—Учебник химии. Госизд. 1921 г. М. VII—266. *В. Шарвин.*

440. **Сукачев, В.,** проф.—Растительные сообщества. «Книга» II. 1922 г. VII—270. *В. Арнольди.*

441. **Тимирязев, К.**—Значение науки (Луи Пастер). Госиздат, 1922. Стр. 54. VIII—196. *М. Завадовский.*

442. «Успехи физических наук.» журн. Том. II, вып. 2. Госизд. II (V)—335. *С. Конобеевский.*

443. **Фаянс, К.**—Радиоактивность. Госизд. М. 1922 г. VI—263. *П. Андреев.*

444. **Филипченко, Ю.**—Изменчивость и эволюция. Изд. Гржебина. 1921 г. Стр. 72. VII - 265. *М. Завадовский.*

445. **Хвольсон, О. Д.,** проф.—Как произошел мир. Изд. М. и С. Сабашниковых. П. 1921 г. I (IV)—264. *В. Костицин.*

446. **Хименков, В. Г.**—Настоящее, прошедшее и будущее земли. «Задруга». М. 1922 Стр. 79, II (V)—327. *А. Чернов.*

447. **Хинкс, А. Р.**—Астрономы и их обсерватории. «Научн. книгоизд.» П. 1920. Стр. 35., I (IV)—267. *С. Блажко.*

448. «Человек и природа» № 1 за 1920 г. II (V)—206. *А. Жадовский.*

449. **Шимкевич. В. М.,** проф.—Пол и его признаки. Стр. 128. VII — 269. *М. Завадовский.*

450. **Шульга-Нестеренко, М. И.**—Снег и лед в жизни земли. Госизд. 1922 г. Стр. 85. VII—278. *А. Крубер.*

451. **Эпик, Э.**—Солнце по новейшим исследованиям. Госизд. М. 1922. Стр. 120. VIII—200. *В. Костицин.*

452. **Яковлев, Н. Н.**—Из истории наук о земле. «Книга». П. 1921 г. Стр. 63. I (IV)—265. *Д. Анучин.*

XXII. Медицина и народное здравие.

453. **Анналы Клиники нервных и душевных болезней Бакинского Университета.** Вып. 1, 2, 3. Баку 1921 г. VI—271. *Л. Прозоров.*

454. **Аркин, Е. А.,** д-р. Физиология человека. Наркомздрав. М. 1919. Стр. 232. II (V) 337. *И. Гельман.*

455. «Архив клинической и экспериментальной медицины». Журнал № 2—3. Изд. «Научная Медицина». М. — П. 1922 г. Стр. 168. VII—284. *И. Гельман.*

456. **Брауде, И. Л.,** д-р. Прободение матки, профилактика и лечение. Госизд. М. 1921 г. Стр. 71. II (V)—342. *И. Эберлин.*

457. **Броннер, В. М.**—О стригущем лишае. Госизд. 1921 г. Стр. 14. I (IV)—276. *В. Поспелов.*

458. **Булатов, П. Н., др. и д-р. Фрейберг.**—Гигиена. Краткий. учебник. Госизд. М. 1922. Стр. 203. VIII—200. *Д. Бекарюков.*

459. **Вадемекум,** жилищно-санитарн. инспекторов (Сборн. статей). VIII—207. *Д. Гуревич.*

460. «Вестник микробиологии и эпидемиологии». Вып I. Саратов. 1922 г. Стр. 76. VII—286. *Н. д'Амелиус.*

461. «Вестник рентгенологии и радиологии», том. I. Вып. 3—4. Госизд. П. 1921 г. Стр. 191. VI—274. *И. Гельман.*

462. «Врачебная газета». №№ 1 и 2. Изд. «Практическая Медицина». П. 1922 г. Стр. 32-32. VI—275 *И. Гельман.*

463. «Врачебное дело». № 14—15 за 1919 г. и № 17—20 за 1920 г. Харьков. I (IV)—274 *А. Сысин.*

464. «Врачебный журнал». №№ 1 и 2. П. 1922 г. Стр. 32-32. VI - 275. *И. Гельман.*

465. «Врачебное обозрение» №№ 2 и 3. Изд. «Врач». Берлин. 1922 г. Стр. 48+48. VI—275. *И. Гельман.*

466. **Дзержинский, В.**, проф. Краткий учебник нервных болезней для студентов и врачей. Всеукр. Госизд. Екатеринослав. 1921 г. Стр. 334. VII—231. *Л. Прозоров.*

467. **Давыдовский, И. В.**—Патологическая анатомия и патология сыпного тифа. Часть. II. М. 1922. VIII—207. *Е. Марциновский.*

468. **Дьяконов, П. П.** д-р. Брюшной тиф и борьба с ним. II (V)—339. *Е. Трапезонцева.*

469. **Жорно, А. Ф.**—Молочная кухня для вскармливания грудных детей. Госизд. М. 1922 г. Стр. 155. VII—289. *В. Сукенников.*

470. «Журнал казанского медико-антропологического общества». Вып. I. Госизд. Казань 1921 г. Стр. 280. VII—285. *В. Сукенников.*

471. **Завадовский, Б.**—Как мы питаемся. Изд. «Союзкредит». Одесса. 1920 г. Стр. 24. II (V)—344. *Е. Аркин.*

472. **Золотницкий, В. Н.** д-р.—Азиатская холера. М. 1922. VIII—204. *А. Сысин.*

473. «Казанский медицинский журнал». Том. XVII. №№ 1 и 2. Казань. 1921 г. Стр. 136+132. VI—275. *И. Гельман.*

474. **Кащенко, В. П.**, д-р.—Нервность и дефективность в дошкольном и школьном возрастах. Москва 1919 г. Стр. 122. VI—272. *Л. Прозоров.*

475. «Клиническая медицина» № 4. Наркомздрав. М. 1921 г. VI—275. *И. Гельман.*

476. «Киевский медицинский журнал» № 1. Киев. 1922 г. Стр. 80. VI—275. *И. Гельман.*

477. «Кубанский научно-медицинский вестник» №№ 1—4 за 1921 г. Краснодар. Стр. 52+116. VI—275. *И. Гельман.*

478. **Лурия, Р. А.**—Отечная болезнь. Казань. 1921 г. Стр. 70. VII—282. *И. Гельман.*

479. «Материалы по распространению знаний о туберкулезе.» Вып. VII. Госизд. 1921 г. Стр. 104, II (V)—340. *В. Сукенников.*

480. **Мачинский, В.** Крестьянская изба и двор. Наркомздрав. М. 1922 г. Стр. 42. VII—283. *В. Гуревич.*

481. «Медицинская газета» № 1. Изд. «Кооп. Изд. Научн. Работ.». М. 1922. Стр. 16. VI—275. *И. Гельман.*

482. «Медицинская библиография» № 1. Изд. Наркомздрава. М. 1922 г. Стр. 56. VII—289. *И. Гельман.*

483. **Мещерский, Г. И.**, проф.—Программа для чтений по венерическим болезням. **Броннер, В. М.** Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями (конси. для чтения). **И. М. Малышев. и В. М. Броннер.** Пояснения к диапозитивам. Госизд. М. 1921 г. I (IV)—277. *В. Поспелов.*

484. **Мещерский, Г. И.**, проф. Лечение сифилиса. «Созвездие». М. 1922 г. Стр. 250. II (V)—341. *В. Поспелов.*

485. **Молчанов, В. И.**, проф. Физиологические данные детского возраста. Госизд. 1921 г. I (IV) 273 *Е. Аркин.*

486. «Московский Медицинский Журнал». №№ 4—5 за 1921 г. №№ 1—2 за 1922 г. Москздравотд. Стр. 168+158, VI—274, 275. *И. Гельман.*

487. **Новотельников, Л. С.**, д-р. Вечные враги нашего здоровья и борьба с ними Госизд. П. 1920. Стр. 27. I (IV)—276 *А. Шнеерсон.*

488. «Одесский сборник по сыпному тифу». Вып. I Одесса. 1920 г. Стр. 90. I (IV)—274. А. *Сысин.*

489. Тоже. Вып. II. Одесса. 1921 г. Стр. 160. II (V)—337. А. *Сысин.*

490. **Оппель, В. А.** Успехи современной хирургии. Изд. Гржебина. 1922 г. Стр. 170. VI—273. *Б. Завадовский.*

491. Основы клинической диагностики для врачей и студентов. Под редакцией А. М. Левина и Д. Плетнева. Госизд. М. 1922 г. Стр. 662. VIII—204. *И. Гельман.*

492. **Пожарский, И. Ф.**, проф.—Основы патологической анатомии. Ростов н/Дону 1919 г. Стр. 409. VI—272. *И. Гельман.*

493. «Психиатрия, неврология и экспериментальная психология».(Период. орган.) Вып. I. Госизд. П. 1922 г. VIII—203. *Л. Прозоров*

494. Резолюции I Всероссийского съезда по оздоровлению населенных мест. Госизд. 1922 г. Стр. 52. II (V)—343. *Е. Трапезонцева.*

495. «Русский офтальмологический журнал» № 1. Москва. 1922 г. Стр. 115. VII—287. *Е. Трапезонцева.*

496. «Санитарное просвещение». (Сборник). М. 1922 г. VIII—203. А. *Сысин.*

497. «Сборник работ конференции-съезда по сыпному тифу. в Петрограде 16—19 февраля 1920 г. Изд. Н. К. З. П. 1920. Стр. 178 I (IV)—274. А. *Сысин.*

498. «Сборник работ Крымского Бактериологического Института» за 1920 г. Госизд. Севастополь. 1921. Стр. 48. II (V)—338. А. *Сысин.*

499. «Сборник работ по акушерству и гинекологии». Том. I. Наркомздрав М. 1921 г. Стр. 130. VII—282. *В. Сукенников.*

500. «Современная медицина» № 1. Здравоотдел. Одесса. 1921 г. Стр. 124. VI—274. *И. Гельман.*

501. «Сыпной тиф». Труды IV Всероссийского Съезда бактериологов и эпидемиологов. Госизд. М. 1922 г. Стр. 313. VIII—205. *Д. Гуревич.*

502. «Сыпной тиф и его возбудители». Сборник статей. Здравоотдел Ростова на-Дону. 1920 г. Стр. 80. I (IV)—274. *А. Сысин.*

503. **Топор, М. М.** Вопросы питания в трудовой школе. Госизд. М. Стр. 112. II (V)—344. *В. Сукенников.*

504. «Туберкулез». Научный сборник № 1. Наркомздрав. М. 1922 Стр. 107. VII—280. *В. Сукенников.*

505. **Тур, М. В.** «Половые расстройства». Листовка—брошюра. II (V)—341. *В. Броннер*

506. **Федоров, С. П.**, проф. Клинические лекции по хирургии. Изд. Гржебина. Петерб.-Берлин. 1922. Стр. 152. II (V)—337. *А. Перуанский.*

507. «Холера». Циркуляры, инструкции и приказы Нар. Ком. Здрав. и Гл. Воен. Санитарн. Управлен. по борьбе с холерой. Госизд. 1921. I (IV)—275. *Е. Трапезонцева.*

508. **Хлопин, Г. В.**, проф. Основы гигиены. Том. I. вып. I. Наркомздрав. М. 1921 г. Стр. 239. I (IV)—270. *И. Гельман.*

509. «Цынга». Сборник. Изд. Наркомздрава. 1921 г. Стр. 16. II (V)—339. *И. Гельман.*

510. **Чистович, Н. Я.** проф. Курс частной паталогии и терапии внутренних бол. Т. I. Госизд. П. 1922. Стр. 467. VII—281. *И. Гельман.*

511. Юбилейный сборник в честь 25-летия врачебно-научной деятельности (1894—1919 гг.) профессора И. И. Грекова. Госизд. П. 1921 г. Стр. 552. I (IV)—291. *И. Гельман.*

512. **Эберштадт, Р.** Руководство по жилищному делу и жилищному вопросу. 1920 г. Стр. 775. (На нем. яз.) I (IV)—272. *И. Гельман.*

513. «Эпидемический сборник». Изд. Санпросвета Кавк. Воен. Санит. Окр. Упр. Ростов на Дону. 1921 г. Стр. 336. II (V)—339. *А. Сысин.*

514. **Яцута, К. З.** Repetitorium по описательной анатомии человека. Ч. I. Ростов на Дону. 1920 г. Стр. 171. VI—271. *В. Сукенников.*

XXIII. Теория и история литературы.

515. **Анненский, И.** Пушкин и Царское Село. Изд. Парфенон. П. 1921. VII—292. *Н. Пиксанов.*

516. **Аптекман, О.** Глеб Успенский. Изд. «Задруга». М. 1922 г. VI—282. *И. Кубиков.*

517. **Айхенвальд, Ю.** Поэты и поэтессы. Изд. «Северные дни». М. 1922. Стр. 96. VI—288. *С. Бобров.*

518. **Бекетова, М. А.** Александр Блок. „Алконост". Берлин. 1922. Стр. 136. VIII—209. *А. Цинговатов.*

519. **Беленсон, А. Э.** Искусственная жизнь. П. 1921. Стр. 94. II (V)—355. *И. Аксенов.*

520. **Белый, А.** Воспоминания о Блоке. Изд. «Северные дни». Сб. II. Стр. 131. VI—283. *К. Локс.*

521. **Белый, А.** Сирин ученого варварства. „Скифы". Берлин. 1922. Стр. 24 VIII—208. *П. Коган.*

522. **Бирюков, П. И.** Биография Льва Николаевича Толстого. Госизд. М. Стр. 331. VII—289. *Н. Бродский.*

223. **Браудо, Е. М.** Э. Т. А. Гофман. «Парфенон». П. 1922. Стр. 56. VII—306. *В. Фриче.*

524. **Бродский, Н. И.** С. Тургенев и русские сектанты. М. 1922. Стр. 48 VIII—220. *Д. Горбов.*

525. **Гливенко, И.** Данте Алигиери. Изд. «Литемуза». Стр. 32. I (IV)—277. *В. Фриче.*

526. **Гросман, Л.** Библиотека Достоевского. По неизд. матер. с прилож. каталога. Изд. Ивасенко. Одесса. 1919. Стр. 167. II (V)—348. *А. Эйхенгольц.*

527. **Гроссман, Л.** Три Современника. Изд. „Книгоизд. Писателей". М. 1922 г. Стр. 114. VII—295. *К. Локс.*

528. **Дельвиг.** Неизданные стихотворения. Труды Пушкинского Дома, при Российской Академии Наук. П. 1922. Стр. 150. II (V)—352. *Н. Пиксанов.*

529. Документы по истории литературы и общественности. Вып. первый. Ф. М. Достоевский. Изд. Центроархива. М. 1922 г. Стр. 88. II (V)—345. *Н. Пиксанов.*

530. «Достоевский». (Сборник статей). П. „Мысль" 1922. Стр. 516. VIII—213. *Д. Благой.*

531. **Достоевский и Пушкин.** Изд. «Парфенон». П. 1921. Стр. 56. II (V)—349. *Н. Пиксанов.*

532. **Жирмунский, В.** Композиция рилических стихотворений. К—во «Слово». П. 1921. Стр. 112. I (IV)—282. *С. Бобров.*

533. «Записки мечтателей». № 1—5. Изд. Алконост. П. II (V)—157. *П. Коган.*

534. «Записки мечтателей». № 6. Изд. Алконост. П. 1922. VII—298. *А. Цинговатов.*

535. **Зайцев, Б.** Данте и его поэма. Книгоизд. «Вега». М. 1922. Стр. 52. II (V)—355. *С. Бобров.*

536. Книга о Леониде Андрееве. Изд. З. И. Гржебина. Петерб.—Берлин. 1922 г. Стр. 109. II (V)—353. *В. Полонский.*

537. **Княжнин, Н.** Александр Блок. „Колос", П. 1922. Стр. 136. VIII—210. *А. Цинговатов*

538. **Кони, А. Ф.** Некрасов и Достоевский по личным воспоминаниям. Изд. Литераторов и Ученых. П. 1921 г. Стр. 82. I (IV)—287. *В. Полянский.*

539. **Котляревский, М.** Девятнадцатый век. Изд. «Наука и Школа». П. 1921 г. I (IV)—278. *П. Коган.*

540. **Левин, К.**—А. И. Герцен. Личность. Идеология. Госизд. М. 1922 г. Стр. 139. VI—278. *Н. Пиксанов.*

541. **Левинэ-Ниссен, Е.** Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов. Госизд. Стр. 58. I (IV)—281. *В. Фриче.*

542. **Леонтьев, К.** Страницы воспомина- Изд. «Парфенон». П. 1922. VII — 296. *П .Преображенский.*

543. **Львов-Рогачевский, В.** Очерки по истории новейшей русской литературы. (1881—1919 гг.). Изд. Центросоюза. М. 1920 г. Стр. 140. I (IV)—279. *В. Полянский.*

544. **Львов-Рогачевский, В.** Поэт-пророк. Памяти А. Блока. Изд. Кн—ва «Писателей» в Москве. 1921. Стр. 50. VI—284. *А. Цинговатов.*

545. **Манциус, К.**—Мольер. Театр, публика и актеры его времени. Госизд. 1922 г. Стр. 172. VII—302. *К. Локс.*

546. **Надсон и графиня Лида.** Петербург. Стр. 136. VI—287. *Д. Выгодский.*

547. **Неизданный Пушкин.** Собрание А. Ф. Онегина. Изд. «Атеней». 1922. VI—3. *В. Брюсов.*

548. «*Некрасов*». Памятка ко дню столетия рождения—22 ноября 1821 г.—22 ноября (5 декабря) 1921 года. Госизд. П. 1921. II (V)—352. *Б. Павлов.*

549. «Некрасов по неизданным материалам пушкинского дома». Изд. М. С. Сабашниковых. П. 1922 год. VI—280. *И. Кубиков.*

550. «Некрасовский сборник». Ярославль, 1922. Стр. 120. VIII—218. *Н. Фатов.*

551. **Об Александре Блоке.** Статьи. Изд. «Картонный домик». П. 1921 г. Стр. 336. I (IV)—289. *К. Локс.*

552. **Озаровская, О.** «Бабушкины старины». Госиздат. М. 1922. Стр. 120. VIII—222. *С. Городецкий.*

553. **Памяти Александра Блока.** (Сборник статей А. Белого, Иванова-Разумника, Штейнберга). Изд. «Вольфилы». Стр. 63. VI—283. *К. Локс.*

554. «Памяти Блока. Сборник. „Полярная Звезда" П. 1922. Стр. 119. VIII—211. *А. Цинговатов.*

555. «**Парфенон**». Сборник 1-й. П. 1922 г. Стр. 111. VII—300. *Д. Горбов.*

556. **Переверзев, В.** Творчество Достоевского. Госизд. М. 1922 г. Стр. 252. II (V)—346. *Н. Пиксанов.*

557. **Перцев, В.** Ранний Блок. Изд. «Костры», М. Стр. 75. VI—283. *К. Локс.*

558. **Пиксанов, Н. К.** Грибоедов и Мольер. Госизд. М. 1922 г. VI—288. *П. Коган.*

559. **Пиксанов, Н. К.** Пушкинская стадия. „Атеней". П. 1922. Стр. 100. VIII—213. *Н. Фатов.*

560. **Поляков, А. С.** О смерти Пушкина. Госизд. П. 1922 г. Стр. 110. II (V)—351. *Н. Пиксанов.*

561. **Пушкин, А. С.** Гавриилиада. Поэма. Труды Пушкинского Дома. П. 1922 г. Стр. 112. VI—279. *Н. Пиксанов.*

562. «**Радуга**». Альманах Пушкинского Дома. П. 1922 г. Стр. 308. VI—286. *Н. Бродский.*

563. **Розанов.** Очерк истории английской литературы. Госиздат. М. Стр. 247. 1922. VII—304. *В. Фриче.*

564. **Семенников, В. П.** Новый текст. «Путешествия из Петербурга в Москву Радищева». Изд. «Былое». М.—П. 1922 г. Стр. 48. VI—277. *Н. Пиксанов.*

565. **Соболевский, друг Пушкина.** Изд. «Парфенон». П. 1922. Стр. 48. VII—291. *Н. Пиксанов.*

566. «**Тютчев**». (Сборник статей). Изд. «Парфенон». П. 1922. Стр. 110. VII—292. *Д. Благой.*

567. **Тютчевиана.** Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева. Изд. «Костры». М. 1922 г. Стр. 53. VII—293. *Д. Благой.*

568 **Фриче, В. М.** Очерк развития Западно-Европейской литературы. Мосгубиздат. М. 1922. VII—303. *П. Коган.*

569. **Ховин, В.** На одну тему. П. 1921 г. Стр. 100. I (IV)—288. *П. Аксенов.*

570. **Чехов.** Новые письма. (Из собрания Пушкинского Дома). Изд. «Атеней». 1922 г. Стр. 150. VI—285. *Н. Бродский.*

571. **Чуковский, К.** Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Изд. «Эпоха». П. 1922 г. Стр. 37. I (IV)—287. *В. Полонский.*

572. **Чуковский, К.** Поэт и палач. (Некрасов и Муравьев). Изд. «Эпоха». П. 1922. Стр. 48. II (V)—350. *В. Полонский.*

573. **Чуковский, К.** Некрасов, как художник. Изд. «Эпоха». П. 1922 г. II (V)—351. *П. Коган.*

574. **Чуковский, К.** Книга об А. Блоке. Изд. «Эпоха». Стр. 121. VI—283. *К. Локс.*

575. **Шагинян, М.** Литературный дневник. «Парфенон». П. 1922 г. Стр. 110. VII—297. *А. Цинговатов.*

576. **Шкловский, В.** Розанов. Из книги «Сюжет, как явление стиха». Изд. «Опояз». П. 1921 г. I (IV)—286. *К. Локс.*

577. **Шкловский, В.** Развертывание сюжета. Изд. «Опояз». 1921 г. Стр. 60. II (V)—355. *К. Локс.*

578. **Шкловский, В.** Тристрам Шенди. Изд. «Опояз». Стр. 39. II (V)—355. *К. Локс.*

579. **Эфрос, Н.** Александр Николаевич Островский. Изд. «Колос». П. 1922. Стр. 112. VII—291. *Н. Бродский.*

XXIV. Художественная литература.

580. **Адамович, Г.** Чистилище. П. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

581. **Александровский, В.** Утро. «Всеросс. Асоциация пролет. писат». М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

582 «Альманах Литературного Особняка». № 1. М. 1922. Стр. 32. I (IV)—299. *Э. Бик.*

583. **Асеев, Н.** Стальной Соловей. Изд. Вхутемас. М. 1922. Стр. 26. VI—290. *В. Брюсов.*

584. **Ахматова, А.** Anno domini MCMXXI. „Петрополис". П. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

585. **Бальмонт, К.** Песня рабочего молота. Госизд. М. 1922 г. VII—320. *Н. Асеев.*

586. **Бедный, Д.** Царь Андрон. Госизд. 1922 г. Стр. 107. I (IV)—290. *А. Дивильковский.*

587. **Безыменский, А.** К солнцу. Книга стихов. Госпзд. П. 1921 г. Стр. 60. I (IV)—296. *В. Полянский.*

588. **Беленсон, А.** Врата тесные. Стихи. 1922 г. Стр. 48. VI—290. *В. Брюсов.*

589. **Белый, А.** Офейра. М. 1922 г. Стр. 200. VII—319. *И. Аксенов.*

590. **Берман, Л.** Новая Троя. Стихи. Изд. „Эрато". П. 1921 г. Стр. 80. II (V)—366 *Э. Бик.*

591. **Бибик, А.** К широкой дороге. Моск. Отд. Госизд. М. 1922 г. Стр. 232. VII—318. *И. Кубиков.*

592. **Брюсов, В.** В такие дни. М. 1921 г. Стр. 88. VI—293. *И. Аксенов.*

593. **Буйницкий, В.** Осеннее. Изд. Шарнина. Екатеринбург. 1922 г. Стр. 58. VIII—45. *С. Городецкий.*

594. **Бюрроуз, Э.** Тарзан. „Моск. Раб.". М. 1922 г. Стр. 272. VIII—238. *Э. Бик.*

595. **Бэнар, Н.** Корабль отплывающий. Изд. „Альциона" М. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

596. **Ветлугин, А.** Третья Россия. Париж. 1922 г. VIII—231. *В. Полонский.*

597. **Виленский, Л.** На! М. 1922 г. Стр. 40. I (IV)—299. *Э. Бик.*

598. **Волков, М.** Чудо. Изд. Всерос. Ассоц. Пролет. Писат. М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

599. **Волькенштейн, В.** Спартак. Госизд. М. 1921 г. Стр. 142. I (IV)—296. *В. Полянский.*

600. „Всероссийский Союз Поэтов". 2-й сборник. К-во „Сопо". М. 1922 г. Стр. 32. I (IV)—299. *Э. Бик.*

601. **Голодный, М.** Свет. Изд. Ц.К.К.С.М.У. Харьков. 1922 г. Стр. 34. VIII—45. *С. Городецкий.*

602. **Гольдони, К.** Комедии. „Всемирная Литература". П. 1922 г. Стр. 321. VIII—234. *В. Фриче.*

603. **Гофштейн, Д.** Тройер. Изд. „Культур-Лиге". Киев. 1922 г. (на евр. яз.) VII—325. *А. Гурштейн.*

604. **Грацианская, Н.** Сейф сердца. Москва. 1922 г. Стр. 52. VIII—45. *С. Городецкий.*

605. **Гроссман, Л.** Вторник у Каролины Павловой. Изд. „Т-ва Кн-ва Писателей". М. 1922 г. VII—324. *К. Локс.*

606. **Гумилев, Н.** Мик. Африканская поэма. Изд. „Мысль". П. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

607. **Гумилев, Н.** Фарфоровый павильон. Китайские стихи. Изд. „Мысль". П. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

608. **Гумилевский, Л.** Может быть. Рассказы. Саратов. VI—295. *И. Кубиков.*

609. „Dada-Almanach". (Альманах дадаистов). На нем. яз. Берлин. 1921 г. Стр. 160. VI—294. *Г. Баммель.*

610. **Данилов, М.** Каменный фонарь. Баку. 1922 г. Стр. 104. VIII—45. *С. Городецкий.*

611. **Деген, Ю.** Волшебный улов. Изд. „Дегур". „Город Ветров". 1922 г. Стр. 40. VIII—45. *С. Городецкий.*

612. **Жаров, А.** Слово о Поволжьи. Изд. М.К.Р.К.С.М. М. 1921 г. II (V)—143. *С. Бобров.*

613. **Жижин, И.** Мое. Изд. Губсоюза. Потр. Обществ. Иваново-Вознесенск. 1922 г. VIII—45. *С. Городецкий.*

614. **Зазубрин, В.** Два мира. Роман. Изд. Поарма 5. 1921 г. Стр. 294. I (IV) — 294. *Е. Пильняк.*

615. „Зарницы". Альманах Тверского Лит. Худ. Общества имени И. С. Никитина. Книга первая. Тверь. II (V)—361. *И. Кубиков.*

616. **Захаров-Менский, Н.** Печали. Стихи. Изд. Неоклассики. М. 1922 г. Стр. 32. I (IV)—299. *Э. Бик.*

617. **Звягинцева, В.** На мосту. М. 1922 г. Стр. 64. II (V)—363. *Э. Бик.*

618. **Зенкевич, М.** Пашня танков. 1921 г. Стр. 32. I (IV)—299. *Э. Бик.*

619. **Зоргенфрей, В.** Страстная суббота, Стихи. Изд. „Время". П. 1922 г. Стр. 62. VI—290. *В. Брюсов.*

620. „Зори-Заряницы". Сборник. И. Доронин, М. Смирнов, С. Дмитриев, Н. Добровой. Тула. 1922 г. Стр. 88. VIII—45. *С. Городецкий.*

621. **Зощенко, М.** Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. „Эрато". П. 1922 г. Стр. 78. VII—316. *Н. Асеев.*

622. **Зунделович, Я.** Стихотворения. М. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

623. **Иванов, В.** Цветные ветра. Ки-во „Эпоха". П. 1922 г. VII—311. *Н. Асеев.*

624. **Иванов, В.** Лога. Изд. „Эпоха". П. 1922 г. VII—311. *Н. Асеев.*

625. **Ильина** (Сеферянц), **А.** Земляная литургия. М. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

626. **Ирецкий, В.** Гравюры. П. 1921 г. Стр. 88. I (IV)—294. *С. Бобров.*

627. **Келлер, В.** Игра. Изд. Буревестник. Краснодар. 1922 г. Стр. 48. VIII—45. *С. Городецкий.*

628. **Келлерман, Б.** 9-е ноября. Изд. Моск. Отд. Госизд. М. 1922 г. Стр. 392. VII—309. *В. Брюсов.*

629. **Керженцев, П. М.** Среди пламени. Госизд. П. 1921 г. Стр. 44. II (V) — 361. *М. Загорский.*

630. **Кириллов, В.** Паруса. Изд. „Всерос. Ассоц. Пролет. Пис." М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

631. **Китаев, А.** Оранжевый колорит. Смоленск. 1921 г. Стр. 20. VIII—45. *С. Городецкий.*

632. **Клюев, Н.** Четвертый рим. К-во „Эпоха". П. Стр. 24. II (V)—363. *Э. Бик.*

633. **Колбасьев, С.** Открытое море. Поэма. П. 1922 г. Стр. 32. VI—290. *В. Брюсов.*

634. **Короленко, В.** История моего современника. Т. III. „Задруга". М. 1921 г. I (IV)—291. *И. Кубиков.*

635. **Коршунов, Ф.** Песнь о погибели Киева. М. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

636. „Костры". Книга 1-я. М. 1922 г. Стр. 190. II (V)—358. *К. Локс.*

637. **Кремлев, И.** Хижина. Батум. 1922 г. VIII—45. *С. Городецкий.*

638. **Крученых, А.** Голодняк. М. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

639. **Кузьмина, Н.** Стрелы звенящие. Госизд. Ростов. 1922 г. Стр. 64. VIII—45. *С. Городецкий.*

640. **Лепок, Н. и Перелешин, Б.** Фуисты. Мозговой разжиж. М. Стр. 16. VIII—45. *С. Городецкий.*

641. **Лернер, Н.** Николай I-й. Изд. „Книгопечатник". М. 1922 г. VII—322. *И. Кубиков.*

642. **Лидин, В.** Моря и горы. Изд. „Северные дни". М. 1922 г. VII—317. *В. Блюм.*

643. **Липскеров.** Туркестанские стихи. К-во „Альциона". М. 1922 г. Стр. 52. II (V)—363. *Э. Бик.*

644. „Лирический круг". Сборник. Изд. „Северные дни". М. 1922 г. Стр. 96. VI—290. *В. Брюсов.*

645. **Луганский, А.** Жасминовый сад. Изд. Рыбина. Иваново-Вознесенск. 1922 г. Стр. 48. VIII—45. *С. Городецкий.*

646. **Луганский, А.** Терем царевны. Изд. Киселева. Иваново-Вознесенск. 1922 г. Стр. 104. VIII—45. *С. Городецкий.*

647. **Лукашин, И.** Исповедь пролетария. Изд. Орловского Отд. Нар. Образ. Орел. 1920 г. VI—297. *И. Кубиков.*

648. **Ляо-Чжай.** Лисьи чары. „Всемирная литература", Госизд. П. 1922 г. VIII—241. *В. Кряжин.*

649. **Ляшко, Н.** Весенний день. Изд. Всерос. Ассоц. Пролет. Писат. М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

650. **Ляшко, Н.** Рассказ о кандалах. Госизд. М. 1921 г. VII—316. *В. Блюм.*

651. **Маркиш, П.** Ди купэ. Изд. „Культур-Лиге". Киев. 1922 г. Стр. 35. (На евр. яз.) VII—325. *А. Гурштейн.*

652. **Маркиш, П.** Нахт-ройб. М. 1922 Стр. 29. VIII—239. *А. Гурштейн.*

653. **Маяковский, В.** Маяковский издевается. Изд. Вхутемас. М. 1922 г. VII—320. *И. Аксенов.*

654. „Московский Альманах". „Огоньки". Берлин 1922. Стр. 215 VIII—222.

655. „Наши дни". Альманах. Книга 1-я. Госизд. М. 1922 г. Стр. 300. VI—306. *К. Локс.*

656. **Несмелов, А.** Тихвин. Владивосток. 1922 г. VIII—45. *С. Городецкий.*

657. **Новиков, И.** „Душка". Повесть. М. 1922 г. Стр. 118. II (V)—357. *И. Аксенов.*

658. **Новиков, И.** Калина в палисаднике. „Костры" 1922. VIII—230. *Д. Горбов.*

659. **Обрадович, С.** Сдвиг. М. 1921 г. IV—301. *И. Аксенов.*

660. **Одоевцева, И.** Двор чудес. Кн-во „Мысль". П. 1922 г. Стр. 64. II (V)—363. *Э. Бик.*

661. **Оксенов, И.** Роща. Из-во. „Эрато" П. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

662. **Олерон. Д.** Олимпийские сонеты. Иркутск. Стр. 32. VIII—45. *С. Городецкий.*

663. **Олимпов, К.** 3-е Рождество великого мирового поэта социальной поэзии Константина Олимпова (Родителя мироздания). Изд. Гусли Неба. Стр. 8. VIII—45. *С. Городецкий.*

664. **Орлов-Скоморовский, Ф. М.** д-р. Из цикла „К человечеству". Кн. I. Голгофа ребенка. Госизд. 1921 г. VII—322. *А. Елизарова.*

665. „Островитяне". Альманах. П. 1921 г. Стр. 48. VI—290. *В. Брюсов.*

666. **Палей, А.** Бубен дня. Екатеринослав. 1922 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

667. **Пастернак, Б.** Сестра моя жизнь. Изд. Гржебина. М. 1922 г. Стр. 139. VI — 303. *Я. Черняк.*

668. „Пересвет". Сборник 1-й Кн-во Васильева М. 1921 г. Стр. 115. I (IV) — 292. *И. Кубиков.*

669. „Пересвет". Сборник 2-ой. Кн-во Васильева. М. 1922 г. Стр. 108. VI—297. *К. Л.*

670. „Петербургский Альманах". Кн. 1-я. П.-Берлин. 1922 г. Стр. 234. II (V) — 359. *К. Локс.*

671. **Петровский, П. Н.** Последние песни. Изд-во Гржебина. М. 1922 г. Стр. 80. VI—290. *В. Брюсов.*

672. **Пильняк, Б.** Расказы. Изд-во. „Звенья" М. 1919 г. Стр. 114. I. (IV)—292. *В. Полонский.*

673. **Пильняк, Б.** Смертельное манит. К-во Гржебина. М. 1922 г. VII—314. *Н. Асеев.*

674. **Потапенко, И. И.** Ряса Вологодское Отд. Госизд. 1922 г. VII—321. *А. Баркова.*

675. **Приходченко, Е.** Земля. Издательство Арена. Гор. не указан. 1922 г. Стр. 48. VIII—45. *С. Городецкий.*

676. **Радимов, П.** Деревня. Казань. 1922 г. VIII—45. *С. Городецкий.*

677. **Ремизов, А.** Мара. „Огоньки" Берлин. 1922. VIII—224. *Н. Асеев.*

678. Революционный Чтец - Декламатор. Изд. „Московск. Раб". Ростов на Дону. 1922 г. VIII—233. *Н. Асеев.*

679. **Родов, С.** Прорыв. Изд. Асоц. Пролет. Писат. М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

680. **Рождественский, В.** Золотое веретено. Изд. Петрополис. П. 1921 г. Стр. 64. II (V)—366. *С. Бобров.*

681. **Ромэн, Р.** Колá Бреньон. Госизд. П. 1922. Стр. 242, VIII—235. *Ю. Соболев.*

682. **Ромен. Ж.** Доногоо - Тонка. Госизд. П. 1922. Стр. 144. VIII—237. *С. Бобров.*

683. **Рышков, В.** Губернатор. Вологодск. Отд. Госизд. 1922 г. VII—321. *А. Баркова.*

684. **Санников, В.** Лирика. Изд. Всер. Ассоц. Пролет. Писат. М. 1921 г. Стр. 16. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

685. **Санников, В.** Дни. Вятка. 1921 г. Стр. 32. I (IV)—301. *И. Аксенов.*

686. «Северные дни». Сборник II-й М. 1922 г. Стр. 160. II (V)—356. *И. Аксенов.*

687. **Сидоров, Г.** Стебли. М. 1922 г. Стр. 16. I (IV)—299. *Э. Бик.*

688. **Синклер, Э.**—Сто процентов. Госизд. П. 1922. Стр. 307. VIII—238. *Ю. Соболев.*

689. **Синяков, И.**—Золотое кольцо. 1922 г. Стр. 32. VIII—45. *С. Городецкий.*

690. **Смирнов, М. и В. Ростопчин.**—Алатырь. Госизд. Орел 1921 г. Стр. 52. VIII—45. *С. Городецкий.*

691. **Смолин, Д.**—Василиск Холодов. Госизд. М. 1921 г. Стр. 136. II(V)—360. *М. Загорский.*

692. **Соболь, А.**—«Бред». Повесть. Изд. «Северные Дни». М. 1922 г. Стр. 107. VI—296. *С. Городецкий.*

693. **Сологуб, Ф.**—Фимиамы. Изд. «Странствующий натуралист». П. 1921 г. Стр. 105. I (IV)—299. *Д. Выгодский.*

694. **Сологуб, Ф.**—Соборный благовест. Изд. «Эпоха». П. 1922 г. II (V) — 143. *В. Брюсов.*

695. **Сологуб, Ф.**—Одна любовь. Кн-во «Меозотис» П. 1921 г. Стр. 60. II (V)—365. *А. Юрлов.*

696. **Сологуб, Ф.**—Свирель. Русские Бержереты. П. 1922 г. Стр. 62. VI—290. *В. Брюсов.*

697. **Сологуб, Ф.**—Заклинательница змей. Изд. «Эпоха» П. 1922 г. Стр. 227. VI—304. *Р. Головин.*

698. «Стрелец». — Сборник III. II 1921. Стр. 184. VIII—230. *А. Юрлов.*

699. **Сухотин, П.**—В черные дни. Изд. Гржебина. М. 1922 г. Стр. 152. VI—290. *В. Брюсов.*

700. **Тихонов, Н.**—Орда. Стихи. П. 1922 г. Стр. 64. VI—290. *В. Брюсов.*

701. **Толстой А. Н.** Горький цвет. Берлин, 1922. VIII—225. *В. Волькенштейн.*

702. **Толстой, А. Н.** Повесть о многих превосходных вещах. „Геликон". Берлин. 1922. VIII—225. *Д. Горбов.*

703. **Третьяков, Н.** Железная пауза. Владивосток. 1919 г. Стр. 64. I (IV)—297. *С. Бобров.*

704. **Третьяков, С.** Ясныш. Изд. «Птач» Чита. 1922 г. Стр. 64. II (V)—364. *С. Бобров.*

705. **Уитмен, У.** Избранные сочинения. II. 1922 г. Стр. 264. VII—311. *И. Аксенов.*

706. **Цветаева, М.** Конец Казановы. Кн-во «Созвездие». М. 1922 г. Стр. 80. II (V)—363. *Э. Бик.*

707. **Цветаева, М.** Версты. Стихи. Издат. «Костры» М. 1921 г. Стр. 56. VI—290. *В. Брюсов.*

708. **Чапыгин, В.** Волк за волком. Госизд. П. 1922 г. VII—322. *И. Кубиков.*

709. **Чулков, Г.** Стихотворения. Изд-во «Задруга» М. 1922 г. Стр. 112. II (V)—364. *С. Бобров.*

710. «Шиповник» Сборник литературы и искусства № 1. изд. «Шиповник». М. 1922 г. VII—307. *Д. Горбов.*

711. **Шкапская, М.** Mater dolorosa. . П. 1921 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

712. «Штром» (Поток). Ежемесячник на еврейском языке. М. 1922 г. Стр 80. VI—299. *А. Гурштейн.*

713. «Штром» (Поток) № 2. М. 1922. Стр. 80. VIII—239. *А. Гурштейн.*

714. **Штромберг, М.** Аларис. Возмездие. Изд. «Ипокрена». 1921 г. II (V)—143. *В. Брюсов.*

715. «Штурм». Двухнедельник культуры и искусства (на нем. языке). Берлин. По 24 №№ за 1919—1921 гг. VI—301. *Г. Баммель.*

716. **Юрьин, Ю.** Сполошный зык. Госиздат. П. 1919 г. Стр. 91. II (V)—362. *В. Полянский.*

717. «Экспрессионисты» (Е. Габриловичъ, Б. Лапин, С. Спасский, И. Соколов). М. 1921 г. Стр. 19. I (IV)—299. *Э. Бик.*

718. **Эренбург, И.** Необычайные похождения Хулио-Хуренито. Берлин. VIII—226. *Я. Черняк.*

719. **Эренбург, И.** Опустошенная любовь. Берлин. VIII—229. *Я. Черняк.*

XXV Детские книги.

720. «Библиотека детского чтения». Рассказы, басни, стихотворения. Госизд. 1921 г. Стр. 31. I (IV)—303. *А. Елизарова.*

721. «Буренушка». Сборник рассказов и стихотворений. Изд. Т-ва Сытина. Стр. 16 I (IV)—304. *А. Елизарова.*

722. «В природе зимой». Рассказы. Госиздат. Стр. 31. I (IV)—304. *А. Елизарова.*

723. **Вериго, М.** В лесу. Стр. 30. I (IV)—304. *А. Елизарова.*

724. **Киплинг, Р.** Маленькие сказки. Изд. Т-ва «Мир». VII—330. *А. Елизарова.*

725. «Мишка». Сборник для детей младшего возраста. Стр. 42. II (V)—367. *А. Елизарова.*

726. **Сетон-Томпсон.** Приключения Рольфа. Госиздат. Стр. 263. VII—327. *А. Елизарова.*

727. **Толстой, Л. Н.** Книга для чтения. Госиздат. 1921 г. Стр. 136. VII—328. *А. Елизарова.*

728. **Тулупов, Н. В.** Страшная коза. Стр. 32. I (IV)—302. *А. Елизарова.*

729. **Тулупов. Н. В.** Книжка—первинка для малых ребят. Вып. VIII, X, XI. Стр. 32+32+32. I (IV)—303. *А. Елизарова.*

730. **Фич-Перкинс. Л.** Маленькие голландцы. Госизд. Стр. 87. II (V)—336. *А. Елизарова.*

XXVI Искусства.

731. **Бакушинский, А.** Музейно-эстетические экскурсии. Госизд. М. 1919 г. I (IV)—319. *Н. Тарабукин.*

732. «Бирюч» Петроградских Государств. театров. (Сборник статей) П. 1921 г. II (V) 368. *Н. Бродский.*

733. **Браудо, М.** Всеобщая история музыки. Госизд. П. 1922 г. VIII—245. *Л. Сабанеев.*

734. **Вальден, Г. В.** Экспрессионизм, футуризм, кубизм. Берлин. 1917 г. (На нем. яз.). Стр. 173. VI—307. *Б. Арватов.*

735. **Ведеркопп, Г.** Пауль Кле. (На нем. яз.). Лейпциг. 1920 г. Стр. 48. VI — 308 *Б. Арватов.*

736. **Вельфлин Г.** Истолкование искусства. Изд. «Дельфин». М. 1922 г. VII—340. *Н. Тарабукин.*

737. «Вещь». Журнал №№ 1—2, 3. Берлин. 1922. VII—341. *Б. Арватов.*

738. **Виппер, Б.** Проблема и развитие натюрморта. Татгосиздат. Казань. 1922 г. VII—336. *А. Сидоров.*

739. **Глебов, И.** Скрябин. „Светозар". II. 1922 г. VIII—245. *Л. Сабанеев.*

740. **Голлербах, Э.** Собрание Палей в Детском Селе. Изд. «Среди коллекц.» М. 1922 г. Стр. 72. II (V)—376. *А. Сидоров.*

741. **Голлербах, Э. Ф.** Детско-сельские дворцы-музеи. Госизд. II. 1922 г. Стр. 348. VII—348. *В. Адарюков.*

742. **Голлербах, Э. Ф.** Фарфор государственного завода. Изд. «Среди коллекцион». М. 1922 г. Стр. 53. VIII—254. *В. Адарюков.*

743. **Грабарь, И. Э.** Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины. М. 1919 г. Стр. 32. VI—333. *А. Греч.*

744. **Граутов, О.** Французская живопись после 1914 г. Берлин. 1921 г. Стр. 50 (на нем. яз.). II (V)—370. *В. Блох.*

745. Графика студийцев графической мастерской Моск. Пролеткульта. Вып. I. Изд. Моск. Пролеткульта. М. 1922 г. VI—375. *А. Сидоров.*

746. **Григорьев, Б.** Рассея (на нем. яз.). Берлин. 1921 г. Стр. 144. II (V)—375. *А. Сидоров.*

747. **Грищенко, А. и Лаврский, Н. — А. Шевченко.** Поиски и достижения в области станковой живописи. Изд. Отд. Изобр. Искусств. М. 1919 г. II (V)—373. *Г. Жидков.*

748. **Дульский, П.—Н. И. Фешин.** Госизд. Казань. 1921 г. VII—344. *А. Греч.*

749. **Евдокимов, И. В.** Север в истории русского искусства. Изд. Союза Сев. Кооперат. Союзов. Вологда. 1921. г. Стр. 230. VII—333. *Г. Жидков.*

750. **Евреинов, Н. Н.** Первобытная драма германцев. Изд. „Полярная Звезда". II. 1922. Стр. 31. VII—350. *В. Блюм.*

751. **Евреинов, Н. Н.** Театральные инвенции. Изд. „Время". М. 1922. Стр. 14. VII—350. *В. Блюм.*

752. „Esprit (l') nouveau". Журнал № 16. Париж. VII—349. *Н. Тарабукин.*

753. „Известия комитета изучения древне-русской живописи". Вып. 1-й. Госизд. II. 1921 г. Стр. 52. II (V)—374. *Г. Жидков.*

754. **Кизеветтер, А.** Театр. „Задруга". М. 1922 г. VIII—342. *В. Волькенштейн.*

755. „Кооперация и искусство". Сборник статей. И. Грабаря, Н. Романова, А. Эфроса, П. Эттингера и А. Чаянова. М. 1919 г. Стр. 80. VI—313. *А. Греч.*

756. „Книжные знаки". Вып. I. Изд. Казанского Графич. Коллектива. Казань. 1922 г. VI—314. *В. Адарюков.*

757. «Книжные знаки русских художников». Изд. «Петрополис». II. 1922 г. Стр. 240. VII—346 *А. Сидоров.*

758. **Кругликова, Е.** Силуэты современников. I. Поэты. „Альциона". М. 1921 г. VI—311. *Н. Тарабукин.*

759. **Ландсбергер, Ф.** Импрессионизм и экспрессионизм. Лейпциг. 1920 г. I (IV)—311. *Б. Арватов.*

760. **„Леонардо да-Винчи". „Парфенон"** II. 1922 г. VIII—246. *И. Корницкий.*

761. **Лешков.** Мариус Петипа. Изд. Петр. Академич. Театров. II. 1922. VII—350. *А. Сидоров.*

762. **Лобанов, В.** 1905 год в живописи Изд. Гржебина. М. 1922. Стр. 32. VI—310. *Н. Тарабукин.*

763. **Лобанов, В.** Подмосковные. Изд. Маковского. 1919 г. Стр. 64. II (V)—377. *А. Греч.*

764. **Малевич, К.** Бог не скинут. Изд „Уновис". Витебск. 1922. Стр. 411. VII—343. *Б. Арватов.*

765. **Макаренко, Н.** Искусство древней Руси у Соли Вычегодской. Изд. «Свободное Искусство". П. 157. I (IV)—315. *Г. Жидков.*

766. **Маковский, С.** Последние итоги живописи. Берлин. 1922 г. Стр. 166. VIII—249. *Л. Розенталь.*

767. „Мир искусств в образах поэзии". М. 1922 г. VIII—256. *А. Сидоров.*

768. „Наша колония". Альбом гравюр. Звенигород. 1922 г. VIII—254. *А. Греч.*

769. „О древне-русской книге". (К выставке „Древне-Русская книга" Сергиевского Историко-художественного музея). 1921. Стр. 18. II (V)—372. *Г. Жидков.*

770. „О театре". Сборник. „Тверское Изд." Тверь. 1922 г. Стр. 151. VIII—243. *Ю. Соболев.*

771. **Павлов, И. Н.** Гравюры (1886—1921). Вступительная статья и полный каталог гравюр на дереве и линолеуме сост. В. Адарюковым. Госиздат. М. 1922 г. Стр. 107. VI—313. *А. Стрелков.*

772. **Перцев, П. П.** Щукинское собрание французской живописи. Изд. Сабашниковых. М. 1921 г. Стр. 120. I (IV)—312. *А. Сидоров.*

773. **Перцев, П.** Третьяковская галлерея. Изд. Сабашниковых. М. 1922 г. Стр. 94. **II (V)—370.** *И. Корницкий.*

774. Печные поливные кафли XVIII—XIX веков. Ярославль 1918 г. **VIII—55.** *Г. Жидков.*

775. „Подмосковные", Выпуск I. Москва. 1922. **VII—345.** *А. Греч.*

776. **Прыгунов, М. Д.** Русская сцена за последние 40 лет. 1880—1920 гг. Госизд. Казань. 1921 г. Стр. 28. **I (IV)—309.** *В. Бебутов.*

777. **Пунин, Н.** Татлин. (Против кубизма). Госиздат. П. 1921 г. **VIII—258.** *Н. Стефанович.*

778. **Репин, И.** Воспоминания. Изд. „Солнце". П. Стр. 98. **VI—314.** *А. Стрелков.*

779. **Романов, Н. И.**, проф. Произвед. Рафаэля в России. Изд. „Альциона". М. 1922 г. Стр. 32. **II (V)—369.** *А. Сидоров.*

780. **Романов, Н. И.** Как устраивать местные Музеи. М. 1919 г. Стр. 112. **VI—313.** *А. Греч.*

781. **Таиров, А.** Записки режиссера. Изд. Камерного театра. М. 1921 г. Стр. 194. **I (IV)—305.** *В. Мейерхольд.*

782. **Тройницкий, С. Н.** Путеводитель по отд. фарфора Государ. Эрмитажа. Госизд. П. 1921 г. Стр. 44. **VI—310.** *А. Греч.*

783. **Тугендхольд, Я.** — Эдуард Дега и его искусство. Изд. Гржебина. М. 1922. Стр. 89. **I (IV)—318.** *И. Корницкий.*

784. **Успенский, Ю.** Старый Воронеж. Госизд. Воронеж. 1922 г. **VIII—253.** *Г. Жидков.*

785. **Фармаковский, Б. В.** Художественный идеал демократических Афин. Кн-во „Огни". П. 1918 г. Стр. 204. **I (IV)—309.** *Д. Недович.*

786. **Ферсман, А. и Влодавец, Н.** Государственные Петергофские гранильные мастерские. Петроград. 1921 г. **VIII—259.** *А. Греч.*

787. **Шагинян, М.** История искусств, для консерваторий и музык. школ. Госиздат. П. 1922. **VII—338.** *А. Некрасов.*

788. **Шмидт, Ф.** Искусство древней Руси-Украины. Изд. «Союз». Харьков. 1919. **VII—331.** *А. Некрасов.*

789. **Эренбург, И.** „А все таки она вертится". „Геликон". Москва—Берлин. 1922. **VIII—251.** *Л. Розенталь.*

790. **Эрнст, С.** — Александр Бенуа. Изд. Ком. Популяриз. Худ. Изд. при Российской Акад. Ист. Матер. Культ. П. 1921 г. Стр. 100. **I (IV)—316.** *А. Стрелков.*

791. **Эрнст, С.** В. Замирайло. Изд-во „Альциона". П. 1921 г. Стр. 44. **I (IV)—317.** *И. Корницкий.*

792. **Эрнст, С.** В. А. Серов. Изд. ком. Поп. Худ. Изд. при Росс. Акад. Ист. Мат. Культ. П. 1921. Стр. 114, **VI—311.** *И. Корницкий.*

XXVII. Заметки о журналах.

793. „Журналист" № 1. Изд. Центр. Бюро Всер. Секции Работников Печати. М. 1922. **VII—359.** *В. Полонский.*

794. „Красная новь" № 4 и № 5. **II (V)—380.** *В. Полянский.*

795. „Маковец". Журнал Искусств № 1. Кн-во „Млечный Путь". М. 1922 г. **II (V)—385.** *Э. Бик.*

796. „Начала". № 1. Журнал истории литературы и истории общественности. П. 1921 г. **II (V)—383.** *П. Коган.*

797. „Петербург". Двухнедельный литературный, популярно-научный журнал. №№ 1 и 2. 1921—1922 гг. П. Стр. 46+36. **II (V)—385.** *Э. Бик.*

798. „Свиток". № 1. Изд-во „Никитинские субботники". М. 1922 г. Стр. 177. **II (V)—382** *К. Локс.*

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ВКЛАДНЫХ ЛИСТАХ ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 1922 ГОД.

1. **Альтман, Н.** Этюд к портрету В. И. Ленина. (Из книги „Ленин"). VII между 122—123.

2. **Анненков, Ю.** Иллюстрация к поэме «Двенадцать» А. Блока. VII между 118—119.

3. **Дени, В.** Лига наций (плакат). II (V) между 30—31.

4. **Дени, В.** Последняя собака Антанты (плакат) II (V) между 102—103.

5. **Дени, В.** Тройка (Колчак). Плакат. II (V) между 162—163.

6. **Добров, М.** «Penseur» Родена. VI перед 3.

7. **Добров, М.** Вольтер. VI между 94—95.

8. **Добров, М.** Мост у Notre dame de Paris. VI между 98—99.

9. **Добров, М.** Улица. VI между 100—101.

10. **Маяковский, В.** Фрагмент плаката. (Окно сатиры РОСТА). II (V) между 204—205.

11. **Моор, Д.** Ты записался добровольцем. (Плакат). II (V) перед. 3 стр.

13. **Моор, Д.** Смерть мировому империализму. (Плакат). II (V) между 56—57.

13. **Моор, Д.** Плакат к II Конгрессу Коминтерна. II (V) между 76—77.

14. **Остроумова-Лебедева, А. П.** Канал в Венеции. I (IV) между 120—121.

15. **Остроумова-Лебедева, А. П.** Решетка Летнего Сада. I (IV) между 122—123.

16. **Остроумова-Лебедева, А. П.** Адмиралтейство под снегом. I (IV) между 124—125.

17. **Остроумова-Лебедева, А. П.** Горный Институт. I (IV) между 126—127.

18. **Фалилеев, В.** У станции. VII перед стр. 3.

19. **Черемных, М.** Фрагмент плаката («Окно сатиры» РОСТА). II (V) между 62—63.

Кроме того, 174 иллюстрации в тексте и 4 цветных диаграммы на складных листах.